

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

**25 ЛЕТ – ПИФК
1994–2019**

4 (66)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2019

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2019
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2019
  - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

**25 YEARS – JHPHCS
1994–2019**

4 (66)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2019

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 5–17
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 5–17
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-5–17

ЛУННИЦЫ И ПОДВЕСКИ ОСОБЫХ ФОРМ В ДРЕВНОСТЯХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва, Россия
drkulakov@mail.ru

Аннотация. Предметом статьи является изучение подвесок из погребений эстиев римского времени. В частности, приведённый в статье анализ формы и изображений на лунницах, обнаруженных в погребальных комплексах юго-восточной Балтии в I тыс. н.э., позволяет сделать следующие предварительные выводы. В начале нашей эры лунницы, части конских оголовий, восходили к античным лунарным символам и своим варварским владельцам служили оберегами. К середине I тыс. в Янтарном крае распространяются «трёхрогие» лунницы, прошедшие три этапа деградации. В V–VI вв. в юго-восточной Балтии известны «птичьи» лунницы, являющиеся дериватами одной из версий германского языческого канона. На завершающей фазе эпохи Меровингов изготовление дериватов «птичьих» лунниц на Мазурах прекращается. В IX–XI вв. в земле пруссов встречены находки лунниц, характерных для скандинавских и славянских древностей. Сравнительно малая представленность лунниц в археологическом материале пруссов указывает, скорее всего, на отсутствие в их культуре атрибутов лунарного культа.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, балты, германцы, лунницы

Первыми среди исследователей европейских древностей обратили внимание на находки подвесок-лунниц, сделанные в юго-восточной Балтии, Иоганнес Хейдек¹ и Эмиль Холлак². Неудачную попытку датировать подвески из могильника Kellaren/Kielary (рис. 2, 8, 10) предпринял известный шведский археолог Нильс

Данные об авторе: Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

¹ Heydeck 1895, Taf. IV.

² Hollack, Bezenberger 1900, Abb. 61, 68.

Оберг³. Обратив внимание на отличие технологических приемов, использованных при изготовлении лунниц (басма) и мазурских фибул (литье), автор отметил близость к серебряным лунницам золотой лунарной подвески с гранулированным декором из Rudau/Мельниково (рис. 2, 6). Крайне важен факт сбора Н. Обергом всех известных к началу XX в. лунниц Мазурского Поозерья, сведенных в следующий массив: 1 экз. – Daumen/Tumiany, 3 экз. – Kellaren/Kielary, 2 экз. – Waplitiz/Waplewo, 1 экз. – Lehlesken/Leleszki, 1 экз. – Mingfen/Miętkie, 1 экз. – Kossewen/Kosewo⁴.

В послевоенное время археологами было уделено незначительное внимание литым бронзовым подвескам лунарной формы («лунницы»), которые появляются в обиходе народов Балтии в римское время и входят в состав предметов с выемчатой эмалью. По мнению И.К. Фролова, такие лунницы возникли в начале нашей эры в Мазурском Поозерье и распространились на просторах Восточной Европы, в том числе и в Среднем Поднепровье⁵. Семантика лунниц данным автором не рассматривалась.

Сделанные в последние годы на Самбии находки лунниц и подвесок особых форм позволяют попытаться представить общую картину появления и развития этих необычных для балтского декоративного искусства предметов, обратиться к их семантическому значению. Ключевой для этого процесса находкой является пара бронзовых, покрытых золотом лунниц из недавно обнаруженного погребения 36 могильника Warten/Шоссейное. По мнению публикатора этих находок, они располагались в верхней и нижней частях налобного ремня богато украшенного оголовья коня некоего знатного воина второй половины V – начала VI в. Декорированные в I Общегерманском зверином стиле, эти «пельтообразные» (т.е. в виде фракийского/амазонского щита эллинистического времени) лунницы относились, как считал публикатор, к фазе Haseloff B⁶. Получивший эти находки с применением весьма сомнительных методических приемов (полевой поиск с металлодетектором), автор ввиду своей неопытности не смог должным образом датировать найденные лунницы. В своих выводах калининградский краевед не учел высказанную мною за год до его публикации точку зрения на подвески из погребения 36 могильника Warten/Шоссейное. Они, действительно, изготовлены в традициях I Общегерманского звериного стиля. Однако хотя лунницы могут иметь раннюю дату (вторая половина V в.), трехлучевая фибула серии Purda, обнаруженная в погребении 36, в целом его сооружение относит ко времени в пределах начала – середины VI в.⁷

Традиция украшать конские оголовья лунницами (очевидно, атрибут лунарного культа) в Балтии восходит к римскому времени и представлена на территории современной Калининградской области двумя комплексами (рис. 1, I, 2). Такая же упрощенная форма «двухрогих» лунниц, восходящая к римским образцам⁸, известна и в Скандинавии на ранней фазе эпохи Великого переселения

³ Åberg 1919, 102, 103.

⁴ Åberg 1919, 102.

⁵ Фролов 1980, 121, 122.

⁶ Skvortsov 2017, 273.

⁷ Кулаков 2016, 31.

⁸ Кулаков 2016, 42.

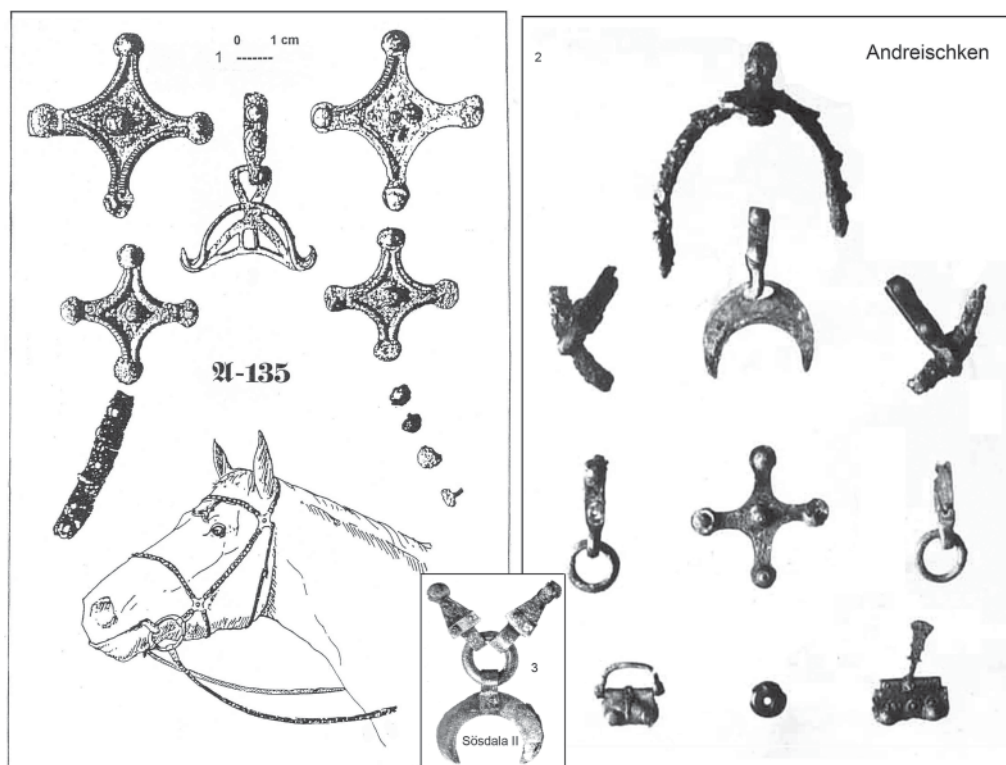

Рис. 1. Лунницы в составе конских оголовий римского времени: 1 – Althof-Insterburg/Черняховск, погр. 135; 2 – Andreischken/Крутое (Кулаков 2016, рис. 155), 3 – Sösdala II (Hellstam 2012, fig. 9f)

народов (рис. 1, 3). Однако основной массив лунниц, известных в западнобалтском материале первой половины I тыс., составляют «трехрогие» подвески.

На фазе C_2 «трехрогие» подвески в небольшом количестве представлены в погребальном материале черняховской культуры и в германских древностях Центральной Европы. С.Ю. Каргапольцев и И.А. Бажан разделили массив таких лунниц, восходящих к римским традициям, на три группы: «с различными инкрустациями и зернью, гладкие и штампованные»⁹ (рис. 2). Эти подвески нередко изготавливались из золота, украшались вставками полудрагоценных камней и зернью, являясь атрибутом убора знатных германских женщин. В 2008 г. «трехрогие» (т.е. с тремя выступами) золотые лунницы в пределах погребальных материалов черняховской культуры были выделены в тип 1 и датированы последней третью III в. н.э.¹⁰

Лунарные подвески с тремя выступами на фазах C_3 -D теряют свой декор и обретают гладкую лицевую поверхность. Наконец, на фазах D_2 -E появляются штам-

⁹ Каргапольцев, Бажан 1993, 113.

¹⁰ Гопкало 2008, 60.

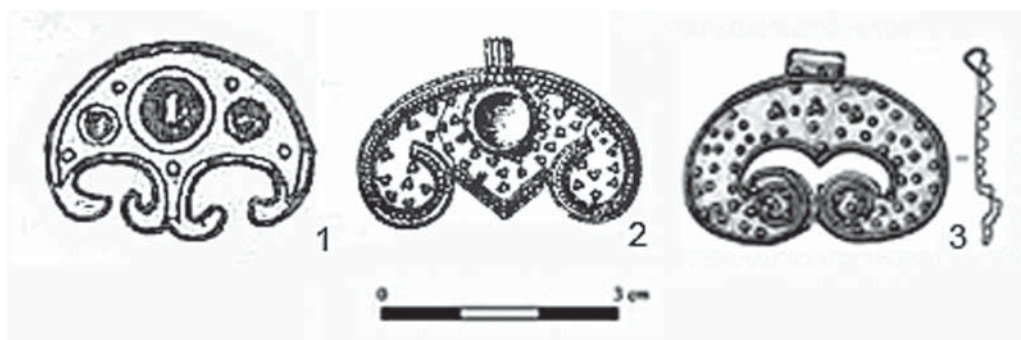

Рис. 2. Трёхрогие лунницы позднеримского времени и их прототип: 1 – Staubing (Германия); 2 – Данчены, погр. 64 (Молдова); 3 – Medenau/Логвино, «погр.» 1 (1, 2 – Каргопольцев, Бажан 1993, рис. 2, 1, 10; 3 – Skvorcov 2014, рис. 2)

пованные лунницы¹¹, совпадающие по времени своего распространения с началом развития стиля Sösdala. К сожалению, ленинградские коллеги в начале 1990-х годов не стали рассматривать семантику ни лунных подвесок позднеримского времени, ни лунниц эпохи Меровингов, лишь констатируя происхождение ранних лунниц от римских пельтообразных украшений¹². Провинциально-римские фибулы указанной формы, возрождавшие в домициановское время эллинистические изобразительные традиции (pelt – традиционное название щита амазонок), известны в западной части лимеса во II в. н.э.¹³

«Трёхрогие» лунницы, входящие в состав конских оголовий, декорированных в стиле Sösdala, и считающиеся деталями «жертвенных» кладов (в сущности – жертвами, принесенными богам вождями или же знатными воинами), распространяются в Скандинавии на фазе D₂ и в Южной Балтии входят в состав женских ожерелий¹⁴. Один из авторов указанной выше фундаментальной статьи предпринял попытку интерпретации формы и изображения на «трехрогих» лунницах. По мнению А.В. Мастыковой, форма «трехрогой» лунницы восходит к подвескам со «сросшимися» концами, составляющими композицию с расположенной вертикально в центре антропоморфной или зооморфной головой, окаймленной двумя клювами или же звериными мордами. Для Скандинавии и Северной Германии такая композиция датируется V – первой половиной VI в.¹⁵ При своем слабом знакомстве с литературой по эпохе Великого переселения народов А.В. Мастыкова осталась неинформированной об интерпретации указанной композиции как языческой иконы «Один и вóроны». Языческая икона, испытавшая влияние раннехристианских канонов (в частности – «Спас нерукотворный») и позднеантичных декоративных приемов¹⁶, распространяется в искусстве франков второй полови-

¹¹ Каргопольцев, Бажан 1993, 115.

¹² Каргопольцев, Бажан 114, рис. 1.

¹³ Böhme-Schönberger 1994, 154.

¹⁴ Казанский, Мастыкова 2018, 118, 119, 123.

¹⁵ Березуцкий, Мастыкова 2016, 230.

¹⁶ Nagy 2002, 158.

ны V в. н.э. Ранее в европейской археологии высказывался тезис о позднееримском происхождении этого канона, который воспроизводился германскими мастерами «благодаря непониманию или же из-за эстетических мотивов»¹⁷.

На самом деле, элитарные заказчики таких изделий с каноном «Один и вороны» пытались пропагандой отеческих культовых ценностей противостоять распространяющемуся во франкской среде христианству. Верховный бог древних германцев на различных изделиях сопровождается не только головками воронов Хугина и Мунина (имена воронов в позднейшей версии культа Одина, отраженной в скандинавских литературных памятниках поствикингского времени), но и других животных, тотемных для различных германских племен¹⁸. Примечательно, что троичность, придаваемая лунницам каноном «Один и вороны», соответствовала форме «трехрогих» подвесок – наследниц пельтообразных римских украшений, еще бывших в употреблении в Скандинавии в начале эпохи Великого переселения народов (см. выше).

Таким образом, становится ясной семантика подвесок из погребения 36 могильника Warten/Шоссейное, являющихся деградированной формой одной из версий канона «Один и вороны», превратившейся в подвеску в форме лунницы. Если в датском материале эти лунницы сохраняют все детали упомянутого канона (рис. 3, 1, 2), то в остальной Скандинавии центральная трапецевидная фигура, заменившая голову Бога, придает луннице «пельтообразную» форму (рис. 3, 3). Примечательно, что лунницы из Warten/Шоссейное, сохраняя примитивные изображения птичьих головок, являются дериватами не северо-европейских артефактов с довольно схематическими изображениями деталей канона, а именно датских лунниц (рис. 3, 4). Этот аспект прямо указывает на источник поступления данных артефактов на Янтарный берег во второй половине V – начале VI в. Линия развития изображения на подвеске из Warten/Шоссейное представлена в деградированном виде на золотой луннице из Medenau/Логвино (рис. 3, 5), датированной раскопщиком фазой C₂¹⁹. Эта находка, относимая к позднееримскому времени, типологически прекрасно встраивается в сериацию предметов эпохи Великого переселения народов и отличается от позднееримских лунниц прежде всего наличием на крайних рогах квази-спиральных образований (рис. 3, 5).

Анализ представленности фигур упомянутого канона и их очертаний позволяют утверждать о наличии процесса дериватизации (точнее – деградации) «птичьих» лунниц (название подтипа предварительное) в эпоху Меровингов. «Пельтообразный» отросток, сменивший голову божества, превращается в третий «рог» (рис. 3, 5, 6), что отмечено не только на подвесках ранней фазы эпохи Меровингов, но и на лунницах типа Гопкало I III в. н.э. Тем самым можно с уверенностью констатировать повторение «птичьими» лунницами линии деградации, проделанной ранее подвесками групп Каргапольцев-Бажан 1–3 (см. выше).

Важно отметить, что процесс деградации «птичьих» лунниц шел исключительно на территории Мазурского Поозерья (точнее – в его западной части). Единственная находка деривата «птичьей» лунницы, сделанная в Rudau/Мельниково (рис. 3, 6), уникальна прежде всего своим материалом (золото).

¹⁷ Nowotny 2008, 314.

¹⁸ Кулаков 1995, 67.

¹⁹ Skvortcov 2014, 278.

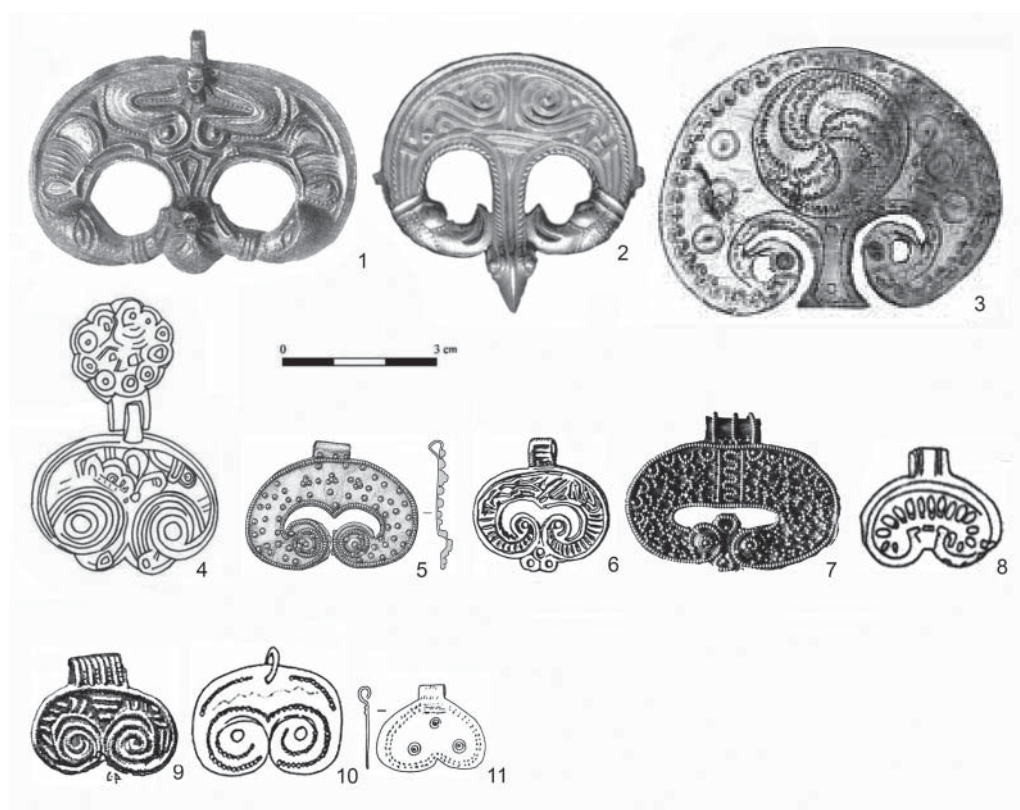

Рис. 3. «Птичьи» лунницы сер. I тысячел. н.э. и их дериваты: 1 – Векень; 2 – Эйсбул; 3 – Фулторфа; 4 – Warten/Шоссейное, погр. 36; 5 – Medenau/Логвино, «погр.» 1; 6 – Kellaren/Kielary, погр. 64; 7 – Rudau/Мельниково (Au); 8 – Lehlesken-Leleszki, погр. 24; 9 – Kellaren/Kielary, погр. 13; 10 – Daumen/Tumiany, погр. 72; 11 – Kellaren/Kielary, погр. 32 (1, 2 – Березуцкий, Мастыкова 2016, рис. 5, 2, 3; 3 – Казанский, Мастыкова 2018, рис. 1, 4; 4 – Кулаков 2016, рис. 7, 2; 5 – Skvorcov 2014, рис. 2; 6 – Jakobson 2009, Taf. 157, d; 7 – Kurt Voigtmann Kartei; 8 – Кулаков 1989, рис. 24, 4; 9 – Jakobson 2009, Taf. 119, f; 10 – Jakobson 2009, Taf. 74, a; 11 – Jakobson 2009, Taf. 135, a)

Напротив, в погребальных женских комплексах VI–VII вв. в западной части Мазурского Поозерья представлены постепенно уменьшающиеся в своих размерах по мере деградации лунницы, первоначально сохранявшие рудименты птичьих головок (рис. 3, 6). В конечном же итоге на этих «птичьих» лунницах головки воронов заменяются волутообразными фигурами (рис. 3, 8–10). Деградация этих лунниц подчеркивается басменным (т.е. имитационным, максимально дешевым технологически²⁰) принципом нанесения изображений на лицевую сторону предмета, при этом тыльная часть лунницы вообще не изготавливается мастером.

²⁰ Кулаков 2017, 105.

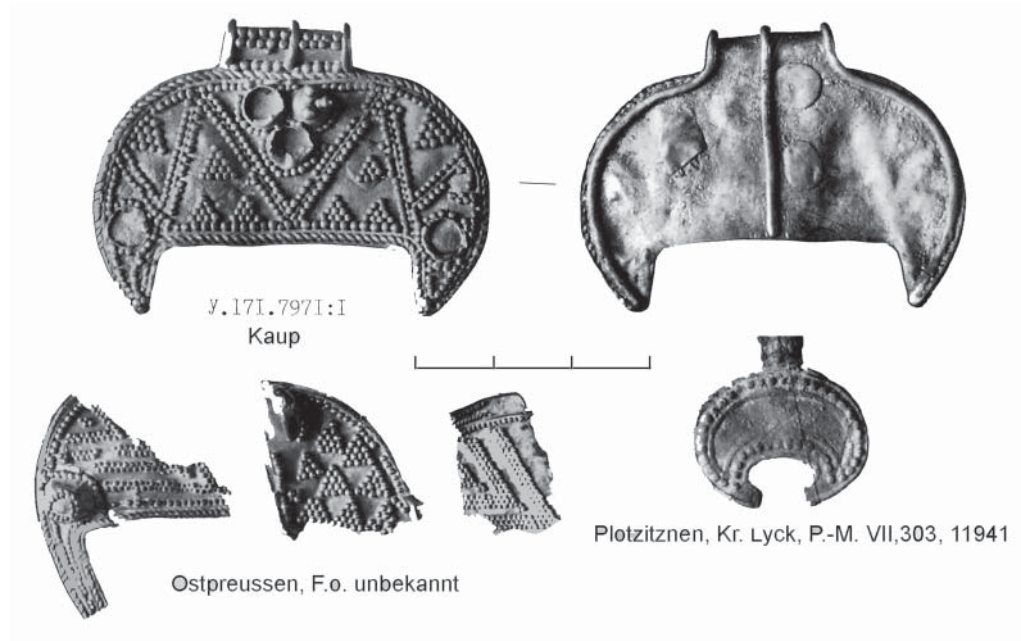

Рис. 4. Серебряные лунницы эпохи викингов (Kurt Voigtmann Kartei)

В любом случае следует отметить факт интереса к древнегерманским изобразительным (и, возможно, культовым) традициям и попыткам тиражирования (пусть и на уровне дериватов) соответствующих изображений у жителей западной части Мазурского Поозерья в VI–VII вв. Прусы на ранней фазе развития своей культуры к этим традициям остались равнодушны.

Косвенным подтверждением высказанного выше тезиса является отсутствие в прусском археологическом материале VIII–IX вв. подвесок-лунниц. Лишь на развитой фазе эпохи викингов в отдельных пунктах Самбии и Мазурского Поозерья встречены находки серебряных и бронзовых лунниц с зерненым орнаментом или с имитацией одного (рис. 4). Подобного рода находки входят в состав ожерелий славянского и скандинавского женских уборов конца X – начала XI в.²¹

Как уже упоминалось выше, в первой половине I тыс. н.э. лунницы в юго-восточной Балтии встречались преимущественно в составе конского снаряжения. Лишь на могильниках в верховьях р. Преголя известны редкие «двурогие» лунницы (рис. 5), предварительно датируемые римским временем. Лунницы, изготовленные в басменной технологии мастерами Литовского Взморья в VI–VIII вв. и являвшиеся принадлежностью погребального женского убора, типологически восходят к «двурогим» лунницам²². Тем самым они продолжают античную традицию использования лунарных подвесок в составе женских ожерелий, зафиксированную на паннонских надгробиях I в. н.э.²³.

²¹ Кулаков 2012, 130.

²² Кулаков 2017, рис. 2.

²³ Garbsch 1965, Taf. 12,1.

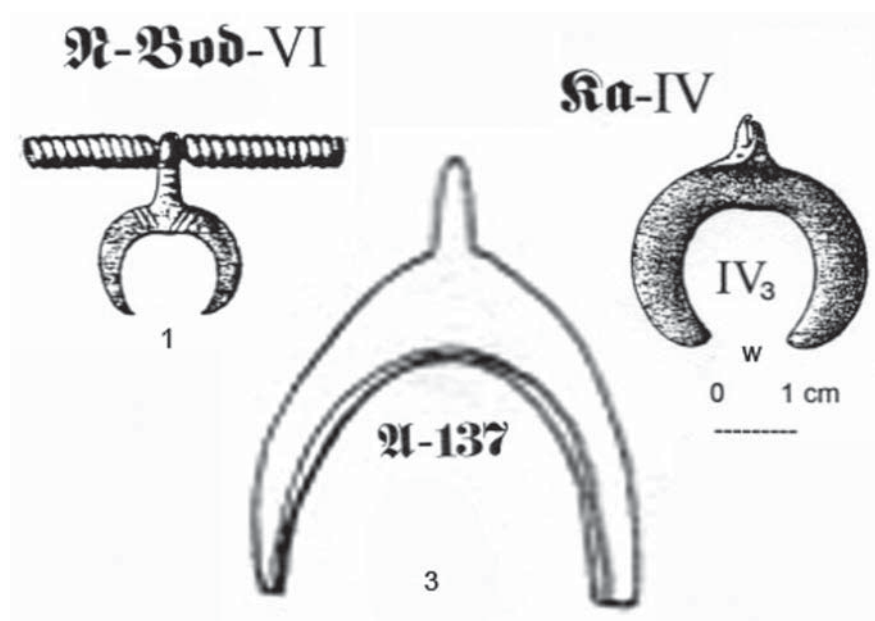

Рис. 5. Лунницы римского времени в составе ожерелий: 1 – Alt-Bodschwingken/Bocz-winki, кург. IV; 2 – Kampischkehmen/Синявино, кург. IV; 3 – Althof-Insterburg/Черняховск, погр. 137 (1 – Tischler 1879, Taf. XXIV, 24; 2 – Tischler 1879, Taf. IV, 19; 3 – Grunert 1939, Taf. V)

Таким образом, следует признать, что, несмотря на фольклорные свидетельства о почитании балтами месяца (миф о «небесной свадьбе» солнца и месяца²⁴), материальные свидетельства почитания эстиями и пруссами упомянутого небесного светила сомнительны. Подавляющее количество лунниц, обнаруженных в древностях первой половины – середины I тыс. н.э. в археологических материалах западной окраины балтского мира, связано с древнегерманскими традициями. Возможно, они связаны с теми германскими этно-культурными элементами, которые разными путями и в разное время попадали на окраину балтского мира в надежде принять участие в янтарной торговле или же благодаря матримониальным связям.

Особое место среди подвесок обитателей западной окраины балтского мира занимают U-образные подвески (декоративная имитация ключей?), встреченные лишь в погребальных древностях западной части Мазурского Поозерья VI в. (рис. 6). Судя по крупным размерам подвесок и длинным отрезкам бронзовых цепочек, к которым они крепились, можно предположить использование этих предметов в качестве поясных привесок. Подобный обычай отмечен у лангобардских женщин именно VI в.²⁵

²⁴ Иванов, Топоров 1980, 154.

²⁵ Anke, Révész, Vida 2008, 59.

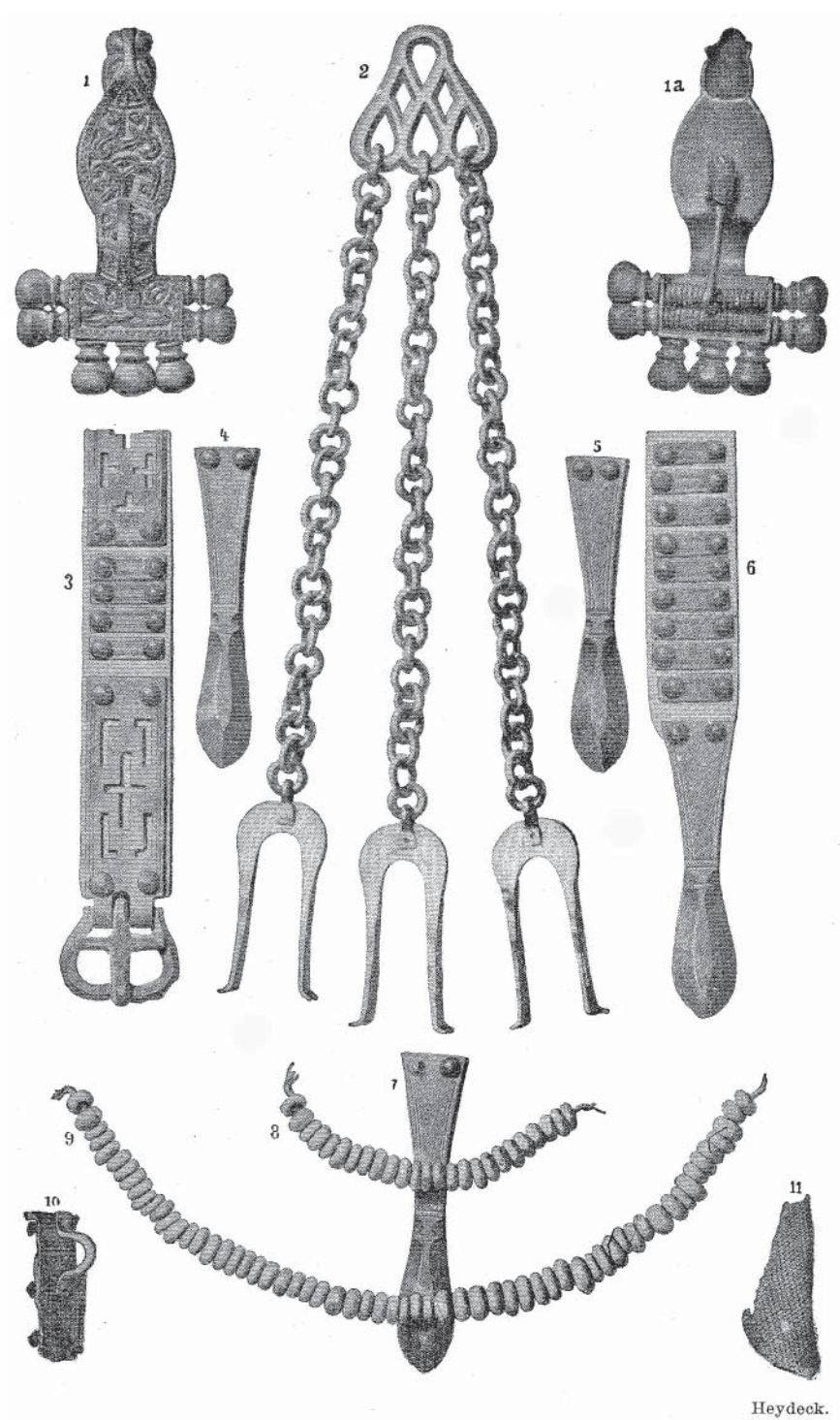

Рис. 6. Инвентарь погр. 147 могильника Daumen/Tumiany (Heydek 1895, Taf. IV)

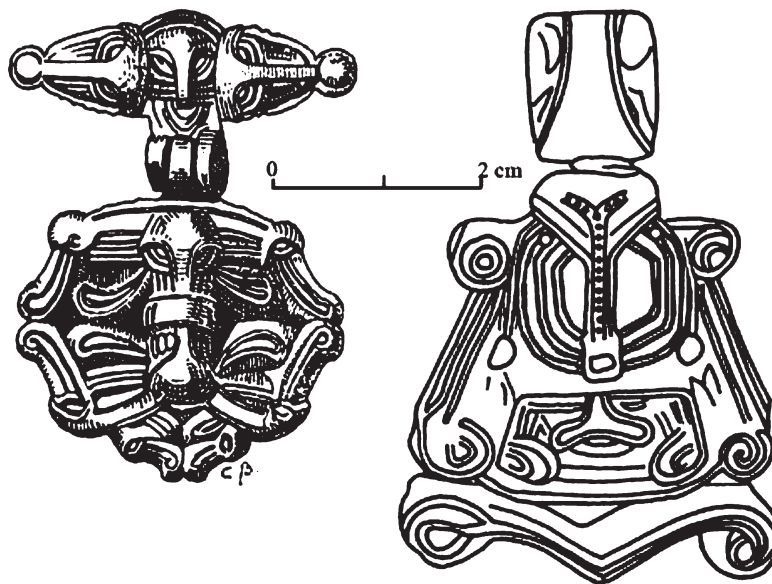

Рис. 7. Подвески особых форм из состава конского снаряжения сер. I тыс. н.э.: 1 – бывш. Warengen; 2 – Medenau/Логвино, погр. 1 (1 – Кулаков 2016, рис. 5, 1; рис. 6, 2)

Кроме лунниц, в древностях пруссов на ранней фазе развития их культуры известны две подвески особых форм (рис. 7). Как и значительная часть лунниц эпохи Великого переселения народов, упомянутые подвески относятся к конским оголовьям. Подвески украшены в традициях I Общегерманского звериного стиля²⁶. Частичные аналогии подвеске из Warengen (V–нач. VI вв.) известны лишь в двух пунктах Европы на территории Швеции и Англии²⁷. Подвеска из Warten/Шоссейное в своих изображениях находит параллели в декоре одной из мазурских двупластинчатых фибул²⁸. Возможно, этот аспект указывает на изготовление данной подвески местным мастером. При учете уникальности изображений на указанных подвесках стоит отметить их симметричные композиции. Это объединяет их с «птичьими» лунницами.

Приведенный в статье анализ формы и изображений на лунницах, обнаруженных в погребальных комплексах юго-восточной Балтии в I тыс. н.э., позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Лунницы, входившие в значительной своей части в состав конских оголовий, в своих ранних формах могли являться атрибутами лунных античных культов, играя в конских оголовьях роль оберегов. «Пельтообразные» лунницы могли перенять в сознании своих варварских хозяев охранительные функции, которыми обладали римские фибулы, имитировавшие щиты-пелты, по определению являвшиеся оборонительным вооружением.

²⁶ Кулаков 2016, 27, 29.

²⁷ Кулаков 2016, 41.

²⁸ Кулаков 2016, 40.

2. Позднеримское время и начало эпохи Великого переселения народов отмечены для культур различных германских и западнобалтских племен распространением (в основном – в черняховском ареале) «трехрогих» лунниц, прошедших три этапа деградации.

3. В V–VI вв. на западной окраине балтского мира распространяются «птичьи» лунницы, являющиеся дериватами одной из версий языческого канона «Один и вороны», поступившего в Янтарный край и на Мазуры из областей на западном берегу Балтийского моря (ныне территория Дании). Как и в римское время, роскошно декорированные «птичьи» лунницы занимают центральные места в конском оголовье, служа оберегами коня и всадника.

4. На завершающей фазе эпохи Меровингов изготовление дериватов «птичьих» лунниц на Мазурах прекращается. Такие дериваты в прусском ареале редки, что свидетельствует об отрицательном интересе пруссов к древнегерманским языческим канонам.

5. В эпоху викингов на земле пруссов представлены отдельные находки лунниц, характерных для скандинавских и славянских древностей.

6. Малая представленность лунниц в археологическом материале пруссов указывает на отсутствие в их материальной культуре атрибутов лунарного культа.

ЛИТЕРАТУРА

- Березуцкий, В.Д., Мастыкова, А.В. 2016: Погребения эпохи Великого переселения народов на левобережье Среднего Дона. *КСИА* 245, 219–243.
- Гопкало, О.В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев.
- Иванов, В.В., Топоров, В.Н. 1980. Балтийская мифология. В кн.: *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 153–159.
- Казанский, М.М., Мастыкова, А.В. 2018: Конское снаряжение эпохи Великого переселения народов из Сёдалы и его Понто-Дунайские параллели. *БИ XXXVI*, 118–142.
- Каргапольцев, С.Ю., Бажан, И.А. 1993: К вопросу об эволюции трёхрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.). *Петербургский археологический вестник* 7, 113–120.
- Кулаков, В.И. 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. по материалам раскопок 1878–1938 гг. В кн.: *Barbaricum-198*. Warszawa, 148–273.
- Кулаков, В.И. 1995: Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. В сб.: И.В. Дубова, И.Я. Фроянова (ред.), *Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности*. Вып. 2. СПб., 58–72.
- Кулаков, В.И. 2012: *Неманский янтарный путь в эпоху викингов*. Калининград.
- Кулаков, В.И. 2016: Звериный стиль в земле пруссов (кон. IV–X вв.). *Исторический формат* 2, 21–58.
- Кулаков, В.И. 2017: Басма в искусстве балтов. *Res Humanitariae XXII*, 104–124.
- Фролов, И.К. 1980: Лунницы с выемчатой эмалью. В сб.: *Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии*. Рига, 111–124.
- Åberg, N. 1919: *Ostpreussen in Völkerwanderungszeit*. Uppsala–Leipzig.
- Anke, B., Révész, L., Vida, T. 2008: *Reitervölker im Frühmittelalter – Hunnen – Awaren – Ungarn*. Stuttgart.
- Böhme-Schönberger, A. 1994: Römische Kaiserzeit im Provinzialrömischen Gebiet und Beziehungen zur Germania magna. In: H. Jankuhn, H. Steuer, R. Wenskus (Hrsg.), *Fibel und*

- Fibeltracht, Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 8, Lief. 5/6. Berlin–New York, 511–523.
- Jakobson, F. 2009: *Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr; Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary*. Bd. 1. Neumünster.
- Garbsch, J. 1965: *Die norisch-pannonische Frauentracht in 1, und 2. Jahrhundert*. München.
- Grunert, W. 1939: Nadrauer Grabungen. *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg* 22, 28–41.
- Heydek, J. 1895: Das Gräberfeld von Daumen und Ruckblick auf einer deutsch-nationalen Kunst. *Prussia* XIX, 65–94.
- Hollack, E. Bezzenberger A., 1900: Das Gräberfeld bei Kellaren. *Prussia* XXI, 136–195.
- Hellstam, A. 2012: *Hunnen eller herulen? – Skånes kontinental kontakt under volkvandringstid*. Högkolan på Gotland.
- Nagy, M. 2002: Synkretische Elemente in der frühawarischen Ornamentik. Zur Frage der awarenzeitlichen Variante des Motivs “Maske bzw. Menschengesicht zwischen zwei Tieren. *Zalai Múzeum* 11, 149–161.
- Nowotny, E. 2008: Die Ornamentik der Zaumzeugbeschlüge von Hauskirchen, Grab 13. In: *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden-Awaren-Slawen*. Bonn, 309–318.
- Skvorcov, K.N. 2014: Zniszczony pochówek z zawieszka lunulowatą z półwyspu Sambijskiego. *Wiadomości archiologiczne* LXV, 277–283.
- Skvortsov, K.N. 2017: Horse equipment from a double grave at Sossejnoe (Preliminary report). In: Ch. Fabeck, U. Näsman (eds.), *The Sösdala Horsemen and the equestrian elite of the fifth century Europe*. Højbjerg, 273–277.
- Tischler, O. 1879: *Ostpreussische Gräberfelder*. Teil III. Königsberg.

REFERENCES

- Berezutskiy, V.D., Mastikova, A.V. 2016. Pogrebeniya epokhi Velikogo pereseleniya narodov na levoberezhye Srednego Dona [Burials of the Great Migration Age peoples on the left bank of the Middle Don]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 245, 219–243.
- Gopkalo, O.V. 2008. *Busy i podveski chernyakhovskoy kul'tury [Beads and pendants of Chernyakhov culture]*. Kiev.
- Ivanov, V.V., Toporov, V.N. 1980: Baltijskaya mifologiya [Baltic mythology]. In: *Mify narodov mira [Myths of the Peoples of the World]*. Vol. 1, 153–159.
- Kazanskiy, M.M., Mastikova, A.V. 2018: Konskoe snaryazhenie epokhi Velikogo pereseleniya narodov iz Syesdaly i ego Ponto-Dunayskiye paralleli [Horse equipment of the Great Epoch migration of peoples from Sösdala and its Ponto-Danube parallels]. *Bosporoskie issledovaniya [Bosporos Studies]* XXXVI, 118–142.
- Kargapoltsev, S.Yu., Bazhan, I.A. 1993: K voprosu ob evolutsii tryekhrogiykh pel'tovidnykh lunits v Evrope (III–VI vv.) [On the Evolution of the Three-Horned Peltoid Lunar in Europe (third to sixth centuries)]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Petersburg Archaeological Bulletin]* 7, 113–120.
- Kulakov, V.I. 1989: Mogil'niki zapadnoy thasti Mazurskogo Poozer'ya kontsa V – nachala VIII vv. po materialam raskopok 1878–1938 gg. [The burial grounds of the western part of Masurian Lake District of the end of the 5th – beginning of the 8th centuries] In: *Barbaricum-1989*. Warszawa, 148–273.
- Kulakov, V.I. 1995: Varianty ikonografii Odina i Tora V–XI vv. [Variants of iconography of Odin and Thor of the 5th –11th centuries] In: *Drevnyaya Rus': novye issledovaniya. Slaviano-rysskiye drevnosti [Ancient Russia: new research. Slavic-Russian antiquities]*. Vol. 2, Saint Petersburg, 58–72.

- Kulakov, V.I. 2012. *Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov* [*Neman Amber Route in the Viking Age*]. Kaliningrad.
- Kulakov, V.I. 2016. Zverinyy stil' v zemle prussov (kon. IV–X vv.) [Animal style in the land of the Prussians (con. 4th – 10th centuries)]. *Istoricheskiy format* [*Historical format*] 2, 21–58.
- Kulakov, V.I. 2017. Basma v iskusstve baltov [Basma in the art of the Baltics]. *Res Humanitariae* XXII, 104–124.
- Frolov, I.K. 1980. Lunnitsy s vyemchatoy emal'yu [Lunar chambers with notched enamel]. In: *Iz drevneyshey istorii baltских народов po dannym arkheologii i antropologii* [*From the ancient history of the Baltic peoples according to archeology and anthropology*]. Riga, 111–124.

MOONS AND PENDANTS OF SPECIAL FORMS AMONG THE SOUTHEASTERN BALTIC REGION ANTIQUITES

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
drkulakov@mail.ru

Abstract. The article is a study of pendants from the Aesti burials of the Roman period. The analysis of the shapes and images of the moons from the 1st millennium AD Southeastern Baltic Sea funerary complexes allows us to draw the following preliminary conclusions. At the beginning of our era, moons as the details of horse headbands ascended to the ancient lunar symbols and were amulets. In the mid-1st millennium, “three-horned” moons were distributed in the Southeastern Baltic region, having gone through three stages of degradation. In the 5th–6th centuries AD, “bird” moons are known in the Southeastern Baltic countries, which are derivatives of one of the versions of the German pagan canon. At the final phase of the Merovingian era, the manufacture of derivatives of “bird” moons ceased in Masuria. In the 9th–11th centuries, the Scandinavian and Slavic moons were to be common in the lands of the Prussians. The small quantity of the lunar moons in the archaeological material of the Prussians most likely indicates their absence among attributes of a lunar cult in their culture.

Keywords: Amber region, Balts, Germans, pendants, moons

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 18–28
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 18–28
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-18–28

ЗАСТРОЙКА ОСНОВНОГО ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИКА ГОРОДИЩА ТАНАИС В I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II в. н.э.

Н.Н. Преснова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
nadezhda_presnova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена застройке основного четырехугольника городища Танаис после его разгрома в конце I в. до н.э. боспорским царем Полемоном. За время исследования памятника Нижне-Донской археологической экспедицией ИА РАН (с 2012 г. археологической экспедицией ГБУК РО «АМЗ «Танаис») на территории цитадели открыт ряд объектов, функционировавших в I – первой половине II в. н.э. Их анализ позволяет сделать выводы относительно основных принципов застройки и планировки города в первые века нашей эры.

Открытые комплексы представлены несколькими группами: оборонительные сооружения, жилые и хозяйственные постройки, общественные сооружения. Анализируя их расположение в рамках основного четырехугольника городища можно выделить функции разных частей города. На западном участке располагалась одна из главных линий фортификации Танаиса, в результате чего здесь достаточно часто проходило обновление построек и перепланировка площадей. Исследованные участки центральной и восточной частей цитадели занимали жилые и хозяйственные постройки. Здесь строительные работы были минимальны, охватывали лишь внутреннее устройство усадеб. Южная часть города – общественный и экономический центр Танаиса. На изученном в ходе работ участке большое внимание уделялось южным городским воротам, а также обновлению расположенной рядом с ними площади. При проведении строительных работ по восстановлению линии фортификации основного четырехугольника городища в конце I – начале II в. н.э. сохраняются общие принципы застройки города.

Ключевые слова: Танаис, постполемоновский период, застройка, фортификация, урбанизация

В результате археологических исследований городища Танаис во второй половине XX – начале XXI в.¹ выделен ряд построек I – первой половины II в. н.э. Они встречены на всех участках основного четырехугольника памятника. Среди объектов можно выделить оборонительные сооружения, хозяйственные и жилые постройки, подвальные помещения, общественные сооружения. Полученные в

Данные об авторе: Преснова Надежда Николаевна – аспирантка Института археологии РАН.

¹ Планомерное изучение городища Танаис проводится с 1955 г. Нижне-Донской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Д.Б. Шелова (затем – Т.М. Арсеньевой) (с 2012 г. – экспедицией ГБУК РО «АМЗ «Танаис» под руководством С.М. Ильяшенко).

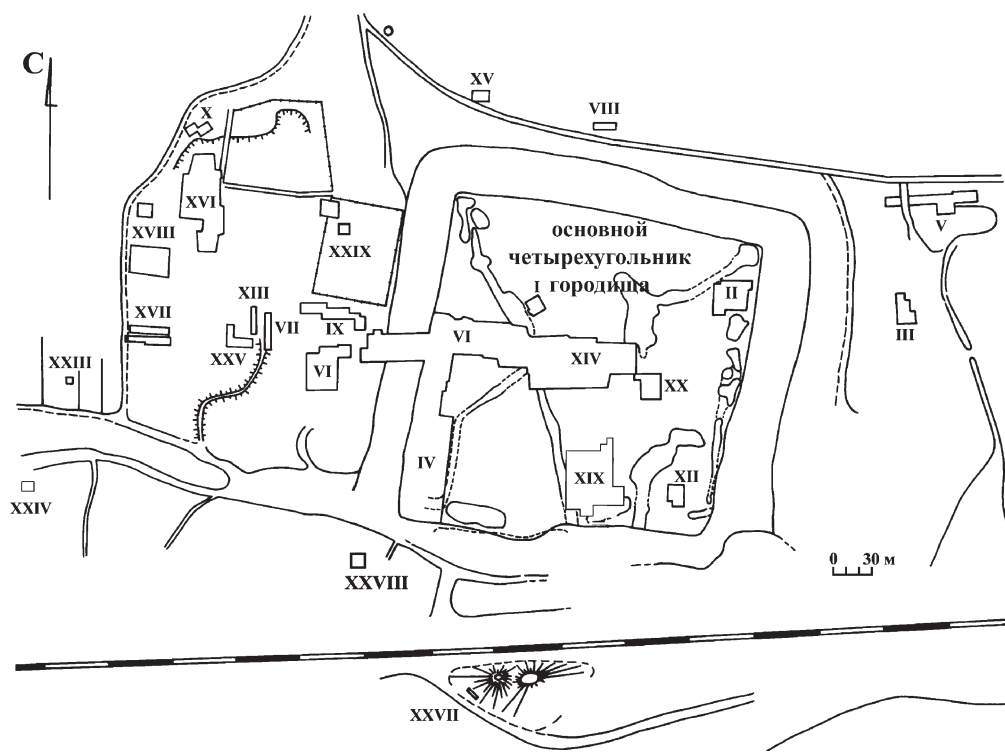

Рис. 1. Общий план городища Танаис

ходе работ данные позволяют реконструировать основные принципы планировки и застройки Танаиса в постполемоновское время. Целью работы является рассмотрение и анализ имеющихся на сегодняшний момент данных по застройке основного четырехугольника городища Танаис в I – первой половине II в. н.э.

Вопрос о восстановлении и структуре фортификационных сооружений Танаиса поднимался в работах Д.Б. Шелова, В.П. Толстикова, Т.М. Арсеньевой, С.А. Науменко, С.М. Ильяшенко². В результате проведенных работ была получена следующая информация о линии обороны города в постполемоновское время.

Восстановление фортификационной системы основного четырехугольника Танаиса после похода боспорского царя Полемона проходило в конце I – начале II в. н.э.³. Проведение масштабных строительных работ фиксируется на исследованных участках западной и южной линий обороны города (раскопы IV, VI, XIX) (рис. 1).

На рубеже I–II вв. н.э. происходит усиление фортификации города. В западной части оборонительные стены II–I вв. до н.э. укрепляются дополнительными

² Шелов 1970; 1972; Толстиков 1981; Арсеньева, Науменко 2006; Науменко 2007; 2013; Ильяшенко 2013.

³ Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969, 10; Шелов, 1972, 15, 26; Арсеньева, Науменко 2006, 20; Науменко 2014, 85; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2011, 139; Ильяшенко 2013, 167.

панцирями⁴. Перед строительством последних мусорный слой I в. н.э. нивелируется. Кроме того, отстраиваются старые и возводятся новые башни⁵, уменьшается расстояние между ними⁶. Одновременно с восстановлением стен очищается оборонительный ров, который проходил по трассе рва эллинистического периода⁷.

При строительстве башен в конце I – начале II в. н.э. часть построек специально разбирается, а поверхность нивелируется мусорным слоем конца I в. до н.э. – I в. н.э. Так, стены помещений Д и А I в. н.э. разбираются при сооружении башни 6⁸. В башне 4 «северная» засыпь I в. н.э. была перекрыта каменной вымосткой из плоских камней⁹. Западная стена башни 3 располагалась на слое глины с мелкими камнями и фрагментами керамики I в. н.э.¹⁰. При исследовании внутрибашенного пространства датирующим материалом горизонта I – первой половины II в. н.э. стали фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типов А/В, В и С (по Д.Б. Шелову¹¹) / вариантов С IVA, С IVB, С IVC (по С.Ю. Внукову¹²), псевдокосских амфор с двустольными ручками типа CI (по С.Ю. Внукову¹³), амфор с воронкообразным горлом типа Зеест 90¹⁴, амфор колхидского производства, оранжевоглиняных амфор II в. н.э. Также в заполнении присутствовали фрагменты краснолаковых сосудов, кружалной (с лощением) и лепной посуды I–II вв. н.э. Необходимо отметить, что среди амфорной тары преобладают фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа С (по Д.Б. Шелову) / варианта С IVC (по С.Ю. Внукову). Нумизматический материал представлен монетами конца I – первой половины II в. н.э. Среди них – сестерции Савромата I (93–123 гг.)¹⁵, сестерции Риметалка (131–154 гг.)¹⁶.

Относительно западной линии обороны необходимо сказать о помещениях, которые были построены к западу от стены эллинистического времени после разгрома города царем Полемоном. Можно выделить два комплекса построек: помещения Б, В, Ж, двор Г (исследованы в 1957 г.¹⁷), помещения А, В, Д, Б (исследованы в 2003 г.¹⁸). В заполнении преобладали фрагменты псевдокосских амфор с двустольными ручками типа CI (по С.Ю. Внукову¹⁹), узкогорлых светлоглиняных амфор типа А/В, В (по Д.Б. Шелову²⁰) / подварианта С IVA₂, варианта С IVB (по С.Ю. Внукову²¹). Примечательно, что постройки не примыкали к стене. Между

⁴ Шелов 1972, 15; Арсеньева, Науменко 2006, 25.

⁵ Шелов 1972, 27, 34; Арсеньева, Науменко 2006, 26.

⁶ Арсеньева, Науменко 2006а, 66.

⁷ Шелов 1972, 35; Науменко 2013, 157; 2014, 85.

⁸ Арсеньева, Науменко 2006, 26.

⁹ Арсеньева, Науменко 2008, 125.

¹⁰ Арсеньева, Науменко 2001, 8–9.

¹¹ Шелов 1978, 18.

¹² Внуков 2003, 120, 202; Внуков 2016, 41.

¹³ Внуков 2003, 95, 202.

¹⁴ Зеест 1960, 117.

¹⁵ Арсеньева, Науменко 2001, п.о. №204.

¹⁶ Арсеньева, Науменко 2002, п.о. № 68.

¹⁷ Шелов 1957, 22.

¹⁸ Арсеньева, Науменко 2003, 13–18; Арсеньева, Науменко 2006, 23–25.

¹⁹ Внуков 2003, 95, 202.

²⁰ Шелов 1978, 18.

²¹ Внуков 2016, 41; 2003, 120, 202.

ними был пешеходный проулок²². Такое расположение построек свидетельствует о том, что на протяжении I в. н.э. не проводились работы по восстановлению фортификации города. В дальнейшем на рубеже I–II вв. н.э. функционирование усадеб прекращается: часть стен разбирается, помещения засыпаются.

Также необходимо отметить, что в I в. н.э. территория перед западным входом в город полностью освобождается от застройки. На ее месте формируется вымощенная площадь. В рассматриваемое время прослеживается два горизонта мостовой: I в. н.э., конец I – первая половина II в. н.э. Примечательно, что подсыпки мостовой совпадают с проведением строительных работ на территории западной части городища. Сохранение и поддержание данной площади на протяжении долгого времени свидетельствует о ее значимости в жизни города. По итогам исследования данного участка авторы отчета предполагали использование площади в качестве торговой²³.

Южная система фортификации в конце I – начале II в. н.э. также укрепляется дополнительными стенами²⁴. Усиление обороны города с юга связано с близостью въездных ворот. В римское время они были повернуты на юго-запад относительно входа эллинистического периода²⁵. К северо-западу от воротного проема была обнаружена плита с надписью об их восстановлении в 108 г. н.э. на средства иностранных торговцев, проживающих в городе²⁶. Новая перестройка южных городских ворот пройдет во II–III вв. н.э. Необходимо отметить, что здесь, как и в западной части городища, был открыт переулок, начало функционирования которого относится к I в. н.э. Но на исследованном участке построек за пределами стен не выявлено.

Восстановление фортификационной системы в конце I – начале II в. н.э. связано со следующими факторами. По мнению Д.Б. Шелова и А.И. Болтуновой²⁷, строительство новых оборонительных стен в I в. н.э. не представлялось возможным. Запрет на проведение работ по обновлению фортификационной системы города со стороны боспорских царей являлся доказательством вхождения Танаиса в Боспорское царство и зависимости от него. На рубеже I–II вв. н.э. восстановление города проходило уже в рамках государственной политики Боспора. Савромату I было необходимо укрепить восточные границы Боспорского царства для отражения набегов варварских племен (сарматов)²⁸.

Кроме того, в первой половине I в. н.э. отмечается кризис в экономическом развитии города²⁹. О налаживании торговых контактов можно говорить лишь с середины – второй половины I в. н.э. В связи с этим к концу I в. н.э. появилась необходимость в укреплении Танаиса с целью защиты интересов местных и иностранных торговцев.

В рамках оборонительных стен территория города была поделена на кварталы, ограниченные улицами и проулками. На сегодняшний день открыты участки

²² Арсеньева, Науменко 2006, 23.

²³ Арсеньева Науменко 2008, 121.

²⁴ Арсеньева, Науменко, Ильяшенко 2011, 139.

²⁵ Ильяшенко 2013, 167.

²⁶ Ильяшенко, 2013, 171; Иванчик, Ильяшенко 2018, 708.

²⁷ Болтунова 1969, 63, 64; Шелов 1970, 233; Шелов 1972, 260–261.

²⁸ Гайдукевич 1949, 335, 337; Зубарь, Русяева 2004, 161; Фролова 1997, 134.

²⁹ Безуглов 2001, 29; Внуков 2006, 265.

основных магистралей города: широтная улица А, меридиональная улица, западная и восточная улицы.

Полотно широтной улицы А проходило по линии З–В. Оно состояло из нескольких горизонтов, охватывающих период II в. до н.э. – середина III в. н.э.³⁰. С юга к полотну дороги примыкал водосток. От широтной улицы отходили переулки, соединяющие между собой усадьбы. В восточной части городища (раскоп XX) был зафиксирован участок меридиональной улицы, проходившей по линии С–Ю³¹. Она образовывала с широтной улицей А перекресток, а на юге (раскоп XIX) выходила к восточной улице, прослеженной к востоку от южной площади города. С другой стороны от площади фиксируется улица западная, вероятно, имеющая схожее с восточной улицей продолжение.

С юга к площади через южные городские ворота подходила въездная дорога³². Она располагалась на искусственно сооруженной вдоль южного склона городища террасе. Для выравнивания поверхности в основании дороги были уложены плоские каменные плиты. Во время исследования данного объекта было выявлено несколько горизонтов подсыпки. Нижний слой включал в себя фрагменты светлоглиняных амфор варианта С IIIб (по С.Ю. Внукову³³), узкогорлых светлоглиняных амфор типа А (по Д.Б. Шелову³⁴) / варианта С IVA (по С.Ю. Внукову³⁵), краснолаковой керамики малоазиатского производства. Кроме этого, был обнаружен дупондий Котиса I (45–68 гг.)³⁶. Верхний уровень дороги состоял из фрагментов керамики II – первой половины III в. н.э. Необходимо отметить, что в отличие от других магистралей на въездной дороге не прослежен горизонт эллинистического времени. Вероятно, это связано со строительными работами и перепланировкой данного участка на рубеже I–II вв. н.э., выразившейся в изменении расположения входа в город.

Таким образом, территория основного четырехугольника городища была поделена на части с помощью городских магистралей. Интересен тот факт, что расположение улиц не менялось на протяжении II в. до н.э. – середины III в. н.э. При изучении полотна дорог прослеживаются горизонты II–I вв. до н.э., I – первой половины II в. н.э., второй половины II – первой половины III в. н.э. Изменения происходят лишь во второй половине IV – начале V в. н.э.

В рамках обозначенных улицами кварталов располагались жилые, хозяйственные и общественные сооружения. Во всех исследованных постройках датирующим материалом слоя I – первой половины II в. н.э. являются фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор гераклеяского производства типов А, В, С (по Д.Б. Шелову³⁷) / вариантов С IVA, С IVB, С IVC (по С.Ю. Внукову³⁸), псевдокосских амфор с двустольными ручками типа CI (по С.Ю. Внукову³⁹), амфор с

³⁰ Арсеньева, Науменко 1992, 95.

³¹ Арсеньева, Науменко 2001a, 56.

³² Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2013, 58.

³³ Внуков 2003, 117, 202.

³⁴ Шелов 1978, 18.

³⁵ Внуков 2003, 120, 202.

³⁶ Арсеньева, Ильяшенко 2008, п.о. №105.

³⁷ Шелов 1978, 18.

³⁸ Внуков 2003, 120, 202; 2016, 41, 43.

³⁹ Внуков 2003, 95, 202.

воронкообразным горлом типа Зеест 90⁴⁰. Кроме того, присутствуют фрагменты краснолаковой посуды, кружальной и лепной керамики, бытовавших в Танаисе в I–II вв. н.э.

В центре южной части городища (раскоп XIX) была открыта незастроенная площадь города. Ее формирование началось во II в. до н.э., в I в. н.э. проходит обновление площади⁴¹. К юго-востоку от нее располагалась постройка 6, выполняющая функции городской цистерны до середины III в. н.э.⁴². В I в. н.э. размеры постройки уменьшаются. При ее исследовании, наряду с фрагментами амфор и других сосудов I – первой половины II в. н.э., в заполнении были обнаружены монеты боспорских царей Аспурга (14–37 гг.) и Котиса I (45–68 гг.)⁴³.

На сегодняшний день постройки и комплексы, которые могли выполнять общественные функции, открыты только в южной части городища Танаис. Вероятно, такое расположение объясняется близостью к южным городским воротам, которые являлись главным связующим звеном между городом и портовой частью. При перестройке Танаиса в конце I – начале II в. н.э. в районе площади у южных ворот ряд построек засыпается, на их месте размещаются вымостки. На остальных исследованных участках основного четырехугольника городища не прослеживается масштабная засыпка помещений с целью организации мостовых и незастроенных площадей. Видимо, в южной части располагался общественный и экономический центр Танаиса. Западный вход в город предназначался, в основном, для местных жителей и степного населения.

Сведения о жилой застройке Танаиса I – первой половины II в. н.э. немногочисленны. Это связано с разрушением помещений в результате более поздних перестроек. В южной части городища среди закрытых комплексов постполюмоновского времени можно выделить два объекта: постройка 4 помещение 3 (I – первая половина II в. н.э.)⁴⁴, постройка 7 помещение 1 (I в. н.э. – рубеж I–II вв. н.э.)⁴⁵. Кроме того, следы перестройки комплексов на рубеже I–II вв. н.э. и слой разрушений середины II в. н.э. прослеживаются в постройках 11, 14⁴⁶, 13⁴⁷, в помещениях построек 3 и 4. В ходе строительных работ подвалы построек засыпаются. Над некоторыми размещаются вымостки (постройка 7 помещение 1, постройка 13). Другие комплексы в дальнейшем перестраиваются и функционируют до середины III в. н.э. (постройка 11, комплекс помещений построек 3 и 4).

В центральной (раскоп XIV) и восточной (раскоп XX) частях городища при исследовании построек II – первой половины III в. н.э. был прослежен горизонт I – первой половины II в. н.э. Примечательно, что в комплексах фиксируется слой эллинистического времени. Видимо, в этой части городища не проходило серьезных изменений в планировке со II в. до н.э. до середины III в. н.э. Среди объектов,

⁴⁰ Зеест 1960, 117.

⁴¹ Арсеньева, Бётгер, Виноградов 1996, 56.

⁴² Арсеньева 2003, 8–9.

⁴³ Арсеньева 2000, п.о. №№2019/1, 2019/2, 2021.

⁴⁴ Арсеньева 1996, 8. Кроме фрагментов и профильных частей амфор, бытовавших в Танаисе в I – первой половине II в. н.э., при исследовании были обнаружены монеты Аспурга (14–37 гг.), Котиса I (45–68 гг.), Риметалка (131–154 гг.) (Безуглов 2001, 285–287, №№ 803, 804, 811).

⁴⁵ Arsen'eva, Fornasier 2003, 249–253.

⁴⁶ Арсеньева 2003, 9, 11.

⁴⁷ Арсеньева, Ильяшенко 2006, 3–5.

в которых прослеживается горизонт I – середины II в. н.э., можно выделить подвал ДИ (усадебная 10, квартал II)⁴⁸, подвал ГО (усадебная 15, квартал III)⁴⁹, подвал ЕХ (усадебная 18, квартал III)⁵⁰, наземную постройку ИФ (усадебная 17, квартал III)⁵¹, подвал В (раскоп ХХ)⁵².

Таким образом, в центральной и восточной частях основного четырехугольника городища Танаис помещения второй половины II – первой половины III в. н.э. располагались на фундаментах ранних сооружений. При этом постройки сохраняли свои границы, в некоторых случаях перестраивались, в результате чего уменьшались их размеры. Связано это с отсутствием на данном участке городища общественных сооружений или крупных площадей, требовавших перепланировки по мере развития города.

Исходя из рассмотренных выше данных, можно сделать следующие выводы о застройке Танаиса в постполюмоновское время. На протяжении I – первой половины II в. н.э. выделяется два строительных этапа. Первые сооружения возводятся в I в. н.э. после похода боспорского царя Полемона. Часть из них разбирается при проведении восстановительных работ на рубеже I–II вв. н.э., остальные продолжают функционировать до середины II в. н.э. Второй этап ограничивается проведением строительных работ на рубеже I–II вв. н.э. при Савромате I (с одной стороны) и разрушением города в середине II в. н.э. носителями позднесарматской культуры (с другой стороны). При этом большинство построек I–II вв. н.э. было перекрыто более поздними сооружениями.

Расположение городских магистралей остается прежним, в некоторых случаях появляются новые переулки или проходы, соединяющие отдельные усадьбы. Яркий пример сохранения планировки города – центральная и восточная части основного четырехугольника городища. Здесь строительные работы в рамках жилых и хозяйственных построек были минимальны, охватывали лишь внутреннее устройство усадеб. Основные перестройки в I – первой половине II в. н.э. фиксируются в южной и западной частях городища, что связано с их функциями. В западной части проходила линия фортификации города, где проводились масштабные строительные работы, направленные на ее укрепление. На открытом участке южной части большое внимание уделялось южным городским воротам, а также обновлению расположенной рядом с ними площади.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева, Т.М. 1996: *Отчет о результатах 4-го сезона работ совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1996 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 225/1.
Арсеньева, Т.М. 2000: *Отчет о раскопках в Танаисе в 2000 г.* АМЗТ НВФ 229/1.
Арсеньева, Т.М. 2003: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2003 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 190/1.
Арсеньева, Т.М., Бётгер, Б., Виноградов, Ю.Г. 1996: Новые исследования в Танаисе. *ВДИ* 3, 54–71.

⁴⁸ Арсеньева, Науменко 1992, 31–32.

⁴⁹ Арсеньева, Науменко 1992, 51–52.

⁵⁰ Арсеньева, Науменко 1992, 80–81.

⁵¹ Арсеньева, Науменко 1992, 67–68.

⁵² Арсеньева, Науменко 2001а, 66.

- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М. 2006: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2006 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 243.
- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М. 2008: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2008 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 244.
- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М., Науменко, С.А. 2011: Исследования на основном четырехугольнике городища в 2009 г. *ИАИАИАНД* 25, 129–140.
- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М., Науменко, С.А. 2013: Исследования городища Танаис в 2011 г. *ИАИАИАНД* 27, 55–68.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1992: *Усадьбы Танаиса*. М.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2001: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2001 г. (Раскоп IV)*. АМЗТ НВФ 211.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2001а: Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. *ДБ* 4, 56–124.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2002: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2002 г. (Раскоп IV)*. АМЗТ НВФ 212/1.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2006: Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003 – 2004 гг.). *ДБ* 10, 18–61.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2006а: Исследования на основном четырехугольнике городища в 2005 г. *ИАИАИАНД* 22, 64–78.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2008: Исследования на городище Танаис в 2006 г. *ИАИАИАНД* 23, 118–130.
- Безуглов, С.И. 2001: *Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.)*: канд. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. М.
- Болтунова, А.И. 1969: Был ли Танаис разрушен Полемоном? *ВДИ* 2, 56–65.
- Болтунова, А.И., Каменецкий, И.С., Деопик, Д.В. 1969: Раскопки западного района Танаиса 1957–1960. В сб.: Д.Б. Шелов (ред.), *Античные древности Подонья-Приазовья*. М., 6–97.
- Внуков, С. Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. (петрография, хронология, проблемы торговли)*. М.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Зеест, И.Б. 1960: Керамическая тара Боспора. (*МИА* 83). М.
- Зубарь, В.М., Русяева, А.С. 2004: *На берегах Боспора Киммерийского*. Киев.
- Иванчик, А.И., Ильяшенко, С.М. 2018: Новые надписи из Танаиса. *ВДИ* 3, 693–710.
- Ильяшенко, С.М. 2013: Южные ворота Танаиса. *Археологические записки* 8, 159–177.
- Науменко, С.А. 2007: Исследования центральной части западной оборонительной линии основного четырехугольника городища (по материалам раскопок 2005 г.). *Вестник Танаиса* 2, 40–65.
- Науменко, С.А. 2013: Новые данные о фортификации Танаиса. *Археологические записки* 8, 145–158.
- Науменко, С.А. 2014: Исследование западного оборонительного рва цитадели Танаиса в 2012 г., *ИАИАИАНД* 28, 84–96.
- Толстиков, В.П. 1981: *Фортификация античного Боспора*: канд. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. М.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. I. М.
- Шелов, Д.Б. 1957: *Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г.* Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1496.

- Шелов, Д.Б. 1970: *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.* М.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.* М.
- Шелов, Д.Б. 1978: Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. Античность и варварский мир. *КСИА* 156, 16–22.
- Arseneva, T., Fornasier, J. 2003: Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais. Mit einem Beitrag von Michael Ulrich. *Eurasia Antiqua* 9, 237–279.

REFERENCES

- Arseneva, T., Fornasier, J. 2003: Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais. Mit einem Beitrag von Michael Ulrich. *Eurasia Antiqua* 9, 237–279.
- Arseneva, T.M. 1996: *Otchet o rezul'tatakh 4-go sezona rabot sovmestnoy russko-nemetskoy arkhеologicheskoy gruppy v Tanaisе v 1996 g. (Raskop XIX)* [Report on results of the 4th season of the joint Russian-German archaeological group in Tanais in 1996 (Trench XIX)]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].
- Arseneva, T.M. 2000: *Otchet o raskopkakh v Tanaisе v 2000 g.* [Report on excavations in Tanais in 2000]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].
- Arseneva, T.M. 2003: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2003 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 2003 (Trench XIX)]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].
- Arseneva, T.M., Boettger, B., Vinogradov, Yu.G. 1996: Novye issledovaniya v Tanaisе [New research of Tanais]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 54–71.
- Arseneva, T.M., Ilyashenko, S.M. 2006: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2006 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 2006 (Trench XIX)]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].
- Arseneva, T.M., Il'yashenko, S.M. 2008: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2008 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 2008 (Trench XIX)]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].
- Arseneva, T.M., Il'yashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2011: Issledovaniya na osnovnom chetyrekhugolnike gorodishcha v 2009 g. [Research on the main quadrangle of the Settlement in 2009]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don] 25. Azov, 129–140.
- Arseneva, T.M., Il'yashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2013: Issledovaniya gorodishcha Tanais v 2011 g. [Research on the Settlement Tanais in 2011]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don] 27. Azov, 55–68.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 1992: *Usad'by Tanaisa* [Manors of Tanais]. Moscow.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2001: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2001 g. (Raskop IV)* [Report on archaeological research in Tanais in 2001 (Trench IV)]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2001a: Raskopki Tanaisa v tsentre vostochnoy chasti gorodishcha [Excavations in the center of the eastern part of the Settlement Tanais]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus] 4, 56–124.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2002: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2002 g. (Raskop IV)* [Report on archaeological research in Tanais in 2002 (Trench IV)]. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve «Tanais»].

- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2006: Oboronitelnye ukrepleniya Tanaisa (po materialam raskopok 2003 – 2004 gg.) [Fortifications of ancient Tanais (based on archaeological research in 2003–2004)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosporus*] 10, 18–61.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2006a: Issledovaniya na osnovnom chetyrehugol'nike gorodishcha v 2005 g. [Research on the main quadrangle of the Settlement in 2005]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [*Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don*] 22, 64–78.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2008: Issledovaniya na gorodishche Tanais v 2006 g. [Research on the Settlement Tanais in 2006]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [*Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don*] 23. Azov, 118–130.
- Bezuglov, S.I. 2001: *Denezhnoe obrashchenie Tanaisa (III v. do n.e. – V v. n.e.)*. [Currency of Tanais (3rd c. BC – 5th c. AD)]. PhD Thesis. Moscow.
- Boltunova, A.I. 1969: Byl li Tanais razrushen Polemonom? [Was Tanais Destroyed by Polemo?]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2. Moscow, 56–65.
- Boltunova, A.I., Kamenetskiy, I.S., Deopik, I.S. 1969: Raskopki zapadnogo rayona Tanaisa 1957–1960 [Excavation on the western region on Tanais 1957–1960]. In: D.B. Shelov (ed.), *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya* [*Antiquities of Don and Azov regions*]. Moscow, 6–97.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – sredina IV v. n.e.)*. [The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. Pt. I. Moscow.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [*The Bosporan Kingdom*]. Moscow–Leningrad.
- Il'yashenko, S.M. 2013: Yuzhnye vorota Tanaisa [The southern gates of Tanais]. *Arheologicheskie zapiski* [*Archaeological notes*] 8, 159–177.
- Ivantchik, A.I., Il'yashenko, S.M. 2018: Novye nadpisi iz Tanaisa [New inscriptions from Tanais]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 693–710.
- Naumenko, S.A. 2007: Issledovaniya tsentral'noy chaste zapadnoy oboronitel'noy linii osnovnogo chetyrehugol'nika gorodishcha (po materialam raskopok 2005 g.) [Research on central part the western defensive line on on the main quadrangle of the Settlement Tanais (by materials on excavation 2005)]. *Vestnik Tanaisa* [*Vestnik of Tanais*] 2, 40–65.
- Naumenko, S.A. 2013: Novye dannye o fortifikatsii Tanaisa [New data about the fortifications of Tanais]. *Arheologicheskie zapiski* [*Archaeological notes*] 8, 145–158.
- Naumenko, S.A. 2014: Issledovanie zapadnogo oboronitel'nogo rva tsitadeli Tanaisa v 2012 g. [Research on the western defensive moat citadel on Tanais in 2012]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [*Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don*] 28, 84–96.
- Shelov, D.B. 1957: *Otchet o polevykh rabotakh Nizhne-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR v 1957 g.* [Report on field work of the Nizhne-Don Archaeological Expedition IHMC Academy of Sciences USSR in 1957]. Arhiv IA RAN [Archive of IA RAS]. F-1. R-1. № 1496.
- Shelov, D.B. 1970: *Tanais i Nizhniy Don v III – I vv. do n.e.* [*Tanais and the Lower Don in the 3rd–1st Centuries BC*]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [*Tanais and Lower Don in the First Centuries of the New Era*]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1978: Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i khronologiya [Light-clay narrow-necked amphorae of the first centuries of AD. Classification and chronology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 156, 16–22.
- Tolstikov, V.P. 1981: *Fortifikatsiya antichnogo Bospora* [*Fortification of Antique Bosporus*]: PhD Thesis. Moscow.

- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)* [*The Black Sea amphorae of the 1st c. BC – the 2nd c. AD. I: Morphology*]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e. Part II. Petrografi ya, khronologiya, problemy trgovli* [*The Black Sea amphorae of the 1st c. BC – the 2nd c. AD II: Petrography, chronology and trade questions*]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshchye raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozднеgerakleyskikh) uzkogorlykh amfor [On the typology, evolution and chronology of lightclay (late heracleian) narrow-necked amphorae]. *Rossiyskaya arkheologia* [*Russian Archaeology*] 2, 36–47.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [*Ceramic vessels of Bosporus*]. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 83). Moscow.
- Zubar, V.M., Rusyaeva, A.S. 2004: *Na beregakh Bospora Kimmeriyskogo* [*On the Shores of Bosporus Cimmerian*]. Kiev.

CONSTRUCTION OF THE MAIN QUADRANGLE OF TANAIS IN 1st C.
– FIRST HALF OF THE 2nd CENTURY AD

Nadezhda N. Presnova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
nadezhda_presnova@mail.ru

Abstract. The article deals with urbanization in of the main quadrangle of Tanais after its defeat at the end of the 1st century BC by the Bosporan king Polemo. During the study of the site by the Lower Don Archaeological Mission of IA RAS (since 2012, the Archaeological Mission «Archaeological Museum-Reserve «Tanais»») a number of objects functioned in the 1st century – the first half of the 2nd century AD was revealed on the territory of the citadel. Their analysis allows us draw a conclusion regarding the basic principles of building and planning of the city in the first centuries AD. Open complexes are represented by several groups: fortifications, residential and farm buildings, public buildings. Analyzing their location within the main quadrangle of the settlement, the functions of different parts of the city can be distinguished. There was the location of one of the main lines of the Tanais fortifications in the western area. As a result, there were often renewed buildings and redeveloped areas. The investigated areas of the central and eastern parts of the citadel occupied residential and household buildings. The construction work was minimal, covering only the internal structure of the estates. The southern part of the city is the social and economic center of Tanais. At the site studied during the work, great attention was paid to the southern city gates, as well as to the renewal of the square located next to them. While carrying out the construction work on the restoration of the fortification line of the main quadrangle of the settlement in the late 1st to the early 2nd century AD, the general principles of building up the city are preserved.

Keywords: Tanais, post-Polemo period, construction, fortification, urbanization

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-29–45

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ФАНАГОРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Н.В. Завойкина

Институт археологии РАН, Москва, Россия
zavoykinan@gmail.com

Аннотация. Статья состоит из двух частей. Первая содержит публикацию десяти граффити из раскопок Фанагории, которые датируются концом VI–IV в. до н.э. Они содержат новые имена жителей города. Эту группу надписей на керамике дополняют уже изданные ранее источники с именами фанагорийцев, в том числе – черепичные клейма и 2-я надпись на свинцовой пластине из Фанагории, которую предлагается датировать на основании палеографии последней четвертью IV – первой четвертью III в. до н.э., а не III–II вв. до н.э., как считали ее издатели. В итоге, к известным 19 именам добавляется еще 32 новых антропонима. Вторая часть посвящена анализу имен, который дополняет наши представления об ономастике фанагорийцев доэллинистического периода. Этнокультурная характеристика имен следующая. Основную группу представляют панэллинские имена. Они распадаются по характеру их образования на простые, композитные и теофорные. Интересно отметить два локальных варианта написания простых имен (Ἀγῡας, Νευμῖνιος). Категория варварских имен, неоднородная в своем составе, распадается на группу фракийских, западноанатолийских и иранских имен. Известно также одно древнеегипетское имя (Ἄμασις). Четыре из них встречены впервые в античном ономастике (Ἀρατρίς, Ἀρπατρίς, Κλαυς, Σονας).

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, античное общество, надписи на керамике, антропонимия, доэллинистический период

В исследовании 2013 г. фанагорийского общества третьей четверти VI–III в. до н.э. было зафиксировано всего 19 антропонимов¹. Очевидно, что это число ничтожно мало и не отражает сложного этнокультурного состава населения Фанагории. В ходе археологических исследований, прежде всего, Верхнего города, акрополя древнегреческого полиса, было обнаружено значительное количество граффити указанного времени. Основное их число составляют 1–2 буквенные надписи², например, граффито ΙΣ, встреченное на нескольких фрагментах столовой посуды и амфорной тары³. Такого рода маркировки не дают уверенного

Данные об авторе: Завойкина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Завойкина 2013, 289.

² Больше четверти века назад были выделены критерии, которые дают основания рассматривать такого рода сокращения как начала имен владельцев сосудов (Яйленко 1980, 79 сл.; 2006, 357–359).

³ Завойкина 2017, 267–268.

восстановления антропонима. Однако имеется группа надписей, которая содержит полные имена или 4-х буквенные сокращения, которые позволяют с высокой степенью вероятности восстанавливать имена их носителей. После 2013 г. была введена в научный оборот целая группа новых фанагорийских надписей на керамике⁴, неучтенными оказались также имена на черепицах фанагорийского производства⁵ и 2-й надписи на свинцовой пластине из Фанагории⁶. В совокупности новые материалы позволяют пополнить корпус имен фанагорийцев доэллинистического времени.

Предлагаемая статья разделена на две части. Первая включает публикацию десяти новых граффити из раскопок Фанагории разных лет. Ее дополняют списки новых и неучтенных ранее имен фанагорийцев. Вторая часть состоит из очерка, содержащего систематизацию и анализ полученных данных, которые связаны с историей фанагорийского общества.

1. НОВЫЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИКЕ ИЗ ФАНАГОРИИ

1. Поддон чернолакового килика, Аттика, последняя четверть VI – первая четверть V в. до н.э.⁷ Найден в 2015 г. при исследовании Верхнего города. На внешней стороне поддона вырезано граффито (рис. 1). Высота букв – ок. 1 см.

Граффито: Σοναδος αὐτῇ ἡ κύλιξ, νή. – Это килик Сонада. Да, это так!

Граффито представляет прекрасный образец владельческой надписи. Имя владельца килика в gen. sing. Σοναδος, что предполагает nom. sing. Σονας. Имя не греческое, прямых аналогий ему не удалось найти. Близкое мужское имя Σανυς известно в надписи римского времени из Галикарнаса⁸. По мнению В. Згусты, имя Σανυς попало в древнегреческий ономастикон из Кари⁹. Отличия в огласовках обоих имен можно объяснить, с одной стороны, локальными особенностями в их произношении. Переход $\alpha > o$ перед плавными согласными (нередкое явление для древнегреческого языка¹⁰), видимо, привел к чтению Σο- в фанагорийском случае вместо Σα-. Появление α в конце основы Σοναδ- вместо ν в Σανυδ- выглядит необычно. Но здесь уместно вспомнить редкое чередование o и ν в имени пафлагонца Δρόσανις / Δρύσανις в надписи на надгробии первой половины IV в. до н.э. из Пантикапея¹¹. В целом имена с основами σανδ- или, как вариант, σανυδ- связываются с регионами Кари, Киликии и Ликий¹². Можно с осторожностью предположить, что имя Σονας происходит из западной части Анатолии. Определенно, что это имя впервые встречено не только в Фанагории, но и в боспорской ономастике.

⁴ Завойкина 2016, 2017, 2018а, 2018б; Балахванцев, Завойкина 2019 – в печати; Zavoykina 2019, 419–429.

⁵ Шелов 1956, 135.

⁶ Сапрыкин, Масленников 2008, 59 – 60. Первое – это письмо о продаже молодого раба Фауллы последней четверти VI в. до н.э. (Vinogradov 1998, 161 ff.).

⁷ Sparkes, Talcott, Richter 1970, 91, pl. 19, № 411.

⁸ Syll3 46.

⁹ Zgusta 1964, 455, № 1372.

¹⁰ Buck 1968, 20, § 5.

¹¹ CIRB 180.

¹² Zgusta 1964, 454–455.

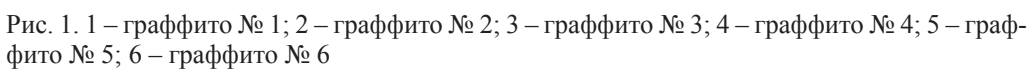

Рис. 2. 7 – граффито № 7; 8 – граффито № 8; 9 – граффито № 9; 10 – граффито № 10; 11 – прорисовка 2-го письма на свинцовой пластине из Фанагории (по: Сапрыкин, Масленников 2008)

2. Фрагмент чернорлакового стемлесса, Аттика, второй – третьей четверти V в. до н.э.¹³ Он был найден в 2006 г. при исследовании Верхнего города. На внешней стороне поддона сохранилось граффито из четырех букв (рис. 2). Две последние буквы вырезаны в лигатуре. Высота букв: 0,6–1,1 см.

Граффито: ΚΟΥ

Чтение: Κού<ος>, Котия (Κου<τίος>, Котития или Κου<τόνου>, Котитона).

Аббревиация вырезана на обычном для владельческих маркировок месте, поэтому имя владельца чаши должно восстанавливаться в gen. sing. Предполагаем, что ΚΟΥ может расшифровываться как Κού<ς> или его дериваты: Κου<τίς>, Κου<τόν>. Все эти имена имеют фракийское происхождение и известны в Западном и Северном Причерноморье, по крайней мере, с V в. до н.э.¹⁴ Надпись подразумевает, что (чаша) принадлежит носителю одного из указанных имен.

3. Поддон чернорлаковой тарелки со штампованно-врезным орнаментом, Аттика, конец V – первая половина IV в. до н.э.¹⁵ Он был найден в 2014 г. при исследовании Верхнего города. На внешней стороне поддона процарапано граффито из четырех букв (рис. 3). Высота букв – 1,3 см.

Граффито: ΣΠΑΡ

Чтение: Σπαρ<τόκου> или Σπαρ<τοκίωνος>.

Сокращение расположено на обычном для владельческих подписей месте и представляет начало имени владельца тарелки, которое должно восстанавливаться в gen. sing. В Фанагории V – первой половины IV в. до н.э. имен на Σπαρ- не встречалось. Известно имя Σπάρτοκος, которое носил тиран Пантикапея в первой трети IV в. до н.э., в честь которого античные авторы именуют правящий род Боспорского государства династией Спартокидов (Polyaen. Strat. VIII. 55; Diod. XII. 31, 1–XX. 100. 7)¹⁶. Имя Спарток входило в наследственный ономастикон членов этого правящего рода, который сохранял власть в государстве вплоть до конца II в. до н.э. В то же время, у нас нет оснований думать, что в конце V – первой половине IV в. до н.э., когда было сделано рассматриваемое граффито, имя Σπάρτοκος было изъято из массового употребления и сохранялось в ономастиконе только семьи пантикапейских тиранов¹⁷. Другое имя с той же основой Σπαρτοκίων известно в агонистическом каталоге III в. до н.э. из Горгииппии¹⁸. Имена Σπάρτοκος и Σπαρτοκίων имеют фракийские корни и были принесены в регион Боспора Киммерийского, скорее всего, выходцами из Западного Причерноморья или северо-западной части Малой Азии¹⁹.

4. Нижняя часть чернорлакового килика, Аттика, тип «Vicus», вторая четверть V в. до н.э.²⁰ Найдена в 2018 г. при исследовании Верхнего города. На внешней стороне поддона процарапана надпись. Высота букв – 0,7 см. Буквы аккуратные, равновеликие.

¹³ Sparkes, Talcott, Richter 1970, 100, тип “Rheneia cup”.

¹⁴ Zgusta 1955, 282 ff., § 565; Тохтасьев 1992, 181–182; LGPN IV, s. v.

¹⁵ Sparkes, Talcott, Richter 1970, 147, pl. 36, fig. 10, № 147, 157.

¹⁶ Завойкин 2006, 220–225; LGPN IV, Σπάρτοκος.

¹⁷ Суриков 2007, 253–257. Высказанное мнение поддерживает надгробие пафлагонца CIRB 170 из Пантикапея второй половины IV в. до н.э. В нем упоминается имя Левкон, которое также входило в ономастикон боспорских правителей, но в надгробной эпитафии это имя отца погребенного.

¹⁸ CIRB 1137, A 253.

¹⁹ Zgusta 1955, 287, § 576.

²⁰ Sparkes, Talcott, Richter 1970, 93, fig. 5, № 437.

Граффито: ΜΗΤΡΙΟΣ.

Чтение: Μητρίος – (чаша) Метрия.

Граффито представляет собой владельческую надпись. ЛИ Μητρίс входит в группу панэллинских имен. На Боспоре оно встречается в Нимфее в IV в. до н.э.²¹ В настоящее время фанагорийский случай один из ранних примеров употребления этого имени в Северном Причерноморье.

5. Нижняя часть чернолакового скифоса, первая половина V в. до н.э. Найдена при исследованиях Верхнего города в 2014 г. На внешней стороне поддона процарапано граффито (рис. 5). Высота букв: 0,6–0,8 см. Форма *альфы* с укороченной и остроугольной левой частью буквы позволяет сузить датировку ближе к началу V в. до н.э.

Граффито: ΗΦΑΙΣ

Чтение: Ἡφαίσ<τίου>, Гефестия / Ἡφαίσ<τίωνος>, Гефестиона.

Аббревиация расположена на обычном для владельческих маркировок месте. Полные имена владельцев обычно стоят в gen. sing. (ср. граффито № 4). Буквы ΗΦΑΙΣ могут выступать началом одного из двух имен, известных в Северном Причерноморье: Ἡφαίστιος, Гефестий, или Ἡφαίστιων, Гефестион. Оба имени входят в группу панэллинских имен. Ἡφαίστιος известно по надписям IV–III вв. до н.э. в Гермонассе²², Истрии, Никонии²³. Ἡφαίστιων – в Нимфее, Калатисе, Пелле, Фесаллониках²⁴. Основания для предположения, что буквы ΗΦΑΙΣ являются сокращением имени бога Гефеста, нет. До сих пор прямых свидетельств почитания Гефеста, супруга Афродиты, не встречено в Фанагории.

6. Стенка от нижней части чаши чернолакового килика, Аттика. Найдена в 2012 г. при исследовании Верхнего города. Высота – 3,6 см, длина – 5,4 см. Сохранилось граффито на внешней стороне стенки (рис. 6). Высота букв – 0,7 см. На месте второй буквы, *альфы*, лак сколот, но очертания буквы сохранились в толще розовой глины. Формы букв: *альфа* с косой центральной перекладиной, *ню* с укороченной центральной частью и наклоненная вправо, *пи* – с очень короткой правой гаской, «узкая» трехчастная *сигма* с разведенными вверх вертикальными усиками, *омега* в форме петельки с плавно изогнутыми наружу боковыми гасками. Все эти палеографические признаки характерны для надписей конца VI – первой половины V в. до н.э.

Граффито: ΠΑΣΙΩΝ - ? -

Чтение: Πασίων, или Πασίων[ος] / Πασίων[ι]

Граффито процарапано на фрагменте нижней части чаши килика, а верхушки букв направлены к ее центру. Такое положение букв указывает, что этот фрагмент является остраконом, который использовали для надписи. Панэллинское имя Πασίων было широко распространено в городах Северного и Западного Причерноморья²⁵. Оно встречается в надписях Пантикапея и Горгиппии²⁶. Однако в Фанагории отмечается впервые. Обращает внимание расстояние между буквами

²¹ CIRB 922.

²² CIRB 1069.

²³ LGPN IV, Ἡφαίστιος.

²⁴ LGPN IV, Ἡφαίστιων.

²⁵ LGPN IV, Πασίων.

²⁶ CIRB 82, 499, 1137 A 18.

1–1,5 см и скол после концевой *ню*. В совокупности эти наблюдения дают основания думать, что имя могло стоять в одном из косвенных падежей (в gen. sing. – Πασίων[ος] или dat. sing – Πασίων[ι]) и выступать, таким образом, частью какой-то надписи. С другой стороны, скол после *ню* не позволяет однозначно заключить, было ли продолжение в фанагорийской надписи после имени Пасиона. Известно, что в политических остраконах имя политика, за которого голосовали, писалось в nom. sing.²⁷ Однако, учитывая состояние фрагмента, рассматривать надпись «Πασίων» в качестве свидетельства политического остракизма в Фанагории классического времени все же проблематично, поскольку для такого серьезного заключения столь краткий фрагмент не дает веских оснований.

7. Венчик чернолакового килика (стемлесса?), Атика, последняя четверть V – первая половина IV в. до н.э. Найден при археологических исследованиях Верхнего города в 2013 г. Высота – 3,1 см, длина – 5,2 см. По краю венчика процарапано граффито (рис. 7). Высота букв – 0,8 см, *омикрон* – 0,5 см. Надпись выполнена достаточно ровными в пропорциях буквами, только *омикрон* несколько меньше других букв. Формы букв характерны для середины IV в. до н.э.: *альфа* со скошенной центральной гасой, *каппа* с укороченными усиками; *омикрон* чуть меньшего, чем остальные буквы, размера²⁸; *сигма* с несильно разведенными вверх боковыми гасами; *ипсилон* на короткой «ножке»²⁹.

Граффито: - ? - ΟΣΟΔΑΣΙΚΥΣ - ? -

Чтение: [- ? -]οσδ Δάσι κύς[θφ? - ? -].

Предполагаем, что Δάσι (= resp. Δάσει) является dat. sing. личного имени Δάσις, отмеченного в Киликии.³⁰ Передача дифтонга ει > ī получила распространение в надписях, в том числе и боспорских городов, с I в. до н.э.³¹ Это языковое явление встречается в надписях с конца VI в. до н.э.³² На Боспоре оно известно в граффити из храма Афродиты в Нимфее середины III в. до н.э.³³ Имя Δάσις упоминается в боспорских надписях первых веков в формах Δάσεις³⁴ и Δάσιος³⁵. Последний вариант также представлен в надписях Дакии³⁶, Мигдонии, Фракии³⁷, Южной Италии³⁸. Предшествующие Δάσι буквы можно интерпретировать как ионийскую форму флексии существительного или прилагательного в gen. masc. sg.: -οσδ = οσου. Окончание имен существительных с основой на -ο в gen. masc. sg. на -ας / -ος до конца IV в. до н.э. могло передаваться в боспорских надписях через δ, а не дифтонг ου³⁹. После ΔΑΣΙ сохранились буквы ΚΥΣ-. В осторожной форме

²⁷ Lang 1990, 19–20.

²⁸ Тохтасьев 2008, 48; Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 935–936.

²⁹ Только с 3-й четверти IV в. до н.э. в частных надписях на керамике в Северном Причерноморье появляются курсивные *сигма*, *омега* (Яйленко 1995, 232, рис.14; Awianowicz 2011, 237–239; Завойкина 2016, 103–104).

³⁰ Tochtas'ev 2007, 102; LGPN Vb, Δασίς.

³¹ CIRB 119, 124, 125, 127, 131, 1057, 1087 и пр.; Доватур 1965, 803, § 8.1.

³² Buck 1968, 31, § 29; Threatte 1980, 196; Тохтасьев 1999, 185, № 50.

³³ Тохтасьев 2006, 296.

³⁴ Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 682, 686.

³⁵ CIRB 1057.

³⁶ LGPN IIIa, s. v.

³⁷ LGPN IV, s. v.

³⁸ LGPN IIIa, s. v.

³⁹ CIRB 916, 993. Подробнее см. граффито № 8.

можно предположить, что они выступают началом сущ. ὁ κύσθος, которое входило в сферу обсценной лексики древних греков. Надписи с обсценной лексикой нередко встречаются среди античных граффити⁴⁰. Слово κύσθος встречено в значении *rudenda muliebria* у Эвпола и Аристофана (Eur. 233; Ar. Ach. 782). У Гезихия слово κύσος эквивалентно κύσθος, которое обозначает πυγή (Hesch. s.v.). Также слово ὁ κύσθος (= κύστις) выступает эквивалентом κύσος, мочевого пузыря (Hdt. 2. 44). С определенной долей сомнения можно предложить чтение: [- ? -]οσδ Δάσϊ κύσ[θω? - ? -]. Неисключено, учитывая расположение граффито под венцом, что оно относится к категории застольных надписей⁴¹.

8. Фрагмент нижней части чернолакового скифоса, Аттика, вторая половина V – начало IV в. до н.э. Найден в 1985 г. при исследовании Южного города. Макс. высота – 3,6 см, диаметр поддона – 7,9 см. На внешней стороне поддона процарапано тонкими буквами граффито (рис. 8). Высота букв – 0,9–1 см.

Граффито: ΚΑΛΛΙΟ

Чтение: Καλλιῶ, Каллия.

Надпись «Καλλιῶ» вырезана в gen. sing. poss. и расположена на обычном для владельческой маркировки месте. Этот антропоним в nom. sing имеет форму Καλλίας. Флексия имен существительных в gen. masc. sg., оканчивающихся в номинативе на -ας / -ος, до конца IV в. до н.э. могло передаваться в боспорских надписях через -ῶ, а не -ου, например: Ἀργαῖῶ, Ἐκατωνύμῶ, Ἰκεσίῶ⁴². Это явление связано с распространением ионийского субдиалекта древнегреческого языка в боспорском регионе⁴³. Имя Καλλίας отмечено в ономастиконе Пантикапея второй половины IV в. до н.э.⁴⁴, а в форме Καλλίης на сосуде третьей четверти V в. до н.э. из Гермоны⁴⁵. Форма Καλλίης редкая, отмеченная пока только один раз, в отличие от панэллинского Καλλίας, встреченного не только на Боспоре, но в других регионах античного мира⁴⁶.

9. Половина поддона чернолаковой тарелки со штампованным орнаментом в центре в виде четырех листьев аканфа, окруженных косыми насечками, Аттика, 370–350-е гг. до н.э.⁴⁷ Он найден в 1955 г. при работах на раскопе «Береговой» в Фанагории⁴⁸. На внешней стороне поддона сохранилась фрагментарно надпись, процарапанная по его периметру (рис. 9). Первое слово – ΟΡΧΑ. Высота букв – 0,7 см. Свободное поле перед *омикрон* показывает, что других букв перед ним не было и слово сохранилось полностью. Оно вырезано несколько меньшими по раз-

⁴⁰ Тохтасьев 2006, 294–295; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 146–148, Завойкина 2018, 68; Яйленко 2018, 312–320.

⁴¹ Фрагментарность надписи позволяет предложить и другой вариант реконструкции: -?-ο Σοδас Ικυσ-?-, в котором ЛИΙ Σοδас представляет локальный вариант имени Σαδас (ΜΑΜΑ 8, 163). Буквы Ικυσ-, предположительно, выступают началом нового, ближе неизвестного, имени. Но в случае такой реконструкции структура и тип надписи не определяются.

⁴² CIRB 916, 993, 1102.

⁴³ Тохтасьев 2011, 675.

⁴⁴ CIRB 201.

⁴⁵ LGPN IV, Καλλίης.

⁴⁶ LGPN IV, Καλλίας.

⁴⁷ Sparkes, Talcott, Richter 1970, 146–147, fig. 10, № 1037.

⁴⁸ Раскоп «Береговой» располагался в восточной части береговой зоны Фанагории и исследовался экспедицией под руководством М.М. Кобылиной в 1955, 1962 (Паромов 1993, 134, № 56).

меру буквами и убористей, чем вторая надпись. От второго слова сохранилось две первые буквы NE. Буквы крупные, их высота – 1,5 см.

Граффито: OPXA vac. | NE - ? -

Чтение: Ὀρχά<μου> | NE - ? -

Лексема Орχα имеет обычное для владельческих надписей сокращение из четырех букв и вырезано также на традиционном для них месте – на внешней стороне поддона. Она восходит к имени Ὀρχαῖος. Антропоним Орхам отмечен как имя мифического ахеменидского царя персов (Ovid. Met. IV. 212). Это имя входит в круг иранской антропонимии Боспора и известно в Горгиппии второй половины V в. до н.э.⁴⁹ В Фанагории оно встречалось и прежде в клеймах «ОРХАМОУ» на черепице боспорского производства⁵⁰. Предполагаем чтение имени в граффито как Ὀρχά<μου>, Орхама, поскольку владельческие надписи ставились в gen. sing. ross. В виду краткости сохранившегося текста буквы NE- сложно интерпретировать.

10. Фрагмент поддона чернолакового стемлесса, Аттика, вторая четверть – середина V в. до н.э. Найден в 2014 г. при исследованиях Верхнего города в слое первой половины V в. до н.э. На внешней стороне поддона процарапано граффито. Перед *каппой* виден нижний край косой черты, возможно, принадлежащий *альфе*. После *омикрон* сохранилась левая часть *ню* – вертикальная черта, от верхнего края которой вправо и вниз идет косая черта.

Граффито: - ? - ΚΛΑΥΣΟΝ - ? -

Чтение: - ? - Κλαύς ov- ? -

Восстановить тип надписи достаточно затруднительно, но, основываясь на нормативах древнегреческого языка, полагаем, что в надписи упомянуто в nom. sing. мужское имя Κλαύς. Такое имя не встречалось в антропонимии Северного Причерноморья. Можно было бы предложить чтение хорошо известного имени Κ<α>λοῦς, в котором пропущена неударная *альфа*⁵¹. Против такой интерпретации выступает аккуратность, равновеликость букв, ровность строки в граффито. Очевидно, что его автор не спешил и процарапывал буквы внимательно. Другой возможный вариант – неправильное написание генетивного окончания - κλαύς вместо - κλεούς какого-то имени, оканчивающегося в номинативе на - κλης (Софокλῆς и пр.). Однако в надписях II–I вв. до н.э. и римского времени из городов Киликии Трахеи встречены мужское имя Κλους⁵² и женское имя Κλουης⁵³, которые близки к рассматриваемому. Эти имена проникли в эллинский ономастикон из среды местного населения Киликии. Отличия между Κλαύς и Κλους прослеживаются в корневой огласовке: Κλα- и Κλο-. Чередование α > ο в словах отмечено неоднократно в письменных источниках⁵⁴. В надписях Северного Причерноморья встречается, в частности, переход неударного α в ο во фракийском имени Σπάρτα-

⁴⁹ Орхамом звали одно из сыновей Горгиппа, эпонима Горгиппии (Яйленко 1990, 289–290); CIG 856 6b; CIRB 1137 A 133, B 240.

⁵⁰ Гайдукевич 1935, 308, № 65.

⁵¹ CIRB 76, 81, 123, 440 и пр.

⁵² Zgusta 1964, 236, § 628-1; LGPN Vb, s.v. Известен и другой вариант написания – Κλως (SEG 6, 538; Zgusta 1964, 236, § 628-2).

⁵³ LGPN Vb, s. v.

⁵⁴ Buck 1968, 20, § 5, 6.

κος / Σπάρτοκος⁵⁵. Сказанное подводит к предположению, что фанагорийское имя Κλαυς представляет, по всей видимости, местный вариант киликийского антропонима Κλους.

Итак, новые граффити пополняют антропонимию Фанагории еще десятью именами.

Клейма на черепицах, найденные в Фанагории, сохранили имена местных владельцев черепичного производства и заказчиков⁵⁶ примерно второй половины IV – начала III в. до н.э. Они дополняют список антропонимов Фанагории. Это три имени: Διότιμος, Πανθήρος, Νεοκλέους⁵⁷.

В 2008 г. С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников опубликовали список имен на свинцовой пластине, найденной случайно в прибрежной полосе городища Фанагория⁵⁸. В ней они вычитывают семь имен: Διονύσιος, Αριουσαλής, Ἀμασις, Σόλων, Σῶσις, Ἀδούξης, Προμηθύων. На основании форм букв, которые исследователи сравнивают с палеографией лапидарных надписей Боспора, они датируют надпись III–II вв. до н.э. Они осознают, что такой подход к датировке памятника неправильный с методической точки зрения, но полагают, что «других зацепок для датировки пластины нет»⁵⁹. С такой формулировкой нельзя согласиться. Остановимся еще раз на формах букв 2-й фанагорийской надписи на свинцовой пластине (рис. 11). Обращает внимание разного размера *омикрон* в надписи: то он одинаковой высоты с остальными буквами (стк. 1–2), то меньшего размера в центре строки (стк. 4, 6–7). Такой прием в написании *омикрона* получает распространение в граффити и свинцовых письмах примерно с последней трети IV в. до н.э.⁶⁰ Также встречаются формы букв, характерные как для второй половины V в. до н.э., так и для второй половины IV – первой половины III в. до н.э. *Альфа*: в стк. 3 она «остроугольная» или со скошенной влево центральной перекадиной (2 стк.), как в раннеклассических надписях, в остальных строках видим «традиционную» *альфу* с прямой или ломанной гасой в центре. *Ню* имеет два варианта начертания: равновеликая с прямыми ровными вертикалями (стк. 1), получившая распространение с середины IV в. до н.э., и с укороченной правой частью и небольшим наклоном вправо, характерная форма надписей V – третьей четверти IV в. до н.э. Форма *омеги* в виде петельки с отведенными в разные стороны нижними боковыми гасами находит аналогии также в новом письме из Мирмекия последней четверти IV в. до н.э.⁶¹ Курсивная *сигма* использована в 2-й фанагорийской надписи на свинцовой пластине как в центре слов, так и в их номинативных окончаниях (стк. 1–6). Это наблюдение стало веским аргументом для отнесения надписи к эллинистическому времени⁶². Однако известны надписи, в которых использовалась только курсивная *сигма*, по крайней мере, со второй половины IV в. до н.э., из поселений Северного Причерноморья⁶³. Формы *эты*, *мю*, *ро* с подтреугольным

⁵⁵ LGPN VI, Σπάρτακος; Σπάρτοκος. См. также CIRB 480, 1162. Эта же тенденция сохраняется в имени Σπάρτακίων / Σπάρτοκίων (CIRB 1137 A 253, B 258; CIRB 113520).

⁵⁶ О характере клеймения боспорской черепицы и проблемах ее изучения: Кузнецов 2008, 392–400.

⁵⁷ Гайдукевич 1935, 302, № 17, 308, № 66; Шелов 1956, 135.

⁵⁸ Сапрыкин, Масленников 2008, 50–61.

⁵⁹ Сапрыкин, Масленников 2008, 51.

⁶⁰ См., например, Тохтасьев 2008, 48; Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 935–936.

⁶¹ Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 935–936.

⁶² Сапрыкин, Масленников 2008, 50–51.

⁶³ Яйленко 1995, 232, рис. 14; Awianowicz 2011, 237–239; Завойкина 2016, 103–104.

сегментом на высокой ножке, *ипсилон* с плавно изогнутыми наружу верхними усиками находят аналогии, например, в упомянутом выше новом мирмекийском письме на свинцовой пластине. Отметим, что 2-я фанагорийская надпись на свинцовой пластине имеет свои особенности: в 7 стк. *пи* с равновеликими боковыми гачами, апексация только у *мю* в 3 стк. и *лямбды* в 4 стк. Эти незначительные неточности следует рассматривать не как признаки времени, а, скорее, как особенности авторского подчерка. В совокупности сказанное, позволяет датировать 2-ю надпись на свинцовой пластине из Фанагории последней четвертью IV – первой третью III в. до н.э.

Преобладает мнение, что в период от начала колонизации Боспора и приблизительно до третьей четверти IV в. до н.э. на Боспоре господствовал ионийский диалект⁶⁴. Все надписи и большинство граффити этого времени из боспорских городов, Березанского поселения, Ольвии написаны на милетском наречии⁶⁵. Эти выводы не подлежат сомнению. Однако случай с Фанагорией нуждается в небольшом уточнении. Согласно Геродоту (I. 142), в Теосе говорили на наречии несколько отличном от милетского. Это наблюдение древнего историка, возможно, поддерживают отмеченные фонетические явления, неизвестные в боспорских, березанских и ольвийских надписях конца VI – первой трети IV в. до н.э.:

– ассимиляция $\iota > \upsilon$ в граффито конца VI – первой четверти V в. до н.э. (Νύση = resp. Νίσση) и в письме последней четверти V – начала IV в. до н.э. (Ἀγύ-αζ = resp. Ἀγίας)⁶⁶;

– ассимиляция $\omega > \bar{o}$ в граффито конца V – первой трети IV в. до н.э. (Ἀτό-της = resp. Ἀτότης)⁶⁷.

2. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ОНОМАСТИКЕ ФАНАГОРИИ ДООЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Новые фанагорийские имена можно разделить на несколько этнокультурных групп. Первая – это собственно древнегреческие имена: Διότιμος, Ἡφαίστιος (или Ἡφαίστιων), Καλλίας, Μῆτρις, Νεοκλέους, Πασίων, Πανθήρος. Эту группу дополняют следующие мужские имена: Διονύσιος⁶⁸, Σόλων, Σῶσις, Προμηθύων⁶⁹, Πανσανίας и Καλλιγένης⁷⁰, Ἐυβιος⁷¹, Νευμήνιος (= resp. Νουμήνιος)⁷², Στρατο[κλῆς?]⁷³, Πολέμαρχος, Ἡγησαγόρης, Ἀθηνόδωρος, Ἀγύας (= resp. Ἀγίας⁷⁴)⁷⁵.

⁶⁴ Тохтасьев 2011, 675.

⁶⁵ Тохтасьев 2011, 675.

⁶⁶ До этого один из ранних случаев подобной ассимиляции встречен в граффито середины III в. до н.э. из храма Афродиты в Нимфее: Δυνυσίδωρος < *Δινυσι<δ>δωρος (Тохтасьев 2006, 296).

⁶⁷ Форма Ἀτότης встречена также на надгробии второй половины IV в. до н.э. из Пантикапея (CIRB 170).

⁶⁸ Имя Дионисий встречалось прежде в Фанагории (Завойкина 2013, 286, № 142).

⁶⁹ Сапрыкин, Масленников 2008, 52, 54, 55–56.

⁷⁰ Завойкина 2017, 269 ; Павличенко 2017, 386 № 344Б.

⁷¹ Завойкина 2018а, 67–68.

⁷² О форме ЛИ Νευμήνιος см.: Яйленко 1995, 217 сл.

⁷³ Завойкина 2018б, 225–231.

⁷⁴ Это имя отмечено в ономастике Фанагории второй половины IV в. до н.э. (CIRB 973; Завойкина 2013, 249, № 9).

⁷⁵ Надпись датируется по палеографическим признакам второй половиной V – началом IV вв. до н.э. (Zavoykina 2019, 421–423).

Вторая группа представлена фракийскими именами: Σπάρτοκος (или Σπартοκίων), Κότυς (или Κοτυτίς, Κοτυτών), Ἀριουσαλῆς и Διονῦς⁷⁶. Можно предположить два региона происхождения носителей этих имен – западное Причерноморье или северо-запад Малой Азии. В третью группу входят имена, видимо, выходцев из западной части Анатолии или их потомков, осевших в Фанагории: Ἀδοῦξης⁷⁷, Ἀτότης (= resp. Ἀτώτης)⁷⁸, Δασίς, Κλαύς, Σονας. К этой же группе примыкает женское имя Νύση (= resp. Νίσση).⁷⁹ За исключением имени Атота, остальные имена из разных регионов Анатолии встречены впервые в антропонимии Северного Причерноморья. Употребление имени Ἀτότης в Фанагории представляет один из самых ранних случаев в боспорской ономастике. В четвертую, иранскую, группу имен входят Ὀρχαμος, а также Арпатрис и Аратрис из круга скифской антропонимии раннего Боспора⁸⁰. Имена Аратрий и Арпатрий встречены впервые.

Особняком стоит имя Ἀμασίς, имеющее египетские корни, но вошедшее в эллинскую антропонимию уже в VI в. до н.э.⁸¹ Учитывая этот факт, предполагается, что имя «Амасис» принадлежало греку в Фанагории, хотя в его роду могли быть и выходцы из Египта⁸².

Суммируя имеющиеся сведения, можно заключить, что к настоящему времени к уже учтенным 19 антропонимам следует добавить еще 34 личных имени жителей Фанагории, населявших город в последней четверти VI–IV в. до н.э. Фракийские, малоазиатские и иранские имена, а также имя «Амасис» входят в категорию варварских имен (всего 14 из 34) и маркируют достаточно высокую миксацию среди новой группы населения города, почти 30%, в доэллинистическую эпоху. Нужно принять во внимание, что варварская антропонимия Фанагории не была однородной в хронологическом плане. В этой группе выделяются имена, вошедшие в эллинский ономастикон еще в V в. до н.э. (Орхам, а также Котий, Спарток и их дериваты) и в IV в. до н.э. ставшие обычными в боспорском социуме. Присутствие анатолийской группы имен в Фанагории с конца VI в. до н.э. находит объяснение в оживленных торгово-экономических и культурно-религиозных связях города с полисами, располагавшимися в прибрежных районах Малой Азии и близлежащих островах практически с момента его основания.

Если говорить о систематизации полученных результатов, то выделяются три категории имен. Первая категория объединяет 18 греческих имен, входящих в сегмент панэллинских личных имен и имевших хождение во всех уголках античного мира в разные периоды истории⁸³. Вторая категория – это локальные имена. Эта группа объединяет древнегреческие имена, которые отличаются по фонетическим и грамматическим параметрам от принятых норм эллинского койне. В эту группу

⁷⁶ Сапрыкин, Масленников 2008, 52–53; Завойкина 2018б, 225–229.

⁷⁷ Версия о малоазиатских корнях этого имени выглядит более убедительной, чем иранская (Сапрыкин, Масленников 2008, 55).

⁷⁸ Завойкина 2018б, 225–228. В. Згуста относил это имя к пафлагонским антропонимам (Zgusta 1964, 111, § 123-3). О пафлагонцах на Боспоре в IV в. до н.э. см. комментарий к пантикапейскому надгробию Дросания пафлагонца (CIRB 180).

⁷⁹ Завойкина 2018а, 69–70.

⁸⁰ Балахванцев, Завойкина 2019, в печати.

⁸¹ Сапрыкин, Масленников 2008, 53–54.

⁸² Сапрыкин, Масленников 2008, 53–54.

⁸³ Сапрыкин, Масленников 2008, 53–54.

входит два имени: Ἀγύας (= resp. Ἀγίας), Νευμήνιος (= resp. Νουμήνιος). Третья категория объединяет 14 негреческих имен⁸⁴.

Все греческие имена можно разделить на три группы: простые, композитные, теофорные⁸⁵. К группе простых имен относятся Ἀγύας, Καλλίας, Μητρис, Πασίων, Σόλων, Σῶσις. К группе композитные относятся Ἐυβιος, Ἠγησαγόρης, Καλλιγένης, Νεοκλέους, Νευμήνιος, Πανθήρος, Πανσανίας, Πολέμαρχος, Προμηθῶν, Στρατο[κλῆς?]. Теофорные имена представлены Διότιμος, Διονύσιος, Ἡφαίστιος (или Ἡφαίστιων), Ἀθηνόδωρος.

Новые теофорные имена пополняют наши знания о сакральной стороне частной жизни населения Фанагории. Почитание Зевса отражено в имени Διότιμος, Гефеста супруга Афродиты, богини-покровительницы Фанагории, – в имени Ἡφαίστιος (или Ἡφαίστιων), Афины – в имени Ἀθηνόδωρος. Почитание этих божеств раньше не встречалось среди фанагорийских материалов. Почитание Диониса, отраженное в ЛИ Διονύσιος, отмечалось прежде в Фанагории⁸⁶.

Итак, анализ новых антропонимов коррелируется с выводом о преобладании в Фанагории древнегреческих имен над именами, рожденными в других этнокультурных пространствах (табл. 1).⁸⁷ Это наблюдение находит объяснение в рамках концепции о сильном греческом импульсе как при сложении и развитии города, так и всего Боспорского государства. Высокий процент (30%) негреческих имен из 51 учтенных антропонимов указывает, что Фанагория в доэллинистическое время представляла собой развитый урбанистический центр, в который стекались выходцы из различных этнокультурных ареалов. Несмотря на явную открытость фанагорийского социума, в среде которого адаптировались, а также эллинизировались представители разных народностей, вопрос о правовом статусе носителей как греческих, так и негреческих имен остается открытым из-за краткости имеющихся сведений.

Таблица 1. Новые имена Фанагории доэллинистического времени

Греческие имена	Варварские имена
Панэллинские: Ἀθηνόδωρος, Διονύσιος, Διότιμος, Ἐυβιος, Ἠγησαγόρης, Ἡφαίστιος (или Ἡφαίστιων), Καλλίας, Καλλιγένης, Μητρис, Νεοκλέους, Πασίων, Πανθήρος, Πανσανίας, Πολέμαρχος, Προμηθῶν, Σόλων, Στρατο[κλῆς?], Σῶσις	Фракийские: Σπάρτοκος (или Σπαρτοκίων), Κότυς (или Κοτυτίς, Κοτυτών), Ἀριουσαλῆς, Διονῦς
Локальные варианты панэллинских: Ἀγύας, Νευμήνιος	Иранские: Ἀρατρис, Ἀρπατρис, Ὀρχαμος Западноанатолийские: Ἀδούξης, Ἀτότης, Δασις, Κλαυς, fem. Νύση, Σονας. Египетские: Ἄμασις

⁸⁴ Сапрыкин, Масленников 2008, 53–54.

⁸⁵ Завойкина 2013, 289–290.

⁸⁶ Завойкина 2013, 296–297, табл. 5.

⁸⁷ Завойкина 2013, 296.

ЛИТЕРАТУРА

- Балахванцев, А.С., Завойкина, Н.В. 2019: Новые иранские имена из ранней Фанагории, *КСИА* 2019. (В печати).
- Бехтер, А.П., Бутягин, А.М., Дана, М. 2018: Свинцовое письмо из Мирмекия. *ВДИ* 78/4, 931–948.
- Гайдукевич, В.Ф. 1935: Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). *Из истории Боспора* (ИГАИМК 104). М.–Л., 211–313.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве (отв. ред.), *Корпус боспорских надписей*. М.–Л., 797–831.
- Завойкин, А.А. 2006: Об институте династических имен Спартокидов. *ДБ* 10, 214–262.
- Завойкина, Н.В. 2013: Фанагорийское общество. В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. 1 (Фанагория 1). М., 240–313.
- Завойкина, Н.В. 2016: Симпозиум в археологическом контексте. *КСИА* 241, 103–108.
- Завойкина, Н.В. 2017: Коммерческие маркировки на амфорах третьей четверти VI–IV в. до н. э. из Фанагории. *КСИА* 249/1, 264–274.
- Завойкина, Н.В. 2018а: Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории. *ДБ* 22, 67 – 71.
- Завойкина, Н.В. 2018б: Граффито трапезита из Фанагории. *ПИФК* 3, 224–233.
- Завойкина, Н.В., Новичихин, А.М., Константинов, В.А. 2018: Новая посвятельная надпись царя Аспурга из Горгии. *ВДИ* 3, 680–692.
- Кузнецов, В.Д. 2008: Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации). *ПИФК* 22, 392–403.
- Павличенко Н.А. 2017: Астрал с граффито. В кн.: В.Д. Кузнецов, В.П. Толстикова (ред.). Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 386, № 344Б.
- Паромов, Я.М. 1993: Археолого-топографический план Фанагории. *БС* 2, 111–148.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артазиан в восточном Крыму. *ВДИ* 3, 134–162.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 2008: Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории. *ВДИ* 4, 50–61.
- Суриков, И.Е. 2007: Власть и имя в государстве Спартокидов (О нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики). В сб.: А.В. Подосинов (отв. ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 253–257.
- Тохтасьев, С.Р. 1992: Фракийские имена на Боспоре. В сб.: А.К. Гаврилов (отв. ред.), *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 178–199.
- Тохтасьев, С.Р. 1999: Рец.: Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996. *Hyperboreus* 5/1, 164–192.
- Тохтасьев, С.Р. 2006: Новые материалы по истории койне. В сб.: Н.Н. Казанский (отв. ред.), *Индоевропейское языкознание и классическая филология – X (чтения памяти И.М. Тронского)*. Материалы международной конференции. СПб., 294–305.
- Тохтасьев, С.Р. 2007: Из ономастики Северного Причерноморья XX: Заметки по морфологии. В сб.: И.В. Тункина (ред.), *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского*. СПб., 82–118.
- Тохтасьев, С.Р. 2011: Греческий язык на Боспоре: общее и особенное. В сб.: *Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции*. СПб., 673–682.
- Шелов, Д.Б. 1956: Керамические клейма из раскопок Фанагории. В сб.: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57). М., 128–153.
- Яйленко, В.П. 1980: Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея). *КСИА* 159, 53–60.

- Яйленко, В.П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху, в: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. Москва, 249 – 309.
- Яйленко, В.П. 1995: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях. В сб.: Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин (отв. ред.), *Женщина в античном мире*. М., 204–272.
- Awianowicz, B. 2011: New Hellenistic ostracon from Nikonion. *ZPE* 178, 237–239.
- Buck, C.D. 1968: *The Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary*. Chicago–London.
- Lang, M. 1990: *Ostraca (Athenian Agora XXV)*. Princeton.
- Sparkes, B.A., Talcott, L., Richter, G.M.A. 1970: *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries*. Parts 1, 2 (Athenian Agora XII 1, 2). Princeton–New Jersey.
- Vinogradov, Yu.G. 1998: The Greek Colonisation on the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters. In: G.R. Tsetschladze (ed.), *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 152–158.
- Zavoykina, N.V. 2019: A Letter of Polemarkhos from Phanagoria. In: V. Cojokaru and others (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies. Proceeding of the Conference*, July 2017. Iași, 419–429.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Prague.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatischen Personennamen*. Prague.

REFERENCES

- Awianowicz, B. 2011: New Hellenistic ostracon from Nikonion. *ZPE* 178, 237–239.
- Balahvancev, A.S., Zavoykina, N.V. 2019: Novye iranskie imena iz ranney Fanagorii [New Iranian names from the early Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 257 (Forthcoming).
- Bekhter, A.P., Butyagin, A.M., Dana, M. 2018: Svintsovoe pis'mo iz Mermekiya [A lead letter from Myrmikon]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/4, 931–948.
- Buck, C.D. 1968: *The Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary*. Chicago–London.
- Gaydukevich, V.F. 1935. Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora (bosporskie cherepitsy) [Building ceramic materials of Bosporus (Bosporan tiles)]. *Iz istorii Bospora [From the history of Bosporus]*. *Izvestiya gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury [Reports of the State Academy of history of material culture]* 104, Moscow–Leningrad, 211–313.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [Brief sketch of grammar of the Bosporan inscriptions]. In: V.V. Struve (ed.), *Corpus inscription regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Kuznetsov, V.D. 2008: Bosporskie cherepichnye kleyma [Bosporan tile stamps]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 22, 392–403.
- Lang, M. 1990: *Ostraca (Athenian Agora XXV)*. Princeton.
- Paromov, Ya.M. 1993: Arkheologo-topograficheskiy plan Fanagorii [The archaeological and topographical plan of Phanagoria]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies]* 2, 111–148.
- Pavlichenko, N.A. 2017: Astragal s graffito [An astragalus with a greek inscription]. In: V.D. Kuznetsov, V.P. Tolstikov (eds.). *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva [Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom]*. Moscow, 386, № 344Б.
- Saprykin, S.Yu., Vinikurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodishche Artazian v vostochnom Krymu [The settlement Artazian in the eastern Crimea]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 134–162.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2008: Svintsovaya plastina s grecheskoy nadpis'yu iz Fanagorii [A lead plate with a Greek inscription from Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 50–61.

- Sparkes, B.A., Talcott, L., Richter, G.M.A. 1970: *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries*. Pts 1–2 (Athenian Agora XII. 1, 2). Princeton–New Jersey.
- Surikov, I.E. 2007: Vlast' i imya v gosudarstve Spartokidov (O neskol'kikh diskussionnykh problemakh drevnegrecheskoy politicheskoy onomastiki) [A power and a name in the Spartokides state (on some debatable problems of the Ancient Greek political onomastic)]. In: A.V. Podosinov (ed.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [The East Europe in the Ancient time and the Middle Age]. Moscow, 253–257.
- Tokhtasev, S.R. 1992: Frakiyskie imena na Bospore [Thracian names in the Bosporus]. In: A.K. Gavrilov (ed.), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [Studies on the ancient history and culture of the Black Sea]. Saint Petersburg, 178–199.
- Tokhtasev, S.R. 1999: The review: Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996. *Hyperboreus* 5/1, 164–192.
- Tokhtasev, S.R. 2006: Novye materialy po istorii koine [New materials for the history of Ancient Greek Koine] In: N.N. Kazanskiy (ed.), *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – X (Chleniya pamyati I. M. Tronskogo). Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [The Indo-European linguistics and the Classical philology – X (Readings to the memory of I. M. Tronskiy). Materials of the international conference]. Saint Petersburg, 294–305.
- Tokhtasev, S.R. 2007: Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya XX: Zametki po morfologii [From the onomastic of the Black Sea XX: notes on the morphology]. In: I.V. Tunkina (ed.), *EYXAPIΣTHPION. Antikovedchesko-istoriographicheskiy sbornik pamyati Ya.V. Domanskogo* [EYXAPIΣTHPION. The collection of the ancient history and historiography papers in the memory of Ya. V. Domanskiy]. Saint Petersburg, 82–118.
- Tokhtasev, S.R. 2011: Grecheskiy yazyk na Bospore: obshchee i osobennoe [The ancient Greek language on the Bosporus: the generalia and special futures]. *Bosporskiy fenomen. Nasele-nie, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Bosporan Phenomen. Population, languages, contacts. Materials of the international conference]. Saint Petersburg, 673–682.
- Shelov, D.B. 1956: Keramicheskie kleyma iz raskopok Fanagorii [Ceramic stamps from the archaeological reports of Phanagoria]. In: A.P. Smirnov (ed.), *Fanagoria* (Materialy po istorii i arkheologii SSSR 57) [Phanagoria (Materials for the history and archaeology of the SSSR 57)]. Moscow, 128–153.
- Yaylenko, V.P. 1980: Neskol'ko ol'viyskikh i berezanskikh graffiti (po materialam Odesskogo arkheologicheskogo mezeya) [Some graffiti from Olbia and Berezan' (on the materials of the Odessa archeological museum)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 159, 53–60.
- Yaylenko, V.P. 1990: Ol'viya i Bospor v ellinisticheskuyu epokhy [Olbia and the Bosporus in the Hellenistic time]. In: H.S. Golubtsova (ed.), *Ellimizm: ekonomika, politika, kul'tura* [The Hellenism: economic, politic, cultural advances]. Moscow, 249–309.
- Yaylenko V.P. 1995. Zhenshchiny, Afrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpi-syakh [Women, Aphrodite and a priestess of the Spartokides in the new Bosporan inscriptions]. In: L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykin (eds.), *Zhenshchina v antichnom mire* [A woman in the Ancient world]. Moscow, 204–272.
- Vinogradov, Yu.G. 1998: The Greek Colonisation on the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 152–158.
- Zavoykin, A.A. 2006: Ob institute dinasticheskikh imen Spaprtokidov [The institute of dynastic names of the Spartokids]. *Drevnosti Bospora* [Antiquates of Bosporus] 10, 214–262.
- Zavoykina, N.V. 2013: Fanagoriyskoe obshchestvo [Phanagorian society]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials for the archeology and history of Phanagoria]. Fanagoria 1 (Phanagoria 1). Moscow, 240–313.

- Zavoykina, N.V. 2016: Simposiy v arkheologicheskom kontekste [Syposion in the archaeological record]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 241, 103–108.
- Zavoykina, N.V. 2017: Kommercheskie markirovki na amforakh tret'ey chervti VI–IV do n. e. from Fanagoria [Commercial marks on amphorae of the third quarter of 6th–4th centuries BC from Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology] 249/1, 264–274.
- Zavoykina, N.V. 2018a: Dva graffiti chastnogo kharaktera pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Phanagorii [Two private graffiti of the Late Archaic time from Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquates of Bosphorus] 22, 67–71.
- Zavoykina, N.V. 2018b: Graffito trapezita [A graffito of moneychanger]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 224–233.
- Zavoykina, N.V., Novichikhin, A.M., Konstantinov, V.A. 2018: Novaya posvyatitel'naya nadpis' tsarya Aspurga iz Gorgippii [A new dedication of the king Aspurgos from Gorgippia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 680–692.
- Zavoykina, N.V. 2019: A Letter of Polemarkhos from Phanagoria. In: V. Cojokaru (ed.), *Advances in Ancient Black Sea Studies. Proceeding of the Conference, July 2017. Iași*, 419–429.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Prague.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatischen Personennamen*. Prague.

NEW DATA ON THE HISTORY OF PHANAGORIAN SOCIETY IN PRE-HELLENISTIC TIME

Natalia V. Zavoykina

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
zavoykinan@gmail.com

Abstract. The article consists of two parts. The first one contains of the publication of ten new graffiti from the excavations of Phanagoria. They are dated back to the end of 6th – 4th centuries BC. The graffiti include new names of the inhabitants of the city. This group of inscriptions on ceramics is supplemented by previously published sources with the names of Phanagorians, including tile stamps and 2 inscription on a lead plate from Phanagoria, which is proposed to date on the basis of paleography the last quarter of the 4th – first quarter of the 3rd centuries BC, and not the 3rd – 2nd centuries BC, as its publishers believed. As a result, the 34 new names are added to the well-known 19 names in the Phanagorian onomasticon. The second part is devoted to the analysis of this group of names in order to supplement our ideas about the Phanagorian onomasticon in the pre-Hellenistic time. The ethnocultural characteristics of the names are as follows. The main group is Panhellenic names. They divide into three subgroups: the simple, the composite, and the theophoric ones. It is interesting to note two local variants of the spelling of simple names (Ἀγύας, Νευμήνιος). The category of barbarous names, not homogeneous in its composition, falls into three ethnic groups – the Thracian names (Σπάρ<τοκος> (or Σπαρ<τοκίων>), Κότυ<ς> (or Κοτυ<τίς>, Κοτυ<τών>), Ἀριουσαλῆς, Διονῦς) the West-Anatolian names (Ἀδοῦξης, Ἀτότης, Δασίς, Κλαύς, fem. Νύση, Σονας), the Iranian names (Ἀρατρίς, Ἀρπατρίς, Ὀρχαμος), the Egyptian name (Ἄμασις). Four of them are met for the first time in the ancient onomasticon (Ἀρατρίς, Ἀρπατρίς, Κλαύς, Σονας).

Keywords: Bosphorus, Phanagoria, the ancient Greek society, inscriptions in ceramics, the Late Archaic and the Classical periods, anthroponomy

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-46–55

СТЕКЛЯННАЯ РАСПИСНАЯ ПИКСИДА ИЗ ОЛЬВИИ

О.А. Пуклина

Национальный музей истории Украины, Киев, Украина
o_puklina@ukr.net

Аннотация. Статья посвящена изучению стеклянной расписной пиксиды из Ольвии, поступившей в Государственный Эрмитаж в 1900 г. из коллекции Г. Калло (инв. № Е 805). Впервые она стала объектом исследования М.И. Ростовцева и впоследствии использовалась в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Наиболее обоснованной датой производства стеклянных расписных пиксид на данный момент считается последняя четверть IV–II вв. до н.э. В античном стеклоделии они являются связующим звеном между классическим и эллинистическим роскошными стилями. В качестве наиболее вероятных мест производства предполагаются стеклоделательные центры Греции и Италии. Ольвия является крайней северной точкой в ареале распространения подобных изделий. Поступление вещей этого круга в Северное Причерноморье должно совпадать с наивысшим экономическим расцветом ольвийского государства в конце IV – середине III в. до н.э. Основываясь на изучении торговых связей Ольвии в период эллинизма, можно предположить, что подобные сосуды, как и другие предметы искусства, в это время могли поступать сюда скорее из Греции, нежели из Италии. Являясь одним из ранних экземпляров расписных сосудов этого круга изделий в античном мире, пиксида из собрания Государственного Эрмитажа открывает группу стеклянной посуды из Ольвии, изготовленной в технике литья.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Ольвия, стеклянная посуда, пиксиды

Среди многообразия форм античных стеклянных изделий из Северного Причерноморья привлекает внимание редкая группа сосудов, украшенных разноцветной росписью. Одним из наиболее известных сосудов является пиксида с крышкой из прозрачного стекла из Ольвии, поступившая в Эрмитаж в 1900 г. из коллекции Г. Калло (инв. № Е 805)¹. Впервые она стала объектом исследования М.И. Ростовцева² и впоследствии использовалась в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Пиксида состоит из чаши и крышки (рис. 1, 2). Чаша неглубокая, с горизонтально отогнутым краем (рис. 2, 2). Высота чаши – 33 мм, диаметр – 132 мм,

---

Данные об авторе: Пуклина Ольга Александровна – заместитель главного хранителя Национального музея истории Украины.

¹ Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Отдела истории Античного мира Государственного Эрмитажа Ю.И. Ильиной за оказанную помощь в работе в фондах музея.

² Ростовцев 1914, 22–24, Rostovzev 1963, 151–179.

Рис. 1. Стеклянная пиксида с крышкой из Ольвии. Фото О.А. Пуклиной

толщина стенок – 2–2,5 мм, ширина края – 11 мм, толщина – 2,6 мм. Крышка имеет рельефную поверхность – выпуклый бордюр с опущенным вниз краем (рис. 2, 1). Высота крышки – 11 мм, диаметр – 143 мм, толщина стенок – 2,1 мм. Сосуд изготовлен из прозрачного бесцветного стекла с матовой поверхностью. На поверхности изделия заметны следы вращения. Изучение пиксиды *de visu* позволяет предположить, что имеющиеся на ней следы технологического процесса соответствуют изделиям, выполненным в технике литья и прессовки.

На внутренней стороне бордюра крышки частично сохранилась роспись (рис. 3). Наиболее полно ее можно воссоздать по описанию Михаила Ростовцева и акварелям Мстислава Фармаковского (рис. 2, 1). Бордюр украшен изображением золотой лавровой гирлянды, перевитой красной лентой с золотым ободком по краю. Гирлянда окантована широкими красными полосами, в верхней части с золотыми ромбами, а в нижней – с золотым палочным орнаментом. Поле бордюра заполнено синей краской. Визуально фиксируется следующая последовательность нанесения росписи – сначала золотой орнамент, затем красный и синий цвета. Эта особенность отмечена как М.И. Ростовцевым, так и Н.З. Куниной в каталоге античного стекла из собрания Эрмитажа³.

Дно чаши также было украшено росписью. Можно было увидеть следы изображения золотого цветка, к сожалению, сейчас уже не сохранившегося. М.И. Ро-

³ Кунина 1997, 291, кат. 181.

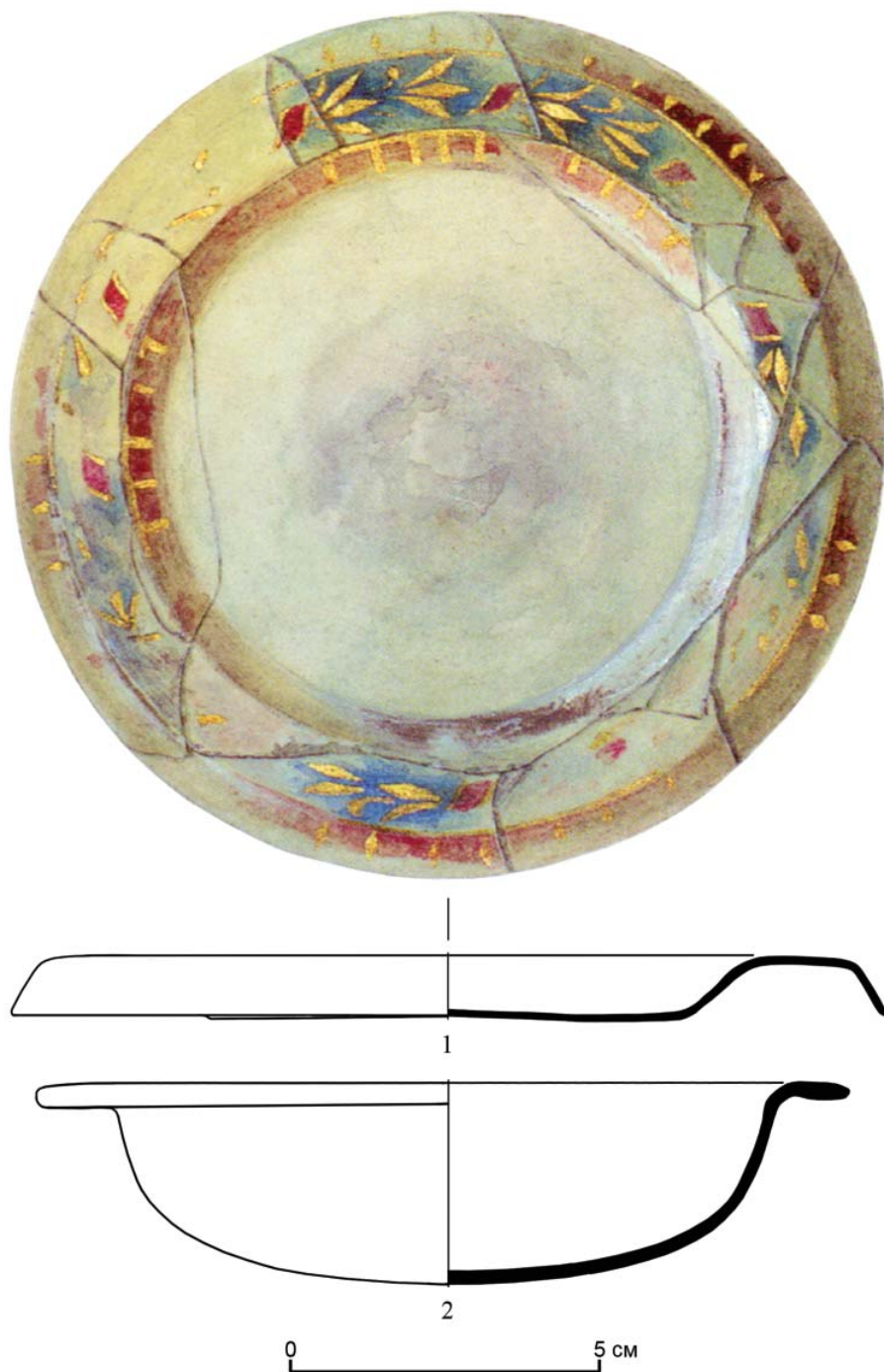

Рис. 2. Стекло́нная пикси́да из Ольвии: 1 – крышка; 2 – чаша. Реконструкция росписи крышки пиксиды М. Фармаковского (по: Ростовцев 1914, табл. VIII). Рисунки О.А. Пуклиной

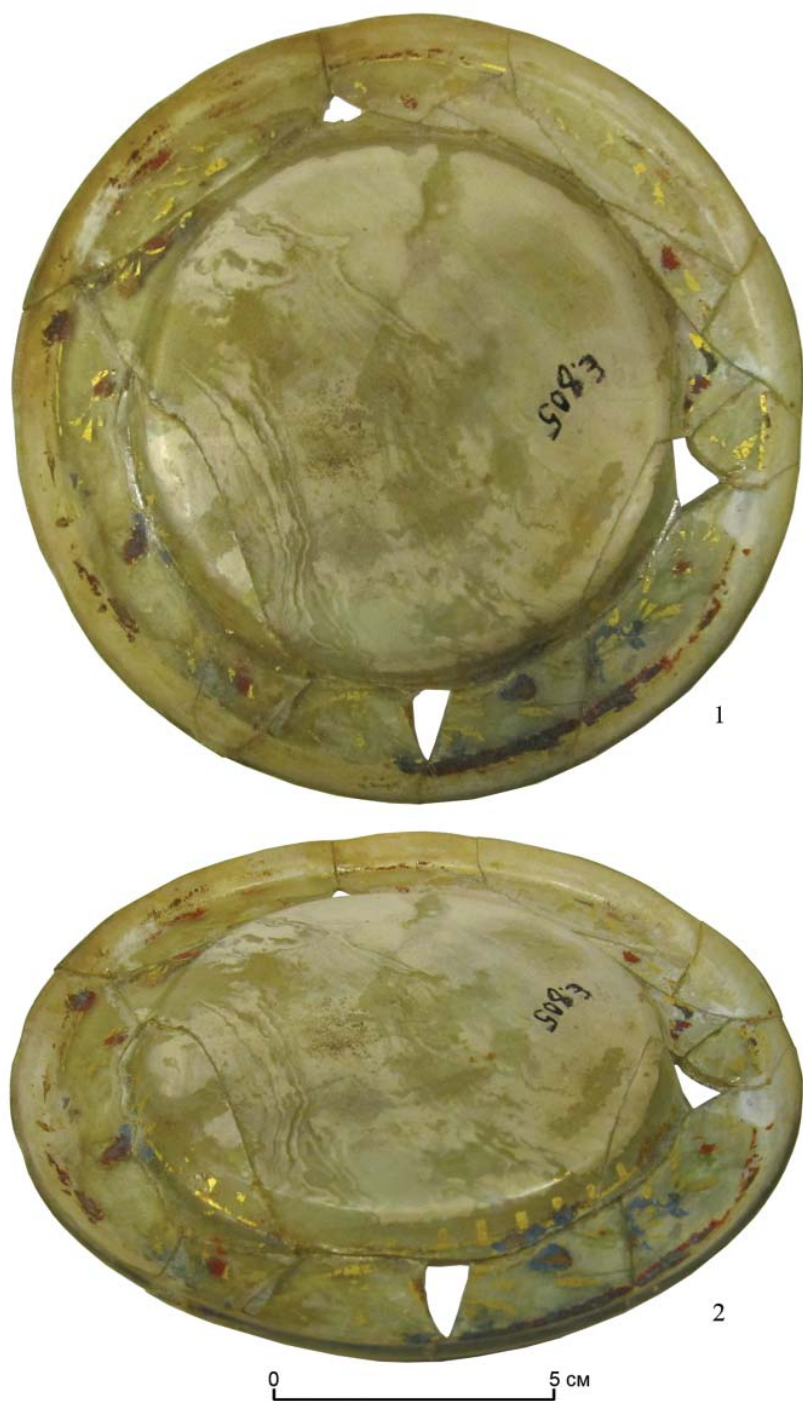

Рис. 3. Крыша пиксиды из Ольвии, внутренняя сторона. Фото О.А. Пуклиной

стовцев отмечал наличие четырех гипсовых кружков на синем фоне крышки для предохранения росписи бордюра при соприкосновении с краем чаши. Сейчас они отсутствуют. По мнению Н.З. Куниной, роспись нанесена клеевыми красками без обжига. Эта особенность отличает пиксиду от других расписных сосудов из Ольвии⁴, роспись на которых выполнена эмалевыми красками с последующим обжигом⁵.

На сегодняшний день вопрос о дате и месте изготовления подобных изделий остается дискуссионным. М.И. Ростовцев отнес пиксиду из Ольвии к изделиям I в. до н.э., предположив, что она может происходить из мастерских Александрии или Кампании, которые переняли технику изготовления подобных сосудов у египетских мастеров. В качестве ближайшей аналогии исследователь приводит пиксиду из коллекции Лувра, крышка которой украшена схожей росписью⁶ (рис. 4, 1). Н.З. Кунина также поддержала это мнение, добавив еще и возможность производства подобных сосудов в мастерских Сирии⁷.

Пиксида с крышкой найдена во время раскопок Пидны в Македонии в комплексе, который датируется 325–300 гг. до н.э.⁸. Это самый ранний памятник с находками таких изделий. Две крышки пиксид хранятся в Национальном археологическом музее в Афинах⁹. Одна из них происходит из некрополя Керамикоса. Г. Вайнберг интерпретировала их как блюда, не упоминая о росписи на них.

К проблеме датировки и изготовления пиксид обращалась М. Штерн¹⁰. Проанализировав 11 изделий из Греции и других регионов античного мира, она обратила внимание на то, что они выполнены в двух размерах (более крупные диаметром от 17 до 18 см и поменьше – диаметром от 9 до 12 см). Исследовательница предположила их использование в качестве *экселиптрона* (сосуда для благовоний и свадебных обрядов). Изучение пиксид, найденных на территории Греции, позволили М. Штерн выдвинуть гипотезу о возникновении этого типа изделий в северной Греции, возможно, Македонии. По ее мнению, роспись стеклянных сосудов золотой краской предшествовала внедрению нового технологического приема – так называемого «gold sandwich glass» или межстеклянного золочения. Последний заключается в помещении между двух стекол золотой фольги. Первые сосуды, изготовленные в этой технике, появляются с середины III в. до н.э. Исходя из этого, исследовательница предположила, что расписные пиксиды являются связующим звеном между классическим и эллинистическим роскошными стилями в стеклоделии¹¹. Эту гипотезу подтверждают и наблюдения Н.З. Куниной, которая отмечала сходство орнаментации пиксиды из Ольвии и чаши с межстеклянным золочением из кургана второй половины III – начала II в. до н.э. у станицы Государственной (около Моздока)¹².

⁴ Пукліна 2018, 52.

⁵ Gudenrath 2006, 32–40.

⁶ Ростовцев 1914, 23–26.

⁷ Кунина 1997, 291.

⁸ Stern 1999, 49, cat. 11, Ignatiadou 2000, 35–36, fig. 2,

⁹ Weinberg 1992, 96–97, cat. 46, 47.

¹⁰ Stern 1999, 46–50.

¹¹ Stern 1999, 49–50.

¹² Кунина 1997, 291.

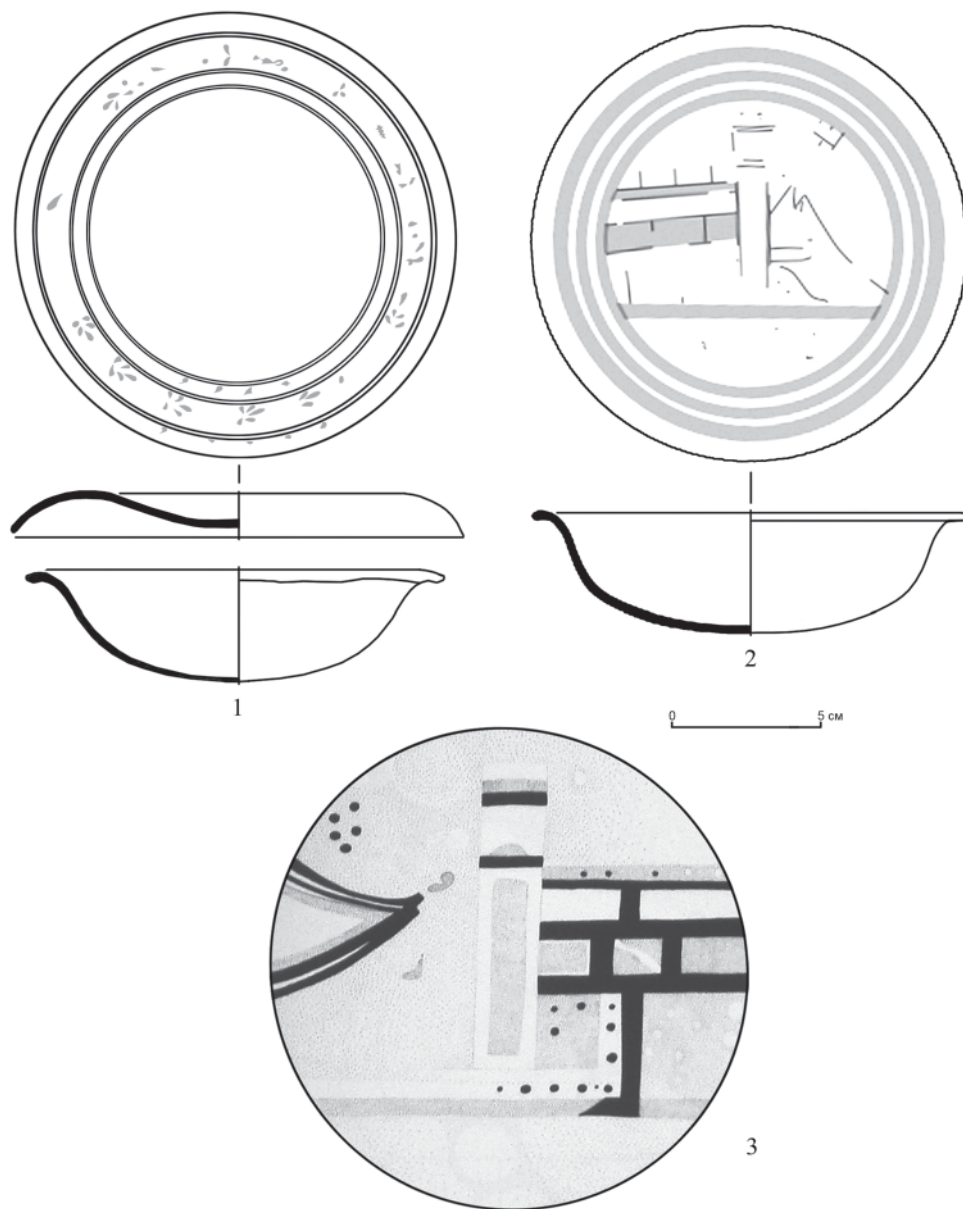

Рис. 4. Стеклянные пиксиды: 1, 3 – Лувр; 2 – Художественно-исторический музей в Вене (по: Arveiller-Dulong, Nenna 2000, n. 197, 200; Cavassa 2016, fig. 11)

Еще одна пиксида с крышкой из Греции, не упомянутая М. Штерн, происходит из Эпидавра и найдена в погребении второй половины II в. до н.э.¹³. Роспись на ней отсутствует.

В 1990 г. Л. Скатотца Херихт опубликовала пиксиды, найденные в Кумах (Кампания)¹⁴. Изучая проблему места их изготовления, она обратила внимание на близость к Кумам морского порта Поццуоли, который имел тесные связи с Востоком (в особенности с Александрией) и сам являлся центром производства керамики, стекла и парфюмерии.

В 2016 г. Л. Кавасса составила каталог из 30 сосудов¹⁵. В этот свод были включены: 14 изделий (шесть пиксид и восемь крышек) из Кум (Кампания), пиксида с крышкой из Канозы (Апулия), 6 находок из Греции (две крышки из Афин, пиксида с крышкой из Эпидавра, пиксида с крышкой из Пидны) и, собственно, пиксида с крышкой из Ольвии. Остальные сосуды из различных музейных собраний не имеют точного места находки. Самый ранний комплекс из Пидны датируется концом IV в. до н.э., а самый поздний из Кум – концом II в. до н.э.

Необходимо отметить, что для решения вопроса о возможных центрах производства стеклянных пиксид исследователи также пытались использовать имеющиеся на них сюжеты. Так, выдвигая гипотезу о египетском происхождении расписных сосудов, М.И. Ростовцев ссылаясь на декор чаши пиксиды из Кум (собрание Берлинского музея¹⁶), на которой сохранилась роспись золотой краской с изображением здания и дерева. По мнению исследователя, подобные пейзажи характерны для продукции александрийских мастеров¹⁷. Сценами гавани с изображением портового сооружения и части корабля украшены еще два сосуда: крышка пиксиды из коллекции Кампана в Лувре¹⁸ (рис. 4, 3) и чаша пиксиды, хранящаяся в Художественно-историческом музее в Вене¹⁹ (рис. 4, 2). Л. Кавасса допускает, что на них могут быть изображены порты Александрии или Поццуолли, при этом акцентируя внимание на том, что все они происходят из Кум. В итоге исследовательница приходит к выводу, что на упомянутых сосудах изображен типичный или стандартизированный портовый ландшафт (причал с маяком или башней и входящий или выходящий из порта корабль), не позволяющий ответить на вопрос о месте изготовления данных пиксид.

Таким образом, наиболее обоснованной датой производства стеклянных пиксид на данный момент считается последняя четверть IV–II вв. до н.э., а в качестве вероятных мест производства фигурируют Греция, Италия, Сирия и Египет (Александрия). Однако предположения о возможности их изготовления в Сирии и Александрии вряд ли можно считать обоснованными – в отличие от Греции и Италии, достоверных сведений о находках стеклянных пиксид на территории Восточного Средиземноморья и Египта пока нет²⁰.

¹³ Proskynetopoulou 2011, 214.

¹⁴ Scatozza Höricht 1990, 425–433.

¹⁵ Cavassa 2016, 21–56.

¹⁶ Cavassa 2016, 39–40, fig. 12.

¹⁷ Ростовцев 1914, 24–25.

¹⁸ Arveiller-Dulong, Nenna 2000, p.171, n. 200.

¹⁹ Cavassa 2016, 39, fig. 10–11.

²⁰ Cavassa 2016, 38–56.

На сегодняшний день Ольвия является крайней северной точкой в ареале распространения подобных изделий. М. Штерн отнесла ольвийскую находку к концу IV – началу III в. до н.э.²¹ Пиксиду со схожей росписью из Лувра (без места находки) В. Арвельер-Дюлонг и М. Ненна датировали III в. до н.э.²² Невозможно не отметить, что публикуемая пиксида относится к предметам роскоши. Поступление вещей этого круга в Ольвию должно совпадать с наивысшим экономическим расцветом ольвийского государства в конце IV – середине III в. до н.э.²³, что не противоречит дате, предложенной М. Штерн. Основываясь на изучении торговых связей Ольвии раннеэллинистического периода²⁴, можно предположить, что подобные сосуды, как и другие предметы искусства, в это время могли поступать сюда скорее из Греции, нежели из Италии.

Являясь одним из ранних экземпляров расписных сосудов этого круга изделий в античном мире, пиксида из собрания Государственного Эрмитажа открывает группу стеклянной посуды из Ольвии, изготовленной в технике литья.

ЛИТЕРАТУРА

- Крижицкий, С.Д., Крапивина, В.В., Лейпунська, Н.О. 1994: Головні етапи історичного розвитку Ольвії. *Археологія* 2, 18–44.
- Крыжицкий, С.Д., Русяева, А.С., Крапивина, В.В., Лейпунская, Н.А., Скржинская, М.В., Анохин, В.А. 1999: *Ольвия. Античное государство Северного Причерноморья*. Киев.
- Кунина, Н.З. 1997: *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург.
- Пукліна, О.О. 2018: Скляний розписний посуд з Ольвії. В сб.: *Forum Olbicum II. Матеріали II міжнародної археологічної конференції (4–6 травня 2018 р., Миколаїв)*. Миколаїв, 52–53.
- Ростовцев, М.И. 1914: Стеклянные расписные вазы поздне-эллинистического времени и история декоративной живописи. *ИАК* 54, 1–26.
- Arveiller-Dulong, V., Nenna M.-D. 2000: *Les verres antiques*. Paris.
- Cavassa, L. 2016: Des pyxides en verre à décor peint à l'époque hellénistique (fin IVe – fin IIe siècle avant J.-C.). *JGS* 58, 21–56.
- Gudenrath, W. 2006: Enameled Glass Vessels, 1425 B.C.E. – 1800: The Decorating Process. *JGS* 48, 23–70.
- Ignatiadou, D. 2000: Three Cast Vessels from a New Macedonian Tomb. In: *Annales de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre 14. Venise – Milan 1998*, 35–38.
- Proskynetopoulou, R. 2011: *Ancient Epidauros – Images of an Argolic Town from Prehistory to Late Antiquity*. Athens.
- Rostovzev, M. 1963: Vasi di vetro dipinto del periodo tardo ellenistico e la storia della pittura decorativa. *Archeologica Classica* 15, 151–179.
- Scatozza Hörich, L. 1990: Phelegräische Glasfunde und die Verlagerung von Glashütten aus dem östlichen Mittelmeer nach Campanien. *Archäologischer Anzeiger* 3, 425–433.
- Stern, M. 1999: Ancient glass in Athenian Temple treasure. *JGS* 41, 19–50.
- Weinberg, G. 1992: *Glass Vessels in Ancient Greece*. Athens.

²¹ Stern 1999, 47.

²² Arveiller-Dulong, Nenna 2000, p.169, n. 197.

²³ Крижицкий та ін. 1994, 21, 40.

²⁴ Крыжицкий и др. 1999, 213.

REFERENCES

- Arveiller-Dulong, V., Nenna M.-D. 2000: *Les verres antiques*. Paris.
- Cavassa, L. 2016: Des pyxides en verre à décor peint à l'époque hellénistique (fin IVe – fin IIe siècle avant J.-C.). *Journal of Glass Studies* 58, 21–56.
- Gudenrath, W. 2006: Enameled Glass Vessels, 1425 B.C.E. – 1800: The Decorating Process. *Journal of Glass Studies* 48, 23–70.
- Ignatiadou, D. 2000: Three Cast Vessels from a New Macedonian Tomb. In: *Annales de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre 14. Venise – Milan 1998*, 35–38.
- Kryzhytskyi, S.D., Krapivina, V.V., Leipunska, N.O. 1994: Holovni etapy istorychnoho rozvytku Olvii [The main stages of the historical development of Olbia]. *Arkheologiya* [Archaeology] 2, 18–44.
- Kryzhitskiy, S.D., Rusyaeva, A.S., Krapivina, V.V., Leypunskaya, N.A., Skrzhinskaya, M.V., Anokhin, V.A. 1999: *Olbia. The Antique State in Northern Black Sea Area* [Olbia. Ancient state of the Northern black sea region]. Kyiv.
- Kunina, N.Z. 1997: *Antichnoye steklo v sobranii Ermitazha* [Ancient glass in the Hermitage]. Saint Petersburg.
- Proskynetopoulou, R. 2011: *Ancient Epidaurus – Images of an Argolic Town from Prehistory to Late Antiquity*. Athens.
- Puklina, O.O. 2018: Sklianyi rozpysnyi posud z Olvii. In: *Forum Olbicum II. Materialy II mizhnarodnoi arkheologichnoy konferentsii (4–6 travnia 2018 r., Mykolaiv)*. Mykolaiv, 52–53.
- Rostovtsev, M.I. 1914: Steklyannyye raspisnyye vazy pozdne-ellinisticheskogo vremeni i istoriya dekorativnoy zhivopisi. *Izvestiya imperatorskoy Arheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial archaeological Commission] 54, 1–26.
- Rostovzev, M. 1963: Vasi di vetro dipinto del periodo tardo ellenistico e la storia della pittura decorativa. *Archeologica Classica* 15, 151–179.
- Scatozza Höricht, L. 1990: Phelegräische Glasfunde und die Verlagerung von Glashütten aus dem östlichen Mittelmeer nach Campanien. *Archäologischer Anzeiger* 3, 425–433.
- Stern, M. 1999: Ancient glass in Athenian Temple treasure. *Journal of Glass Studies* 41, 19–50.
- Weinberg, G. 1992: *Glass Vessels in Ancient Greece*. Athens.

GLASS PAINTED PYXIS FROM OLBIA

Olga A. Puklina

National Museum of Ukrainian History, Kiev, Ukraine
 o_puklina@ukr.net

Abstract. The article is devoted to the research of the glass painted pyxis from Olbia received by the State Hermitage Museum in 1900 from the collection of G. Kallo (inv. № E 805). For the first time it was investigated by M. Rostovtzev. Later it was mentioned in works of both domestic and foreign researchers. At the moment the most reasonable date for the production of glass painted pyxides is considered to be the last quarter of the 4th – 2nd century BC. In antique glassmaking they were regarded as a link between classical and Hellenistic luxury styles. Glassmaking centers of Greece and Italy are assumed to be the most probable production sites. Olbia is the northernmost point in distribution of similar products. The arrival of articles of this circle to the Northern Black Sea region should coincide with the period of highest economic

---

prosperity of the Olbia state at the late 4th – middle 3rd century BC. Basing on the exploration of Olbia trade relations during the Hellenistic period, it can be assumed that such vessels, like other objects of art, at the mentioned time could have come there rather from Greece than from Italy. Being one of the earliest samples of painted vessels of this type of antique products, the pyxis from the State Hermitage Museum collection opens a group of glassware from Olbia, manufactured by using casting technique.

Keywords: Northern Black Sea Region, Olbia, glass vessels, pyxides

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-56–92

ЖЕРТВЕННИКИ ДЛЯ ВОЗЛИЯНИЙ ХТОНИЧЕСКИМ БОЖЕСТВАМ БОСПОРА И ФРАКИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Н.И. Винокуров¹, С.М. Крыкин²

¹*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
vinokurovn@list.ru

²*Независимый исследователь, Москва, Россия*
smkrykin@mail.ru

Аннотация. На западной границе античного Боспора открыты странные жертвенники. Либации – бескровные приношения божествам земли и подземелья. Для этого явно использовалось вино и в большом объеме. Античное население пило много вина, даже рабы. Вино составляло часть содержания наемных воинов. Жертвенники на городище Артезиан построили, вероятно, такие воины. Поиск вероятных аналогий привел на запад Фракии. Там в римскую эпоху тоже сооружали жертвенники для либаций. Возможно, их строили потомки коренного населения этих земель – представители фракийских племен. Очень похоже, что городище Артезиан (Пароста?) появилось на месте военных поселений наемных воинов и их потомков. Жертвенники относятся ко времени, когда в составе населения там определенно присутствовали фракийцы – поначалу особая разновидность пехоты. Можно думать о фракийском влиянии. Но это не более чем предположение. Вино для жертвоприношений могло быть и местным. Именно во время сооружения жертвенников на Боспоре производили очень много вина, оно было дешевым.

Ключевые слова: Фракия, Боспор, вино, жертвенники, либации

Античное городище Артезиан, расположенное в 20 км от Керчи, планомерно раскапывается ААЭ четвертое десятилетие, исследованные площади приближаются к 7 тыс. кв.м, что делает данный памятник одним из самых изученных в Крымском Приазовье (рис. 1–2). Здесь наиболее ярким открытием последнего десятилетия было обнаружение слоя катастрофического пожара времени начала боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Тас. Ann. XII. 15–21)¹. В результате другие, менее яркие находки отступили на второй план. Тем не менее, и они достойны специального рассмотрения.

Данные об авторах: Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Московского педагогического государственного университета; Крыкин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.

¹ См. Винокуров 2004, 79–88; 2005, 50–60; 2007а, 17–56; 2007б, 190–199; 2008, 67–77; 2009, 9–16; 2010а, 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013, 30–40; 2014, 98–105; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 93–146; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2014, 5–16; Abramzon, Treister, Vinokurov 2012, 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 134–162; Винокуров, Крыкин 2017, 170–194.

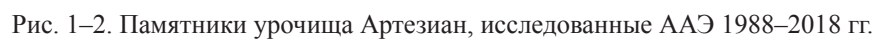

Рис. 3. Месторасположение жертвенников 1–3 северо-восточнее ранней цитадели

В последние раскопочные сезоны были зафиксированы любопытные свидетельства религиозной поминальной практики античной эпохи: следы так называемых культовых либаций. Они раскопаны в центральной, самой возвышенной части городища в ходе исследования пространства между оборонительным рвом и крепостными стенами ранней цитадели, где ранее неоднократно находили жертвенные комплексы античного и средневекового времени, в том числе связанные с человеческими жертвоприношениями и ритуальным каннибализмом². Этот участок памятника на месте стыка раскопок I и III сильно поврежден при постройке фортификационных сооружений акрополя городища в период после 63 г. до н.э. (рис. 3–4). Его понимание сильно затруднено, тем более что природная возвышенность, заселенная еще с эпохи неолита-бронзового века, в эпоху эллинизма была террасирована, а впоследствии многократно подвергалось планировкам в ходе перестроек крепостных стен и башен, что также сильно осложнило выявление убедительного археологического контекста открытых в 2017–2018 гг. новых жертвенных комплексов 1–3, фрагментарно уцелевших между фундаментами стен и колодцев ранней и поздней цитадели городища³.

Жертвенные комплексы были заглублены в культурные отложения насыпей террас, которые предшествовали сооружению стен ранней цитадели (рис. 3–5). Террасы, как было установлено ранее, следовали широкими уступами вниз по

² Винокуров 2004, 55–87

³ Винокуров 2018, 89.

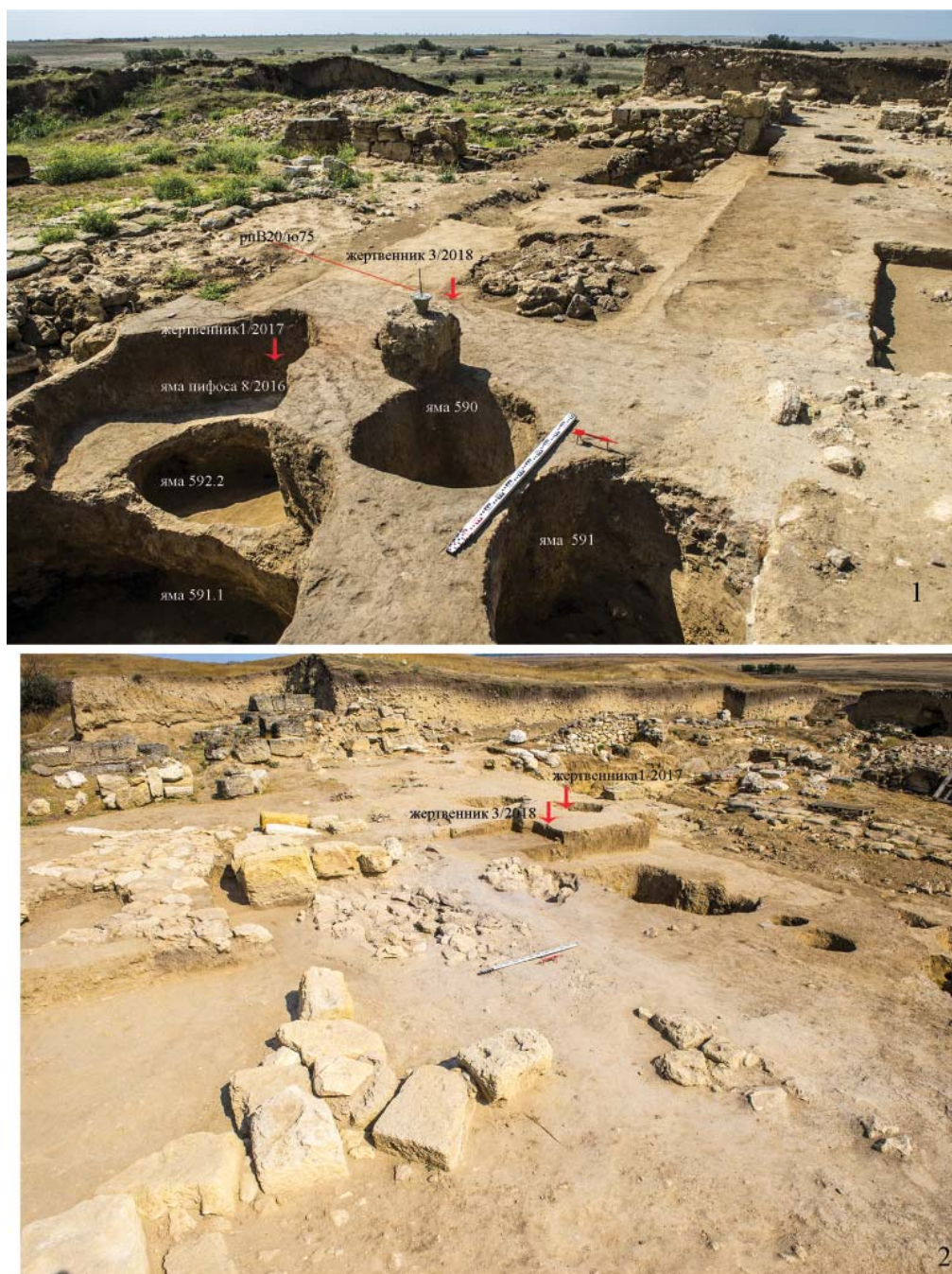

Рис. 4. 1–2. Насыпь террас северной прирезки раскопа III, прорезанных ямами первой половины I в. н. э. и позднеантичными ямами. В ходе работ 2018 г. Месторасположение жертвенника 3/2018 и жертвенника 1/2017 указано вертикальными стрелочками. Вид с северо-востока и северо-запада

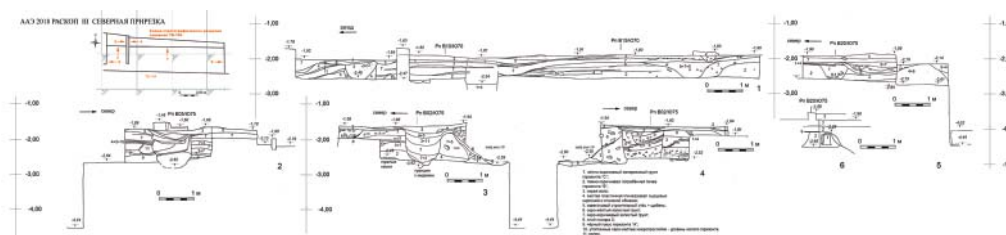

Рис. 5. Стратиграфия культурных напластований насыпи террас эпохи эллинизма-рубежа н.э. севернее ТВ-194 ранней цитадели, прорезанных ямами полуподвала 4 первой половины I в. н. э.

1. по линии Запад-Восток Рп Ю74,1/В02-В20;
2. бровки 1 по линии Юг-Север Рп;
3. бровки 2 по линии Север-Юг Рп;
4. бровки 2 по линии Юг-Север Рп;
5. бровки 3 по линии Север-юг;
6. жертвенник 1/2017 IV-III вв. в борту ямы пифоса 8 2016 г.

склону возвышенности на юг, по направлению к южной балке. Их насыпи сохранились локально, небольшими по площади участками. В 2015–2018 гг. террасы доследовались на площади в пределах 120 кв. м в пространстве между ТВ-186 и фундаментом стены поздней цитадели 68, а также на площади около 100 кв. м севернее ТВ-194. Террасы состояли из золистых, глинисто-золистых и чистых глинистых прослоек общей мощностью 0,45–0,92 м, которые залегали с небольшим наклоном к югу и востоку, реже – практически горизонтально (отметки: –199–240). Эти прослойки хорошо видны в вертикальных срезах грунта, которые сохранились между и под фундаментами поздних построек, в бортах хозяйственных ям, внешних бортах траншей, выборках крепостных стен 186 и 194 ранней цитадели, южном борту раскопа III (рис. 5).

На уровне древнего почвенного горизонта «В» в нижнем ярусе террас, спланированном на рубеже нашей эры, выявлены два эллинистических объекта, которые не пострадали при устройстве террас: жертвенник 1/2017 и жертвенник 3/2018 IV в. до н.э. (рис. 3). Они были впущены с уровня древнего почвенного горизонта – тонкой (в 1–3 см) коричнево-черной гумусной прослойки – в материковый желтый грунт горизонта «С». Поверх последних отложились глинисто-щебенистые напластования террас времени Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.) и последних десятилетий I в. до н.э., которые хорошо датированы понтийским и боспорским нумизматическим материалом. Наиболее поздние монеты, найденные в средних напластованиях террас, по всей видимости, предшествующие или синхронные времени сооружения ранней цитадели городища, датируются медными боспорскими монетами Асандра, Кесарии и Агриппии.

Жертвенник 1/2017 открыт в размытом дождем северо-западном борту пифосной ямы 8 хранилища 4, в квадрате Ки3/3, на 0,96 м южнее рпВ20/ю75 (рис. 3–7). Он представлял собой горло амфоры гераклеяского производства IV в. до н.э.⁴,

⁴ Зеест 1960, 43.

Рис. 6. 1–2. Эллинистический жертвенник в борту ямы из-под пифоса 8 2016 г. хранилища 4 I в. с юго-востока. Северная прирезка раскопа III 2017 г.

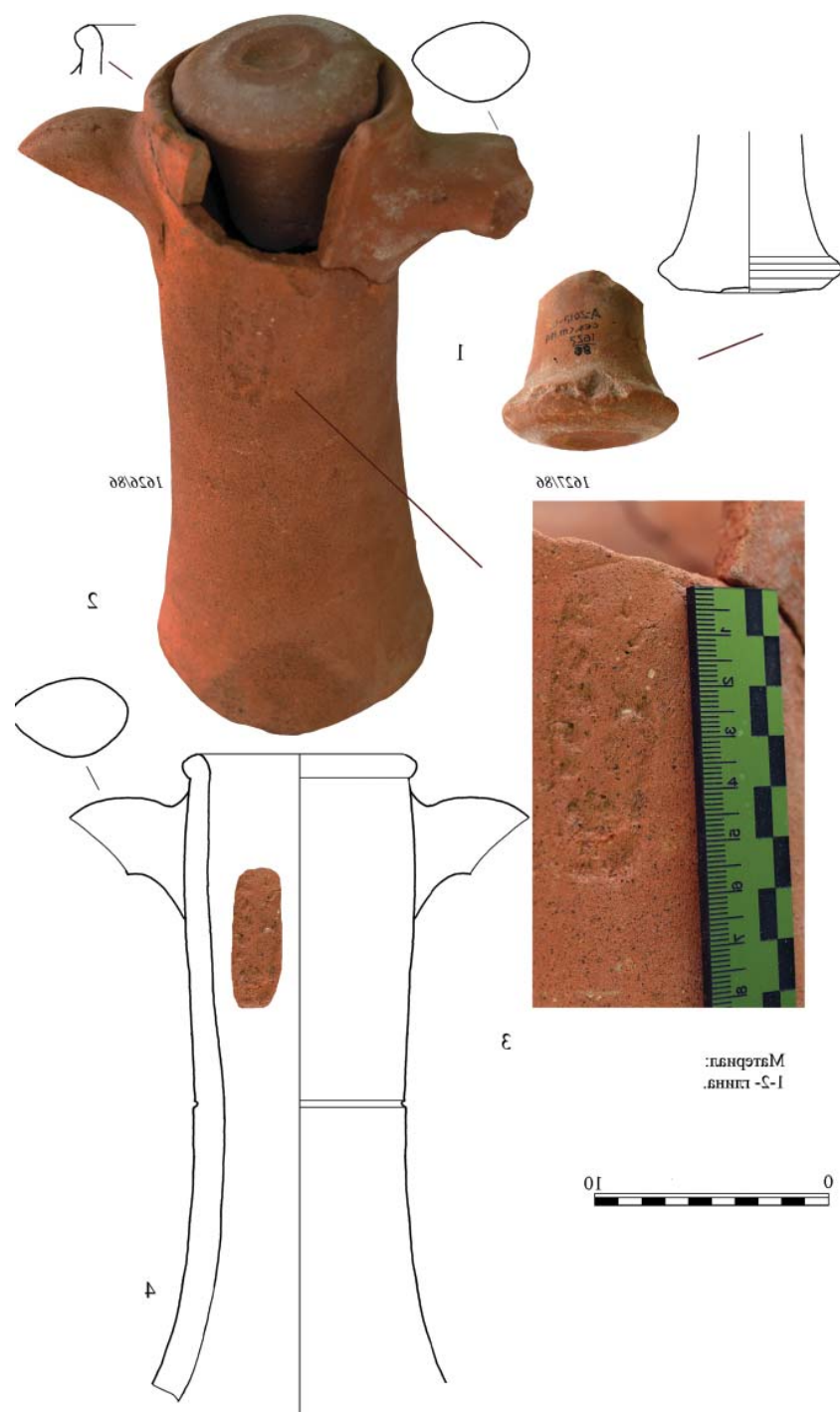

Рис. 7. Находки из северо-западного борта пифосной ямы 8 хранилища 4 севернее ранней цитадели (отметки –2,24–2,66). Северная прирезка раскопа III 2017 г.

устье которой плотно закрывала перевернутая основанием вверх ножка амфоры Менды (к. о. 86/2017). Под верхним прилепом ручек на горле амфоры имелось плохо читаемое вертикальное двухстрочное клеймо в овальной рамке:

Απολλώνιος
Δαμάτρι гроздь

По определению Н.Ф. Федосеева, магистрат Даматрий принадлежит к IV Б группе и датируется 340–ми гг. до н.э. Ножка амфоры Менды, использованная в качестве пробки, была намеренно так глубоко вбита или втоптана в горло амфоры, что ее венчик лопнул на несколько частей. Впрочем, первоначальная форма горловины сосуда сохранилась, так как окружающий плотный грунт не дал обломкам сместиться.

Похожий жертвенник 3 обнаружен в 2018 г. на 0,62 м северо-восточнее жертвенника 1/2017[2] IV–III вв. до н.э., на близкой к нему глубине (рис. 3–4, 8–9). Он расчищен в процессе исследования насыпи террас, в квадрате Ки2/4, на 0,38 м юго-западнее рпВ20/ю75. Жертвенник представлял собой тоже горло амфоры гераклейского производства IV в. до н.э.⁵, устье которого плотно закрывала перевернутая вверх основанием ножка опять же амфоры Менды (к. о. 97/2018). На уровне прилепа ручек по средней линии горла оттиснуто хорошо читаемое крестовидное клеймо: Θ|ε|δ|ε – с изображением амфоры. Клеймо перевернуто. По определению А.Б. Колесникова, его можно датировать 370–ми гг. до н.э. Ножка амфоры Менды плотно закрывала горло. Как и в жертвеннике 1, она выполняла функцию пробки и была с большой силой вбита (втоптана?) в горловину, что привело к растрескиванию стенок амфоры. Впрочем, форму горло не потеряло, так как его поддерживал окружающий грунт. Сколы на горле амфоры сильно обкатаны.

Горловины амфор в жертвенниках 1 и 3 использовались, по-видимому, в качестве труб для (многократных?) возлияний хтоническим божествам. Они были вкопаны строго вертикально, на глубину до 0,40 м в небольшие ямы (отметки верха жертвенника 1 –2,24, низа –2,48, верха жертвенника 3 –2,11, низа –2,35). В первом случае яма была грушевидной формы, а горло амфоры находилось на 0,06–0,07 м выше ее дна⁶. Во втором – яма оказалась в разрезе цилиндрической, диаметром 0,43/0,46 м, глубиной около 0,35 м. Внутреннее пространство амфорных горловин заполнял легкий сыпучий серый золистый грунт, не содержащий находок. Его промывка с целью поиска палеокарпологического материала результатов не дала ни в прошлом, ни в отчетном сезоне. Контуры ям, в которые были установлены горла, едва читались. Ямы засыпаны очень плотным глинистым грунтом желто-коричневого цвета. Если яма жертвенника 1, открытая в 2017 г., была без находок, то в яме жертвенника 3 2018 г. найдены два небольших обломка черепицы: от желобчатого калиптера и солена коричневой глины (п. о. 2195–2196/2018), – попавшие туда в ходе устройства культового места. Верх ям срезан при устройстве террасы в I в. н.э.

Между жертвенниками 1 и 3 находилось пятно прокаленного грунта, зафиксированное в 2017 г., красно-коричневого цвета, размером около 0,30 х 0,40 м, расположенное сразу под древним почвенным горизонтом (фиксировалось от от

⁵ Зеест 1960, 43.

⁶ Отчет ААЭ 2017 г. Рис. 13.6, 17.

Рис. 8. 1–3. Жертвенник 3/2018 в кв. Ки2/4 в процессе расчистки. Вид с востока, севера и юга. Городище Артезиан. 2018 г. Ленинский район РК

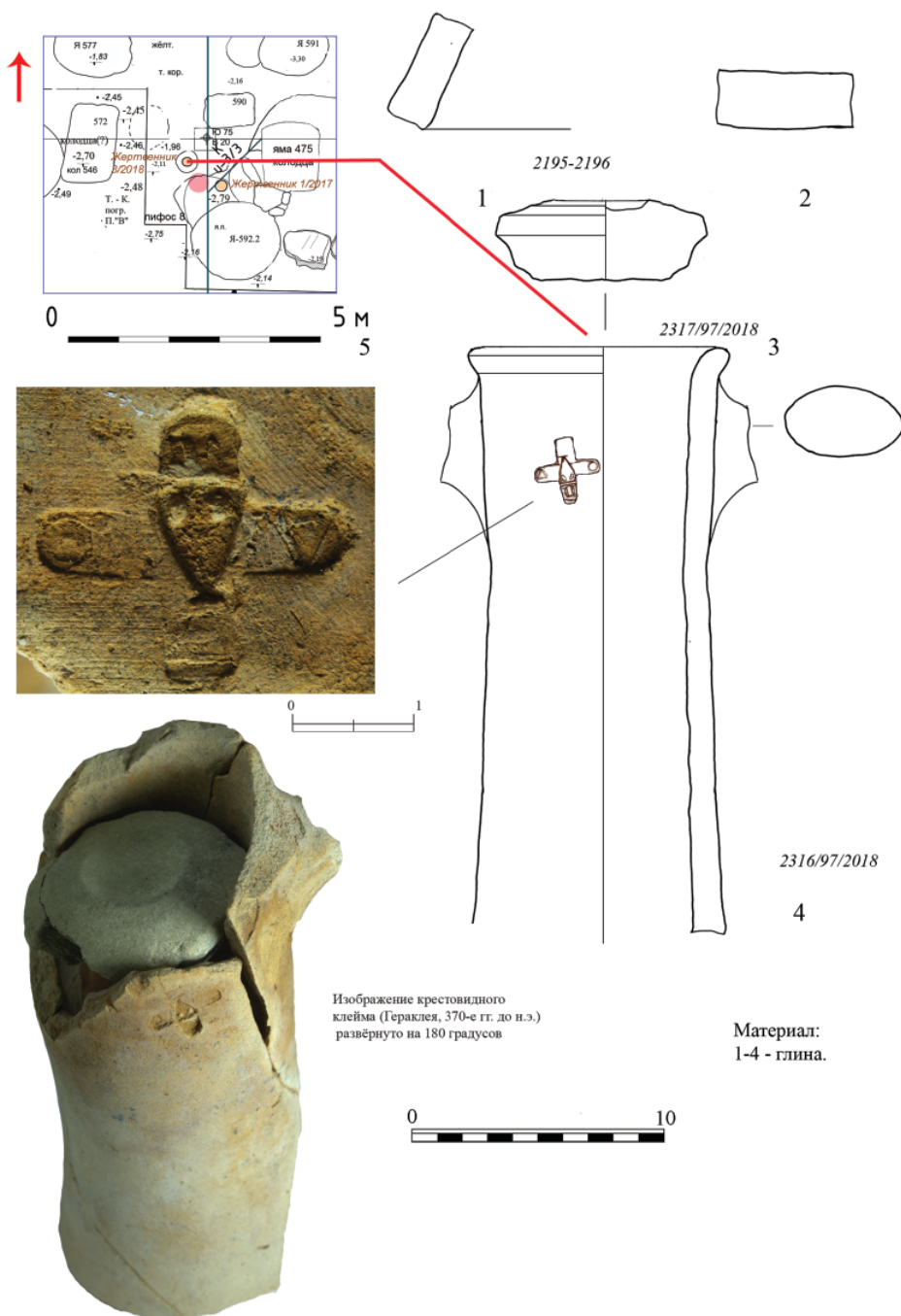

Рис. 9. 1–3. Находки из ямы жертвенника 3/2018 (отметки –2,11/–2,35); 4 – клеймо (развёрнуто на 180 град.); 5 – место обнаружения объекта. Северная прирезка раскопа III 2018 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК

метки $-2,12$). Толщина прокала до $0,20$ м. Связь его со временем бытования жертвенников вполне допустима, так как стратиграфически они находились в одном горизонте (рис. 3–5).

Кроме того, в одном горизонте с жертвенниками залегала яма 590. Она открыта севернее жертвенника 1 на $0,90$ м и северо-западнее жертвенника 3 на $0,60$ м. Ее прямоугольная устье ($0,64 \times 0,61$ м) со скругленными углами зафиксировано в кв. Ки3/1 на отметке $-2,16$ (рис. 3). В разрезе она имела трапецевидную форму. Немного вогнутые борта ямы едва заметно сужались книзу, дно ровное (на отметке $-2,92$). Глубина ямы $-0,76$ м. Она заполнена коричнево-желтым плотным суглинком с золистыми линзами и известковой крошкой. В яме найдено несколько обломков черепицы и стенок античных амфор, мелкие фрагменты стенок простых гончарных кувшинов и мисок из коричневой и красной глины, отдельные кости животных со следами кухонной разделки и термической обработки, угли. Подобная по форме яма была открыта в 1989 г. на раскопе I в жертвенном комплексе I в. до н.э. с выложенной камнем фависсой, находившейся в центре зольника, образованного мощным сбросом, интенсивного черного цвета с семенами карликовой мягкой пшеницы, ячменя с заметным преобладанием семян двух видов технической масличной культуры сафлора (определение Е.Ю. Лебедевой).

Судя по датировке клейм, амфорные горла были вторично использованы для религиозных нужд не ранее 340-х гг. до н.э. При этом фаллическая функция ножек амфор, вставленных и вбитых в горла (символические женские ипостаси?),

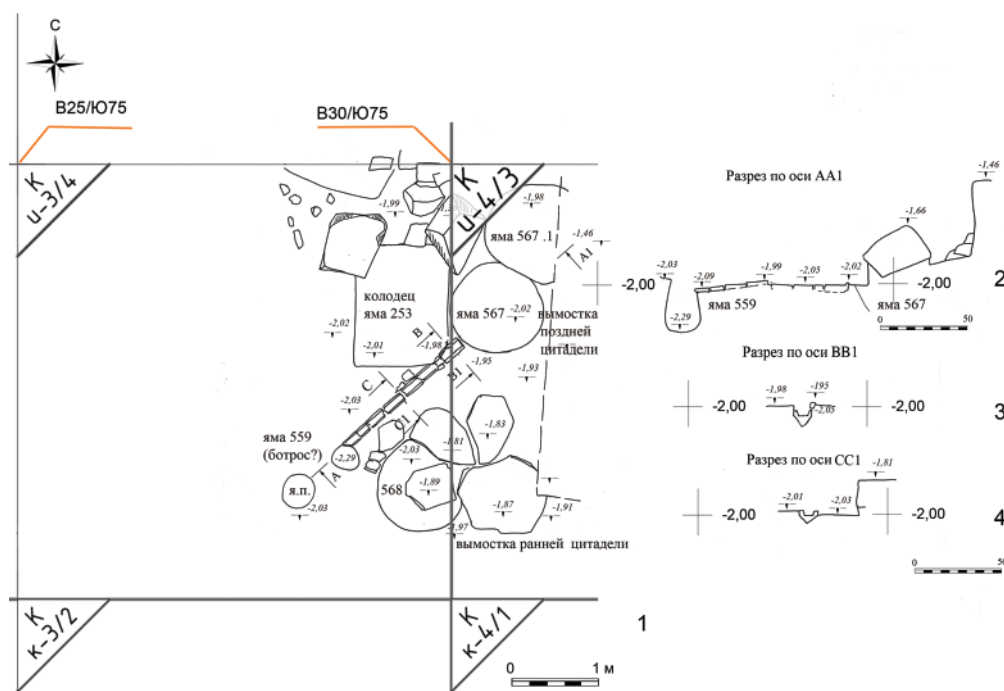

Рис. 10. ААЗ 2017 РАСКОП III СЕВЕРНАЯ ПРИРЕЗКА

1 – Выкадровка из плана участка северной прирезки со сливом в грунтовую яму 559 (ботрос?) северо-восточнее ранней цитадели; 2–4. Разрезы стока по осям AA1, BB1, CC1

вполне очевидна и могла быть связана с представлениями о производящих силах природы. Не исключено, что и растрескивание горловин в обряде было необходимым ритуальным действием.

Такие подземные жертвенники-алтари со сквозными отверстиями предназначались для стока жертвенной крови и других возлияний в землю. Они были связаны с хтоническими культами. Традиция использования подобных жертвенных комплексов была присуща грекам по меньшей мере с крито-микенского времени. Так, в Пилосском дворце в непосредственной близости от царского трона находился комплекс приспособлений сакрального характера с системой отверстий и желобков для культовых возлияний⁷.

Подобная находка была сделана также и на некрополе городища Артезиан: на раскопе 9 в слое переотложенного могилами первого века нашей эры селища было найдено клейменое горло без венца гераклейской эллинистической амфоры (к. о. 12/2003), закупоренное ножкой амфоры, напоминавшей тип псевдо-Фасос 5 начала IV в. до н.э., возможно, из разрушенного жертвенника⁸. Аналогии таким жертвенникам для возлияний хтоническим богам на Боспоре и в Северном Причерноморье хорошо известны. Такую же функцию выполняли алтари в виде каменных блоков с пробитыми сквозными отверстиями, заглубленные ниже уровня древнего дневного горизонта. На городище Артезиан похожий жертвенник позднеантичного времени с вертикальным отверстием для стока в землю был найден в 1994 г. в нескольких десятках метрах к северу от них (первоначально интерпретирован как пяточный камень для установки опорного столба калитки или небольших ворот, а не алтарь⁹). Он представлял собой прямоугольный блок с округлым углублением диаметром 0,20 м, глубиной 0,17 м. Его поверхность грубо околота; размеры 0,82х0,90х0,29 м. Рядом с ним находилась вертикально установленная плита 0,45х0,50х0,13 м. Верхняя часть блока с отверстием располагалась на одном уровне с подошвой стены 20, ниже уровня жилого горизонта I в. до н.э. – I в. н.э.

Интересно, что северо-восточнее, в непосредственной близости от жертвенников 1 и 3 в кв. Ки3/4 на 8,58 м (на отметках –1,96 –2,01) был открыт более поздний жертвенный комплекс 2/2017 рубежа н.э., который относился уже ко времени бытования ранней цитадели (рис. 3, 10). Он также предназначался для совершения жертвенных возлияний хтоническим богам, но имел иное устройство, включая желоб, поврежденный сейсмическими подвижками грунта и поздними ямами, и грунтовую яму-ботрос (рис. 11–12).

Желоб для стока жертвенных возлияний был направлен на юго-запад, где располагался приемник для сбора жидкости, стекавшей с несохранившегося алтаря: грушевидная яма 559, которую можно интерпретировать как ботрос. Яма была смещена со средней линии желоба к юго-востоку. Ее размер: сечение округлого в плане устья – 0,33–0,35 м, глубина – 0,20–0,26 м (дно на отметке –2,29); диаметр вогнутого дна – 0,41 м. Она выкопана в плотной желто-коричневой насыпи террасы, содержащей среди включений бутовый камень, щебень, известковую крошку, отдельные обломки стенок амфор и простых гончарных сосудов. Устье ямы находилось на несколько сантиметров ниже уровня стока. Крайний южный калиптер

⁷ Бартонек 1991, 207, 209.

⁸ Монахов 2003, табл. 56,6; Винокуров 2014, рис. 31.3–4.

⁹ Согласно отчету ААЭ 1994 г., 2, рис. 1.2, 1.26.

Рис. 11. 1–2 – Желоб слива в яму 559 (ботрос?) севернее вымостки и котлована для установки пифосов. Вид с северо-запада

Рис. 12. 1. Участок западнее вымостки и жёлоба в процессе снятия зольных напластований; 2. После выборочного удаления заполнения ямных пятен ниже зольных сбросов (отметки –1,95–2,29). Северная прирезка раскопа III 2017 г. Вид с востока

желоба нависал над ее краем. Внутри яма заполнена влажным рыхлым серо-коричневым золистым грунтом с щебнем, мелкими обломками гончарных стенок и калиптеров местной красно-коричневой глины, фрагментами костей животных. Алтарь располагался с северо-восточной стороны желоба, но участок здесь оказался поврежденным серией ям из-под пифосов первой половины I в. н.э., и его следов обнаружить не удалось.

Обращает на себя внимание необычный характер использования известняковых граненых калиптеров (рис. 11–13). В научной литературе нам не удалось найти близкие аналогии такого вторичного использования калиптеров в святилище или храмовом жертвеннике. Подобная «новация», наверное, вряд ли может быть системой для столь дорогостоящего строительного материала, как каменная черепица. Сложно сказать, имело ли некое религиозное значение то, что калиптеры были развернуты наоборот своему обычному положению, вниз коньковым ребром. Понятно, что по-другому составить сток желоба было просто невозможно. Но символическое значение подобного разворота калиптеров на 180° исключать не следует. По крайней мере, это касается и амфорной пробки в первом жертвеннике, которая также найдена в перевернутом положении. Намеренное опрокидывание или разворачивание предметов, как и их повреждение или разрушение в святилищах или погребениях достаточно традиционны. Такими магическими приемами производилось изменение сущности тех или иных предметов, которые использовались в культовых нуждах. Они должны были изменить свою природу, умереть для прошлой жизни, претерпеть метаморфозу, трансформироваться для грядущего возрождения. Мотив «переворачивания» или «оборачивания» характерен для погребальных верований многих народов¹⁰. Таким способом символизировалось прекращение нормальной, земной жизни индивида, переход его в иное пространственное измерение. В любом случае использование приема «поворота-переворота» исследователями трактуется как демонстрация хтонического характера религиозного действия¹¹.

Следует отметить, что одновременно с жертвенником 2 в пространстве между ранней цитаделью и оборонительным рвом эксплуатировались алтарь 1, открытый в 2015 г. у южной крепостной стены 175, и алтарь 2, находившийся в святилище, раскопанном в 2016 г. в полуподвале 2 восточнее крепостной стены 186. Внутри святилища около алтаря найдены ямы-фависсы со сбросами остатков жертвоприношений, среди которых преобладали черепа и длинные кости быков. В одной из ям было ритуальное захоронение собаки. Хтонический характер святилища вполне очевиден.

В центре древней Фракии близ города Стара Загора болгарские археологи исследовали три архитектурных комплекса виллы у реки Чаталка. На одном из них в местности Ламбата в верхнем слое открыли остатки жилищ с каменными стенами, сложенными насухо (кладка насухо или просто на глине традиционна у коренного фракийского населения), очаги, римские подобыя греческих пифосов – долии (dolia), грузы для ткацкого стана и прочее, вероятно, относящееся к IV–V вв. н.э.¹². Интересно, что очаги этих «ткачей» представляли собой площадки, постланные

¹⁰ Косарев 2000, 46 и сл.

¹¹ Сорокина, Сударев 2001, 136.

¹² Николов 1984, 41, илл. 48.

Рис. 13. Известковые калиптры (к.о. 47/2017) из жёлоба с ботросом северо-восточнее ранней цитадели. Северная прирезка раскопа III 2017 г.

и огражденные черепицей, причем с южной стороны каждого из них неизменно была вертикально вкопана керамическая водопроводная труба. Нечто подобное было обнаружено также во фракийском ареале на сербской территории в районе Костолаца¹³. Несколько таких очагов со следами горения сверху были открыты известным археологом из Перника Венецией Любеновой среди руин оставленного позднеримским населением вероятного ремесленного и культового центра (либо эмпория) близ нынешнего села Арбанас у города Радомир¹⁴ на трассе античного пути из Стоб через Пауталию (нын. Кюстендил) в Сердику (нын. София), минуя Элею¹⁵. Любопытно, что один из очагов соорудили в алтарной части разрушенной раннехристианской церкви, которая была возведена, согласно мнению В. Любеновой, при Константине Великом. Летом 1990 г. одному из авторов статьи довелось побывать в сопровождении В. Любеновой на объекте у с. Арбанас, откуда изобильно поступали ремесленные изделия позднеантичного времени, и убедиться в уникальности открытого памятника.

Получается, что на руины античной культуры во Фракии пришли люди некоей особенной культурной традиции, оформив загадочный предславянский период на Восточных Балканах. То, что это явно не были славяне, не вызывает сомнений. Славянские языческие капища выглядят совершенно иначе¹⁶, при этом на славяноболгарских землях (далеко не сразу и всюду до территорий независимых славянских объединений-славиний добрались тюркоболгары, или, как их иначе называют, «пра- или «протоболгары») такие святилища до сих пор не зафиксированы. Скорее всего, следует предполагать либации реликтового фракийского субстрата, появившегося или селившегося на античных объектах или их руинах.

Между тем еще в 1990 г. советская группа в составе совместной болгаро-советской экспедиции второй сезон раскапывала позднеантичный объект у села Долна Граштица на древней переправе через Стримон (нын. Струма) одного из путей из Пауталии в Сердику¹⁷ (рис. 14). Советскую группу, работавшую в южном секторе памятника, возглавлял один из авторов этой статьи под общим руководством тогдашнего директора Кюстендилского музея (теперь очень известного нумизмата, д.и.н. И. Прокопова). Удалось раскрыть свыше 400 кв. метров культурного слоя мощностью местами до трех метров. Во второй половине III – начале IV в. здесь была отстроена укрепленная вилла (*villarustica*), снабженная, помимо высококачественных и потому довольно тонких стен, также и характерной U-образной башней со стороны Стримона, где неподалеку 70-метровый каменный мост обеспечивал переправу. У самой башни к куртине примыкал мощный хозяйственный комплекс (*parsrustica*) винодельческой направленности – вблизи выращивали огромное количество винограда, и из него производилось в изобилии вино: на пяти давяльных площадках (каждая 2,60 x 1,30 м) композитной винодельни ДГр-1 одномоментно могли обрабатываться до 5 тонн винограда (что соответствует показателям уровня крупнейших товарных производителей итальянских

¹³ Милошевић 1987, 39.

¹⁴ Найденова 1985, 7–8.

¹⁵ Бурмов 1958, 24.

¹⁶ См. Русанова, Тимошук 1993.

¹⁷ Иванов 1906, 20, 407; Захариев 1963, 276; Дремсизова-Нелчинова, Слокоска 1978, 16, 43, 83; Крыкин 1991, 24–25.

вин типа знаменитой виллы в Боскореале близ Помпей). Рядом с винодавильней располагалась и винница-винохранилище (рис. 14).

В слоях ниже выявленных указанных строительных остатков сначала сотрудник ИА АН СССР А.М. Смирнов в северо-западной части раскопа обнаружил и лично раскрыл очаг-жертвенник 1, а потом на юге раскопа был расчищен и жертвенник 2 (рис. 14–15). Эти находки близ Кюстендила вполне убедительно доказывают их местный, фракийский характер, причем сооружение очагов подобного рода осуществилось еще до начала активного строительства здесь укрепленной

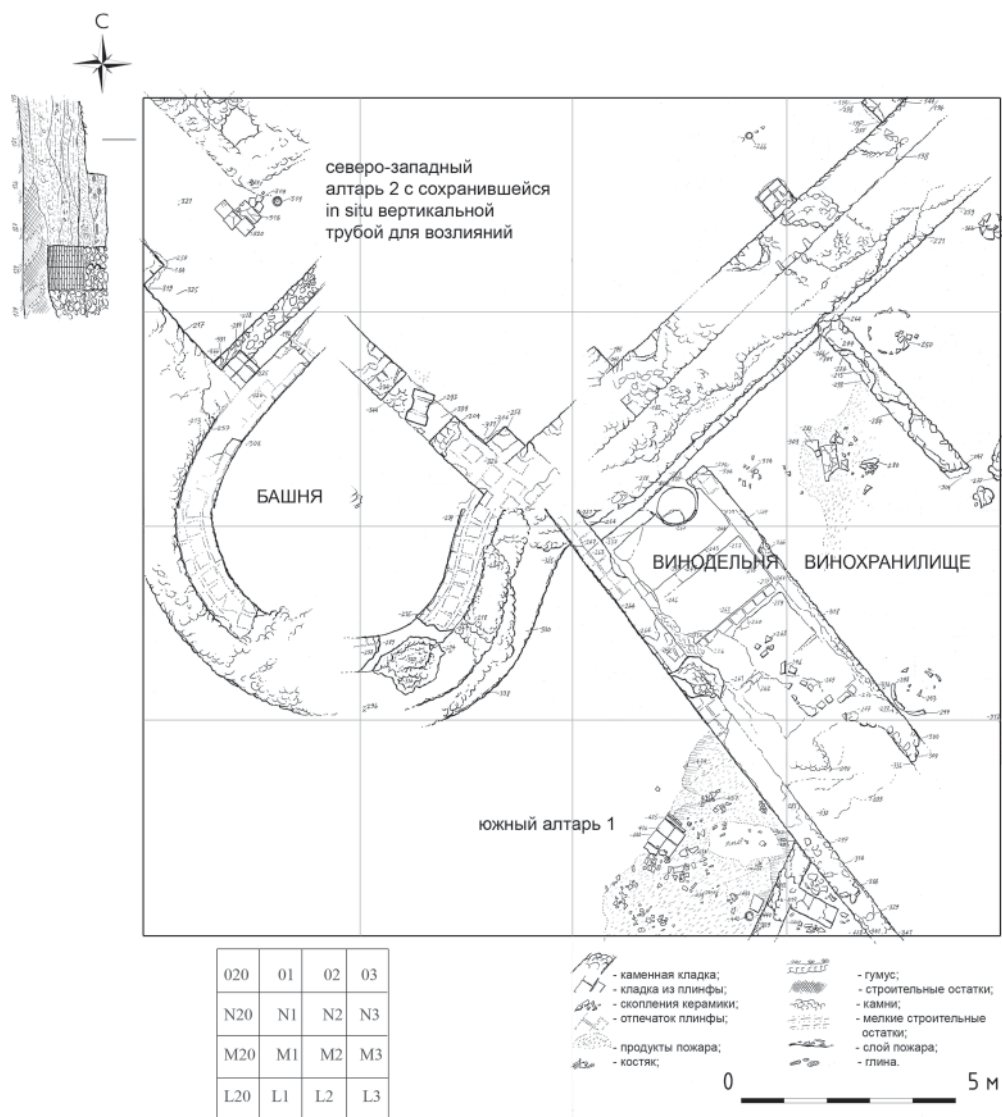

Рис. 14. ДОЛНА ГРАШТИЦА 1990
ПЛАН ЮГ, XIII 11. Участок villa rustica с алтарями, винодельней ДГр-1
и винохранилищем

Рис. 15. 1–2. Жертвенники 1–2 римского времени с юга и юго-запада. Долна Граштица 1990. Фракия

виллы (на базе прежней *villa rustica* по приказу Юстиниана воздвигли для обороны подходов к Пауталии с севера крепость, но это произошло лет двести – двести пятьдесят спустя), т.е. не позднее конца II – первой половины III в. н.э. Оба удовлетворительной сохранности очага были открыты почти на трехметровой глубине возле южной оконечности вероятного фракийского селища, в полутора десятках метров один от другого, причем вне интерьеров строительных остатков. Судя по характеру рельефа местности, очаги располагались практически на одном уровне, они были сооружены одновременно или же очень близко по времени.

Первый северо-западный очаг-жертвенник был сложен из четырех стандартных плинф (0,32 x 0,32 x 0,04 м) и с северо-восточной стороны двух орфостатно поднятых половин плинф, за которыми обнаружился фрагмент вертикально вкопанной трубы для совершения возлияний (рис. 14–15). Поверхность близ очага была уплотнена и содержала признаки большого горелого пятна, а на самой эсхаре были собраны разбитые на месте краснолаковый, декорированный штампованным орнаментом сосуд наподобие найденного в Кюстендиле при раскопках на месте Старой школы¹⁸, традиционная для этих мест серая чашка-канфар (II–IV вв.) с тремя несохранившимися ручками и «курильница» типа обнаруженной в Северо-Западном Причерноморье в античной Тире в слое римского времени (II–III вв.) (рис. 16)¹⁹. Краснолаковый сосуд из Пауталии продатирован II–III вв. А «курильница» мезийского типа из Тире могла относиться только ко времени оккупации города римскими войсками во II – первой половине III в.²⁰, при этом в итоге утвердилось заключение об уничтожении римского гарнизона в Тире готами конкретно в 269/270 г.²¹ Собственно, в Нижней Мезии похожие лаковые сосуды производились во II–III вв.²² Что же касается «курильниц» образца найденной нами, то их производство осуществлялось во второй половине II – начале III в.²³

На втором очаге-жертвеннике, также предназначенном, помимо сожжений, для совершения возлияний, были открыты крупные фрагменты «серой македонской» («сива македонска») керамики (II–IV вв.) и рядом великолепная ручка бронзового сосуда. Эта эсхара также была построена из плинф и их крупных фрагментов и с северо-восточной стороны снабжена вертикально вкопанной трубой (рис. 15–16). Возле очагов были исследованы остатки строений, сложенных с техническими особенностями II–III вв., в частности, с применением раствора с осколками керамики²⁴: шамот – мелкодробленая керамика придавала присадкой к обычной белой извести большую прочность раствору и устойчивость к осадкам и температурным колебаниям. Такой раствор обеспечивал идеальную спайку для излюбленного римлянами сочетания камня и кирпича – *opus mixtum*, использованного поначалу со II в. до н.э. и позднее унаследованного от римлян византийцами. Позднее, во второй половине III – первой половине IV в. н.э. остатки строений и эсхары оказались под основами комплекса роскошной укрепленной виллы, со-

¹⁸ Mikhailov, Sestrimska 1981, 66–69.

¹⁹ Карышковский, Клейман 1985, 108, рис. 35.

²⁰ Клейман, Сон 1983, 47–59, рис. 1.

²¹ Крапивина 1984, 201; Карышковский, Клейман 1985, 101, 132. Ср. Буйских 1981, 140–141; Крапивина 1994, 190.

²² Sultov 1985, 76–79.

²³ Sultov 1985, 81, Tabl. XVII; XL, 5; L, 5.

²⁴ Бобчев 1961, 155.

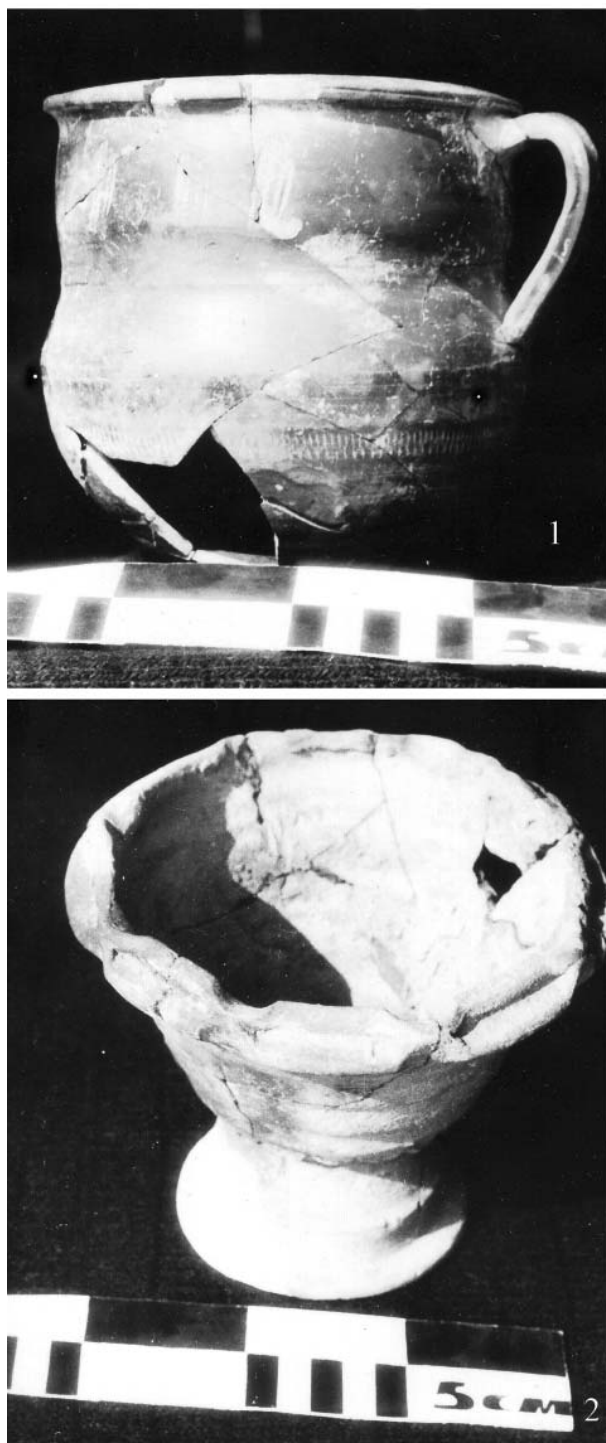

Рис. 16. 1–2. Находки ДГ1990

оруженной также в смешанной технике (*opus mixtum*), популярной на Балканах в III – рубеже VI–VII вв. н.э.²⁵, на розовом растворе с шамотом. Следует добавить, что две плинфы первой эсхары имели повернутые вверх функциональные (для лучшего схватывания раствора?) пальцевые штрихи крест-накрест и параллельно краям, что было характерно, согласно наблюдениям А. Милчева²⁶, для III–IV вв. Впрочем, это не опровергает примерной датировки открытых возле Нижней Граштицы очагов первой половиной III в. н.э.

Было бы опрометчиво находить в последней детали скрытый сакральный смысл, тем более что солярная символика не должна бы соответствовать хтоническому характеру культа домашнего очага, к которому имели непосредственное отношение фракийские эсхары. Согласно заключениям М. Домарадского²⁷, культ домашнего очага и вообще огня относится к числу древнейших, и с эпохи ранней бронзы был известен на обширных территориях от Передней Азии до Центральной Европы. Он выделил в качестве атрибутов культа прежде всего орнаментированные глиняные алтари, или «очаги», затем «коньки» – фигурки с головой (или двумя) животного, плоские сосуды на трех ножках или сосуды на высокой ажурной подставке («курильницы»), намеренно разбитую бытовую посуду и т.д. Таким образом, определять этногеографическую природу какого-либо из типичных проявлений культа домашнего очага совершенно бессмысленно хотя бы уже потому, что сложился этот культ задолго до оформления достаточно определенной этнической карты Евразии. Удивительно похожие атрибуты культа у кельтов и фракийцев IV в. до н.э. явились реминисценциями одного общего древнего культа домашнего очага-эсхары (даже более широкого по распространению, нежели общиндоевропейский)²⁸.

Если ориентироваться на одну из немногих вышедших у нас крупных археологических работ по индоевропеистике²⁹, то еще до Чатал-Хююка и, вероятно, производной от него европейской культуры Винча были характерны культовые сооружения с монументальным украшенным очагом. Над очагом по традиции на столбе вывешивался букраний, пластический орнамент покрывал плоскости печей, очагов и жертвенников, причем жертвенники украшались лепным декором, метопами с применением вообще распространенных на винчанской керамике криволинейных, спиральных и прямоугольных мотивов³⁰. М. Домарадский³¹ некоторые атрибуты культа домашнего очага отыскал в IV тыс. до н.э. в культурах Куро-Аракской и Ленджел, а В.А. Сафронов пытался доказать преемственность и производность культуры Ленджел от более ранней – Винча. У вероятных индоариев – носителей андроновской культуры – одним из шести типов очагов являлись правильные прямоугольной формы, причем именно такие предположительно имели культовое назначение³², Е.Е. Кузьмина тут же отмечает наличие аналогов культовым круглым и прямоугольным очагам в Древнем Риме, причем квадрат-

²⁵ Бобчев 1961, 195.

²⁶ Милчев 1960, 396.

²⁷ Домарадски 1977, 95–100.

²⁸ Чичикова 1985, 180–195; Любенова 1985, 260–273; Крыкин 1993, 156–161.

²⁹ Сафронов 1989, 92.

³⁰ Сафронов 1989, 75–79.

³¹ Домарадски 1977, 97.

³² Кузьмина 1994, 80–81.

ный очаг у римлян посвящался мужским божествам и предкам. Греческой богине-покровительнице домашнего очага и вообще огня Гестии в Риме соответствовала Веста³³, которой обычно будто бы предназначался круглый очаг для приготовления пищи.

В период между расселением индоариев и эпохой античности великолепные, богато орнаментированные очаги-жертвенники украшали дворцы минойцев и ахейцев, более скромные, известны на территориях Румынии (культура Витенберг) и Украины (Жаботин). Примеру владык Крита и Микен спустя века следовали одрисские цари Фракии, очень похожие атрибуты культа домашнего очага наблюдались у фракийцев, гетов, скифов, кельтов, причем во Фракии Венеция Любенова прослеживает их до рубежа IV–V вв. н.э. Таким образом, эсхары из Нижней Граштицы и прочие фракийские очаги-жертвенники являются памятниками одной очень давней традиции.

В античном Северном Причерноморье каменные алтари прямоугольной формы являлись важной частью культового комплекса V–III вв. до н.э. в Мирмекии³⁴. Очаги-жертвенники, помимо зольников Китея, Илурата и того же Мирмекия, встречались и просто в быту Боспорского царства. В Зеноновом Херсонесе очаги с обгорелыми остатками жертвоприношений открыты в слое V–VI вв. – заключительного периода функционирования городища на мысе Зюк³⁵. В каждом конкретном случае встает вопрос о вероятной интерпретации таких памятников. В Северо-Западном Причерноморье в конце VI – первой половине V в. до н.э. в Ольвии и Никонии функционировали культовые комплексы с эсхарами для почитания хтонических, вероятно, связанных с земледелием божеств³⁶. Фракийцы тоже обращались к горным силам с пожеланием обеспечить плодородие и изобилие. Так, Румяной Георгиевой исследованы фракийские культовые ямы³⁷, и она, аналогично В. Любеновой, приходит к заключению о глубокой связи во фракийском мире хтонических культов мертвых и плодородия, когда на алтаре очищение огнем сопровождалось дарами и жертвоприношениями вкупе с возлияниями³⁸. Принимая эти утверждения, можно попытаться все же истолковать наличие близ алтарей из Нижней Граштицы и Чаталки вертикально вкопанных труб. Вполне возможно, что сущность производившихся на таких эсхарах священнодействий объясняет наблюдение из довоенного исследования Кл. Шеффера об Угарите, воспроизведенное и развитое у И.Ш. Шифмана³⁹: «Значение магической церемонии, приносящей удачу, имеет, в частности, жертвоприношение Анату перед тем, как начать хлопоты о доме для Баалу:

Помести в землю жертву хлебную,
положи во прах мандрагоры;
вылей воздаяние в глубины земли,
спрячь котел в глубину полей.

³³ Штаерман 1987, 234; Тахо-Годи 1987, 299.

³⁴ Виноградов 1992, 110–111.

³⁵ Масленников 1992, 155, 168.

³⁶ Козуб 1976, 124–130; Секерская 1989, 96–98.

³⁷ Георгиева 1991, 1–11; 1999a, 165–183.

³⁸ Георгиева 1999b, 216–232; 1999c, 233–241.

³⁹ Шифман 1987, 99.

Существование такого обряда подтверждается и археологически: при раскопках была найдена глиняная трубка, зарытая в землю в вертикальном положении, через нее совершались возлияния. На разных уровнях в трубке были сделаны отверстия, так что жидкость уходила в землю. У нижнего конца трубки были зарыты котлы и ритоны, содержавшие, несомненно, ритуальные приношения. Связь описываемой церемонии с земледельческими культами очевидна; возможно, что в обычных условиях она совершалась перед началом полевых работ». Конечно же, призрачная аналогия с Ближнего Востока XIII в. до н.э. отнюдь не убеждает в правомерности подобной реконструкции ритуала у фракийцев на своих эсхарах – на Балканах всегда была иная природная среда и свои глубокие традиции, ориентированные не только на специфику культурно-хозяйственного типа. В современной балканистике настойчиво ставился вопрос о выделении фракийских реликтов в болгарской средневековой культуре и некоторых даже в нынешней, то есть речь идет об устойчивом этнокультурном континуитете на землях древней Фракии⁴⁰. Имеется редкое, практически забытое исследование по Македонии знаменитого российского слависта А.М. Селищева с довольно интересными наблюдениями⁴¹. Так, невзирая на запрет еще императора Феодосия (Cod. Theod. XVI. 10. 12) приносить кровавые жертвы, эта «греко-фракийская» традиция продолжилась, причем кровь жертвенных животных у греков даже в XI–XIV вв. выпускали и на землю, и на очаг⁴². Вопреки противодействию православия это продолжалось и потом. По мнению А.М. Селищева, к XVII–XIX вв. среди славян только будто бы у русских, благодаря многовековому соседству с финскими народами, и у болгар, вследствие их близости к фракийцам и грекам, сохранились кровавые жертвоприношения. Для обеспечения плодородия кровь животных спускали на землю, а иногда – на очаг (например, у финнов-вотяков). У древних греков в целях освящения и очищения места погребения на могилы умерших приносили поминальные продукты и резали черных животных, обычай заклания жертв над специальным отверстием отмечен еще Гомером (Od. XI. 33–36). Издавна хтоническим силам в честь героя-покровителя дома кровь черных животных выпускали на землю и очаг для обеспечения благополучия дому, то есть семье и роду. Любопытные моменты обрядов «стопан» (хозяин) или «стопанова гостба» и «наместник»⁴³ в Болгарии истекших столетий, вероятно, воспроизводили магические действия далеких предков: «очаг очищали от пепла, делали в нем отверстие, зажигали огонь и по одной свече по обеим сторонам очага и у дверей; затем старейшая женщина резала жертву – черную курицу, так что вся кровь стекала в отверстие, после чего оно заравнивалось и замазывалось глиной», иначе же «закалывали совершенно черного барана над отверстием (ботросом), выкопанным на правой стороне очага, так что вся кровь стекала в него, после чего в отверстие складывали и внутренности барана, заравнивали и замазывали сверху глиной, а кровью смазывали и противоположную сторону очага; кровью жертвы рисовали кресты в левом углу у очага». В итоге эти, казалось бы, чисто домашние празднества заканчивались поеданием жертвенной пищи почему-то снаружи, вне дома. При анализировании материалов, со-

⁴⁰ Фол 1990, 7–34.

⁴¹ Селищев 1929.

⁴² Селищев 1929, 267; Теодоров 1972, 114.

⁴³ Селищев 1929, 273–275; Теодоров 1972, 107–110.

бранных Е. Теодоровым, вспоминается праздничное жертвоприношение «сбор», которое могло иметь и общественный, и семейно-частный характер, а также обряд «оброк», при котором жертвоприношение и пир осуществлялись непременно вне дома в особом месте – оброчном⁴⁴. Кстати, место для оброка обычно имело деревья, жертвенник и воду, то есть традиционно выбиралось в дубравах и у источников. Замечу, что нижеграштицкие эсхары открыты у берега старого русла Струмы (гомеровского Стримона), где вблизи и доныне бьют холодные ключи. Они располагались вне интерьеров построек и вполне могли использоваться как жертвенники оброчного места.

Вполне возможно, что это были эсхары автохтонного населения горных балканских районов, связанные с очень архаичным, универсальным для многих народов сельскохозяйственным культом, либо же с поминовением предков⁴⁵.

Вино могло быть ритуальным заменителем крови? «Как кровь оно и весело течет» (Arist. Lys. 205). Вино, которое использовали для совершения возлияний во многих ритуалах, на первый взгляд, является, конечно, жертвой бескровной, но по сути все же она не всегда являлась таковой.

Весьма важно в этой связи напомнить, что отдельные божества допускали только «трезвые» возлияния из медовой сыты, иногда в смеси с молоком и маслом, но не вино. Следует еще указать, что некоторые культы вообще не допускали кровавых жертв. Именно по этой причине на афинском Акрополе, где был жертвенник Всевышнего Зевса, не приносились кровавые жертвы живых существ, нельзя было совершать возлияния вином (Paus. I. 26. 6). Вероятно, в данном случае ассоциативно соединялись кровавые жертвы с возлиянием вина, так как в представлениях древних вино и кровь были тесно связаны в символическом плане⁴⁶. Не будет преувеличением предположение, что вино воспринималось, скорее всего, как обрядовый заменитель крови. Так проявлялся основной в представлении древних действенный закон симпатической магии: подобное рождает подобное и должно заменяться подобным⁴⁷.

Следует думать, что в качестве заместительной жертвы – крови вином – должно было использоваться только красное вино, напоминавшее ее по цвету. По крайней мере, авторам работы ничего не известно о том, что возлияния совершались белым вином. Важно напомнить, что при клятвенных жертвоприношениях использовали чистое вино⁴⁸. Неразбавленное, оно в обряде реально заменило клятву на крови. Ранее же торжественные клятвы нередко сопровождались возлияниями и кровавыми жертвами. Божество, невидимо присутствующее при совершении жертвы, становилось свидетелем клятвы. Кровью жертвенных животных, в которую клянущиеся обмакивали свое оружие, скреплялись военные договоры (Хеп. Анаб. II. 2. 9)⁴⁹. Отсюда и доживший до наших дней обычай «братания» кровью или смесью вина с кровью. Интересно, что такое братание было гораздо сильнее родственных связей. Это можно объяснить только тем, что посредством крови и

⁴⁴ Теодоров 1972, 111–113.

⁴⁵ Крыкин 1990, 81–87; 2010, 61–71.

⁴⁶ Meeks 1993, 23 etc.

⁴⁷ Ср. Андреев 1998, 274.

⁴⁸ Латышев 1997, 89.

⁴⁹ Латышев 1997, 70.

вина люди соединялись с божеством в единое неразрывное целое, а мистическая связь такого рода была, конечно, крепче родственных уз.

Анализ мифологических преданий позволил сделать вывод, что предшествовавший Дионису культ Ликурга предполагал возлияния кровью: «... арабийцы на алтарных жирных камнях чтут как бога сына Дрианта– Ликурга, но не возлиянием вина, а крови» (Non. XXI. 157–160).

Умерших предков, героев и почитаемых хтонических богов насыщали возлияниями крови – сути жизни. Только после этого эти потусторонние силы входили в контакт с людьми. По этой причине Улисс, прибыв в царство мертвых, в далекую страну киммерийского мрака, принес там в жертву овец, выпустив их кровь в канаву, а ослабевшие тени, собравшись около нее, жадно поглощали кровь и обрели таким образом силу говорить с ним⁵⁰.

Вероятно, только после торжества дионисова культа и по мере его распространения жертвоприношение кровью во многих винодельческих регионах начало замещаться винными возлияниями. Кровь людей и животных была заменена подобным веществом – вином, даром лозы, происходившей также от крови, но от крови богов – ихора (Non. XII. 293–298). Нонн нередко сравнивал не только вино, но даже виноградный сок с кровью, а в одном месте он прямо указывал: «Крови ручей как вестник свершившегося приношенья на алтаре <...> прообраз далекий возлиянья вином» (Non. IX. 93–94; XII. 203).

Еще у Гомера неоднократно описываются возлияния вином богам: в «Одиссее» – 10 раз, в «Илиаде» – 13 раз⁵¹. Дионисов культ соединил поминки с питьем вина на Анфестериях и ввел обычай возливать вино на могилы, тогда как раньше возлияния состояли исключительно из молока, меда и еля⁵². С этого момента погребальные (поминальные) обряды были неразрывно связаны с вином. В песне XXXVII «Деяний Диониса» описываются игры и погребальные действия на тризне по герою Офельтесу из стана Диониса, павшего в битве с индами. Это описание сохранило массу очень архаичных деталей. Например, ветви для погребального костра срубаются медным инструментом. В жертву умершему соратники принесли отрезанные пряди волос. При погребении, помимо животных (быков, овец, лошадей), совершается массовое человеческое жертвоприношение: двенадцать пленных индов были зарезаны мечом погибшего. Погребальное сооружение для кремации имело высоту сто локтей. В его центре (наверху) положили тело погибшего, вокруг которого выложили тела убитых индов, туши животных. Костер поджигали ближе к ночи. Огонь добывали ударами друг от друга двух камней, по-видимому, кремней – мужского и женского, натертых священной серой. Между ними находился фрагмент эритрейского дерева. Однако огонь загорелся не сразу, а только после того, как Дионис призвал на помощь восточный ветер – Эвр.

Дионис совершал возлияния вместе с кровным сородичем покойного Астерием диктейским вином из двуручного кносского(!) сосуда, наполненного благоуханным вином (амфоры?). Войско утром оросило вином то, что осталось на месте погребального костра. Астерий обернул оставшиеся кости друга в двойной слой жира и поместил их в золотую чашу, которая была захоронена в каменной гроб-

⁵⁰ Фрэзер 1986, 431.

⁵¹ Ловчев 1999, 44.

⁵² Иванов 1994, 120.

нице. На месте погребения поставили стелу с памятной надписью. После этого Дионис для надгробных игр устроил конные ристалища, кулачные бои, борьбу, бега, метание диска, стрельбу из лука, бой на копьях с медными наконечниками (причем воины были одеты в броню, смертельные удары были запрещены) с богатыми наградами (доспехи, кони, треножники, оружие, драгоценности).

По Гомеру, при погребении Патрокла ахейцы костер, в котором совершилась кремация героя, «...угасили багряным вином, поливая пространство все, где пламень ходил». Затем собрали в золотую чашу кости Патрокла, обложив их туком двойным (Il. XVIII, XXIII), а при погребении Ахилла кости его после сожжения тела омыли чистым вином, умастили мазью и поместили в золотой сосуд (Od. XXIV).

В хеттской религиозной практике возлияния вином были обычным явлением, за случайный пролив вина, как и за повреждение ритуального хлеба, предназначенного для жертвоприношения(?), следовало серьезное материальное наказание, и место, где это произошло, считалось оскверненным.

Древние египтяне, как свидетельствовал Плутарх в своем трактате «Об Исиде и Осирисе», ранее не совершали возлияния богам вином, так как не было это приятным богам, напротив, вино считали кровью тех, кто некогда воевал с богами; когда они пали и смешались с землей, из них, якобы, произросла лоза. Поэтому пьянство делает людей бешеными и безумными, словно они наполняются кровью предков. Эвдокс Книдский (408–355 гг. до н.э.) утверждал, что именно так об этом рассказывали жрецы. С этим перекликается мифологическая версия Нонна Панополитанского, по которой после битвы с Дионисом кровь погибших индов смешалась с озерной водой, бог сжалился над погибшими и (чтобы пролитая кровь не пропала даром!?) наделил смесь способностью опьянять. Битва с индами примыкала к описанию отжима винограда в давильне. Можно, следовательно, подразумевать под гроздьями винограда самих индов, а значит, истребление их есть «истребление» ягод винограда в давильне (Non. XIX).

Преображенные воды стали веять благоуханием, окрасили берега в темно-красный цвет и показались индам неземным напитком, не дававшим пресыщения у пьющих, но вызывавшим безумство (Non. XIV. 414–430; XIX). Здесь, как и в египетской версии, вино происходит от смешения крови убитых врагов (жертв богу?), правда, не с землей, но водой. Смешивание же земли с человеческой кровью опасно, так как могло повредить плодородие почвы. Поэтому(?) Гея (Земля), почерневшая и разбухшая от крови сыновей своих индов, просила Диониса прекратить избиение, ибо раньше Дионис был плодоносным, ныне стал смертоносным, раньше дарил колос земледельцу, а теперь скашивает индов, как будто жатву совершает, влагой Зевса окроплял и Арею кровь возливал (Non. XXII. 304–314). Итак, здесь сын Зевса – Дионис не только сеятель полбы, но и убийца, который не только управляет плодоносным дождем, но и обильно возливает кровь людей. Вместо плодоносного дождя, благодаря которому стала плодной Эллада, Дионис залил землю индов кровью, став смертоносным (для посевов?). Гидасп также гневался на Диониса за то, что потоки крови индов, пролитой Дионисом в битве, попавшие в море, осквернили владения Посейдона кровавой грязью (XXIV. 18–20). Возможно ли в просьбе Геи и гневе Гидаспа видеть запрет возлияний крови людей

и человеческих жертвоприношений, сказать сложно. Земля, оскверненная кровью и оскорбленная преступлением, не дает семенам прорасти⁵³.

Римляне тоже не сразу стали возливать вино на могилах и алтарях. Правда, Плиний объясняет это не религиозными мотивами, а практичностью древних, которые в течение долгого времени на вино были скупы. Вино было дорогим напитком, поэтому они совершали возлияния богам молоком. Так поступали Ромул и Нума Помпилий, причем последний издал закон, согласно которому запрещалось поливать вином костер (Plin. Hist. Nat. XIV. 88, 90). Следует отметить, что возлияния вином совершали не только Вакху, но Церере, для этого сельская молодежь использовала перебродившее вино и мед, трижды обходила молодые всходы с гимнами богине (Verg. Georg. I, 344–346).

У скифов сначала не было в обычае проливать вино в качестве возлияний, так как это считалось нечестьем по отношению к богу (Luc. Tox., 45). Хотя впоследствии, возможно, под влиянием греческой религиозной идеологии, они начали их совершать. Этому есть археологические свидетельства. Так, в южном дворце Неаполя Скифского был обнаружен культовый комплекс, по-видимому, связанный с почитанием Диониса. В особом помещении находилось несколько козлиных черепов, ориентированных на жертвенное место, около которого выявлены небольшие фависсы. Кроме того, под полом мегарона найден хтонический жертвенник, сооружение которого связывается со смертью хозяина дворца – царя Скилура⁵⁴. Жертвенник представлял собой синопскую амфору II в. до н.э., которая была вертикально установлена в специальной яме за очагом, расположенным в центре мегарона. Ее горло было запечатано деревянной пробкой, а ножка аккуратно отбита. Образовавшееся отверстие примыкало к скале, и вино, постепенно стекая, уходило в землю. Это была жертва не только божеству (Дионису?), но и умершему обожествленному династу, что в принципе соотносится с греческими представлениями о заупокойном культе⁵⁵. Таким образом эллинизированные обитатели дворца приносили жертвы и совершали возлияния душам умерших предков, почитаемым в качестве хтонических божеств⁵⁶.

Фактически амфора в культовом комплексе являлась ботросом и служила для возлияний божествам подземного мира. Подобные сооружения, связываемые с «кормлением» умерших, широко представлены в боспорских курганах, они являлись неотъемлемой частью греческого погребального обряда⁵⁷, как, впрочем, и многих других народов. В Вани (Грузия) археологически прослежены выдолбленные в скале особые каменные ванны небольших размеров, которые ограждались вертикально установленными плитами. Они служили для возлияния крови жертвенных животных при совершении религиозных обрядов⁵⁸. Это подтверждается этнографическими свидетельствами из горных районов Хевсурети и Тушети. При жертвоприношениях подземным богам, героям или душам усопших кровь животного выливалась в яму и таким образом сходила в подземное царство, туша раз-

⁵³ Фрэзер 1986, 52.

⁵⁴ Зайцев 1997, 47.

⁵⁵ Ср. Сапрыкин 1997, 85.

⁵⁶ Сон 1993, 116.

⁵⁷ Кастанаян 1950, 130–131.

⁵⁸ Лордкипанидзе 1978, 21.

резалась на части и сжигалась на жертвеннике, а пепел сбрасывался в ту же яму или зарывался подле нее⁵⁹.

В Восточном Крыму и на западе Фракии открыты культовые жертвенники древних хтонических божеств, близкие разве что типологически. Однако ситуация интересна тем, что в составе населения крепости Пароста (городище Артезиан) вплоть до разгрома ее римлянами в начале римско-боспорской войны 44/45–49 гг. н.э. достоверно зафиксированы потомки фракийских наемников. Массовое появление фракийских пельтастов известно на Боспоре с периода междинастической войны Спартокидов – Сатира и Евмела – Диодор (XX. 22–25) писал о прибытии двух тысяч. Поскольку боспорские цари воспроизводили систему военных поселений-катойкий, одна такая катойкия располагалась в урочище Артезиан в Крымском Приазовье и оформила политевму фракийцев (пришельцев из центра Балкан и их потомков). Фракийский этнокультурный субстрат на Боспоре оказался очень устойчивым и заметным⁶⁰, что, впрочем, не дает прямого основания открытые на Артезианском городище жертвенники для либаций связывать конкретно с фракийским влиянием.

Напоследок хочется добавить и следующие факты и наблюдения. Древнеэллинистскому миру достаточно известен элевсинский обряд возлияния. Ножка амфоры вполне могла являться фаллическим символом. Сама глина гончарная воспринималась в античном мире как исходный материал для творения человека. Амфоры – их верх и низ – могли восприниматься как соединение хтонического и уранического начал. При жертвоприношениях приняты были жертвы бескровные и кровавые, при этом возлияния являлись непременной частью жертвоприношений. И потом само потребление вина стало ритуалом. Вино нередко замещало кровь, им поливали даже места кремаций умерших. Не случайно Нонн Панополитанский (Nonn. IX. 93–94; XII. 203) заметил: «Крови ручей как вестник свершившегося приношения на алтаре <...> прообраз далекий возлияния вином».

Винодельни могли восприниматься как места обитания божества и даже его олицетворения (?). Даже обнаруживаемые керамические «грузила» могли быть связаны с культовыми возлияниями.

На Боспоре была замечена склонность хранить импортную винную тару. Лишь в конце IV – начале III в. до н.э. появились собственно боспорские амфоры для вина, причем расширение собственного винопроизводства наблюдалось на Боспоре поначалу именно на рубеже IV–III вв. до н.э., а потом в первые века н.э. То есть открытые на Артезианском городище жертвенники относятся ко временам винного изобилия на Боспоре.

Возлияния античных эллинов начинались обычно в честь Гестии или доброго демона, затем в честь Зевса Олимпийского и других богов (и Диониса), потом – героев и в конце – Зевса Спасителя.

Античный мир нуждался в изобилии вина. Так, Полиэн в своих «Стратегемах» (III. 10. 10) отмечал, что котила вина (0,274 л) служила минимальной нормой воина. Спартиаты на своих сисситиях потребляли нормативно 0,867 л вина и даже однажды посаженные на о. Сфактерия по договору с афинянами получали все же извне по 0,769 л. По мнению Н.И. Сокольского, в армии боспорского царя Сати-

⁵⁹ Латышев 1997, 89.

⁶⁰ Крыкин 2015, 57–66.

ра, куда входили многочисленные наемники (и фракийские пельтасты в их числе) в нормах потребления зерна, вина, соли и т.д. располагали ежедневно 700–800 г вина. По М. Порцию Катону (Cato. 57), рабы получали в день 0,72–0,636 л вина, даже в строгости – одну-две котилы (0,274–0,547 л), а в праздники Сатурналии и Компиталии вообще до 3,28 л. Усредненный рабский винный паек составлял в итоге 0,6778 л. Между тем Полибий (VI. 39) утверждал, что столько же получали и воины. Офицеры получали винный паек в большем объеме: так, известно, что один римский трибун получал 20 порций солдата или раба – 5,247 л вина, а другой даже 5,47 л. Что касается римских императоров, то Александр Север из предлагавшихся 16,41 л выпивал лишь шестую часть – 3,28 л. Аврелиану полагалось в день 21,89 л вина. Скромный Август за обедом выпивал 0,55 л, а аскетичный Тацит вообще в день те же 0,55 л, а то и 0,23 л.

Таким образом, античные граждане потребляли в день 0,68/0,87 – 3,28/5,47 л вина. Видимо, еще вполне хватало вина для жертвенных возлияний. На городище Артезиан, где для изготовления жертвенников из амфор использовалась чужая, вторично использованная тара, изобилие местного вина позволяло осуществлять щедрые возлияния любого вина, тем более нормативно снабжавшегося всем необходимым по понятиям античного времени наемника.

Археологические данные показывают, что практика либаций была распространена как на Боспоре, так и во Фракии. Однако особенности конструкции жертвенников показывают, что они имели оригинальное устройство в каждом регионе, и их развитие не было взаимообусловлено (взаимосвязано). Тем не менее в основе жертвенных хтонических возлияний, широко распространенных в Причерноморье и Средиземноморье, лежали сходные религиозные представления, связанные с почитанием фракийцами и боспорянами богов и героев, а также проведением обрядов возлияний и «кормлений» теней умерших близких и родственников. Не приходится также сомневаться в том, что практика возлияний могла находиться в определенной взаимосвязи с совершением сожжений и культом огня.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии*. (БЧ XV). Керчь, 5–16.
- Андреев, В.В. 1994: *Дионис и прадионисийство*. М.
- Андреев, Ю.В. 1998: *Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. СПб.
- Бартонек, А. 1961: *Златообильные Микены*. М.
- Бобчев, С.Н. 1961: Смесенатазидария в римските и ранновизантий скитестроежи. *Известия на Археологическия институт*. XXIV, 154–202.
- Бурмов, А. (ред.) 1958: *Латински извори за българската история*. Т. II. (Извори за Българската история). София.

- Буйских, С.Б. 1991: *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев.
- Виноградов, Ю.А. 1992: Мирмекий. В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Масленников, О.Н. Усачева и др. (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 99–119.
- Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 79–88.
- Винокуров, Н.И. 2005: Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в периодантичности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф*. (БЧ VI). Керчь, 50–60.
- Винокуров, Н.И. 2007а: Во всем ли виноваты варвары? *PARA BELLUM* 28, 17–56.
- Винокуров, Н.И. 2007б: Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. до н.э. в боспорской крепости Артезиан. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб, 190–199.
- Винокуров, Н.И. 2008: Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria*. (БЧ IX). Керчь, 67–77.
- Винокуров, Н.И. 2009: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье. *PARA BELLUM* 31, 9–16.
- Винокуров, Н.И. 2010а: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: Р.М. Мунчаев, Д. Браунд и др. (ред.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки*. I. М.–Киев, 38–44.
- Винокуров, Н.И. 2010б: Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году. *ДБ* 14, 46–65.
- Винокуров, Н.И. 2012: *Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011)*. Тюбинген.
- Винокуров, Н.И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. *Российский научный журнал* 1 (32), 30–40.
- Винокуров, Н.И. 2014: Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан. *Таврические студии. Исторические науки* 6, 98–105.
- Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2017: Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. *ПИФК* 4, 170–194.
- Георгиева, Р.1991: Обрядными в Тракия (края на II–I хил. пр. н.э.). *Археология* 1, 1–11.
- Георгиева, Р. 1999а: Обрядными в Тракия (края на II–I хил. пр. н. э.) В кн.: Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо (ред.), *Етнология на траките*. София, 165–183.
- Георгиева, Р. 1999б: Погребението (края на II–I хил. пр. н.э.). В кн.: Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо (ред.), *Етнология на траките*. София, 216–232.
- Георгиева, Р. 1999в: Поменални практики (края на II–I хил. пр. н. э.). В кн.: Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо (ред.), *Етнология на траките*. София, 233–241.
- Домарадски, М.1977: Произход и хронология на зооморфни текултови фигурки в Тракия през I хил. пр. н. э. *Thracia Antiqua* 2, 95–100.
- Дремсизова-Нелчинова, Цв., Слокоска, Л. 1978: *Археологически паметници от Кюстендилски окръг*. София.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Южный дворец Неаполя Скифского. *ВДИ* 3, 36–50.
- Захариев, Й. 1963: *Кюстендилска котловина (географско-етнографскоизследване)*. София.
- Зеест, И.Б. 1961: *Керамическая тара Боспора*. (МИА 33). М.
- Иванов, Й. 1906: Северна Македония, исторически изследвания. София.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира*. Киев.

- Кастанаян, Е.Г. 1950: Обряд тризны в боспорских курганах. *СА* 14, 124–138.
- Клейман, И.Б., Сон, Н. А. 1983: *Западнопонтийские и провинциальноримские культурно-экономические связи Тире*. В сб.: В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев 47–59.
- Козуб, Ю.И. 1976: Древнейший культовый комплекс Ольвии. В сб.: *Художественная культура и археология античного мира*. М., 124–130.
- Крапивина, В. В. 1984: К вопросу о застройке Ольвии во II–III вв. В сб.: С.Д. Крыжицкий (ред.), *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев, 201–210.
- Крыкин, С. М. 1991: Позднеантичное и ранневизантийское «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила. В сб.: *Болгаристика в системе общественных наук. II Все-союзная конференция по болгаристике. Тезисы докладов*. Харьков, 24–25.
- Крыкин, С.М. 1993: *Фракийцы в античных городах Северного Причерноморья*. М.
- Крыкин, С.М. 2000: Долна Граштица-90: фракийские очаги и жертвенники. *Этнографическое обозрение* 1, 81–87.
- Крыкин, С.М. 2010: Реликты духовной культуры автохтонов Восточных Балкан. *Вестник МГПУ* 2 (6), 61–71.
- Крыкин, С.М. 2015: Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре. *Вестник МГПУ* 2 (18), 57–66.
- Кузьмина, Е. Е. 1994: *Откуда пришли индоарии?* М.
- Латышев, В.В. 1997: *Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности*. СПб.
- Ловчев, В.А. 1999: Психоактивные вещества в культуре Греции гомеровского периода. *Античность: события и исследователи*. Казань, 27–38.
- Лордкипанидзе, О.Д. 1978: *Город-храм Колхиды*. М.
- Любенова, В. 1985: Антична зооморфна пластика от окръжния музей – Перник. В сб.: М. Тачева (ред.), *Terra Antiqua Balcanica* 2. (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. LXXVII, 2). София, 260–273.
- Масленников, А.А. 1992: Зенонов Херсонес – городок на Меотиде. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 120–173.
- Милошевић, Г. 1987: Ранновизантијска архитектура на Светињи у Костолацу. *Старинар*. XXXVIII. Београд.
- Милчев, Ат. 1960: Археологически разкопки и проучвания в долината на Средна Струма. *Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет*. LIII. 1. 1959. София, 358–463.
- Найденова, В. 1985: *Римската вила в с. Кралев дол, Пернишкиокръг*. (Разкопки и проучвания XIV). София.
- Николов, Д. 1984: *Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско*. (Разкопки и проучвания XI). София, 5–73.
- Русанова, И.П., Тимошук, Б.А. 1993: *Языческие святилища древних славян*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 1997: Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора. *ВДИ* 3, 85–92.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы). *ВДИ* 3, 134–162.
- Сафронов, В.А. 1989: *Индоевропейские прародины*. Горький.
- Секерская, Н.М. 1989: *Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э.* Киев.
- Селищев, А.М. 1929: *Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии*. София.
- Сон, Н.А. 1993: *Тира римского времени*. Киев.
- Тахо-Годи, А.А. 1987: *Гестия*. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. I. М., 299.
- Теодоров, Е. 1972: *Древнотракийско наследство в българския фолклор*. София.
- Фол, А. 1990: *Политика и култура в древна Тракия*. София.

- Фрэзер, Д.Д. 1986: *Фольклор в Ветхом Завете*. М.
- Шифман, И.Ш. 1987: *Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв.)*. М.
- Штаерман, Е.М. Веста. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. I. М., 234.
- Чичикова, М. 1975: *Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии*. В сб.: В. Велков, Ф. Фол (ред.), *Studia Thracica I: Фрако-скифские культурные связи*. София, 180–195.
- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS* 18. 2, 207–278.
- Krapivina, V. 1994: Olbia in the Roman Period. In: G. Susini (ed.), *Limes. Studi di storia* 5. Bologna, 190–195.
- Meeks, D. 1993: La production de l'huile et du vin dans l'Egypte pharaonique. In: M.C. Amouretti, J.P. Brun (ed.), *La production de vin et de l'huile en Méditerranée*. Athens, 3–38.
- Mikhailov, St., Sestrimiska, M., 1981: *The Old School in Kiystendil. Materials from archaeological excavations*. Sofia.
- Sultov, B. 1985: Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (IInd–IVth c.). *Terra Antiqua Balcanica* 1. (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. LXXVI, 2. 1983). София.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporskoy voyny 45–49 gg. s gorodishcha Artezian [Two hoards of coins and jewelry dating back to the Roman-Bosporan war of 45–49 from the settlement of Artezian]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 93–146.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2014: Khronologicheskie indikator i problem interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and problems of interpretation of the Bosporan-Roman war layer of the Artezian settlement]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problem khronologii. XV Bospor Readings. Cimmerian Bosporus and barbaric world in antiquity and the Middle Ages. Topical issues of chronology*. (XV Bosporskie chteniya). Kerch, 5–16.
- Andreev, V.V. 1994: *Dionis i pradionisiystvo* [Dionisus and pra-Dionism]. Moscow.
- Andreev, Yu.V. 1998: *Tsena svobody i garmonii. Neskol'ko shtrichov k portretu grecheskoy tsivilizatsii* [The price of freedom and harmony. A few touches to the portrait of Greek civilization]. Saint Petersburg.
- Bartonek, A. 1961: *Zlatoobilnye Mikeny* [Gold-domed Mycenae]. Moscow.
- Bobshev, S.N. 1961: Smesennata zidaria v rimskite i rannovizantiyskite stroezhi. *Izvestiya na Archeologicheskiya institut* XXIV, 154–202.
- Burmov, A. (ed.) 1958: *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya*. (Izvori za B'lgarskata istoriya). Vol. II. Sofiya.
- Buyskikh, Kh.S.B. 1991: *Fortifikatsiya Ol'viyskogo gosudarstva (pervye veka nashey ery)* [Fortification of the Olbia state (1st centuries AD)]. Kiev.
- Chichikova, M. 1975: Zhertvenniki ellinisticheskoy epokhi vo Frakii [Altars of the Hellenistic period in Thrace]. In: *Studia Thracica-I: Frako-skifskie kulturnye svyazi*. In: *Studia Thracica I: Thracian-Scythian Cultural Relations*. Sofia, 180–195.
- Domaradski, M. 1977: Proizkhod i khronologiya na zoomorfnite kultovi figurki v Trakiya prez I khil. pr. n. e. *Thracia Antiqua* 2, 95–100.

- Dremsizova-Nelchinova, Tsv., Slokoska, L. 1978: *Arkheologicheski pametnici ot Kyustendilski okrug*. Sofia.
- Fol, A. 1990: *Politika i kultura v drevna Trakiya*. Sofia.
- Frazer, J.G. 1986: *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow.
- Georgieva, R. 1999c: Pomenalni praktiki (kraya na II–I khil. pr. n. e.). In: *Etnologiya na trakite*. Sofia, 233–241.
- Georgieva, R. 1991: Obredni yami v Trakiya (kraya na II–I khil. pr. n. e.). *Arkheologiya* 1. Sofia, 1–11.
- Georgieva, R. 1999a: Obredni yami v Trakiya (kraya na II–I khil. pr. n. e.). In: *Etnologiya na trakite*. Sofia, 165–183.
- Georgieva, R. 1999b: Pogrebenieto (kraya na II–I khil. pr. n. e.). In: *Etnologiya na trakite*. Sofia, 216–232.
- Ivanov, Y. *Severna Makedoniya, istoricheski izsledvaniya*. Sofia.
- Karyshkovskiy, P.O., Kleyman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira* [Ancient Tyras]. Kiev.
- Kastanayan, E.G. 1950: *Obryad trizny v bosporskikh kurganakh* [Funeral feast rituals in Bosporean barrows]. *Sovetskaya Arkheologia* [Soviet Archaeology] 14, 124–138.
- Kleyman, I.B., Son, N.A. 1983: Zapadnopontiyskie i provintsial'no rimskie kulturno-ekonomicheskie svyazi Tiry [West Pontic and Provincial Cultural and Economic Relations of Tyras]. In: V.P. Vanchugov, G.A. Dzis-Rayko (eds.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoriya* [Materials on Archeology of the Northern Black Sea Region]. Kiev, 47–59.
- Kozub, Yu.I. 1976: Drevneyshiy kul'tovyy kompleks Olvii [Olbia's oldest religious complex]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira* [Art culture and archaeology of Antiquity]. Moscow, 124–130.
- Krapivina, V. 1994: Olbia in the Roman Period. In: G. Susini (ed.), *Limes. Studi di storia* 5, 190–195.
- Krapivina, V.V. 1984: *K voprosu o zastroyke Ol'vii vo II–III vv.* [On the development of Olbia in the 2nd–3rd centuries]. In: S.D. Kryzhickiy (ed.), *Antichnaya kultura Severnogo Prichernomoriya* [Ancient culture of the Northern Black Sea Region]. Kiev, 201–210.
- Krykin, S.M. 1991: *Pozdneantichnoye i rannevizantiyskoye "Gradishte" u s. Dolna Grashitsa bliz Kyustendila* [Late Antique and Early Byzantine „Gradishte“ near the village of Dolna Grastica near Kyustendil]. In: *Bolgaristika v sisteme obshchestvennykh nauk. II Vsesoyuznaya konferentsiya po bolgaristike. Tezisy dokladov* [Bulgaria in the system of social sciences. II All-Union Conference on Bulgarian Studies. Abstracts]. Kharkov, 24–25.
- Krykin, S.M. 1993: *Frakiytsy v antichnykh gorodakh Severnogo Prichernomoriya* [Thracians in the ancient cities of the northern Black Sea]. Moscow.
- Krykin, S.M. 2000: *Dolna Grashitsa-90: frakiyskiye ochagi i zhertvenniki* [Dolna Grashitsa-90: Thracian hearths and altars]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review] 1, 81–87.
- Krykin, S.M. 2010: Relikty dukhovnoy kul'tury avtokhtonov Vostochnykh Balkan [Relics of spiritual culture of the autochthons of the Eastern Balkans]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University] 2(6), 61–71.
- Krykin, S.M. 2015: Terrakotovy «frakiyskie vsadniki» na Bospore [Terracotta “Thracian horsemen” on the Bosporus]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University] 2(18), 57–66.
- Kuzmina, E.E. 1994: *Otkuda prishli indoarii?* [Where did the Indo-Aryans come from?]. Moscow.
- Latyshev, V.V. 1997: *Ocherk grecheskikh drevnostey. Bogosluzhebnye i stsenicheskie drevnosti*. [Essay on Greek Antiquities. Liturgical and stage antiquities]. Saint Petersburg.
- Lordkipanidze, O.D. 1978: *Gorod-khram Kolkhidy* [Temple City of Colchis]. Moscow.

- Lovchev, V.A. 1999: Psikhoaktivnye veshchevstva v kul'ture Gretsii gomerorskogo perioda. In: *Antichnost': sobytiya i issledovately* [Psychoactive substances in the Greek culture of the Homer period. In: *Antiquity: Events and Researchers*]. Kazan, 27–38.
- Lyubenova, V. 1985: *Antichna zoomorfna plastika ot okruzniya muzey – Pernik*. In: *Terra Antiqua Balcanica* 2 (Godishnik na Sofiyskiya universitet. Filosofsko-istoricheski fakultet. LXXVII, 2). Sofia, 260–273.
- Maslennikov, A.A. 1992: Zenonov Khersones – gorodok na Meotide [Zenon's Chersoneses – a town on the Meotis]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [Essays on Archaeology and the History of the Bosphorus]. Moscow, 120–173.
- Meeks, D. 1993: La production de l'huile et du vin dans l'Egypte pharaonique. In: M.C. Amouretti, J.P. Brun (eds.), *La production de vin et de l'huile en Méditerranée*. Athens, 3–38.
- Mikhailov, St., Sestrimska, M. 1981: *The Old School in Kiystendil. Materials from archaeological excavations*. Sofia.
- Milchev, A. 1960: *Arkheologicheski razkopki i prouchvaniya v dolinata na Sredna Struma*. Godishnik na Sofijskija universitet. Filosofsko-istoricheski fakultet LIII, 1. 1959. – Sofia, 358–463.
- Miloshevich, G. 1987: Rannovizantiyska arkhitektura na Svetin' u Kostolatsu. *Starinar* XXXVIII. Beograd.
- Naydenova, V. 1985: *Rimskata vila v s. Krlev dol, Pernishki okryg* (Razkopki i prouchvaniya XIV). Sofia.
- Nikolov, D. 1984: *Trakiyskata vila pri Chatalka, Starozagorsko* (Razkopki i prouchvaniya XI.) Sofia, 5–73.
- Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 1993: *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan shrines of Ancient Slavs]. Moscow.
- Safronov, V.A. 1989: *Indoevropeyskie prarodiny* [Indo-European ancestral homes]. Gorki.
- Saprykin, S.Yu. 1997: *Prirodnye katastrofy i yavleniya v ideologii Mitridata Evpatora* [Natural disasters and phenomena in the ideology of Mithridates Eupator]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 85–92.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: *Gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu (Ego zhiteli i kul'ty)* [Artezian settlement in East Crimea (its inhabitants and cults)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 134–62.
- Sekerskaya, N.M. 1989: *Antichnyy Nikoniy i ego okrug v VI–IV vv. do n. e.* [Ancient Nikonion and his environs in the 6th–4th centuries BC]. Kiev.
- Selishchev, A.M. 1929: *Polog i ego bolgarskoye naselenie. Istoricheskie, etnograficheskie i dialektologicheskie ocherki Severo-Zapadnoy Makedonii* [Polog and its Bulgarian population. Historical, ethnographic and dialectological essays of Northwest Macedonia]. Sofia.
- Shifman, I.Sh. 1987: *Kul'tura drevnego Ugarita (XIV–XIII vv.)* [Culture of Ancient Ugarit (14th–13th centuries BC)]. Moscow.
- Shtaerman, E.M. Vesta [Vesta]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the world]. I. Moscow, 234.
- Son, N.A. 1993: *Tira rimskogo vremeni* [Tyras in the Roman times]. Kiev.
- Sultov, B. 1985: Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (IInd – IVth). In: *Terra Antiqua Balkanica* 1. (Godishnik na Sofiyskiya universitet. Istoricheski fakultet. LXXVI, 2. 1983). Sofia.
- Takho-Godi, A.A. 1987: Gestia [Hestia]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the world]. I. Moscow, 299.
- Teodorov, E. 1972: *Drevnotrakiysko nasledstvo v bylgarskiya folklor*. Sofia.
- Vinogradov, Yu.A. 1992: Mirmekiy [Myrmekion]. In: V.D. Kuznetsov et al. (eds.), *Ocherki arkheologii i istorii Bospora*. [Essays on Archaeology and the History of the Bosphorus]. Moscow, 99–119.

- Vinokurov, N.I. 2004: Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naydennaya pri raskopkakh «Tsitadeli» gorodishcha Artezian [A slab of stone with monograms and tamga-shaped signs found during excavations of the “Citadel” of the ancient settlement of Artezian]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 7, 79–88.
- Vinokurov, N.I. 2005: Gibel’ ranney «Tsitadeli» gorodishcha Artezian [The death of the early “Citadel” of the Artesian settlement]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’a. Periody destabilizatsii i katastrof* [*Cimmerian Bosporus and the barbaric world in Antiquity and the Middle Ages. Times of instability and disaster*]. (VI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 50–60.
- Vinokurov, N.I. 2007a: Vo vsyem li vinovaty varvary? [Are the barbarians to blame?]. *PARA BELLUM* 28, 17–56.
- Vinokurov, N.I. 2007b: Nakhodki kul’tovykh predmetov v sloe pozhara pervoy poloviny I v. do n.e. v bosporskoy kreposti Aptejian [Finds of cult related objects in the fire layer of the first half of the 1st century BC in the Bosporan fortress of Artezian]. In: M.Yu. Vakhtina, V.Yu. Zuev et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: sakral’nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Bosporan phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds. Materials of the international academic conference*]. Pt. 1. Saint Petersburg, 190–199.
- Vinokurov, N.I. 2008: Voina, pozhar ili prirodnyaya katastrofa: arkheologicheskie kriterii otsenok posledstviy katastrof na pamyatnikakh antichnoy arkheologii v Krymskom Priazov’e [War, fire, or natural disaster: archaeological criteria for assessing the consequences of disasters at ancient archeology in the Crimean Azov Sea region]. In: V.N. Zin’ko, E.A. Zin’ko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’ya* [*Cimmerian Bosporus and the barbaric world in the Antiquity and the Middle Ages. Militaria*]. (IX Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 67–77.
- Vinokurov, N.I. 2009: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i pervaya nakhodka gladiusa v Krymskom Priazov’e. [Roman-Bosporan War of 44/45–49 and the first gladius found in the Crimean Azov region]. *PARA BELLUM* 31, 9–16.
- Vinokurov, N.I. 2010a: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel’ ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [Roman-Bosporan War AD 44/45–49 and the death of the early citadel of the Artezian settlement (based on excavations in 2004–2008)]. In: R.M. Munchaev, D. Braund et al. (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor’ya. Noveyshie otkrytiya i nakhodki* [*ΣΥΜΒΟΛΑ. The ancient world of the Northern Black Sea region. Recent discoveries and finds*]. I. Moscow–Kiev, 38–44.
- Vinokurov, N.I. 2010b: Novye nakhodki vremeni nachala bosporo-rimskoy voyny na gorodishche Artezian v Krymskom Priazov’e v 2009 godu [Recent finds of 2009 on the Artezian settlement in the Crimean Azov region dating to the beginning of the Roman-Bosporan War]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 14, 46–65.
- Vinokurov, N.I. 2012: *Arkheologicheskie pamyatniki v Krymskom Priazov’e (po materialam AAE 1988–2011)* [*Archaeological sites in the Crimean Azov region (discoveries of the Artezian Archaeological Mission in 1988–2011)*]. Tübingen.
- Vinokurov, N.I. 2013: Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n.e.– pervoy poloviny I v. n.e. [Artezian settlement in the second half of the 1st century BC – first half of the 1st century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [*Russian Scientific Journal*]. 1 (32), 30–40.
- Vinokurov, N.I. 2014: Raskopki pomeshcheniya 10 (2009, 2011, 2013 gg.) ranney tsitadeli gorodishcha Artezian [Excavations of rooms 10 (2009, 2011, 2013) of the early citadel of Artezian settlement]. *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* [*Tauric Studies. Historical Sciences*] 6, 98–105.
- Vinokurov, N.I., Krykin, S.M. 2017: Rimskaya politika v Severnom i Severo-Zapadnom Prichernomor’e v seredine I v.n.e. [Roman policy in the North and Northwest Black Sea

- region in the mid-1st century AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 170–194.
- Zakhariev, Y. 1963: *Kyustendilska kotlovina (geografsko-etnografsko izsledvane)*. Sofia.
- Zaytsev, Yu.P. 1997: *Yuzhnyy dvorets Neapolya Skifskogo. Southern Palace of Scythian Neapolis. Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 36–50.
- Zeest, I.B. 1961: *Keramicheskaya tara Bospora* [Bosporan pottery]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR] 33). Moscow.

ALTARS FOR LIBATIONS TO THE CHTHONIC DEITIES FROM THRACIA AND THE BOSPORUS: THE COMMON AND THE UNIQUE

Nikolai I. Vinokurov¹, Sergei M. Krykin²

¹*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*
vinokurovn@list.ru

²*Independent researcher, Moscow, Russia*
smkrykin@mail.ru

Abstract. Uncommon altars were discovered on the western borders of the ancient Bosphorus. Libations are the bloodless offerings to the deities both of the earth and the subterranean. The huge quantity of wine was a part of this custom. The ancient population drank a lot of wine, even slaves. Mercenaries' wages include also the wine. The altars in Artesian were probably built by such warriors. The search of possible analogies led to western Thrace, where same altars for the libations were constructed in the Roman period. Probably, they were built by the descendants of the indigenous population of those lands, the representatives of Thracian tribes. Most likely, Artesian (Parosta?) appeared at the place of the military settlement of hired warriors and their descendants. The altars refer to the times, when the Thracians, as special kind of infantry, were presented as a part of the population. It's possible to think about Thracian influence, but it isn't more than hypothesis. The sacrificial wine might have been local. At the time of building altars in the Bosphorus, a lot of cheap wine was produced here.

Keywords: Thrace, Bosphorus, altars, libations

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 93–111
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 93–111
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-93–111

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЯНКА В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

по данным технико-технологического анализа

М.Е. Клемешова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
marinaklem@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения лепной керамики поселения Полянка I в. до н.э. в Крымском Приазовье из раскопок 2016 г. с использованием методов технико-технологического анализа, разработанного А.А. Бобринским. Исследованы фрагменты 174 сосудов. Определены морфологические типы сосудов и составы формовочных масс. Автор установил, что вся изученная керамика изготовлена из ила и илистой глины морских лиманов с использованием примеси органических растворов и дробленой раковины. Посуда, изготовленная из обычной глины, на поселении полностью отсутствует. Только два сосуда из изученных изготовлены в смешанных традициях составления формовочных масс. Это указывает на очень слабые процессы смешения жителей поселения с инокультурным населением – носителями других традиций изготовления лепной керамики. Исследованный керамический комплекс поселения Полянка, за исключением сосудов-подражаний греческой круговой посуде, морфологически однороден. Аналогии большинству типов сосудов относятся в основном к памятникам сельской территории Европейского Боспора. Автор предполагает, что лепная керамика поселения Полянка изготовлена местным варварским населением, в гончарных традициях которого сохранились как архаичные черты (изготовление посуды из ила), так и наиболее поздние (из илистой глины). Это население состояло из родственных групп, имевших некоторые различия в культурных традициях изготовления керамики, основанных на использовании илистого сырья морских лиманов. Сохранение и массовое распространение подобных гончарных традиций у местного населения Европейского и Азиатского Боспора в античное время является уникальным явлением, отличающим культурные традиции этого региона от известных на других территориях в раннем железном веке.

Ключевые слова: Боспор, Крымское Приазовье, поселение Полянка, лепная керамика, культурные гончарные традиции.

В статье представлены результаты изучения лепной посуды I в. до н.э. из раскопок 2016 г. поселения Полянка в Восточном Крыму. Оно возникло, предположительно, на рубеже первой и второй четверти I в. до н.э. на месте погибшего или

Данные об авторе: Клемешова Марина Евгеньевна – младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.

заброшенного эллинистического поселения и существовало до середины последней четверти I в. до н.э. или несколько позднее¹. В данной работе рассматривается керамика, происходящая из заполнения помещений и междомового пространства на раскопах «Основной» и «Верхняя терраса» с площади 387,5 кв.м.

Лепная посуда является наиболее массовой категорией материала на этом памятнике². Для изучения были отобраны венчики от 174 различных сосудов – более 50% обнаруженных в полевом сезоне. Четыре из них являются археологически целыми формами. Первый этап работы был связан с морфологической группировкой керамического материала – все образцы посуды распределены по категориям, видам и типам. Поскольку в большинстве случаев целые формы сосудов отсутствовали, выделение типов производилось на основании учета размеров, форм и степени отгиба венчиков и форм сохранившихся верхних частей тулова крупных фрагментов керамических изделий. Дальнейшее исследование этих материалов произведено методами технико-технологического анализа, разработанного А.А. Бобринским³. Получены данные об отборе и обработке исходного пластичного сырья, а также составления формовочных масс. Изучение образцов проводилось по свежим изломам с помощью микроскопа МБС–10 при увеличении до 56 крат на базе лаборатории «История керамики» Института археологии РАН. Выделенные типы сосудов соотнесены с относящимися к ним рецептами составления формовочной массы. На основании полученных данных выделена историко-культурная информация⁴ о населении поселения Полянка, изготавливавшего керамику методами скульптурной лепки.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЯНКА

Лепная посуда представлена следующими категориями: столовая (миски, тарелки), кухонная (горшки, кастрюли, некоторые миски), тарная (для хранения припасов) – корчага, и, вероятно, некоторые типы горшков, культово-вотивная (миниатюрные мисочки и курильницы на высокой ножке). Последние относятся многими исследователями к предметам, использовавшимся прежде всего в различных культовых обрядах⁵. Все сосуды плоскодонные (рис. 2, 15-21).

Орнамент имеется только на одном горшке (0,6% из всех исследованных). Лощение характерно для 13 сосудов (7,5%). Режимы обжига: в окислительной атмосфере – 74 образца (42,5%), в восстановительной – 48 образцов (27,6%) и в полувосстановительной – 52 образца (29,9%).

Выделено 8 типов горшков, 4 типа мисок, 2 типа тарелок, у остальных видов посуды нет вариаций форм. Ближайшие аналогии горшкам типов 1–4 и мискам типов 1–3 относятся к территории Восточного Крыма.

Горшки:

¹ Масленников 1990, 92–93; 1998, 128–133; 2006, 9–25.

² Масленников 2006, 15.

³ Бобринский 1978; 1999.

⁴ Бобринский 1978; 1999.

⁵ Зайцева 2001, 113, 123–124; Гаврилюк 2007; Масленников 2007, 520–521.

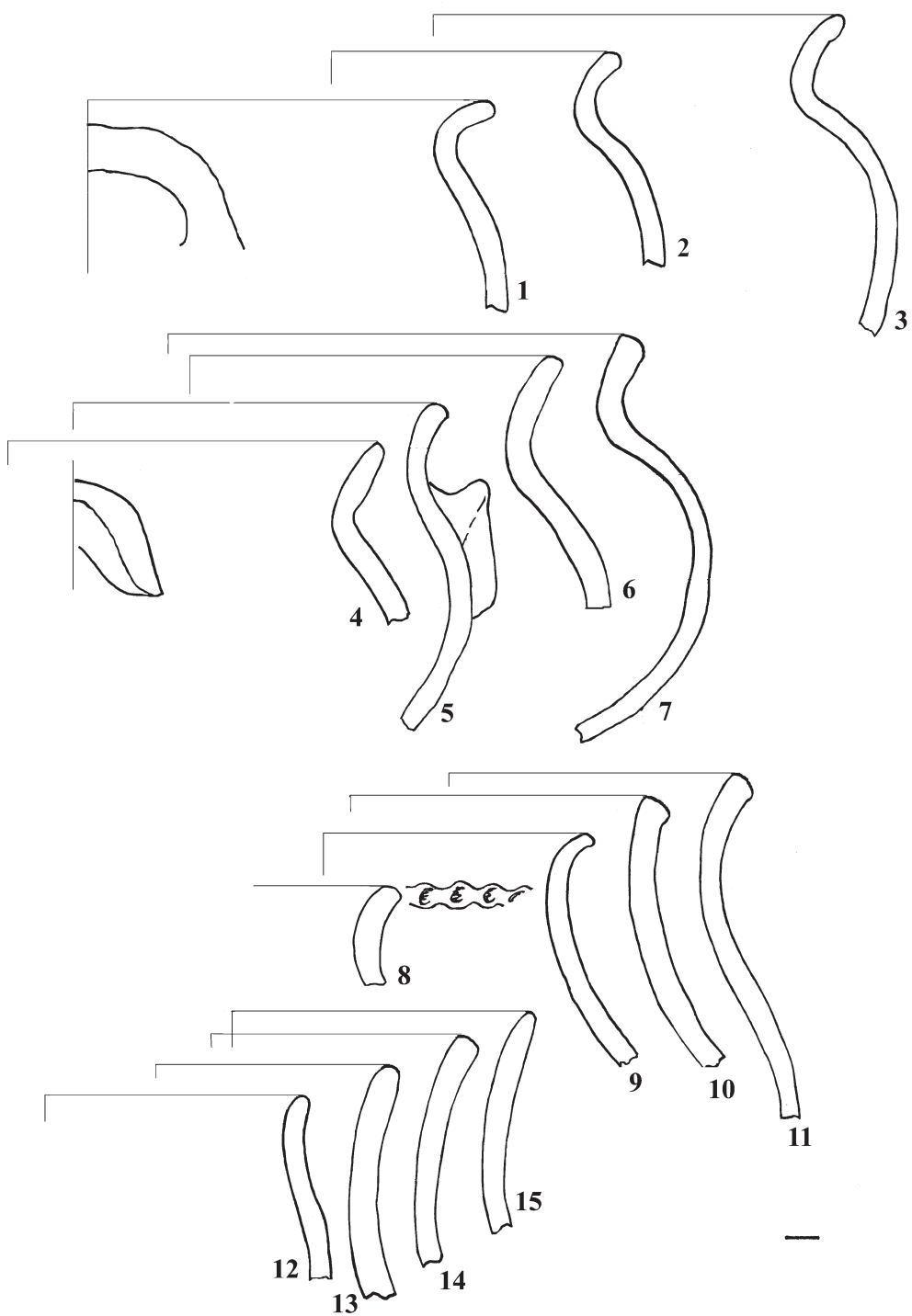

Рис. 1. Лепная керамика

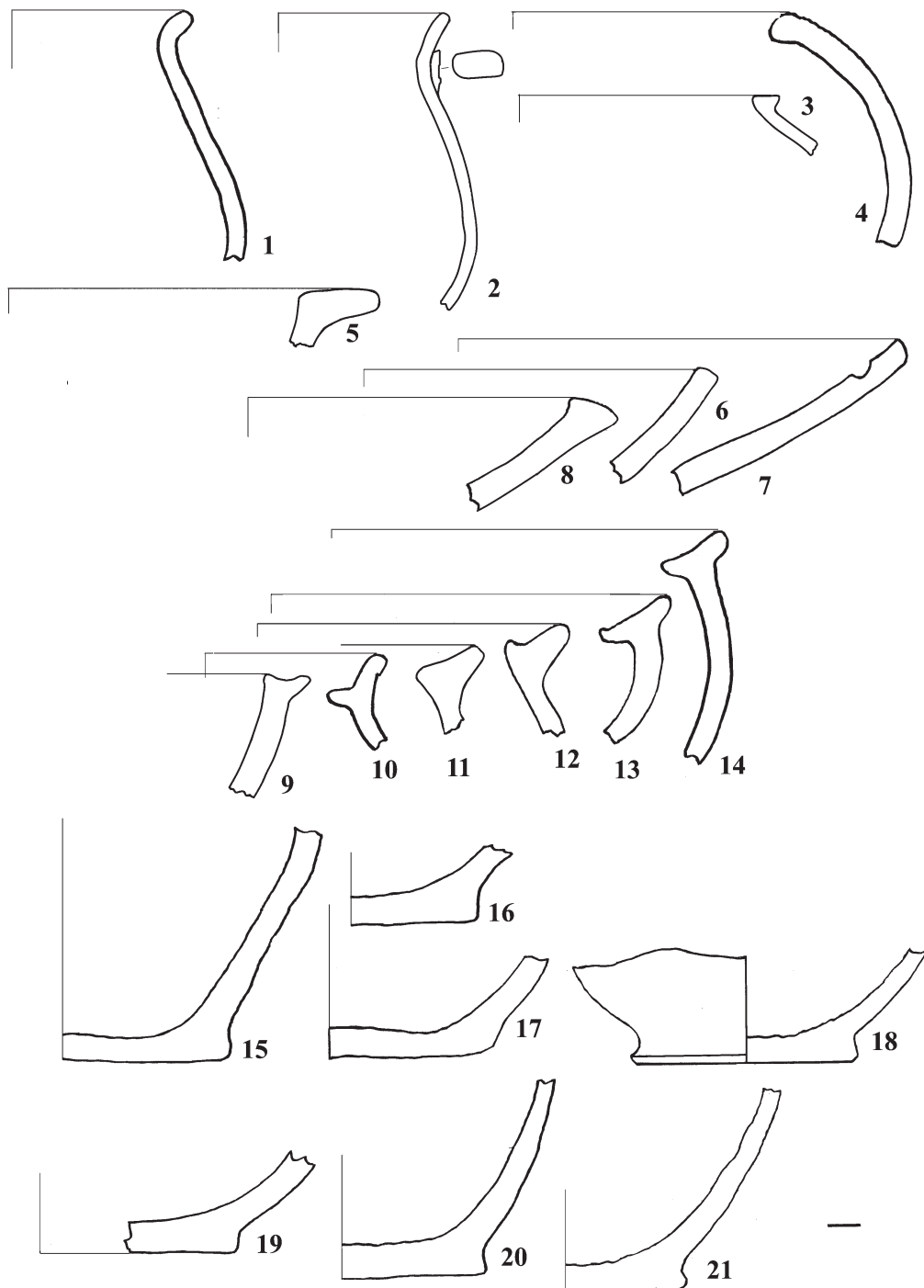

Рис. 2. Лепная керамика

Тип 1. 14 экземпляров (8%). С небольшим, плавно отогнутым и слегка закругленным наружу венчиком и сильно расширяющимся округлым туловом. Имеет две налепные дуговидные, округлые в сечении ручки, плотно прикрепленные по всей длине к стенке сосуда. Относится к кухонной посуде (многие фрагменты закопчены). Диаметр венчика 19–27 см, толщина стенок 7 мм (рис. 1, 1–3). По классификации Б.Н. Гракова могут быть отнесены к горшкам с дуговидной в разрезе шейкой⁶. Аналогии: Китей⁷, городище Артезиан⁸, Генеральское Западное, Пустынный Берег III, Чокракский мыс⁹.

Тип 2. 22 экземпляра (12,6%). С удлиненным, прямым, сильно отогнутым венчиком и шаровидным туловом. В двух случаях отмечены ручки в виде дуговидного налета под венчиком. Возможно, относится к кухонной посуде. Диаметр венчика 14–29 см, толщина стенки 6–7 мм (рис. 1, 4–7). Относится, по классификации Б.Н. Гракова, к типу горшков с горлом в виде раструба. Аналогии: Китей¹⁰, святилище у поселения Полянка¹¹, сторожевая башня на Узунларском валу¹², городище Артезиан¹³, Генеральское Западное, Бакланья скала, Салачик¹⁴.

Тип 3. 43 экземпляра (24,7%). Со слегка расширяющимся горлом, удлиненным венчиком, плавно переходящим в расширяющиеся книзу стенки тулова. В четырех случаях имеется вертикально поставленная ручка, круглая, овальная или прямоугольная в сечении, прикрепленная сразу под венчиком или идущая от его верхнего края. В одном случае орнаментирован небольшими овальными вдавлениями по внешнему краю венчика. В одном случае отмечено лощение внешней поверхности. Диаметр венчика 9–18 см, толщина стенки 6–7 мм (рис. 1, 8–11). По классификации Б.Н. Гракова, они относятся к горшкам с дуговидной в разрезе шейкой. Аналогии: Китей¹⁵, святилища поселения Полянка¹⁶, сторожевая башня на Узунларском валу¹⁷, городище Артезиан¹⁸, Генеральское Западное, Бакланья скала, Пустынный берег III, Чокракский мыс, Казантип Западный¹⁹.

Тип 4. 8 экземпляров (4,6%). С очень слабо расширяющимся горлом, невыделенным прямым удлиненным венчиком и очень слабо расширяющимися книзу стенками тулова. Диаметр венчика 16–19 см, толщина стенки 5–7 мм (рис. 1, 12–15). Этот тип, относится к слабопрофилированным горшкам. Аналогии: свя-

⁶ Граков 1954, 70–71.

⁷ Гаврилюк, Молев, 2013, 83, рис. 10, 5.

⁸ Гаврилюк, Винокуров 2016, 145–146, рис. 1, 7; 149, рис. 2, 11, 12; 157, рис. 7, 3.

⁹ Крайнева, Масленников 2009, 98, 100, рис. I, 3, 4, 21, 22; II, 15; 105, рис. IV, 2; 112, 2; 118, рис. 7, 9.

¹⁰ Гаврилюк, Молев 2013, 69, рис. 2, 5, 7, 8, 9, 12, 13; 83, рис. 10, 4; 85, рис. 11, 6–8; 94, рис. 18, 3.

¹¹ Масленников 2006, 53, 55, рис. 65 а, б, с.

¹² Масленников 1994, 181, рис. 5, 10–12.

¹³ Гаврилюк, Винокуров 2016, 145–149, рис. 1, 6, 7, 9, 17, 18, 19, 21; рис. 2, 1, 2, 4.

¹⁴ Крайнева, Масленников 2009, 98, рис. I, 6; 107, рис. IV, 6; 116, рис. VI, 15; 104, рис. III, 4, 18.

¹⁵ Гаврилюк, Молев 2013, 85, рис. 11, 15–17; 94, рис. 17, 5, 7; 18, 9, 12.

¹⁶ Масленников 2006, 55, рис. 65, д, к; 59, рис. 67; Кузина, Масленников 2015, 222, рис. 6, 1.

¹⁷ Масленников 1994, 181, рис. 5, 9.

¹⁸ Гаврилюк, Винокуров 2016, 145–149, рис. 1, 10, 12, 16, 18; 149–152, рис. 3, 12, 14; 152; 4, 1–6, 10–13; 162, рис. 9, 7.

¹⁹ Крайнева, Масленников 2009, 98, 100, рис. I, 12, 13, 16; 102, рис. II, 1–3, 13, 19; 107, рис. IV, 6, 7, 10–12, 16–19, 25, 27; 117, рис. V, 12, 20–23; 116, рис. VI, 5–7, 10, 16, 19, 20; 112, 114, рис. VII, 4, 7–8, 15, 18, 22; 118, 120, рис. VIII, 1, 4, 14, 27; 123–124, рис. IX, 11, 16, 21, 28–31.

тилище у поселения Полянка²⁰, городище Артезиан²¹ Генеральское Западное, Ба-кланья скала, Пустынный берег III, Чокракский мыс²².

Тип 5. 2 экземпляра (1,2%). С небольшим прямым, слегка отогнутым венчиком и трапецевидным горлом. Диаметр венчика ок. 12 см, толщина стенок 5–7 мм. Возможно, относится к тарным сосудам (рис. 2, 1). Аналогии: сторожевая башня на Узунларском валу²³, городище Артезиан²⁴.

Тип 6. 2 экземпляра (1,2%). С небольшим прямым отогнутым венчиком и яйцевидным туловом. В одном случае под венчиком прикреплена вертикально поставленная ручка. Видимо, относятся к столовой посуде (небольшие кувшинчики?). Диаметр венчика 7–13 см, толщина стенки 5 мм (рис. 2, 2). Аналогии: городище Артезиан²⁵.

Тип 7. 1 экземпляр (0,6%). С невыделенным горлом и шаровидным туловом. Диаметр венчика 17–20 см, толщина стенки 6 мм (рис. 2, 4). Горшки с невыделенным горлом являются одной из самых распространенных форм лепной посуды в VI в. до н.э. – III в. н.э. на территории Азиатского Боспора и от Танаиса до Кубани. На крымских памятниках встречаются редко и при этом в основном на позднескифских. Основные аналогии на территории Крыма указаны²⁶.

Тип 8. 1 экземпляр (0,6%). С уплощенным, треугольным в сечении венчиком и сильно расширяющимся книзу туловом. Диаметр венчика ок. 19 см, толщина стенки 5 мм (рис. 2, 3). Возможно, является подражанием греческим формам.

Миски. Использовались, вероятно, в качестве и столовой, и кухонной посуды. У некоторых изделий край закопчен, что указывает на их вероятное использование в качестве крышек.

Тип 1. 10 экземпляров (5,8%). Глубокие, со слабо выпуклыми в верхней части, иногда почти прямыми стенками, с невыделенным венчиком с закругленным краем. Диаметр венчика 19–33 см, толщина стенки 8–11 мм (рис. 3, 1–5). Большинство фрагментов (8 образцов) происходят с раскопа «Основной». Аналогии: Китей²⁷, сторожевая башня на Узунларском валу²⁸, городище Артезиан²⁹.

Тип 2, вариант 1. 12 экземпляров (6,9%). Более мелкие, по сравнению с типом 1. Толстостенные, с невыделенным венчиком с закругленным краем, иногда слегка загнутым внутрь. Стенки тулова имеют значительную выпуклость в верхней части. В трех случаях отмечено двустороннее сплошное лощение. Диаметр венчика 14–25 см, толщина стенки 7–10 мм (рис. 3, 6–11). Аналогии: Китей³⁰,

²⁰ Масленников 2006, 55, рис. 65, и, л.

²¹ Гаврилюк, Винокуров 2016, 154, рис. 5, 1, 11, 12, 13.

²² Крайнева, Масленников 2009, 102, рис. II, 1; 107, рис. IV, 20, 21; 116, рис. VI, 8; 112, 114, рис. VII, 9, 12–14; 120, рис. VIII, 23.

²³ Масленников 1994, 181, рис. 5, 8.

²⁴ Гаврилюк, Винокуров 2016, 149, рис. 3, 18; 154, рис. 5, 5.

²⁵ Гаврилюк, Винокуров 2016, 165, рис. 7, 10, 11.

²⁶ Клемешова, 2018, 92.

²⁷ Гаврилюк, Молев 2013, 76, рис. 6, 11; 97, рис. 20, 6, 8.

²⁸ Масленников 1994, 181, рис. 6, 18, 19.

²⁹ Гаврилюк, Винокуров 2016, 165, рис. 11, 3, 9.

³⁰ Гаврилюк, Молев 2013, 76, рис. 6, 5, 10; 89, 14, 2; 97, 20, 9.

святилища поселения Полянка³¹, городище Артезиан³², Генеральское Западное, Бакланья скала, Чокракский мыс, Казантип Западный³³

Тип 2, вариант 2. 29 экземпляров (16,7%). Сосуды аналогичной формы, но с более тонкими стенками (5–7 мм). В двух случаях отмечено сплошное двустороннее лощение, в двух – только внешнее и в одном – только внутреннее (рис. 3, 12–17). Аналогии: Китей³⁴, святилище у поселения Полянка³⁵, городище Артезиан³⁶, Салачик, Пустынный берег I, Казантип Западный³⁷.

Практически все обломки мисок 1-го варианта этого типа происходят с раскопа «Основной» (11 шт.) и почти отсутствуют на раскопе «Верхняя терраса», а вариант 2 представлен почти в равной степени на обоих раскопах (11 и 18 экз. соответственно).

Тип 3. 5 экземпляров (2,9%). Со слегка выпуклыми в верхней части стенками тулова и заостренным, загнутым внутрь краем венчика. Диаметр венчика 11–21 см, толщина стенки 7–8 мм (рис. 3, 18–22). Аналогии: Китей³⁸, городище Артезиан³⁹, Илурат⁴⁰.

Тип 4. 1 экземпляр (0,6%). С небольшим заостренным вертикальным прямым бортиком и резко сужающимися книзу стенками тулова. Диаметр венчика 21 см, толщина стенок 7 мм (рис. 3, 23). Этот тип, вероятнее всего, является подражанием античным лаковым тарелкам с бортиком. Аналогии: городище Артезиан⁴¹, Тиритака⁴², Илурат⁴³. Тарелки:

Тип 1. 7 экземпляров (4%). С прямым невыделенным венчиком, со слегка закругленным или уплощенным краем. В одном случае на используемой стороне тарелки в 1 см от края венчика вдоль него проведена бороздка шириной ок. 5 мм (рис. 2, 7). В трех случаях наблюдается сплошное двустороннее лощение, в одном – только внешнее (с тыльной стороны тарелки). Диаметр венчика 20–25 см, толщина стенок 6–9 мм (рис. 2, 6–7).

Тип 2. 1 экземпляр (0,6 %). С утолщенным, треугольным в сечении краем венчика. Диаметр венчика 20 см, толщина стенки 7 мм (рис. 2, 8).

Оба типа являются подражаниями греческим круговым тарелкам.

Кастрюли: 6 экземпляров (3,5%). Представляют собой лепные подражания греческим круговым кастрюлям с небольшим вертикальным венчиком и выступом «под крышку». Диаметр венчика ок. 30 см (в большинстве случаев не восстанавливался), толщина стенок 4–8 мм (рис. 2, 9–14). В представленных фрагментах ясно угадываются прототипы, но для каждого из них характерны грубые неточ-

³¹ Масленников 2006, 59, рис. 66, е; Кузина, Масленников 2015, 222, рис. 5, 5.

³² Гаврилюк, Винокуров 2016, 165, рис. 11, 4, 9.

³³ Крайнева, Масленников 2009, 102, рис. II, 5; 116, рис. VI, 17, 18; 120, рис. VIII, 24, 25; 124, рис. IX, 37.

³⁴ Гаврилюк, Молев 2013, 76, рис. 6, 7; 89, рис. 14, 6; 15, 8.

³⁵ Кузина, Масленников 2015, 221–222, рис. 6, 3; 5, 5.

³⁶ Гаврилюк, Винокуров 2016, 165, рис. 11, 2.

³⁷ Крайнева, Масленников 2009, 104, рис. III, 13; 109, рис. V, 8; 124, рис. IX, 38.

³⁸ Гаврилюк, Молев 2013, 76, рис. 6, 6; 97, 20, 10.

³⁹ Гаврилюк, Винокуров 2016, 165, рис. 11, 10, 11.

⁴⁰ Кастанаян 1986, 94, табл. XXXVI, 3.

⁴¹ Гаврилюк, Винокуров 2016, 165, рис. 11, 12, 19.

⁴² Кастанаян 1981, 63, табл. XIV, 6.

⁴³ Кастанаян 1981, 95, табл. XXXVI, 10.

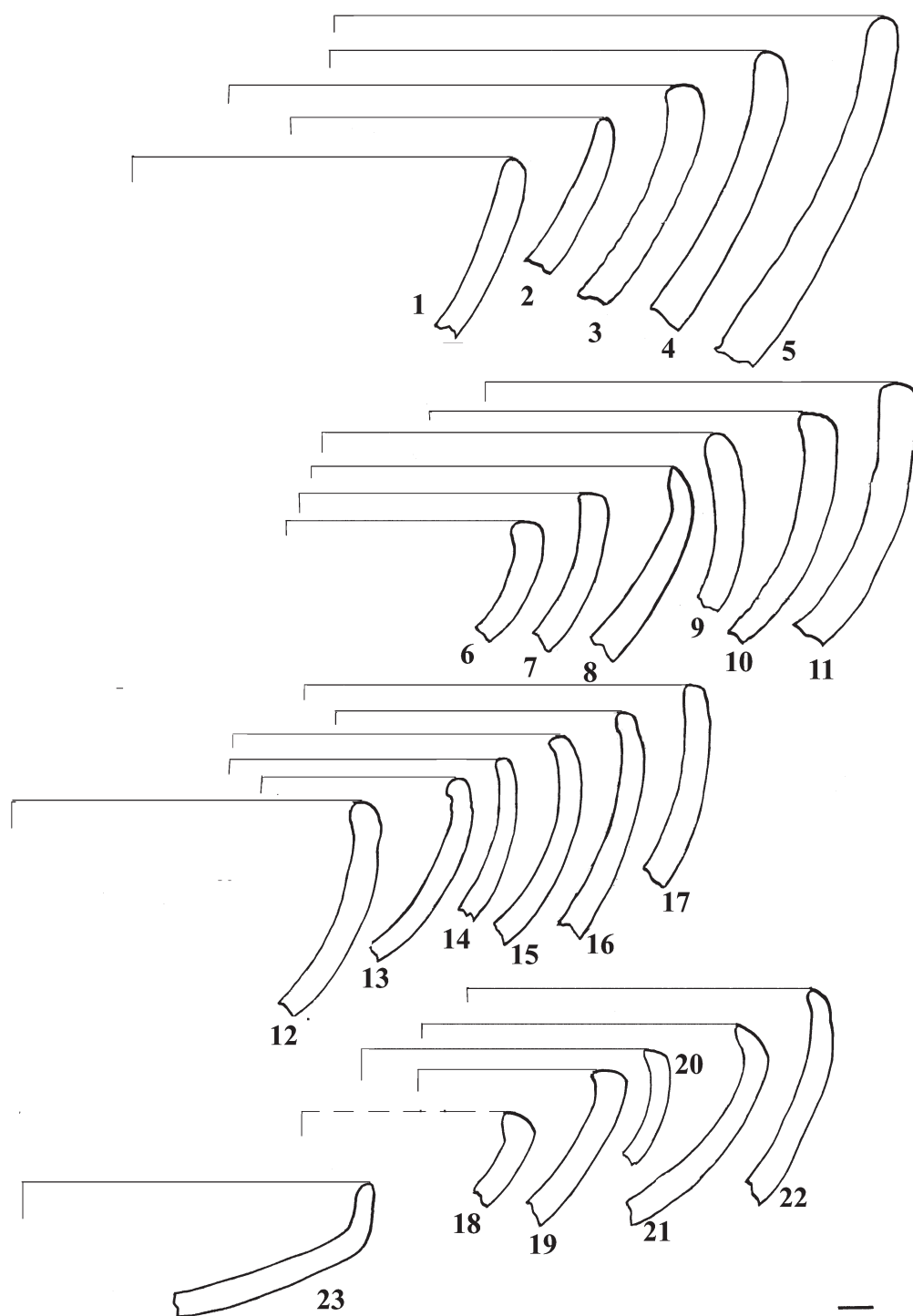

Рис. 3. Лепная керамика

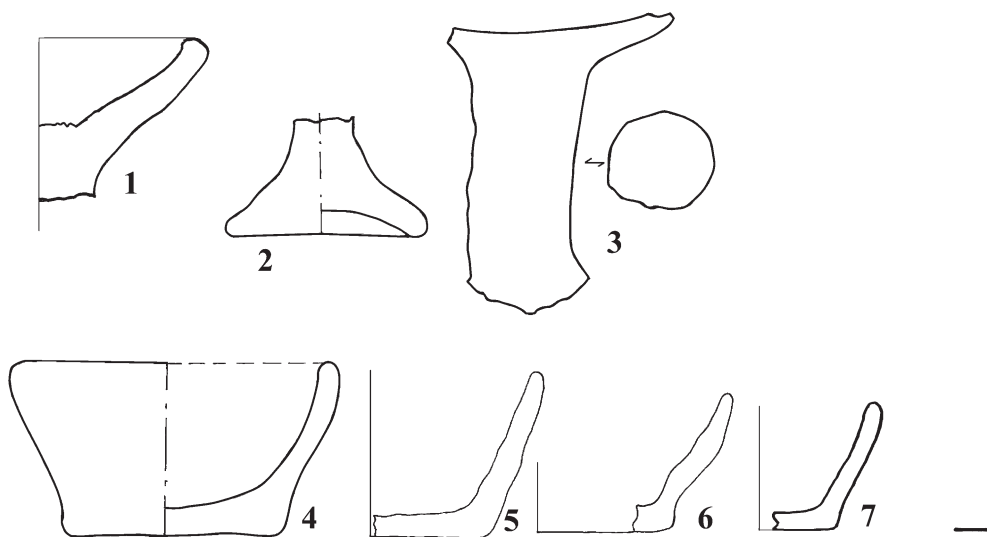

Рис. 4. Лепная керамика

ности в передаче исходной формы, вызванные, вероятно, тем, что мастер пытался с помощью привычных приемов работы создать непривычный для него образец сосуда⁴⁴.

Корчага: 1 экземпляр (0,6%). Представлена обломком широкого, сильно отогнутого утолщенного венчика с диаметром 26 см и толщиной стенки 7 мм (рис. 2, 5). В Прикубанье известны корчаги с близкими по форме венцами⁴⁵, поэтому данный образец был отнесен к этой же категории находок.

Культово-вотивная керамика:

1. Чаши на ножке (курильницы или светильники) (рис. 4, 1–3). Представляют собой тип на высокой цилиндрической ножке с уплощенным или конусовидным основанием и чашеобразным или коническим вместилищем. Фрагменты от 3-х экземпляров (1,7%). Основные аналогии указаны⁴⁶.

2. Миниатюрные (вотивные?) миски, как правило, с прямыми, редко – выпуклыми стенками (рис. 4, 4–7), 6 экземпляров (3,5%). Общая высота 3,5–4,5 см, диаметр венчика 6,5–9 см, диаметр дна 4–6 см. Большинство фрагментов (5 экз.) происходят из заполнения помещения на раскопе «Верхняя терраса». Значительное число мисочек такой формы и размеров обнаружено в различных святилищах Европейского Боспора⁴⁷, в том числе, святилищах пос. Полянка⁴⁸. Подобные изделия могут иметь отношение к отправлению культов⁴⁹.

⁴⁴ Бобринский 1991, 15–16.

⁴⁵ Новичихин 2006, 34, рис. 30, 1, 2.

⁴⁶ Масленников, Кузина 2011, 237.

⁴⁷ Масленников 2007, 105, 335–336, 392, рис. 52, 6; 140, 26; 169, 18, 20.

⁴⁸ Масленников 2006, 59, рис. 67, е, с; Кузина, Масленников 2015, 222, рис. 6, 3.

⁴⁹ Кузина, Масленников 2015, 222.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ
ПОЛЯНКА

Исследование исходного пластичного сырья показало, что для изготовления керамики отбирались два его вида: ил и илистая глина морских лиманов. Лепная посуда, изготовленная из обычной глины, на поселении полностью отсутствует. На основе ила изготовлено 9 сосудов (5,2%), на основе илистой глины – 165 (94,8%).

Кратко напомним, что илы и илистые глины пресноводных водоемов как сырье для изготовления посуды были открыты И.Н. Васильевой на материалах неолита-энеолита Поволжья⁵⁰. Ил добывался со дна водоемов со стоячей водой или очень слабым течением из-под поверхности воды. Залежи илистых глин образуются на кромках берега непроточных водоемов в местах, недавно освобожденных от заливания водой, и состоят из смеси ила, в котором прекратились процессы новообразования, и прибрежной глины с песком и частицами осадочных пород, свойственных берегам данных водных источников. И.Н. Васильева на основании исследования материалов различных памятников Поволжья и Волго-Уралья предполагает эволюционность перехода к использованию илистых глин у древних коллективов, которые ранее изготавливали посуду из ила (ссылки см.⁵¹). По материалам керамического комплекса поселения Вестник-1 на юго-востоке Таманского полуострова было установлено использование для изготовления лепной керамики античного времени илистой глины с берегов морских лиманов или, возможно, некоторых участков морских заливов⁵².

Сырье использовалось в основном слабожелезненное, в 6 случаях (3,5%, сосуды из илистой глины) среднежелезненное, средне- или сильнозапесоченное (песок пылевидный и 0,1 мм). Естественными примесями к илам являются⁵³: целые раковины букцинума, реже – катушек и двустворок размером до 1,5 мм 0–1 вкл. х кв. см, фрагменты слегка окатанной, чаще неокатанной морской раковины до 3 мм в концентрации 1:5–1:6, песок пылевидный и 0,1 мм в среднем или большом количестве, сильно окатанные, редко – обломочные железистые включения до 2 мм, единично или 1–2 вкл. х кв. см, углефицированные остатки растительности (кроме двух образцов) – волокна 0,1 х 0,5 мм, фрагменты плоских стеблей (водорослей?) до 3х0,6 мм – от 2–3 вкл. на излом до 0–2 вкл. х кв. см. Не в каждом образце встречены: рыхлые глинистые комочки до 0,8 мм – единично, сильно окатанные плотные комочки глины до 1,3 мм – до 3 вкл. х кв. см, раковины фораминифер 0,2–0,3 мм – до 7 вкл. х кв. см. Естественными примесями к илистой глине в данной керамике являются: слегка окатанные фрагменты морских раковин от единичных включений до концентрации 1:5, в основном около

⁵⁰ Васильева 1994; Бобринский, Васильева 1998; Васильева 1999.

⁵¹ Клемешова 2017, 229–231.

⁵² Клемешова 2017, 228–235.

⁵³ Признаки использования при изготовлении керамики илов пресноводных водоемов выделены И.Н. Васильевой (Бобринский, Васильева 1998, 203–206), основные из них присутствуют и в керамике из морских илов. Атрибуция сырья некоторых фрагментов керамики поселения Полянка как ила морских лиманов произведена на основании анализа собранных автором данной статьи образцов морских илов и илистых глин Таманского полуострова и Крыма. Эти материалы готовятся к печати.

1:6, раковины фораминифер размером 0,2–0,3 мм до 22 вкл. х кв. см (в среднем ок. 10 вкл. х кв. см), песок и растительные волокна, аналогичные присутствующим в иле (единично, в 51% образцов), слегка окатанные и обломочные железистые включения, единично – нерастворившиеся комочки глины, в двух образцах – фрагменты рыбьих костей длиной до 1 мм. Искусственная примесь дробленой раковины вводилась в концентрации в основном 1:4–1:5, реже 1:6–1:7, размеры частиц – 0,2–2,5 мм, редко до 3–4 мм. Она определена как искусственная по признакам, описанным в работах Н.П. Салугиной⁵⁴.

Выделены следующие рецепты формовочных масс:

1. Ил + органический раствор⁵⁵ – 1 сосуд (0,6%)
2. Ил + дробленая раковина – 8 сосудов (4,6%)
3. Илистая глина без примесей – 9 сосудов (5,2%)
4. Илистая глина + органический раствор – 5 сосудов (2,9%)
5. Илистая глина + дробленая раковина – 123 сосуда (70,7%).
6. Илистая глина + дробленая раковина + орг. раствор – 26 сосудов (14,9%).
7. Илистая глина + дробл. раковина + шамот + орг. раствор – 1 сосуд (0,6%).
8. Илистая глина + навоз – 1 сосуд (0,6%).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представления об исходном пластичном сырье (т.е. прежде всего о том, какого рода сырье отбирается для изготовления керамики) относятся к группе субстратных навыков работы гончаров и являются наиболее устойчивыми, сохраняющимися неизменными очень долгое время даже в условиях смешения различных культурных гончарных традиций. Навыки составления формовочных масс относятся к группе приспособительных, наиболее быстро реагирующих на процессы смешения разнотрадиционного населения⁵⁶. Из проанализированной керамики поселения Полянка к сделанным по смешанным рецептам формовочных масс⁵⁷ можно отнести только два сосуда (1,2%): изготовленных по рецепту 7 (илистая глина + дробленая раковина + шамот + органический раствор) и рецепту 8 (илистая глина + навоз). В первом случае обнаруживается не свойственная местной традиции изготовления керамики примесь мелкого (до 1 мм) шамота в концентрации 1:7, во втором – примесь навоза (вероятнее всего, мелкого рогатого скота) в концентрации ок. 1:1–1:2. Для второго сосуда характерно также наличие орнамента, который не присущ керамическому комплексу памятника в целом. Столь малое количество посуды, изготовленное в смешанных гончарных традициях, указывает на очень слабые процессы смешения жителей поселения с инокультурными группами.

⁵⁴ Салугина 2006, 379–381; 2016, 68.

⁵⁵ Органический раствор в большинстве фрагментов фиксируется по присутствию в изломе черепков черного блестящего налета различной интенсивности, иногда с жирноватым блеском, иногда с черными блестящими сгустками. В некоторых случаях, возможно, речь может идти о бесцветном прозрачном блестящем налете (заметен в изломах светло-рыжего цвета). Во внутренних областях излома вотивной мисочки (рецепт ФМ: ил + органический раствор) регулярно встречаются участки, пропитанные слабо блестящим бесцветным маслянистым веществом.

⁵⁶ Бобринский 1978, 73, 84–99.

⁵⁷ Бобринский 1978, 90–91, 93.

Остальные рецепты составления формовочных масс, выявленные на поселении Полянка, относятся к несмешанным, т.е. не носящим следов смешения с другими гончарными традициями⁵⁸.

Сопоставление выявленных рецептов формовочных масс с выделенными типами сосудов (табл. 1) показало отсутствие зависимости между конкретными формами посуды и составами ФМ.

Таблица 1

Соотношение типов сосудов с рецептами формовочных масс

рецепт ФМ типы сосудов	Ил + ОР	Ил + Р	ИГ	ИГ + ОР	ИГ + Р	ИГ + Р + ОР	ИГ + Р + Ш + + ОР	ИГ + Н	всего
горшки, т. 1	–	1	1	–	9	3	–	–	14
горшки, т. 2	–	3	–	–	18	1	–	–	22
горшки, т. 3	–	–	3	1	36	1	1	1	43
горшки, т. 4	–	1	3	–	4	–	–	–	8
горшки, т. 5	–	–	–	–	1	1	–	–	2
горшки, т. 6	–	1	–	–	1	–	–	–	2
горшки, т. 7	–	–	–	1	–	–	–	–	1
горшки, т. 8	–	–	–	–	–	1	–	–	1
миски, т. 1	–	1	–	1	7	1	–	–	10
миски, т. 2 вариант 1	–	–	–	–	10	2	–	–	12
миски, т. 2 вариант 2	–	–	1	2	19	7	–	–	29
миски, т. 3	–	1	–	–	3	1	–	–	5
миски, т. 4	–	–	–	–	1	–	–	–	1
тарелки, т. 1	–	–	–	–	6	1	–	–	7
тарелки, т. 2	–	–	–	–	1	–	–	–	1
кастрюли	–	–	–	–	5	1	–	–	6
корчага	–	–	–	–	–	1	–	–	1
чаши на ножке (курильницы– светильники)	–	–	1	–	–	2	–	–	3
вотивные миски	1	–	–	–	2	3	–	–	6

Примечания: ИГ – илистая глина, ОР – органический раствор, Р – дробленая раковина, Ш – шамот, Н – навоз.

Почти во всех случаях наблюдается большое количество керамики, сделанной из формовочной массы «илистая глина + дробленая раковина», но это явление связано с преобладанием использования на этом поселении данного рецепта.

⁵⁸ Бобринский 1978, 93.

Типы посуды, изготовленные в какой-то одной традиции составления ФМ, отсутствуют. В целом можно говорить о том, что керамический комплекс памятника, за исключением сосудов-подражаний греческим круговым формам, морфологически однороден и изготовлен в близких гончарных традициях подготовки формовочных масс, основанных на использовании илистого сырья и раковины. Это позволяет говорить о том, что на поселении Полянка проживала большая группа населения, имевшая некоторую внутреннюю неоднородность и состоявшая из нескольких, видимо, родственных культурных групп, имеющих отличия в традициях составления формовочных масс для изготовления лепной посуды. Вышеуказанные же рецепты составления формовочных масс № 1–6 отражают, как представляется, не различные, не связанные между собой гончарные традиции, а различные этапы развития одной и той же, базирующейся изначально на использовании ила и органического раствора с переходом в дальнейшем к употреблению дробленой раковины и илистых глин и принадлежащей одному и тому же населению. На поселении Полянка присутствовали одновременно группы населения, у которых сохранились как более архаичные (ил), так и самые поздние (илистая глина с дробленой раковинной) представления о производстве лепной посуды. При этом автор не подразумевает возможности течения такого эволюционного процесса в рамках истории именно данного конкретного памятника. Его начало, видимо, нужно относить к далекому прошлому этого населения. Вероятность такой линии развития основывается на существовании подобной смены гончарных традиций, выявленной И.Н. Васильевой по материалам Поволжья⁵⁹.

Факт массового распространения архаичных приемов отбора илов и илистых глин в античное время на побережье Восточного Крыма имеет большое значение для изучения истории местного населения. Дело в том, что в использовании этих материалов для производства посуды (известном сейчас в значительном числе регионов благодаря исследованиям технологии изготовления керамики специалистами, работающими по методике, разработанной А.А. Бобринским) с накоплением данных были отмечены определенные хронологические закономерности и тенденции. Применение илов пресноводных водоемов для изготовления посуды на различных территориях начинается и наиболее массовый характер имеет в неолите. В эпоху энеолита доля его использования постепенно уменьшается, сменяясь использованием илистых и простых глин. Еще меньше объем его применения в бронзовом веке, когда подавляющее большинство керамики производится из илистых и обычных глин. Относящаяся к раннему железному веку посуда из этого сырья известна уже буквально в единичных экземплярах: два савроматских сосуда VI–V вв. до н.э.⁶⁰, пять сарматских сосудов IV–I вв. до н.э. в Южном Приуралье⁶¹ и сарматский сосуд III – пер. пол. II в. до н.э. из Самарского Поволжья⁶². Использование же илистых глин начинается в неолите, широко распространено в энеолите и бронзовом веке, постепенно угасая к эпохе поздней бронзы. Относящаяся к раннему железному веку керамика из этого сырья в небольшом количестве (15–19% от общего числа сосудов на памятнике) до последнего времени была

⁵⁹ Васильева 2009, 70–73.

⁶⁰ Краева 2010, 165, 167.

⁶¹ Краева 2009, 209, рис. 1, 1–5.

⁶² Иванова 2000, 135, 140, рис. 1, 1.

известна только в сарматских материалах южного Приуралья (работы Л.А. Краевой). В Крыму выявлено ее применение и в средневековье⁶³. Точные статистические подсчеты по этому вопросу не проводились, но исходные данные по нему содержатся в работах А.А. Бобринского⁶⁴, И.Н. Васильевой, Н.П. Салугиной, Ю.Б. Цетлина, Л.А. Краевой, В.В. Илюшиной, В.И. Мухаметдинова.

Таманский же полуостров и Восточный Крым в свете недавних исследований оказываются регионами, где традиции использования илистого сырья для изготовления посуды сохранились значительно дольше и представлены гораздо более массово в раннем железном веке, чем на других территориях. На Азиатском Боспоре изучена керамика ряда памятников с VI в. до н.э. по III в. н.э., на которых количество лепных сосудов из илистой глины доходит до 86% (поселение Вестник-1). Посуда из лиманного ила открыта на поселении Ахтанизовская-4⁶⁵. На поселении Полянка керамика из этих двух видов сырья является единственной, помимо греческой круговой посуды.

В связи с этим возникает вопрос: почему в названных регионах данные гончарные традиции смогли сохраниться до столь позднего времени в практически законсервировавшемся состоянии и в значительном масштабе? Представляется, что обстоятельства, вызвавшие это, имеют прямое отношение не только к особенностям процессов изменения гончарной технологии, но и к специфике жизненного уклада древних коллективов – носителей этих традиций, степени их мобильности и оседлости, к характеру и уровню интенсивности межкультурных контактов между ними и группами населения, владеющих иными приемами изготовления керамики. То есть, с одной стороны, конечно, можно говорить о том, что илистые глины – естественно увлажненное сырье, которое можно было использовать для лепки практически без дополнительной подготовки, было очень удобным материалом для изготовления сосудов, и поэтому традиция его применения сохранялась на этих территориях долгое время. С другой стороны, создается впечатление наличия и других факторов, способствующих этому, – определенной изолированности групп населения, использующих его, и сохранившегося у них во многом консервативного жизненного уклада. Об этом свидетельствует и все еще имевшая место на поселении Полянка практика изготовления керамики из ила – сырья, добывавшегося под, а не над водой, что было связано с большими неудобствами, чем добыча илистых глин на краю водоема.

А.А. Масленников на различных этапах исследования поселения допускал различные варианты происхождения его обитателей, в том числе и возможность того, что часть лепной посуды была неварварской. Вместе с тем он отмечал близость комплекса лепной керамики Полянки ряду типов и форм позднескифских комплексов лепных сосудов⁶⁶. Представляется, что изготовители обнаруженной на Полянке посуды относятся к местному варварскому населению. Это позволяет предполагать факт использования в гончарном производстве архаичных видов сырья, зафиксированных также по местной лепной керамике на азиатской стороне Боспора; незначительный набор типов посуды, дающий основания говорить об

⁶³ ссылки см.: Клемешова 2017, 229–230.

⁶⁴ Бобринский, Васильева 1998; Бобринский 1999.

⁶⁵ Благодарю Г.А. Ломтадзе за возможность использовать его материалы.

⁶⁶ Масленников 2006, 15–16.

очень слабой ее функциональной дифференцированности; низкий уровень образования в связи с этим специфических форм; малое количество, грубость и неточность в большинстве случаев при копировании греческих оригиналов.

Технико-технологический анализ и в целом методика изучения керамики, разработанная А.А. Бобринским, не дают возможности определить этнос ее изготовителей, но позволяют выявить некоторые их характеристики. В данном случае нужно отметить использование этим населением исходного пластичного сырья, добыча которого связана с водными источниками (илы, илистые глины), и относящиеся к ним же традиции составления формовочных масс (использование примеси раковины).

Вопрос об исторических обстоятельствах и событиях, способствовавших сохранению архаичных гончарных традиций в Восточном Крыму и на Тамани, безусловно, при имеющихся сейчас данных решен быть не может. Но, возможно, с накоплением и дальнейшим изучением археологических материалов удастся лучше понять, в каких конкретных условиях установленная ситуация могла возникнуть.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский, А.А. 1978: *Гончарство Восточной Европы*. М.
- Бобринский, А.А. 1991: Оболочки функциональных частей глиняной посуды. В сб.: Н.А. Волынкина (ред.), *Археологические исследования в лесостепном Поволжье*. Самара, 3–35.
- Бобринский, А.А. 1999: Гончарная технология как объект историко-культурного изучения. В сб.: А.А. Бобринский (ред.), *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара, 5–47.
- Бобринский, А.А., Васильева, И.Н. 1998: О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства. В сб.: И.Б. Васильев (ред.), *Проблемы древней истории Северного Прикаспия*. Самара, 194–218.
- Васильева, И.Н. 1994: Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжья. В сб.: *Тезисы докладов международной конференции по применению естественно-научных методов в археологии*. СПб., 111.
- Васильева, И.Н. 1999: Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее. В сб.: Н.Л. Моргунова (ред.), *Археологические памятники Оренбуржья*. III. Оренбург, 191–216.
- Васильева, И.Н. 2009: Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки). В сб.: Н.Л. Моргунова (отв. ред.), *Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы*. Оренбург, 65–77.
- Граков, Б.Н. 1954: *Каменское городище на Днепре*. (МИА 36). М.
- Гаврилюк, Н.А. 2007: Культовая лепная керамика из Тиры, Ольвии, Нимфея. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен*. Ч. 2. СПб., 143–149.
- Гаврилюк, Н.А., Молев, Е.А. 2013: Лепная керамика Китея. *ДБ* 17, 65–109.
- Гаврилюк, Н.А., Винокуров, Н.И. 2016: Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан. *ДБ* 20, 143–176.
- Зайцева, К.И. 2001: Лепные чаши на ножках I в. до н.э. – VI в. н.э. из Северного Причерноморья. *АСГЭ* 35, 112–125.

- Иванова, Н.В. 2000: Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья. В сб.: В.Н. Мышкин (отв. ред.), *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология*. 2. Самара, 135–153.
- Кастанаян, Е.Г. 1981. *Лепная керамика боспорских городов*. Л.
- Клемешова, М.Е. 2017: О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1. *ДБ* 21, 228–240.
- Клемешова, М.Е. 2018: Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ). *ДБ* 22, 85–103.
- Краева, Л.А. 2009: Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н.э. *Нижеволжский археологический вестник* 10, 193–211.
- Краева, Л.А. 2010: Гончарная технология ранних кочевников Южного Приуралья в VI–V вв. до н.э. В сб.: *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции*. Астрахань, 162–169.
- Крайнева, А.А., Масленников, А.А. 2009: Лепная керамика поселений «царской» хоры Европейского Боспора. *ПИФК* 1, 90–130.
- Кузина, Н.В., Масленников, А.А. 2015: «Новое» святилище на холме вблизи пос. Полянка. *ДБ* 19, 213–225.
- Масленников, А.А. 1990: *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* М.
- Масленников, А.А. 1994: Раскопки на Узунларском валу. *РА* 4, 176–184.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху*. М.
- Масленников, А.А. 2006: *Античное святилище на Меотиде*. М.
- Масленников, А.А. 2007: *Сельские святилища Европейского Боспора*. М.
- Масленников, А.А., Кузина, Н.В. 2011: Античное святилище на вершине близ поселения Полянка. *ДБ* 15, 228–247.
- Новичихин, А.М. 2007: *Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э.* Анапа.
- Салугина, Н.П. 2006: К методике определения раковины в составе древней керамики. В сб.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (отв. ред.), *Материалы Всероссийского археологического съезда*. II. Новосибирск, 379–381.
- Салугина, Н.П. 2016: Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера. В сб.: О.В. Лозовская, А.М. Мазуркевич, Е.В. Долбунова (отв. ред.), *Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции*. СПб., 68–70.

REFERENCES

- Bobrinskiy, A.A. 1978: *Goncharstvo Vostochnoy Evropy* [The Pottery-making of Eastern Europe]. Moscow.
- Bobrinskiy, A.A. 1991: Obolochki funktsional'nykh chastey glinyanoy posudy. In: N.A. Volynkina (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v lesostepnom Povolzh'e* [Archaeological studies in forest-steppe Volga region]. Samara, 3–35.
- Bobrinskiy, A.A. 1999: Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: A.A. Bobrinskiy (ed.), *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Actual problems of ancient pottery-making searching]. Samara, 5–47.
- Bobrinskiy, A.A., Vasileva, I.N. 1998: O nekotorykh osobennostyakh plasticheskogo syr'ya v istorii goncharstva [Some features of plastic raw materials in the history of pottery]. In:

- I.B. Vasilev (ed.), *Problemy drevney istorii Severnogo Prikaspiya* [*The problems of ancient history of Northern Caspian Sea coast*]. Samara, 194–218.
- Gavrilyuk, N.A. 2007: Kul'tovaya lepnaya keramika iz Tiry, Ol'vii, Nimfeya [Cult hand-made ceramics from Tyre, Olbia, Nymphaeum]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen* [*The Bosporian phenomenon*]. Pt. 2. Saint Petersburg, 143–149.
- Gavrilyuk, N.A., Molev, E.A. 2013: Lpnaya keramika Kiteya [Hand-made pottery from Kytaiion]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 17, 65–109.
- Gavrilyuk, N.A., Vinokurov, N.I. 2016: Lpnaya keramika iz sloya pozgara gorodishcha vremeni bosporo-rimskoy voyny 44/45–49 gg. gorodishcha Artezian [Hand-made pottery from the fire layer of the time of the Bosporan-Roman War of AD 44/45–49 at the ancient settlement of Artesian.]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 20, 143–176.
- Grakov, B.N. 1954: *Kamenskoe gorodishche na Dnepre* [*Kamenskoe settlement near Dnieper*]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [The Materials and the Investigations in the Archaeology of the USSR] 36). Moscow.
- Ivanova, N.V. 2000: Nekotorye aspekty tekhnologicheskogo izucheniya keramiki iz savromat-skikh i rannesarmatskikh pamyatnikov Samarskogo Zavolzh'ya [Some aspects of the technological study of ceramics from the Sauromat and Early Sarmatian sites of the Samara Trans-Volga region.]. In: V.N. Myshkin (ed.), *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovanie, razvitiye, khronologiya* [*Early Sarmatian culture: forming, development, chronology*]. 2. Samara, 135–153.
- Kastanayan, E.G. 1981: *Lpnaya keramika bosporskikh gorodov* [*Hand-made pottery of the Bosporan towns*]. Leningrad.
- Klemeshova, M.E. 2017: O syr'e dlya izgotovleniya lepnoy keramiki poseleniya i nekropolya Vestnik-1 [Raw materials for the manufacture of hand-made ceramics of the settlement and the necropolis Vestnik-1]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 21, 228–240.
- Klemeshova, M.E. 2018: Kompleks lepnoy keramiki iz storozhevoy bashni Kazan II na Uzunlarskom valu [The complex of hand-made ceramics from the tower Kazan II on the Uzunlar Rampart (morphology and technical and technological analysis)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 22, 85–103.
- Kraeva, L.A. 2009: Tekhnologiya izgotovleniya keramiki rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v IV–I vv. do n.e. [The manufacturing technology of ceramics of the early nomads of the Southern Urals in the 4th to 1st centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [*The Lower Volga Archaeological Bulletin*] 10, 193–211.
- Kraeva, L.A. 2010: Goncharnaya tekhnologiya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v VI–V vv. do n.e. [Pottery technology of the early nomads of the Southern Urals in the 6th and 5th centuries BC]. In: *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problem, poiski, otkrytiya. Materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii* [*The Archaeology of Low Volga region: problems, searching, discoveries. The materials of the III International Low Volga region archaeological conference*]. Astrakhan, 162–169.
- Kraeva, A.A., Maslennikov, A.A. 2009: Lpnaya keramika poseleniy "tsarskoy" khory Evropeyskogo Bospora [Hand-made ceramics of the settlements of the "royal" chore on the European Bosporus]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 90–113.
- Kuzina, N.V., Maslennikov, A.A. 2015: "Novoe" svyatilishche na kholme vblizi pos. Polyanka ["New" sanctuary on a hill near Polyanka Settlement]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 19, 213–225.
- Maslennikov, A.A. 1990: *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e.* [*Population of the Bosporian State in the first centuries A.D.*]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1994: Raskopki na Uzunlarskom valu [Uzunlar Rampart excavations]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 4, 176–184.

- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel'skaya territoriya evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu* [Hellenic chore at the border of Oikumene. Rural territory of the European Bosporus]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2006: *Antichnoe svyatilishche na Meotide* [Ancient sanctuary in the Maiotis]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Sel'skie sviatilishcha Evropeyskogo Bospora* [Rural sanctuaries of European Bosporus]. Moscow.
- Maslennikov, A.A., Kuzina, N.V. 2011: Antichnoe sviatilishche na vershine bliz poseleniya Polyanka [Ancient sanctuary on the hilltop in the vicinity of Polyanka Settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 15, 228–247.
- Novichikhin, A.M. 2007: *Naselenie Zapadnogo Zakuban'ya v pervoy polovine I tysyacheletiya do n.e.* [Population of the West Kuban' region in the first half of the I millenium B.C.]. Anapa.
- Salugina, N.P. 2006: K metodike opredeleniya rakoviny v sostave drevney keramiki [The methodology for determining the shell in the composition of ancient ceramics]. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (ed.), *Materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [The Materials of All-Russian archaeological congress]. II. Novosibirsk, 379–381.
- Salugina, N.P. 2016: Identifikatsiya rakoviny v sostave drevney keramiki: kriterii razlicheniya estestvennogo ili iskusstvennogo kharaktera [Identification of the shell in ancient ceramics: criteria for distinguishing between natural or artificial]. In: O.V. Lozovskaya, A.M. Mazurkevich, E.V. Dolbunova (eds.), *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishey keramiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Traditions and innovations in the study of earliest pottery. Materials of international conference]. Saint Petersburg, 68–70.
- Vasileva, I.N. 1994: Ily kak ischodnoe syr'ye dlya drevneishey keramiki Povolzh'ya [Silts as a raw material for the most ancient ceramics of the Volga region]. In: *Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii po primeneniyu estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologii* [Thesis of the reports of the conference devoted to using the methods of natural sciences in archaeology]. Saint Petersburg, 111.
- Vasileva, I.N. 1999: Tekhnologiya keramiki eneoliticheskogo mogil'nika u sela S'eszhee [Technology of ceramics of the Eneolithic burial ground in the village of S'eszhee]. In: N.L. Morgunova (ed.), *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of Orenburg region]. III. Orenburg, 191–216.
- Vasileva, I.N. 2009: Ob evolyutsii predstavleniy o plastichnom syr'e v srede neoliticheskogo naseleniya stepnogo Povolzh'ya (po materialam Varfolomeevskoy stoyanki) [On the evolution of ideas about plastic raw materials among the Neolithic population of the Volga steppe (based on the materials of the Varfolomeevskaya Site)]. In: N.L. Morgunova (ed.), *Problemy izucheniya kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy zony Vostochnoy Evropy* [The problems of studying of Eastern Europe Early Bronze Age steppe zone cultures]. Orenburg, 65–77.
- Zaitseva, K.I. 2001: Lepnye chashi na nozhkakh I v. do n.e. – VI v. n.e. [Molded bowls on the legs of the 1st century BC to the 6th century AD from the Northern Black Sea region]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage] 35, 112–125.

HAND-MADE POTTERY OF POLYANKA SETTLEMENT IN THE CRIMEAN AZOV REGION (THE TECHNOLOGICAL ANALYSIS)

Marina E. Klemeshova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
marinaklem@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the study of hand-made pottery from the 2016 excavations of Polyanka settlement (the 1st century BC) in the Crimean Azov region. The fragments of 174 vessels were researched and morphological types of vessels were determined by means of the methods of technological analysis, developed by A.A. Bobrinsky. The author has specified that all the researched pottery was made of sea liman silt and silty clay with addition of crushed shell and organic liquors. No pottery made of usual clay has been discovered at the settlement. Only two vessels of all the researched ones are made in the mixed pottery traditions of paste composing. This indicates a very weak process of mixing the inhabitants of the settlement with the foreign population-carriers of other traditions of making traditions different from their own. Morphologically, the researched ceramic complex of Polyanka settlement is homogeneous, except the vessels which are imitations of Greek wheel-made ware. The analogies for the most vessel types of Polyanka refer mainly to the monuments of the rural territory of European Bosphorus. The author supposes that hand-made pottery of Polyanka settlement was made by native barbarian people whose pottery traditions kept both the most archaic features (making pottery of silt) and the latest ones (using silty clay). This population consisted of related groups which had some difference in cultural traditions of making pottery based on using silty raw material of sea limans. Preservation and wide extension of such pottery traditions among the native population of European and Asiatic Bosphorus in antique time is a phenomenon distinguishing the cultural traditions of this region from those known in other territories in the Early Iron age.

Keywords: Bosphorus, Crimean Azov region, Polyanka settlement, hand-made pottery, cultural pottery traditions

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-112–124

РЕНТГЕНО-ФЛУОРЕСЦЕНТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНЕТНЫХ СПЛАВОВ БОСПОРА ВРЕМЕНИ МИТРИДАТА VI

Т.Н. Смекалова^{1, 2}, А.Ю. Лобода², Н.В. Быковская³, Е.Д. Трубникова¹

¹*Крымский Федеральный университет им В.И.Вернадского, Симферополь, Россия*
tnsmek@mail.ru

²*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия*
lobodaau@mail.ru

³*Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Керчь, Россия*
nvbykovskaya@gmail.com; ada2910@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются результаты исследования с помощью неразрушающего метода РФА-спектроскопии химического состава сплава монет из крупнейшего клада I в. до н.э., найденного в 1985 г. на античном поселении Полянка в Крымском Приазовье и хранящегося в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике. Получены новые данные для изучения «понтийского» периода в чеканке Боспора. Показано, что во время войн Митридата VI с Римом и в последующий за ним период (89–65 гг. до н.э.) на Боспоре циркулировали анонимные оболы, битые из «чистой» меди и латуни понтийского происхождения, и тетрагалки городов Амиса и Синопы.

Ключевые слова: Понтийское царство, Боспор, Рим, монетное дело, Митридат VI, бронза, медь, латунь, рентгено-флуоресцентная спектроскопия

С передачей престола последним Перисадом Митридату VI Евпатору в 113–111 или 108 г. до н.э.¹ Боспор вошел в состав Понта и с тех пор вплоть до гибели царя в 63 г. до н.э. разделял судьбу этого государства. Вместе с Митридатом VI Боспор был вовлечен в войны против Рима – вначале опосредованно, как житница понтийской армии и поставщик воинского контингента, а затем, на заключительной стадии борьбы, и как последнее прибежище понтийского царя. Все этапы борьбы Митридата с Римом нашли свое отражение в боспорском монетном

Данные об авторах: Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, зав. отделом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; ведущий специалист Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»; Лобода Анастасия Юрьевна – ведущий специалист Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»; Быковская Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, зам. директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника; Трубникова Елена Дмитриевна – младший научный сотрудник Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Исследования проводились при финансовой поддержке проекта РНФ № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

¹ Молев 1995, 9; Сапрыкин 1996, 135.

деле, в котором происходили изменения, знаменовавшие переход Боспора под власть понтийского царя. Исследование состава сплава монет крупнейшего клада I в. до н.э., найденного в 1985 г. на поселении Полянка в Керченском Приазовье, предоставило новые данные для изучения завершающего этапа «понтийского» периода в истории Боспора Киммерийского.

В конце II в. до н.э. Понтийская держава распространялась на южное и восточное побережье Понта от города Амастрии до Диоскурии. Митридат VI стремился завоевать южные, соседние с Понтом, государства для получения необходимых ресурсов для борьбы с Римом, в том числе для того, чтобы завладеть месторождениями золота и серебра, а также других металлов, которыми были богаты эти страны. Смешанные медно-свинцово-цинковые руды зафиксированы только в двух местах в Малой Азии. Первый район находился в легендарной стране халдеев – северо-восточной части Понта, недалеко от города Фарнакии, а также к югу от него. Второй район локализовался в районе города Пергама и в области Фригия².

Многие ученые умаляют значение Митридата VI в мировой истории, не признавая за ним других достоинств, кроме стихийного сопротивления Риму³. Однако, на наш взгляд, нельзя не признать его искусства организовывать управление финансами и изобретения совершенно новых по сути способов получения дополнительных денежных средств, борьбы с инфляцией и нехваткой монетных металлов. Именно Митридату VI и его окружению принадлежит честь изобретения чеканки монет условной стоимости, изготовленных из новых сплавов на медной основе («чистой» меди и латуни – смеси меди и цинка)⁴. Отчасти благодаря этому новшеству казна Митридата всегда была полна, несмотря на огромные военные расходы. Попробуем на примере Боспора проследить, каким образом понтийскому царю удавалось проводить инновационную финансовую политику.

Дата начального периода понтийского влияния на монетное дело Боспора может быть установлена путем выявления изменений в типах монет, наличии монограмм имен государственных чиновников, ответственных за чеканку монеты, соблюдения стандарта, номиналов, а также монетные сплавы.

Наиболее очевидные изменения прослеживаются при появлении на боспорских монетах т.н. «митридаатовских» типов. Общеизвестно, что монеты являлись удобными объектами для политической пропаганды. Митридат VI Евпатор, с одной стороны, выставлял себя защитником всех эллинов, а с другой, напоминал о персидских корнях его династии. Восточные мотивы появлялись, в основном, на монетах Понта и Пафлагонии. На Боспоре царю было выгоднее проводить филэллинскую политику и представлять себя на монетах в виде Диониса, напоминавшего о прозвище Митридата – Дионис. Митридат выступил на Боспоре как защитник эллинских городов от варваров, что незамедлительно отразилось на типах местных монет. Поэтому явным сигналом о понтийском влиянии на Боспоре могут служить монеты с дионисийскими изображениями.

² Jesus 1980, 397; Ireland, Atesogullari 1996: 115–138; Cowell, Craddock, Pike, Burnett 2000.

³ Моммзен 1994, 197; Бенгстон 1982, 319–320.

⁴ Смекалова 2017.

Эти типы на монетах Боспора, очевидно, не могли появиться ранее присвоения понтийским царем имени Дионис, т.е. ранее 102/101 гг. до н.э.⁵ По-видимому, к этому времени можно отнести первые изображения Диониса: на мелких серебряных монетах Пантикапея «голова Диониса/тирс» с монограммой в виде буквы П с точкой внутри и без монограммы⁶, и драхмы Пантикапея и Горгииппии с изображениями головы Диониса/скачущей лани⁷. В последующие годы дионисийская тема становится господствующей во всей боспорской чеканке времени Митридата VI⁸.

К понтийскому влиянию на Боспоре времени Митридата VI необходимо отнести также появление крупных номиналов в чеканке монет: серебряных драхм и дидрахм, медных тетрахаплов и обол. Вся система номиналов и весов была приведена в полное соответствие с нормами для монет Понта и Пафлагонии.

Но наиболее явным «понтийским следом» нужно признать применение особых сплавов для чеканки монет, которые были изобретены в Понтийской державе Митридата Евпатора и именно в связи с его масштабной подготовкой к войнам с Римом⁹.

Как известно, в Таврике и на Тамани нет своих источников металла, поэтому доставка на Боспор стратегического сырья – монетных сплавов – шла извне и свидетельствовала не только о торговых и экономических, но и о политических связях с другими античными государствами. Изучение состава сплава монет клада 1985 г. с поселения Полянка дало новые данные по составу сплава боспорских анонимных обол, которые позволили уточнить их происхождение и назначение.

Наиболее резкие изменения в монетном деле Боспора наступают с началом Первой войны Митридата с Римом в 89/88 г. до н.э. На Боспоре был посажен понтийский наместник, сын Митридата VI – Митридат младший¹⁰. В это время на Боспоре прекращается чеканка серебряной монеты, а также и городской монеты из бронзы. Вместо них появляются совершенно необычные монеты – так называемые боспорские анонимные оболочки типа «Дионис/горит» (рис. 1, 1). Особенность этих монет состоит в том, что они обращались исключительно на Боспоре вместе с понтийскими, преимущественно синопскими, тетрахапками. Таким образом, налицо полное лишение городов Боспора права чеканки своей монеты.

Изучение монограмм, встречающихся на монетах клада 1985 г., а также из собраний Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа позволяет сделать вывод о длительности чеканки боспорских анонимных обол.

⁵ Смекалова 1999.

⁶ Анохин 1986, 72.

⁷ Зограф 1951, табл. XLIII, 9–11.

⁸ На дидрахмах 96/95–88/87 гг. до н.э. Пантикапея, Фанагории и Горгииппии на лицевой стороне изображена голова Диониса в плющевом венке, на обороте – гирлянда из листьев плюща и гроздьев винограда (Зограф 1951, табл. XLIII, 5–7). Дионис и пантера изображены на обороте синхронных обол этих же городов, на лицевой стороне мы видим голову Мэна во фригийском колпаке (Зограф 1951, табл. XLIII, 13–14). На тетрахапках этого же времени изображены голова Диониса в плющевом венке/треножник и тирс (там же, табл. XLIII, 15–17). Наконец, художественно выполненные крупные монеты – так называемые боспорские анонимные оболочки – имеют портрет Митридата VI в виде бога Диониса на лицевой стороне и изображение горита на обороте (там же, табл. XLIII, 22–23).

⁹ Смекалова 2017.

¹⁰ Моммзен 1994, 209.

Рис. 1. Монеты из клада 1985 г. с поселения Полянка из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. 1 – Боспорский анонимный обол. *Л.с.*: голова Диониса в плющевом венке, повернута вправо. *О.с.*: горит, монограмма (Зограф 1951, табл. XLIII, 22–23). (Инв. № КН 4678/1001). «Чистая» медь. Вес 15,20 г. 2 – Обол Пантикапея. *Л.с.*: Голова Аполлона, вправо. *О.с.*: Орел на молниях, прямо; слева монограмма; справа или слева в поле – восьмилучевая звезда. Внизу в две строки: ПАНТИКАΠΑΙΤΩΝ (Зограф 1951, табл. XLIII, 20). (Инв. № КН 4678/781). «Чистая» медь. Вес 16,50 г.; 3 – то же, (Инв. № КН 4678/601). «Чистая» медь. Вес 16,60 г. На лицевой и оборотной стороне хорошо видны предыдущие типы боспорского анонимного обولا; 4 – *Л.с.*: Голова Афины в шлеме с гребнем, украшенным изображением Пегаса. *О.с.*: Персей стоит прямо; в правой руке держит гарпу, в левой – голову Медузы, чье обезглавленное тело лежит у его ног; поперек поля – ΑΜΙ – ΣΟΥ, слева и справа монограммы (Waddington, Babelon, Reinach 1925, tabl. VII, 10). (Инв. № КН 4678/913). Медный сплав: олово 7,7%, цинк 12,7%. Вес 15,70 г.

Н.А. Фролова насчитывала около 50 видов монограмм, многие из которых совпадают с монограммами на понтийской городской меди¹¹. Нам представляется, что многие монограммы можно сгруппировать по схожести и соответствию одному имени. После такой операции получается примерно 15–20 групп, которые соответствуют такому же количеству магистратов¹². Если считать, что должность монетного магистрата была ежегодно сменяемой, то получается, как минимум 15–20 лет чеканки боспорских анонимных обол. Учитывая, что мы, возможно, знаем не все монограммы, это число должно быть увеличено примерно до 20–25. Тогда, считая, что чеканка боспорских анонимных обол прекратилась, по-видимому, после смещения наместника Митридата в 65 г. до н.э., и отсчитывая от этой даты назад 25 лет, получаем примерно 90–89 гг. до н.э. как время начала чеканки этих монет, то есть начало Первой войны Митридата VI с Римом.

Но самым необычным в боспорских анонимных оболах, безусловно, является сплав, из которого они изготовлены. Еще при начальном изучении этих монет из собрания Государственного Эрмитажа в конце 1990-х гг. мы определили, что они

¹¹ Фролова 1998, 57.

¹² Дюков, Смекалова 1998, 86.

чеканены из «чистой» меди¹³. Изучение состава сплава монет клада 1985 г. с поселения Полянка дало новые данные по составу сплава боспорских анонимных обол, которые позволили получить новые сведения об их происхождении и возможном назначении.

Клад 1985 г. является самым крупным на сегодняшний день комплексом боспорских анонимных обол (150 экз.) (рис. 1, 1), а также перчеканенных на них обол Пантикапея с изображениями головы Аполлона/орла на молниях (908 экз.) (рис. 1, 2). Кроме этого, в кладе имеется 15 монет крупных номиналов городской чеканки Понта и Пафлагонии (рис. 1, 3) и четыре обол Горгиипии и Пантикапея типа «голова Мэна/Дионис с тирсом»¹⁴.

Химический состав сплава монет из этого клада изучался нами в мае 2018 г. с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра Mistral M1 Bruker, габариты и вес которого позволяют проводить исследования непосредственно в музейном хранилище. Измерения проходят достаточно быстро (более 100 монет в день), кроме того, этот метод абсолютно неразрушающий. Все эти преимущества позволяют изучать состав сплава больших кладов и коллекций монет, что необходимо для получения статистически значимых данных. В используемой установке имеется возможность выбирать точечную область для анализа состава сплава и перемещать ее по поверхности монеты. Для получения достоверных данных проводилось осреднение по нескольким точкам на аверсе и реверсе монет. Использование такого метода минимизирует разброс данных за счет неоднородности сплава на поверхности монеты.

Для изучения нами были выбраны следующие химические элементы, входящие в состав монетного сплава: медь (Cu), цинк (Zn), свинец (Pb), олово (Sn), железо (Fe), серебро (Ag), мышьяк (As), золото (Au), марганец (Mn), сурьма (Sb). Олово и свинец являются основными рецептурными добавками¹⁵ в бронзу; цинк содержится в ранних латунях в количестве от нескольких процентов до 28%¹⁶. Остальные элементы представляют собой естественные примеси, встречающиеся в месторождениях полиметаллических руд.

Анализ полученных значений состава сплава монет из клада 1985 г. показал, что только 36,8% боспорских анонимных обол отчеканены из «чистой» меди (рис. 2). Остальные 63,2% биты из латуни с содержанием цинка от 1 до 17,8%, причем большинство латунных монет содержит очень небольшое количество цинка – от 1 до 7% (рис. 3). Никаких иных, кроме цинка, рецептурных примесей в сплаве боспорских анонимных обол не обнаружено. Это наглядно иллюстрируется прямолинейным графиком зависимости содержания меди от содержания цинка в составе этих монет (рис. 4). Таким образом, мы получили совершенно новый результат, свидетельствующий о несомненном понтийском происхождении металла для чеканки боспорских анонимных обол. Действительно, сплав меди и цинка производился в это время только в Понте, так как только здесь разрабаты-

¹³ Дюков, Смекалова 1998, 88.

¹⁴ Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина 2006, 38–55.

¹⁵ Обычно рецептурными, то есть намеренно добавленными, считаются концентрации металлов более 1%.

¹⁶ Дюков, Смекалова 2000, 75.

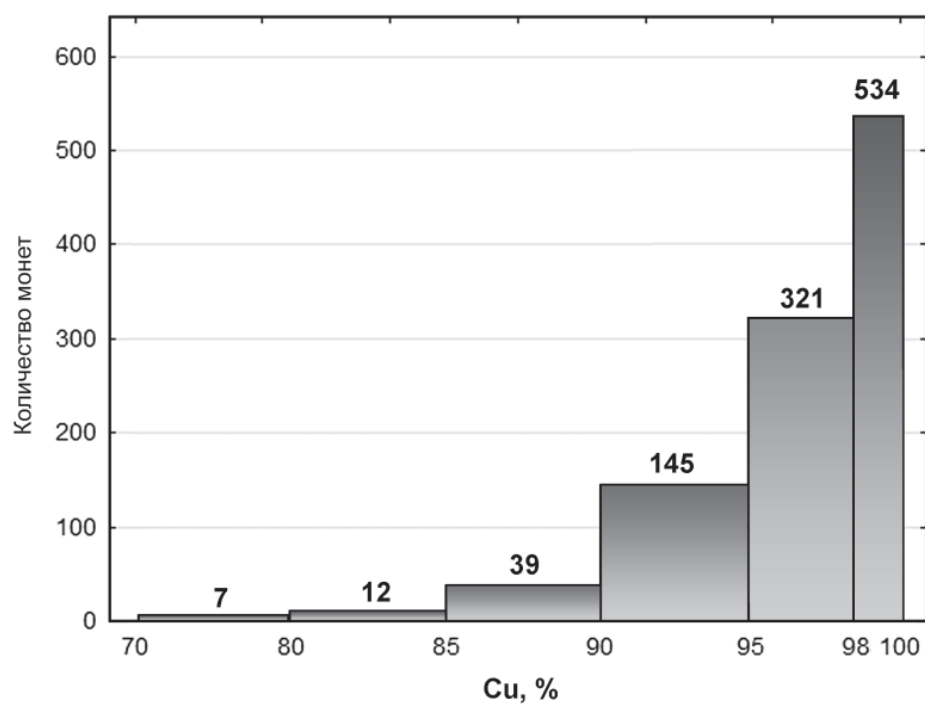

Рис. 2. Гистограмма содержания меди в сплаве боспорских анонимных обол и обол Пантикапея в кладе с поселения Полянка 1985 г.

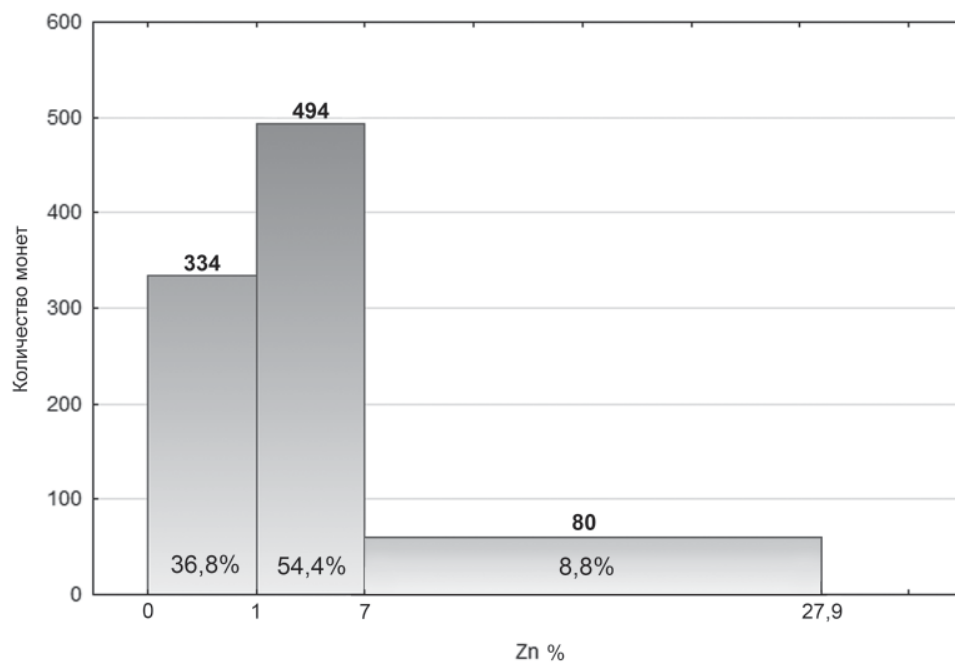

Рис. 3. Гистограмма содержания цинка в сплаве этих же монет

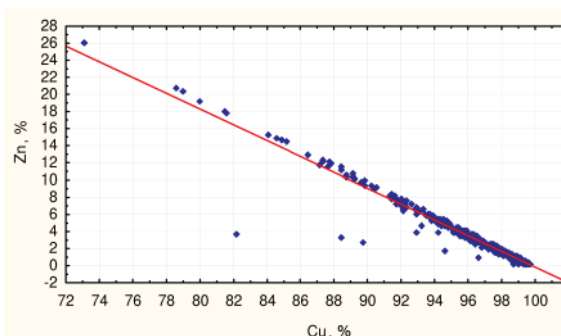

Рис. 4. График зависимости содержания цинка от содержания меди в боспорских анонимных оболах и оболах Пантикапея из клада с поселения Полянка 1985 г.

вались цинковые руды. Латунь (по-гречески *аурихалк*, или горная медь) – редкий и труднодобываемый сплав, который впервые, вероятно, получили только в начале I в. до н.э., он применялся в течение более 300 лет почти исключительно в чеканке монет¹⁷. Первая латунь стала производиться в северо-западной Анатолии методом цементации, то есть путем нагревания в закрытом сосуде мелкораздробленных (для увеличения поверхности) кусочков меди, угля и цинковой руды. Поскольку точка кипения и парообразования цинка (917°C) ниже точки плавления меди (1083°C), при нагревании до 1000°C пары цинка осаждаются на поверхность кусочков меди и растворяются в ней. Таким образом, возникает латунь в твердом состоянии. При этом способе невозможно получить содержание цинка в сплаве выше, чем 28%, и, как мы видим из опубликованных ранее и полученных нами в настоящее время результатов анализов монет из клада с Полянки, состав сплава латунных монет именно такой. Это косвенно говорит о том, что латунь для чеканки боспорских анонимных обол получали именно способом цементации.

Как уже упоминалось, на боспорских анонимных обол встречается большое количество различных монограмм. Однако никакой корреляции между «чистой» медными и латунными монетами и определенными монограммами установить не удастся. Создается впечатление, что боспорские анонимные оболочки чеканились без разбору либо из «чистой» меди, либо из латуни. Это могло произойти только в Понте – единственном в то время месте, где чеканились городские монеты как из латуни (Дионис/циста) (рис. 5, 1), так и из «чистой» меди (Персей/пасущийся Пегас) (рис. 5, 2)¹⁸. Данный вывод подтверждается множественными совпадениями монограмм на боспорских анонимных обол и понтийской городской меди¹⁹, это означает, что чеканка всех этих монет производилась под присмотром одних и тех же чиновников. Судя по зафиксированным находкам, боспорские анонимные оболочки циркулировали на Боспоре вместе с более мелкими номиналами – понтийскими тетрахаиками. Не исключено, что все эти монеты привозились на Боспор из Понта в уже отчеканенном виде.

¹⁷ Дюков, Смекалова 2000, 83-87.

¹⁸ Смекалова 2017, 143.

¹⁹ Дюков, Смекалова 1998, 84-87.

Рис. 5. Первые монеты, изготовленные из латуни и «чистой» меди.

1 – г. Амис (Понт). *Л.с.*: голова Диониса, повернута вправо. *О.с.*: циста и тирс с лентами, название города, монограммы. Латунь. Тетрахалк (Waddington, Babelon, Reinach 1925, tab. VII, 14–16); 2 – г. Амис (Понт). *Л.с.*: голова Персея, повернута вправо. *О.с.*: пасущийся Пегас, повернут влево, название города, монограммы. «Чистая» медь. Обол (Waddington, Babelon, Reinach 1925, tab. VIII, 25, 26); 3 – Понтийский анонимный обол. *Л.с.*: голова в кожаном шлеме, повернута влево, надчеканка. *О.с.*: восьмилучевая звезда, лук, монограмма. «Чистая» медь (Голенко 1960, 33–34)

Необычный состав сплава боспорских анонимных оболлов позволяет сделать также предположение о назначении этих монет. Мы склонны считать, что это специальные выпуски, предназначенные в основном для военных целей. Боспорские анонимные оболочки были монетами условной стоимости, завышенной по сравнению со стоимостью металла, в них заключенного. Для этого и потребовалось изготавливать их из неизвестных ранее в монетном деле сплавов. «Чистая» медь и латунь заметно отличались от бронзы по цвету, фактуре и коррозионной стойкости, что служило защитой этих монет от подделок. Боспорские анонимные оболочки могли заменять серебряные монеты, отсутствующие в то время на Боспоре, и служить, вероятно, для платы войскам.

Мы уже рассматривали вопрос о времени и месте изобретения способа чеканки монет разных номиналов из разных медных сплавов («чистой» меди и латуни). Монеты из «чистой» меди стали выпускаться в Понте в начальный период правления Митридата VI. Первыми из них были т.н. понтийские анонимные оболочки, типа «голова в кожаном шлеме (кирбасии)/восьмиконечная звезда» (рис. 5, 3)²⁰. По мнению исследователей, понтийские анонимные оболочки чеканились в Понте Митридатом VI до начала выпуска царских серебряных монет в 95 г. до н.э.²¹ Их можно считать монетами военного назначения, о чем косвенно свидетельствует

²⁰ Смекалова 2017.

²¹ Голенко 1960, 33–34.

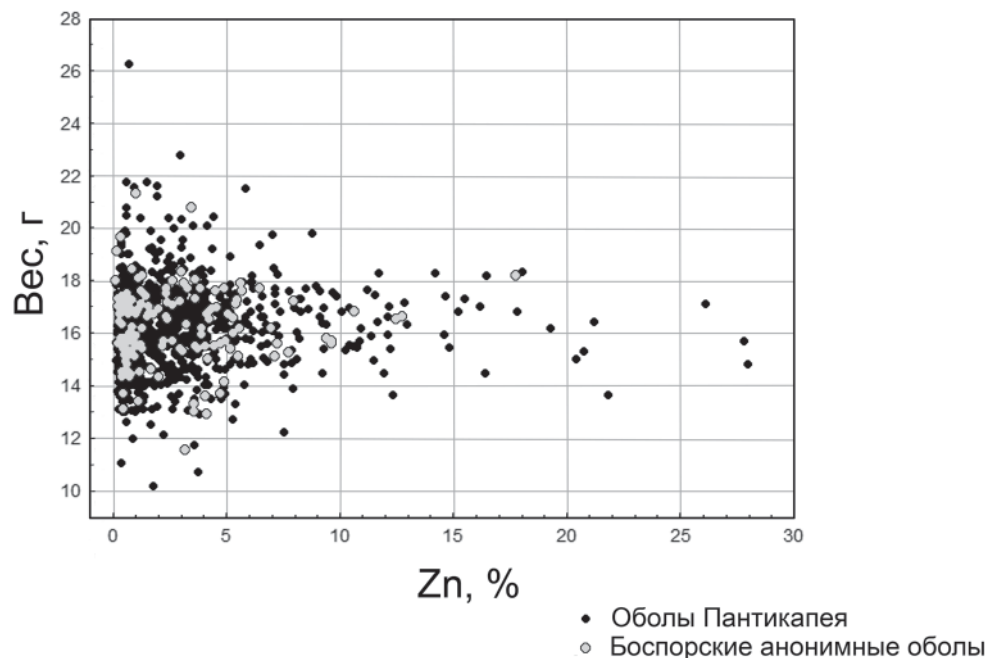

Рис. 6. График зависимости содержания цинка от веса монет в сплаве боспорских анонимных оболов и оболов Пантикапея в кладе с поселения Полянка 1985 г.

изображение на аверсе головы воина в шлеме. Имя города, возможно, отсутствует по той причине, что монеты, выпущенные для военных нужд, могли использоваться в разных частях Понтийского царства по мере необходимости. Понтийские анонимные оболы были завышены в своей стоимости, и именно поэтому потребовалось изготавливать их не из обычной бронзы, а из «чистой» меди, так, чтобы отличить по цвету от обычных бронзовых оболов и уменьшить риск подделок. Нам представляется, что чеканка боспорских анонимных оболов продолжила, вслед за понтийскими анонимными оболами, традицию выпуска монет условной стоимости из необычных сплавов («чистой» меди и латуни), которые по стоимости приближались к серебряным монетам.

К последним двум годам (65–63 гг. до н.э.) правления Митридата VI относятся чеканка пантикапейских оболов типа «голова Аполлона/орел, монограмма» (рис. 1, 2, 3) и монет более мелкого номинала, тетрахапков типа «голова Аполлона/треножник»²². О чрезвычайно коротком периоде выпуска этих оболов говорит присутствие на них неизменно только одной монограммы. Этникон Пантикапея после долгого перерыва опять появляется на монетах. Практически все оболы этой серии перечеканены (причем очень спешно и небрежно) на безымянных боспорских оболах (рис. 1, 2, 3). Об этом свидетельствуют одинаковые области изменения содержания цинка и веса монет (рис. 6).

²² Зограф 1951, 187.

Тетрахалки типа «Аполлон/треножник» перечеканены на понтийских монетах, в основном, тетрахалках «Зевс/орел» («понтийская» бронза с малым содержанием свинца) или биты из низкокачественной бронзы с высоким – до 15% – содержанием свинца. Серебряной чеканки по-прежнему нет.

Пантикапейские оболы «Аполлон/орел» в кладе с Полянки (рис. 1, 2, 3) (908 экз.) резко преобладают по количеству над всеми остальными монетами в кладе. Состав сплава этих монет в целом демонстрирует ту же картину, что и боспорские анонимные оболы, что неудивительно, учитывая поголовную перечеканку последних на типы Аполлон/орел. О спешности перечеканок говорит их небрежность, а также тот факт, что, помимо боспорских анонимных обол, в ход пошли все крупные монеты, находившиеся к тому моменту в обращении. Так, менее 1% (8 из 908) монет (инв. № КН 4678/ 379, 413, 720, 724, 727, 732, 742, 909) перечеканены из понтийских обол. Об этом говорят как проступающие прежние типы монет, так и состав сплава (олово – 2–12%, цинк – 1–14%, свинец – до 1%), идентичный со сплавом крупных монет Амиса и Синопы (голова Афины в шлеме/Персей с головой Медузы) (рис. 1, 4) и Амастрии (голова Зевса/Орел на молнии), которые также имеются в кладе. Вероятно, понтийские городские оболы так же, как и боспорские анонимные оболы, входящие в клад, были собраны для перечеканки на оболы Пантикапея Аполлон/орел, но по какой-то причине не успели пройти эту операцию.

Это свидетельствует о том, что формирование клада относится к самому началу переходного периода, последовавшего за прекращением хождения боспорских анонимных обол и понтийских монет на Боспоре. Сам факт сокрытия клада указывает на чрезвычайно беспокойную обстановку. Присутствие в кладе необычайно большого количества монет только крупных номиналов может свидетельствовать о том, что перед нами, возможно, жалование для выплаты солдатам какого-то воинского контингента, несущего службу на Боспоре.

Итак, изучение состава сплавов монет из коллекции Государственного Эрмитажа, а также клада 1985 г. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника показывает, что, начиная с конца II в. по 65 г. до н.э., на Боспор сплавы для чеканки монет доставлялись исключительно с Понта.

Боспорские анонимные оболы – один из самых ранних примеров использования новых сплавов на медной основе («чистой» меди и латуни) для чеканки монет, которые были введены в монетное дело в эпоху Митридата VI. Подготовка к войнам с Римом потребовала от понтийского царя такого напряжения финансовых средств, что это нашло отражение в экспериментах с доселе не применяемыми в монетном деле металлами и поиском новых, незнакомых, сплавов для чеканки монет условной стоимости.

Объяснение резких изменений в монетном деле Боспора понтийского периода, по-видимому, заключается в политике полного подчинения Митридатом VI финансовых систем всех государств, вошедших в разросшуюся Понтийскую державу, что неминуемо затронуло и Боспор. В период подготовки к войнам с Римом произошла смена общего курса Митридата VI от «филэллинской» политики дарования свобод греческим городам к чисто восточным деспотическим мерам по отношению к ним. Все финансовые ресурсы Понтийского царства были направлены на то, чтобы отчеканить необходимое количество монет для выплаты

наемным войскам. Поэтому Боспор в период войн Митридата с Римом не только потерял привилегию выпускать свою собственную серебряную, но даже и бронзовую монету, так как чеканка любых монет приносила государству немалую прибыль. Монетное дело Боспора было теперь полностью подчинено понтийскому царству, что лишило Боспор каких-либо экономических свобод.

Спешная перечеканка боспорских анонимных оболы на оболы Пантикапея говорит о чрезвычайно нестабильной обстановке на Боспоре в это время. Об этом же свидетельствует также как сам факт захоронения клада, так и скорая после этого гибель поселения Полянка, произошедшая, по мнению В.К. Голенко и А.А. Масленникова в 47 г. до н.э. «в ходе противоборства Асандра и Фарнака во время продвижения последнего от Феодосии к Боспору»²³, а по предположению Н.А. Фроловой несколько позднее – в 20-х гг. до н.э.²⁴.

Уникальность клада 1985 г. с поселения Полянка состоит в том, что он явился отражением как минимум полувековой напряженной политической ситуации на Боспоре, связанной с войнами Митридата VI с Римом и их последствиями. Именно с помощью изучения состава сплавов монет этого клада удалось установить, что в течение всех трех Митридатовых войн (89–85 гг., 82–80 гг. и 74–72 гг. до н.э.) и вплоть до 65 г. до н.э. монеты для циркуляции на Боспоре доставлялись из Понта. Боспорские греческие города были лишены в это время права собственной чеканки.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А., Куликов, А.В., Смекалова, Т.Н., Иванина, О.А., 2006: *Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника* (Нумизматическая коллекция. Т. 1). Киев.
- Голенко, В.К., Масленников, А.А. 1987: Два клада монет с поселения «Полянка». В сб.: *Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции 14–18 октября 1987 г.* Л., 27.
- Голенко, К.В. 1960: Из истории монетного дела на Боспоре в I веке до н.э. *НЭ* 2, 28–40.
- Дюков, Ю.Л., Смекалова, Т.Н. 1998: Результаты исследования состава сплава боспорских монет конца II–I веков до н.э. *ПИФК* 6, 76–93.
- Дюков, Ю.Л., Смекалова, Т.Н. 2000: О наиболее раннем применении латуни и «чистой» меди в эллинистической чеканке государств Причерноморья и Малой Азии. *ВДИ* 1, 71–88.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. М.–Л.
- Молев, Е.Л. 1995: Властитель Понта. Н. Новгород.
- Моммзен, Т. 1993: *История Рима*: в 5-ти т. Т. II. СПб.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство*. М.
- Смекалова, Т.Н. 1999. Персидская и дионисийская символика митридатовских монетных типов и датировка некоторых боспорских монет. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции*. СПб., 353–359.
- Смекалова, Т.Н. 2017: Изобретение чеканки монет разных номиналов из разных сплавов на медной основе. *Stratum Plus* 6, 139–148.

²³ Голенко, Масленников 1987.

²⁴ Фролова 1998, 60.

- Фролова, Н.А. 1998: Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985 гг.). *ПИФК* 6, 65–76.
- Cowell, M.R., Craddock, P.T., Pike, A.W.G., Barnett, A.M. 2000: The analytical survey of Roman provincial copper-allow coins, and the continuity of brass manufacture in Asia Minor. In: B. Weissner, B. Kluge (eds.), *Proceedings of the XII International Numismatic Congress. Berlin. 8–12 September, 1997*. Berlin, 670–677.
- Ireland, S., Atesogullari, S. 1996: The ancient coins in Amasra Museum. In: R. Ashton (ed.), *Studies of Ancient Coinage from Turkey*. London, 114–138.
- Jesus, P.S., de. 1980: *The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia*. Vol. 1–2. (BAR 74). Oxford.
- Waddington, W., Babelon, E., Reinach, Th. 1925. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Paris.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Kulikov, A.V., Smekalova, T.N., Ivanina O.A. 2006: *Klady antichnykh monet. Iz sobraniya Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika* [Hoards of Ancient Coins. From the Collection of the Kerch State Historical and Cultural Reserve]. (Numizmaticheskaya kolleksiya [Numismatic collection]). Vol. 1). Kiev.
- Cowell M.R., Craddock, P.T., Pike, A.W.G., Barnett, A.M. 2000. The analytical survey of Roman provincial copper-allow coins, and the continuity of brass manufacture in Asia Minor. In: B. Weissner, B. Kluge (eds.), *Proceedings of the XII International Numismatic Congress. Berlin. 8–12 September, 1997*. Berlin, 670–677.
- Dyukov, Yu.L., Smekalova, T.N. 1998: Rezul'taty issledovaniya sostava splava bosporskikh monet kontsa II–I vekov do n.e. [The results of study of the composition of alloy of the Bosporan coins of the end of the 2nd–1st cc. BC.]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 6, 76–93.
- Dyukov, Yu.L., Smekalova, T.N., 2000: O naibolee rannem primenenii latuni i «chistoy» medi v ellinisticheskoy chekanke gosudarstv Prichernomor'ya i Maloy Azii [On the earliest use of brass and “pure” copper in the Hellenistic minting of the states of the Black Sea Coast and Asia Minor]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 71–88.
- Frolova, N.A. 1998: Klad bosporskikh monet I v. do n.e., nayennyy na antichnom poselenii «Polyanka» (1984–1985 gg.) [A hoard of the 1st c. BC Bosporan coins found in the ancient settlement “Polyanka” (1984–1985)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 6, 65–76.
- Golenko, V.K., Maslennikov, A.A. 1987: Dva klada monet s poseleniya «Polyanka» [Two hoards of coins from the settlement “Polyanka”]. *Novoe v sovetskoy numizmatike i numizmaticheskom muzevedenii. Kratkie tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii (k 200-letiyu Otdela numizmatiki Ermitazha) 14–16 oktyabrya 1987 g.* [New in Soviet Numismatics and Numismatic Museum Studies. Abstracts of the Scientific Conference (Commemorating the 200th Anniversary of the Hermitage Numismatics Department), October 14–16, 1987]. Leningrad, 27.
- Golenko, K.V. 1960: Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I veke do n.e [From the history of coinage in the Bosporus in the 1st century BC]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy] 2, 28–40.
- Ireland, S., Atesogullari, S. 1996. The ancient coins in Amasra Museum. In: R. Ashton (ed.), *Studies of Ancient coinage from Turkey*. London, 114–138.
- Jesus, P.S., de. 1980: *The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia*. Vol. 1–2. (BAR 74). Oxford.

- Moley, E.L. 1995: *Vlastitel' Ponta* [*The ruler of Pontos*]. Nizhniy Novgorod.
- Mommsen, T. 1993: *Istoriya Rima* [*History of Rome*]: in 5 vol. V. II. Saint Petersburg.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Kingdom of Pontus: The State of Greeks and Barbarians in the Black Sea Littoral*]. Moscow.
- Smekalova, T.N. 1999: Persidskaya i dionisiyskaya simbolika mitridatovskikh monetnykh tipov i datirovka nekotorykh bosporskikh monet [Persian and Dionysus symbolism of Mithridates monetary types and the dating of some Bosporan coins]. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Greek Culture at the Periphery of Ancient World. The Materials of International Scientific Conference December 1999*]. Saint Petersburg, 353–359.
- Smekalova, T.N. 2017: Izobreteniyе chekanki monet raznykh nominalov iz raznykh splavov na mednoy osnove [The invention of minting coins of different denominations from different alloys on the copper basis.]. *Stratum Plus* 6, 139–148.
- Waddington, W., Babelon, E., Reinach, Th. 1925. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Paris.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [Ancient coins]. Moscow–Leningrad.

XRF-SPECTROSCOPY OF BOSPORAN COIN ALLOYS DURING MITHRADATES VI'S TIME

Tatyana N. Smekalova^{1,2}, Anastasia Ju. Loboda², Natalya V. Bykovskaya³,
Elena D. Trubnikova¹

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnsmek@mail.ru

² National Research Center Kurchatov Institute, Moscow, Russia
lobodaau@mail.ru

³ Eastern-Crimean Historic-Cultural Museum-Reserve, Kerch, Russia
vbykovskaya@gmail.com; ada2910@mail.ru

Abstract. New data have been obtained for the study of the “Pontic” period in the history of the Bosphorus by measuring with help of X-ray fluorescent spectroscopy the composition of the alloy of coins from the largest hoard of the 1st c. BC found in 1985 on Kerch peninsula, on the shore of the Sea of Azov (kept in the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve). It is shown that during the wars of Mithridates VI Eupator against Rome (89–65 BC), anonymous obols struck from “pure” copper and brass of Pontic origin and tetrahalkoy of Amisos and Sinope were circulating on the Bosphorus.

Keywords: Pontic Kingdom, Bosphorus, Rome, coinage, Mithradates VI, bronze, copper, brass, XRF-spectroscopy

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 125–144
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 125–144
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-125–144

ОПЫТ МОРФОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СКЕЛЕТНЫХ ОСТАНКОВ
ПЛОХОЙ СОХРАННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНТИЧНОГО
МОГИЛЬНИКА ВОЛНА 1, ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)
ЧАСТЬ 2

А.Н. Абрамова

*Волгоградский государственный университет, Волгоград;
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия
abramovasacha0902@gmail.com*

Посвящается 100-летию
со дня рождения Тамары Сергеевны
Кондукторовой

Аннотация. В статье изложены результаты предварительного остеометрического исследования серии очень плохой сохранности, происходящей из грунтового могильника Волна 1 (Таманский п-ов), датирующегося VI–III вв. до н.э. Данная работа является продолжением первой части, в которой была проведена краниометрическая характеристика, основанная лишь на признаках лобно-теменной области черепа.

Большое количество изученных поперечных размеров на длинных костях привело нас к попытке межгруппового и внутригруппового сравнения с опорой лишь на указатели, описывающие форму диафизов. В результате было проведено межгрупповое сравнение, основанное как на попарном сопоставлении признаков, описывающих форму диафиза, так и с помощью метода полигонов, который позволил более наглядно проиллюстрировать полученные результаты. Было показано, что наибольшее сходство с населением, похороненным в могильнике Волна 1, достигают серии, происходящие из могильника Старокорсунского городища № 2, датированные II–I вв. до н.э. Мы предприняли попытку работать на индивидуальном уровне, также основываясь лишь на указателях, основанных на поперечных размерах длинных костей. Внутригрупповой анализ дал возможность предположить наличие на памятнике, по крайней мере, трех групп населения. Эти данные предварительно были подтверждены на археологическом материале. Полученный результат позволяет нам говорить о сильной недооцененности указателей, описывающих форму диафиза.

Кроме того, в работе обращается внимание на некоторые методические моменты. Так, например, в условиях плохой сохранности, когда поперечные размеры в разы превышают продольные, чтобы не смазывать картину, важно данные по целым скелетам публиковать в отдельных таблицах. Также описывается опыт измерения скелетов *in situ*. Акцентируется внимание на почти полном отсутствии остеометрических исследований серий, происходя-

---

Данные об авторе: Абрамова Александра Николаевна – аспирантка кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета; научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

щих из южных регионов России, что на данном этапе исследования привело к невозможности межгруппового сравнения по продольным размерам длинных костей.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Прикубанье, физическая антропология, археология, палеоантропология, остеометрия, ранний железный век, античность

ВВЕДЕНИЕ

Изучение памятников Азиатского Боспора имеет многолетнюю традицию и начинается свою историю с середины XIX в. Вопросы взаимодействия автохтонного и пришлого населения и важность региона с исторической точки зрения как крупного политического и экономического образования обсуждались многократно¹. В последние годы, в связи с масштабным хозяйственным освоением Таманского полуострова и строительством транспортного сообщения с Крымом, археологические работы в южных регионах приобрели беспрецедентный размах. Были исследованы многочисленные памятники и получен обширный археологический материал, осмысление которого займет еще ни один год².

Уже несколько лет в рамках строительства объектов ООО «ОТЭКО-Порт-сервис» ведутся широкомасштабные раскопки поселения и могильника Волна 1. Благодаря охранным раскопкам, проведенным в 2016–2018 гг. на территории некрополя Волна 1 (совр. пос. Волна, Темрюкский район), осуществленным силами нескольких экспедиций, уже исследовано более 1000 погребальных сооружений. Это дает нам возможность утверждать, что данный некрополь является наиболее изученным на сегодняшний день на территории Азиатского Боспора.

Однако агрессивные почвы, плантажная распашка под виноградники и особенности климата стали причиной сильного разрушения костной ткани. В таких почвенных условиях длинные кости подчас лишены своих эпифизарных концов, что затрудняет изучение их продольных размеров. И только благодаря массовости полученных антропологических коллекций удастся набрать необходимые численности для остеометрического исследования, хотя и в усеченном виде.

К методике изучения скелетных останков плохой сохранности неоднократно обращались разные авторы³. Первая часть данного исследования, уже нашедшая свое отражение в статье, была посвящена вопросам изучения черепов без лицевого отдела⁴. Вторая же часть исследования будет направлена на изучение посткраниальных скелетов в условиях почти полного отсутствия эпифизов и значительного количества изученных поперечных размеров длинных костей.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

При изучении вопросов о происхождении и морфологических особенностях древних популяций, в разное время обитавших на территории Азиатского Боспора, чаще всего исследователи обращаются к данным краниометрии. И действительно, то небольшое количество антропологических работ, что вышло за более

¹ См., например: Ростовцев 1918; Сударев 2005.

² Мимоход и др. 2017; 2018.

³ Пежемский 2000; Добровольская 2016.

⁴ Абрамова, Пежемский 2018.

чем столетнюю историю изучения памятников археологии, оставленных греческими колонистами и племенами, обитавшими на территории так называемых Меотиды и Синдики, в большинстве своем посвящены вопросам краниометрии⁵. Морфология скелетной системы и изменчивость тотальных размеров тела древних популяций, проживавших на территории юга России, до сегодняшнего дня остается неизученной.

Отказ от остеометрического исследования не является уникальным для южных регионов. Еще в начале XX в. изложение остеометрической методики появилось в работах Э.Г. Ландау и Р. Мартина, однако до сих пор достаточно остро стоит вопрос накопления данных об изменчивости скелетной системы. Несмотря на то, что эмпирические данные по остеометрии некоторых палеоантропологических выборок начали накапливаться в России еще с 1860-х гг., до сих пор наблюдается некоторый «перекосяк» в вопросах изучения человеческого скелета. Повсеместный отказ от остеометрического исследования стал распространенной практикой в российской палеоантропологии. И если еще в конце XX в. это можно было бы объяснить трудностью интерпретации данных и отсутствием единой остеометрической методики, то на сегодняшний день такая «избирательная» антропология не находит никаких оправданий. Однако стоит отметить, что в последние годы положение начинает изменяться, все больше работ выходит по данной тематике, проходят коннексионные семинары и выходят методические работы, что дает возможность надеяться на скорое накопление данных по этой системе антропологического знания.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для данного исследования послужили скелеты, полученные в ходе археологических работ в 2017 и 2018 гг. силами двух экспедиций: ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур (раскопки 2017 г.) и экспедиции Института археологии РАН под руководством Р.А. Мимохода (раскопки 2017 и 2018 гг.). Могильник на сегодняшний день датируется VI–III вв. до н.э. Негативные почвенные и климатические условия привели к тому, что из более чем 700 скелетов нам удалось изучить только 118 мужских и 56 женских скелетов по стандартной остеометрической программе⁶. Однако, если сохранность позволяла, для изучения скелетов применялась расширенная программа (табл. 1). К сожалению, в большинстве случаев у длинных костей полностью или частично отсутствовали эпифизы, что привело к значительному накоплению данных по поперечным размерам и поиску путей изучения длинных костей плохой сохранности.

Остеометрическое исследование проводилось с помощью специального инструментария, а именно: малого толстотного, большого толстотного и скользящего циркулей, остеометрической доски, измерительной ленты. Точность инструментов перед началом работы была проверена при помощи верификатора.

Плохая сохранность костной ткани чаще всего приводит к тому, что эпифизы очень сильно разрушаются или утрачиваются полностью при извлечении костей из погребения и их дальнейшей транспортировке. Именно поэтому, для того

⁵ Дебеч 1948; Бунак 1953; Герасимова 1976; 1987; Балабанова 2013; Громов и др. 2015.

⁶ Алексеев 1966.

чтобы увеличить данные по продольным размерам, летом 2018 г. было решено исследовать скелеты *in situ*. Измерения костей *in situ* проводились при помощи большого толстотного циркуля. При этом «ножки» циркуля фиксировались на самой дистальной и самой проксимальной точках эпифизов кости. Измерение повторялось 3–5 раз, пока уверенность в результате не была полной. Затем, после извлечения скелета из погребения, если сохранность костей позволяла, проводилось также исследование на остеометрической доске. Интересно, что в основном погрешность полевого измерения не превышала 1–2 мм. Однако, несмотря на все принятые меры, продольные размеры составляют лишь минимальный процент от всего изученного материала (табл. 1, 2, 3).

В условиях, когда поперечные размеры в разы превышают продольные из-за плохой сохранности скелетов, важным методическим моментом является построение остеометрических таблиц и их публикация. Для того чтобы не смазывать картину и избежать артефактных морфометрических данных, необходимо строить два вида таблиц: одна для описания скелетов полной сохранности, а вторая для материалов плохой сохранности, в которой будут отражены те усеченные данные, которые удалось получить на разрушенных скелетах (табл. 2, 3).

В цели исследования входило дать остеологическую характеристику населению, захороненному в могильнике Волна 1, в условиях плохой сохранности костной ткани. Кроме того, предполагается провести межгрупповой анализ серии, основываясь только на поперечных размерах, тем самым показать их достаточную информативность.

Таблица 1

Морфологическая характеристика длинных костей из могильника Волна 1, VI–III вв. до н.э. для мужских скелетов хорошей сохранности

Признак	Правая сторона						Левая сторона					
	n	X	max	min	S	As	n	X	max	min	S	As
Humerus												
1. Наиб. длина	4	317,8	309	332	–	–	5	313,8	284	345	–	–
2. Общая длина	3	311,7	303	327	–	–	4	316,8	296	343	–	–
4. Ширина нижн. эпифиза	4	64,6	61,5	69	–	–	3	66,0	61	70	–	–
5. Наиб. диам. серед. диафиза	7	22,4	20	25	1,2	–0,1	7	22,6	19,5	24,5	1,1	–1,4
6. Наим. диам. серед. диафиза	7	18,2	15	19,5	1,4	–1,3	7	18,5	16	20,5	1,6	–0,6
7. Наим. окр. диафиза	7	63,0	55	68	4,6	–0,8	5	63,8	55	67	–	–
7а. Окр. середины диаф.	7	65,7	59	71	4,0	–0,5	7	66,1	57	71	3,8	–1,3
14. Ширина локтевой ямки	4	29,5	27,7	30,6	–	–	6	28,6	26,5	31,3	1,3	0,3
Н6:Н5. Указатель платибрахии	7	81,4	71,4	86,7	4,0	–1,1	7	81,6	72,7	89,1	3,5	–0,5

H7:H1. Указатель массивности	4	19,3	17,8	21,2	–	–	3	18,9	17,9	19,6	–	–
Radius												
1. Наиб. длина	1	251,0	–	–	–	–	5	245,4	218	269	18,7	–0,2
2. Суставная длина	2	226,0	214	238	–	–	5	234,0	207	256	19,6	–0,3
4. Поперечный диаметр диаф.	7	16,0	15	17	0,7	0,0	7	16,3	14,5	18,5	0,8	0,6
5. Сагиттальной диаметр диаф.	7	12,1	10	13,5	1,1	–0,6	7	12,1	10,5	13,5	0,9	–0,6
3. Наименьшая окруж. диафиза	6	39,8	37	43	1,9	–0,2	7	40,6	37	45	2,2	0,3
R5:R4. Указатель сечения	7	75,4	66,7	87,1	4,6	0,8	7	74,3	65,6	87,1	5,4	0,8
Ulna												
1. Наибольшая длина	0	–	–	–	–	–	3	274,7	248	291	–	–
2. Суставная длина	0	–	–	–	–	–	3	244,7	219	260	–	–
11. Сагиттальн. диаметр диаф.	6	13,9	12	16	1,3	0,2	7	15,3	12,5	21	1,7	1,9
12. Ширина диафиза	6	16,9	14	19	1,1	–1,0	7	16,7	14,5	18,5	1,3	–0,6
13. Верхняя ширина диаф.	5	20,6	18	24	1,7	0,6	6	20,8	19	22	0,8	–0,8
14. Верхний сагит. диаметр	5	24,3	23	26	1,0	0,2	6	23,3	20,5	26,5	1,3	0,3
3. Наименьшая окр. диафиза	4	35,5	34	37	1,0	0,0	6	35,5	34	38	1,2	0,8
U13:U14. Указатель платолении	5	84,7	78,3	98,0	5,8	1,5	6	89,4	80,9	102,4	6,3	0,8
Clavicula												
1. Наибольшая длина	2	146,5	123	170	–	–	3	140,8	127,5	154	–	–
2а. Высота изгиба диафиза	3	29,0	24	33	–	–	2	25,0	22	28	–	–
4. Вертикальный диаметр	5	10,2	9	11,5	0,8	0,2	5	9,4	8,5	10,5	0,7	0,1
5. Сагиттальный диаметр	5	10,2	9	11,5	0,8	0,2	5	11,7	9,5	14,5	1,1	0,8
6. Окружность середины диафиза	5	37,0	30	42	3,6	–0,6	5	34,6	28	40	3,7	–0,4
Femur												
1. Наибольшая длина	3	458,3	424	485	–	–	5	453,0	429	476	18,0	–0,2
2. Длина в естеств. положении	3	453,7	417	481	–	–	1	475,0	–	–	–	–
6. Сагит. диаметр середины диафиза	7	27,6	24	31	2,1	–0,1	7	27,8	25	31,5	2,2	0,4

7. Поперечн. диам. середины диафиза	7	29,2	24,5	32,5	2,5	−0,6	7	29,1	25	32	2,4	−0,5
9. Верхняя ширина диафиза	7	33,3	28	37,5	2,7	−0,4	7	34,7	30,5	38	2,4	−0,5
10. Верхний сагит. диаметр диафиза	7	26,5	24,5	29	1,7	0,2	7	25,6	22,5	28	1,4	−0,7
9. Наибольшая верхняя ширина диафиза	7	34,4	29	37,5	2,6	−0,7	7	35,5	31	39,5	2,6	−0,2
10. Наим. верхний сагит. диаметр диафиза	7	24,6	20,5	27	1,8	−0,9	7	24,8	21,5	27	1,8	−0,5
8. Окружность середины диафиза	7	87,6	78	95	6,8	−0,3	7	87,7	78	96	6,9	−0,2
23. Набол. сагит. диам. наруж. мыш.	3	64,2	58,5	67,5	—	—	2	66,8	66	67,5	—	—
15. Вертикальный диаметр шейки	5	32,9	30	35	1,5	−0,6	4	34,8	29	38	—	—
19. Ширина головки	3	47,3	45,5	49	—	—	3	48,2	46	49,5	—	—
18. Вертикальный диаметр головки	4	49,0	45,5	51	—	—	6	49,8	46	52,5	2,3	−0,5
14с. Длина шейки	4	49,3	47	54	—	—	4	47,3	45	51	—	—
F6:F7 Указатель пиястрии	7	94,9	90,3	106,1	5,6	1,3	7	95,4	89,1	101,6	3,9	−0,1
F10:F9. Указатель платимерии	7	79,9	74,3	89,3	4,0	0,9	7	74,2	65,2	82,3	5,6	0,1
F10:F9. Указатель платимерии	7	71,9	64,1	82,8	4,2	0,9	7	70,0	62,3	77,1	3,9	−0,1
F8:F2. Указатель массивности	3	19,2	18,7	20,3	—	—	1	18,9	—	—	—	—
Tibia												
1. Полная длина	2	376,0	375	377	—	—	1	377,0	—	—	—	—
1a. Наибольшая длина	2	384,0	382	386	—	—	2	366,5	340	393	—	—
2. Суставная длина	3	346,3	319	360	—	—	4	335,3	295	366	—	—
8. Сагит. диаметр середины диафиза	7	31,0	25	36	3,1	−0,4	7	30,5	26,5	34	2,7	0,0
9. Поперечн. диам. середины диафиза	7	20,7	17	23	1,2	−1,3	7	21,1	18	23,5	1,6	−0,4
8a. Сагит. диаметр на уровне F. nutr.	7	34,5	29,5	39	3,3	−0,4	7	34,5	29,5	38	2,9	−0,6
9a. Поперечный диаметр у F. nutr.	7	23,4	19	25	1,3	−2,0	7	23,1	19	25,5	1,5	−1,4
10. Окружность середины диафиза	7	80,9	71	90	5,9	−0,3	7	80,1	70	89	6,1	−0,4
10b. Наименьшая окружность диафиза	7	72,9	67	82	4,4	0,7	6	71,5	66	79	4,2	0,5

T10:T1. Указатель массивности	2	22,6	21,9	23,3	—	—	1	21,5	—	—	—	—
T9:T8. Указатель сечения	7	67,4	60,3	82,0	5,8	1,1	7	69,2	63,2	73,3	2,8	−0,8
T9a:T8a. Указатель платикнемии	7	68,1	61,3	79,7	4,6	1,2	7	67,0	63,2	73,3	2,6	0,9
Fibula												
1. Наибольшая длина	0	—	—	—	—	—	4	347,0	317	375	—	—
4. Окружность середины диафиза	1	56,0	—	—	—	—	4	48,0	41	57	—	—
f4:f1. Указатель массивности	0	—	—	—	—	—	4	13,9	11,1	15,2	—	—

Таблица 2

Морфологическая характеристика длинных костей, происходящих из могильника Волна 1, VI–III вв. до н.э. Мужские скелеты плохой сохранности

[illegible]

1. Наибольшая длина	0	–	–	–	–	6	268,3	291	248	–
2. Суставная длина	1	221,0	–	–	–	9	233,4	260	219	–
11. Сагиттальный диаметр диафиза	36	13,1	16	10,5	1,3	40	13,7	21	9,5	2,2
12. Ширина диафиза	36	16,5	20,5	12	2,0	38	17,0	20	12	1,9
13. Верхняя ширина диафиза	19	20,2	24	15	2,4	21	19,5	24,5	0	5,0
14. Верхний сагиттальный диаметр	19	23,3	27	20	2,0	22	23,6	30	17	2,9
3. Наименьшая окружность диафиза	18	35,1	42	31	2,7	25	35,8	42	30	2,7
U13:U14 Указатель платолени	18	87,5	102,3	75,0	8,9	19	88,7	102,4	78,3	6,9
Clavicula										
1. Наибольшая длина	4	151,3	170	123	–	6	144,6	158	127	–
6. Окружность середины диафиза	21	37,1	46	29	5,2	28	35,9	43	28	4,1
Femur										
1. Наибольшая длина	14	448,9	510	395	12,3	17	452,2	516	404	–
2. Длина в естественном положении	11	445,6	481	410	12,5	6	448,7	475	440	–
6. Сагит. диам. середины диафиза	99	28,0	33	23	2,2	101	27,7	32,5	23	2,3
7. Попер. диам. середины диафиза	99	28,2	34,5	22	2,5	101	28,6	35	22	2,5
9. Наибольшая верхняя ширина диафиза	92	32,3	40	26,5	2,7	87	33,3	40	27	2,8
10. Наим. верхний сагиттальный диаметр диафиза	94	26,2	31	21	2,6	87	25,3	30,5	21	1,9
9. Наибольшая верхняя ширина диафиза	91	33,4	40	27,5	2,7	87	33,8	40	28	2,8
10. Наибольший верхний сагиттальной диаметр	92	24,5	29,5	18,5	2,2	87	24,2	29	19	1,9
8. Окружность середины диафиза	97	86,5	101	72	6,0	96	86,6	101	72	6,1
F10:F9. Указатель платимерии	92	81,3	111,3	65,2	7,0	87	76,5	95,1	59,5	7,1
F10:F9. Указатель платимерии по наибольшим диаметрам	91	73,4	89,3	56,1	6,0	87	72,0	94,8	57,5	6,6
F8:F2. Указатель массивности	11	19,8	22,2	17,0	1,4	6	19,2	20,4	16,9	1,2
F6:F7 Указатель пилэстрии	99	99,9	127,1	81,7	8,8	100	97,4	126,5	77,0	8,8
Tibia										
1. Полная длина	5	319,4	409	86	–	4	369,0	377	365	–
1a. Наибольшая длина	3	374,3	386	355	–	4	369,0	393	340	–
2. Суставная длина	9	345,7	370	319	19,3	11	346,5	380	295	12,2
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	94	30,4	36	23,5	2,4	90	30,3	35,5	23,5	2,4
9. Поперечный диаметр середины диафиза	93	21,6	28	17	2,2	90	21,5	27	16	2,3

8a. Сагиттальный диаметр на уровне F. nutr.	82	34,6	40,5	26,5	2,7	84	34,0	39	28	2,7
9a. Поперечный диаметр у F. nutr.	84	23,6	28,5	18	2,3	84	23,4	28	17	2,3
10. Окружность середины диафиза	89	81,3	96	66	6,0	88	81,3	94	64	6,3
10b. Наименьшая окружность диафиза	71	73,5	88	60	5,6	74	73,3	88	60	5,8
T10b:T1. Указатель массивности	4	20,4	21,5	19,2	—	3	19,4	19,8	19,1	0,4
T9a:T8a. Указатель платикнемии	80	68,6	82,5	53,3	5,5	83	69,0	84,4	57,6	5,3
T9:T8 Указатель сечения	93	71,8	85,2	54,5	6,4	90	71,1	89,3	57,4	6,3
Fibula										
1. Наибольшая длина	1	338,0	338	338	—	5	348,0	375	317	—
4. Окружность середины диафиза	2	48,5	56	41	—	5	46,0	57	38	—

Таблица 3

Морфологическая характеристика длинных костей, происходящих из могильника Волна 1, VI–III вв. до н.э. Женские скелеты плохой сохранности

Признак	Правая сторона					Левая сторона				
	n	X	max	min	S	n	X	max	min	S
Humerus										
1. Наибольшая длина	0	—	—	—	—	0	—	—	—	—
2. Общая длина	1	295,0	—	—	—	0	—	—	—	—
5. Наиб. диаметр середины диафиза	38	19,8	22,5	18	1,3	31	19,2	21,5	17	1,1
6. Наименьший диаметр середины диафиза	38	14,9	18	12	1,4	31	14,8	17	12	1,1
7. Наименьшая окружность диафиза	38	53,8	62	47	3,6	30	52,9	60	48	2,8
7a. Окружность середины диафиза	38	57,2	67	50	4,2	31	56,2	67	51	3,2
H7:H1. Указатель массивности	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
H6:H5 Указатель сечения	37	75,1	84,2	64,4	5,0	30	77,3	88,6	63,2	6,1
Radius										
1. Наибольшая длина	5	214,4	234	195	—	2	217,0	228	206	—
2. Суставная длина	7	207,1	231	182	—	3	206,3	214	192	—
4. Поперечный диаметр диафиза	32	14,9	17	13	1,0	23	14,7	17,5	13	1,2
5. Сагиттальной диаметр диафиза	32	10,4	12,5	8,5	0,8	24	10,4	12	9,5	0,8
3. Наименьшая окружность диафиза	26	36,2	42	32	2,6	21	35,3	42	29	2,7

R3:R1 Указатель массивности	5	17,3	18,5	15,8	1,1	2	17,5	18,4	16,5	1,4
Ulna										
1. Наибольшая длина	3	228,3	245	216	–	2	230,0	240	220	–
2. Суставная длина	4	206,0	221	188	–	5	207,6	220	194	–
11. Сагиттальный диаметр диафиза	27	11,6	14	10	1,1	21	11,4	13,5	9	1,2
12. Ширина диафиза	26	14,8	17,5	10,5	1,5	21	14,5	17,5	12	1,6
13. Верхняя ширина диафиза	11	18,6	22,5	15	2,0	13	18,6	23	16	2,0
14. Верхний сагиттальный диаметр	13	21,1	23,5	19	1,4	13	20,8	22,5	19,5	0,8
3. Наименьшая окружность диафиза	17	31,3	37	28	2,5	13	30,8	35	27	2,3
U13:U14 Указатель платолении	10	87,3	102,6	68,2	10,7	12	88,1	104,9	77,8	8,6
Clavicula										
1. Наибольшая длина	4	130,0	138	122	–	1	137,0	–	–	–
6. Окружность середины диафиза	15	31,8	41	27	3,8	14	31,4	39	27	3,3
Femur										
1. Наибольшая длина	5	400,4	442	351	–	4	424,5	455	410	–
2. Длина в естественном положении	3	400,7	416	371	–	3	415,0	416	414	–
6. Сагит. диам. середины диафиза	51	23,8	28	20	2,2	45	23,4	28	19	2,0
7. Попер. диам. середины диафиза	51	24,2	28	21	1,7	45	24,7	29,5	20,5	2,2
9. Наибольшая верхняя ширина диафиза	44	28,3	34	24	2,0	44	29,4	34,5	25	2,5
10. Наимен. верхний сагиттальный диаметр диафиза	44	22,4	25,5	18	1,9	42	22,0	25,5	18	1,7
9. Наибольшая верхняя ширина диафиза	44	29,3	34,5	25,5	2,0	44	30,0	34,5	25,5	2,3
10. Наибольший верхний сагиттальный диаметр	44	20,6	24,5	17,5	2,0	42	20,9	25	17,5	1,8
8. Окружность середины диафиза	49	74,0	85	64	5,0	45	74,5	89	63	5,3
F10:F9. Коэффициент платиметрии	43	79,4	96,2	61,3	8,8	41	75,2	86,8	59,7	7,0
F10:F9. Указатель платиметрии по наибольшим диаметрам	43	70,3	87,5	58,1	6,9	41	69,9	81,8	56,7	6,2
F8:F2. Указатель массивности	2	19,0	19,0	18,9	–	3	19,3	19,8	18,8	–
F6:F7 Указатель пилэстрии	50	98,7	117,0	80,0	8,4	44	94,9	114,6	73,1	8,7
Tibia										
1. Полная длина	2	348,5	354	343	–	2	323,0	343	303	–
1a. Наибольшая длина	2	354,5	361	348	–	3	319,7	348	301	–
2. Суставная длина	2	335,0	341	329	–	3	216	329	26	–
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	35	25,8	30	22	2,1	32	26,0	30	23	1,8

9. Поперечный диаметр середины диафиза	35	17,7	22,5	14,5	1,7	32	17,5	22	14	1,8
8a. Сагиттальный диаметр на уровне F. nutr.	32	29,1	34,5	24	2,3	34	28,9	33	23	1,9
9a. Поперечный диаметр у F. nutr.	33	19,2	24,5	16	2,0	33	19,1	26	15,5	2,1
10. Окружность середины диафиза	35	68,4	81	61	5,2	32	68,6	81	60	5,0
10b. Наименьшая окружность диафиза	29	62,6	77	57	5,1	27	62,9	74	54	4,8
T10b:T1. Указатель массивности	1	17,2	—	—	—	1	19,5	—	—	—
T9a:T8a. Указатель платикнемии	30	66,5	83,3	54,2	7,2	32	66,4	83,9	52,5	7,1
T9:T8 Указатель сечения	34	69,0	80,9	56,9	6,1	31	67,9	80,0	58,0	5,7

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Продольные размеры длинных костей для мужской части выборки характеризуются средними размерами. К сожалению, из-за почти полного отсутствия продольных размеров женской части выборки оценить их на данном этапе исследования не представляется возможным.

Плечевые кости мужских скелетов характеризуются малой массивностью. Указатель плателении показывает среднее соотношение диаметров верхней части диафиза локтевых костей (эуроления) как для мужской, так и для женской части выборки. Указатель уплощенности верхней части диафиза бедренных костей указывает на платимерию как для мужской, так и для женской серий, то есть довольно сильное уплощение подвертельной области в сагиттальном направлении. Кости ног мужских скелетов характеризуются средними значениями указателей массивности. Указатель пиялстрии характеризует форму сечения бедренной кости как имеющую слабо развитый общий контур и шероховатую линию. Форма диафиза большой берцовой кости на уровне питательного отверстия как у мужчин, так и у женщин характеризуется мезокнемией.

Далее все указатели описывались только для мужской части населения, так как из-за плохой сохранности костей в женской части выборки в большинстве случаев указатели посчитать не удалось. Интермембральный указатель позволяет говорить об удлинённой верхней конечности по отношению к нижней. Лучеплечевой указатель характеризует данное население как имеющее несколько удлинённое предплечье по отношению к плечу. Берцово-бедренный указатель имеет очень низкое значение и описывает данное население как имеющее укороченную голень по отношению к бедру.

Плече-бедренный указатель характеризует мужские скелеты как имеющие укороченное плечо. Если судить по луче-берцовому указателю, то мужская часть выборки обладает удлинённым предплечьем.

Условный показатель величины скелета (УПВС) характеризует мужскую часть населения как имеющую некрупные тотальные размеры тела. Остеологические длины конечностей характеризуются значениями чуть ниже средних (табл. 4).

**Указатели продольных пропорций скелетов из могильника Волна 1
(по средним, правая сторона)**

Название признака	Мужские скелеты
(H1+R1): (F2+T1) Интермембральный I	74,5
(R1:H1) Лучеплечевой I	79,3
(T1:F2) Берцово-бедренный указатель I	71,7
(H1:F2) Плече-бедренный I	71,3
(R1:T1) Луче-берцовый указатель	78,9
(H1+R1+F1+T1) УПВС	1337,9
(H1+R1) Osteологическая длина руки I	569,6
(F1+T1) Osteологическая длина ноги I	768,3

Из-за почти полного отсутствия опубликованных остеометрических данных синхронных групп, проживавших на территории современного юга России, межгрупповая сравнительная характеристика, основанная на продольных размерах длинных костей, на данном этапе работы проводиться не будет. Большое количество изученных поперечных размеров привело нас к попытке проведения межгруппового сравнения, основываясь лишь на указателях, описывающих форму диафизов. Для сравнения привлечен материал из разных памятников, расположенных на территории Краснодарского края. Причем большинство из них, кроме могильника Старокорсунского городища №2, находится на территории Темрюкского района. Все данные получены автором и за исключением материалов из могильника Старокорсунского городища №2 пока не опубликованы (табл. 5)⁷. Кроме того, были привлечены материалы из могильника Панагия-1, датирующегося концом эпохи поздней бронзы. Выбор данного материала для сравнения обусловлен территориальной близостью поселения Панагия-1 и Волны 1.

Так как поперечные размеры длинных костей традиционно считаются малоинформативными, а рассматриваемый нами набор признаков невелик, было решено сначала поработать с парами признаков, а затем, для наглядности, построить полигоны распределения, основываясь на тех же самых указателях. Кроме того, для расчета коэффициента платиметрии использовались размеры, полученные нетрадиционным способом, принятым в отечественно палеоантропологии, когда измерение верхней ширины диафиза бедренной кости проводится в плоскости параллельной передней поверхности шейки, а верхний сагиттальный диаметр измеряется строго перпендикулярно плоскости размера 9⁸. Способ измерения верхних диаметров бедренной кости был предложен Д.В. Пежемским⁹. Он заключается в поиске наибольшего и наименьшего размера в подвертельной области бедренной кости и, по мнению автора, лучше всего описывает форму данной области. В таблицах приведены значения по размерам, полученным обоими способами. Коэффициенты сужения также разрабатываются Д.В. Пежемским в рамках изучения им габитуса кости.

⁷ Абрамова 2017; 2018.

⁸ Алексеев 1966, 151–152.

⁹ Пежемский 2002.

Остеометрические указатели для групп древнего населения Северо-Западного Предкавказья

[illegible]

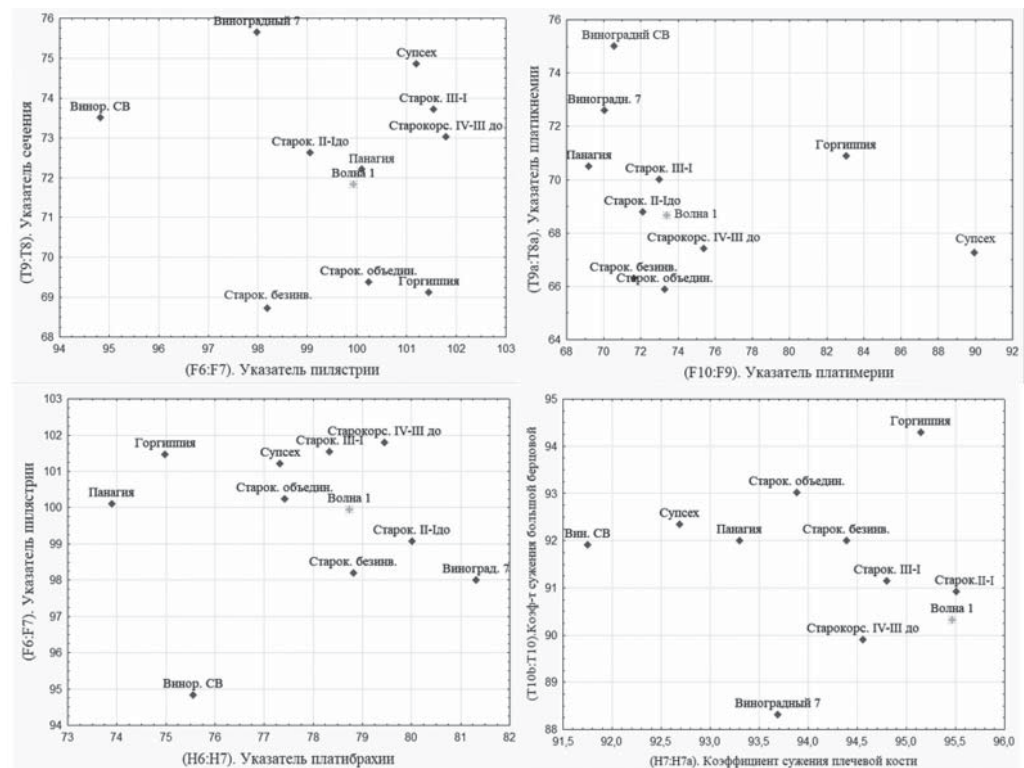

Рис. 1. Распределение эмпирических данных об остеометрических указателях в группах древнего населения Северо-Западного Предкавказья

Поработав с парами указателей, можно отметить, что на графиках Волна 1 систематически оказывается в непосредственной близости с материалами могильника Старокорсунского городища №2 II–I вв. до н.э.

Полигоны распределения – еще один метод для визуализации межгрупповой изменчивости по узкому набору признаков. Хорошо видно, что наибольшее сходство изучаемая нами серия достигает с материалами Старокорсунского городища №2 II–I вв. до н.э. и с данными, полученными по скелетам, происходящим из безынвентарных погребений того же могильника. Некоторую схожесть также можно наблюдать с населением, захороненным в могильнике Виноградный 7, датирующемся VI–II вв. до н.э., а также Виноградный Северо-Восточный.

Группа, происходящая из могильника Суксех, имеет определенное сходство с материалами, полученными из могильника Горгиппия. Кроме того, весьма интересна морфологическая близость населения, захороненного на территории поселения Панагия-1, с материалами Старокорсунского городища №2 IV–III вв. до н.э. Однако здесь стоит заострить внимание на малых численностях некоторых выборок. Часть из них пополнится новыми данными после продолжения раскопок, другие так и останутся недоисследованными из-за перезахоронения в предыдущие годы антропологических коллекций без надлежащего антропологического изучения.

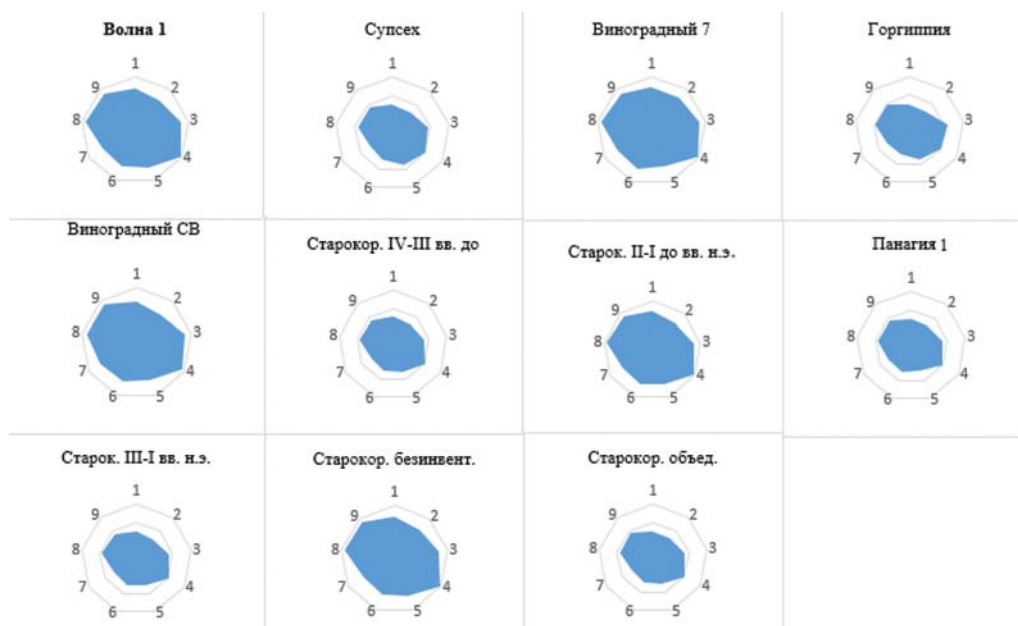

Рис. 2. Остеометрическая характеристика древнего населения Северо-Западного Предкавказья по указателям формы диафизов (метод полигонов)

Примечание: 1 – указатель платибрахии; 2 – указатель поперечного сечения середины диафиза лучевой кости; 3 – указатель платолении; 4 – указатель пилястрии; 5 – указатель платимерии; 6 – указатель поперечного сечения середины диафиза большой берцовой кости; 7 – указатель платикнемии; 8 – коэффициент сужения плечевой кости; 9 – коэффициент сужения большой берцовой кости.

Следующий этап работы предполагает внутригрупповое исследование, основанное только на поперечных размерах. На рисунке хорошо видно, что на двух графиках точки формируют три скопления (рис. 3). Данные скопления хорошо выделяются на графиках, построенных в пространстве указателей, описывающих форму диафизов плечевой кости, бедренной и большой берцовой. Данные скопления точек на этих двух графиках мы попытались проследить на других рисунках, построенных в пространстве признаков, основанных лишь на указателях, описывающих форму диафизов бедренных и больших берцовых костей. Интересно, что и на этих графиках точки располагаются близко друг к другу, за исключением той группы, что обозначена зеленым цветом. По-видимому, наиболее информативным является способ построения графика в пространстве указателей, описывающего форму диафиза плечевой кости и одной из костей ног: бедренной или большой берцовой.

Отдавая себе отчет в том, что анализ сделан по малоприменимым признакам, для проверки данной гипотезы были привлечены археологические данные. В результате на археологическом материале предварительно удалось установить, что для одной из выделенных нами групп характерен неустойчивый сектор ориентировки (Ю, З, С), различный характер погребальных конструкций: подбои, грунто-

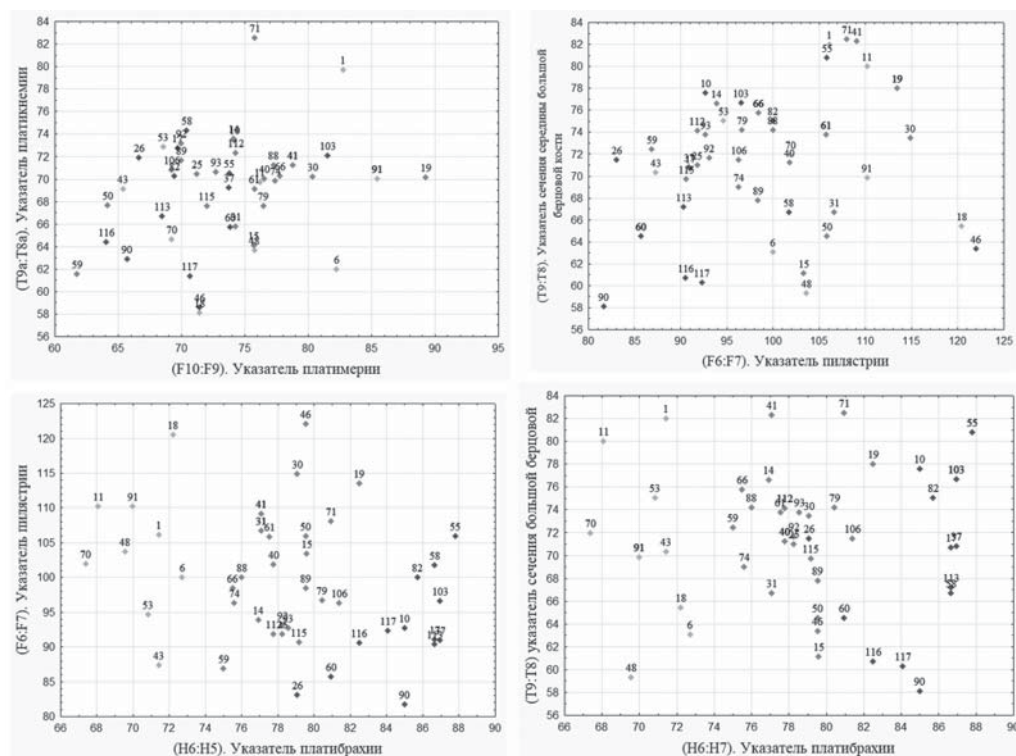

Рис. 3. Распределение эмпирических данных об остеометрических указателях для населения, захороненного в могильнике Волна 1

вые ямы, а также скромность сопроводительного инвентаря. Для второй и третьей групп, выделяемых на графике, сохраняется «традиционная» ориентировка в восточном секторе. Захоронения совершены в грунтовых овальных и прямоугольных ямах и в грунтовых склепах (А.Н. Берлизов, устное сообщение).

Данный вывод требует дальнейшей проверки при помощи как доступных нам методов физической антропологии, так и с привлечением археологических данных. Однако предварительно мы можем сказать о выделении, по крайней мере, двух, а, возможно, и трех групп населения, проживавших на территории поселения Волна 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Продольные размеры длинных костей конечностей для мужской части выборки характеризуются средними значениями. Условный показатель величины скелета описывает данное население как имеющее не крупные тотальные размеры тела.

2. Проведя межгрупповое сравнение, основываясь лишь на указателях, описывающих поперечные размеры длинных костей в группах древнего населения

Северо-Западного Предкавказья, мы можем говорить, что по данным признакам население Волны 1 наиболее близко к населению Старокорсунского городища II–I вв. до н.э.

3. Для лучшей иллюстрации полученных результатов был использован метод полигонов, который позволил также проследить некоторую схожесть населения Волны 1 с материалами, полученными по скелетам, происходящим из безынвентарных погребений могильника Старокорсунского городища №2.

4. Далее мы попытались проследить внутригрупповую изменчивость, основываясь лишь на указателях, описывающих форму диафизов. Результатом стало выделение, по крайней мере, двух групп населения, проживавших на территории поселения Волна 1. Данный вывод требует дальнейшей проверки как с помощью методов археологии, так и палеоантропологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, А.Н. 2017: Остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. *Вестник антропологии* 2 (38), 5–19.
- Абрамова, А.Н. 2018: Сравнительная остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. *Вестник антропологии* 2 (42), 42–55.
- Абрамова, А.Н., Пежемский, Д.В. 2018: Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1. *ПИФК* 4, 102–121.
- Алексеев, В.П. 1966: *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. М.
- Балабанова, М.А. 2013: Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2). В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 21–25.
- Бунак, В.В. 1953: Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. *Сборник Музея антропологии и этнографии* 14, 306–419.
- Герасимова, М.М. 1976: Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья. *Советская этнография* 5, 107–113.
- Герасимова, М.М. 1987: Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство). В кн.: М.С. Великанова (ред.), *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. М., 9–82.
- Громов, А.В., Казарницкий, А.А., Лунев, М.Ю. 2015: Меотские могильники: палеодемография и краниология. *Записки ИИМК* 2, 156–175.
- Дебец, Г.Ф. 1948: *Палеоантропология СССР*. М.–Л.
- Добровольская, М.В. 2016: Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 244, 299–309.
- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С. 2017: «Волна-1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.). В сб.: Н.В. Волкодав (ред.), *Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов*. Краснодар, 5–32.
- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С. 2018: Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров). Города, селища, могильники. Раскопки 2017. *Материалы спасательных археологических исследований* 25, 220–231.
- Пежемский, Д.В. 2000: Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта). *РА* 4, 64–76.

- Пежемский, Д.В. 2002: Мартиновская остеометрическая система и реалии морфологической изменчивости человеческого скелета. В сб.: Т.И. Алексеева (ред.), *Антропология на пороге III тысячелетия (итоги и перспективы). Тезисы докладов Международной конференции, г. Москва, 29–31 мая 2002 г.* М., 96–97.
- Ростовцев, М.И. 1918: *Эллиństwo и иранство на юге России*. Петроград.
- Сударев, Н.И. 2005: *Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник*. М.

REFERENCES

- Abramova, A.N. 2017: Osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e.–III v. n.e. [Osteological characteristics of the Kuban Meotians of the 4th century BC to the 3rd century AD]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]* 2 (38), 5–19.
- Abramova, A.N. 2018: Sravnitel'naya osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e.–III v. n.e. [Comparative osteological characteristic of the Kuban Meotians of the 4th century BC to the 3rd century AD]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]* 2 (42), 42–55.
- Abramova, A.N., Pezhemsky, D.V. 2018: Opyt morfometricheskogo analiza skeletnykh ostankov plokhoy sokhrannosti (po materialam antichnogo mogil'nika Volna 1, Tamanskiy poluostrov). Chast' 1 [Experience in morphometric analysis of skeletal remains poor preservation (based on materials from the ancient necropolis of Volna 1, Taman Peninsula). Pt. 1]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 101–121.
- Alekseyev, V.P. 1966: *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methods of anthropological research]*. Moscow.
- Balabanova, M.A. 2013: Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2) [Anthropology of the Meotian population of the Kuban (based on materials from the burial site of the Starokorsun Settlement No. 2)]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban Archaeological Conference]*. Krasnodar, 21–25.
- Bunak, V.V. 1953: Cherepa iz sklepov gornogo Kavkaza v sravnitel'no-antropologicheskom osveshchenii [Skulls from the crypts of the mountainous Caucasus in comparatively anthropological lighting]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]* 14, 306–419.
- Gerasimova, M.M. 1976: Kraniologicheskie materialy iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [Craniological materials from the Meoti burial grounds of Kuban]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]* 5, 107–113.
- Gerasimova, M.M. 1987: Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnicheskikh otnosheniyakh v Severo-Vostochnom Prichernomor'e (Bosporskoe tsarstvo) [Anthropological data on the issue of ethnic relations in the northeastern Black Sea region (Kingdom of the Bosporus)]. In: M.S. Velikanova (ed.), *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Yevropy [Anthropology of the ancient and medieval population of Eastern Europe]*. Moscow, 9–82.
- Gromov, A.V., Kazarnitskiy, A.A., Lunev, M.Yu. 2015: Meotskie mogilniki: paleodemografiya i kraniologiya [Meotian burial grounds: paleodemography and craniology]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury [Transactions of Institute for History of the Material Culture RAS]* 2, 156–175.
- Debets, G.F. 1948: *Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]*. Moscow–Leningrad.
- Dobrovolskaya, M.V. 2016: Opyt izucheniya skeletnykh materialov iz sklepov rimskogo vremeni Vostochnogo nekropolya Fanagorii [The experience of studying skeletal materials from the

- Roman crypts of the Eastern Necropolis of Phanagoria]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology RAS] 244, 299–309.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2017: «Volna-1» – novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaiskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 gg.) [“Volna-1” is a new “urban” necropolis of archaic and classical time on the Taman Peninsula (based on materials from the IA RAS in 2016 and 2017)]. In: N.V. Volkodav (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii stroyashchegosya terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh грузов* [Archaeological research on the territory of the newly built LPG terminal and Taman bulk cargo terminal]. Krasnodar, 5–32.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2018: Nekropol' Volna-1 (2017 g.) (Krasnodarskiy kray, Tamanskiy poluostrov). Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Necropolis Volna-1 (2017) (Krasnodar Territory, Taman Peninsula). Cities, settlements, burial grounds. Excavations 2017]. *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Rescue archaeological research materials] 25, 220–231.
- Pezhemsky, D.V. 2000: Informativnost' skeletnykh ostankov plokhoy sokhrannosti (po materialam nekropolya Sirenevaya bukhta) [Informativeness poorly preserved skeletal remains (on the materials of the necropolis Sirenevaya bukhta)]. *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian archaeology] 4, 64–76.
- Pezhemsky, D.V. 2002: Martinovskaya osteometricheskaya sistema i realii morfologicheskoy izmenchivosti chelovecheskogo skeleta [The Martinov Osteometric System and the realities of the morphological variability of the human skeleton]. In: T.I. Alekseyeva (ed.), *Antropologiya na poroge III tysyacheletiya (itogi i perspektivy). Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 29–31 maya 2002 g.* [Anthropology on the threshold of the III millennium (results and prospects). Abstracts of the International Conference, Moscow, 29–31 May, 2002]. Moscow, 96–97.
- Rostovtsev, M.I. 1918: *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii* [Hellenism and Iranian in southern Russia]. Petrograd.
- Sudarev, N.I. 2005: *Gruntovyye nekropoli bosporskikh gorodov VI–II vv. do n.e. kak istoricheskiy istochnik* [Soil necropolis of the Bosporan cities of the 6th–2nd centuries BC. as a historical source]. Moscow.

MORPHOMETRIC ANALYSIS OF POOR PRESERVED SKELETAL REMAINS (BASED ON MATERIALS FROM THE ANCIENT NECROPOLIS OF VOLNA 1, THE TAMAN PENINSULA). PART 2

Aleksandra N. Abramova

*Volgograd State University, Volgograd; Krasnodar State Historical and Archaeological
named museum-Reserve after E.D. Felitsyn, Russia
abramovasacha0902@gmail.com*

Abstract. The article presents a preliminary osteometric study of a series of very poor preservation, originating from the Necropolis of Volna 1 (the Taman peninsula), dated from the 6th–3rd centuries BC. This is a continuation of the first part, in which a craniometric characterization was carried out, based only on the signs of the frontal-parietal region of the skull. The large number of studied transverse dimensions of long bones resulted in an intergroup and within-group comparison, relying only on the index describing the shape of the diaphysis.

The comparison was made, based both on pairwise contrast of features describing the shape of the diaphysis, and using the polygon method, which allowed illustrating the results more clearly. It was shown that the greatest similarity with the population who left the burial Volna 1 reach the series originating from the burial ground of the Old Korsun settlement 2, dating from the 2nd – 1st centuries BC. The authors have made an attempt to work on an individual level, also based only on index of the long bones transverse dimensions. The intergroup analysis has made it possible to assume the presence of at least three population groups. The archaeological material previously confirmed the data. The result allows talking about a strong underestimation of the index describing the shape of the diaphysis.

In addition, the paper draws attention to some methodological points. For example, in conditions of poor preservation, when the transverse dimensions are greater than the longitudinal it is important to publish data on entire skeletons in separate tables. The experience of measuring skeletons in situ is also described. The attention is focused on the almost complete absence of osteometric studies of the series originating from the southern regions of Russia, which at this stage of the study led to the impossibility of intergroup comparison by the longitudinal dimensions of long bones.

Keywords: Asian Bosphorus, Kuban, anthropology, archaeology, paleoanthropology, osteometry, early iron age, antiquity

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-145–162

ДВУХКАМЕРНЫЙ СКЛЕП 170 ИЗ ФАНАГОРИИ

О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
helga-mir@yandex.ru

Аннотация. В последние годы в результате планомерных исследований на некрополе Фанагории были открыты редкие типы погребальных сооружений. Среди них особый интерес представляют двухкамерные склепы, которые впервые появляются в погребальной практике жителей Фанагории на закате античной эпохи. В статье публикуется один из таких склепов, открытый в 2011 г. на участке Восточного некрополя. Захоронение подверглось ограблению еще в древности. Уцелела лишь незначительная часть погребального инвентаря и сооружения. Несмотря на это, изучение гробницы имеет большое значение для реконструкции погребального обряда позднеантичного населения столицы Азиатского Боспора.

На основе подробного разбора сооружения, в контексте уже известных ранее однотипных комплексов, производится анализ двухкамерного склепа. Предпринимается попытка выделения некоторых особенностей погребальной практики, характерной для захоронений в таких усыпальницах. Выделяются отдельные черты присущие обычаю погребения в двухкамерных склепах, как в инвентаре, так и в погребальных традициях в целом. Рассмотрение хронологии немногочисленного инвентаря, обнаруженного в усыпальнице, позволило прийти к заключению, что гробница была создана в конце 3 в. н.э. Несмотря на то, что склеп 170 конструктивно аналогичен трем открытым ранее двухкамерным сооружениям, он является самым ранним из них. Данный вывод позволяет прийти к заключению, что двухкамерные склепы появляются в погребальной практике жителей Фанагории в конце 3 столетия и используются, вероятно, вплоть до начала V в. н.э., так как именно к IV–V вв. н.э. принадлежат большинство подобных усыпальниц, открытых на некрополях Боспорского Царства.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Азиатский Боспор, некрополь Фанагории, Эпоха Великого переселения народов, позднеантичный период, погребение, склеп, погребальный обряд

Грунтовые склепы, несомненно, представляют собой сооружения, предназначенные для захоронения рядовых жителей столицы Азиатского Боспора¹, и потому их изучение вызывает особый интерес. Большинство фанагорийских усыпальниц состоит из дромоса, коридора и погребальной камеры. В позднеантичное время, наряду с однокамерными гробницами, появляется новый вид склепов

Данные об авторе: Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Ворошилова 2018, 415–481.

– двухкамерный. Один из них был исследован в 2011 г. на восточном некрополе Фанагории. Несмотря на то, что предварительная информация данного комплекса была опубликована ранее², необходимость его подробного обзора не вызывает сомнения, так как этот тип погребений редко встречается не только в Фанагории, но и на других некрополях Боспора.

До недавнего времени в Фанагории было исследовано только четыре склепа с двумя камерами, включая склеп № 170/2011 г., о котором пойдет речь ниже. В 2019 г. на восточном некрополе открыто еще два подобных сооружения. Таким образом, на сегодняшний день известно шесть двухкамерных склепов. Три из них раскопаны В.Д. Блаватским, это погребения №21, 50, 97³.

Погребение 170 было открыто на участке восточного некрополя, расположенного в 100 м к югу от уреза воды Таманского залива, представляющего собой довольно ровное плато, тянущееся с юго-востока на северо-запад, ограниченное с востока курганом, с юга древней дорогой. Захоронение представляло собой двухкамерный склеп (рис. 1). Он состоял из дромоса, двух коридоров, вырубленных в торцевых стенах дромоса, и двух погребальных камер (рис. 1; 2, 1; 3, 1). Прямоугольный в плане дромос был ориентирован длинными сторонами по линии север – юг (0,90–1,10×2,35 м). С южной и северной (торцевых) сторон дромоса зафиксированы заклады (рис. 1). Вход в северную камеру был закрыт сырцовыми кирпичами и известняковым блоком, фрагменты которого были зафиксированы в коридоре у входа (рис. 4). Вход в южную камеру преграждал заклад, состоящий только из сырцовых кирпичей. Сырец имел размеры 0,40 м шириной, 0,90–1,10 м длиной, высоту удалось проследить на 0,38–0,40 м. Проем ниши входа в коридор, вероятно, был полностью закрыт сырцовым закладом. Его структуру зафиксировать не удалось.

В торцевой северной стенке располагался вход в коридор, ведущий в северную камеру. При переходе дна коридора в дно камеры существовала ступенька высотой около 0,30 м. В северной камере (2,05×1,80 м) обнаружено два деревянных гроба (рис. 2; 1; рис. 5). Гроб 1 (1,85×0,35–0,50 м) стоял на полу камеры вдоль ее западной стенки. По отпечаткам древесного тлена были зафиксированы две продольные доски дна гроба шириной от 0,17 в области ног покойного до 0,25 м в районе головы, а также две поперечные 0,8–0,10 м шириной. Высоту гроба удалось проследить на 0,25 м. На всех стенках фрагменты обмазки гипсом. В южной части захоронения обнаружен череп мужчины 20–29 лет,⁴ в северной – фрагменты ног погребенного. У черепа найдены листики от погребального венка из золотой фольги, стеклянные бусы, фрагменты стеклянного сосуда, вероятно, колбообразного (рис. 2, 2; 7, 1, 2). В северной части гроба, в области ног обнаружены: бронзовые браслет (рис. 7, 3), кольцо (рис. 7, 4), стеклянная бусина (рис. 7, 5), прямоугольная пластина от замка шкатулки (рис. 7, 6), фрагмент фибулы (рис. 7, 7).

Гроб 2 (1,85×0,30 м) располагался на расстоянии 0,15–0,30 м к востоку от гроба 1 (рис. 2, 1). В нем находился скелет мужчины 45–55 лет, который лежал не в анатомическом порядке. Череп и фрагменты костей находились в южной части гроба. Под остатками скелета прослежен органический тлен, вероятно, от под-

² Ворошилова 2013а, 110–111; 2018, 63–64, рис. 8, 1.

³ Блаватский 1941, 36–37, 42–43, 44–48 рис. 25–26; 1951, 204.

⁴ Антропологические определения д.и.н. М.В. Добровольской.

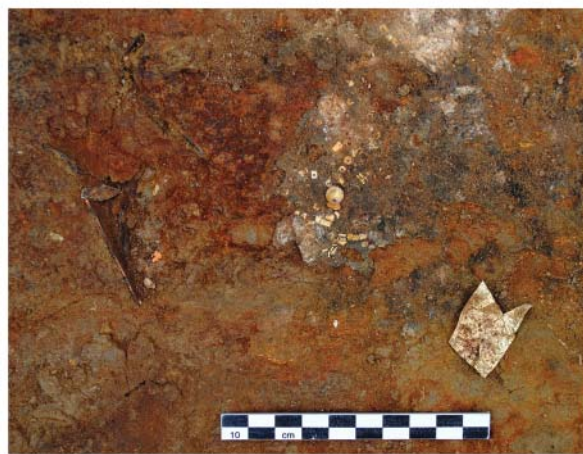
Рис. 1. Двухкамерный склеп 170/2011. Вид с юга

стилки. Северная и восточная стенки гроба были разрушены в результате ограбления камеры склепа. Сохранились только западная продольная стена высотой около 0,20–0,25 м, южная торцевая стена шириной 0,30 м, высотой 0,8–0,10 м и часть северной торцевой стены, прослеженной на высоту около 0,20 м. Гроб 2, очевидно, имел аналогичную с гробом 1 конструкцию. На продольных стенах зафиксированы следы обмазки гипсом. Погребальный инвентарь отсутствовал. В юго-западном углу камеры стоял лепной сероглиняный светильник (рис. 2, 3; 8, 1).

1

2

3

Рис. 2. 1. Северная погребальная камера склепа 170/2011. Вид сверху; 2 – фрагмент стеклянного сосуда (слева), бусы, листик от погребального венка из гроба 1; 3 – лепной светильник в углу северной погребальной камеры

1

2

3

Рис. 3. 1. Южная погребальная камера. Вид сверху.

2 – кость животного у правого бедра погребенного в гробу 3; 3 – нож железный у правой руки погребенного в гробу 4

В южной торцевой стене дромоса зафиксирован вход в коридор, ведущий в южную камеру склепа (рис. 1; 4). При переходе дна коридора в дно камеры существовала ступенька высотой около 0,20 м. На дне погребальной камеры (2,05×1,50 м) стояло два деревянных гроба.

Гроб 3 (1,80×0,35–0,45 м) располагался в центральной ее части (рис. 3, 1; 6). Удалось проследить только две продольных доски шириной от 0,17–0,18 м до 0,20–0,22 м. Высота гроба 3 (у торцевых стен) колеблется в пределах от 0,08 до

0,15–0,17 м. Местами на древесном тлене прослежена гипсовая обмазка. Внутри гроба был обнаружен скелет мужчины 45–55 лет, лежащий вытянуто на спине, головой на север (к выходу из камеры склепа). Руки вдоль тела, ноги параллельны. Между правой бедренной костью и кистью правой руки лежала кость животного (рис. 3, 2). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Гроб 4 (1,85×0,30–0,45 м) стоял вдоль восточной стены камеры (рис. 3, 1; 6). Его дно состояло из трех продольных досок шириной от 0,10 до 0,15 м и двух поперечных шириной 0,06–0,08 м. На продольных стенах обнаружены фрагменты гипса. В гробу находился скелет мужчины 45–55 лет, лежащий вытянуто на спине, головой на север. Руки вдоль тела, ноги параллельны. У кисти правой руки лежал железный нож (рис. 3, 3; 6), от его рукояти сохранился древесный тлен. Между лучевыми костями правой руки и ребрами найден фрагмент стеклянного сосуда (рис. 6).

Склеп был ограблен в древности, остатки всех скелетов потревожены. Инвентарь представлен единичными находками, большая часть из которых широко датируется. Тем не менее рассмотрим основные категории находок, позволяющих определить хронологию склепа.

Основная часть вещей происходит из гроба 1.

1. Фрагмент погребального венка, который представлен листиком с тремя лепестками. Боковые стороны листа прямые, основание подтреугольной формы, на поверхности оттиснутый орнамент, имитирующий прожилки (рис. 2, 2; 7, 1). Подобные листики, входившие в состав диадемы или погребального венка, встречаются в фанагорийских захоронениях, начиная с середины II–III вв. н.э.⁵, известны они и в комплексах IV – первой половины V в. н.э. как в Фанагории⁶, так и на Боспоре⁷.

2. Бусы синего стекла⁸, бусы округлые из бесцветного прозрачного стекла с желтым оттенком⁹, цилиндрические бусы из прозрачного желто-зеленого стекла¹⁰ характерны для захоронений III–IV вв. н.э. (рис. 2, 2; 7, 2).

3. Бронзовый браслет из округлой в сечении проволоки (рис. 7, 3). Подобные браслеты встречаются в фанагорийских комплексах позднеантичного времени¹¹.

4. Бронзовое кольцо, выполненное из свернутой плоской пластины. На поверхности прослежен рельефный орнамент в виде треугольников, ограниченных сверху и снизу тремя концентрическими линиями (рис. 7, 4). Похожие пластинчатые кольца, некоторые с изображением на щитке, известны в погребениях середины III в. н.э. Усть-Альминского некрополя¹².

⁵ Шавырина, Ворошилова 2013, рис. 14, 1; Ворошилов 2015, табл. 85, 5; Ворошилов, Ворошилова 2015, 70–72; Трейстер 2015, табл. 67, 68, 69, 1.

⁶ Шавырина, Ворошилова 2013, рис. 15, 8.

⁷ Засецкая 1993, табл. 21, 72; табл. 54, 288.

⁸ Алексеева 1978, 64–65; тип 15 по классификации Е.М. Алексеевой.

⁹ Алексеева 1978, 65, тип 17 по классификации Е.М. Алексеевой.

¹⁰ Алексеева 1978, 67, тип 64 по классификации Е.М. Алексеевой.

¹¹ Шавырина, Ворошилова 2013, рис. 25, 8; Ворошилова 2013б, рис. 4, 4.

¹² Труфанов 2010, рис. 19, 15, 17; рис. 21, 8.

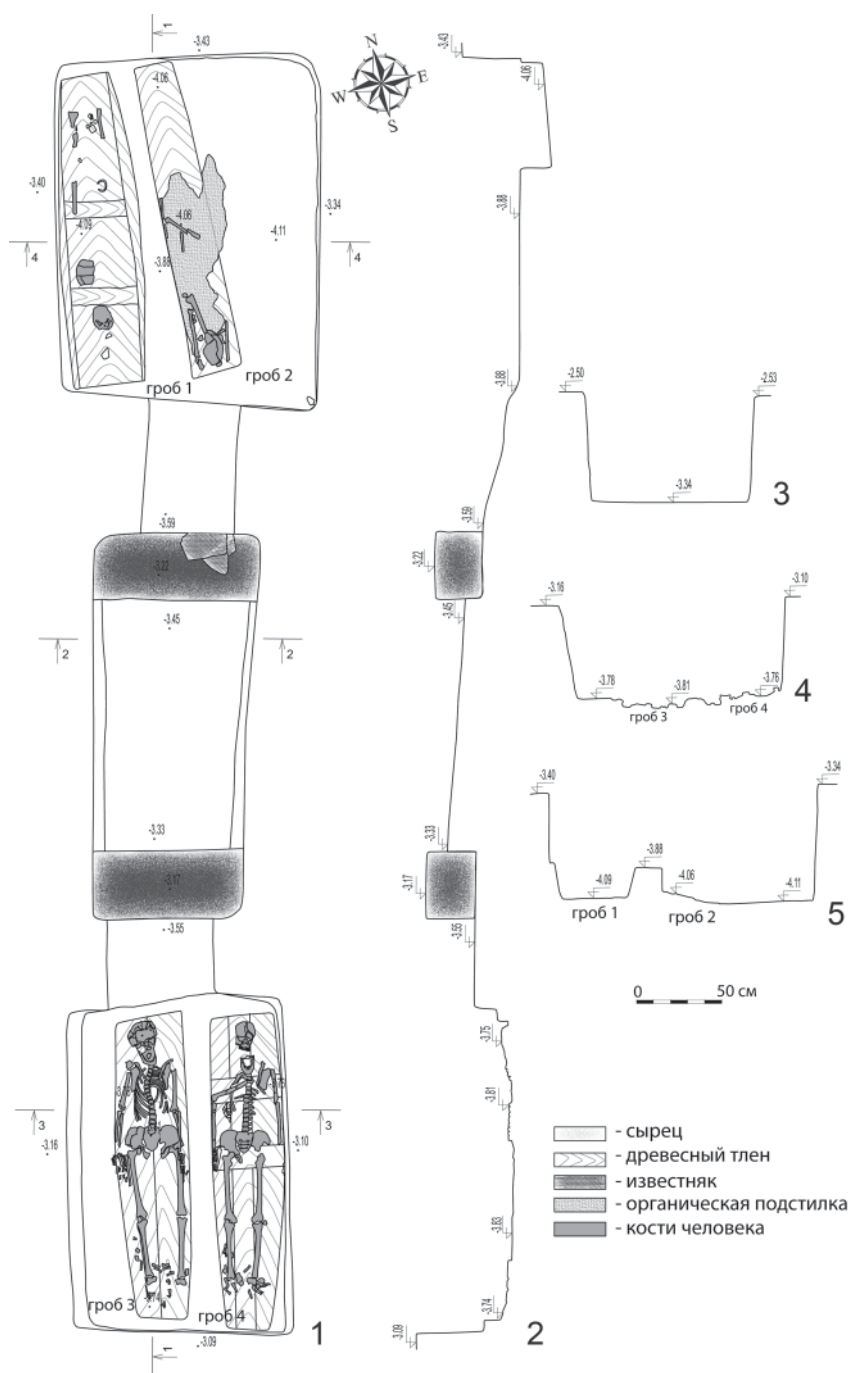

Рис. 4. Двухкамерный склеп 170/2011.

1 – общий план склепа; 2 – разрез 1-1; 3 – разрез 2-2; 4 – разрез 3-3; 5 – разрез 4-4

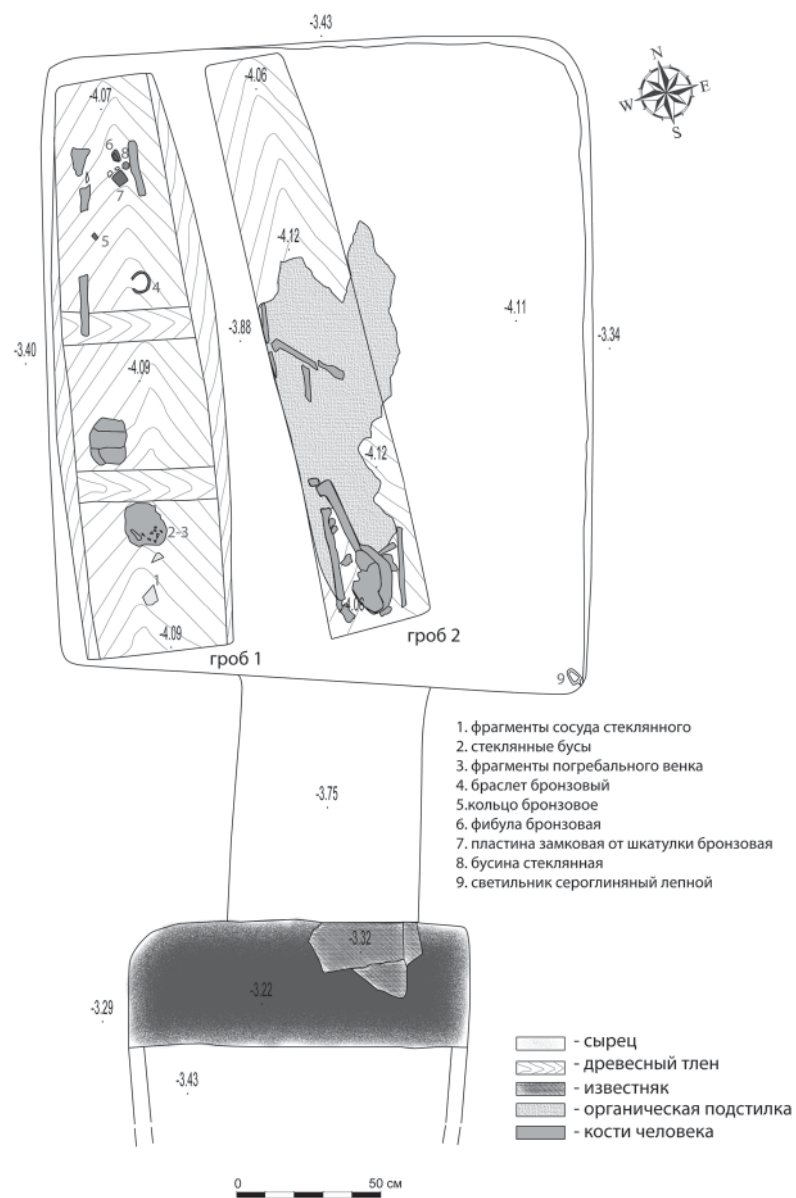

Рис. 5. План северной погребальной камеры

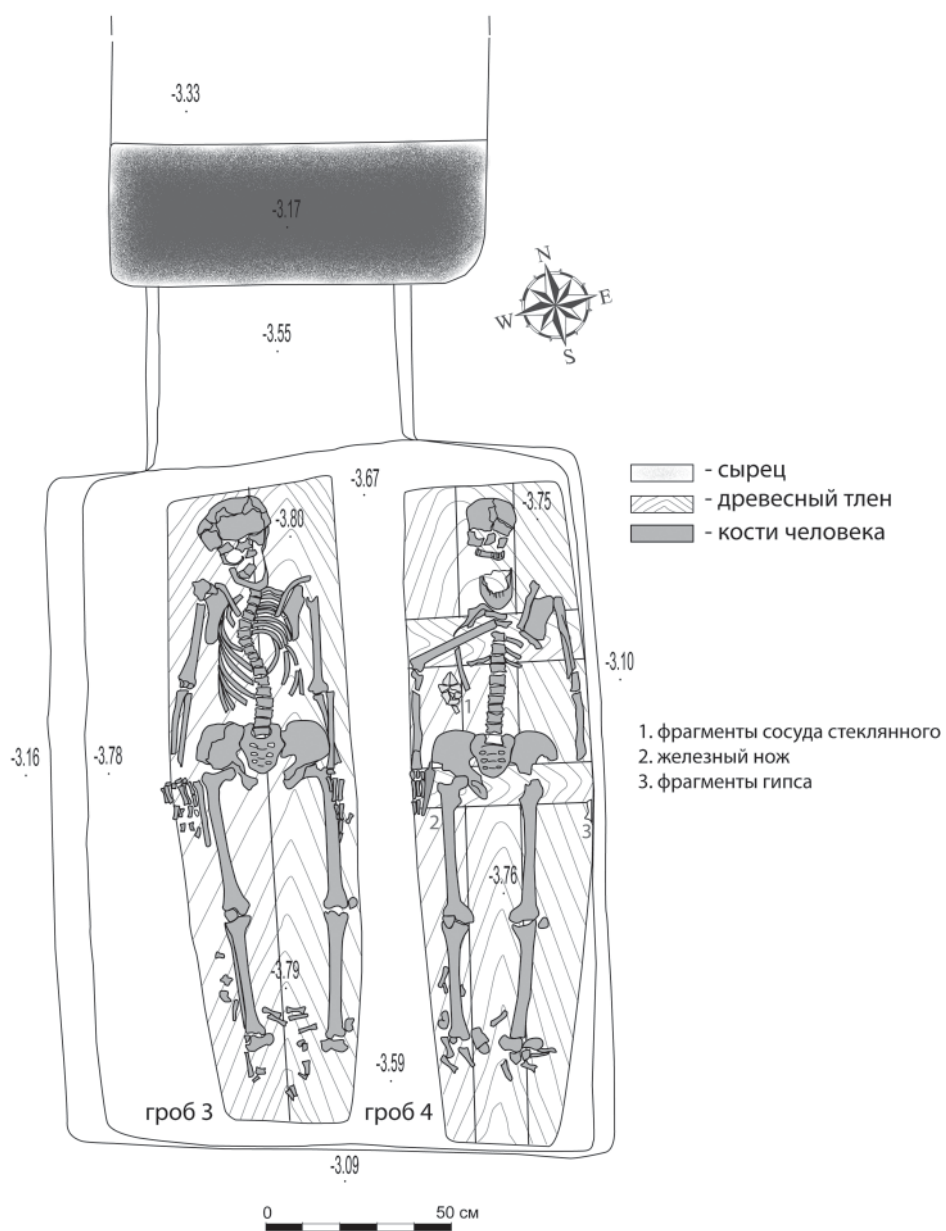

Рис. 6. План южной погребальной камеры

5. Крупная бусина фиолетового полупрозрачного стекла (рис. 7, 5). Подобные по форме бусины, но выполненные из халцедона¹³ или янтаря¹⁴, известны в античных комплексах второй половины III в. н.э., а также в погребениях второй половины IV – первой половины V в. н.э.

6. Фрагменты бронзовой замковой пластины от шкатулки (рис. 7, 6).

7. Фрагмент бронзовой фибулы (рис. 7, 7). Она сильно деформирована и фрагментирована, сохранилась лишь часть головки и спинки, на которой видны фрагменты обмотки. По сохранившейся части булавку можно отнести к прогнутым подвязным фибулам 1 варианта 16 серии, по типологии А.К. Амброза¹⁵. Общая датировка этого варианта – конец II–III вв. н.э. Известно, что прогнутые подвязные фибулы появляются в Причерноморье в середине и второй половине III в. н.э. Уже в IV в. появляются прогнутые фибулы с уплощенной спинкой¹⁶. Племена черняховской культуры продолжали использовать этот тип фибул в конце III–IV вв. н.э.¹⁷. Учитывая тот факт, что фибула найдена в гробу сооружения, которое находит аналогии среди комплексов IV–V вв. н.э., к тому же сама форма гроба (широкая в голове, узкая в ногах) известна преимущественно в комплексах позднеантичного времени, наиболее вероятной датировкой рассмотренной фибулы является вторая половина – конец III в. н.э., возможно, начало IV в. н.э.

8. Стекланный сосуд представлен фрагментарно. Стекло зеленовато-голубого оттенка, практически полностью распалось после расчистки. Судя по расположению стенок, сосуд имеет широкое цилиндрическое горло, расширяющееся к устью, виден переход к тулову, очевидно, имевшему шаровидную форму, дно не сохранилось (рис. 2, 2). Вероятнее всего, колба относится к виду 1–7, по типологии И.П. Засецкой, и датируется IV в. н.э.¹⁸.

9. В северной погребальной камере, в юго-восточном углу, стоял лепной сероглиняный светильник с открытым резервуаром и ручкой в виде налепа-защипа (рис. 2, 3; 8, 1). Сосуд находит аналогии среди экземпляров из Танаиса¹⁹, Нимфея²⁰, Илурата²¹, где они происходят преимущественно из комплексов I–III вв. н.э. Однако подобные лепные светильники зафиксированы в Танаисе как в комплексах первой половины III в. н.э., так и в позднеантичный период жизни города (конец IV – начало V в. н.э.)²².

10–11. Из гроба 4, стоявшего в южной камере, происходит железный нож с прямоугольным в сечении черешком и линзовидным в сечении клинком (рис. 3, 3; 8, 2). Здесь же обнаружены фрагменты стенок стеклянного сосуда зеленовато-голубого цвета, форму которого определить не удалось.

¹³ Алексеева 1982, 13, табл. 37, 27.

¹⁴ Засецкая 1993, 91, табл. 62, 360.

¹⁵ Амброз 1966, 62.

¹⁶ Амброз 1966, 95.

¹⁷ Амброз 1966, 62, 95.

¹⁸ Засецкая 2005, 92–93, табл. VI, 4; рис. 4, 1; 99.

¹⁹ Арсеньева 1988, 97–98.

²⁰ Гаврилюк, Соколова 2007, 285–286, кат. 210, 211.

²¹ Кастанаян 1981, рис. 23, 4.

²² Арсеньева 1988, 82–83, 90.

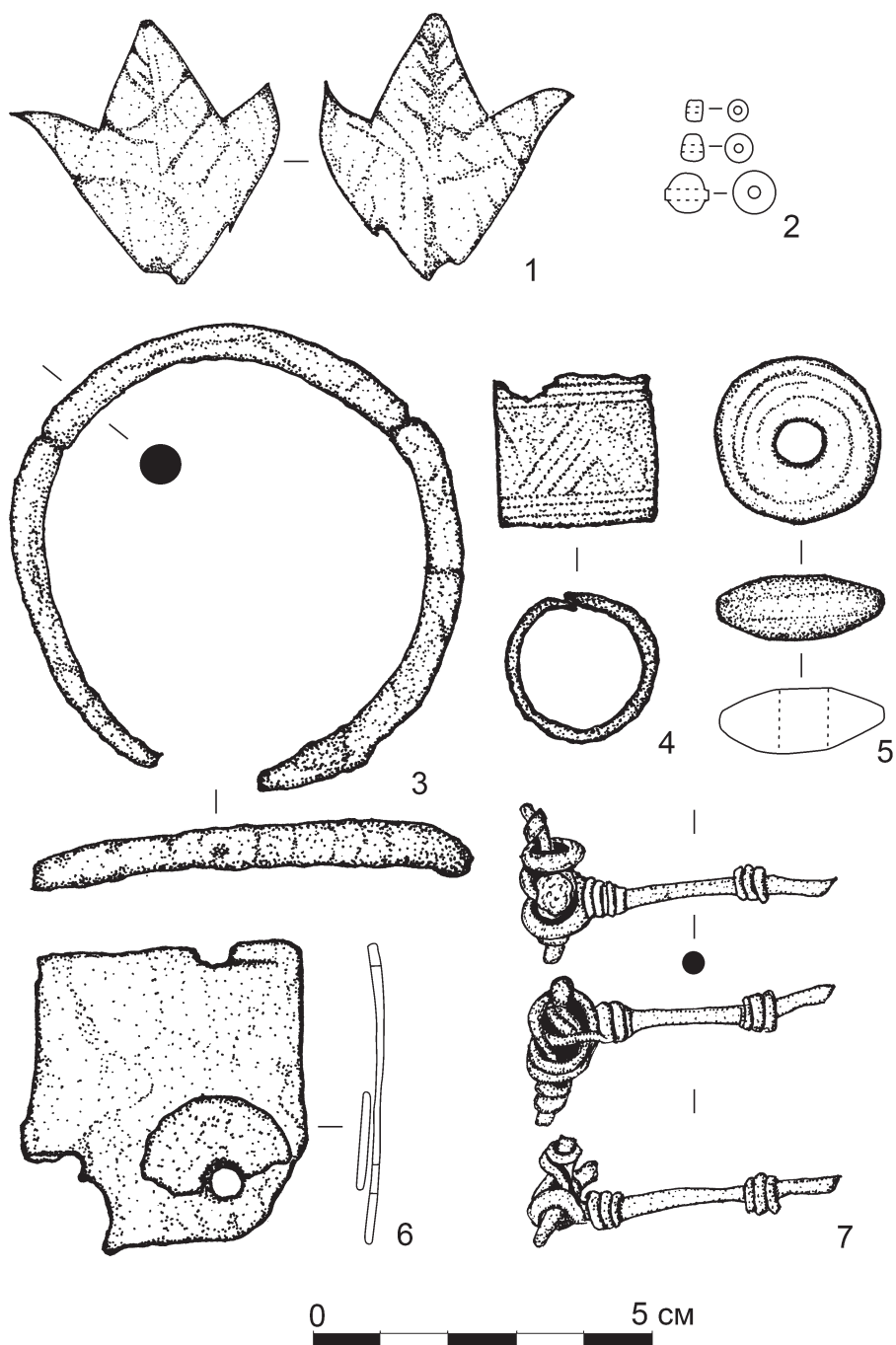

Рис. 7. Погребальный инвентарь из склепа.

1 – листик от погребального венка из золотой фольги; 2 – стеклянные бусы; 3 – бронзовый браслет; 4 – бронзовое кольцо; 5 – стеклянная бусина; 6 – фрагмент замковой пластины шкатулки; 7 – бронзовая фибула

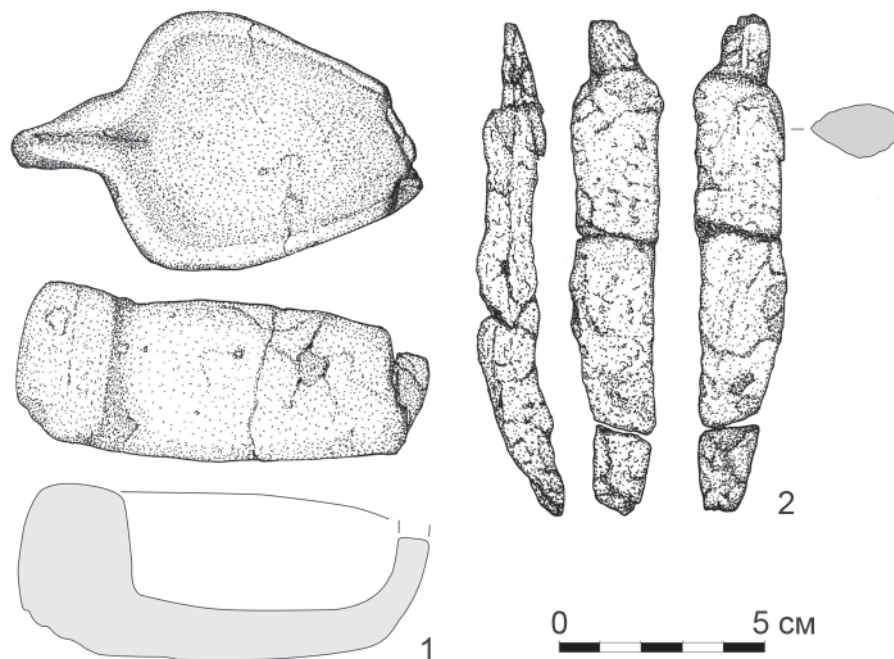

Рис. 8. Погребальный инвентарь из склепа.
1 – лепной светильник; 2 – железный нож

Итак, на основе хронологии погребального инвентаря комплекс может быть датирован второй половиной – концом III–IV вв. н.э. Таким образом, на сегодняшний день это самая ранняя двухкамерная гробница среди подобных комплексов.

Рассмотренный склеп конструктивно аналогичен трем открытым ранее фанаторийским усыпальницам, которые относятся к концу IV – началу V в. н.э.²³ Погребальные сооружения этой группы имеют единую конструкцию и некоторые общие признаки. У всех склепов присутствует один входной колодец–дромос, длина которого варьировалась от 2,10 до 2,70 м, ширина 0,70–0,80 м и глубина от 3,70 до 5,95 м от современной дневной поверхности. У пола дромоса, от его торцевых стен, в противоположные стороны расходятся узкие коридоры. В месте перехода дромоса в коридор находилась ступенька высотой от 0,20 до 0,40 м, такая же ступенька располагалась в месте перехода коридора в камеру.

Наряду с конструктивными особенностями общим для всех двухкамерных усыпальниц является преобладание северо-южной ориентировки погребальных камер, иногда с небольшим отклонением на восток–запад. В позднеантичное время подобная тенденция наблюдается и для однокамерных склепов, могил с подбоем, захоронений в простых могильных ямах²⁴.

²³ Блаватский 1941, 36–37, 42–43, 44–48, рис. 25–26; 1951, 204.

²⁴ Ворошилов, Ворошилова 2015, 17.

Неотъемлемой составляющей двухкамерных склепов является наличие заклада входа в погребальную камеру. Его остатки обнаружены во всех сооружениях. В склепе 170 заклад в южную камеру состоял только из сырцовых кирпичей, а в северную камеру заклад был сооружен из сырцовых кирпичей в сочетании с каменным блоком. Применение сырца в качестве заклада входа в склеп или шахту погребения с подбоем часто встречается в рассматриваемый период²⁵. Темно-серый цвет сырца с примесью золы, морского песка и ракушки характерен именно для позднеантичного времени, в римских и эллинистических погребальных комплексах использовались сырцовые кирпичи, сделанные из глины желтого или желто-зеленого цвета.

Для погребальной практики в двухкамерных склепах характерно обязательное использование деревянных гробов. В ногах гробы уже, в головах – шире. Благодаря трапециевидной форме гробов, даже при отсутствии скелета или его плохой сохранности, можно с уверенностью предположить ориентировку покойного (в широкой части гроба располагалась голова, в узкой – ноги). Как правило, для усыпальниц позднеантичного периода традиционна установка гробов с покойными, обращенными головами к выходу из камер.

Интересной особенностью гробов, зафиксированной в погребении 170, является наличие гипса. Остатки белой тонкой обмазки и бесформенные фрагменты гипса, вероятно, образовавшиеся в результате затекания массы в щели между досками гроба, были обнаружены во всех четырех гробах склепа. Находки этого минерала известны в однокамерных фанагорийских гробницах позднеантичного времени²⁶, а также в некоторых двухкамерных склепах. Так, очевидно, к остаткам гипсовой обмазки относятся «кусочки белой и розовой массы», найденные у гроба в северной камере склепа 21/1936²⁷. Подобные находки, иногда с фрагментами краски в виде разноцветных полос на поверхности, известны в склепах поселения Красноармейское²⁸ и у мыса Тузла²⁹. Остатки «белой обмазки» зафиксированы в двухкамерных усыпальницах некрополя Тиритаки³⁰. Употребление гипса в погребальном обряде широко применялось в римское время. Однако если в I–II вв. н.э. этот природный материал использовали для изготовления рельефных аппликаций в виде героев мифов, животных и растений, которыми украшали деревянные саркофаги³¹, то в позднеантичный период гипс применяли, очевидно, лишь в качестве обмазки гробов, иногда сопровождавшейся цветной росписью.

Стоит обратить внимание, что почти во всех склепах, кроме 97/1938, были найдены предметы из золотой фольги, в двух склепах (21/1936, 50/1937), помимо прочего погребального инвентаря, найдены предметы вооружения и конской сбруи (меч и удила). Примечательно, что в однотипных двухкамерных склепах, открытых на античных некрополях Тиритаки, Китея, у мыса Тузла, среди погреб-

²⁵ Ворошилов, Ворошилова 2018, 126, 127, рис. 1, 1; Медведев 2013, 354–356, 364, 383, 388, 394, 395, рис. 47, а.

²⁶ Шавырина, Ворошилова 2013, 443–445.

²⁷ Блаватский 1941, 37.

²⁸ Чхаидзе 2007, 249.

²⁹ Зеест 1953, 156.

³⁰ Блаватский 1941, 64.

³¹ Ворошилова 2012, 91–98.

бального инвентаря также обнаружены золотые вещи и предметы вооружения³². Вполне вероятно, находки оружия в погребениях свидетельствуют о частых военных столкновениях в этот период. Возможно, данное обстоятельство указывает на определенную социальную принадлежность покойных, захороненных в двухкамерных склепах. Не исключено, что они могли относиться к военной прослойке. О неоднородном социальном составе населения Фанагории в эпоху Великого переселения народов не раз упоминалось в наших исследованиях³³ и в публикациях других авторов³⁴, основывающихся преимущественно на результатах наших раскопок последних лет.

Рассмотрение склепа 170 в контексте уже известных ранее однотипных комплексов позволяет прийти к заключению, что традиция захоронения в двухкамерных усыпальницах зарождается уже во второй половине – конце III в. н.э. и существует вплоть до начала – первой половины V в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья*. (САИ ГИ-12). М.
- Алексеева, Е.М. 1982: *Античные бусы Северного Причерноморья*. (САИ ГИ-12). М.
- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ Д1-30). М.
- Арсеньева, Т.М. 1988: *Светильники Танаиса*. М.
- Блаватский, В.Д. 1941: Отчет о раскопках в Фанагории в 1936-1937 гг. *Труды ГИМ* XVI, 5–74.
- Блаватский, В.Д. 1941: Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. *МИА* 4, 61–84.
- Блаватский, В.Д. 1951: Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. *МИА* 19, 189–226.
- Ворошилов, А.Н. 2015: Каталог II. Таманский археологический музей (Таманский филиал Краснодарского государственного историко-археологического музея). В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). М., 556–562.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2015: Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя. В сб.: А.В. Мاستыкова (отв. ред), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции*. М., 16–19.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2018: Позднеантичное захоронение с погребальным ремненным гарнитуром из Фанагории. *ПИФК* 3, 125–142.
- Ворошилова, О.М. 2012: Гипсовые украшения деревянных саркофагов Фанагории. *РА* 2, 91–98.
- Ворошилова, О.М. 2013а: Новая находка двухкамерного склепа в Фанагории. В сб.: В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина (отв. ред.), *Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II международной конференции молодых ученых*. М., 110–111.
- Ворошилова, О.М. 2013б: Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Ворошилова, О.М. 2018: О склепах Фанагории 1–5 вв. н.э. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (отв. ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4. (Фанагория 7). М., 415–481.

³² Блаватский 1941, 66–67; Ханутина, Хршановский 2009, 58; Зеест 1953, 156–157.

³³ Ворошилов, Ворошилова 2015, 17–18; 2018, 136.

³⁴ Строков 2018а, 204–216; 2018б, 109–116.

- Гаврилюк, Н.А., Соколова, О.Ю. 2007: Лепная керамика Нимфея. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины*. Москва – Киев – Запорожье, 258–342.
- Зеест, И.Б. 1953: Земляные склепы некрополя Тузлы. *КСИИМК* 51, 156–158.
- Засецкая, И.П. 2005: Хронология стеклянных колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспорские исследования* X. Симферополь – Керчь, 90–131.
- Кастанаян, Е.Г. 1981: *Лепная керамика Боспорских городов*. Ленинград.
- Медведев, А.П. 2013: Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.). В кн.: В.Д. Кузнецов (отв. ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория 1). М., 330–402.
- Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. Каталог II. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). М., 535–555.
- Строков, А.А. 2018а: Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В.Д. Блаватского в Фанагории. *КСИА* 151, 204–216.
- Строков, А.А. 2018б: Фанагория в эпоху Великого переселения народов (по материалам погребальных комплексов). *Проблемы социальных и гуманитарных наук* 1(14), 109–116.
- Трейстер, М.Ю. 2015: Каталог II. Институт археологии РАН. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. (Фанагория 2). М., 391–534.
- Труфанов, А.А. 2010: Погребения III в. н.э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя. *Stratum plus* 4, 145–195.
- Ханутина, З.В., Хршановский, В.А. 2009: Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея. В сб.: В.Ю. Зуев. (отв. ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции*. СПб., 58–69.
- Чхаидзе, В.Н. 2007: Позднеантичные склепы у пос. Красноармейский на Таманском полуострове. В сб.: В.Ю. Зуев. (отв. ред.), *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы Международной научной конференции*. Ч. I. СПб., 247–253.
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.). В кн.: В.Д. Кузнецов (отв. ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория 1). М., 415–481.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya*. [*Antique Beads of the Northern Black Sea Region*]. (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of archaeological sources] GI-12). Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1982: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya*. [*Antique Beads of the Northern Black Sea Region*]. (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of archaeological sources] GI-12). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [*Brooches of the Southern-European part of the USSR of the 2nd century BC – 4th century AD*]. (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of archaeological sources]. D1-30). Moscow.
- Arseneva, T.M. 1988: *Svetil'niki Tanaisa* [*Lamps of Tanais*]. Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1941: Otchet o raskopkakh v Fanagorii v 1936–1937 gg. [Report on Excavation at Phanagoria in 1936–1937]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [*Proceedings of the State Historical Museum*] XVI 5–74.

- Blavatskiy, V.D. 1941: Raskopki nekropolya Tiritaki v 1933 g. [Excavations of the Tyritake Necropolis in 1933]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR] 4, 61–84.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Raskopki nekropolya Fanagorii v 1938, 1939 i 1940 gg. [Excavations of the necropolis of Phanagoria in 1938, 1939 and 1940]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR] 19, 189–226.
- Chkhaidze, V.N. 2007: Pozdneantichnye sklepy u pos. Krasnoarmeyskiy na Tamanskom poluostrove [Late antique crypts near the village of Krasnoarmeyskiy on the Taman Peninsula] In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok: Materialy Mezhdunarodnoynauchnoy konferentsii* [The Bosporan Phenomenon: The Sacred Meaning of the Region, Sites, and Findings: Materials of the International Scientific Conference]. Pt. I. Saint Petersburg, 247–253.
- Gavrilyuk, N.A., Sokolova, O.YU. 2007: Lepnaya keramika Nimfeya [Handmade ceramics of Nymphaeum]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk (eds.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy* [Ancient world and barbarians in the south of Russia and Ukraine]. Moscow–Kiev–Zaporozhe, 258–342.
- Kastanayan, E.G. 1981: *Lepnaya keramika Bosporskikh gorodov* [Handmade ceramics of the Bosporan cities]. Leningrad.
- Khanutina, Z.V., Khrshanovskiy, V.A. 2009: Pogrebal'nyy kompleks gunnskogo vremeni iz nekropolya Kiteya [The funerary complex of the Hunnic time from the necropolis of Kitaion]. In: V.Yu. Zuev (red.), *Bosporskiy fenomen. Iskustvo na periferii antichnogo mira: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Bosporus Phenomenon. Art on the periphery of the ancient world: Materials of an international scientific conference]. Saint Petersburg, 58–69.
- Medvedev, A.P. 2013: Pozdneantichnyy nekropol' Fanagorii 4–5 vv. (raskopki 2005 g.). [Late antique necropolis of Phanagoria of the 4–5 centuries. (excavations 2005)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp.1. Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy* [Materials on archaeology and history of Phanagoria. Iss. 1. (Fanagoria [Phanagoria] 1). Moscow, 330–402.
- Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. Katalog II. Krasnodarskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik im. E.D. Felitsyna [Catalog II. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. (Fanagoria [Phanagoria] 2). Moscow, 535–555.
- Shavyrina, T.G., Voroshilova, O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 gg.) [Investigations of the Western necropolis of Phanagoria (based on excavations from 1987 – 2000)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp.1. (Fanagoria [Phanagoria] 1). Moscow, 415–481.*
- Strokov, A.A. 2018a: Sklep epokhi Velikogo pereseleniya narodov iz raskopok V.D. Blavatskogo v Fanagorii. [Crypt of the era of the Great Migration of Peoples from the excavations of V.D. Blavatsky in Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archaeology] 151, 204–216.
- Strokov, A.A. 2018b: Fanagoriya v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Phanagoria in the era of the Great Migration of Peoples (based on materials from burial complexes)]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk* [Problems of Social and Human Sciences] 1 (14)109–116.
- Treister, M.YU. 2015: Katalog II. Institut arkheologii RAN [Catalog II. Institute of Archaeology RAS]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. (Fanagoria [Phanagoria] 2). Moscow, 391–534.

- Trufanov, A.A. 2010: Pogrebeniya III v. n.e. na yugo-zapadnoy okraine Ust'-Al'minskogo nekropolya [Burials of the 3rd century AD on the southwestern edge of the Ust-Alma necropolis]. *Stratum plus* 4, 145–195.
- Voroshilov, A.N. 2015: Katalog II. Tamanskiy arkheologicheskij muzey (Tamanskiy filial Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya). [Catalogue II. Taman Archaeological Museum (Taman branch of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum)]. In M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [*Gold of Phanagoria*]. (Fanagoria [Phanagoria] 2). Moscow, 556–562.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2015: Naselenie Fanagorii po materialam pozdneantichnogo nekropolya [Population of Phanagoria based on materials of the Late Antiquity necropolis]. In: A.V. Mastikova (ed.), *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekovya: arkheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Social stratification of the Caucasus population at the end of antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the international scientific conference]. Moscow, 16–19.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2018: Pozdneantichnoe zahoronenie s pogrebal'nym remennym garniturom iz Fanagorii. [Late antique burial with burial belt set from Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 125–142.
- Voroshilova, O.M. 2012: Gipsovye ukrasheniya derevyannykh sarkofagov Fanagorii. [Plaster decorations of the wooden sarcophagi of Phanagoria]. *Rossiyskaya Arkheologia* [Russian Archeology] 2, 91–98.
- Voroshilova, O.M. 2013a: Novaya nakhodka dvukhkamernogo sklepa v Fanagorii. [A new find of a two-chamber crypt in Phanagoria]. In: V.E. Rodinkova, A.N. Fedorina (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy II mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research: materials of the II international conference of young scientists]. Moscow, 110–111.
- Voroshilova, O.M. 2013b: Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [Crypt of the Late Antique Time from the Excavations of Phanagoria in 2011]. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Voroshilova, O.M. 2018: O sklepakh Fanagorii 1–5 vv. n.e. [ ]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavyokin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. Vyp. 4. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy* [Materials on archeology and history of Phanagoria. Iss. 4. (Fanagoria [Phanagoria] 7). Moscow, 415–481.
- Zasetskaya, I.P. 2005: Khronologiya steklyannykh kolboobraznykh sosudov iz Bosporskogo nekropolya pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo periodov [Chronology of glass flask-shaped vessels from the Bosphorus necropolis of the Late Antique and Early Medieval periods]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bosporskie issledovaniya* [Bosphorus Studies] X. Simferopol–Kerch, 90–131.
- Zeest, I.B. 1953: Zemlyanye sklepy nekropolya Tuzly [Earthly Crypts of the Necropolis of Tuzla]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture] 51, 156–158.

TWO-CHAMBER CRYPT 170 IN PHANAGORIA

Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
helga-mir@yandex.ru

Abstract. During recent excavations on the necropolis of Phanagoria, some rare types of burial constructions have been discovered. Two-chamber crypts that had appeared in the burial practice of the residents of Phanagoria at the sunset of antique epoch are of special interest.

The article presents one of such crypts found in 2011 on the Eastern necropolis. Regrettably, the burial was robbed in antiquity and only the insignificant part of its grave goods and construction have survived. Nevertheless, its investigation is of great importance for the reconstruction of the funereal rite of the late antique population of the capital of Asian Bosphorus. The crypt has been analyzed within the context of the already known complexes of the same type. Some peculiarities of the funeral practice characteristic of the burials in such vaults have been distinguished. Those few artifacts found in the burial allowed dating it to the late third century AD. Despite the fact that the crypt 170 is structurally similar to the three previously found two-chamber ones, it is the earliest of them.

Thus two-chamber crypts appeared in the burial practice of the population of Phanagoria in the late third century AD and seem to have been used up to the early 5th century for most of such crypts discovered on the necropolis of the Bosphoran kingdom are dated to the 4th – 5th cc. AD.

Keywords: Northern Black Sea region, Asian Bosphorus, necropolis of Phanagoria, the Great Migration Period, Late Antique period, burial, vault, funeral rite

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 163–172
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 163–172
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-163–172

К ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ ГРАНИЦ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

Г.В. Требелева

Институт Археологии РАН, Москва, Россия
trgv@mail.ru

Аннотация. Любое крупное научное изыскание, с одной стороны, дает ответы на ряд вопросов, с другой же – порождает новые. Не стали исключением и исследования Великой Абхазской (Келасурской) стены, которые автор проводил в 2013–2016 гг.: они дали точную локализацию изучаемых объектов, решили частично проблему датировки памятника, но породили и ряд новых нерешенных проблем, в числе которых есть следующая: какое же именно государство создало этот грандиозный фортификационный пояс? Этому вопросу и посвящена данная статья. В ней отражены и известные нам из письменных источников взгляды авторов античности на историю Абхазии того периода, и трактовка этих источников исследователями нашего времени в свете уже уточненных данных по локализации памятника и его датировке, а также – открытия античной крепости на территории города Сочи и основанная на этих данных попытка реконструировать основные границы между историческими областями древнего государства. Среди упомянутых выше этнических раннегосударственных образований Санигия – самая западная часть древней Абхазии, располагавшаяся ранее севернее реки Бзыбь, на территории современного Гагрского района республики Абхазия, и частично – на территории муниципального образования город-курорт Сочи Краснодарского края России (Большой Сочи). Границы другой исторической области – Абазгии – простирались от реки Бзыбь на западе до Анакопии (совр. Новый Афон) на востоке, т.е. фактически совпадали с границами нынешнего Гудаутского района, этнически – «Бзыбской Абхазией». Следующая – Мисиминия – самая загадочная часть древней Абхазии. Сведения о ней минимальны, и лишь на основании трудов византийского историка Агафия можно предположить, что территория Мисиминии охватывала в прошлом провинции Дал и Цабал (совр. Цебельда). Наименование племени, населяющего древнюю Апсилию, послужило источником современного самоназвания всех абхазских народов – Апсуа. Эта область располагалась на большей части территории современного Очамчёрского, частично – Ткуарчалского районов Абхазии, этнически – «Абжуйской Абхазии», и именно она была ограждена Келасурской стеной.

Ключевые слова: поздняя античность и раннее средневековье, Абхазия, Апсилия, Абазгия, Санигия, Миссиминия, Келасурская стена

Данные об авторах: Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №16-06-00277а.

Исследования Великой Абхазской (Келасурской) стены, проведенные автором в 2013–2016 гг.¹, как и любое научное изыскание, решили одни поставленные проблемы и породили другие. С одной стороны, была определена точная локализация маршрута прохождения стены в целом и ее отдельных объектов, частично решен вопрос с датировкой памятника (время возведения стены ограничило «цельдинским периодом», однозначно, не позднее VI в. н.э.), определено и вероятное назначение постройки – защита плодородных земель и территории от набегов воинственных горцев². С другой стороны, возник закономерный вопрос: кто же воздвиг эту стену? Для решения данной проблемы необходимо проанализировать античные источники, отображающие историю Абхазии интересующего нас периода, и трактовку этих сведений современными исследователями.

Впервые упоминаются древнеабхазские племена, являющиеся предками современных абхазов, – абазги, апсилы и саниги – в сообщениях Плиния Секунда и Флавия Арриана. Об апсилах и санигах рассказывает Плиний Секунд (Plin. NH. IV. 14), а первое упоминание племени абазгов содержится в пассаже Флавия Арриана: «Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтийцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи... Рядом с ними живут макроны и инииохи; у них царь Анхиал. С макронами и инииохами граничат зидриты; они подвластны Фарасману. С зидритами – лазы; царем у лазов – Малас, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы (); у них царь Юлиан (), получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат аваски (); у авасков царь Рисмаг (); этот также получил свою власть от тебя. Рядом с авасками – саниги (), в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг () получил царство от тебя» (Arr. Per. 15. Пер. П.М. Прозорова).

«Перипл Понта Евксинского» – географическое сочинение, известное нам в авторстве Флавия Арриана и так называемого Псевдо-Арриана или Анонима, интересно тем, что в нем содержится упоминание названий не только древнеабхазских племен, но и первых политических образований на территории современной Абхазии.

Опираясь на данные источники, возможно реконструировать следующую историческую картину: в первые века н.э. на Восточном Причерноморье, в пределах современной Абхазии, существовали древнеабхазские племенные образования апсиров, абазгов и санигов. Правители же этих раннегосударственных образований утверждались римскими императорами.

По сведениям Псевдо-Арриана (V в. н.э.), северо-западная граница владений абазгов простиралась до р. Абаска (совр. р. Псоу или Хашупсе³), за которой до р. Ахеунта жили саниги (Anon., PPE., 51), т.е., согласно мнению этого автора, абазги жили севернее современного Сухума. Флавий Арриан же в своем труде отразил, что абазги жили южнее Сухума (Севастополиса). Возникшее противоречие между информацией в источниках двух авторов пытались объяснить теорией миграции, якобы произошедшей в конце II в. н.э.: племена апсиров и абазгов

¹ Требелева и др. 2012, 169–178; Требелева, Юрков 2015а, 365–383; Требелева и др. 2015, 198–200; Требелева и др. 2017а, 174–185; Требелева и др. 2017, 60–62, Trebeleva 2017, 9–40.

² Требелева и др. 2017а, 174–185.

³ Воронов 1998, 24.

передвинулись с юга на север под натиском лазов.⁴ Однако не все исследователи разделили эту точку зрения⁵.

М.В. Агбунов в своей работе «Античная лоция Черного моря», посвященной «Периплу Понта Евксинского», рассматривая вопрос об авторстве источников, утверждает, что «Перипл» Арриана и одноименный труд Псевдо-Арриана – это не два разных произведения, а краткая и расширенная редакция одного и того же сочинения – «Перипла» Флавия Арриана⁶. Если теория исследователя верна, то можно сделать следующий вывод: северо-западная граница абазгов уже в начале, а не в конце II в., как полагали грузинские авторы, простиралась до р. Абаска, и предположение о миграции апсильов и абазгов с юга на север не имеет смысла. Название же самой р. Абаска, упоминаемое не только Анонимом V в. н.э., но и Флавием Аррианом, по мнению автора, «нельзя воспринимать отдельно от самих абасгов»⁷.

Следовательно, в I–II вв. н.э. племена абазгов занимали обширную территорию от Севастополиса (совр. Сухум), где они граничили с апсилами, до р. Абаск (совр. р. Псоу или Хашупсе), по которой, согласно «Периплу» Анонима, они граничили с санигами.

По мнению Флавия Арриана, саниги жили к северу от абазгов, начиная от Севастополиса, находящегося, по утверждению этого автора, именно на территории санигов, и до р. Ахеунта, по которой проходила условная граница с зихами (адыгами). (Агг. Рег. 57). Р. Ахеунта исследователи сопоставляют с современной р. Сочипста или какой-то ближайшей к ней с севера рекой, возможно, с р. Шахе⁸.

По сообщению Псевдо-Арриана, саниги занимали территорию между рр. Абаска и Ахеунта (Анон. РРЕ. 57), т.е. районы, в которых находятся современные г. Адлер и Сочи. Следовательно, Севастополь никак не мог располагаться на территории племени санигов.

Размышляя на эту тему, Ш.Д. Инал-ипа пишет: «Возможно, саниги были вытеснены, но, может быть, абазги распространили к северу свое политическое влияние и этническое название. Надо полагать, что менялся не столько этнический (племенной) состав населения, сколько политические границы зависимых от Рима “царств”, о чем говорит гидроним Абаск, не изменившийся за 300 лет»⁹.

М.М. Гунба считает, что утверждение Анонима V в. н.э. о расселении санигов между р. Абаска и Ахеунта «не соответствует действительности»¹⁰ и предлагает следующее объяснение: «Если, начиная со II в. и кончая VI в. Севастополь принадлежал санигам (территория которых протянулась до Никопсии), и в то же время в их стране жили абазги, это означает, что оба племени принадлежали к одной этнической группе. Однако вряд ли на территории царства санигов могло находиться другое, равноправное царство абазгов...». М.М. Иващенко, учитывая эти

⁴ Анчабадзе 2010, 169–170; Гунба 1989, 145–146.

⁵ Гунба 1989, 146; Инал-ипа 1976, 259–260.

⁶ Агбунов 1987, 12–13.

⁷ Воронов 1998, 24; Инал-ипа 1976, 254.

⁸ Инал-ипа 1995, 15; Гунба 1989, 149.

⁹ Инал-ипа 1995, 15.

¹⁰ Гунба 1989, 149.

данные, предполагает, что “эти (саниги) или другое наименование тех же абазгов, или одно из племен, на которое они подразделялись”»¹¹.

Ю.Н. Воронов полагал, что информация, изложенная Флавием Аррианом о размещении Себастополиса на территории санигов, – всего лишь память о тех временах, когда саниги составляли сложное смешение местных родственных племен под обобщенным наименованием «гениохи», занимавшее обширную область Восточного Причерноморья¹². Таким образом, границы территории, занимаемой племенем санигов (в узком значении этого этнонима) во второй половине I–II в. н.э., проходили между современными р. Хашупсе или Псоу, по соседству с абазгами, и р. Сочипста или Шахе, за которыми начиналась территория зихов.

Римская крепость, обнаруженная на территории современного г. Сочи, дает возможность предположить, что упомянутый Флавием Аррианом в «Перипле Понта Евксинского» Себастополис – это не одноименный Себастополис в совр. Сухуме, а крепостное сооружение в Сочи, поскольку «Себастополис» было достаточно распространенным названием крепостей в римское время. Как пример, можно упомянуть современный Себастополису в Сухуме Себастополис в Каппадокии. Если допустить, что и крепость в Сочи могла носить название «Себастополис», то в источниках не содержится никаких противоречий, и миграции племен не было¹³.

Предпримем попытку реконструировать локализацию границ раннегосударственных этнических образований Санигии, Абазгии, Апсилии и Миссиминии на территории древней Абхазии (рис. 1).

Санигия, как предполагает большинство исследователей, – самая западная (северо-западная) часть древней Абхазии, располагавшаяся севернее р. Бзыбь на территории современного Гагрского района республики Абхазия и, частично, на территории муниципального образования города-курорт Сочи (Большой Сочи). Однако найденный в Цандрипшском храме фрагмент мраморного блока с греческой надписью «Абазгиос», которая переводится как «Абазгский», делает сомнительным утверждение, что данная область относилась к Санигии. Достаточно вероятным является и предположение о том, что в какой-то исторический период границы Абазгии расширилась и к ней перешла часть территории Санигии.

Так как никаких маркирующих границу сооружений в этом регионе не обнаружено, была сделана попытка изучить данную территорию с помощью пространственного анализа взаиморасположения того, что осталось от населенных пунктов того времени: храмов и городищ (крепостей). Разведки с целью фиксации памятников проводились в Гагрском районе Абхазии и в окрестностях Большого Сочи, точные географические координаты объектов были получены с помощью прибора GPS. При этом фиксировались как известные исследователям архитектурные сооружения, так и памятники, выявленные местными краеведами, такие, например, как храм или башня в районе бассейна реки Мацесты в селе Абазинка или средневековая крепость в центре Сочи, на месте русского форта Александров. Полученные данные о памятниках вносились в ГИС.

¹¹ Гунба 1989, 150.

¹² Воронов 1998, 29–30.

¹³ Кизилов, Глазов 2017, 152–166; Кизилов, Кондряков 2017, 171–179.

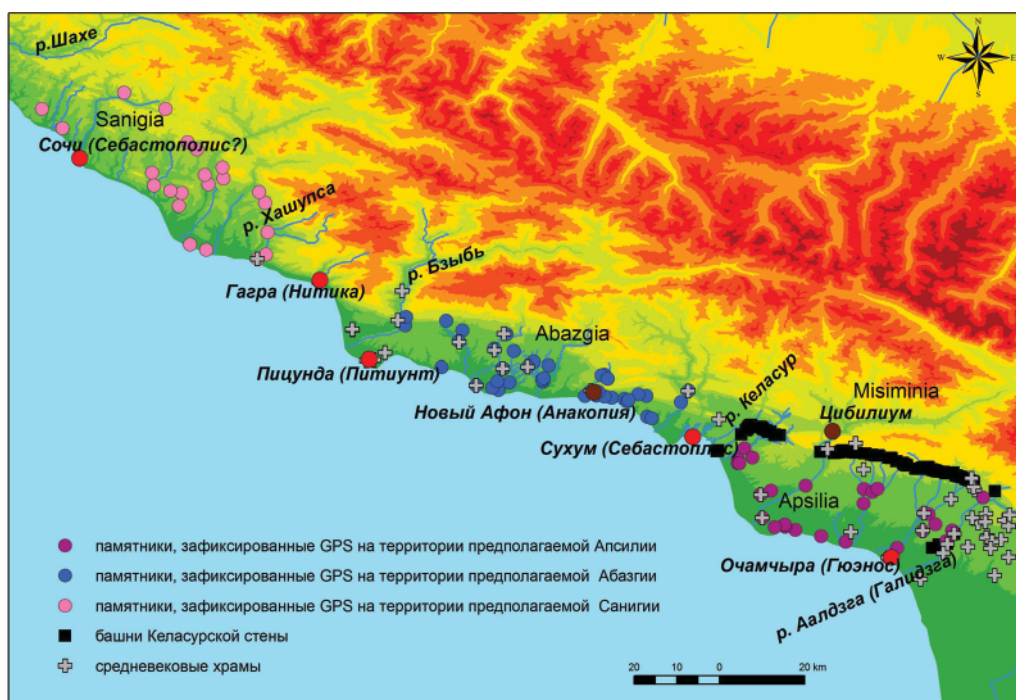

Рис. 1. Карта проведенных разведок

После отображения всех зафиксированных объектов на карте и анализа их взаиморасположения появилась возможность определить своеобразное ядро – концентрацию памятников в междуречье Мзымты и Мацесты. На востоке выделилась линия храмов, явно служивших центрами городищ, которая вела от Цандрипшского храма у моря вверх по ущелью реки Хашупсы и заворачивала по предгорьям в сторону реки Псоу. В этом же районе располагалось одно из крупнейших фортификационных сооружений позднеантичного-раннесредневекового времени – крепость Хашупса.

При внимательном анализе рельефа этой местности становится ясно, что юго-восточнее линии Хашупсы горы практически вплотную подходят к морю, вследствие чего прибрежная полоса между ними очень узкая, а севернее линии реки, напротив, горы отдаляются от моря, и появляется пригодная для земледельческого труда и проживания оседлого населения долина. Следовательно, наиболее вероятно, что граница между областями Санигия и Абазгия проходила не по р. Бзыбь, а по линии р. Хашупса, что не противоречит предположению, возникшему при трактовке античных текстов, что упомянутая в исторических источниках р. Абаск – это современная р. Хашупса.

В узкой приморской полосе как раз располагались римские форт-посты – Нитика (Гагра) и Питиунт (Пицунда), возведенные в подходящих для этого гаванях и в контактном пространстве между Санигией и Абазгией.

Таким образом, реконструируемые границы Абазгии практически повторяют границы современного Гудаутского р-на, этнически – «Бзыбской Абхазии», простираясь от р. Бзыбь на западе до Анакопии (совр. Новый Афон) на востоке.

Отступающие от берега горы, расположенные за рекой Бзыбь на востоке, образуют пригодную для земледелия долину. Затем горная цепь вновь приближается к морю в районе Нового Афона и Сухума. Следовательно, можно сделать вывод, что основная территория Абазгии располагалась так же, как и территория Санигии, в плодородной долине, возникшей на участке, где горы удаляются от побережья. Замыкал же территорию Абазгии очередной форт-пост: греческий, а позднее – римский полис Диоскурия/Себастополис.

Мисиминия является до сих пор самой таинственной областью Древней Абхазии, поскольку сведения о ней малочисленны и противоречивы. Византийский историк Агафий, упоминая про миссимиан, указывает, что «живут они севернее народа апсилиев и несколько восточнее»¹⁴. Согласно данным, приведенным другим византийским историком – Менандром, Мисиминия граничила со Сванетией¹⁵. Южный отрезок восточной границы древнего государства мисимиан доходил непосредственно до Лазики. В этом районе Мисиминию защищало укрепление Бухлоон¹⁶. На севере же территорию проживания мисимиан ограничивал Главный Кавказский хребет в районе Клухорского и Марухского перевалов. Очевидно, территория Мисиминии, располагаясь в долине, окруженной горами, охватывала провинции Дал и Цабал (совр. Цебельда)¹⁷.

От наименования племени, населявшего *Апсилию*, происходит современное самоназвание всех абхазских народов – Апсуа.

Прокопий Кесарийский упоминал в своих записях: «Река Фасис <...> впадает в конечную часть Эвксинского Понта на краях залива-полумесяца; на одной стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащей уже Европе, находится область апсилиев»¹⁸.

М.М. Иващенко трактовал эту запись так: «Под луновидностью Прокопий понимает изгиб берега моря в 550 стадий от города Петры к северу. Если город Петра – Цихисдзири, то другой конец этой “луновидности” придется приблизительно около Илори...»¹⁹.

Таким образом, по всей вероятности, юго-восточная граница Апсилии проходила по р. Аалдзга (Галидзга или Эгрис-цкали – по грузинским источникам), то есть в том районе, где и были обнаружены нами ранее не зафиксированные башни Келасурской стены. Северо-западная же граница, с точки зрения одних исследователей, проходила по р. Гумиста,²⁰ а по мнению других – по р. Келасур²¹. Последняя версия нам кажется более вероятной, потому что в данном случае территория, занимаемая Апсилией, располагалась в пространстве между рр. Келасур

¹⁴ Агафий 1953, 87.

¹⁵ Георгика 1952, 236.

¹⁶ Агафий 1953, 87.

¹⁷ Анчабадзе 2010, 242.

¹⁸ Прокопий из Кесарии 1950, 380.

¹⁹ Иващенко 1926, 83.

²⁰ Анчабадзе 2010, 238.

²¹ Иващенко 1925, 85–86.

и Аалдзга (Галидзга) на западе и востоке, морем и горами – на юге и западе, т.е. полностью совпадала с той, которую окаймляет Келасурская стена.

По нашим предположениям, стена огораживала область Апсилии, подходя вплотную к границам современного г. Сухума – древнего Севастополиса. Как любой античный город, Севастополь имел в своей структуре хору, следовательно, местность вблизи поселения не входила ни в какое раннесредневековое этнополитическое образование абхазов, а сохраняла свое подчинение непосредственно Византии. Если эта версия верна, решается и вопрос о принадлежности области между Анакопией (совр. Новый Афон) и р. Келасур, т.е. территории Сухумской бухты и ее окрестностей, которую часть исследователей относят к территории Абазгии, а часть – к территории Апсилии²². На восточной же границе Апсилии, на реке Аалдзга, мы встречаем другой античный полис – Гюэнос.

Таким образом, исследования подводят нас к следующей модели реконструкции карты древней Абхазии: на плодородных равнинах, пригодных для земледелия и оседлого поселения, – этнические политические центры древних абхазов Санигия, Абазгия и Апсилия, между ними – античные центры Нитика-Питиунт, Севастополь, Гюэнос.

ЛИТЕРАТУРА

- Анчабадзе, З.В. 2010: *Избранные труды*: в 2-х томах. Т. 1. *История и культура древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)*. Сухум.
- Воронов, Ю.Н. 1998: *Колхида на рубеже Средневековья*. Сухум.
- Гунба, М.М. 1989: *Абхазия в I тыс. н. э.* Сухуми.
- Иващенко, М.М. 1926: Великая Абхазская стена. *Известия АБНО IV*, 61–89.
- Инал-ипа, Ш.Д. 1976: *Вопросы этнокультурной истории абхазов*. Сухуми.
- Инал-ипа, Ш.Д. 1995: *Садзы. Историко-этнографические очерки*. М.
- Инал-ипа, Ш.Д. *Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении*. (материалы с комментариями). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://apsnyteka.org/416-inal-ipa_sh_cho_to_rasskazyvaiut_abkhazy....html.
- Кизилов, А.С., Глазов, К.А. 2017: Древний Сочи как градообразующее ядро современного города. Аналитические результаты археологических, документальных и топографических сопоставлений. *Доклады сочинского отделения русского географического общества* 5, 152–166.
- Кизилов, А.С., Кондряков, Н.В. 2017: Локализация порта Сочи на средневековых компасных картах и материальные свидетельства. В сб.: А.Э. Ашуба и др. (ред.), *Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция, посвященной археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву. Материалы международной археологической конференции. 26–30 ноября 2013 г.* Сухум, 171–179.
- Пачулия, В. П. 1964: *В краю золотого руна*. М.
- Пачулия, В.П. 1973: *Легенды лазурного берега*. М.
- Требелева, Г.В., Юрков, Г.Ю., Горлов, Ю.В., Цвинария, И.И., Агумаа, А.С., Кайтан, Ш.Г. 2012: Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки. *ПИФК* 4, 169–178.
- Требелева, Г.В., Хондзия, З.Г., Юрков, Г.Ю. 2015: Великая Абхазская (Келасурская) стена. Новые открытия. В сб.: В.Е. Родинкова (ред.), *Новые материалы и методы археоло-*

²² Анчабадзе, 2010, 236–242.

- гического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. Москва, 16–19 марта 2015 г. М., 198–200.
- Требелева, Г.В., Юрков, Г.Ю. 2015: По великой абхазской (Келасурской) стене: от р. Келасур до р. Улыс и проблема восточного конца. *ПИФК* 1, 365–383.
- Требелева, Г.В., Хондзия, З.Г., Юрков, Г.Ю. 2017а: Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования 2013–2016 годов, новые данные и новые вопросы. В сб.: А.Г. Новожилов (ред.), *Археология и этнография Кавказа и Крыма. Тезисы докладов*. СПб., 60–62.
- Требелева, Г.В., Хондзия, З.Г., Юрков, Г.Ю. 2017б: Результаты исследования Великой Абхазской (Келасурской) стены (2013–2015 гг.) и вопросы границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии. *ПИФК* 3, 174–185.
- Уварова, П.С. 1894: *Материалы по археологии Кавказа*. IV. М.
- Trebeleva, G. 2017: Great Abkhazian (Kelasur) wall and the problem of localization Apsilia borders. In: *Fortifications, defense systems, structures and features in the past. Book of Abstracts*. Zagreb, 39–40.

REFERENCES

- Anchabadze, Z.V. 2010: *Izbrannyye trudy* [Selected works]: in 2 vol. Vol. 1. *Istoriya i kultura drevney Abkhazii. Iz istorii srednevekovoy Abkhazii (VI–XVII vv.)*. [History and culture of ancient Abkhazia. From the history of medieval Abkhazia (6th–early 17th centuries)], Sukhum.
- Georgika, 1952: *Svedeniya vizantiyskikh pisateley o Gruzii* [The Information of Byzantine writers about Georgia]. Tbilisi.
- Gunba, M.M. 1989: *Abkhaziya v I tys. n. e.* [Abkhazia in the 1st Millennium AD]. Sukhumi.
- Inal-ipa, Sh.D. 1995: *Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Sadz. Historical and ethnographic essays]. Moscow.
- Inal-ipa, Sh.D. *Chto rasskazyvayut abkhazy o drevneyshem naselenii Abkhazii i svoem proishozhdenii (materialy s kommentariyami)* [What Abkhazians tell about the ancient population of Abkhazia and its origin (materials with comments)], http://apsnyteka.org/416-inal-ipa_sh_cho_tto_rasskazyvaiut_abkhazy....html.
- Inal-ipa, Sh.D., 1976: *Voprosy etnokulturnoy istorii abkhazov* [Issues of ethnic and cultural history of Abkhazians]. Sukhumi.
- Ivaschenko, M.M. 1926: Velikaya Abkhazskaya stena [The Great Abkhazian wall.]. *Izvestiya AbNO* [Transections of Abkhazian Scientific Society] IV, 61–89.
- Kizilov, A.S., Glazov, K.A. 2017: Drevniy Sochi kak gradoobrazuyushee yadro sovremennogo goroda. Analiticheskie rezultaty arkheologicheskikh, dokumentalnykh i topograficheskikh sopostavleniy [The ancient city of Sochi as the core of the modern city. Analytical results of archaeological, documentary and topographic comparisons]. *Doklady sochinskogo otdeleniya russkogo geograficheskogo obshchestva* [Reports of the Sochi branch of the Russian Geographical Society] 5, 152–166.
- Kizilov, A.S., Kondryakov, N.V. 2017: Lokalizatsiya porta Sochi na srednevekovykh kompasnykh kartakh i materialnye svidetelstva [Localization of the port of Sochi on medieval compass maps and material evidence in the sat.]. In: A.E. Ashuba (ed.), *Kavkaz i Abkhaziya v drevnosti i v Srednevekove: vzaimodeystvie i preemstvennost kultur. Chetvertaya Abkhazskaya Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya, posvyaschennoy arkheologu-kavkazovedu L.N. Solovevu. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii. 26–30 noyabrya 2013 g.* [The Caucasus and Abkhazia in ancient times and in the Middle Ages: interaction and continuity of cultures. Fourth Abkhazian international archaeologi-

- cal conference dedicated to the archaeologist of the Caucasus L.N. Solovyov. Materials of the international archaeological conference. 26–30 November 2013].* Suhum, 171–179.
- Pachulia, V.P. 1964: *V krayu zolotogo runa [At the edge of the Golden fleece]*. Moscow.
- Pachulia, V.P. 1973: *Legendy lazurnogo berega [Legends of the Cote d'azur]*. Moscow.
- Trebeleva, G. 2017: Great Abkhazian (Kelasur) wall and the problem of localization Apsilia borders. In: *Fortifications, defense systems, structures and features in the past. Book of Abstracts*. Zagreb, 39–40.
- Trebeleva, G.V., Khondziya, Z.G., Yurkov, G.Yu. 2015: Velikaya Abkhazskaya (Kelasurskaya) stena. Novye otkrytiya [The Great Abkhazian (Kelasur) wall. New discoveries]. In: V.E. Rodinkova (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchennykh, Moskva, 16–19 Maya 2015 g. [New materials and methods of archaeological research: Materials for the III International conference of young scientists, Moscow, 16–19 May, 2015]*. Moscow, 198–200.
- Trebeleva, G.V., Khondziya, Z.G., Yurkov, G.Yu. 2017a: Rezultaty issledovaniya Velikoy abkhazskoy (Kelasurskoy) steny (2013–2015 gg.) i voprosy granits rannesrednevekovykh gosudarstvennykh obrazovaniy na territorii Abkhazii [The Results of the study of the great Abkhazian (Kelasur) wall (2013–2015) and the issues of the boundaries of early medieval state formations on the territory of Abkhazia]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 174–185.
- Trebeleva, G.V., Khondziya, Z.G., Yurkov, G.Yu. 2017b: Velikaya Abkhazskaya (Kelasurskaya) stena: rezultaty issledovaniya 2013–2016 godov, novye dannye i novye voprosy [The Great Abkhazian (Kelasur) wall: results of the 2013–2016 study, new data and new questions] In: A.G. Novozhilov (ed.), *Arkheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma. Tezisy dokladov [Archaeology and Ethnography of the Caucasus and Crimea. Abstracts.]*. Saint Petersburg, 60–62.
- Trebeleva, G.V., Yurkov, G.Yu. 2015: Po velikoy abkhazskoy (Kelasurskoy) stene: ot r. Kelasur do r. Ulys i problema vostochnogo kontsa [The Great Abkhazian (Kelasuri) wall: from the river Kelasur to the river Ulys, and the problem of the Eastern end]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 365–383.
- Trebeleva, G.V., Yurkov, G.Yu., Gorlov, Yu.V., Tsvinariya, I.I., Agumaa, A.S., Kaytan, Sh.G. 2012: Kelasurskaya stena, esche raz k voprosu datirovki [The Kelasur wall, once again on the issue of dating]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 169–178.
- Uvarova, P.S. 1894: *Materialy po arkheologii Kavkaza*. [Materials on the archaeology of the Caucasus]. IV. Moscow.
- Voronov, Yu.N. 1998: *Kolkhida na rubezhe Srednevekovya [Colchis at the Turn of the Middle Ages]*. Suhum.

ON THE RECONSTRUCTION OF EARLY MEDIEVAL STATES BORDERS ON THE TERRITORY OF ABKHAZIA

Galina V. Trebeleva

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia
trgv@mail.ru

Abstract. Any large study, on the one hand, solves a number of issues, on the other – generates new ones. So, the study of the Great Abkhazian (Kelasur) wall, carried out by the author in 2013–2016, gave an accurate localization of the studied objects, partially solved the problem of

dating, but gave rise to a number of new questions, including the following: which state built this wall? This article is devoted to the answer to this question. An attempt is made to look at the history of Abkhazia of that period, as it is reflected in the sources, and how these sources are interpreted by various researchers, in the light of already updated data on the localization of the wall and its dating, as well as the opening of the ancient fortress in the city of Sochi and on the basis of these data to reconstruct the main boundaries between its historical areas. Sanigiya is the most Western part of the ancient Abkhazia. It was located to the North of the river Bzyb, on the territory of modern Gagra district of the Republic of Abkhazia and, partly on the territory of the municipal resort city of Sochi, Krasnodar region of Russia (Greater Sochi). The borders Abazgii actually coincide with the boundaries of the present-day Gudauta district, ethnically "Bzyb Abkhazia" from the Bzyb river to the West, up to Anakopia (modern New Athos) in the East. Misiminiya is the most mysterious region of ancient Abkhazia. There is little information about it. Based on the information of the Byzantine historian Agafia it can be assumed that the territory of Misiminia covered the province of Dal and Tsabal (modern Tsebelda). The name of the tribe inhabiting ancient Assyria was the source of the modern self-name of all Abkhazian peoples – Apsua. The name of the tribe inhabiting ancient Assyria was the source of the modern self-name of all Abkhazian peoples – Apsua. This area was located in most of the territory of modern Ochamchyr, partially – Tkuarchal districts of Abkhazia, ethnically - "Abzhuy Abkhazia" and was surrounded by the Kelasurskaya wall.

Keywords: late antiquity and the early middle ages, Abkhazia, Apsilia, Abazgia, Sanigiya, Massimini, Kelasurskaya wall

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 173–179
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 173–179
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-173–179

УРОЧИЩЕ АДЖИЭЛЬ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ НА КАРТАХ XVIII–XX вв. И РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК 2014–2018 гг.

В.Г. Зубарев, С.Л. Смекалов, С.В. Ярцев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия*

parosta@mail.ru; slsmek@mail.ru; s-yartsev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу освоенности территории урочища Аджиэль в Восточном Крыму в XVIII–XX вв. по данным старых и современных карт и сопоставлению результатов их изучения с данными новейших археологических разведок. Урочище Аджиэль – территория, примыкающая к балке Аджиэль и ее рукавам. Оно расположено примерно в 30 км западнее г. Керчь, и занимает площадь около 100 кв. км, близ восточной части Казантипского залива Азовского моря. Урочище является районом, игравшим важную роль в древности. Балка Аджиэль, идущая по направлению северо-запад-юго-восток, труднопроходима, отгораживает значительную часть Керченского полуострова. Она являлась одним из естественных защитных рубежей Боспорского царства с запада. Изучение карт XVIII–XIX вв. (для более раннего периода сколь-либо детальные карты данной территории авторам неизвестны) показало, что после присоединения Крыма к Российской империи в конце XVIII в. в этой местности существовало от одного до четырех значимых поселений в это время и до 13 на рубеже XIX–XX вв. В XX–XXI вв. в ходе археологических работ других исследователей на территории Аджиэльской балки обнаружено более двух десятков памятников, главным образом античных и несколько средневековых. Кроме того, выявлено значительное число мест скопления фрагментов керамики, где тоже могут находиться древние поселения. Все это позволяет предполагать, что освоенность территории в античное время была выше, а численность населения, возможно, больше, чем в позднесредневековое и настоящее время.

Ключевые слова: археология, Восточный Крым, урочище Аджиэль, старые карты, античность, средневековье

Данные об авторах: Зубарев Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии ТГПУ им. Л.Н.Толстого; Смекалов Сергей Львович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н.Толстого; Ярцев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н.Толстого.

Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

Систематические исследования археологических памятников урочища Аджиэль в последние два десятилетия (за исключением разведочных работ, связанных с реконструкцией железной дороги Керчь–Феодосия после воссоединения Крыма с Россией) проводились главным образом экспедицией Тульского педагогического университета – исследования античного городища «Белинское» и его некрополя (руководитель В.Г. Зубарев¹, ²) и экспедицией ИА РАН – раскопки на Узунларском валу и прилегающей местности (руководитель А.А. Масленников³). Во второй половине XX века раскопки здесь также проводились лишь на немногих памятниках. Можно, наверно, отметить лишь исследования И.Т. Кругликовой на античном памятнике близ с. Новоотрадное⁴ и результаты, полученные на неолитическом памятнике Алексеевка I, представленные в работе Л.Г. Мацкевого⁵.

Археологические разведки в XX – начале XXI в. здесь также проводились разными исследователями (в частности, И.Т. Кругликовой, В.В. Веселовым, А.Л. Ермолиным, авторами этой статьи). Полученные результаты представлены в ряде монографий, например, книга И.Т. Кругликовой⁶ и публикация материалов работ В.В. Веселова⁷. Обобщение результатов раскопок и разведок по состоянию на 2011 г. отражено на сайте С.Л. Смекалова⁸. Однако в публикациях, представляющих результаты разведок, указываются обнаруженные объекты, но, как правило, нет информации, сколь детальными были разведки, и отсутствуют подробные карты обследованной территории.

В 2015–2018 гг. при поддержке грантов Минобрнауки России № 2014/389 и № 33.6496.2017/8.9 были проведены пешеходные археологические разведки на территории урочища Аджиэль. Разведки проводились по квадратам листов топографической карты Генерального Штаба СССР 1989 г. масштаба 1:100000, которые включают собственно урочище Аджиэль и часть прилегающей местности (рис. 1). Распределение обнаруженного археологического материала, главным образом античного и в меньшей степени средневекового, позволяет сделать вывод о достаточно активном использовании территории в древности. Вместе с тем изучение подстилающих горных пород и почв⁹ показывает их соответствие, что говорит о незначительных изменениях приповерхностного слоя в голоцене и о том, что антропогенные изменения в ландшафте для значительной части урочища, за исключением территории поселений, не очень велики. Для поселений, по крайней мере для городища «Белинское», где проводятся многолетние раскопки, анализ археологического материала в сочетании с данными магнитной съемки позволяет сделать вывод о воздействии антропогенных факторов на формирование современного облика их территории на протяжении длительного времени – с момента появления здесь человека в период каменного века и до раннего средневековья¹⁰.

¹ Зубарев 2000, 63–77.

² Зубарев, Ланцов 2006, 316–399.

³ Масленников 2003.

⁴ Кругликова 1975, 113–116.

⁵ Мацкевой 1977.

⁶ Кругликова 1975.

⁷ Веселов 2005.

⁸ Смекалов 2011.

⁹ Зубарев, Смекалов, Ярцев 2016, 110–136.

¹⁰ Зубарев, Смекалов 2014, 209–225.

Чтобы определить места урочища, где могли произойти наиболее значительные изменения ландшафта в новое и новейшее время, был проведен анализ известных авторам карт Крыма XVIII–XX вв. Для более раннего периода сколько-либо детальные карты данной территории авторам неизвестны. Изучались карты Генерального Штаба 1989 г. (1:100000, листы L-37-85, L-37-97), 1957 г. (1:25000, листы L-37-85-B-a, L-37-85-B-b, L-37-85-B-г, L-37-97-A-a, L-37-97-A-б), 1941 г. (1:100000, листы L-37-85, L-37-97), карты Корпуса Военных Топографов 1897 г. (1:42000, листы XVIII-IX-28, XVIII-IX-29, X-28, X-29.), 1865 г. (1:126000, листы XXXII-15, XXX-15), карта подполковника Оберга и полковника Бетева 1842 г. (1:210000), карта генерал-майора Мухина 1817 г. (1:168000), карта адъютанта Федора Черного 1790 г. и карта адъютанта Я.Ф. Шмита 1777 г. (1:760000). Детальный обзор карт XVIII и XIX вв. представлен в работе С.Л. Смекалова¹¹. На всех этих картах обозначены определенные населенные пункты в пределах урочища Аджиэль.

В таблице 1 приведено сопоставление наличия поселений на картах разного времени и изменения в названиях поселений. Надо отметить, что старые татарские названия поселений на картах отображены кириллицей и на разных картах по-разному. Незначительные отличия в написании в таблице нами не отмечены, а заинтересованный читатель может сам при необходимости их уточнить на упомянутом выше сайте. Названия поселений, существующих в настоящее время, выделены в таблице жирным подчеркнутым курсивом.

На самой ранней карте 1777 г. примерно в районе урочища выделено четыре поселения. Однако точность карты и довольно сильное различие в названиях, при наличии некоторой созвучности, не позволяют говорить определенно о положении этих поселений, поэтому в таблице 1 их названия отмечены знаком «?». На следующей по времени карте 1790 г. обозначено только одно поселение «Чегене». Достоверность положения поселений на более поздних картах не вызывает сомнения. Карты создавались уже на основе топографических съемок и названия поселений сохраняются. Максимальное число поселений (12) отмечено на карте 1897 г. Еще одно поселение – Калиновка (№ 10, табл. 1) – отмечено лишь на карте 1941 г. В публикацию результатов разведок В.В. Веселова включен «Алфавитный указатель старых и новых наименований населенных пунктов г. Керчь и Керченского полуострова...» (составители В.Ф. Саджаровец и Н.А. Рак¹²), где Калиновка сопоставляется с хутором Сеит-Эли (№ 11, табл. 1). Однако, судя по анализу карт, они расположены примерно в 1400 м друг от друга, так что вопрос об их соответствии нуждается в дополнительной проверке.

Таким образом, в новое и новейшее время количество поселений на территории было незначительно и, вероятно, меньше, чем в античное время. Рядом или на территории всех современных поселений обнаружены фрагменты античной керамики (рис. 1), что свидетельствует о наличии там поселений и в античное время. Хотя, к сожалению, раскопки там невозможны из-за существующей застройки, а возможные остатки древних построек, скорее всего, уничтожены. В то же время фрагменты керамики обнаружены и во многих местах, где какие-либо поселения на картах XVIII–XX вв. не обозначены.

¹¹ Смекалов 2003, 343–357.

¹² Веселов 2005, 207.

Все это позволяет предполагать, что освоенность территории в античное время была выше, а численность населения, возможно, больше, чем в позднесредневековое и настоящее время. В то же время территорий, за исключением собственно мест поселений и карьеров по добыче песка и камня, где антропогенное воздействие на ландшафт в новое и новейшее время было бы значительным, на площади урочища Аджиэль практически нет.

Рис. 1. Урочище Аджиэль на карте масштаба 1:100000. Результаты изучения карт, литературных источников и археологических разведок

Сопоставление наличия поселений на картах разного времени и изменения в названиях поселений.

№ на рис. 1	Квадраты по карте 1989 г.	Названия и наличие поселений	Карты, где обозначены поселения
1	3470	<u>Золотое</u> , Чегене, Шегене, Шебан?	1989, 1957, 1941, 1900, 1865, 1842, 1817, 1790, 1777
2	3272	Артезиан, хут. Ильина, хут. Безкровного	1941, 1897, 1865, 1842
3	3270	<u>Новоотрадное</u> , Аджибай	1989, 1957, 1941, 1897, 1865, 1842
4	3070–3072	<u>Белинское</u> , Балинская, Палапан	1989, 1957, 1941, 1897
5	2876	<u>Чистополье</u> , Салын	1989, 1957, 1941, 1897
6	2872	Державино, Аджиэли, Ахадырлес?	1957, 1941, 1897, 1865, 1842, 1817, 1777
7	2872	Керменчик, Ак-Шейх	1897, 1842
8	2680	<u>Либкнеховка</u> , Китай	1989, 1957, 1941, 1897, 1865, 1842, 1817
9	2480–2272	<u>Тасуново</u> , Кош-кую	1989, 1957, 1941, 1897, 1865, 1842
10	2480	Калиновка	1941
11	2478	Сеит-Эли, Чокур Сеит-Эли, Шейнель?	1897, 1865, 1842, 1817, 1790
12	2474–2476	Алексеевка, Экон. Такиль и экон. Сейт-Эли, Чумаш-Такыл, Чомаш такиль.	1957, 1941, 1897, 1865, 1842, 1817
13	2472–2474	Навримановка, Темеш, Темеис?	1957, 1941, 1897, 1865, 1842, 1817, 1777

ЛИТЕРАТУРА

- Веселов, В.В. 2005: Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. *ДБ Suppl.* II. М.
- Зубарев, В.Г. 2000: Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах). *ДБ* 3, 63–77.
- Зубарев, В.Г., Ланцов, С.Б. 2006: Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок). *ДБ* 10, 316–339.
- Зубарев, В.Г., Смекалов, С.Л. 2014: Культурно-исторический ландшафт городища «Белинское». *ДБ* 18, 209–225.
- Зубарев, В.Г., Смекалов, С.Л., Ярцев, С.В. 2016: Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль. *БИ* XXIII, 110–136.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
- Масленников, А.А. 2003: *Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма*. Тула.
- Мацкевой, Л.Г. 1977: *Мезолит и неолит Восточного Крыма*. Киев.
- Смекалов, С.Л. 2003: Печатные картографические материалы по Крыму XVIII–XIX вв. в фондах РНБ и БАН и их применение в археологических исследованиях. Комментарий к изданию карт на CD. *ПИФК* XIII, 343–357.
- Смекалов, С.Л. 2011: *Археологическая карта Крыма*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archmap.ru>

REFERENCES

- Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe khozyaistvo Bospora* [Agriculture of the Bosporus]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2003: *Drevnie zemlyanye pogranično-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma* [Ancient earthen border-defense constructions of the Eastern Crimea]. Tula.
- Matskevoy, L.G. 1977: *Mezolit i neolit Vostochnogo Kryma* [Mesolithic and Neolith of the Eastern Crimea]. Kiev.
- Smekalov, S.L. 2003: Pечатnye kartograficheskie materialy po Krymu XVIII–XIX vv. v fondakh RNB i BAN i ikh primeneniye v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Kommentariy k izdaniyu kart na CD. [Printed cartographic materials on Crimea of the 18th–20th centuries. in the funds of the Russian National Library and Academy of Sciences Library and their use in archaeological research. Commentary to the publication of maps on CD]. *Problemy istorii, filosofii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIII, 343–357.
- Smekalov, S.L. 2011: *Arkheologicheskaya karta Kryma* [Archaeological Map of Crimea], <http://www.archmap.ru>
- Veselov, V.V. 2005: Svodnaya vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg. [Consolidated statement of the results of archaeological surveys on the Kerch and Taman peninsulas in 1949–1964]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] Suppl. II. Moscow.
- Zubarev, V.G. 2000: Antichnoe poseleniye u sela Belinskoe (predvaritel'nye itogi raskopok v 1996–1999 godakh) [Antique settlement near the village of Belinskoe (preliminary results of the excavations in 1996–1999)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 3, 63–77.
- Zubarev, V.G., Lantsov, S.B. 2006: Nekropol' gorodishcha «Belinskoe» (predvaritel'nye rezul'taty pervykh raskopok) [Belinskoe settlement necropolis (preliminary results of the first excavations)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 10, 316–339.
- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. 2014: Kul'turno-istoricheskiy landshtaf gorodishcha «Belinskoe» [Cultural and historical landscape of the Belinskoe settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 209–225.
- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L., Yartsev, S.V. 2016: Landshtafnaya geografiya arkheologicheskikh pamyatnikov tsentral'noy chasti urochishcha Adzhel' [Landscape geography of archaeological monuments of the central part of the Ajjel tract]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporus Studies] XXIII, 110–136.

ADZHIEL NATURAL BOUNDARY IN THE EAST CRIMEA ON THE MAPS
OF 18th–20th CENTURIES AND RESULTS OF 2014–2018 ARCHAEOLOGICAL
RESEARCHES

Victor G. Zubarev, Sergey L. Smekalov, Sergey V. Yartsev

Tula State Pedagogical University named L.N. Tolstoy, Tula, Russia
parosta@mail.ru; slsmek@mail.ru; s-yartsev@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the development of the territory of the Adzhel natural boundary in the Eastern Crimea in the 18th–20th centuries, according to old and modern maps and comparing the results of maps studying with archaeological surveys which have been conducted

in recent years. The Adzhiel natural boundary is the territory adjacent to the Adzhiel gully and its sleeves. It is located 30 km west of Kerch and covers an area of about 100 sq. km, near the eastern part of the Kazantip Bay of the Azov Sea. The natural boundary is an area that played an important role in the antiquity. The Adzhiel gully, which is in the direction of the North-West-South-East is difficult to pass, fences off a significant part of the Kerch Peninsula, and was one of the natural defensive lines of the Bosphoran Kingdom from the west.

The research of maps of the 18th–20th centuries (for the earlier period, any detailed maps of this territory are unknown to the authors) showed that after the annexation of the Crimea by the Russian Empire at the end of the 18th century there were one or four significant settlements at the end of the 18th century and up to 13 at the turn of the 19th–20th centuries in this area.

At the same time, in the 20th–21st centuries, during the archaeological work, more than two dozen sites, mainly ancient, to a lesser extent medieval, were found on the territory of the Adzhiel gully. In addition, a significant number of spots of pottery fragments, where ancient settlements may also be located, have been revealed. All this suggests that the development of the territory in ancient times was higher, and the population was, probably, larger than in the late Middle Ages and the present.

Keywords: archaeology, Eastern Crimea, Adzhiel natural boundary, old maps, antiquity, Middle Ages

---

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 180–239
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 180–239
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-180–239

«ИМПОРТЫ» ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ II–I вв. до н.э.

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В работах последних десятилетий рассматривается целый ряд категорий инвентаря погребений кочевников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э., не имеющих прототипов в материальной культуре предшествующего времени. Они рассматриваются как восточные инновации и связываются с уходом ряда кочевых группировок от северо-западных границ Китая на запад вначале в Среднюю Азию, где под их ударами пало Греко-Бактрийское царство, а затем и далее на запад, вплоть до Нижнего Поволжья.

Проведенный в работе анализ археологических материалов не дает оснований говорить о попадании изделий южно-сибирского (забайкальского) происхождения в погребения кочевников Азиатской Сарматии. Вместе с тем очевидно, что в некоторых погребениях Нижнего Поволжья, датирующихся в рамках конца II–I в. до н.э., встречаются отдельные предметы, как правило, статусного облика (массивные золотые украшения: гривны

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник, Германского археологического института.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФФИ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Э.Р. Чиняковой (Астрахань, АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград), Е.Ю. Новиковой, К.Б. Фирсову (Москва, ГИМ), О.А. Халяпиной (ОГИКМ, Оренбург), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), М.К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ), С.Л. Воробьевой (НМРБ, Уфа), Б.Ш. Менкеновой (НМРК, Элиста).

и браслеты, поясные пластины), в большинстве своем с утратами и со следами древнего кустарного ремонта, которые можно рассматривать как предметы, привезенные кочевниками из Центральной Азии. Нельзя, впрочем, исключать и роль межплеменных браков элиты кочевников в распространении таких вещей, тем более что по крайней мере часть из них в Поволжье была найдена именно в женском погребении № 8 кургана № 55/1954 у с. Калиновка.

В некоторых случаях можно также говорить об определенных восточных влияниях в оформлении поясных пряжек, чем-то похожих на отдаленные прототипы из Монголии и Забайкалья.

В целом есть все основания для предположения о миграции какой-то группы (групп) кочевников из Центральной Азии в степи Нижнего Поволжья и их возможном участии в событиях, связанных с падением Греко-Бактрийского царства. Судя по количеству предметов, рассмотренных в этой статье, число мигрантов не была значительным, что соответствует и наблюдениям других исследователей, основанных на анализе погребального обряда. Замечу, что для рассматриваемого времени имеются лишь редчайшие примеры того, как вещи попадали с запада на восток (вероятно, также через евразийские степи). Однако рассматривать перемещение указанных выше предметов с востока на запад и с запада на восток как отражение экономических связей по Шелковому пути, как я уже отмечал в других работах, не приходится.

Ключевые слова: хунну, Забайкалье, Южная Сибирь, Центральная Азия, Азиатская Сарматия, Нижнее Поволжье, поясные пластины из золота, бронзы, гагата, статусные золотые украшения

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья представляет собой заключительный обзор в серии публикаций о восточных и южных «импортах» в погребальных памятниках Азиатской Сарматии. Опубликованные недавно статьи посвящены импортам из Китая¹ и Парфии². В данной же работе рассматриваются «импорты» из Центральной Азии и Сибири. Тот факт, что слово импорты взято в кавычки, не случаен, поскольку речь, как и в предыдущих работах, пойдет не только об импортных предметах, влияниях и заимствованиях, но и о тех вещах, которые ранее считались импортами, но в результате проведенного исследования таковыми не оказались.

В целой серии своих работ, написанных в два последних десятилетия, А.С. Скрипкин рассматривает некоторые категории вещей из сарматских погребений II–I вв. до н.э. юга Восточной Европы, обнаруживающих близкие аналогии в памятниках Центральной Азии: различные типы мечей, бронзовые ажурные, решетчатые и гагатовые поясные пряжки, глиняные кубические курильницы, миниатюрные копии котлов, колчанов с луками. Распространение этих вещей (наряду с некоторыми инновациями в погребальном обряде, имеющими восточные параллели, в частности, захоронения в колодах, конструкция которых близка колодам, используемым в погребальной практике населения Тувы последних веков до нашей эры), связывается с уходом ряда кочевых группировок от северо-западных границ Китая на запад в связи с агрессивной политикой хунну и продвижением

¹ Трейстер 2018а, 153–200.

² Трейстер 2018б, 109–201.

кочевников на запад вначале в Среднюю Азию, где под их ударами пало Греко-Бактрийское царство, а затем и далее на запад вплоть до Нижнего Поволжья³.

В последние годы эта тема неоднократно поднималась и другими исследователями, прежде всего в связи с анализом бронзовых ажурных и решетчатых, а также гагатовых поясных пряжек, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии⁴, а также погребального обряда, в частности, погребений с повозками⁵. Не меньшей интерес в данной связи вызывает и анализ некоторых видов украшений, на которые также уже обращалось внимание⁶.

У. Броссесдер, посвятившая специальное исследование пряжкам Евразии, приходит к следующему выводу. С одной стороны, она, отмечая, широкое распространение гагатовых пряжек в Евразии, указывает, что «the dissemination cannot be explained by migration, i.e. a lasting change of residence, since the burial customs as well as other elements, such as pottery are of local style»⁷. С другой – указывается на то, что «The existence of the same belt type with rhomb ornament (Fig. 6) points to a more direct connection, possibly throws light on the actors involved in these interaction processes, probably through the mobility of those warriors. Compared with the numerous findings in northern Mongolia and Transbaikalia also the isolated occurrence of such belt plaques in Central Asia might speak for mobility. With these plaques however also the transfer of an idea is reflected since most likely at least some of them were locally manufactured». Чем в данном случае отличается миграция от «мобильности» не очень понятно. В другом месте в той же работе также подчеркивается, что воины, носившие рассматриваемые пряжки в разных регионах Евразии, «are not foreigners», что логично должно было бы опровергать миграционное объяснение. «Nevertheless they were wearing the same type of belts and thus using the same status symbol to display their rank. Since also the belts were locally made, as they show variation, this fact can only be explained by intensive communication and contact. With these plaques a connection between “Xiongnu” in the east and “Sarmatian” warriors in the west becomes visible»⁸.

В любом случае рассматривается вопрос о том, как такие пряжки оказались в Центральной Азии. И предлагается два объяснения – и «мобильность», и «трансфер идей», который привел к местному производству какой-то части таких пряжек⁹. Впрочем, мне не совсем ясно, как мог происходить «трансфер идей» между кочевниками на обширных пространствах Евразии без непосредственного контакта и каким образом (без физического перемещения носителей пряжек) могли осуществляться «intensive communication and contact» между культурами сюнну на востоке и сарматами на западе.

В то же время исследовательница отмечает и существование связей между Центральной Азией и Поволжьем – «Since there, at the same time, are also those

³ Скрипкин 2000, 17–40; 2014, 218–222; 2015, 106–111; 2017, 151–159; 2019, 20–34; Скрипкин, Клепиков 2004, 99–100.

⁴ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 141; Brosseder 2011, 349–424; Мордвинцева 2011, 349; 2015, 116; Глебов 2016, 69–79, Раев 2017; Власкин и др. 2018, 61.

⁵ Раев, Дворниченко 2014, 170–174, Клепиков 2017, 20–35.

⁶ Мордвинцева 2003, 51–52; 79; 2007, 228–230, 238, Treister 2004, 306–307; Трейстер 2007а, 130.

⁷ Brosseder 2011, 414.

⁸ Brosseder 2011, 364.

⁹ Brosseder 2011, 414.

frame buckles with camel depiction are found (Fig. 35), one can see that the region north of the Amu-Darya is well connected with the Volga region»¹⁰, впрочем, оставляя открытым вопросом о том, каким образом такие связи осуществлялись.

Если, по мнению А.С. Скрипкина, отмеченные выше «восточные инновации» позволяют ставить «вопрос о возможной миграции центральноазиатского кочевого населения в степной регион юга Восточной Европы»¹¹, то, как считает Б.А. Раев, речь идет о миграции населения из Забайкалья в Нижнее Поволжье, «промежуточным пунктом» которой «были степи к северу от Амударьи», причем «процесс этот был достаточно кратковременным, в нем участвовали не более двух, много – трех поколений переселенцев, что отразилось в сохранении не только отдельных традиций погребальной практики, но и в прямом переносе части вещей»¹².

Поскольку в большинстве случаев подробный археологический анализ и сопоставление предполагаемых восточных прототипов (параллелей) находкам из Азиатской Сарматии не проводились, а связь просто постулировалась, исходя из внешнего сходства предметов, постараемся подробно проанализировать сами археологические памятники.

1. ПРЯЖКИ И ПОЯСНЫЕ ПЛАСТИНЫ

1.1. Ажурные поясные накладки (пряжки) прямоугольной формы с крючком и отверстиями на рамке

1.1.1. Поясные накладки с решетчатым декором

Такая накладка прямоугольной формы с ажурным решетчатым орнаментом из железа, обтянутого золотой фольгой, с шестью отверстия (в углах, в центре одной из длинных сторон и в центральной части) была найдена на крестце погребенного в датированном около середины¹³ или возможно конца¹⁴ I в. до н.э. погребении № 12 кургана № 5/1974 могильника Кривая Лука-VIII. Железными гвоздиками накладка крепилась к ажурной деревянной основе. Декоративная часть накладки образована продольной перекладиной, разделяющей пряжку пополам, и четырьмя коленчатыми перемычками по обеим ее сторонам, соединяющими продольную ось с длинными сторонами рамки. У правого края пряжки имеется вырез для ремня, а к рамке справа от выреза крепился боковой крючок из железа¹⁵. Исследователи предполагали, что подобная же накладка была най-

¹⁰ Brosseder 2011, 414.

¹¹ Скрипкин 2017, 158.

¹² Раев 2017, 303–304. Для сравнения, в работе 2014 г. на основании анализа погребального обряда одного из погребений в Косике, автор приходит к выводу о том, что «подобные захоронения II–I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и Подонье появились вместе с носителями этой традиции из Центральной Азии» (Раев, Дворниченко 2014, 172–173).

¹³ Дворниченко и др. 2008, 239.

¹⁴ Демиденко, Демиденко 2012, 84.

¹⁵ Дэвлет 1980, 12 (с ошибочной датировкой погребения II в. до н.э.), 18 («бронзовая, покрытая тонким листовым золотом с железным язычком»); Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989а, 6 (ошибочно названа «бронзовой позолоченной»); Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 174–175; Дворниченко и др. 2008, 239–241, рис. 1; Shu Takahama 2012, 24, fig. 1, 4; 25, no. A-4; Скрипкин 2014, 219, 220, рис. 1, 4; 2019, 23, 29, рис. 3, 7.

1

2

Рис. 1. Бронзовые пряжки с изображением верблюда. 1 – Могильник Ново-Калкашевский-II. Кургan № 2/1990. Погребение № 5. Уфа, НМРБ, инв. № ОФ 17013/17. 2 – Могильник Донской. Кургan № 1/1991. Погребение № 21. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 21728. Фото, 1 – М.Ю. Трейстер, 2015; 2 – РОМК

дена и в погребении № 1/1984 в Косике¹⁶, сопоставив обе с бронзовыми пряжками, найденными в Ордосе и на территории Южной Сибири. Если по форме и декору пластина из Кривой Луки действительно близка некоторым из них (при этом укажем, что все они литые, бронзовые и являются именно накладками, т.е. не имеют никакого бокового крючка и выреза для ремня¹⁷), то единственный признак пластины из Косики – это ажурный характер и использование перемычек, изгибающихся под прямым углом. Сама форма предмета из Косики не позволяет сравнивать его с бляхами из Ордоса и Южной Сибири.

Подобная же фрагментированная, но бронзовая ажурная прямоугольная пряжка с решетчатым декором происходит из датированного в рамках II–I вв. до н.э. мужского погребения № 9 кургана № 1/1993 у с. Питерка – портупейная пряжка фиксировалась к основе из кожи при помощи тонких кожаных ремешков¹⁸. В отличие от пряжки из Кривой Луки, боковые перемычки образуют не прямые углы, а острые – вершинами в сторону крючка. Аналогии такому декору среди поясных блях из Ордоса и Южной Сибири мне не известны, хотя авторы публикации и сопоставляют ее с поясными пластинами из Южной Сибири¹⁹.

Итак, очевидно, что называть находки из Кривой Луки, Косики и Питерки – ордосскими бляхами невозможно, хотя так же очевидно, по крайней мере, в случае с пряжкой из Кривой Луки, что в качестве прототипов ее декора действительно выступали поясные пластины, получившие распространение в Монголии и Забайкалье.

1.1.2. Бронзовые поясные пряжки и накладки с изображениями лежащего двугорбого верблюда

Пряжки и накладки этой серии (у последних отсутствуют крючки²⁰) (рис. 1) изготовлены только из бронзы. Их находки происходят из десяти комплексов²¹, из которых лишь два – в Центральной Азии (Бабашовский могильник в Северной Бактрии²² и могильник Шаштепа на территории Ташкента²³), еще одна пряжка –

¹⁶ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 174–175, рис. 20, 1; Ляхов, Мордвинцева 2000, 107; Дворниченко и др. 2008, 240.

¹⁷ Ср. Дэвлет 1980, 12, 25–26, № 63–77, табл. 15–17; Boardman 2010, 82–83, nos. 456–457, pl. 58; Jäger, Kansteiner 2011, 40–41, no. 42; Кат. Москва 2014, 64, справа внизу; Килуновская, Леус 2017, 96, рис. 4, 9–10; 2018a, 128, 136, рис. 4, 1; 2018b, 137–139, рис. 11, 6–7.

¹⁸ Ляхов, Мордвинцева 2000, 104, рис. 2, 4; 105, 107; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62, № 27, рис. 5, 5; Скрипкин 2006, 28, рис. 1, 26; 2014, 219, 220, рис. 1, 3; 2019, 23, 29, рис. 3, 6; Ляхов, Половинкина 2009, 205, рис. 9, 7.

¹⁹ Ляхов, Мордвинцева 2000, 107; Скрипкин 2000, 25; 2014, 219; 2019, 23.

²⁰ Из Бабашовского могильника и Белокаменки.

²¹ Королькова 1999, 76, рис. 4, 7–11; 79–80, 84, 88; Скрипкин 2000, 24–25, рис. 6А, 3–7; 6Б, 7–8; 2006, 13–14, рис. 1, 17–21, 24; 2019, 22, 28, рис. 2, 1–9; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62–63, рис. 4, 5–11; Королькова 2006, 90–91, 97–98, табл. 53, 7–11; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 7–11; Brosseder 2011, 384–388, fig. 35; 419, list 3b, nos. 1–8; Shu Takahama 2012, 27–28, C-1–5; fig. 3, 1–5; Засецкая 2015, 218, 219, рис. 27, 8–11; Глебов 2016, 70–73, рис. 1, 1–3; 2, 1–5. См. также аналогичную пряжку неизвестного происхождения, которая хранилась в собрании Л. Милденберга: Кат. Berlin 1983, 41, № 42; Кат. München 1996, 151, 152, № 124. Таким образом, нам известно десять пряжек и две накладки с изображением лежащего верблюда.

²² Мандельштам 1975, 116–117, 145, табл. 33, 8–9; 36, 7–8; Королькова 1999, 76, рис. 4, 7; 80; Горбунова 2001, 128, 137, рис. 5, 19; Богданов 2006, табл. LXXXII, 3–4; Королькова 2006, 91, табл. 53, 7; Филианович 2010, 208, рис. 5–6; 209; Brosseder 2011, 419, list 3b, no. 8; Shu Takahama 2012, 27–28, C-5; fig. 3, 5.

²³ Филианович 2010, 206–207, 208, рис. 2; 209–213.

на Южном Урале²⁴, а остальные в погребениях кочевников Азиатской Сарматии – в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону, датирующихся II–I вв. до н.э., возможно, появляясь еще в первой половине II в. до н.э.²⁵

У пряжки из погребения № 10 кургана № 11 могильника Красногоровка-III на Нижнем Дону²⁶ неподвижный язычок был утрачен в древности, все четыре угла с отверстиями для пришивания обломаны, сломы зашлифованы, а в средней части пробиты два новых отверстия. Это обстоятельство, а также место находки пряжки – в погребении у запястья руки – позволили предположить, что в данном случае бывшая пряжка служила гастагной²⁷.

Я исключаю из этой серии приписанные к ней некоторыми исследователями пряжки из частных коллекций, в том числе происходящие, с большой вероятностью, с территории Ирана пряжки с изображениями стоящего верблюда, т.к. у них на правой стороне рамки имеется вертикальный шпенек (в одном случае – крупный), позволяющий относить эти пряжки к другой, «парфянской» группе²⁸.

В погребениях находили по одной пряжке (накладке), за исключением двух накладок с отверстиями в углах (одной – со следами ремонта) из мужского погребения № 25 в ограде XIV Бабашовского могильника, на обоих представлен верблюд влево (накладки были найдены выше таза с обеих сторон позвоночника²⁹). Интересно, что обычно в таких случаях изображения на пряжках были представлены в зеркальной симметрии, как это имело место на пряжке с крючком и накладке из погребения № 3 кургана № 7/1988 у с. Белокаменка, при этом пластина из Белокаменки – единственная, на которой верблюд изображен вправо³⁰, на всех остальных, включая пряжку из Белокаменки, верблюд представлен в профиль влево.

Распределение пряжек с концентрацией их находок на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье с единичными экземплярами на Южном Урале и в Северной Бактрии как будто бы противоречит высказывавшимся неоднократно предположениям об их восточном (сибирском или урало-казахстанском происхождении)³¹ и скорее свидетельствует о различных центрах их производства в Евразии³², тем более, что одна из блях, найденных в Бабашовском могильнике, имеет следы ремонта, а фрагментированная пряжка из Шаштепа была сломана в древности и найдена в

²⁴ В список У. Бросседера не была включена пряжка из Шаштепа (см. выше), а также эта пряжка из погребения № 5 кургана № 2 могильника Ново-Калкашский-II на Южном Урале: Акбулатов 1998, 122, 132, рис. 5, 2; Глебов 2016, 72, рис. 2, 1; 73–74. Пряжка из Шаштепа также не включена в сводку В.П. Глебова. Еще более неполные материалы, опубликованные Е.Ф. Корольковой.

²⁵ Глебов 2016, 73–74.

²⁶ Королькова 1999, 76, рис. 4, 8; 79; 2006, 91, табл. 53, 8; Cat. Paris 2001, 143, no. 132; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 8; Филанович 2010, 210; Brosseder 2011, 419, list 3b, no. 3; Shu Takahama 2012, 27, C-3; fig. 3, 3; Засецкая 2015, 219, рис. 27, 10; Беспалый, Лукьяшко 2018, 184, № 2, рис. 99, 3; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 4.

²⁷ Глебов, Бабешко 2012, 284–285; Глебов 2016, 71, рис. 1, 3; 72–73.

²⁸ Королькова 1999, 76, рис. 4, 12–13; 2006, табл. 53, 12–13; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 12–13; Brosseder 2011, 420, list 3b, nos. 9–11.

²⁹ Мандельштам 1975, 92, рис. 50.

³⁰ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 138, 146, рис. 4, 17; Королькова 1999, 76, рис. 4, 9; 79; 2006, 91, табл. 53, 9; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62, № 19, рис. 4, 5–6; Korolkova 2006, 199, 202, fig. 5, 9; Brosseder 2011, 387, 388, fig. 38, 2–3; 419, list 3b, no. 1; Shu Takahama 2012, 27, C-1; fig. 3, 1; ; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 1.

³¹ Королькова 1999, 84; 2006, 93; Скрипкин 2006, 13–14; Засецкая 2015, 218.

³² Скрипкин 2019, 23.

женском погребении, где она использовалась в качестве застежки ворота³³. Таким образом, по крайней мере у кочевников, оставивших свои погребения в Северной Бактрии и Чаче, эти пряжки были предметами явно неместного производства, вероятно, какое-то время находившиеся в использовании; ими, конечно, дорожили. Интересно, что в отличие от других пряжек, найденных в погребении Бабашовского могильника и изготовленных из латуни, рассматриваемые накладки – бронзовые с содержанием в сплаве олова 4–6% и свинца 0,5–1,9%³⁴. Можно ли считать эти находки из погребений кочевников в Северной Бактрии и Чаче более ранними, чем пряжки и накладки из Нижнего Поволжья и Подонья, которые рассматриваются как подражание восточным образцам³⁵, – непростой вопрос. Хотя М. Филанович и датирует погребение из Шаштепа III в. до н.э.³⁶, но основания этой датировки не прослеживаются, тем более что сам автор отмечает и близость комплексов из Шаштепа и Бабашовского могильника, который А.М. Мандельштам датировал в пределах последней трети II–I вв. до н.э.³⁷, и отмечает, что погребения в Шаштепе были перекрыты архитектурно-строительным комплексом II в. до н.э. – III в. н.э.³⁸ Все это не исключает отнесение комплекса из Шаштепа ко II в. до н.э.

1.1.3. Бронзовые поясные накладки (пряжки) с изображением одиночных животных

Две бронзовые ажурные пластины прямоугольной формы с вписанными изображениями драконов из погребения № 4 кургана № 8/1977 могильника Донгулюк-II в Западном Казахстане (рис. 2), вероятнее всего, следует рассматривать не как пряжки, а как поясные накладки, они нелитые, изготовлены из довольно тонкого листа, на рамках отсутствует шпенок или крючок³⁹, а округлые отверстия или их следы в углах свидетельствуют о том, что они нашивались на ремни. С.Ю. Гуцалов затруднился найти аналогии пластинам⁴⁰, мне также не удалось это сделать, несмотря на использование практически всех основных публикаций по ордосским поясным пластинам. Хотя восточный облик изображения сомнения не вызывает, о точном происхождении пластин можно только гадать.

Фрагментированная пряжка – из погребения № 7 кургана № 4 в Старице в Нижнем Поволжье⁴¹ – имеет неясное изображение в рамке (тигра влево?), у которой обломана передняя и задняя часть, поэтому не известно, были ли на боковых сторонах рамки крючок и шпенок.

³³ Филанович 2010, 206.

³⁴ Мандельштам 1975, 92; Богданова-Березовская 1975, 196–197, табл. 4, анализы № 412–63, 413–63.

³⁵ Скрипкин 2019, 23.

³⁶ Филанович 2010, 213.

³⁷ Мандельштам 1975, 144, 146; Горбунова 2001, 142–143.

³⁸ Филанович 2010, 206.

³⁹ Гуцалов 2009, 106, № 5; 109, рис. 2, 10–11; 110, 112, рис. 3, 1–2; Гуцалов, Марыксин 2011, 195, № 5; 196, рис. 2, 3–4; 197, рис. 3; 203; Gutsalov 2012, 33, 35, fig. 3, 6–7; Глебов 2016, 71–73, рис. 2, 9–10; Скрипкин 2019, 23, 29, рис. 3, 1–2. Изображение пунктиром загнутого шпенька на прорисовке одной из пластин в публикациях С.Ю. Гуцалова – не более, чем творческая фантазия художника.

⁴⁰ См., Гуцалов 2009, 110; Gutsalov 2012, 45.

⁴¹ Смирнов 1976, 82, 86, рис. 6, 14; Богданов 2006, табл. LXXXII, 8; Brosseder 2011, 420, list 3e, no. 1 (ошибочно указано, что случайная находка); Глебов 2016, 72, рис. 2, 12; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 15.

Рис. 2. Бронзовые пряжки с изображением дракона. 1 – Могильник Донгулюк-Ш. Курган № 8/1977. Погребение № 4. Уральск, ЗКОИМК, инв. № 3746/19. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

1

2

3

Рис. 3. Бронзовая пряжка с изображением схватки животных. Могильник Писаревка-II. Курган № 6/2000. Погребение № 2. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31453/4. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

1.1.4. Бронзовые поясные пряжки с изображениями схватки животных

Рассматриваемые пряжки и пластины по своей конструкции аналогичны пластинам с изображением лежащего верблюда и отличаются лишь сюжетом изображения в рамке – сценой нападения тигра, изображенного слева, на верблюда⁴². Область распространения этих пряжек⁴³, однако, отличается – до сих пор самые крайние западные находки таких пряжек происходят с территории Нижнего Поволжья (на Нижнем Дону они не известны), находки рассредоточены также на территории Южного Урала, Зауралья и степей Западного Казахстана, а также в Бактрии и Согде. В настоящее время известно девять таких пряжек – к наиболее полной сводке У. Бросседера следует добавить пряжку из погребения № 1 кургана Жусандый в Западном Казахстане, раскопанного в 2009 г.⁴⁴

Области распространения рассмотренных выше двух основных групп пряжек (накладок) с изображением лежащего верблюда и нападения тигра на верблюда показывают в целом, что основная концентрация находок таких пряжек приходится на Нижнем Поволжье и Подонье, менее представительная группа происходит с территории Северной Бактрии и Согда, при том, что пряжки с изображением верблюдов получили довольно широкое распространение и в Нижнем Подонье, а пряжки со сценой терзания – на территории Казахстана. Кроме того, отдельные находки пряжек двух групп происходят с территории Южного Урала и Зауралья (рис. 4, 1). Эти наблюдения вряд ли позволяют рассматривать их как предметы восточного импорта, откуда бы он не происходил, тем более что точных сюжетных параллелей нет ни в Сибири, ни в Северном Китае, а поясные пластины Ордоса и Южной Сибири были именно накладками на пояс, а не пряжками, т.е. не имели боковых крючков. При несомненном восточном влиянии на сам принцип ажурного изображения в прямоугольной рамке и в определенной степени сюжетов, породивших моду у кочевников на такие предметы, есть все основания предполагать, что сами пряжки могли изготавливаться в различных областях Азиатской Сарматии, в том числе и в Центральной Азии, и в Нижнем Поволжье, и в Нижнем Подонье⁴⁵.

1.2. Бронзовые пряжки в форме прямоугольных рамок с ажурными изображениями, с выступом-крючком спереди на рамке, и со шпеньком – сзади

Фрагментированная пряжка рассматриваемого типа с изображением в рамке всадника в профиль влево происходит из погребения № 11 кургана № 3/1961 могильника Мечетсай в Южном Приуралье (рис. 5).

⁴² Обельченко 1992, 182–186, Королькова 1999, 78, рис. 6, 1–6; 79, 84–88; 2006, 90–91, 93–98, табл. 55, 1–6; Скрипкин 2000, 24–25, рис. 6А, 8–9; 6Б, 9–11; 2006, 13–14, рис. 1, 22–23, 25; 2019, 22, 28, рис. 2, 11–13; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 62–63, рис. 4, 12–13; 5, 1; Богданов 2006, табл. LXXXII, 1–2; Korolkova 2006, 199, 204, fig. 7, 1–6; Brosseeder 2011, 384–388, fig. 35; 419, list 3a, nos. 1–8; Shu Takahama 2012, 26–27, B-1–6; fig. 2, 1–6; Глебов 2016, 72–74, рис. 2, 6–8.

⁴³ Brosseeder 2011, 385, fig. 35.

⁴⁴ Лукпанова 2012, 147; Самашев 2013, 128, рис. 270; Kat. Bochum 2013, 774, Nr. 522.

⁴⁵ Скрипкин 2000, 25; Глебов 2016, 74–75.

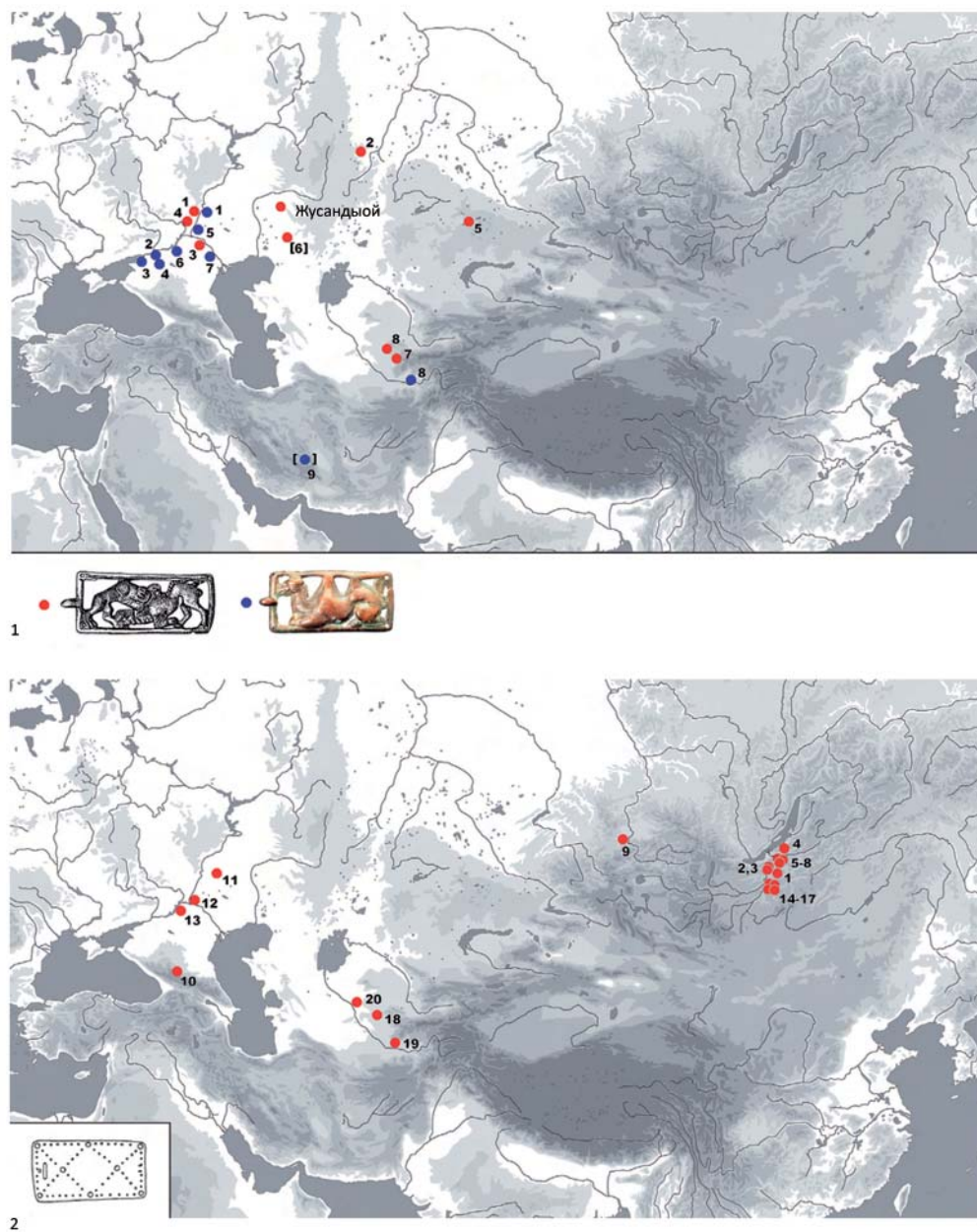

Рис. 4. Распространение пряжек в Евразии. 1 – бронзовые пряжки с изображением схватки животных и верблюдов, 2 – прямоугольные поясные пластины с точечным геометрическим декором. 1 – по: Brosseder 2011, 385, fig. 35 (с добавлением пряжки из Жусандыой); 2 – по: Brosseder 2011, 359, fig. 6

1

2

Рис. 5. Бронзовая пряжка с изображением всадника. Могильник Мечетсай. Курган № 3/1961. Погребение № 11. Оренбург, ОГИКМ, инв. № Ором 7178/446. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

У. Бросседер сравнивает пряжку из Мечетсая⁴⁶ с парфянскими пряжками с изображением всадников, отмечая ее особенную близость пряжке из собрания Фаруги⁴⁷. Между тем отличительной особенностью парфянских пряжек с изображением всадников являются не только крючок спереди и крупный круглый в сечении шпенок сзади на рамке, но и выполненные в рельефе кружки (имитация кастов?), расположенные в углах пряжек⁴⁸. Хотя пряжка из Мечетсая сохранилась не полностью, тем не менее в двух сохранившихся углах таких кружков нет. Таким образом, несмотря на близость конструкции и сюжета, пряжку из Мечетсая вряд ли можно относить к этой группе, а уж тем более рассматривать как парфянскую. Обращает на себя внимание и несколько примитивное исполнение фигуры всадника на пряжке и иная поза всадника, с левой рукой положенной на круп коня. Интересно, что при этом голова всадника развернута фронтально.

К этой же группе относят и фрагментированную пряжку из кургана № 9 группы III могильника Дуана на Устюртском плато⁴⁹, у которой, как и у пряжки из Мечетсая, сохранилась правая часть со шпенем на закругленной рамке с неясным изображением в центре. Еще одна пряжка этого типа (прямоугольная с крючком слева на рамке и шпенем – справа) была найдена в Северо-Западной Туркмении, на верхнем Узбое, в могильнике Дордуль, датированном в рамках IV–II вв. до н.э.⁵⁰ В центральной части прямоугольной рамки изображен бюст мужчины *en face*. Поскольку пряжка публиковалась только в виде довольно грубого рисунка, трудно получить полное представление о ее художественных достоинствах, однако складывается ощущение о довольно примитивном исполнении. Композиция в какой-то степени напоминает известные парфянские пряжки, у которых в рамке изображен не один, а два обнимающихся бюста⁵¹.

Пряжка из могильника Нагорненский в Западном Казахстане представляет изображение лежащего горного барана с развернутой *en face* головой⁵². Четко проработанный крупный шпенок позволяет ставить эту в пряжку в один ряд с пряжками парфянских типов, упомянутых выше. Сюжет изображения не характерен для известных парфянских пряжек, хотя и на них встречаются одиночные изображения животных, например, коня влево⁵³, или верблюда вправо⁵⁴, или животного

⁴⁶ Смирнов 1975, 100, 101, рис. 34, 9; Brosseder 2011, 389, 390, fig. 40, 2; 420, list 3d, no. 1; Shu Takahama 2012, 29, no. F-1; 30, fig. 6, 1; Глебов 2016, 72, рис. 2, 14; 75; Скрипкин 2019, 22, 28, рис. 2, 10.

⁴⁷ Ghirshman 1979, pl. II, 1, 2; III, 2; Curtis 2001, 306, pl. XII; Brosseder 2011, 389, fig. 39, 2–4; 420, list 3d, nos. 3–9.

⁴⁸ Ghirshman 1979, pl. II, 1–4; III, 2–4; Collon 1995, fig. 159 (вверху); Curtis 2001, 306, pl. XII; Winkelmann 2003, 119, Abb. 7.

⁴⁹ Ягодин 1978, 102, рис. 28, II; 103; Shu Takahama 2012, 29, no. F-2; 30, fig. 6, 2.

⁵⁰ Юсупов 1975, 50–51, рис. 22, 5; Ягодин 1978, 103; Вайнберг, Юсупов 1992, 127, табл. 50, VI; Shu Takahama 2012, 30, no. F-4; fig. 6, 4.

⁵¹ Ghirshman 1979, pl. I; III, 1; Collon 1995, fig. 159 (внизу); Curtis 2001, pl. XIIIb.

⁵² Cat. Mantua 1998, 159, no. 216 (с ошибочной датировкой VI–V вв. до н.э.); Cat. Washington 2006, 105, no. 25; Brosseder 2011, 420, list 3e, no. 3 (ошибочно отнесена к предметам без археологического происхождения – Нагорненский – это не коллекция, а могильник – пряжка происходит из спасательных раскопок курганов на левом берегу р. Илек северо-западнее Актюбинска в 1981–1982 гг.: см. о раскопках: Курманкулов 2007, 98–99; Гуцалов 2013, 108).

⁵³ Ghirshman 1979, pl. II, 3–4.

⁵⁴ Ghirshman 1979, pl. II, 5.

с повернутой назад головой⁵⁵. Ближайшая параллель сюжету, представленному на пряжке, имеется на парных пряжках на статуе Санатрука II из храма Шамаша в Хатре⁵⁶, а также на золотом двухчастном пластинчатом браслете с шарнирным соединением из кургана у с. Тузлуки в Нижнем Подонье⁵⁷.

Я против отнесения к этой же группе пряжек (list 3d) и фрагментированной пластины из Кампыртепа⁵⁸, у которой на сохранившейся правой стороне рамки не наблюдается никаких признаков круглого в сечении шпенька.

1.3. *Поясные пластины из гагата*

Поясные пластины из гагата прямоугольной формы со вставками, украшенные инкрустацией в виде гвоздиков из золота или бронзы, вставленных в отверстия, образующие крестообразные фигуры, известны по находкам из Нижнего Поволжья в мужских воинских погребальных комплексах II–I вв. до н.э.: кургане № 27/1964 у с. Жутово в Волго-Донском междуречье (рис. 6)⁵⁹ и погребении № 1 кургана № 9/1993 у с. Питерка в Саратовском Заволжье⁶⁰ (вместе с рассмотренной выше бронзовой пряжкой с решетчатым декором).

Близкую форму и систему декора имеет пара роговых пряжек из мужского погребения № 13 кургана № 1/1954 у с. Верхнее Погромное. Пластины инкрустированы чередующимися продольными рядами железных и бронзовых гвоздиков, образующих почти регулярную сетку из прямоугольников⁶¹.

О сходстве прямоугольных инкрустированных гагатовых пластин с находками из памятников хунну Южной Сибири и из курганов Бухарского оазиса и среднего течения Сыр-Дарьи уже неоднократно писалось (рис. 4, 2). Находки из Нижнего Поволжья при этом рассматриваются как принесенные с миграцией с востока из Южной Сибири через Центральную Азию⁶². У Бросседер не исключала местное

⁵⁵ Происхождение неизвестно, Британский музей: Curtis 2001, pl. XIIIa. – 2. Могильник Галекути II. Дайламан, Гилян, Иран: Sono, Fukai 1968, pl. 77, 8; Обельченко 1978, 71, рис. 1, 4; 74; Brosseder 2011, 420, list 3e, no. 2; Shu Takahama 2012, 30, no. F-5; fig. 6, 5.

⁵⁶ Safar, Mustafa 1974, pl. 4; Curtis 2001, 303, type c; 304, fig. 2b.

⁵⁷ Bessaly 1986, 75, no. 1, pl. 60, 1; Cat. Tokyo 1991a, 86, no. 81; Kat. Zürich 1993, 272, Nr. 145; Cat. Daoulas 1995, 92, 94, no. 118; Guguev 1996, 59; Cat. Paris 2001, 181, no. 200; Treister 2002, 365; Kat. Frankfurt 2003, 121–122, Nr. 87; Мордвинцева 2003, 91, № 80, рис. 34; Fless, Treister 2007, 176, Abb. 7, 9; Трейстер 2007а, 149; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 89, № 280.2, табл. 20, 42; рис. 45; Засецкая 2011, 120–121, рис. 57а.

⁵⁸ Pyasov, Rusanov 1998, 110, 149, fig. VII, 4; Cat. Tokyo 1991b, 167, no. 287; Лунева 2001, 120–121, 124, рис. 2, 7; 128, рис. 6, 32; Пилипко 2001, 294, рис. 2, 6; Curtis 2001, 307; Brosseder 2011, 390, note 61, 420, list 3d, no. 2; Shu Takahama 2012, 30, no. F-3; fig. 6, 3.

⁵⁹ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 139, рис. 6, 7; Скрипкин 2000, 25, рис. 6А, 2; 2006, 13, рис. 1, 28–29; 2014, 218; 2019, 23, 29, рис. 3, 3–4; Клепиков, Скрипкин 2002, 74, рис. 5А, 2, 3; Shu Takahama 2002, 53, pl. 2, 17; Скрипкин, Клепиков 2004, 98, рис. 4, 9–10; Скрипкин, Шинкарь 2010, 130, рис. 4А, 6; Мордвинцева 2011, 350; Brosseder 2011, 362, fig. 11, 5–6; 387, note 56; 421, list 4, no. 13; Клепиков 2016, 106; Раев 2017, 292, 295, рис. 1, b; 2, 1.

⁶⁰ Ляхов, Мордвинцева 2000, 104, рис. 2, 2; 105, 107; Клепиков, Скрипкин 2002, 60, 63, № 27, рис. А, 4; Shu Takahama 2002, 53, pl. 2, 16; Скрипкин 2006, 28, рис. 1, 27; 2019, 23, 29, рис. 3, 5; Ляхов, Половинкина 2009, 205, рис. 9, 5; Brosseder 2011, 364: ошибочно названа «агаговой!»; Раев 2017, 295, 296, рис. 3, 5.

⁶¹ Шилов 1975, 47, рис. 36; Раев 2017, 295, 296, рис. 3, 4.

⁶² Скрипкин 2000, 25; 2014, 28; 2019, 23; Brosseder 2011, 357–364, figs. 6–11; 414, 421, list 4; Вдовченков 2016, 175; Раев 2017, 291–305.

Рис. 6. Пластины поясные из гагата. Могильник Жутово. Курган № 27/1964. Погребение № 4. Волгоград, ВОКМ, инв. № 12189. Фото М.Ю. Трейстер, 2015

изготовление таких пряжек из Центральной Азии, что вызвало критику Б.А. Раева, указавшего как на отсутствие в этом регионе месторождений гагата, так и на отсутствие здесь прототипов таких пряжек⁶³. Впрочем, У. Бросседер, справедливости ради, не отрицала и возможность того, что такие пряжки могли попасть в Центральную Азию из Забайкалья.

В любом случае нельзя не обратить внимание на то, что среди материалов из Южной Сибири и Забайкалья преобладали пряжки, сделанные не из гагата, а из сланца – во всяком случае, так определяется этот минерал в большинстве публикаций⁶⁴. Б.А. Раев справедливо обращает на это внимание, называя эту диспро-

⁶³ Раев 2017, 301.

⁶⁴ Давыдова 1996, 58, табл. 40, 3; Миняев 2007, 34, 35, рис. 17, 6.

порцию «странной»⁶⁵. Предположение о южносибирском / забайкальском происхождении пластин, найденных в Нижнем Поволжье, подкрепляется, по мнению автора, сходством некоторых элементов погребального обряда и даже местоположением пластин в могилах (у коленных суставов погребенных) в Жутово и в некоторых погребениях в Забайкалье и в Центральной Азии⁶⁶ (заметим, что единственная пластина из Питерки была найдена на поясе погребенного). Косвенно предположение о статусном характере этих предметов, найденных в Поволжье, на мой взгляд, подтверждает тот факт, что пластина из Питерки имела следы изношенности и древнего ремонта.

Казалось бы, слабым звеном предположения о том, что найденные в Поволжье гагатовые пластины проделали со своими владельцами длительный путь, который занял время двух-трех поколений, из Забайкалья через Центральную Азию в Нижнее Поволжье, является не только то, что все пластины характеризуются набором различных индивидуальных признаков формы и декора и, будучи похожими, тем не менее не идентичны, а то, что именно в Центральной Азии все такие пластины сделаны из гагата, тогда как в Южной Сибири и Забайкалье – это скорее исключение, чем правило. Убедиться в этом можно, взглянув на составленную Б.А. Раевым карту, которая во многом близка карте, опубликованной в работе У. Бросседер (рис. 4, 2)⁶⁷, с важным добавлением – пластины из разных материалов отмечены Б.А. Раевым различными значками⁶⁸.

Гипотезу Б.А. Раева о том, что в Южной Сибири и Забайкалье практически нет пластин из гагата (при наличии необходимого для их изготовления сырья), потому что пряжки из гагата как статусные предметы были взяты своими владельцами в поход и перенесены далеко на запад⁶⁹, я комментировать не буду. Ей противоречат и недавно опубликованные материалы из Тувы – гагатовые пластины из могильников Ала-Тей и Терезин⁷⁰. Здесь подобные гагатовые пластины были найдены в нескольких женских погребениях второй половины II–I вв. до н.э., наряду с большими пластинами, по размеру и форме близкими жутовским, найденными в четырех погребениях этого могильника. В одном из погребений – пожилой женщины – был найден полный поясной набор, состоящий из большой пряжки-пластины, более мелких прямоугольных бляшек (2,5–3,0 x 4–5 см), одна из которых украшена Х-образным точечным декором, и кольца. Точечные углубления на гагатовых пластинах из Тувы заполнены цветными вставками из бирюзы, сердолика, коралла (?) и перламутра. Интересно, что встречаются и подобные бляхи, выполненные в бронзе. Такая поясная бляха была найдена в женском погребении могильника Цаган-Хушун 2b, комплекс № 4 в Прибайкалье⁷¹.

Также и в Дырестуйском могильнике (погребение № 52), в котором были найдены пластины (согласно публикации – из «глинистого сланца») в захоронении

⁶⁵ Раев 2017, 301.

⁶⁶ Раев 2017, 302–303.

⁶⁷ Brosseder 2011, 359, fig. 6.

⁶⁸ Раев 2017, 293, рис. 1a.

⁶⁹ Раев 2017, 304.

⁷⁰ Килуновская, Леус 2017, 96, рис. 4, 20; 99 (здесь как пластины «из глинистого сланца»); 2018a, 128, 136, рис. 4, 2, 6; 2018b, 140, рис. 13; 141–142 (материал определен в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа как гагат).

⁷¹ Харинский 2014, 32, 34, рис. 8, 12.

женщины 18–20 лет. Они были найдены «ниже таза...; одна из них орнаментирована точечными зигзагообразными линиями и лежала орнаментом вниз. Другая пластина неорнаментирована, ее короткую сторону окаймляла двойная низка костяных бантикообразных бус, которая продолжалась и далее ниже колен»⁷². И пластина с геометрическим декором из Иволгинского могильника происходит из потревоженного погребения № 139, при этом кости скелета определены как женские (?)⁷³.

В погребении № 32 могильника Калы на Среднем Енисее гагатовая пластина с углублениями для инкрустации была найдена со скелетами трех погребенных⁷⁴.

Вероятнее всего, также из гагата изготовлены пластины, найденные в женском погребении № 13 (в ногах), могильника Даодуньцзы в Северном Китае (в описании материала – «black polished stone»⁷⁵). В отличие от других пряжек у данных – углублений для инкрустации нет.

Лишь одна фрагментированная пряжка происходит из погребения мужчины около 50 лет, при этом она была найдена не *in situ*, в ограбленном погребении № 123 Дырестуйского могильника⁷⁶. На то, что рассматриваемые пластины в Забайкалье и на юге Сибири происходят в подавляющем большинстве случаев из женских погребений, обратила внимание У. Бросседер, указав на погребение № 123 Дырестуйского могильника как на исключение⁷⁷. Б.А. Раев, вероятно, считая это несущественным, данный факт не удостоил внимания.

Контекст находок гагатовых пряжек в Центральной Азии иной. Во-первых, здесь в погребениях найдено по две пластины. Во-вторых, пластины были найдены в воинских погребениях, и, в случаях с пластинами из погребений в курганах № 2 и 13 Кызылтепинского могильника, положение пряжек в могилах позволяло связывать их с портупейными ремнями⁷⁸, хотя высказываются сомнения по этому поводу и предполагается, что они могли быть поясными⁷⁹.

Следующий момент, на который до сих пор не обратили должного внимания, – материалы, использовавшиеся для инкрустации пряжек. Как уже отмечалось выше, точечные углубления на гагатовых пластинах из Тувы заполнены цветными вставками из бирюзы, сердолика, коралла (?) и перламутра. Пряжка из погребения № 6 могильника Каменка V на Среднем Енисее инкрустирована сердоликом и «белой пастой»⁸⁰. Мне не известно ни одного случая инкрустации таких пластин, найденных в Южной Сибири и Забайкалье, металлом.

⁷² Давыдова, Миняев 1993, 56, рис. 4, 2; Миняев 2007, 91, табл. 36, 1; Brosseder 2011, 359, fig. 7, 2–3.

⁷³ Давыдова 1996, 58, табл. 40, 3.

⁷⁴ Кузьмин 1988, 61, рис. 14, 34; 2011, 268, рис. 41, 34; Brosseder 2011, 360, fig. 8, 2; Раев 2017, 296, рис. 3, 2; 300.

⁷⁵ Kost 2014, 95, 207, nos. 10.15–16; pl. 89.

⁷⁶ Миняев 2007, 101, табл. 113, 8; Brosseder 2011, 360, fig. 9, 2; Раев 2017, 298, рис. 4, 4 (здесь с ошибочной ссылкой на табл. 36, 1); 300 (здесь с ошибочной ссылкой на табл. 113, 2).

⁷⁷ Brosseder 2011, 358; 364.

⁷⁸ Обельченко 1992, 42–43, 55–56.

⁷⁹ Пыасов, Rusanov 1998, 109; Ильясов 2015, 64.

⁸⁰ Пшеницына 1992, 232, табл. 94, 80; Раев 2017, 298, рис. 4, 1; 300.

Рассмотрим пряжки из Центральной Азии. Пряжка из кургана № 2 Кызылтепинского могильника инкрустирована бирюзой⁸¹. Каким материалом были инкрустированы оборотные стороны пластин из кургана № 21 могильника Жаман-Тагай на Средней Сырдарье, вопреки утверждению Б.А. Раева («Кажется, никто до А.Н. Подушкина не описывал тонкие отверстия с остатками металлических гвоздиков на обратной стороне пряжки как часть геометрического орнамента (Подушкин 2012: 42)»⁸², не известно. Ни слова об инкрустации металлическими гвоздиками нет ни в первой публикации⁸³, ни в статье А.Н. Подушкина⁸⁴, на которую ссылается Б.А. Раев. Он прав, критикуя А.Н. Подушкина за то, что тот ошибочно называет пластины из могильника Жаман-Тагай роговыми⁸⁵; в первой публикации они были названы пряжками «из смолы (?)».

Самая западная находка гагатовой пластины с инкрустацией из металла происходит из кургана № 13 Кызылтепинского могильника. Отмечается, что в углублениях имеются вставки из свинца (?) или олова (?)⁸⁶. Интересно, что вставками из сердолика, бирюзы, перламутра, а также серебряными и золотыми гвоздиками украшена поясная пряжка в форме овала со слегка вогнутыми длинными сторонами, прямым основанием и выпуклым внешним концом из многослойного рога, найденная в мужском погребении в катакомбе кургана № 3 могильника Культобе в Южном Казахстане⁸⁷. По мнению автора раскопок, погребенный – знатный воин сунну⁸⁸.

Странно, что, публикуя пряжку и рассуждая о ее аналогиях и прототипах, А.Н. Подушкин не упоминает ее ближайшую аналогию по форме и декору. Это также роговая пряжка, найденная слева в районе пояса в женском (?) погребении (с мечом и кинжалом) № 10 кургана № 6 саргатского могильника Абатский-III в Приишимье на юге Западной Сибири. Поскольку пряжка опубликована только в прорисовке, приводим ее описание: «слева над подвздошной костью между локтем и ребрами обнаружена большая роговая бляха, украшенная серебряными гвоздиками, вбитыми крест-накрест. У прямоугольного края бляхи высверлены три отверстия, у закругленного – вырезан прямоугольный паз, сохранивший следы бронзовой пластинки в виде окислов. По краю бляхи проходит рельефный бортик, украшенный зигзагообразным узором, выполненным мелкими ямками. С тыльной стороны гладкая заполированная поверхность бляхи украшена гравированными изображениями семейства кошачьих, хищника, бегущего зайца и головы оленя»⁸⁹. Н.М. Матвеева датирует погребения этого могильника II–IV вв. н.э.⁹⁰, хотя единственная радиоуглеродная дата для этого могильника – 2280±110 BP, т.е. примерно 370–150 гг. до н.э.⁹¹

⁸¹ Обельченко 1992, 42–43; Ilyasov, Rusanov 1998, 109–110, pl. 10, 1; Ильясов 2015, 64, илл. 1, цв. вклейка.

⁸² См. Раев 2017, 298, рис. 4, 5; 299.

⁸³ Максимова и др. 1968, 185–186, рис. 5; Ilyasov, Rusanov 1998, 109–110, pl. 10, 3.

⁸⁴ Подушкин 2012, 42.

⁸⁵ Раев 2017, 299, прим. 3.

⁸⁶ Обельченко 1992, 55–56.

⁸⁷ Подушкин 2012, 32–33, рис. 1, 5; 36–38; 40, рис. 5, 2.

⁸⁸ Подушкин 2012, 45–46.

⁸⁹ Матвеева 1994, 94, рис. 58, 8; 96; см. также Маслов 1999, 224, 234, рис. 2, 2.

⁹⁰ Матвеева 1994, 99–100; 2012, 70; 2017, 13.

⁹¹ Матвеева 2017, 13, рис. 5.

Таким образом, при всем сходстве гагатовых пластин-пряжек из Нижнего Поволжья и Южной Сибири и Забайкалья, очевидно, нельзя рассматривать поволжские находки как предметы, привезенные кочевниками из столь отдаленного региона, где они явно не выступали в качестве статусных предметов костюма знатных воинов, а были преимущественно элементами женского костюма; при этом, инкрустированы были бирюзой, сердоликом, перламутром, но не металлическими вставками. Лишь для находок из Центральной Азии (Бухарский оазис, среднее течение Сырдарьи) у нас есть свидетельства того, что такие пластины связаны с мужскими погребениями, будучи деталями портупейных или поясных ремней, и в этом регионе есть свидетельства использования не только сердолика, бирюзы и перламутра, но и металлических гвоздиков, которыми украшались как гагатовые, так и роговые бляхи. Наконец имеются свидетельства того, что такие пластины происходят из элитных комплексов.

Полагаю, что приведенные аргументы скорее позволяют рассматривать находки из погребений в Жутово и Питерке как предметы, проделавшие путь вместе со своими владельцами из Центральной Азии. Что касается пары роговых пластин из Верхнего Погромного, то, учитывая украшенные в аналогичной технике роговые пластины из могильников Культобе в Южном Казахстане и Абатский-3 на р. Ишим на юге Западной Сибири, их необязательно рассматривать как местное, выполненное в Поволжье подражание гагатовым пластинам – они также могут иметь центральноазиатское происхождение. Маловероятно, что это были подложки под металлические пластины⁹², тем более что они имеют декор в виде инкрустации.

1.4. *Р-образная золотая поясная пластина*

В погребении № 2 кургана № 5/1954 у с. Верхнее Погромное⁹³, которое датируют II – первой половиной I в. до н.э., была найдена золотая пластина Р-образной формы с изображением копытного (козла?) в профиль, с подогнутыми ногами⁹⁴. Перед животным изображена лапа хищника с двумя когтями. Бляха была сломана пополам и затем отреставрирована в древности с помощью медных скобок, скрепленных серебряными штифтами⁹⁵. Тело животного изначально украшали утраченные вставки (рис. 7, 2).

⁹² Ср. Раев 2017, 301.

⁹³ С нумерацией этого кургана происходит очевидная путаница. В некоторых изданиях он обозначен как курган № 1 (Cat. New York 1975, 125), в большинстве случаев – как курган № 2, в том числе в последних выставочных каталогах: Кат. Ст. Петербург 2008; Kat. Leoben 2009. Однако, в отчете В.П. Шиловой – как курган № 5.

⁹⁴ Шилов 1956, 44; Артамонов 1973, 184; The Dawn of Art 1974, pl. 71; Манцевич 1976, 175–176, рис. 10, 3; Mantsevich 1982, 471; Damm 1990, 242; Kat. Hamburg 1993, 162, 236–237, Nr. 154; Cat. Daoulas 1995, 44, no. 62; Invenizzi 1999, 87, pl. 13, e; Королькова 2001, 82; 2008, 20, рис. 7; 21–23; 2017, 51; Мордвинцева 2003, 51, 63–64, 78, 85, № 45, 135, рис. 20; 2007, 200–201, 214 (здесь – как Р-образная бляха), 222 (здесь – как В-образная бляха); 227; 237; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 18, № А32.4, рис. 31; Кат. Ст. Петербург 2008, 87, № 8; Korolkowa 2009, 47–50, Abb. 7; 52; Kat. Leoben 2009, 205, Nr. 69; Boardman 2010, 74, no. 349, pl. 46; Brosseder 2011, 383, 423, list 6e; Shu Takahama 2012, 24, fig. 1, 8; 26, no. A-8.

⁹⁵ О ремонте и его интерпретации см.: Шилов 1956, 44; ср. Damm 1990, 242; Мордвинцева 2007, 222; Трейстер 2010б, 73–74, рис. 3.

Отмечается, что бляха была выполнена «в технике басмы с вторичной обработкой чеканом и резцом» и что на ее обороте «расположены крюк и массивная петля». Фотография оборотной стороны пряжки никогда не публиковалась (она имеется в отчете), на ней видно, что крюк находится в передней части: его торец виден и с лицевой стороны, а петля – на уровне бедра копытного, к которому она припаяна с оборота⁹⁶. В этой связи можно отметить, что золотые бляхи Р-образной формы из Сибирской коллекции, как правило, обозначаются С.И. Руденко как литые, на некоторых из них на оборотной стороне сохранились отпечатки ткани⁹⁷, свидетельствующие об их отливке методом *lost wax and lost textile*⁹⁸. Однако современные исследования показали, что некоторые из поясных пластин Сибирской коллекции не литые, а выполнены в технике басмы на деревянных матрицах, другие – способом чеканки⁹⁹. Впрочем, Е.Ф. Королькова подчеркивает, что «конструкция и техника этой бляхи своеобразна: единственная из всех поясных украшений такого типа, она выполнена в технике басмы и обработана чеканкой»¹⁰⁰.

На одной из парных блях со сценой терзания коня крылатым фантастическим зверем из Сибирской коллекции также имеется крючок с краю бляхи, а на оборотной стороне – четыре петли¹⁰¹.

По мнению Е.Ф. Корольковой, пластина датируется в широких рамках IV–II вв. до н.э.¹⁰², М.И. Артамонов указывал, что она не древнее II в. до н.э.¹⁰³ По своей форме пряжка – китайского типа II в. до н.э.¹⁰⁴ в декоре которой использованы касты со вставками в форме «кружков с крылышками»¹⁰⁵, характерные для золотых блях из Сибирской коллекции¹⁰⁶, а также для ювелирных изделий круга клада

⁹⁶ Кат. Ст. Петербург 2008, 87, № 8.

⁹⁷ Rudenko 1962, 51, Taf. IV, 2. 5 = 63–64, XXIV, 4; 52, Taf. V, 2–3 = 63, XXIV, 1; 52–53, Taf. VII, 1. 7 = 63, XXIV, 3; 53, Taf. VIII, 3–8 = 64, XXV, 1.

⁹⁸ Rudenko 1962, 30–32; Bunker, Ternbach 1970, 41–43; Bunker 1988, 222–227; Linduff 2009, 90–96.

⁹⁹ Минасян, Шаблавина 2009, 246–250, рис. 4–5; Королькова 2012, 350; Минасян 2014, 230, рис. 88; 290–291, рис. 123; 404–407, рис. 158–159.

¹⁰⁰ Королькова 2008, 23; Korolkowa 2009, 52.

¹⁰¹ Salmony 1948, 323, fig. 3; Rudenko 1962, 53, Taf. VIII, 7–8; Артамонов 1973, 132–133, рис. 180; Damm 1990, 242, fig. 4; Rehm 1992, 45, fig. 20; Kat. Hamburg 1993, 160–162, Nr. 86; Schiltz 1994, 66–67, fig. 40; Kat. Bonn 1997, 245, Nr. 134; Invenizzi 1999, 87, pl. 13, c; Cat. Trieste 2001, 104, no. 58; Королькова 2008, 23–24; 2017, 51, 52, рис. 1; Кат. Ст. Петербург 2008, 88, № 9; Кат. Leoben 2009, 206–207, Nr. 70; Boardman 2010, 74, no. 348, pl. 46.

¹⁰² Королькова 2008, 20; Korolkowa 2009, 47.

¹⁰³ Артамонов 1973, 184.

¹⁰⁴ Bunker 1997, 45, 46, fig. A46; 260, no. 222; Brosseder 2011, 380–383, figs. 30–31, 33. В.И. Мордвинцева (2003, 51) пишет о том, что вещей этого круга в комплексах позднее IV в. до н.э. не встречается, что следует рассматривать как ошибочное утверждение.

¹⁰⁵ О кастах в форме «кружков с крылышками», see Salmony 1948, 321–326; Rehm 1992, 45; Королькова 2008, 21; 2017, 51.

¹⁰⁶ См., например, поясные пластины Р-образной формы со сценой терзания коня крылатым фантастическим зверем: см. выше прим. 101. Эти бляхи выполнены в технике чеканки: Минасян, Шаблавина 2009, 248, 250, рис. 5; Минасян 2014, 290–291, рис. 123; 407. – На бляхах с изображением терзания коня той же формы, но оконтуренных рамкой, эти касты выполнены явно в подражательной варваризованной манере: Rudenko 1962, 53, Taf. VIII, 5–6; Cat. Trieste 2001, 105, no. 61; Boardman 2010, 74, no. 350, pl. 47. – На так наз. эгрете в форме грифа, терзающего козла: Rudenko 1962, 56, Taf. XIX, 1–2; Артамонов 1973, 189–191, рис. 241; Schiltz 1994, 379, fig. 296; Кат. Ст. Петербург 2004, 48–49, № 50; Королькова 2008, 21, рис. 8; 2011, 5–14; 2017, 53–55, рис. 3; Засецкая, Минасян 2008, 47, рис. 6; Засецкая 2012а, 368, 381, рис. 10, 2. – На спиральной золотой гривне с

Окса в Бактрии¹⁰⁷, свидетельствующие о постахеменидской традиции, которую В.И. Мордвинцева определяет как «ахеменидский вариант полихромного звериного стиля»¹⁰⁸, а Е.Ф. Королькова – как «изделие восточного иранского круга»¹⁰⁹, указывая на стилистическую близость с изделиями из алтайских курганов, прежде всего Пазырыкского кургана № 2¹¹⁰.

Таким образом, есть все основания рассматривать находку из Поволжья как изделие, изготовленное на востоке; вещь, возможно, древнюю на момент погребения и, безусловно, статусную, о чем косвенно свидетельствует и попытка ее кустарного ремонта. Очевидно, что петля на оборотной стороне бляхи, скорее всего, изначальная, тогда как крюк, вставленный в пробитое в передней части бляхи отверстие, вероятно, также подвергался ремонту.

1.5. *Парные золотые пластины прямоугольной формы*

Парные поясные пластины прямоугольной формы были найдены в тайнике кургана № 3/1988 группы «Хапры» (рис. 7, 3)¹¹¹, фрагментированная пластина происходит из разрушенного погребения у с. Кочковатка (рис. 7, 1)¹¹². Назначение пластины из Кочковатки не совсем ясно, хотя большинство исследователей считают ее поясной. В сохранившемся нетронутым левом верхнем углу на обороте имеется расположенная горизонтально золотая пластинчатая петля, в которую в свою очередь вставлена еще одна петля зажима¹¹³, что дает основание поставить под сомнение указанное предположение.

Рассматриваемые пластины выполнены целиком из золота¹¹⁴, причем пластина из Кочковатки имеет основу, выполненную в технике тиснения штампом с оборотной стороны, а отдельные элементы изображения, такие, как голова зверя, его правая передняя нога, ухо, были изготовлены отдельно и припаяны к основе¹¹⁵. Пластины из Хапиров также не литые, а выполнены предположительно тиснением¹¹⁶ или в технике басмы¹¹⁷. Таким образом, техника изготовления блях из Коч-

окончаниями в форме фигурок крылатых львов: Rudenko 1962, 23, 56, Taf. XVI; Артамонов 1973, 168–169, 172, рис. 221; Schiltz 1994, 382, fig. 302; Kat. Wien 1996, 219, Nr. 63.

¹⁰⁷ Damm 1990, 242–243.

¹⁰⁸ Мордвинцева 2003, 51, 78; Мордвинцева 2007, 227; 237.

¹⁰⁹ Кат. Ст. Петербург 2008, 87, № 8.

¹¹⁰ Королькова 2017, 58.

¹¹¹ Cat. Daoulas 1995, 91, no. 114; Cat. Paris 2001, 178–179, no. 198; Мордвинцева 2003, 44, 90, № 74, рис. 30; 2007, 214, 225, 229, 238; Кат. Москва 2005, 14, № 1; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 100, № A322.1, рис. 41; Королькова 2008, 27–28, рис. 17; 2015, 171–172, илл. 10; Кат. Ст. Петербург 2008, 89, № 10; Korolkowa 2009, 56–57, Abb. 17; Kat. Leoben 2009, 208, Nr. 71; Засецкая 2010, 117, рис. 6, 4; 2011, 152, 154, рис. 76, б; 2012а, 361, № 14; 366, рис. 7; 2012б, 68–69, № 8; рис. 6; Brosseder 2011, 378, fig. 27; 379; 405, 418, list 2c, no. 1; 2013, 97, 99, Abb. 11; Shu Takahama 2012, 24, fig. 1, 7; 25–26, no. A-7; Mordvintseva 2016, 388, 397, 416, pl. VI, 8.

¹¹² Городцов 1912, 23, рис. 18; Отчет Российского Исторического Музея 1916, 74, рис. 88; Граков 1950, 16–18, рис. 4; Яценко 2006, 243; Мордвинцева 2003, 34, 43, 51, 78, 87, № 57, рис. 22; 2007, 214, 219–220, 228, 238; Фирсов 2004, 167–171; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 120, № B16.1, рис. 33, табл. 53; Mordvintseva 2010, 196, no. 4, fig. 11, 3; 2016, 388, 397, 416, pl. VI, 6; Polosmak 2012, 286, fig. 6.

¹¹³ Фирсов 2004, 169, 172, рис. 1, в. ж–и.

¹¹⁴ У. Бросседер ошибочно считает их обтянутыми золотым листом (Brosseder 2011, 379).

¹¹⁵ Фирсов 2004, 167–172.

¹¹⁶ Королькова 2008, 207–208.

¹¹⁷ Засецкая 2012б, 68.

Рис. 7. Пластины поясные из золота. 1 – Могильник Верхнее Погромное. Курган № 5/1954. Погребение № 2. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 1953/23; 2 – Кочковатка. Случайная находка, 1912 г. Москва, ГИМ, оп. Б–251-1. 3 – Могильник Хапры. Курган № 3/1988. Тайник. Азов, АИАПМЗ, инв. № 24444/1–2. Фото музеев

коватки и Хапров принципиально отличается от техники изготовления большинства поясных пластин Сибирской коллекции, отлитых в технике *lost wax and lost textile*, и парных золотых обувных пряжек из погребения IV в Тилля-тепе¹¹⁸, хотя среди поясных блях из Сибирской коллекции известны и образцы, изготовленные в технике басмы и чеканки (см. выше).

Известно, что у блях из Хапров имеются «на обороте пластинчатые петли для крепления ремня»¹¹⁹, однако, количество петель и их расположение не обозначены. Пластины были частью поясной гарнитуры, находки которой никогда не публиковались – все они были найдены в тайнике погребения № 5 кургана¹²⁰, в том числе золотой наконечник ремня с пастовыми вставками, золотой ложковидный наконечник, золотое кольцо, круглая железная пряжка, серебряные гвоздики. В этом же тайнике вместе с фрагментами бронзового котла были найдены и четыре вида золотых нашивных бляшек, в том числе бляшки в форме шестилепестковых розетт, в форме сплошных мерлонов и в форме ажурных бараньих головок¹²¹. И наконечник пояса в стиле клуазоне, напоминающий находку из Порогов, и бляшки позволяют датировать комплекс из Хапров достаточно уверенно – не ранее сере-

¹¹⁸ Hickman 2012, 84, 85, fig. 12.

¹¹⁹ Кат. Ст. Петербург 2008, 89, № 10.

¹²⁰ Гордин 1988, 23–24, рис. 101.

¹²¹ Ср. бляшки из Хохлача: Засецкая 2011, 197, 201, рис. 1026; 210, рис. 108, 3; 264, № 14. – Из тайника кургана у пос. Дачи: Беспалый 1992, 178, 179, рис. 3, 13; Кат. Ст. Петербург 2008, 109, № 26г.

дины – второй половины I в. н.э. Это, безусловно, не исключает того, что в этом пояском наборе могли быть использованы более древние поясные пряжки (у одной из которых был вырван с корнем шпенек и на его месте образовалось отверстие неправильной формы), которые в данном наборе использовались как поясные накладки, а пояс, вероятно, застегивался на кольцевидную железную пряжку.

В.И. Мордвинцева перечисляет признаки, сближающие пластины из Хапров с пластинами Сибирской коллекции: «иконографическая схема изображения птицы с вихреобразной разверткой крыльев и хвоста, способ изображения ушей в виде треугольной вставки с завитком, хищных лап в виде листовидных отростков, форма глаза, змеиная чешуя в виде прочерченных полуколец, редкие отверстия на поверхности блях»¹²². Вместе с тем нельзя не отметить, что вставки в пластинах лишь имитируют бирюзу и выполнены из стекла (кроме этого, имеются вставки альмандина и коралла). Е.Ф. Королькова определяет бляхи из Хапров как изделия, стилистические характеристики которых «тяготеют к центрально-азиатскому стилю», тогда как сами бляхи были изготовлены позднее блях Сибирской коллекции¹²³, при этом не совсем понятно, где, по мнению автора, могли быть изготовлены бляхи. К аналогичному выводу приходит и И.П. Засецкая, указывая, что «художественные черты звериного стиля сибирского и центральноазиатского происхождения» наиболее ярко среди произведений сарматского звериного стиля прослеживаются в изображениях на рассматриваемых золотых бляхах¹²⁴, в то же время предполагая возникновение образов «волков-драконов» на бляхах под влиянием «китайского искусства Центральной Азии» (именно так – М.Т.)¹²⁵ и сравнивая образы на пластинах из Хапров и на флаконе из кургана Хохлач, отмечая их близость¹²⁶. Возможно, что использование альмандина в качестве вставок могло бы свидетельствовать об изготовлении пластин за пределами центрально-азиатского региона, во всяком случае, этот материал не характерен для украшения изделий Сибирской коллекции¹²⁷. Обращает, однако, на себя внимание то, что единственная вставка альмандина на одной из пластин в углу вставлена не в углубленный в тело пластины каст, как все остальные вставки, а в напаянный по верх изображения, и нельзя исключать, что это более позднее дополнение. Материал остальных вставок (коралл и стекло) использовался и в вещах из Сибирской коллекции. Таким образом, я не вижу весомых оснований считать пластины из Хапров подражаниями изделиям из Центральной Азии, а не привезенным оттуда, пусть и более поздними, чем основной материал коллекции, а скорее синхронным подобным пластинам из Сидоровки.

По мнению В.И. Мордвинцевой, мужской персонаж на пластине из Кочковатки одет в одежду с расширяющимися книзу рукавами, что характерно для китайских изображений эпохи Хань, а его прическа сопоставима с буддийскими портретами Гандхары¹²⁸. Исследовательница отмечает, что на пряжке из Кочковатки «в соответствии с изобразительной системой Тилля-тепе антропоморфное изо-

¹²² Мордвинцева 2003, 44, 2007, 229.

¹²³ Королькова 2008, 27–28.

¹²⁴ Засецкая 2012а, 368.

¹²⁵ Засецкая 2010, 117.

¹²⁶ Засецкая 2011, 152.

¹²⁷ О вставках в вещах из Сибирской коллекции см. Rudenko 1962, 32–33; Мордвинцева 2003, 32.

¹²⁸ Мордвинцева 2003, 34, 2007, 220.

бражение не украшено вставками. Изображение выполнено в высоком рельефе, в некоторых деталях скульптурном. Тип бордюра на этой пряжке – ряд одинаковых вставок. Системе Тилля-тепе соответствуют также пропорции тела хищника, форма тела с изгибом в талии, листовидные вставки на бедре и самой высокой точке тела, ухо в виде вставки сердцевидной формы, вставка на пястной кости». Вместе с тем не вполне обычно фасовое изображение передней лапы и ее небольшие размеры. Форма крыла также не известна среди изображений этой группы. Возможно, эти детали свидетельствуют о более позднем происхождении бляхи из Кочковатки по сравнению с коллекцией Тилля-тепе»¹²⁹.

Предполагаемое центрально-азиатское происхождение пластины из Кочковатки подтверждает также изображение монголоидного персонажа в подобной одежде с широкими шароварами и расширяющимися книзу рукавами на золотой пряжке из Саксанохура¹³⁰, тогда как высокая прическа с шиньоном на затылке находит параллель на золотых портупейных пряжках из Порогов¹³¹. Поза льва с повернутой назад головой, выполненной практически в технике круглой скульптуры, сближает изображение на пластине из Кочковатки с изображениями львов на круглых бляхах пояса из погребения IV Тилля-тепе¹³².

Очень сложное исполнение пластины, сочетающее различные техники, также свидетельствует о ее вероятном происхождении из высокоспециализированной мастерской восточного торева, при этом нельзя не отметить уникальную, не находящую параллелей, пятиугольную форму кастов бордюра бляхи. По мнению Н.В. Полосьмак, сопоставившей изображение с вышивками на тканях из кургана № 20 Ноин-Улинского могильника, на пластине, также, как и на тканях, могли быть изображены сюнну¹³³.

1.6. *Ложечковидные окончания ремней*

Ложечковидные наконечники ремней рассматриваются в качестве восточных инноваций¹³⁴. Действительно, такие наконечники (или подвески) ремней (в некоторых случаях их определяют как «застежки»), гладкие или с декором в низком рельефе, передающем изображение стилизованных головок животных, были распространены в памятниках хунну в Забайкалье, Монголии и Южной Сибири

¹²⁹ Мордвинцева 2003, 43, 2007, 228; Mordvintseva 2010, 196, no. 4, fig. 11, 3.

¹³⁰ Kat. Zurich 1989, 52–53, Nr. 25; Маслов 1999, 222, 227; cf.: Ilyasov, Rusanov, 1998, p. 115, 116, 127. Curtis 2001, 307; Marshak 2002, 9, fig. 10; Cat. Miho 2002, 160 (ill.), 253, no. 214; Ilyasov 2003, 286, pl. III, 2; Jäger 2009, 77, pl. 17; Abdullaev 2008, 138, 139, fig. 4; Kat. Mannheim 2009, 343, Nr. 222; Brosseder 2011, 401, 424, list 9, no. 9; Gruber et al. 2012, 367, 368, fig. 22; Francfort 2014, 1553, 1554, fig. 2; Olbrycht 2015, 340.

¹³¹ Симоненко, Лобай 1991, 20–22, № 9a-b, рис. 11, 1–2; табл. 14–15; Kat. Schleswig 1991, 328, 404, Nr. 155b; Cat. Rimini 1995, 148, no. IV, 10; Cat. Milan 1995, 124, 198, no. 68; Simonenko 2001a, 230; 232, Abb. 23, 2–3; Мордвинцева 2003, 34, 43, 51, 73, 78, 94, № 106, рис. 40; 2007, 214, 220, 228, 238; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 73, № A234.6, табл. 38, рис. 50; Mordvintseva 2010, 197, no. 8, fig. 12, 7–8; Brosseder 2011, 401, 403, fig. 50, 21–22; 424, list 9, no. 7.

¹³² Sarianidi 1985, 150–154, pls. 88–97; 246–247, no. 4.2; Мордвинцева 2003, 12–13, 16, 83, № 10, рис. 5; Kat. Bonn 2010, 196–197, no. 107; Mordvintseva 2010, 183, fig. 5, 6; Brosseder 2011, 401, 404, fig. 51, 3–5; Francfort 2011, 302–304; Boardman 2012, 107–108, fig. 6; Peterson 2012, 7–18, pls. II–III; Schiltz 2015, 84–88.

¹³³ Polosmak 2012, 286–287.

¹³⁴ Мордвинцева 2011, 351; 2015, 117; Власкин и др. 2018, 61.

II–I вв. до н.э., встречаясь как в мужских, так и в женских погребениях (в литературе эти подвески чаще называют «ложечковидными»). При этом они изготавливались из бронзы, железа или рога; их лицевая сторона – выпуклая, обратная – вогнутая; на оборотной стороне имеется одна или две узкие перемычки¹³⁵. Специальное исследование таких предметов показало, что они встречаются в могилах с монетами «у-шу», выпускавшимися в Китае со 118 г. до н.э., и, следовательно, могут датироваться не ранее рубежа II–I вв. до н.э.¹³⁶

В Азиатской Сарматии встречаются бронзовые и железные наконечники ремней подобной формы в погребениях, датирующихся II–I вв. до н.э. Известна лишь пара наконечников, выполненных из золота, в погребениях рассматриваемого времени – в погребении № 2 кургана № 5/1954 у с. Верхнее Погромное (рис. 8, 1–2),¹³⁷ и один, более вытянутых пропорций, – в погребении № 1 в Косике (рис. 8, 4)¹³⁸. Второй наконечник (значительно меньшего размера), происходящий из погребения № 1 в Косике, вырезан из кости¹³⁹.

Близок к наконечнику из Косики по форме, размерам и пропорциям и золотой наконечник из датируемого первой половиной I в. н.э. погребения № 1 кургана № 28/1965 в Жутово (рис. 8, 3)¹⁴⁰, который находит параллель в маленьком бронзовом наконечнике из погребения № 1 кургана № 1 в Яшкуле (рис. 8, 7) (интересно, что происходящая из этого же погребения пара золотых наконечников отличается от них и по форме, и по дополнительному филигранному декору, при этом касты каплевидной формы были украшены вставками из пасты или эмали¹⁴¹) (рис. 8, 5–6). Еще три золотых наконечника были найдены в погребении первой половины I в. н.э. № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V¹⁴². Другие ложечковидные наконечники среднесарматского времени¹⁴³ представлены богато украшенными экземплярами из золота со вставками из эмали, стекла, перламутра, бирюзы¹⁴⁴.

Рассматриваемые наконечники отличаются как размерами и соотношением длины втулки и окончания, так и оформлением окончания. Находки из Верхнего Погромного самые короткие из золотых наконечников без дополнительного декора, при этом окончания у них имеют вид небольших скругленных на концах

¹³⁵ Кузьмин 1988, 70, рис. 13, 22–32; 77; Давыдова 1996, табл. 8, 3, 4, 7; 13, 5; 23, 16; 51, 4–7; 53, 1–2; Миняев 2007, 36, 37, рис. 18, 31–34; табл. 12, 15–16; 47, 4; 50, 5–8; 57, 12–13; 63, 3–5; 67, 10–11; Кунгурова, Оборин 2013, 131–132, рис. 9; Кат. Ст. Москва 2014, 63; Харинский 2014, 32, 34, рис. 8, 4–6; Тетерин 2015, 53; Тишкин, Матренин 2017, 76, рис. 1, 9; 80–81, Килуновская, Леус 2018б, 143, 144, рис. 16, 11–13.

¹³⁶ Кунгурова, Оборин 2013, 132.

¹³⁷ Гос. Эрмитаж, инв. 1953/4–5. Названы автором раскопок «оправами кисточек ворворки» (Шилов 1956, 43–44).

¹³⁸ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 158, рис. 11, 3; 159; Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 5.

¹³⁹ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 158, рис. 11, 4; 159.

¹⁴⁰ Мордвинцева 1999, 42, рис. 1, 6, 6 (в составе парадной конской сбруи); Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 2.

¹⁴¹ Otchir-Goriaeva 2002, 359, Abb. 6, 3–4; 360.

¹⁴² Мыськов и др. 1999, 150, № 13, рис. 6, 5–7; Кияшко, Мыськов 2000, 47, № 13; Мордвинцева, Хабарова 2006, 124, № 172.

¹⁴³ См. в целом: Otchir-Goriaeva 2002, 372–374, Abb. 11; Власкин и др. 2018, 61.

¹⁴⁴ См., например, находки из погребения в Порогах: Симоненко, Лобай 1991, 49–52, фото 16, 3–4; Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 1, 3; Симоненко 2015, 72, рис. 20, 5–6. – Яшкуль: Otchir-Goriaeva 2002, 359, Abb. 6, 3–4; 360.

Рис. 8. Ложечковидные наконечники ремней. 1–2 – Могильник Верхнее Погромное. Курган № 5/1954. Погребение № 2. Санкт-Петербург, ГЭ. 1 – инв. № 1953/4, 2 – инв. № 1953/3; 3–4 – Астрахань, АГОИАМЗ. 3 – Могильник Жутово. Курган № 28/1965, инв. № 12307, 4 – Косика. Погребение № 1/1984, инв. № 35536; 5–7 Яшкауль. КВЧ-37. Курган № 1/1988. Погребение № 1. Элиста, НМРК, 5 – инв. № 7653/3; 6 – инв. № 7653/4; 7 – инв. № 7652/7. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015.

выступов, а большую часть наконечников занимает втулка. Наконечники из Косики, Жutowo и бронзовый – из Яшкуля имеют более вытянутые пропорции, втулка занимает менее трети общей длины, а слегка выгнутые окончания плавно расширяются к концам. От этих наконечников отличаются три золотых наконечника из могильника Октябрьский-V. Они представляют собой относительно короткие трубочки, свернутые из листа, у которых примерно половина срезана продольно по длине – таким образом, втулка занимает примерно половину трубочки, окончание прямое (не выгнутое), край слегка скруглен¹⁴⁵. В целом, совершенно ясно, что металлические наконечники ремней из погребений Азиатской Сарматии отличаются от материалов из Южной Сибири и Забайкалья как конструкцией, так и способом изготовления¹⁴⁶.

Мне также неизвестно среди находок из Азиатской Сарматии ни одного образца с рельефным декором. Самой западной находкой такого наконечника с рельефным декором является предмет, найденный в частично ограбленном погребении № 9 кургана № 6 могильника Абатский-III¹⁴⁷ (в соседнем погребении была найдена роговая пряжка с серебряными вставками, о которой писалось выше). Костяные наконечники обнаруживают большую близость, в чем, собственно, нет ничего удивительного – они представляли собой отрезок трубчатой кости, срезанный под углом¹⁴⁸.

В целом говорить о том, что ложечковидные подвески, найденные в погребальных комплексах Азиатской Сарматии, являются предметами, которые мигранты с востока привезли с собой из Южной Сибири, на мой взгляд, оснований нет. Значительно больше оснований рассматривать их в качестве прототипов или аналогий дают находки более близких по форме и технике изготовления предметов из Центральной Азии, на что уже обращалось внимание¹⁴⁹. Они представлены находками в могильниках Бактрии¹⁵⁰. В частности, это два наконечника ремней, найденных в кургане № 37/1974 могильника Бишкент-V, датирующегося в рамках II–I вв. до н.э.¹⁵¹ Они происходят из погребения мужчины-воина с длинным мечом слева от костяка и с кинжалом с волютообразным навершием – у правого бедра, при этом наконечники, судя по их положению в погребении, были связаны с ремнями, на которых крепился кинжал¹⁵². Четыре аналогичных наконечника из латуни и железа были найдены в мужских погребениях Тулхарского могильника, синхронного могильнику Бишкент-V¹⁵³. В одном случае, в кургане VII, 14, железный ложечковидный наконечник был найден у правого бедра погребенного, рядом с которым находился железный кинжал с волютообразным навершием¹⁵⁴. Анало-

¹⁴⁵ Мыськов и др. 1999, 150, № 13, рис. 6, 5–7; Кияшко, Мыськов 2000, 47, № 13; Otchir-Goriaeva 2002, 373, Abb. 11, 4; Мордвинцева, Хабарова 2006, 124, № 172.

¹⁴⁶ Ср. Скрипкин 2019, 23, рис. 4, 10–14; Власкин и др. 2018, 60–61, рис. 3, 8.

¹⁴⁷ Матвеева 1994, 93, 94, рис. 58, 21; 99–100.

¹⁴⁸ Ср., например, костяные наконечники из Косики (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 158, рис. 11, 4; 159) и могильника Ала-Тей I (Килуновская, Леус 2018б, 144, рис. 16, 13).

¹⁴⁹ Otchir-Goriaeva 2002, 372.

¹⁵⁰ Горбунова 2001, 141, рис. 8, 2.

¹⁵¹ Медведская 1979, 122; ср. Горбунова 2001, 143.

¹⁵² Медведская 1979, 115, 116, рис. 1; Otchir-Goriaeva 2002, 372, 373, Abb. 11, 15.

¹⁵³ Мандельштам 1966, 116–117, табл. XLV, 12–15.

¹⁵⁴ Мандельштам 1966, 46, 47, рис. 24.

гичный золотой наконечник был найден в женском погребении кургана XVI,1 в средней части груди погребенной, рядом с золотой пряжкой¹⁵⁵.

2. УКРАШЕНИЯ

2.1. *Серьги с подвесками в виде амфорок с ручками в форме дельфинов и дополнительными подвесками*

К редким находкам серег восточных типов относится найденная в погребении № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника пара амфоровидных подвесок. Они имеют высокое цилиндрическое горло; яйцевидной формы тулово спаяно по вертикальной оси из двух половинок и украшено внизу пирамидкой из четырех полых шариков с зернью. Изогнутые ручки в форме дельфинов из массивной проволоки круглого сечения с припаянными плавниками и головками напаяны сверху на горизонтальные пластинки треугольной формы, которые, в свою очередь, припаяны к круглой пластинчатой петле для подвешивания. Амфорки имеют дополнительные подвески в виде шести цепочек «8-loop-in-loop», на колечках, припаянных к нижней части горла амфорок, заканчивающихся проволочками с обмоткой и с пирамидкой из четырех маленьких шариков зерни на конце, на которые надеты четырехлепестковые полураскрытые бутоны с цилиндрическими пастовыми пронизями черного или белого цвета внутри; лепестки бутонов украшены по краям напаянной рубчатой проволокой (рис. 9, 1)¹⁵⁶.

Амфоровидные подвески из Калиновки находят параллели среди серег из Таксилы, датирующихся III–II вв. до н.э.¹⁵⁷ Однако ручки амфорок на серьгах из Пакистана плоские, а цепочки с подвесками крепятся к колечкам, припаянным к ручкам. Хотя амфоровидные подвески из могильников Бишкентской долины Южного Таджикистана, датирующихся I в. до н.э. – II в. н.э.¹⁵⁸, имеют тулова, выполненные из стеклянной пасты, их ручки в форме дельфинов чрезвычайно близки по деталям исполнения ручкам подвесок из Калиновки. У подвески с дельфиновидными ручками из храма Окса в Тахти-Сангин тулово амфорки выполнено целиком из сердолика¹⁵⁹. На единственной серьге из Тулхарского могильника, на которой сохранились цепочки¹⁶⁰, они подвешены к колечкам, припаянным к нижней части

¹⁵⁵ Мандельштам 1966, 68, табл. LX, 10.

¹⁵⁶ Шилов 1956, 42; 44 (рис.); 1959, 463, рис. 51; 1975, 142; Treister 2004, 308–309, fig. 6; 313, no. 1; Трейстер 2007a, 130; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 37, № A101.3, табл. 11; 29; Кат. Ст. Петербург 2008, 91, № 12; Kat. Leoben 2009, 210–211, Nr. 73.

¹⁵⁷ Marshall 1951, 620–623, no. 1, pl. 190; Chandra 1979, 44, pl. XI, a; Treister 2004, 306–307; Трейстер 2007a, 130; Belaňová 2016, 118–121, figs. 4–5. Подобные серьги, приобретенные в Равалпинди, Пакистан, хранятся в Музее Фитцвильяма в Кембридже: WAE.1970.8-9. Acc. No. E.8-9.1970. Дар Миссис С.Г. Керрингтон. Автор благодарен Л. Берн (Кембридж) за возможность ознакомиться с серьгами. Аналогичные серьги хранятся и в Музее Михо: Cat. Miho 2002, 135 (ill.); 250, no. 188, e–g.

¹⁵⁸ См., например, золотые серьги из курганов Тулхарского могильника: Мандельштам 1966, 124–126, табл. LIX, 1–5. 7–8; Артамонов 1973, 20, рис. 12; Kat. Zürich 1989, 58–59, Nr. 29 = Cat. Venice 1993, no. 28. – Могильник Иттифок: Kat. Zürich 1989, 59, Nr. 31 = Cat. Venice 1993, no. 30; Guerra et al. 2009, 178, 179, fig. 2e. – Могильник Арактау: Мандельштам 1975, 52; 167, табл. XVIII, 23.

¹⁵⁹ Kat. Mannheim 2009, 360, Nr. 251 (I–II вв. н.э.).

¹⁶⁰ Kat. Zürich 1989, 58–59, Nr. 29; Cat. Venice 1993, no. 28; Горбунова 2001, 142, рис. 9, 2. О вероятной датировке серег Тулхарского могильника в пределах конца II – I в. до н.э., см. Горбунова 2001, 143.

ручек, как на серьгах из Таксилы. В то же время бутоны, подвешенные к цепочкам на серьге из Тулхарского могильника, чрезвычайно близки бутонам, украшающим цепочки подвесок из Калиновки. Аналогичные бутоны мы наблюдаем также на серьгах с амфоровидными подвесками из могильника V в Бишкентской долине¹⁶¹ и на одной из подвесок, хранящихся в Музее Михо¹⁶². Кроме того, подобные бутоны украшают цепочки серег, найденных в Тулхарском могильнике (другого типа – со щитком в форме орла)¹⁶³. Таким образом, есть основания предположить центрально-азиатское происхождение подвесок из Калиновского могильника.

2.2. *Браслеты и гривна*

Среди прочего богатого инвентаря в женском погребении № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника была найдена пара золотых спиральных 8-витковых браслетов из круглого в сечении прута с концами в форме рельефного изображения лежащей с подогнутыми ногами лосихи¹⁶⁴. Один из браслетов сохранился полностью (рис. 9, 4), второй – с утраченной центральной частью – образует два витка, концы соединены при помощи загнутых петель (рис. 9, 2)¹⁶⁵. Е.Ф. Королькова отмечает архаичность оформления концов браслетов и сопоставляет их с оформлением концов гривны из скифского кургана IV в. до н.э. Соболевой могилы¹⁶⁶, при этом в выставочном каталоге браслет датируется первой половиной I в. н.э.¹⁶⁷

Из этого же погребения происходит гривна из круглого в сечении прута с расширяющимися концами, один из которых утрачен (рис. 9, 3)¹⁶⁸. Есть все основания предполагать, что и гривна изначально была многовитковой. Гривны с расширяющимися концами (вместе с подобным образом оформленными браслетами) встречаются в Бактрии и в Парфии, в частности, в Тилля-тепе¹⁶⁹, в кладях из Таксилы¹⁷⁰, Дальверзин-тепе¹⁷¹ и в кладе IV из коллекции Музея Гетти¹⁷².

Спиральный браслет в четыре оборота из массивного круглого в сечении дрота, украшенный на концах сценами нападения кошачьего хищника на оленя (рис. 9, 5),¹⁷³ происходит из погребения № 2 кургана № 5/1954 у с. Верхнего Погромное, где он был в сурковине вместе с другими частично рассмотренными

¹⁶¹ Kat. Zürich 1989, 58–59, Nr. 29; Cat. Venice 1993, no. 28; Guerra et al. 2009, 178, 179, fig. 2a.

¹⁶² Cat. Miho 2002, 135 (ill.); 250, no. 188, e.

¹⁶³ Мандельштам 1966, 16; 127, табл. LIX, 6; Артамонов 1973, 20, рис. 13; Горбунова 2001, 142, рис. 9, 1.

¹⁶⁴ В первой публикации ошибочно указано, что на концах браслета изображена «лосиха, терзаемая хищником».

¹⁶⁵ Шилов 1959, 463–464, рис. 51; Артамонов 1971, 56; Cat. Daoulas 1995, 44, no. 64; Королькова 2001, 70–71, рис. 3, 4; 2008, 19, рис. 5; Кат. Ст. Петербург 2008, 90, № 11; Korolkowa 1995, 46–47, Abb. 5; Kat. Leoben 2009, 209, Nr. 72.

¹⁶⁶ Королькова 2008, 19; Korolkowa 2009, 46–47.

¹⁶⁷ Кат. Ст. Петербург 2008, 90, № 11; Kat. Leoben 2009, 209, Nr. 72.

¹⁶⁸ Шилов 1959, 463, рис. 51.

¹⁶⁹ Погребение № 3: Sarianidi 1985, 238, no. 3.16.

¹⁷⁰ Marshall 1951, 635–636, nos. 144–146, pl. 195, h. k.

¹⁷¹ Pougatchenkova 1978, 98, рис. 76.

¹⁷² Pfrommer 1993, 58, no. 89.

¹⁷³ Шилов 1956, 44; Артамонов 1971, 55–56; Charrière 1974, Abb. 97; Cat. New York 1975, 124–125, no. 162; Kat. Hamburg 1993, 234–235, Nr. 153; Cat. Daoulas 1995, 44–45, no. 61; Королькова 2001,

здесь предметами. По мнению М.И. Артамонова, стилистически браслет близок произведениям из Сибирской коллекции, датируемым им III–II вв. до н.э., а сам браслет «восходит не к сибирским, а среднеазиатским образцам»¹⁷⁴. Е.Ф. Королькова, определявшая в свое время (вслед за М.И. Артамоновым) браслет как сарматскую реплику среднеазиатского стиля¹⁷⁵, в настоящее время считает, что стилистически ближайшие параллели браслету (как и поясной бляхе) имеются на изделиях из Пазырыкского кургана № 2, отмечая, в частности, что «на кожаной фигурке лося из 2-го Пазырыкского кургана рог оконтурен двойной линией, образующей небольшой рельеф; глаз животного приобретает подтреугольную форму, что полностью совпадает с деталями изображения оленя на браслете из Верхнего Погромного»¹⁷⁶. Впрочем, отмеченная близость не мешает датировке браслета в выставочном каталоге II–I вв. до н.э.¹⁷⁷

Спиральные гривны и браслеты изображены у воинов на каменных стелах из святилищ Байте III и Карамунке на плато Устюрт¹⁷⁸ и у персонажа на фаларе из Янчокракского клада¹⁷⁹. Изображения многовитковых гривен, в некоторых случаях с зооморфными окончаниями, мы встречаем на мужских портретах на фресках из Акхакан-Калы в Хорезме, датированных около середины I в. до н.э.¹⁸⁰ Подобные же многовитковые гривны изображаются на портретах парфянских царей на монетах, датирующихся преимущественно I в. до н.э.¹⁸¹ Находки спиральных золотых гривен и браслетов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии¹⁸² II–I вв. до н.э. хорошо известны. В частности, гарнитур из двух таких браслетов (на запястьях рук) и гривны на шее (все в 4,5 оборота) был найден в женском погребении № 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III¹⁸³, а браслет – в воинском погребении в Володарке в Западном Казахстане. И в том, и в другом случае в погребениях были найдены драгоценные предметы предположительно парфянского происхождения – фалары – в Володарке, чаша – в Майеровском. Эти браслеты не имеют фигурных окончаний, в отличие от найденных в Поволжье многовитковых браслетов из разрушенного погребения у с. Саломатино: семивитковый с окончанием в форме синкретического существа (козла с хвостом хищника

91–92, рис. 14, 2; 2008; Кат. Ст. Петербург 2008, 80, № 3; Korolkowa 2009, 47, Abb. 6; Kat. Leoben 2009, 198–199, Nr. 64.

¹⁷⁴ Артамонов 1971, 55.

¹⁷⁵ Королькова 2001, 92.

¹⁷⁶ Королькова 2017, 58.

¹⁷⁷ Кат. Ст. Петербург 2008, 80, № 3; Kat. Leoben 2009, 198, Nr. 64.

¹⁷⁸ Ольховский 2005, 145, рис. 142, 146; Самашев и др. 2007б, 233–235, 242–243, 249, 255, 257, 259–261.

¹⁷⁹ Спицын 1909, 28, № 1, рис. 81; Гущина 1969, 44–45, рис. 1, 1; 49; Mordvinceva 2001, 79, Nr. 69, Taf. 37; Засецкая 2011, 94–95, рис. 43а; 2016, 94, 104, табл. 2, 1.

¹⁸⁰ Yagodin et al. 2009, 20, figs. 6, 7, 10, 13; Kidd, Betts 2010, 657–658, fig. 7; Kidd 2011, 246–249, fig. 5; Kidd et al. 2012, 112–113, fig. 5.5.

¹⁸¹ Yagodin et al. 2009, 20: 127 г. до н.э. – 2 г. н.э. Ср. Kidd et al. 2012, 113: ок. 88 г. до н.э. – 2 г. н.э.

¹⁸² См.: Skvortsov, Skripkin 2006, 262; Скворцов, Скрипкин 2008, 104. Например, золотой спиральный многовитковый браслет из Володарки: Самашев и др. 2007а, 45; Гуцалов 2011, 21, 26, рис. 8, 2; Гуцалов, Марыксин 2011, 198, № 2; 200, рис. 6, 2; Трейстер 2011, 90, 94, рис. 3, 2; Gutsalov 2012, 41, 42, fig. 7, 2.

¹⁸³ Браслеты: Skvortsov, Skripkin 2006, 256, Nr. 9–10; 258, Abb. 11, 1. 3; 13, 2–3; Скворцов, Скрипкин 2008, 101, № 9–10, рис. 6.И, 9–10; 10, 1. 3; 17, 1. – Гривна: Skvortsov, Skripkin 2006, 258, Abb. 13, 1; 259, Nr. 23; 260, Abb. 16, 3; Скворцов, Скрипкин 2008, 103, № 23, рис. 6.И, 23; 13, 3; 17, 1.

Рис. 9. Золотые украшения. Санкт-Петербург, ГЭ. 1–4 – Могильник Калиновский. Курган № 55/1954. Погребение № 8. 5 – Могильник Верхнее Погромное. 1 – инв. № 2206/57, 2 – инв. № 2206/53, 3 – инв. № 2206/51, 4 – инв. № 2206/52, 5 – инв. № 1953/1. 1 – фото М.Ю. Трейстер, 2002; 2–5 – фото ГЭ.

и мордой кабана) и трехвитковый с головкой барана¹⁸⁴, которые И.П. Берхин (Засецкая) датировала в рамках I в. до н.э. – I в. н.э.¹⁸⁵ Пара многовитковых браслетов, у одного из которых на прут были насажены наконечники в форме головок барана, происходит из погребения № 2 кургана № 3/1970 у с. Черный Яр. Это погребение не опубликовано, браслеты изданы в выставочном каталоге с датировкой IV–III вв. до н.э.¹⁸⁶, что представляется очень сомнительным, особенно в связи с тем, что перстни из этого погребения¹⁸⁷ обнаруживают близость к одному из перстней, найденному в упомянутом выше погребении могильника Майеровский-III¹⁸⁸.

ВЫВОДЫ

Очевидно, что называть поясные накладки с решетчатым декором, найденные в Нижнем Поволжье (находки из Кривой Луки, Косики и Питерки), «ордосскими бляхами» невозможно, хотя так же очевидно, по крайней мере, в случае с пряжкой из Кривой Луки, что в качестве прототипов ее декора действительно выступали поясные пластины, получившие распространение в Монголии и Забайкалье. Пряжки и поясные накладки с изображением лежащего верблюда и нападения тигра на верблюда нельзя рассматривать как предметы восточного импорта, откуда бы он не происходил, тем более что точных сюжетных параллелей нет ни в Сибири, ни в Северном Китае, а поясные пластины Ордоса и Южной Сибири были именно накладками на пояс, а не пряжками, т.е. не имели боковых крючков. При несомненном восточном влиянии на сам принцип ажурного изображения в прямоугольной рамке и в определенной степени сюжетов, породивших моду у кочевников на такие предметы, есть все основания предполагать, что сами пряжки могли изготавливаться в различных областях Азиатской Сарматии, в том числе и в Центральной Азии, и в Нижнем Поволжье, и в Нижнем Подонье.

При всем сходстве гагатовых пластин-пряжек из Нижнего Поволжья и Южной Сибири и Забайкалья очевидно, что нельзя рассматривать поволжские находки как предметы, привезенные кочевниками из столь отдаленного региона, где они явно не выступали в качестве статусных предметов костюма знатных воинов, а были преимущественно элементами женского костюма (при этом, инкрустированы были бирюзой, сердоликом, перламутром, но не металлическими вставками). Лишь для находок из Центральной Азии (Бухарский оазис, среднее течение Сырдарьи) у нас есть свидетельства того, что такие пластины связаны с мужскими погребениями, будучи деталями портупейных или поясных ремней, и в этом регионе есть свидетельства использования не только сердолика, бирюзы и перламутра, но и металлических гвоздиков, которыми украшались как гагатовые, так и

¹⁸⁴ Берхин 1959, 38–41; Артамонов 1971, 54–55 (с датировкой II–I вв. до н.э.); Cat. Daoulas 1995, 44, 47, no. 65; Королькова 2001, 81, 91, рис. 15; 2008, 16–19, рис. 2–3; Засецкая 2008, 29–31, рис. 1–2; Кат. Ст. Петербург 2008, 78–79, № 1–2; Korolkowa 2009, 45–46, Abb. 2–3; Sassetzkaja 2009, 58–59, Abb. 1–3; Kat. Leoben 2009, 196–197, Nr. 62–63.

¹⁸⁵ Берхин 1959, 38.

¹⁸⁶ Cat. Rome 2005, 95, no. 29; 98–99, no. 37; Мордвинцева 2011, 348.

¹⁸⁷ Cat. Rome 2005, 97, nos. 35–36.

¹⁸⁸ Skvorcov, Skripkin 2006, 256, Nr. 11; 258, Abb. 11, 2; 12, 1; Скворцов, Скрипкин 2008, 101–102, № 12, рис. 6.П, 12; 10, 4; 17, 2.

роговые бляхи. Наконец, имеются свидетельства, что такие пластины происходят из элитных комплексов. Полагаю, что приведенные аргументы скорее позволяют рассматривать находки из погребений в Жутово и Питерке как предметы, проделавшие путь вместе со своими владельцами из Центральной Азии. Что касается пары роговых пластин из Верхнего Погромного, то, учитывая украшенные в аналогичной технике роговые пластины из могильников Культобе в Южном Казахстане и Абатский-3 на р. Ишим на юге Западной Сибири, их также необязательно рассматривать как местное, выполненное в Поволжье, подражание гагатовым пластинам. Они могут иметь центральноазиатское происхождение, и их вряд ли следует рассматривать как подложки под металлические пластины¹⁸⁹, тем более что они имеют декор в виде инкрустации.

Утверждать, что ложечковидные подвески или наконечники ремней, найденные в погребальных комплексах Азиатской Сарматии, являются предметами, которые мигранты с востока привезли с собой из Южной Сибири, на мой взгляд, оснований также нет. Значительно больше оснований рассматривать их в качестве прототипов или аналогий дают находки более близких по форме и технике изготовления предметов из Центральной Азии, представленных находками в могильниках Бактрии.

Также, скорее всего, центральноазиатского происхождения некоторые золотые ювелирные изделия и поясная бляха, происходящие из двух погребений в Нижнем Поволжье.

Одно из них – неограбленное, женское погребение № 8 в кургане № 55/1954 Калиновского могильника. Если относительно многовитковых браслетов из этого погребения высказывались различные точки зрения об их происхождении (от связи с украшениями Сибирской коллекции до стилистической близости оформлению гривны из скифского кургана Соболева Могила в Приднепровье), то центральноазиатское происхождение серег и гривны более чем вероятно. Отметим, что в древности были утрачены часть гривны и центральная часть одного из браслетов, при этом два сохранившихся фрагмента браслета были соединены между собой кустарным способом. Данное погребение интересно тем, что, наряду с явно бывшими долго в употреблении массивными золотыми украшениями, в нем была найдена литая полусферическая чаша зеленовато-желтого полупрозрачного стекла с вертикальными каннелюрами и 8-лепестковой розеткой на донце¹⁹⁰, вероятнее всего, сиро-палестинского производства конца II – первой половиной I в. до н.э., а также бронзовые итальянские сосуды позднеереспубликанского времени, позволяющие датировать погребение в рамках середины – второй половины I в. до н.э.¹⁹¹

Второе – погребение № 2 в кургане № 5/1954 у с. Верхнее Погромное, которое датируют II – первой половиной I в. до н.э., никогда подробно не публиковалось, что приводит к путанице в его интерпретации. В короткой информации, изданной В.П. Шиловым в 1956 г., отмечалось, что это было «полностью разграбленное» погребение, при этом и в засыпи могилы, и в сурковине было найдено очень много

¹⁸⁹ Ср. Раев 2017, 301.

¹⁹⁰ Шилов 1959, 487, рис. 57, 9; 488 – ошибочно указано, что розетка 7-лепестковая; Кропоткин 1970, 101, № 897, рис. 74, 10; Marčenko, Limberis 2008, 299; Трейстер 2019, 260–261, рис. 1.

¹⁹¹ Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 36–37, № А101 с лит.

находок из золота и серебра, в том числе массивные серебряные чаши, золотые поясная бляха и браслет и т.д. Такое богатство находок дало основание В.И. Мордвинцевой предполагать, было ли погребение действительно ограбленным или это был кенотаф¹⁹². Несмотря на то, что В.И. Мордвинцева ссылаясь на отчет, в самом отчете указано, в частности, что на дне погребения найден обломок кости голени¹⁹³ – таким образом, это не был кенотаф. Вероятно, называть погребение «полностью ограбленным» также некорректно – можно только представить себе, что могло находиться в этом погребении, если грабители оставили в могиле столь ценные вещи. Так или иначе, пол погребенного нам не известен. Здесь вместе с серебряными чашами восточно-средиземноморского типа (селевидской?) работы были найдены поясная бляха и браслет, обнаруживающие стилистические связи между собой и обладающие признаками, позволяющими относить бляху к кругу изделий центрально-азиатской, бактрийской (?), работы. По мнению Е.Ф. Корольковой, данные предметы свидетельствуют о близости к некоторым художественным изделиям из Пазырыкского кургана № 2 на Алтае. Как и в Калиновском погребении, один из этих предметов – поясная бляха – дошла до нас с утратой и следами древнего кустарного ремонта.

Таким образом, проведенный анализ археологических материалов не дает оснований говорить о попадании изделий южно-сибирского (забайкальского) происхождения в погребения кочевников Азиатской Сарматии. Вместе с тем очевидно, что в некоторых погребениях Нижнего Поволжья, датирующихся в рамках конца II–I в. до н.э., встречаются отдельные предметы, как правило, статусного облика (массивные золотые украшения: гривны и браслеты, поясные пластины), в большинстве своем с утратами и со следами древнего кустарного ремонта, которые можно рассматривать как предметы, привезенные кочевниками из Центральной Азии, хотя нельзя исключать и роль межплеменных браков элиты кочевников в распространении таких вещей, тем более что по крайней мере часть из них в Поволжье была найдена именно в женском погребении № 8 кургана № 55/1954 у с. Калиновка. В некоторых случаях можно также говорить об определенных восточных влияниях в оформлении поясных пряжек, чем-то похожих на отдаленные прототипы из Монголии и Забайкалья. В целом есть все основания для предположения о миграции какой-то группы (групп) кочевников из Центральной Азии в степи Нижнего Поволжья и их возможном участии в событиях, связанных с падением Греко-Бактрийского царства. Судя по количеству предметов, рассмотренных в этой статье, число мигрантов не было значительным, что соответствует и наблюдениям других исследователей, основанных на анализе погребального обряда¹⁹⁴. Замечу, что для рассматриваемого времени имеются лишь редчайшие примеры того, как вещи попадали с запада на восток (вероятно, также через евразийские степи). Однако рассматривать перемещение указанных выше предметов с востока на запад и с запада на восток как отражение экономических связей по Шелковому пути, как я уже отмечал в других работах¹⁹⁵, не приходится.

¹⁹² Мордвинцева 2007, 200–201.

¹⁹³ Шилов, Отчет 1954, 11.

¹⁹⁴ Ср., например, Берлизов 2014, 60–68.

¹⁹⁵ Трейстер 2014, 145–146; Treister 2016, 86–87;

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов, И.М. 1998: Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля. *УАВ* 1, 121–137.
- Артамонов, М.И. 1971: Вопросы хронологии скифо-сибирского золота. *СА* 3, 40–57.
- Артамонов, М.И. 1973: *Сокровища саков*. М.
- Берлизов, Н.Е. 2014: Феномен среднесарматской культуры и проблема миграции из Центральной Азии. *Вестник РУДН, серия Всеобщая история* 4, 60–68.
- Берхин, И.П. 1959: Сарматское погребение у с. Саломатина. *СГЭ* XV, 37–41.
- Беспалый, Е.И. 1992: Курганы сарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 175–190.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2018: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка* (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2). Ростов-на-Дону.
- Богданов, Е.С. 2006: *Образ хищника в пластическом искусстве кочевников народов Центральной Азии*. Новосибирск.
- Богданова-Березовская, И.В. 1975: Химический состав металлических предметов из Арауктаусского, Коккумского и Бабашовского могильников. В кн.: Мандельштам, А.М., 193–202.
- Вайнберг, Б.И. Юсупов, Х.Ю. 1992: Кочевники Северо-Западной Туркмении. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время* (Археология СССР). М., 122–129.
- Вдовченко, Е.В. 2016: *Этносоциальная история сарматов Нижнего Подонья*: дисс. ... доктора исторических наук. Ростов-на-Дону.
- Власкин, М.В., Глебов, В.П., Кузьмин, В.Н. 2018: Ритуальный клад из кургана 1 могильника Рестумов II в Ростовской области. *НАВ* 17.2, 58–69.
- Глебов, В.П. 2016: Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья. В кн.: *Константин Федорович Смирнов*, 69–79.
- Глебов, В.П., Бабешко, И.Г. 2012: Раннесарматское погребение с зооморфной пряжкой из могильника Красногоровка III. В кн.: А.А. Горбенко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г.* Вып. 26. Азов, 281–291.
- Горбунова, Н.Г. 2001: Скотоводы Бактрии, Согды и Центральных Кызылкумов. *АСГЭ* 35, 126–151.
- Гордин, И.А. 1988: *Отчет об археологических раскопках курганов у с. Чалтырь из курганного могильника «Хапры» в зоне строительства орошаемого участка Мясниковского района Ростовской области*. – Архив ИА РАН, Р-1, №12939 (А-12940).
- Городцов, В.А. 1912: *Обзор важнейших памятников в Московском историческом музее. Доисторический Отдел*. М.
- Граков, Б.Н. 1950: Скифский Геракл. *КСИИМК* XXXIV, 7–18.
- Гущина, И.И. 1969: Янчокракский клад. В кн.: Л.А. Евтюхова (ред.), *Древности Восточной Европы* (МИА 169). М., 43–51.
- Гуцалов, С.Ю. 2009: О центральноазиатских культурных компонентах в погребениях кочевников Южного Приуралья III в. до н.э. *ПИФК* 3, 104–115.
- Гуцалов, С.Ю. 2011: Некоторые материалы из раскопок Г.А. Кушаева на территории уральского левобережья. *УАВ* 11, 16–27.
- Гуцалов, С.Ю. 2013: Позднепрохоровское погребение из Нагорненского курганного могильника в Западном Казахстане. *РА* 3, 108–113.
- Гуцалов, С.Ю., Марыксин, Д.В. 2011: Погребения из Западного Казахстана (к вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии). *ВДИ* 3, 192–206.

- Давыдова, А.В. 1996: *Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник* (Археологические памятники сунну 2). СПб.
- Давыдова, А.В., Миняев, С.С. 1993: Новые находки наборных поясов. Дырестуйском могильнике. *АВ* 2, 55–65.
- Дворниченко, В.В., Демиденко, С.В., Демиденко, Ю.В. 2008: Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова* (МИАР 10). М., 239–242.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1989: Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. В кн.: К.А. Смирнов (ред.), *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М., 5–13.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1993: Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Демиденко С.В., Демиденко, Ю.В. 2012: К вопросу о связях Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии в последние века до н.э. В кн.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуциной* (Труды ГИМ, 191). М., 79–89.
- Дэвлет, М.А. 1980: *Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э.* (САИ, Д4-7). М.
- Засецкая, И.П. 2008: Золотые украшения из кургана Хохлач – классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I – начала II в. н.э. В кн.: *Кат. Ст. Петербург* 2008, 29–43.
- Засецкая, И.П. 2010: Декоративное оформление больших фаларов из погребения I в. н.э. у ст. Жутово (к вопросу о происхождении сарматского звериного стиля). *НАВ* XI, 114–129.
- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Засецкая, И.П. 2012а: Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле. В сб.: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев, 353–383.
- Засецкая, И.П. 2012б: Образ волка в сарматском искусстве I в. н.э. *Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал* 3. Самара, 63–73.
- Засецкая, И.П. 2015: О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры. *АСГЭ* 40, 189–231.
- Засецкая, И.П. 2016: Стилистические особенности декора на фаларах из Яшкуля. В кн.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию Б.А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г.* Ростов-на-Дону, 90–105.
- Засецкая, И.П., Минасян, Р.С. 2008: Золотые ножны кинжала из кургана Дачи – уникальное произведение древнего ювелирного искусства. В кн.: *Кат. Ст. Петербург* 2008, 44–52.
- Ильясов, Дж. Я. 2015: Поясные наборы кочевников Согда. В кн.: А.В. Омельченко, Д.К. Мирзаахмедов (ред.), *Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье: на основе материалов научных конференций 2010 и 2011 гг.* (Труды ГЭ LXXV). СПб., 63–67.
- Кат. Москва 2005: Т.А. Габуев, *Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков*. М.
- Кат. Москва 2014: *Тыва – в беге времени*. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. М.
- Кат. Ст. Петербург 2004: М.Б. Пиотровский (ред.), *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций*. СПб.

- Кат. Ст. Петербург 2008: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского*. СПб.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2017: Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве. *КСИА* 247, 87–104.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2018а: Новые данные по социальной структуре населения Тувы в конце I тыс. до н.э. В кн.: Я.В. Рафикова (ред.), *«Мужской и женский мир в отражении археологии»*. Материалы Всероссийской с международным участием конференции г. Уфа, 19–21 ноября 2018 г. Уфа, 126–136.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2018б: Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве. *АВ* 24, 125–152.
- Клепиков, В.М. 2016: Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе). В кн.: *Константин Федорович Смирнов*, 104–109.
- Клепиков, В.М. 2017: Погребения раннесарматской культуры Нижнего Поволжья с деталями повозки в закладе могильной камеры. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 22.3, 20–35.
- Клепиков, В.М., Скрипкин, А.С. 2002: Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *НАВ* 5, 47–81.
- Королькова, Е.Ф. 1999: Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии. *АСГЭ* 34, 68–96.
- Королькова, Е.Ф. 2001: Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи. В кн.: Н.А. Захарова (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура*. СПб., 68–95.
- Королькова, Е.Ф. 2006: *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.)*. СПб.
- Королькова, Е.Ф. 2008: Сарматские украшения и сибирское золото древних кочевников. В кн.: *Кат. Ст. Петербург 2008*, 15–28.
- Королькова, Е.Ф. 2011: Конский «эгрет» со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I. *СГЭ* 69, 5–14.
- Королькова, Е.Ф. 2012б: Сибирская коллекция Петра I в Эрмитаже. *Scripta antiqua* 2, 329–355.
- Королькова, Е.Ф. 2015: Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов). *АСГЭ* 40, 157–188.
- Королькова, Е.Ф. 2017: О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля. *КСИА* 247, 50–60.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1-27). М.
- Кузьмин, Н.Ю. 1988: Тесинский могильник у деревни Калы. В кн.: В.М. Массон (ред.), *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири*. Л., 55–82.
- Кузьмин, Н.Ю. 2011: *Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура*. СПб.
- Кунгурова, Н.Ю., Обороин, Ю.В. 2013: Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина). *АЭАЕ* 2 (54), 126–136.
- Курманкулов, Ж.К. 2007: Исследование могильника Нагорненский в 1981 г. (Предварительный итог). В кн.: З.С. Самашев, Ж.К. Курманкулов, Г.С. Султангалиева, С.Ю. Гущалов (ред.), *Кадырбаевские чтения: Материалы международной научной конференции*. Актобе, 98–102.
- Лукпанова, Я.А. 2012: Исследования памятников раннего железного века на Территории Западно-Казахстанской области в свете одного десятилетия. *Вопросы археологии Западного Казахстана* 1, 142–156.

- Лунева, В. 2001: Ювелирные изделия из Кампыртепа. В кн.: Э. Ртвеладзе (ред.), *Материалы Тохаристанской экспедиции. 2. Археологические исследования Кампыртепа*. Ташкент, 113–125.
- Ляхов, С.В., Мордвинцева, В.И. 2000: Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области. *РА* 3, 102–109.
- Ляхов, С.В., Половинкина, Ю.С. 2009: Курган раннего железного века у поселка Питерка в Саратовском Заволжье. В кн.: В.А. Лопатин (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи* 7. Саратов, 196–231.
- Максимова, А.Г., Мершиев, М.С., Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. 1968: *Древности Чардары*. Алма-Ата.
- Мандельштам, А.М. 1966: *Кочевники на пути в Индию* (МИА 136). М.–Л.
- Мандельштам, А.М. 1975: *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии*. Л.
- Манцевич, А.П. 1976: Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I). В кн.: *Скифо-сибирский звериный стиль*, 164–193.
- Маслов, В.Е. 1999: О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. В кн.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.), *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М., 219–236.
- Матвеева, Н.П. 1994: *Ранний железный век Приишимья*. Новосибирск.
- Матвеева, Н.П. 2012: Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье. *АЭАЕ* 4 (52), 70–85.
- Матвеева, Н.П. 2017: Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры. *РА* 4, 3–20.
- Медведская, И.Н. 1979: Раскопки в Шаартузе в 1974 г. В кн.: Б.А. Литвинский, Н.Н. Негматов, В.А. Ранов (ред.), *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XIV. Душанбе, 110–122.
- Минасян, Р.С. 2014: *Металлообработка в древности и средневековье*. СПб.
- Минасян, Р.С., Шаблавина, Е.А. 2009а: О роли технической терминологии в археологической литературе. В кн.: А.Г. Фурасев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 236–261.
- Миняев, С.С. 2007: *Дурестуйский могильник* (Археологические памятники Сюнну 3). 2-е доп. изд. СПб.
- Мордвинцева, В.И. 1999: Набор фаларов из кургана 28 могильника Жутово Волгоградской области. *НАВ* 2, 42–51.
- Мордвинцева, В.И. 2003: *Полихромный звериный стиль*. Симферополь.
- Мордвинцева, В.И. 2007: Сарматский полихромный звериный стиль. В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер (ред.), *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. I. Симферополь–Бонн, 195–244.
- Мордвинцева, В.И. 2011: Культурные изменения в Нижнем Поволжье по материалам комплексов с предметами из драгоценных металлов (III в. до н. э. – сер. III в. н.э.). *АМА* 15, 332–365.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь–Бонн.
- Мордвинцева, В.И., Хабарова, Н.В. 2006: *Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики сарматского времени из фондов Волгоградского областного краеведческого музея*. Симферополь.
- Мордвинцева, В.И., Шинкарь, О.А. 1999: Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. *НАВ* 2, 138–149.
- Мыськов, Е.П., Кияшко, А.В., Скрипкин, А.С. 1999: Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149–167.

- Обельченко, О.В. 1978: Шахривайронская пряжка. В кн.: О.В. Обельченко, Д.М. Овезов, Т. Хожанязов (ред.), *История и археология Средней Азии*. Ашхабад, 68–81.
- Обельченко, О.В. 1992: *Культура античного Согда*. М.
- Ольховский, В.С. 2005: *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. М.
- Отчет Российского Исторического Музея 1916: *Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет (1883–1908)*. М.
- Пилипко, В.Н. 2001: *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. М.
- Подушкин, А.Н. 2012: К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе). *Stratum plus* 4, 31–53.
- Пшеницына, М.Н. 1992: Тесинский этап. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 224–235.
- Раев, Б.А. 2017: Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций. В кн.: Л.Б. Вишняцкий (ред.), *Ex Ungue Leonis. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. СПб., 291–305.
- Раев, Б.А., Дворниченко, В.В. 2014: Азиатские элементы обряда захоронения у с. Косика (Косика-2). В кн.: А.А. Бисембаев (ред.), *Материалы IV Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2014»*. Актобе–Астана, 170–174.
- Самашев, З. 2013: *Казахское искусство: в 5-ти томах. Т. 1. Древнее искусство*. Алматы. <http://archeo-astana.kz/monograph/ezhelgi-oner/#/1/>
- Самашев, З., Джумабекова, Г., Базарбаева, Г., Онгар, А. 2007а: *Древнее золото Казахстана*. Алматы.
- Самашев, З., Кушербаев, К., Аманшаев, Е., Астафьев, А. 2007б: *Сокровища Устюрта и Манкыстау*. Алматы.
- Симоненко, А.В. 2015: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев.
- Скворцов, Н.Б., Скрипкин, А.С. 2008: Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *НАВ* 9, 98–116.
- Скрипкин, А.С. 2000: Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов. *НАВ* 3, 17–40.
- Скрипкин, А.С. 2006: К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур. В кн.: А.С. Скрипкин (ред.), *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения*. Вып. 1. Волгоград, 5–27.
- Скрипкин, А.С. 2014: О восточных связях сарматов во II–I вв. до н.э. В кн.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* (УАВ, 14). Уфа, 218–222.
- Скрипкин, А.С. 2015: Об одном типе раннесарматских курганных. *РА* 1, 106–111.
- Скрипкин, А.С. 2017: *Сарматы*. Волгоград.
- Скрипкин, А.С. 2019: Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н. э. (восточные инновации, факты, причины, последствия). *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 24.1, 20–34.
- Скрипкин, А.С., Клепиков, В.М. 2004: Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В кн.: Б.А. Раев (ред.), *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 95–106.
- Скрипкин, А.С., Шинкарь, О.А. 2010: Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. *РА* 1, 125–138.
- Смирнов, К.Ф. 1975: *Сарматы на Илеке*. М.

- Смирнов, К.Ф. 1976: Савромато-сарматский звериный стиль. В кн.: *Скифо-сибирский звериный стиль*, 74–89.
- Спицын, А.А. 1909: Фалары Южной России. *ИАК* 29, 18–53.
- Тетерин, Ю.В. 2015: Поясные подвески хуннской эпохи Южной Сибири. *Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. 14.5: Археология и этнография*, 51–60.
- Тишкин, А.А., Матренин, С.С. 2017: Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннского времени (по материалам памятника Яломан-П). *КСИА* 247, 74–87.
- Трейстер, М.Ю. 2007: Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Том 1. Симферополь, Бонн, 15–194.
- Трейстер, М.Ю. 2010: Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). *АВ* 16, 72–94.
- Трейстер, М.Ю. 2011: Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике. *Scripta antiqua* 1, 90–146.
- Трейстер, М.Ю. 2014: К находке фалара из медальона эллинистической чаши в кургане № 20 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия). *ВДИ* 2, 125–150.
- Трейстер, М.Ю. 2018а: Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Трейстер, М.Ю. 2018б: Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.). *МАИАСК* 10, 109–201.
- Трейстер, М.Ю. 2019: Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии. В кн.: А.Д. Васильев (ред.), III Международная научная конференция. Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 1. Москва, 260–264.
- Филанович, М. 2010: Древний Чач на пути евразийских миграций кочевников. В кн.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь П. Бернара*. Ташкент, 204–216.
- Фирсов, К.Б. 2004: Золотая пластина сарматского времени из Кочковатки (технологические наблюдения). В кн.: *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция*. Волгоград, 167–171.
- Харинский, А.В. 2014: Елгинские захоронения Прибайкалья. *Известия Лаборатории древних технологий* 3(12), 20–44.
- Шилов, В.П. 1954: Отчет о раскопках Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. – Архив ВОКМ, № 7 (А–7 а).
- Шилов, В.П. 1956: Погребение сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. *СТЭ* 9, 42–45.
- Шилов, В.П. 1959: Калиновский курганный могильник. В кн.: Е.И. Крупнов (ред.), *Древности Нижнего Поволжья. I* (МИА 60). М., 323–523.
- Шилов, В.П. 1975: *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Л.
- Юсупов, Х.Ю. 1975: Исследование курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г. *Успехи Среднеазиатской Археологии* 3. Л., 48–51.

- Ягодин, В.Н. 1978: Памятники кочевых племен древности и средневековья. В кн.: С.К. Камалов (ред.), *Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта*. Ташкент, 79–198.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм древней Евразии*. М.
- Abdullaev, K.A. 2008: Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica* 10, 135–149.
- Belaňová, P. 2016: Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111–126.
- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.
- Boardman, J. 2010: *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin* (Beazley Archive Occasional Paper). Oxford.
- Boardman, J. 2012: Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 102–111.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5). Bonn, 349–424.
- Brosseder, U. 2013: Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 2013, 89–101.
- Bunker, E.C. 1988: Lost Wax and Lost Textile: An Unusual Ancient Technique for Casting Gold Belt Plaques. In: R. Maddin (ed.), *The Beginning of the Use of Metals and Alloys: Papers from the Second International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys, Zhengzhou, China, 21–26 October 1986*. Cambridge, Mass., 222–227.
- Bunker, E. C. 1997: *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collection*. New York.
- Bunker, E.C., Ternbach, J. 1970: A Variation of the “Lost-Wax” Process. *Expedition* 12.3, 41–43.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Mantua 1998: *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia.
- Cat. Miho 2002: *Treasures of Ancient Bactria*. Miho Museum. Miho.
- Cat. Milan 1995: M.G. Curletti (ed.), *Tesori delle Steppe. Cimмери, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari*. Milan.
- Cat. New York 1975: *From the Lands of the Scythians* (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974). New York.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan.
- Cat. Tokyo 1991a: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo.
- Cat. Tokyo 1991b: G.A. Pugachenkova, E.V. Rtveladze, K. Kato (eds.), *Antiquities of Southern Uzbekistan*. Tashkent.
- Cat. Triest 2001: A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij (eds.), *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati*. Milan.
- Cat. Venice 1993: B.A. Litvinskij (ed.), *Oxus. Tesori dell'Asia Centrale*. Rome.
- Cat. Washington 2006: C. Chang, K. Guroff (eds.), *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. Washington.

- Chandra, R.G. 1979: *Indo-Greek Jewellery*. New Delhi.
- Charrière, G. 1974: *Die Kunst der Skythen*. Köln.
- Collon, D. 1995: *British Museum. Ancient Near Eastern Art*. London.
- Curtis, V.S. 2001: Parthian Belts and Belt Plaques. *IrAnt* XXXVI, 299–327.
- Damm, I.G. 1990: Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 23, 239–243.
- The Dawn of Art 1974: *The Dawn of Art. Palaeolithic, Neolithic, Bronze Age and Iron Age Remains found in the territory of the Soviet Union. The Hermitage Collection*. Leningrad.
- Fless, F., Treister, M. 2007: Schmuck im Polychromen Stil – Zur Typologie und Entwicklung einer Schmuckform im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. bis ins frühe 2. Jh. n. Chr. In: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.)* (Ausonius Editions, Mémoires 18). Bordeaux, 165–187.
- Francfort, H.P. 2011: Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C., *Topoi* 17/1, 277–347.
- Francfort, H.P. 2014: Les nomades installés dans la bactriane (IIe s. av. J.-c.–Ier s. ap. J.-C.): Nouvelles découvertes. *CRAI* IV (2013–2014), 1543–1576.
- Ghirshman, R. 1979: La ceinture en Iran. *IrAnt* 14, 166–196.
- Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012: A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339–375.
- Guerra, M.F., Demortier, G., Vitobello, M.L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., Mirsaidov, I. 2009: Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *Archeosciences. Revue d'archéométrie* 33, 177–185.
- Guguev, V. 1996: The Gold Jewelry Complex from the Kobayakov Pit-Burial. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington–Indianapolis, 51–61.
- Gutsalov, S. 2012: On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia. *ACSS* 18, 29–50.
- Hickman, J. 2012: Bactrian Gold: Jewelry Workshop Traditions at Tillya Tepe. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 78–87.
- Ilyasov, J. 2003: Covered Tail and “Flying” Tassels. *IrAnt* XXXVIII, 259–325.
- Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998: A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107–159.
- Invernizzi, A. 1999: *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia (Acta Iranica, XXXI)*. Louvain-la-Neuve.
- Jäger, U. 2009: Some Remarks on Horses on the Ancient Silk Roads Depicted on Monuments of Art between Gandhara and the Tarim Basin. In: B.G. Fragner, R. Kauz, R. Ptak, A. Schottenhammer (Hrsg.), *Pferde in Asien. Geschichte, Handel und Kultur* (Veröffentlichungen zur Iranistik, 46). Wien, 75–82.
- Jäger, U., Kansteiner, S. 2011: *Ancient Metalwork from the Black Sea to China in the Borowski Collection*. Ruhpolding, Mainz.
- Kat. Berlin 1983: U. Gehrig (Hrsg.), *Tierbilder aus vier Jahrtausend. Antiken der Sammlung Mildenberg*. Mainz.
- Kat. Bochum 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum.
- Kat. Bonn 1997: L. Barkova, Ju. Kalašnik (Hrsg.), *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.

- Kat. Hamburg 1993: R. Busch (Hrsg.), *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster.
- Kat. Leoben 2009: W. Seipel (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien.
- Kat. Mannheim 2009: S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg.
- Kat. München 1996: G. Zahlhaas, *Aus Noahs Arche. Tierbilder der Sammlung Mildenberg aus fünf Jahrtausenden*. Mainz.
- Kat. Schleswig 1991: R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Kat. Wien 1996: W. Seipel (Hrsg.), *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996*. Wien.
- Kat. Zürich 1989: J. Rickenbach (Hrsg.), *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan*. Museum Rietberg Zürich. Zürich.
- Kat. Zürich 1993: M. Karabelnik (Hrsg.), *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich.
- Kidd, F. 2011: Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229–276.
- Kidd, F., Betts, A.V.G. 2010: Entre le fleuve et la steppe: Nouvelles perspectives sur le Khorezm ancien. *CRAI* II (avril-juin), 637–686.
- Kidd, F., Negus Cleary, M., Baker Brite, E. 2012: Public vs. Private. Perspectives on the Communication of Power in Ancient Chorasmia. In: C. Hartley, G. Bike Yazıcıoğlu, A.T. Smith (eds.), *Regimes and Revolutions: Power, Violence, and Labor in Eurasia Between the Ancient and the Modern*. Cambridge, 91–121.
- Korolkova, E. 2006: Camel Imagery in Animal Style Art. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 196–207.
- Korolkowa, E.F. 2009: Sarmatischer Schmuck und Sibirisches Gold antiker Nomaden. In: *Kat. Leoben 2009*, 42–57.
- Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th – 1st Centuries BCE)* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 6). Bonn.
- Linduff, K.M. 2009: Chinese Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in Zhou China. In: J. Mei, T. Rerhen (eds.), *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond*. L., 90–96.
- Mantsevich, A.P. 1982: Finds in the Zaporozhe Barrow: New Light on the Siberian Collection of Peter the Great. *AJA* 86, 469–474.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Marshak, B.I. 2002: Pre-Islamic Painting of the Iranian Peoples, and its Sources in the Sculpture and the Decorative Arts. In: E. Sims, B.I. Marshak, E.J. Gruber (ed.), *Peerless Images. Persian Painting and its Sources*. New Haven–London, 7–19.
- Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.
- Mordvinceva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren* (Archäologie in Eurasien 11). Rahden.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-Tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2016: Barbarians of the North Pontic Region and their Contacts with Centres of Antique Civilization from the 3rd Century BCE to the mid-3rd Century CE (According to the Research of the Elite Burials). In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj, Napoca, 381–432.

- Olbrycht, M. 2015: Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia – Ways of Cultural Transfer. In: J. Bemmman, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn, 333–390.
- Otchir-Goriaeva, M. 2002: Das sarmatische Grab von Jaškul⁴, Kalmykien. *EurA* 8, 353–387.
- Peterson, S. 2012: Parthian Aspects of Objects from Grave IV, Tillya Tepe, with Particular Reference to the Medallion Belt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1485067/Parthian_Aspects_of_Objects_from_Grave_IV_Tillya_Tepe.
- Pfrommer, M. 1993: *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Polosmak, N.V. 2012: Embroideries on Garments from Kurgan 20 of the Noin-Ula Burial Ground. *Anabasis* 3, 267–288.
- Pougatchenkova, G. 1978: *Les trésors de Dalverzine-Tépé*. Leningrad.
- Rehm, E. 1992: *Der Schmuck der Achämeniden*. Münster.
- Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I.* (Sammlung archäologischen Quellen D3-9). Moskau, Leningrad.
- Safar, F. Mustafa, A.M. 1974. *Hatra: The City of the Sun God [al-Ḥaḍr, madīnat al-shams]*. Baghdad.
- Salmony, A. 1948: Sarmatian gold collected by Peter the Great. III. The early group with winged circle sockets. *Gazette des Beaux-Arts*, 6th series XXXIII, 321–326.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Baktrisches Gold*. Leningrad.
- Sassetskaja, I.P. 2009: Goldschmuck aus dem Kurgan Chochlatsch. Klassische Beispiele für den polychromen Tierstil. In: *Kat. Leoben* 2009, 58–73.
- Schiltz, V. 1994: *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München.
- Schiltz, V. 2015: Ariane, Artémis, Cybèle et autres Nana. In: V. Schiltz (ed.), *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin – II*. Paris, 71–91.
- Shu Takahama 高濱, 秀 2002: ユーラシア草原地帯の非金属製帯飾板. 金沢大学考古学紀要 [Kanazawa University. College of Human and Social Sciences. Departmental Bulletin Paper] 26, 50–63, https://kanazawau.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=6507&item_no=1&page_id=13&block_id=21
- Shu Takahama 高濱, 秀 2012: 匈奴・サルマタイ時代のユーラシア草原西部の帯飾板について. [On the Belt Plaques of the Western Eurasian Steppes in the Xiongnu]. 金沢大学考古学紀要 = Archaeology Bulletin, Kanazawa University 33, 23–34.
- Simonenko, A.V. 2001: Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und der späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *EurA* 7, 187–327.
- Sono, T., Fukai, Sh. 1968: *Dailaman III. The Excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti 1964* (The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report) 8. Tokyo.
- Treister, M. 2002: Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *SRAA* 8, 29–72.
- Treister, M. 2004: Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297–321.
- Treister, M. 2016: On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55–95.
- Winkelmann, S. 2003: Eurasisches in Hatra ? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 „Differenz und Integration“* 4, 1, 21–140.
- Yagodin, V.N., Betts, A.V.G., Kidd, F., Baker Brite, E., Khozhaniyazov, G., Amirov, S., Yagodin, V.V., Fray, G. 2009: Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait” Gallery. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 4, 7–41.

REFERENCES

- Abdullaev, K.A. 2008: Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica* 10, 135–149.
- Akbulatov, I.M. 1998: Novo-Kalkashskiy II kurgannyi mogil'nik na r. Sterlya [Novo-Kalkash-II Tumuli Necropolis on River Sterlya]. *Ufimskiy arkhеologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Journal]* 1, 121–137.
- Artamonov, M.I. 1971: Voprosy khronologii skifo-sibirskogo zolota. *Sovetskaya arkhеologiya [Soviet archaeology]* 3, 40–57.
- Artamonov, M.I. 1973: *Sokrovishcha sakov [The Treasures of Saka]*. Moscow.
- Belaňová, P. 2016: Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111–126.
- Berlizov, N.E. 2014: Fenoman srednesarmatskoj kul'tury i problema migratsii iz Central'noj Azii [The Phaenomenon of the Middle Sarmatian Culture and the Problem of Migration from Central Asia]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta dryzhby narodov [Journal of the Russian University of Peoples Friendship]*, seriya Vseobshchaya istoriya [Series World History] 4, 60–68.
- Berkhin, I.P. 1959: Sarmatskoe pogrebenie u s. Salomatina [Sarmatian Burial near the Village Salomatino]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]* XV, 37–41.
- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: B.A. Raev (ed.), *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.
- Bespalyy, E.I. 1992: Kurgan sarmatskogo vremeni u g. Azova [A Burial-Mound of Sarmatian Period near the City of Azov]. *Sovetskaya arkhеologiya [Soviet archaeology]* 1, 175–190.
- Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Novoaleksandrovka [The Ancient Population of the Interfluvium of Don and Kagal'nik. The Kurgan Necropolis near the Village of Novoaleksandrovka] (Materialy i issledovaniya po arkhеologii Yuga Rossii [Materials and Studies in the Archaeology of South Russia]. Iss. I. Vol. 2). Rostov-on-Don.*
- Boardman, J. 2010: *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin* (Beazley Archive Occasional Paper). Oxford.
- Boardman, J. 2012: Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 102–111.
- Bogdanov, E.S. 2006: *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevnikov narodov Tsentral'noj Azii [The Image of Predator in the Plastic Art of the Nomads of Central Asia]*. Novosibirsk.
- Bogdanova-Berezovskaya, I.V. 1975: Khimicheskij sostav metallicheskich predmetov iz Arauktausskogo, Kokkumskogo i Babashovskogo mogil'nikov [The Chemical Composition of the Metal Objects from Arauktau, Kokkum and Babashov Necropoleis]. In: A.M. Mandelshtam, *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktirii [The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in North Bactria]*. Leningrad, 193–202.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5). Bonn, 349–424.
- Brosseder, U. 2013: Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 2013, 89–101.

- Bunker, E.C. 1988: Lost Wax and Lost Textile: An Unusual Ancient Technique for Casting Gold Belt Plaques. In: R. Maddin (ed.), *The Beginning of the Use of Metals and Alloys: Papers from the Second International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys, Zhengzhou, China, 21–26 October 1986*. Cambridge, Mass., 222–227.
- Bunker, E. C. 1997: *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collection*. New York.
- Bunker, E.C., Ternbach, J. 1970: A Variation of the “Lost-Wax” Process. *Expedition* 12.3, 41–43.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L’or des Sarmates. Nomades des steppes dans l’antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Mantua 1998: *L’uomo d’oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall’età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia.
- Cat. Miho 2002: *Treasures of Ancient Bactria*. Miho Museum. Miho.
- Cat. Milan 1995: M.G. Curletti (ed.), *Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari*. Milan.
- Cat. Moscow 2005: T.A. Gabuev, *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I–XII Vekov [Alanian Horseman. Princely Treasures of the 1st–12th Centuries]*. Moscow.
- Cat. Moscow 2014: *Tyva – v bege vremeni. Vserossiyskiy muzey dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva [Tyva – in the Running of Time. All-Russian Museum of Decorative Applied and Folk Art]*. Moscow.
- Cat. New York 1975: *From the Lands of the Scythians* (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974). New York.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L’or des Amazones*. Paris.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan.
- Cat. St. Petersburg 2004: M.B. Piotrovskiy (ed.), *Iran v Ermitazhe. Formirovanie kollektsey [Iran in the Hermitage. The Formation of Collections]*. Saint Petersburg.
- Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo [Treasures of the Sarmatians. Catalogue of the exhibition to the 100-Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovskiy]*. Saint Petersburg.
- Cat. Tokyo 1991a: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo.
- Cat. Tokyo 1991b: G.A. Pugachenkova, E.V. Rtveladze, K. Kato (eds.), *Antiquities of Southern Uzbekistan*. Tashkent.
- Cat. Triest 2001: A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij (eds.), *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati*. Milan.
- Cat. Venice 1993: B.A. Litvinskij (ed.), *Oxus. Tesori dell’Asia Centrale*. Rome.
- Cat. Washington 2006: C. Chang, K. Guroff (eds.), *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. Washington.
- Chandra, R.G. 1979: *Indo-Greek Jewellery*. New Delhi.
- Charrière, G. 1974: *Die Kunst der Skythen*. Köln.
- Collon, D. 1995: *British Museum. Ancient Near Eastern Art*. London.
- Curtis, V.S. 2001: Parthian Belts and Belt Plaques. *IrAnt* XXXVI, 299–327.
- Damm, I.G. 1990: Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 23, 239–243.
- Davydova, A.V. 1996: *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. Vol. 2. Ivolginskiy mogil’nik [Ivolga Archaeological Complex. Vol. 2. Ivolga Necropolis]* (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [Archaeological Monuments of Xiongnu] 2). Saint Petersburg.
- Davydova, A.V., Minyaev, S.S. 1993: Novye nakhodki nabornykh po yasov v Dyrestuyskom mogil’nike [New Finds of Composite Belts in the Dyrestuy Necropolis]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]* 2, 55–65.

- The Dawn of Art 1974: *The Dawn of Art. Palaeolithic, Neolithic, Bronze Age and Iron Age Remains found in the territory of the Soviet Union. The Hermitage Collection*. Leningrad.
- Dvornicheskoy, V.V., Demidenko, S.V., Demidenko, Yu.V. 2008: Nabor pryazhek iz pogrebeniya znatnogo sarmatskogo voyna v mogil'nikе Krivaya Luka VIII. In: M.G. Moshkova (ed.), *Problemy sovremennoy arkheologii. Sbornik pamyati V.A. Bashilova* [The Problems of Modern Archaeology. The Collection of Articles dedicated to the Memory of V.A. Bashilov] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of Russia] 10). Moscow, 239–242.
- Dvornicheskoy, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989: Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e. In: K.A. Smirnov (ed.), *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh'ya* [The Treasures of Sarmatian Chieftains and the Ancient Cities of Volga Basin]. Moscow, 5–13.
- Dvornicheskoy, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n.eh. u s. Kosika Astrakhanskoy oblasti [A Sarmatian Burial of the 1st Century AD Skeptukhos near the Village Kosika in the Astrakhan Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 141–179.
- Demidenko, S.V., Demidenko, Yu.V. 2012: K voprosu o svyazyakh Zavolzh'ya, Severnogo Prikasp'ya i Sredney Azii v poslednie veka do n.e. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. To the Memory of Irina Ivanovna Gushchina] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 191). Moscow, 79–89.
- Devlet, M.A. 1980: *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny. II v. do n.eh. – I v. n.e.* [The Siberian Open-Worked Belt Plaques. 2nd Century BC – 1st Century AD] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д4-7). Moscow.
- Filanovich, M. 2010: Drevniy Chach na puti evraziyskikh migratsiy nomadov. In: K. Abdullaev (ed.), *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kul'ture Sredney Azii. Sbornik statey v chest' P. Bernara* [The Traditions of East and West in the Ancient Culture of the Middle Asia. The Collection of Articles in Honor of P. Bernard]. Tashkent, 204–216.
- Firsov, K.B. 2004: Zolotaya plastina sarmatskogo vremeni iz Kochkovatki (tekhnologicheskie nablyudeniya). In: *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. I Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The Problems of Archaeology of the Lower Volga Region. I International Lower Volga Archaeological Conference]. Volgograd, 167–171.
- Fless, F., Treister, M. 2007: Schmuck im Polychromen Stil - Zur Typologie und Entwicklung einer Schmuckform im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. bis ins frühe 2. Jh. n. Chr. In: A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. - IIIe s. p. C.)* (Ausonius Éditions, Mémoires 18). Bordeaux, 165–187.
- Francfort, H.P. 2011: Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C., *Topoi* 17/1, 277–347.
- Francfort, H.P. 2014: Les nomades installés dans la bactriane (IIe s. av. J.-c. – Ier s. ap. J.-C.): Nouvelles découvertes. *CRAI* IV (2013–2014), 1543–1576.
- Ghirshman, R. 1979: La ceinture en Iran. *IrAnt* 14, 166–196.
- Glebov, V.P. 2016: Pryazhki s zoomorfnyimi izobrazheniyami v rannesarmatskoy kul'ture Nizhnego Podon'ya. In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovichа Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and the Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference "The Problems

- of Sarmatian Archaeology and History", dedicated to the 100-anniversary of Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, 69–79.
- Glebov, V.P., Babeshko, I.G. 2012: Rannesarmatskoe pogrebenie s zoomorfnoy pryazhkoy iz mogil'nika Krasnogorovka III. In: A.A. Gorbenko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g.* [Historical and Archaeological Studies in Azov and in the Lower Don Area in 2010] 26. Azov, 281–291.
- Gorbunova, N.G. 2001: Skotovody Baktrii, Sogda i Tsentral'nykh Kyzylkumov. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 35, 126–151.
- Gordin, I.A. 1988: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurganov u s. Chaltyr' iz kurgan-nogo mogil'nika «Khapry» v zone stroitel'stva oroshaemogo uchastka Myasnikovskogo rayona Rostovskoy oblasti* [Report on Archaeological Excavations of the Burial-mounds near the Village Chaltyr' in the Burial-ground "Khapry" in the Construction Zone of the Irrigated Area of the Myasnikov District of the Rostov Region].
- Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, P-1, №12939 (A-12940).
- Gorodtsov, V.A. 1912: Obzor vazhneyshikh pamyatnikov v Moskovskom istoricheskom muzee. Doistoricheskiy Otdel [A Survey of the Most Important Monuments in the Moscow Historical Museum. Pre-Historic Department]. Moscow, 23–74.
- Grakov, B.N. 1950: Skifskiy Gerakl [Scythian Herakles]. *Kratkie soobscheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture] XXXIV, 7–18.
- Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012: A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339–375.
- Guerra, M.F., Demortier, G., Vitobello, M.L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., Mirsaidov, I. 2009: Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *Archeosciences. Revue d'archeometrie* 33, 177–185.
- Guguev, V. 1996: The Gold Jewelry Complex from the Kobayakov Pit-Burial. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington, Indianapolis, 51–61.
- Gushchina, I.I. 1969: Yanchokrakskiy klad. In: L.A. Evtyukhova (ed.), *Drevnosto Vostochnoy Evropy* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Antiquities of Eastern Europe] (Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR 169). Moscow, 43–51.
- Gutsalov, S.Yu. 2009: O tsentral'noaziatskikh kul'turnykh komponentakh v pogrebeniyakh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya III v. do n.e. [On the Central Asian Cultural Components in the Burials of the Nomads of the Foothills of South Urals in the 3rd Century BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture] 3, 104–115.
- Gutsalov, S.Yu. 2011: Nekotorye materialy iz raskopok G.A. Kushaeva na territorii ural'skogo levoberezh'ya [Some Materials from G.A. Kushaev's Excavations in the Territory of the Left Bank of Ural River]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Journal] 11, 16–27.
- Gutsalov, S. 2012: On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia. *ACSS* 18, 29–50.
- Gutsalov, S.Yu. 2013: Pozdneprokhorovskoe pogrebenie iz Nagornenkogo kurgannogo mogil'nika v Zapadnom Kazakhstane [Late Prokhorovka Burial from the Nagornenskiy Tumuli Necropolis in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 3, 108–113.
- Gutsalov, S.Yu., Maryksin, D.V. 2011: Pogrebeniya iz Zapadnogo Kazakhstana (k voprosu o svyazyakh drevnykh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya s naseleniem Tsentral'noy Azii) [The Burials from Western Kazakhstan (to the Question of Relations of the Ancient Nomads of the Foothills of South Urals with the Population of Central Asia)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 192–206.

- Hickman, J. 2012: Bactrian Gold: Jewelry Workshop Traditions at Tillya Tepe. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 78–87.
- Ilyasov, J. 2003: Covered Tail and “Flying” Tassels. *IrAnt* XXXVIII, 259–325.
- Il'yasov, J.Ya. 2015: Poyasnye nabory kochevnikov Sogda. In: A.V. Omel'chenko, D.K. Mirza-akhmedov (eds.), *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e: na osnove materialov nauchnykh konferentsiy 2010 i 2011 gg.* [The Bukhara Oasis and its Neighbors in Antiquity and the Middle Ages: based on the materials of scientific conferences held in 2010 and 2011] (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] LXXV). Saint Petersburg, 63–67.
- Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998: A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107–159.
- Invernizzi, A. 1999: *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia (Acta Iranica, XXXI)*. Louvain-la-Neuve.
- Jäger, U. 2009: Some Remarks on Horses on the Ancient Silk Roads Depicted on Monuments of Art between Gandhara and the Tarim Basin. In: B.G. Fragner, R. Kauz, R. Ptak, A. Schottenhammer (Hrsg.), *Pferde in Asien. Geschichte, Handel und Kultur* (Veröffentlichungen zur Iranistik, 46). Wien, 75–82.
- Jäger, U., Kansteiner, S. 2011: *Ancient Metalwork from the Black Sea to China in the Borowski Collection*. Ruppolding, Mainz.
- Kat. Berlin 1983: U. Gehrig (Hrsg.), *Tierbilder aus vier Jahrtausend. Antiken der Sammlung Mildenberg*. Mainz.
- Kat. Bochum 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum.
- Kat. Bonn 1997: L. Barkova, Ju. Kalašnik (Hrsg.), *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Hamburg 1993: R. Busch (Hrsg.), *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster.
- Kat. Leoben 2009: W. Seipel (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien.
- Kat. Mannheim 2009: S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg.
- Kat. München 1996: G. Zahlhaas, *Aus Noahs Arche. Tierbilder der Sammlung Mildenberg aus fünf Jahrtausenden*. Mainz.
- Kat. Schleswig 1991: R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Kat. Wien 1996: W. Seipel (Hrsg.), *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996*. Wien.
- Kat. Zürich 1989: J. Rickenbach (Hrsg.), *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan*. Museum Rietberg Zürich. Zürich.
- Kat. Zürich 1993: M. Karabelnik (Hrsg.), *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich.
- Kharinskiy, A.V. 2014: Elginskie zakhoroneniya Pribaykal'ya [Elginskie Burials of the Baikal Region]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies] 3(12), 20–44.
- Kidd, F. 2011: Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229–276.

- Kidd, F., Betts, A.V.G. 2010: Entre le fleuve et la steppe: Nouvelles perspectives sur le Khorezm ancien. *CRAI* II (avril-juin), 637–686.
- Kidd, F., Negus Cleary, M., Baker Brite, E. 2012: Public vs. Private. Perspectives on the Communication of Power in Ancient Chorasmia. In: C. Hartley, G. Bike Yazicioğlu, A.T. Smith (eds.), *Regimes and Revolutions: Power, Violence, and Labor in Eurasia Between the Ancient and the Modern*. Cambridge, 91–121.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2017: Iskusstvo kontsa pervogo tysyacheletiya do n.e. v Tuve [The Art of the Late First Millennium BC in Tuva]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 247, 87–104.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018a: Novye dannye po sotsial'noy strukture naseleniya Tuvy v kontse I tys. do n.e. In: Ya.V. Rafikova (ed.), «Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arkheologii». *Materialy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii* g. Ufa, 19–21 noyabrya 2018 g. [“The Male and Female World in the Reflection of Archeology.” *Materials of the All-Russian with international Participation Conference*. Ufa, November 19–21, 2018]. Ufa, 126–136.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018b: Novye materialy ulug-khemskey kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 24, 125–152.
- Klepikov, V.M. 2016: Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniya s dvumya mechami (k voprosu o sotsial'nom statuse). In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and the Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference “The Problems of Sarmatian Archaeology and History”, dedicated to the 100-anniversary of Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, 104–109.
- Klepikov, V.M. 2017: Pogrebeniya rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya s detalyami povozki v zaklade mogil'noy kamery [Burials of the Early Sarmatian Culture of the Lower Volga Region with the Details of the Wagons in the Entrance of the Grave Chamber]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 22.3, 20–35.
- Klepikov, V.M., Skripkin, A.S. 2002: Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya [The Chronology of the Early Sarmatian Monuments of the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 5, 47–81.
- Korolkova, E. 2006: Camel Imagery in Animal Style Art. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 196–207.
- Korolkova, E.F. 2009: Sarmatischer Schmuck und Sibirisches Gold antiker Nomaden. In: *Kat. Leoben 2009*, 42–57.
- Korol'kova, E.F. 1999: Obrazy verblyudov i puti ikh razvitiya v iskusstve rannikh kochevnikov Evrazii [Images of Camels and the Ways of their Evolution in the Art of Early Nomads of Eurasia]. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 34, 68–96.
- Korol'kova, E.F. 2001: Zverinyy stil' v oformlenii griven skifo-sarmatskoy epokhi. In: N.A. Zakharova (ed.), *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura* [Jewellery Art and Material Culture]. Saint Petersburg, 68–95.
- Korol'kova, E.F. 2006: Zverinyy stil' Evrazii. *Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.)* [Animal style of Eurasia. The Art of the

- Tribes of the Lower Volga Region and the Foothills of South Urals in the Scythian Period (7th – 4th Centuries BC)*. Saint Petersburg.
- Korol'kova, E.F. 2008: Sarmatskie ukrasheniya i sibirskoe zoloto drevnikh kochevnikov. In: *Cat. St. Petersburg* 2008, 15–28.
- Korol'kova, E.F. 2011: Konskiy «egret» so stenoy terzaniya iz Sibirskoy kollektsii Petra I. Horse “Aigrette” with a Scene of Torment from the Siberian Collection of Peter I. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage] 69, 5–14.
- Korol'kova, E.F. 2012b: Sibirskaya kollektsiya Petra I v Ermitazhe. *Scripta antiqua* 2, 329–355.
- Korol'kova, E.F. 2015: Sledy nevidannykh zverey (k probleme traktovki fantasticheskikh obrazov) [Traces of unseen Beasts (to the Problem of Interpretation Fantastic Images)]. *Arkheologicheskii Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 40, 157–188.
- Korol'kova, E.F. 2017: O proiskhozhdenii nekotorykh osobennostey sibirskogo zverinogo stilya [About the Origin of some Features of the Siberian Animal Style]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 247, 50–60.
- Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th – 1st Centuries BCE)* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 6). Bonn.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC–5th Century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д1-27). Moscow.
- Kungurova, N.Yu., Oborin, Yu.V. 2013: Klad, obnaryuzhennyy na r. Uybat (Minusinskaya kotlovina) [The Treasure found on the Uyabt River (Minusinsk Hollow)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia] 2 (54), 126–136.
- Kurmankulov, Zh.K. 2007: Issledovanie mogil'nika Nagornenskiy v 1981 g. (Predvaritel'nyy itog). In: Z.S. Samashev, Zh.K. Kurnamkulov, G.S. Sultangalieva, S.Yu. Gutsalov (eds.), *Kadyrbaevskie chteniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Kadyrbaev Readings. The Materials of the International Conference]. Aktobe, 98–102.
- Kuz'min, N.Yu. 1988: Tesinskiy mogil'nik u derevni Kaly. In: V.M. Masson (ed.), *Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoy Sibiri* [Archaeological Sites in the Irrigation Zones of South Siberia]. Leningrad, 55–82.
- Kuz'min, N.Yu. 2011: Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura [The funerary Monuments of the Hunno-Syanbi Period in Steppes of the Middle Yenisei. Tesinskaya Culture]. Saint Petersburg.
- Linduff, K.M. 2009: Chinese Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in Zhou China. In: J. Mei, T. Rerhen (eds.), *Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond*. L., 90–96.
- Lukpanova, Ya.A. 2012: Issledovaniya pamyatnikov rannego zheleznogo veka na territorii Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti v svete odnogo desyatiletia [Studies of of the Early Iron Age Sties in the Territory of the West Kazakhstan Region in the light of one decade]. *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of Archaeology of West Kazakhstan] 1, 142–156.
- Luneva, V. 2001: Yuvelirnye izdeliya iz Kampyrtepa. In: E. Rtveladze (ed.), *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii. 2. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa* [Materials of the Tokharistan Expedition. 2. Archaeological Studies of Kampyrtepa]. Tashkent, 113–125.
- Lyakhov, S.V., Mordvintseva, V.I. 2000: Rannesarmatskoe pogrebenie u poselka Piterka Saratovskoy oblasti [Early Sarmatian Burial near Settlement Piterka of the Saratov Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 3, 102–109.

- Lyakhov, S.V., Polovinkina, Yu.S. 2009: Kurgan rannego zheleznogo veka u poselka Piterka v Saratovskom Zavolzh'e. In: V.A. Lopatin (ed.), *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [*Archaeology of the Eastern-European Steppe*] 7. Saratov, 196–231.
- Maksimova, A.G., Mershchiev, M.S., Veinberg, B.I., Levina, L.M. 1968: *Drevnosti Chardary* [*Antiquities of Chardara*]. Alma-Ata.
- Mandelshtam, A.M. 1966: *Kochevniki na puti v Indiyu* [*The Nomads on the Way to India*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 136). Moscow–Leningrad.
- Mandelshtam, A.M. 1975: *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii* [*The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in North Bactria*]. Leningrad.
- Mantsevich, A.P. 1976: Nakhodka v Zaporozhskom kurgane (k voprosu o Sibirskoy kollektsii Petra I). In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova (eds.), *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scytho-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia]. Moscow, 164–193.
- Mantsevich, A.P. 1982: Finds in the Zaporozhe Barrow: New Light on the Siberian Collection of Peter the Great. *AJA* 86, 469–474.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Marshak, B.I. 2002: Pre-Islamic Painting of the Iranian Peoples, and its Sources in the Sculpture and the Decorative Arts. In: E. Sims, B.I. Marshak, E.J. Gruber (ed.), *Peerless Images. Persian Painting and its Sources*. New Haven–London, 7–19.
- Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.
- Maslov, V.E. 1999: O datirovke izobrazheniy na poyasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.A. Bashilov (eds.), *Evraziyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [*Eurasian Antiquities. 100-Anniversary of B.N. Grakov: Archive Materials, Publications, Articles*]. Moscow, 219–236.
- Matveeva, N.P. 1994: *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [*Early Iron Age of the Ishim Basin*]. Novosibirsk.
- Matveeva, N.P. 2012: Mogil'nik Kozlov Mys-2 i problema khronologii perekhodnogo perioda ot rannego k pozdnemu zheleznomu veku v Zaural'e [Kozlov Mys-2 Necropolis and the Problem of Chronology of the Transitional Period between the Early and the Late Iron Age in the Trans-Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [*Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*] 4 (52), 70–85.
- Matveeva, N.P. 2017: Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoy kul'tury [Radio-carbon Chronology of the Sites of the Sargat Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian archaeology*] 4, 3–20.
- Medvedskaya, I.N. 1979: Raskopki v Shaartuze v 1974 g. In: B.A. Litvinskiy, N.N. Negmatov, V.A. Ranov (eds.), *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological Works in Tadzhikistan] XIV. Dushanbe, 110–122.
- Minasyan, R.S. 2014: *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [*Metalworking in Antiquity and Middle Ages*]. Saint Petersburg.
- Minasyan, R.S., Shablavina, E.A. 2009: O roli tekhnicheskoy terminologii v arkheologicheskoy literature. In: A.G. Furasev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem* [The Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube]. Saint Petersburg, 236–261.
- Minyaev, S.S. 2007: *Durestuy'skiy mogil'nik* [Durestuy Necropolis] (Arkheologicheskie pamyatniki Syunnu [Archaeological Monuments of Xiongnu]) 3). 2nd rev. ed. Saint Petersburg.
- Mordvintseva, V.I. 1999: Nabor falarov iz kurgana 28 mogil'nika Zhutovo Volgogradskoy oblasti [The Set of Phalerae from Burial-mound 28 of the Zhutovo Burial-ground of the Vol-

- gograd Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 2, 42–51.
- Mordvinceva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren* (Archäologie in Eurasien 11). Rahden.
- Mordvintseva, V.I. 2003: *Polikhromnyy zverinyy stil'* [The Polychrome Animal Style]. Simferopol.
- Mordvintseva, V.I. 2007: Sarmatskiy polikhromnyy zverinyy stil'. In: V.I.Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. I. Simferopol–Bonn, 195–244.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-Tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2011: Kul'turnye izmeneniya v Nizhnem Povolzh'e po materialam kompleksov s predmetami iz dragotsennykh metallov (III v. do n.e. – ser. III v. n.e.). *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]* 15, 332–365.
- Mordvintseva, V.I. 2016: Barbarians of the North Pontic Region and their Contacts with Centres of Antique Civilization from the 3rd Century BCE to the mid-3rd Century CE (According to the Research of the Elite Burials). In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj–Napoca, 381–432.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn.
- Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006: *Sarmatskoe zoloto. Yuvelirnye ukrasheniya i predmety torevtiki sarmatskogo vremeni iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Sarmatian Gold. Jewellery and Toreutics of the Sarmatian Period from the Depots of the Volgograd Regional Local Lore Museum]*. Simferopol.
- Mordvintseva, V.I., Shinkar', O.A. 1999: Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Gala Swords from the Depot of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 2, 138–149.
- Mys'kov, E.P., Kiyashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999: Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [The Sarmatian Elite Burial from Esaulovskiy Aksay]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 2, 149–167.
- Obel'chenko, O.V. 1978: Shakhrivayronskaya pryazhka [The Buckle from the Shakhrivayron Necropolis]. In: O.V. Obel'chenko, D.M. Ovezov, T. Khozhanyazov (eds.), *Istoriya i arkheologiya Sredney Azii [The History and Archaeology of the Middle Asia]*. Ashkhabad, 68–81.
- Obel'chenko, O.V. 1992: *Kul'tura antichnogo Sogda [The Culture of Ancient Sogd]*. Moscow.
- Olbrycht, M. 2015: Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia – Ways of Cultural Transfer. In: J. Bemmman, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn, 333–390.
- Ol'khovskiy, V.S. 2005: *Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza [Monumental Sculpture of the Population of the Western Part of the Eurasian Steppes of the Early Iron Age]*. Moscow.
- Otchet Rossiyskogo Istoricheskogo muzeya 1916: *Otchet Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo muzeya im. Imperatora Aleksandra III v Moskve za XXV let (1883–1908) [The Report of the Imperial Russian Historical Museum named after Emperor Alexander III in Moscow for 25 Years (1883–1908)]*. Moscow.
- Otchir-Goriaeva, M. 2002: Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *EurA* 8, 353–387.
- Peterson, S. 2012: Parthian Aspects of Objects from Grave IV, Tillya Tepe, with Particular Reference to the Medallion Belt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1485067/Parthian_Aspects_of_Objects_from_Grave_IV_Tillya_Tepe.

- Pfrommer, M. 1993: *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Pilipko, V.N. 2001: *Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya v sovetskiy period [Old Nisa. Main Results of Archaeological Investigation in the Soviet Period]*. Moscow.
- Podushkin, A.N. 2012: K etnicheskoy istorii gosudarstva Kangyuy II v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam mogil'nikov Orlat i Kul'tobe) [To the Ethnic History of Kangyuy State in the 2nd Century BC – 1st Century AD (after the Materials of Necropoleis Orlat and Kul'tobe)]. *Stratum plus* 4, 31–53.
- Polosmak, N.V. 2012: Embroideries on Garments from Kurgan 20 of the Noil-Ula Burial Ground. *Anabasis* 3, 267–288.
- Pougatchenkova, G. 1978: *Les trésors de Dalverzine-Tépé*. Leningrad.
- Pshenitsyna, M.N. 1992: Teskinskiy etap. In: M.G. Moshkova (ed.), *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Arheologiya SSSR) [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period (Archaeology of the USSR)]*. Moscow, 224–235.
- Raev, B.A. 2017: Gagatovye pryazhki iz Zhutovskogo mogil'nika. Arkheologicheskie priznaki migratsiy. In: L.B. Vishnyatskiy (ed.), *Ex Ungue Leonis. Sbornik statey k 90-letiyu L'va Samuilovicha Kleyna [Ex Ungue Leonis. Collection of Articles to the 90-Anniversary of Birthday of Lev Samuilovich Klein]*. Saint Petersburg, 291–305.
- Raev, B.A., Dvornichenko, V.V. 2014: Aziatskie elementy obryada zakhoroneniya u s. Kosika (Kosika-2). In: A.A. Bisembaev (ed.), *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kadyrbaevskie chteniya – 2014» [Materials of the IV International Conference “Kadyrbaev Readings – 2014”]*. Aktobe–Astana, 170–174.
- Rehm, E. 1992: *Der Schmuck der Achämeniden*. Münster.
- Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I. (Sammlung archäologischen Quellen D3-9)*. Moskow–Leningrad.
- Safar, F. Mustafa, A.M. 1974. *Hatra: The City of the Sun God [al-Ḥaḍr, madīnat al-shams]*. Baghdad.
- Salmony, A. 1948: Sarmatian gold collected by Peter the Great. III. The early group with winged circle sockets. *Gazette des Beaux-Arts*, 6th series XXXIII, 321–326.
- Samashev, Z. 2013: *Kazakhskoe iskusstvo: v 5-ti tom. T. 1. Drevnee iskusstvo [Kazakh Art: in 5 vols. Vol. 1. Ancient Art]*. Almaty, <http://archeo-astana.kz/monograph/ezhelgi-oner/#/1/>
- Samashev, Z., Dzhumabekova, G., Bazarbaeva, G., Ongar, A. 2007a: *Drevnee zoloto Kazakhstana [Ancient Gold of Kazakhstan]*. Almaty.
- Samashev, Z., Kusherbaev, K., Amanshaev, E., Astaf'ev, A. 2007b: *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau [Treasures of Ustyurt and Mankystau]*. Almaty.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Baktrisches Gold*. Leningrad.
- Sassetskaya, I.P. 2009: Goldschmuck aus dem Kurgan Chochlatsch. Klassische Beispiele für den polychromen Tierstil. In: *Kat. Leoben 2009*, 58–73.
- Schiltz, V. 1994: *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München.
- Schiltz, V. 2015: Ariane, Artémis, Cybèle et autres Nana. In: V. Schiltz (ed.), *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin – II*. Paris, 71–91.
- Shilov, V.P. 1954: *Otchet o raskopkakh Kalinovskogo otryada Stalinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR [The Report of the Excavations of the Kalinovka Department of the Stalingrad Archaeological Expedition of the Institute of History of Material Culture Academy of Sciences of the USSR]*. – Archive of the Volgograd Regional Local Lore Museum, № 7 (A–7 a).
- Shilov, V.P. 1956: Pogrebenie sarmatskoy znati I v. do n.e. – I v. n.e. [The Burials of the Sarmatian Elite of the 1st Century BC – 1st Century AD]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]* 9, 42–45.

- Shilov, V.P. 1959: Kalinovskiy kurgannyi mogil'nik. In: E.I. Krupnov (ed.), *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [*Antiquities of the Lower Volga Region*]. 1 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 60). Moscow, 323–523.
- Shilov, V.P. 1975: *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [*Essays in the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region*]. Leningrad.
- Shu Takahama 高濱, 秀 2002: ユーラシア草原地帯の非金属製帯飾板. 金沢大 学考古学紀要 [Kanazawa University. College of Human and Social Sciences. Departmental Bulletin Paper] 26, 50–63, https://kanazawa-u.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=6507&item_no=1&page_id=13&block_id=21
- Shu Takahama 高濱, 秀 2012: 匈奴・サルマタイ時代のユーラシア草原西部の帯飾板について. [On the Belt Plaques of the Western Eurasian Steppes in the Xiongnu]. 金沢大学考古学紀要 = Archaeology Bulletin, Kanazawa University 33, 23–34.
- Simonenko, A.V. 2001: Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und der späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *EurA* 7, 187–327.
- Simonenko, A.V. 2015: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [*Sarmatian Horsemen of the North Pontic Area*]. 2nd ed. Kiev.
- Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S. 2008: Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya [The Sarmatian Elite Burial from the Trans-Volga Volgograd Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 9, 98–116.
- Skripkin, A.S. 2000: Novye aspekty v izuchenii istorii material'noy kul'tury sarmatov [New Aspects in the Study of the History of Material Culture of the Sarmatians]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 3, 17–40.
- Skripkin, A.S. 2006: K probleme sootnosheniya ranne- i srednesarmatskoy kultur [To the Problem of Correlation of the Early and Middle Sarmatian Cultures]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* [*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*] 1. Volgograd, 5–27.
- Skripkin, A.S. 2014: O vostochnykh svyazyakh sarmatov vo II–I vv. do n.e. In: L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'ev (eds.), *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatians and the Outside World: Materials of the VIII International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”] (*Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Journal] 14). Ufa, 218–222.
- Skripkin, A.S. 2015: Ob odnom tipe rannesarmatskikh kuril'nits [On One Type of the Early Sarmatian Incense-burners]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 1, 106–111.
- Skripkin, A.S. 2017: *Sarmaty* [The Sarmatians]. Волгоград.
- Skripkin, A.S. 2019: Kochevoy mir yuga Vostochnoy Evropy vo II–I vv. do n. e. (vostochnye innovatsii, fakty, prichiny, posledstviya) [The Nomadic World of the South of Eastern Europe in the 2nd–1st Century BC (Eastern Innovations, Facts, Causes, Consequences)]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 24.1, 20–34.
- Skripkin, A.S., Klepikov, V.M. 2004: Khronologiya rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: The Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “The Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, 95–106.

- Skripkin, A.S., Shinkar', O.A. 2010: Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Zhutovo Burial-mound no. 27 of the Sarmatian Period in the Volga-Don Interfluve]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 1, 125–138.
- Smirnov, K.F. 1975: *Sarmaty na Ileke* [The Sarmatians on the Ile River]. Moscow.
- Smirnov, K.F. 1976: Savromato-sarmatskiy zverinyy stil'. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova (eds.), *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scytho-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia]. Moscow, 74–89.
- Sono, T., Fukai, Sh. 1968: *Dailaman III. The Excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti 1964* (The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 8). Tokyo.
- Spitsyn, A.A. 1909: Falary Yuzhnoy Rossii. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Reports of the Archaeological Commission] 29, 18–53.
- Teterin, Yu.V. 2015: Poyasnye podveski khunnskoy epokhi Yuzhnoy Sibiri [Belt Pendants of the South Siberia of the Hunnu Period]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Journal of Novosibirsk State University. Series: History, Philology] 14.5: *Arkheologiya i etnografiya* [Archaeology and Ethnography], 51–60.
- Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. 2017: Izdeliya iz khudozhestvennogo metalla v poyasnykh garniturakh kochevnikov Altaya khunnuskogo vremeni (po materialam pamyatnika Yaloman-II) [Items of Artistic Metalwork in the Belt Sets of the Nomads of Altai of the Hunnu Period (after the Materials of Yaloman-II Site)]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 247, 74–87.
- Treister, M. 2002: Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *SRAA* 8, 29–72.
- Treister, M. 2004: Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297–321.
- Treister, M.Yu. 2007: Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellenisticheskaya traditsiya). In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn, 15–194.
- Treister, M.Yu. 2010: Remont, «usovershenstvovanie» inokul'turnykh veshchey v skifskoy i sarmatskoy srede i ispol'zovanie inokul'turnogo ornamenta v dekore sobstvennykh proizvedeniy skifov i sarmatov (na primere pamyatnikov khudozhestvennogo metalla) [Repair, “Modification” of the Ico-Cultural Artefacts in the Scythian and Sarmatian Milieu and the Use of Ino-Cultural Ornamental Patterns in the Decoration of the Local Artefacts of the Scythians and Sarmatians (after the Items of Artistic Metalwork)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 16, 72–94.
- Treister, M.Yu. 2011: Serebryanye falary c izobrazheniem Bellerofonta i Khimery iz sarmatskogo pogrebeniya v Volodarde (Zapadnyy Kazakhstan). Eshche raz k voprosu o tak nazyvaemom greko-baktriyskom stile v ellinisticheskoy torevtike. *Scripta antiqua* 1, 90–146.
- Treister, M.Yu. 2014: K nakhodke falara iz medal'ona ellinisticheskoy chashi v kurgane № 20 mogil'nika Noin-Ula (Severnaya Mongoliya) [To the Find of Phalera made from Medallion of the Hellenistic Bowl in the Burial-mound no. 20 of the Noin-Ula Necropolis (North Mongolia)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 125–150.
- Treister, M. 2016: On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55–95.
- Treister, M. 2018a: Kitayskie „importy“ v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine I tys. do n.e. – pervykh vekakh nashey ery [Chinese “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe in the Second Half of the 1st Millennium BC – first Centuries AD]. *Stratum plus* 4, 153–200.

- Treister, M. 20186: Parfyanskie i rannesasanidskie “importy” v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Parthian and Early Sassanian “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 10, 109–201.
- Treister, M. 2019: Pozdneellinisticheskie litye v formakh steklyannye sosudy i ikh fragmenty iz pogrebenii kochevnikov Aziatskoi Sarmatii [Late Hellenistic Mold-Cast Glass Vessels and their Fragments from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. In: A.D. Vasil'ev (ed.), *III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [III International Conference. Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East]. Vol. 1. Moscow, 260–264.
- Veinberg, B.I., Yusupov, Kh.Yu. 1992: Kochevniki Severo-Zapadnoy Turkmenii. In: M.G. Moshkova (ed.), *Stepnaya polosа aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* (Arkheologiya SSSR) [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period (Archaeology of the USSR)]. Moscow, 122–129.
- Vdovchenkov, E.V. 2016: *Etnosotsial'naya istoriya sarmatov Nizhnego Podon'ya* [Ethno-social History of the Sarmatians of the Lower Don Basin]: Diss. doctor of Historical Sciences. Rostov-on-Don.
- Vlaskin, M.V., Glebov, V.P., Kuz'min, V.N. 2018: Ritual'nyy klad iz kurgana 1 mogil'nika Restumov II v Rostovskoy oblasti [A Ritual Hoard from Burial-mound 1 of Restumov II Necropolis in the Rostov Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 17.2, 58–69.
- Winkelmann, S. 2003: Eurasisches in Hatra ? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse part-herzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 „Differenz und Integration“* 4,1, 21–140.
- Yagodin, V.N. 1978: Pamyatniki kochevykh plemen drevnosti i srednevekov'ya. In: S.K. Kamalov (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura Yugo-Vostochnogo Ustyurta* [Ancient and Medieval Culture of South-Eastern Ustyurt]. Tashkent, 79–198.
- Yagodin, V.N., Betts, A.V.G., Kidd, F., Baker Brite, E., Khozhaniyazov, G., Amirov, S., Yagodin, V.V., Fray, G. 2009: Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait” Gallery. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 4, 7–41.
- Yusupov, Kh. Yu. 1975: Issledovanie kurgannykh pamyatnikov vdol' verkhnego Uzboya vesnoy 1973 g. In: *Uspekhi Sredneaziatskoy Arkheologii* [Achievements of the Middle-Asian Archaeology] 3. Leningrad, 48–51.
- Zasetskaya, I.P. 2008: Zolotyе ukrasheniya iz kurgana Khokhlach – klassicheskie obraztsy sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilya I – nachala II v. n.e. In: *Cat. St. Petersburg* 2008, 29–43.
- Zasetskaya, I.P. 2010: Dekorativnoe oformlenie bol'shikh falarov iz pogrebeniya I v. n.e. u st. Zhutovo (k voprosu o proiskhozhdenii sarmatskogo zverinogo stilya) [The Decorative Execution of Large Phalerae from the 1st Century AD Burial near the Station Zhutovo (to the Question of the Origin of the Sarmatian Animal Style)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] XI, 114–129.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novochoerkasskiy klad* [The Treasures of the Khokhlach Burial-mound. Novochoerkassk Treasure]. Saint Petersburg.
- Zasetskaya, I.P. 2012a: Izobrazheniya grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile. In: *Zoloto, kon'i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [Gold,

- Horse and Man. Collection of Articles to the 60th-Birthday of Alexander Vladimirovich Simonenko*. Kiev, 353–383.
- Zasetskaya, I.P. 20126: Obraz volka v sarmatskom iskusstve I v. n.e. *Voyadzer: Mir and che-lovek: teoreiticheskiy i nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Voyager: World and Man: Theoretical and Scientific-Methodological Journal] 3. Samara, 63–73.
- Zasetskaya, I.P. 2015: O stilisticheskikh osobennostyakh trekh kinzhalov sarmatskoy epokhi I veka do novoy ery – II veka novoy ery [About the Stylistic Peculiarities of the Three Daggers of the Sarmatian Period 1st Century BC to the 2nd Century AD]. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 40, 189–231.
- Zasetskaya, I.P. 2016: Stilisticheskie osobennosti dekora na falarakh iz Yashkulya. In: S.I. Lukiyashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20–21 oktyabrya 2016 g.* [Ancient Civilization and the Barbarian World of the Pontic-Caspian Region. Materials of the Conference dedicated to the 70th-Birthday of B.A. Raev, 20–21 October 2016]. Rostov-on-Don, 90–105.
- Zasetskaya, I.P., Minasyan, R.S. 2008: Zolotye nozhny kinzhala iz kurgana Dachi – unikal'noe proizvedenie drevnego yuvelirnogo iskusstva. In: *Cat. St. Petersburg* 2008, 44–52.

“IMPORTS” FROM CENTRAL ASIA AND SIBERIA IN THE BURIALS OF ASIAN SARMATIA OF THE 2nd–1st CENTURIES BC

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. In the works of the last decades, a whole range of categories of the burial inventory of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd–1st centuries BC is considered, having no prototypes in the material culture of the preceding time and being regarded as Eastern innovations. They are associated with the movement of a number of nomadic groups from the north-western borders of China to the west, first to Central Asia, where the Greco-Bactrian kingdom fell under their blows, and then further west up to the Lower Volga region.

The analysis of archaeological materials conducted in this paper does not give grounds to speak about the distribution of items of South Siberian (Transbaikalian) origin in the burials of the nomads of Asian Sarmatia. At the same time, it is obvious that in some burials of the Lower Volga region, dating in frames of the late 2nd – 1st centuries BC, there are certain artefacts, as a rule, of status appearance (massive gold jewelry: torcs and bracelets, belt plates), mostly with losses and traces of primitive ancient repair, which can be considered as items brought by nomads from Central Asia. One cannot, however, exclude the role of intertribal marriages of the elite nomads in the distribution of such things, especially since at least some of them in the Volga region were found precisely in the female burial no. 8 of the Burial-mound No. 55/1954 near the village of Kalinovka.

In some cases, it is possible to speak about certain Eastern influences in the execution of belt buckles, similar to certain extent to the remote prototypes from Mongolia and Transbaikalia.

In general, there is every reason to suggest the migration of some group (groups) of nomads from Central Asia to the steppes of the Lower Volga region and their possible participation in the events connected with the fall of the Greco-Bactrian kingdom.

Judging by the number of items examined in this article, the number of migrants was not significant, which is consistent with the observations of other researchers, based on an analysis of the burial rite. I will note that for the time in question there are only rare examples of artefacts, which moved from west to east (probably also through the Eurasian steppes). However, it is not necessary to consider the movement of the abovementioned objects from east to west and from west to east as a reflection of economic relations along the Silk Road, as the author has already stated elsewhere.

Keywords: Xiongnu, Transbaikalia, South Siberia, Central Asia, Asian Sarmatia, Lower Volga region, belt plaques of gold, bronze, jet; gold adornments of status level

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 240–296
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 240–296
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-240–296

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ КОСТЮМА – ВОТИВЫ СВЯТИЛИЩА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЭКЛИЗИ-БУРУН (К КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКА)

А.В. Лысенко¹, В.И. Мордвинцева^{2, 3}

¹*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия*
a-lysenko@mail.ru

²*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия*

³*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*
v_mordvintseva@mail.ru, vmordvintseva@hse.ru

Аннотация. Металлические украшения костюма, обнаруженные на варварском горном святилище римского времени Эклизи-Бурун, датируются I–III вв. н.э. Большинство этих предметов соотносится с женским костюмом, зафиксированным для варварских погребальных контекстов Центрального Крыма, различающихся локализацией (Крымское Предгорье и Южнобережье), а также особенностями обряда («трупоположение» и «трупосожжение»). Небольшая их часть характерна лишь для могильников Южнобережья с захоронениями остатков кремаций. Анализ культурных ниш, в которых производились и использовались украшения, депонированные в святилище Эклизи-Бурун римского времени, позволяет предположить, что его адепты происходили из социумов, обитавших на южном макросклоне Главной гряды Крымских гор и практиковавших кремацию умерших. Видимо, эти люди фигурировали в греко-римской нарративной традиции и местных эпиграфических документах римского времени как «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы», населявшие «Таврику». Предположительно, они появились в Горном Крыму во II–I вв. до н.э. (мигрировали из области распространения латенизированных археологических культур?) и сохраняли культурное своеобразие до начала V в. н.э.

Ключевые слова: святилище Эклизи-Бурун, украшения костюма, римское время, Горный Крым, Таврика, тавро-скифы, скифо-тавры, Боспор, Херсонес.

Культовый комплекс Эклизи-Бурун находится в южной части физико-географической провинции Горный Крым¹, в центре Главной гряды Крымских гор, в

Данные об авторах: Лысенко Александр Владимирович – научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН; Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Центра античной и восточной археологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ См. Подгородецкий 1988, рис. 8, Б.

ландшафтной зоне «Главная гряда (Яйла)»², на вершине горы Чатыр-Даг³, в 12,5 км от берега моря, на высоте 1490–1527 м н. у. м. (рис. 1; рис. 2)⁴. Объект представляет собой пятно культурных отложений, залегающих на слегка наклонной площадке и окружающих ее склонах различной крутизны. Предварительно выделяется четыре этапа его существования: 1) «раннеримский» (рубеж эр – 2 пол. II – 1 пол. III в. н.э.); 2) «позднеримский» (1 пол. III – 1(?) пол. IV в.); 3) «средневизантийский» (VIII(?)–IX–X вв.); 4) «позднесредневековый» (XIV–XV(?)–XVII–XVIII вв.). На этапах 1 и 2 здесь находилось варварское «общественное» святилище, на этапах 3 и 4 – христианские храмы⁵. Особенности местоположения (на значительной высоте, в условиях сравнительно жесткого климата, в некотором удалении от поселений), видимо, отражались на режиме посещения и использования объекта, по крайней мере для массовых мероприятий (сезонно, эпизодически – по особым случаям)⁶. При его изучении в шурфах и раскопе вскрыты напластования, содержавшие в основном продукты функционирования святилища этапа 1⁷. Данные о прочих периодах получены в результате картографирования и анализа подъемного материала, а также из историко-архивных сведений. В раннеримское время, судя по остаткам ритуальных действий, здесь совершались массовые жертвоприношения животных (преобладают домашние: свинья, мелкий и крупный рогатый скот), изначально (разово?) путем складирования, а впоследствии посредством сожжения их останков (большинство фрагментов – части черепов и нижних челюстей). Тут же, видимо, осуществлялась ритуальная трапеза с возлияниями и последующим разбитием (или деформированием иными способами) использованных сосудов, а также жертвовались (в основном путем преднамеренной поломки и складирования на святилище) разнообразные вещи⁸. В позднеримское время практика и формы посвящения артефактов, возможно в меньшем объеме, сохранялись.

Ближайший территориально, морфологически и по особенностям локализации, а также частично синхронный с Эклизи-Бурун и, вероятно, культурно гомогенный с ним археологический объект – святилище Гурзуфское Седло (II–I вв. до н.э. – IV в. н.э.), расположен на вершине горы Калфрах-Каясы⁹, в

² Буров 1991, 17.

³ С кон. XVIII – нач. XX вв. традиционно отождествляется с горой Трапезунт в Таврике (Strabo. VII. 4. 3; Лысенко 2014, 110–111).

⁴ Археологический объект обнаружен в 1997 г. Обследования и сборы подъемного материала осуществлялись здесь в 2000–2010, 2017–2018 гг., шурфовка – в 2005 г., небольшие раскопки – в 2006 г. (Лысенко 2009, 383–384; Lysenko 2013).

⁵ Lysenko 2013, 277; Лысенко, Масякин 2016, 167.

⁶ См. Лысенко, Тесленко, Мусин 2017, 305.

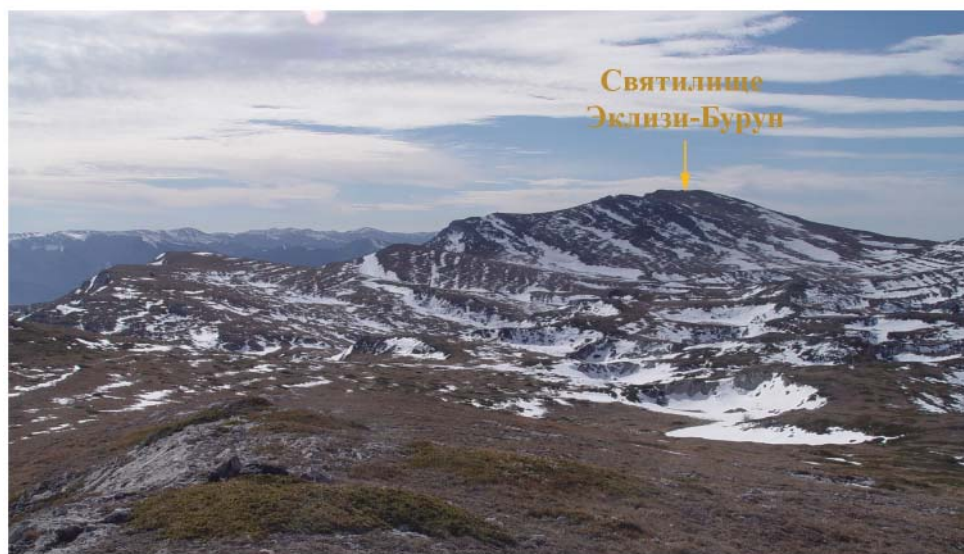
⁷ Эти культурные отложения существенно повреждены естественными экзогенными процессами рельефообразования, земляными и строительными работами, связанными с обустройством более поздних комплексов, а также современными грабителями. Судя по особенностям структуры и условиям залегания, они были переотложены либо еще в процессе функционирования святилища (в результате реорганизации пространства культового комплекса, например при периодической расчистке сакрального центра от остатков жертвоприношений), либо вскоре после завершения его использования (единовременное целенаправленное уничтожение объекта) (Lysenko 2013, 277–278).

⁸ Неповрежденными в культурные отложения святилища археологизировались, в основном, элементы сложных изделий, в частности костюма (бусы, декоративные накладки, пряжки, фибулы в положении «закрыто»). Видимо, одежда со всеми аксессуарами воспринималась дедикантами как единое целое и жертвовалась, обычно, путем разрушения ее основы, изготовленной из органических материалов (см. Лысенко, Масякин 2016, 168, прим. 12).

⁹ Новиченкова 2015.

1

2

Рис. 1. 1. Местоположение святыни Эклизи-Бурун в ландшафте Алуштинского горно-приморского амфитеатра. Вид с востока. Фото. 2 – Святыни Эклизи-Бурун в ландшафте Яйлы. Вид с северо-востока. Фото

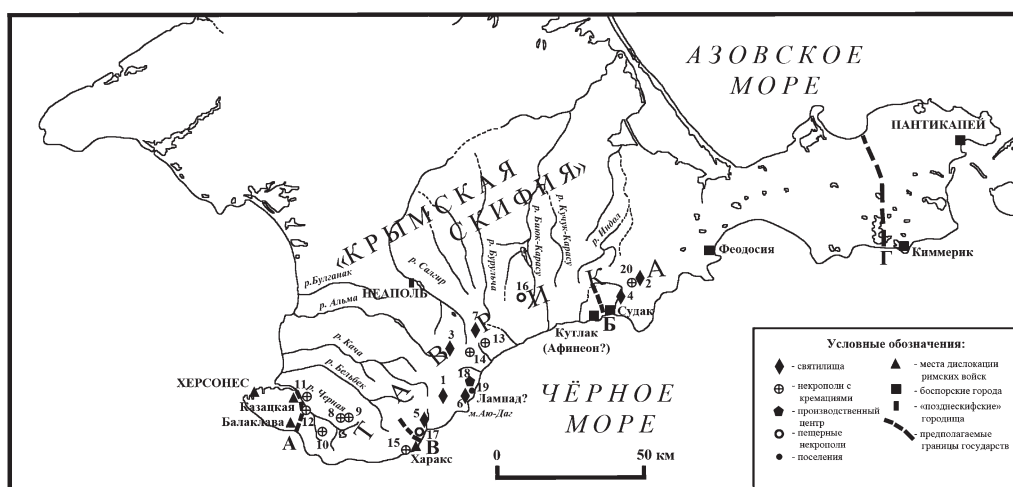

Рис. 2. Южная часть Горного Крыма в римское время. Предполагаемые границы государств: А, В – полисы Херсонес на рубеже эр и во второй трети II – первой трети IV вв. н.э.; Б, Г – Боспорского царства в I–III и во второй половине IV вв. н.э. Археологические объекты: 1 – Гурзуфское Седло; 2 – Туар-Алан; 3 – Эклизи-Бурун; 4 – Таракташ; 5 – Аутка; 6 – Алигор; 7 – Пахкал-Кая; 8 – Узеньчик; 9 – Муловский; 10 – Варнутская долина; 11 – Совхоз-10; 12 – Черноречье; 13 – Лучистое-2; 14 – Чатыр-Даг; 15 – Ай-Тодор; 16 – Бай-Су; 17 – Ай-Никола; 18 – Парагильмен; 19 – Чугунун-Кая; 20 – Кизилташ

17,7 км к югу – юго-западу от Чатыр-Дага (рис. 2, 1). Оба памятника демонстрируют инновацию в обрядовой практике населения региона¹⁰, находятся между полисом Херсонес и Боспорским государством, между ландшафтными зонами «Крымское Предгорье» и «Южнобережье»¹¹. В позднеэллинистическое – римское время первая из них была занята населением, оставившим Позднескифскую археологическую культуру¹² и ее «стремящуюся к отделению» «фазу»(?) или отдельную археологическую культуру – группу памятников «Озерное – Инкерман» («Инкерманская» культура, 2 треть III – 1 треть IV – кон. IV – 1 пол. V вв. н.э.)¹³. В пределах второй обнаружены многочисленные кратковременные «поселения» II–III вв. н.э. (пока изучены недостаточно)¹⁴ и несколько могильников с захоронениями остатков кремаций (Лучистое-2, рубеж I–II – 2 треть III вв. н.э.¹⁵ (рис. 2, 13), Чатыр-Даг, 2 треть III – 1 треть IV вв. н.э.¹⁶ (рис. 2, 14) и Ай-Тодор («Харакс»), 2 треть III – нач. V вв. н.э.¹⁷ (рис. 2, 15)), объединяемые исследователями

¹⁰ Лысенко 2009, 395.

¹¹ Морфологически сходный объект – святилище Туар-Алан (II в. до н.э. – 1 четв. I в. н.э.) – известен также на крайнем северо-востоке Южного Крыма (Гаврилов, Труфанов 2014) (рис. 2, 2).

¹² Лит. см. Мордвинцева 2017а.

¹³ Лит. см. Юрочкин 1997; 2002а; Юрочкин, Труфанов 2007, 360, 370–371, прим. 21, рис. 1А; Храпунов 2013.

¹⁴ Лысенко 2010.

¹⁵ Мордвинцева, Лысенко 2016.

¹⁶ Мыц и др. 2006.

¹⁷ Орлов 1987; Айбабин 1984, 119, рис. 1.

в «группу памятников типа Ай-Тодор»¹⁸ (видимо, не вполне однородную¹⁹), либо рассматриваемые как часть особой археологической культуры²⁰. Относительно места обитания социумов, использовавших святилища, существуют по крайней мере два мнения: Крымские Предгорья (Крымская Скифия)²¹ или южный макросклон Главной гряды Крымских гор (Южная Таврика)²² (рис. 2).

Среди вотивов святилища римского времени Эклизи-Бурун преобладают вещи утилитарного назначения. Их ассортимент довольно широк. Наиболее многочисленны обломки сосудов (особенно стеклянных), бусы, железные ножи. Нередки монеты, зеркала, фибулы. Среди экстраутилитарных изделий представлены апотропеи, а также статуэтки и другие артефакты с изображениями греко-римских и «фракийских» божеств. Соотнести большинство обнаруженных при исследовании памятника артефактов с культурой адептов святилища без специального анализа сложно. Как инокультурные однозначно могут восприниматься римские вещи и, вероятно, монеты. С «традиционной» частью материальной культуры населения, создавшего объект, можно сопоставить многочисленные однотипные железные ножи, возможно, являвшиеся элементами стандартного/минимального (мужского?) набора вотивов и/или использовавшиеся при жертвоприношении животных²³. Исследованию подвергались лишь предметы римского производства, среди которых довольно многочисленны элементы вооружения и военного костюма, видимо, представляющие собой трофеи, добытые «варварами» у римских военнослужащих и указывающие на в целом милитарный характер комплекса²⁴.

Обрядовая практика, в рамках которой функционируют общественные святилища, видимо, занимает одно из центральных мест среди разновидностей деятельности, формирующих и поддерживающих идентичность социумов²⁵. Исходя из этого можно предполагать, что в ее формах отражена стадияльная и культурная принадлежность коллективов адептов святилищ, что должно проявиться и в сакральных археологических комплексах²⁶. Археологический костюм является источником разноплановой культурологической информации²⁷. В частности, в результате изучения его украшений могут быть получены данные, позволяющие судить о социальной структуре социума, векторах, механизмах и содержании его культурных взаимодействий²⁸. Поскольку культурную принадлежность горных святилищ, по мнению некоторых исследователей, по введенным в научный оборот сведениям определить невозможно²⁹, публикация и анализ украшений костюма из Эклизи-Бурун представляются актуальными.

¹⁸ Kazanski 1991, 84–87.

¹⁹ См. Мыц и др. 2006, 178–180.

²⁰ Айбабин, Хайрединова 2017, 33–34 и сл.

²¹ Зубарь 2005, 233–235. О термине «Крымская Скифия» см. Мордвинцева 2017а.

²² Лысенко 2009, 394.

²³ Lysenko 2013, 278–279.

²⁴ Lysenko, Masyakin 2012; Лысенко, Масыкин 2016.

²⁵ Тишков 2003, 88.

²⁶ См. Антонова 1990, 180; Русанова 2002, 10.

²⁷ Лит. см. Яценко 2006, 5–7.

²⁸ Доде 2008, 22–23.

²⁹ Храпунов 2016, 126.

ОПИСАНИЕ УКРАШЕНИЙ КОСТЮМА³⁰*Детали головных уборов*

1. Фрагментированная бронзовая пластина с загнутыми короткими сторонами, украшенная пунсонным орнаментом в виде двух разновеликих вертикально вытянутых овалов с одним центром (рис. 3, 1; рис. 7, 2). По краям внутреннего овала помещены крупные точки. Представляет собой элемент составной диадемы. Размер фрагмента: 2,0×2,5 (3,2) см. Толщина пластины: 0,04 см.

2. Серебряная пластина (деталь диадемы?) ланцетовидной формы с крепежными крюками на окончаниях, загнутыми назад и образующими петли (рис. 3, 2; рис. 8, 1). Заготовка вырезана из листового металла. Широкая ее часть, вероятно, дополнительно расклепана. Крюки и пластина в сечении четырехгранные. Всю лицевую сторону изделия покрывает декор типа «елочка», образованный десятью дуговидными или смыкающимися под тупыми углами линиями частых низкорельефных «жемчужин» (по 6–10 в ряду, выполнены пунсоном с овальной рабочей частью с тыльной стороны пластины). Здесь же предварительно нанесены тонкие врезные линии, частично совпадающие с пунсонными (разметка?). Предмет слегка погнут. Общая длина: 5,30 см, длина листовидной части: 4,65 см, ширина: до 1,28 см. Толщина пластины: 0,03–0,06 см. Вес: 1,56 г.

3. Подобное изделие (рис. 3, 3; рис. 8, 2). Покрыто восемью рядами орнаментальных линий «жемчужин», по 10–12 в ряду. «Разметка» на обороте отсутствует. Пластина слегка погнута. На ее тыльной стороне, у краев, видны тонкие продольно ориентированные технологические трещины, образовавшиеся, видимо, при расклепывании. Заметны также следы двух субпоперечных линий сгиба дуговидного профиля, возможно, свидетельствующие о «вторичном» использовании предмета (видимо окончания пластины с петлями были загнуты назад (вокруг кожаного ремня?), а впоследствии разогнуты). Общая длина изделия: 6,22 см, длина листовидной части: 5,00 см, ширина: до 1,25 см. Толщина пластины: 0,02–0,06 см. Вес: 1,82 г. Расстояние от окончаний изделия до линий сгибов: 1,86–2,09 см, расстояние между ними – 2,30 см, их ширина – до 0,27 см.

4. Прямоугольная серебряная пластина с индикацией римской монеты (рис. 3, 4; рис. 7, 3). На лицевую сторону амальгамированием нанесена позолота. Индикация расположена в центре изделия, представляет собой выполненный в технике тиснения четкий оттиск аверса монеты, ориентированный примерно в соответствии с осями пластины. Изображение и круговая легенда в линейном или точечном ободке: бюст молодого безбородого императора в лучистой короне и драпировке(?) вправо, IMP. CAES. M. A[N]T. GO[RDIANUS] AVG. Тип аверса, представленный на индикации, характерен для серебряных (антонинианы), медных (дупондии) и редких золотых (ауреусы) монет императора Гордиана III (238–244 гг. н.э.), чеканившихся в Риме и Антиохии в основном с лета 238 по начало 240 гг. н. э.³¹ Учитывая размер кружка и четкость оттиска можно предполагать, что индикация сделана с антониниана или дупондия хорошей сохранности. Изде-

³⁰ Все публикуемые предметы относятся к подъемному материалу.

³¹ См. Mattingly, Sydenham, Sutherland 1949, 1, 3, 15–21, 33–36, 38, 40, 41, 43–45, nos. 1–6, 14–20, 27–39, 48–50, 168–175, 177–181, 183–187, 189–190, 192–205, 219A–221, 224, 226A, 243, 245, 247, 254(c), 256(c), 258(c), 260(c)–262(c), 264(c). 265(c), 267(b), 269(b), 270(b), 272(c)–274(c).

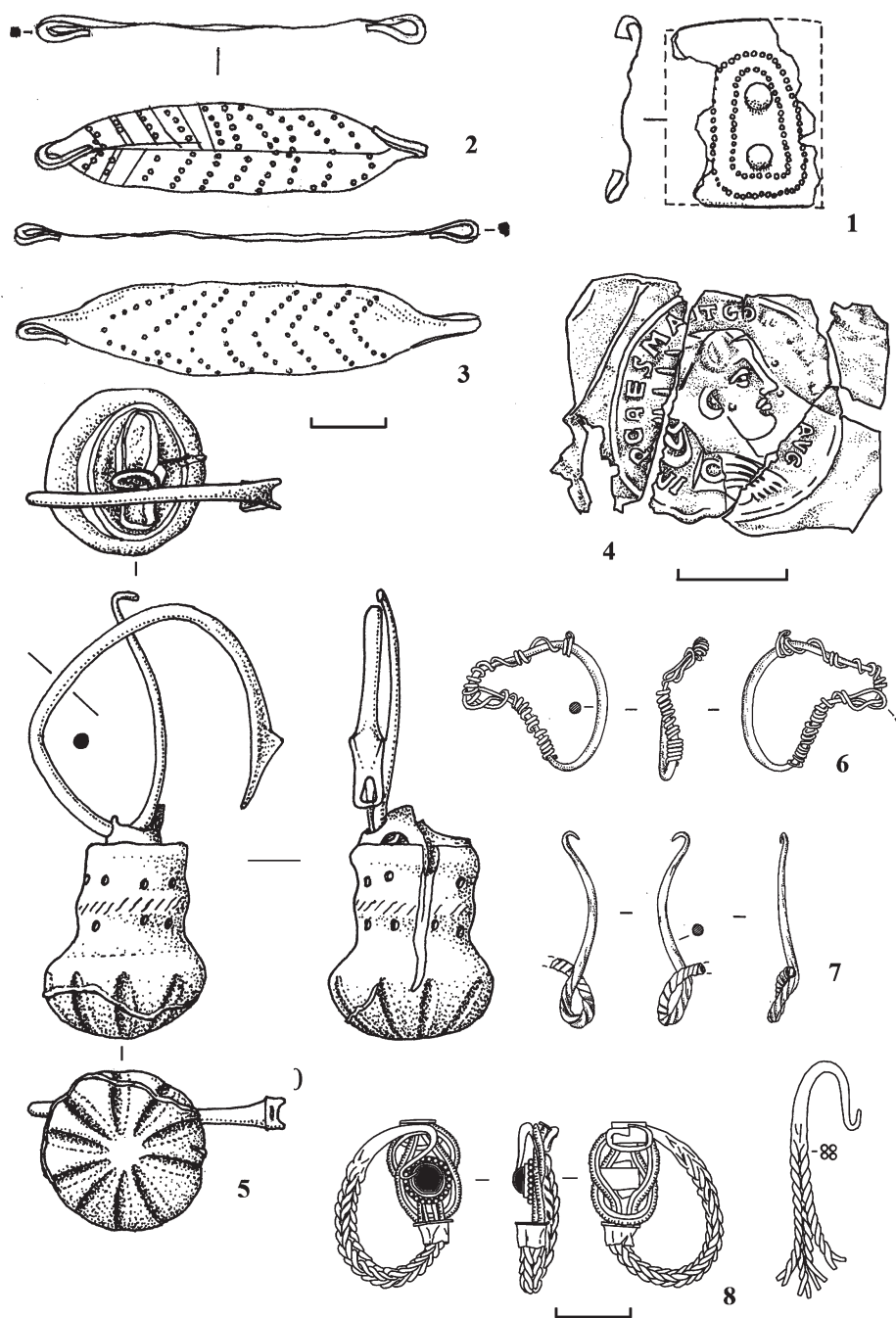

Рис. 3. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1 – накладка на диадему. 2, 3 – пластины диадемы/венка. 4 – индикация. 5–8 – серьги. 1 – бронза. 5 – серебро, бронза, свинец. 2–4, 7 – серебро. 4 – позолота. 6, 8 – золото

лие, возможно, использовалось в качестве центральной части венка или диадемы. Ко времени находки было свернуто в плотный комок. При разгибании в процессе камеральной обработки растрескалось. Размер пластины: 2,10×3,00 см, ее толщина: 0,01 см. Диаметр индикации: около 2,0–2,2 см. Вес: 0,64 г.

Серьги

5. Золотая серьга (рис. 3, 8; рис. 7, 6). Состоит из проволочного кольца с петлей и крючком и щитка. Кольцо образовано четырьмя спаянными дротами, каждый из которых скручен из двух перевитых проволок (орнамент «косичка»). Один из его концов прокован и загнут в виде крючка. На второе окончание надета и обжата (припаяна?) цилиндрическая обойма, «заглушенная» прямоугольным листом металла, к которому припаян щиток в виде «узла Геракла», сплетенного из двух дротов, каждый из которых спаян из гладкой (внутренняя) и рубчатой (внешняя) проволоки. Центральную часть этого украшения занимает цилиндрическое гнездо из полоски золотого листа с шаросегментовидной вставкой из прозрачного темно-фиолетового стекла. По периметру гнездо окружено зернью. С тыльной стороны конструкция щитка укреплена расположенными крест-накрест прямоугольными пластинами листового металла (более светлого цвета, вероятно, другой пробы). На обращенный к крючку край щитка напаян прямоугольный лист металла с сегментовидной петлей – застежкой серьги из округлой в сечении проволоки с плоско расклепанными концами. Изделие деформировано (смято, местами погнуто). Стекло вставки коррозировано, с небольшими выщерблинами. Высота серьги: до 2,31 см. Ширина: до 1,63 см. Общий размер сечения петли: 0,22–0,24 см. Диаметр дротов, из которых она свита: 0,05 см. Размеры щитка: 1,35×0,96 см. Диаметр гнезда под вставку: 0,66 см. Диаметр зерни на гнезде вставки: 0,055 см. Вес: 4,10 г.

6. Серьга серебряная с массивной биметаллической (бронза, свинец) подвеской (рис. 3, 5). Выполнена из округлой в сечении проволоки. Одно из ее окончаний овально расклепано и снабжено отверстием, второе выполнено в виде крючка. Расклепанное окончание украшено двумя тянутыми треугольными выступами, придающими украшению зооморфный вид (голова хищника?). Серьга погнута. Диаметр ее: около 3,7 см. Размер сечения проволоки: до 0,30 см.

В качестве подвески использовано изделие, изготовленное из окончания оковки ножен меча-гладиуса типа Майнц (2 пол. I в. до н.э. – 1 пол. II в. н.э.)³². Оболочка его выполнена из листовой(?) бронзы, внутренний объем залит свинцом. Нижняя часть предмета по форме близка к шаровому сегменту, украшена одиннадцатью радиально расположенными продолговатыми тисненными(?) углублениями. Верхняя его часть – овальный цилиндр (видимо, изначально круговой), профилированный двумя круговыми бороздами. Каждая украшена девятью пунсонными округлыми углублениями, а разделяющий борозды выступ декорирован косыми насечками. Видимо, в процессе изготовления листовой(?) металл растрескался. При заливке свинца часть его просочилась сквозь трещины, образовав на поверхности изделия выпуклые прямую и ломаную линии. Кроме того, при заливке во внутренний объем подвески была помещена свернутая из листовой бронзы подпрямоугольная по контуру «обойма» (изготовлена из лома(?)) – фрагмента пришедшего в негодность предмета(?), торец которой возвышается над свинцом.

³² См. Lysenko, Masyakin 2012, 22–23.

У одного из ее коротких краев в пластине напротив друг друга располагаются два отверстия – неправильной формы и округлое, в которое продета серьга. Высота подвески: 2,65 см. Диаметр нижней части: 2,17 см, высота: около 0,95 см. Размер сечения верхней части: 1,52×1,64 см. Толщина оболочки: 0,06 см. Судя по состоянию серьги (небольшое количество «старых» царапин от острого края крепежного отверстия массивной подвески) можно предполагать, что предмет смонтировали незадолго перед археологизацией.

7. Серьга серебряная фрагментированная (рис. 3, 7; рис. 7, 1). Изготовлена из квадратной в сечении тордированной проволоки, одно из окончаний которой, прокованное до круглого сечения, сужается и загнуто в виде крючка. Деформирована (согнута), окончание, завершавшееся петлей, обломано. Реконструируемый диаметр изделия: около 2 см. Толщина проволоки: до 0,16 см.

8. Золотое проволочное височное кольцо (рис. 3, 6; рис. 7, 4). Проволока сужается к краям. Ее окончания петлеобразно изогнуты и продеты друг в друга, а затем многократно обернуты вокруг образовавшегося кольца. Количество витков: 12 и 15. Ко времени находки один из краев кольца (центр «завязки») был сильно оттянут (преднамеренно деформирован?, место крепления подвески?). Ширина: 1,92 см, высота: 2,02 см. Диаметр проволоки: до 0,17 см. Вес: 1,92 г.

Подвески

9. Подвеска-лунница серебряная (рис. 4, 1; рис. 7, 5), литая, овальная, граненая, в сечении ромбовидная, с припаянным ушком для подвешивания (утрачено). Концы ее не сомкнуты, субпирамидально утолщены. Участок изделия, на котором крепилось ушко и/или другой его элемент, выделен двумя продолговатыми, в плане листовидными «выемками». Контур остатков припоя в целом округло-овальный, виден на трех гранях примерно напротив промежутка между окончаниями лунницы. Размер ее без ушка: 3,10×3,84 см. Размер сечения: до 0,43×0,46 см. Размер утолщений на концах: до 0,21×0,24 см. Диаметр (длина?) пятна припоя: 0,77 см. Вес: 5,86 г.

10. Подвеска бронзовая, литая, выполненная в виде круглой антропоморфной скульптурки (рис. 4, 5; рис. 7, 7). Руки персонажа отведены от туловища, плечи покаты. Ноги слегка согнуты в коленях (левая обломана по коленному сгибу). Голова непропорционально велика. Лицо широкое. Круглым штампом показаны подбородок, нос, глаза. Виден головной убор. Субвертикальными углубленными линиями отражена его фактура. С тыльной стороны изделия, на уровне головы и шеи находится петля для подвешивания (подтреугольная в сечении). Общая высота: 2,77 см, ширина – 1,64 см, толщина (без петли): 0,62 см.

11. Подвеска бронзовая, литая, уплощенная, выпукло-вогнутая, со стилизованным изображением человеческого лица анфас (рис. 7, 8). Лицо широкое, овальное. Показаны нос, рот (малый, с приподнятыми углами), широкий овальный подбородок. Оттисками кольцевого штампа намечены близко посаженные глаза. Головной убор или прическа изображен в виде двух уплощенных дуговидных валиков, разделенных глубоким врезным желобком. Через оба валика проходят косые, наклонные слева направо, иррегулярные насечки (не менее 13 шт.). На нижнем валике видны дополнительные насечки (не менее 11 шт.), наклонные справа налево и крестообразно пересекающие нанесенные ранее. Петля округло-

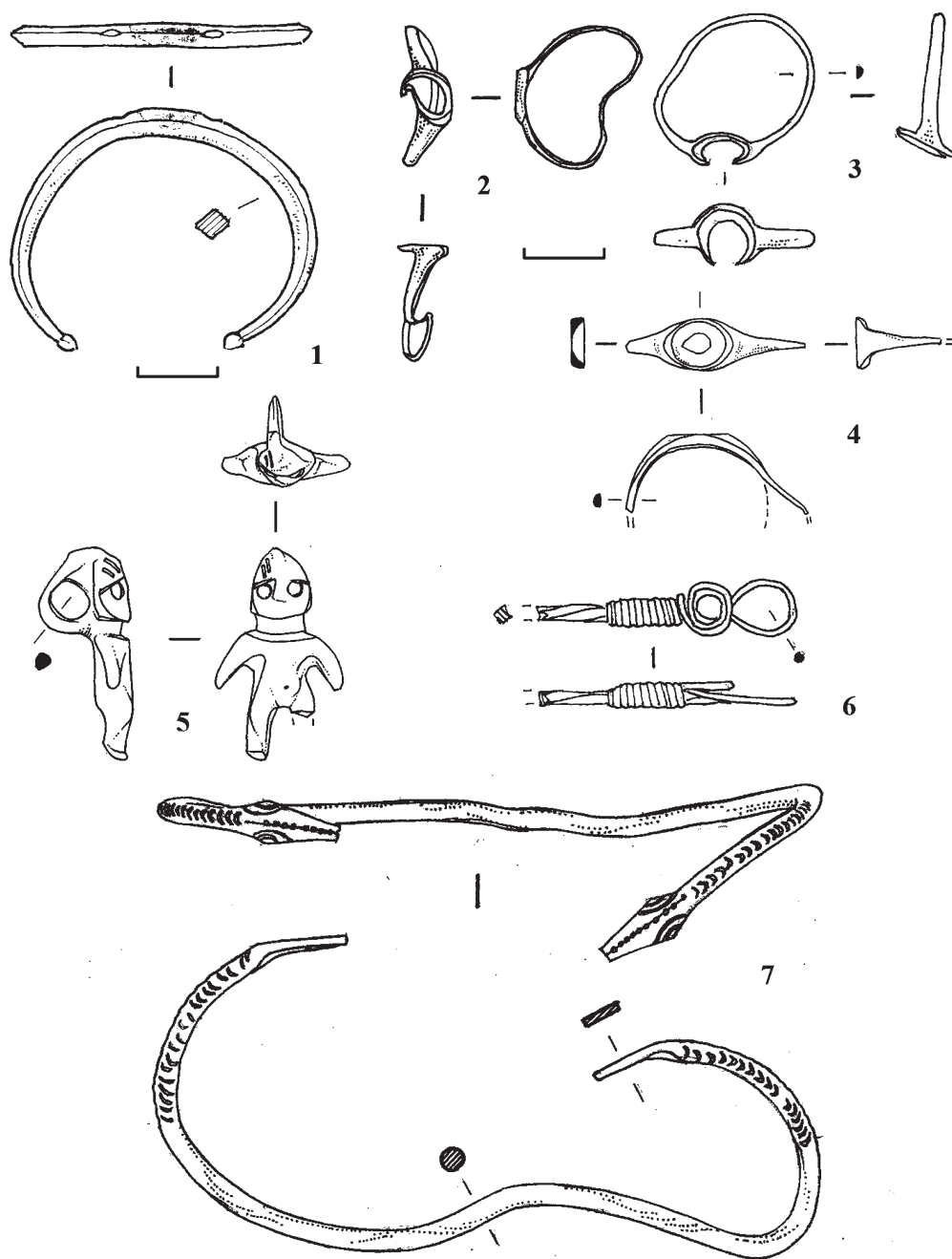

Рис. 4. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1, 5 – подвески. 2–4 – перстни. 6–7 – браслеты. 1, 6, 7 – серебро. 2–5 – бронза

овального контура, с круглым отверстием, округло-овальная в сечении, расположена на верхней грани предмета, примерно на его продольной оси (немного отклонена влево), ориентирована в перпендикулярной ему плоскости, выступает на тыльную сторону изделия. На оборотной, вогнутой стороне подвески сохранилась необработанная литейная поверхность с хаотично расположенными формовочными(?) швами³³. В целом можно предполагать, что предмет изготовлен путем литья в неразъемную форму, полученную с участием утрачиваемой модели (восковой?), выполненной по оттиску прототипа (шаблона) в глине(?) методом литья «навыплеск»(?)³⁴. «Швы», видимо, образовались либо в результате деформации модели при извлечении из оттиска, либо при изготовлении формы, либо из-за ее растрескивания при сушке или заливке расплава. Общая высота изделия: 4,1 см, ширина – 2,6 см, толщина (без петли): 0,9 см.

Браслеты

Окончания трех предметов оформлены в виде стилизованных змеиных голов. Каждое из них и прилегающие к ним участки браслетов украшены орнаментом, видимо изображающим отдельные части тела змеи.

12. Браслет бронзовый с несомкнутыми(?) концами, из округлого в сечении массивного дрота (рис. 5, 2). Окончания изделия ромбовидно расклепаны, в сечении овальные. На внешней поверхности «змеиных голов» парами концентрических дуговидных врезных линий обозначены «глаза». «Зрачки» показаны оттиском штампа с рабочей частью в виде разомкнутого(?) кольца (разомкнутые стороны оттисков обращены наружу). По их продольным осям от «глаз» к «носам» и «шеям» проведены врезные линии. На «шеях» – по 1–2 оттиска разомкнутого кольца. На одно из «туловищ» нанесена врезная, проведенная по спирали линия. На второе – две такие линии, многократно крестообразно пересекающиеся и образующие ромбы. По крайней мере, в трех из них, ближних к «голове» – оттиски разомкнутого кольца. Браслет деформирован (разогнут, слегка оплавлен). Его реконструируемый диаметр: не менее 7,2 см. Диаметр дрота: 0,43 см. Общий размер изделия: 6,5×15 см.

13. Браслет бронзовый с несомкнутыми(?) острыми концами, из округло-овального в сечении массивного дрота (рис. 6; рис. 8, 4). Окончания изделия ромбовидно расклепаны, в сечении линзовидные. На внешней поверхности «змеиных голов» парами концентрических дуговидных врезных линий с рядами пунсонных точек между ними обозначены «глаза». «Зрачки» показаны оттиском штампа с рабочей частью в виде разомкнутого кольца (разомкнутые стороны оттисков обращены к центру голов). По их продольным осям от глаз к носу проведены линии из частых точек (в одном случае – с врезной линией слева). «Головы» змей отделены от «туловищ» двумя параллельными поперечными врезными линиями. Между ними и ближе к «глазам» – по оттиску того же штампа (их разомкнутые стороны противопоставлены «глазам»). «Туловища» украшены тремя продольными субпараллельными (на «спинах» и «боках») рядами оттисков штампа в виде разомкнутого кольца (их разомкнутые стороны на обеих частях изделия обращены в одном направлении). Браслет деформирован (разогнут). Его реконструируемый диаметр: 6,7 см. Размер сечения дрота: 0,40×0,50 см. Диаметр штампа: 0,32 см.

³³ Ср. Труфанов 2017, цв. вставка 2, 4.

³⁴ См. Минасян 2014, 179–182.

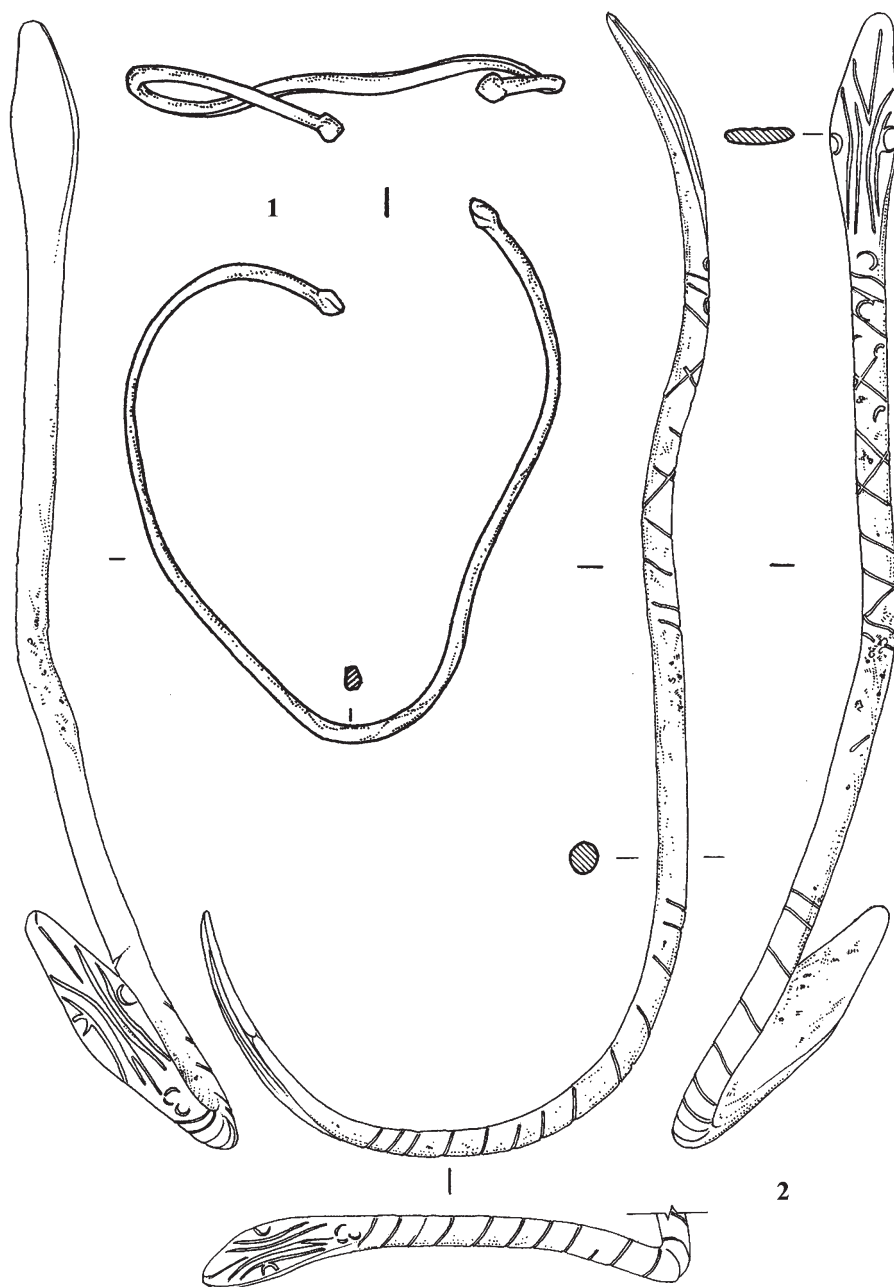

Рис. 5. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1–2 – бронзовые браслеты

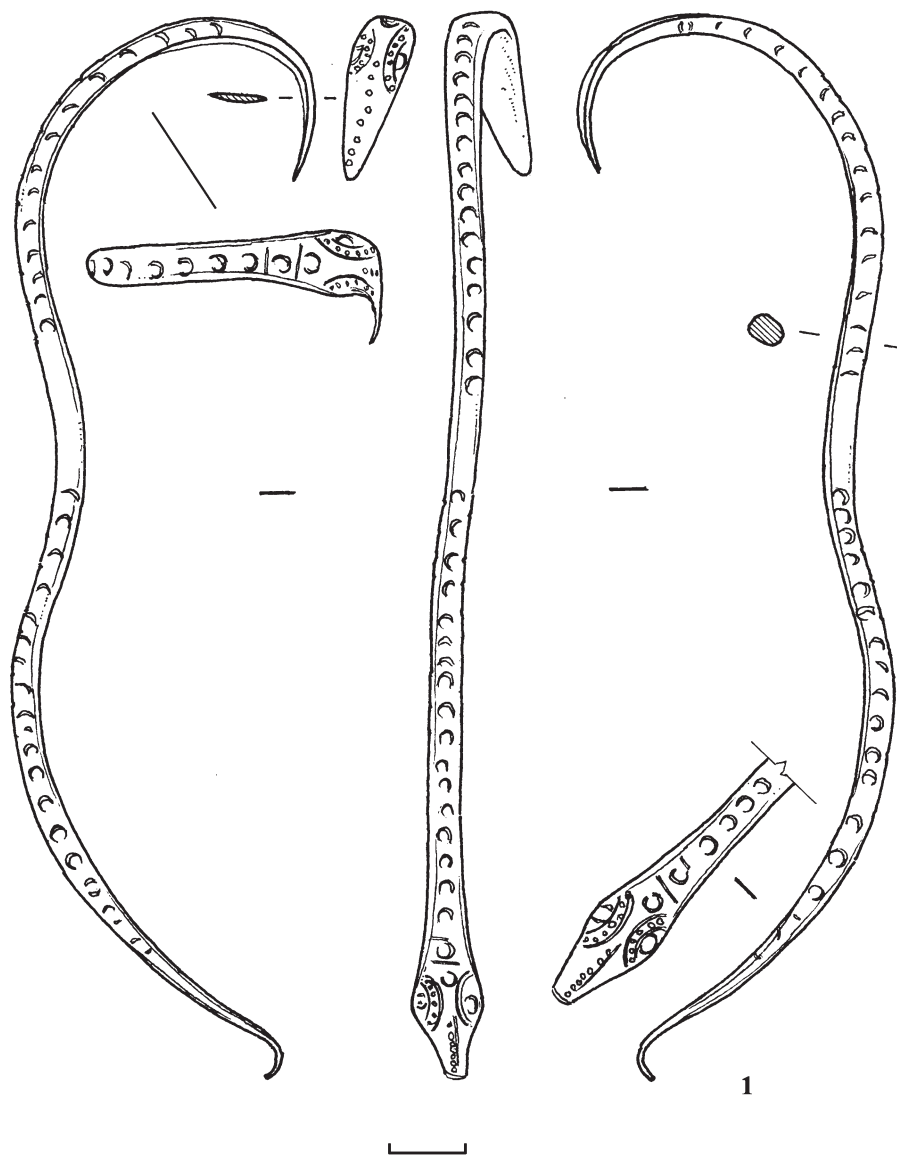

Рис.6. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. Бронзовый браслет

14. Браслет серебряный, с несомкнутыми(?) концами, из округлой в сечении проволоки (рис. 4, 7; рис. 8, 5). «Проволока» изготовлена из нескольких более тонких(?): местами «подграненая», с продольными «швами» и частым поперечным «рифлением» (следы протаскивания через калибровочное отверстие?). Окончания ромбовидно расклепаны (с «обрезанными» концами), в сечении прямоугольные.

На внешней поверхности «змеиных голов» парами концентрических дуговидных врезных линий обозначены «глаза», а по их продольным осям проведены врезные линии, поверх которых нанесены по семь и восемь пунсонных точек. На «туловища» нанесены три продольных субпараллельных (на «спинах» и «боках») ряда частых оттисков штампа с дуговидной рабочей частью, возможно имитирующих «чешую». Браслет деформирован (разогнут). Его реконструируемый диаметр: 5,7 см. Диаметр дрота: 0,24–0,30 см. Размер штампа: 0,11×0,19 см. Вес: 9,12 г.

15. Фрагмент серебряного браслета с петлей на конце (рис. 4, 6; рис. 7, 9). Изделие выполнено из тонкой проволоки: местами видны «технологические» продольные «швы» и «ребра» (следы протаскивания через калибровочное отверстие?). На основной части она подквадратная в сечении, тордированная, у края, из которого свернута петля – округлая и более тонкая. У основания петли свернута спиралевидная розетка-щиток (3 витка, ориентирована в той же плоскости). Остаток проволоки плотно обернут вокруг тордированной части изделия (10 витков). Минимальный диаметр проволоки: 0,08 см, размер прямоугольного сечения: 0,13×0,15 см. Сохранившаяся длина изделия: 3,27 см. Диаметр розетки-щитка: 0,62 см. Длина обмотки: 0,84 см. Вес: 1,05 г.

16. Браслет бронзовый, проволочный, разомкнутый (рис. 5, 1). Проволока в сечении близка к полуовалу. Окончания декорированы «шишечками». Изделие деформировано (изогнуто). Диаметр: около 5,85 см. Размер сечения: 0,18×0,24 – 0,22×0,29 см.

Перстни.

17. Фрагмент бронзового, литого(?) перстня (рис. 4, 4; рис. 8, 3). Гнездо для вставки (утрачена) овальное, кольцообразное, со сквозным отверстием на тыльной стороне. Шинка пластинчатая, полуовальная в сечении, расширяется и утолщается к вставке. Часть ее (противопоставленная вставке) утрачена. Предмет деформирован, разогнут, обломан. Диаметр шинки: около 1,4 см, максимальная ширина: 0,67 см. Размер сечения: 0,05×0,11–0,17×0,36 см. Размер гнезда: 0,60×0,73 см. Общий размер: 1,05×2,24 см.

18. Перстень бронзовый, литой(?), с округлым кольцообразным гнездом для вставки (утрачена) (рис. 4, 2). Шинка пластинчатая, утолщается к вставке. Изделие смято. Диаметр шинки: около 1,75 см. Размер сечения шинки: 0,02×0,07 – 0,12×0,38 см. Диаметр гнезда: около 0,7 см.

19. Фрагмент бронзового, литого(?) перстня (рис. 4, 3). Гнездо для вставки (утрачена) овальное, кольцообразное, со сквозным отверстием на тыльной стороне. Шинка пластинчатая, полуовальная в сечении, расширяется и утолщается к вставке. Перстень деформирован, часть гнезда утрачена. Диаметр шинки: около 1,4–1,5 см, максимальная ширина: 0,26 см. Размер сечения: 0,07×0,12 – 0,22×0,06 см. Размер гнезда: 0,75×0,80 см. Общий размер: 1,73×1,98 см.

Среди 19 учтенных артефактов представлено 5 категорий и 14 типов изделий. В связи с этим можно заключить, что металлические украшения костюма в материа-

Рис. 7. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1, 4, 6 – серьги. 2 – накладка на диадему. 3 – индикация. 5, 7, 8 – подвески. 9 – фрагмент браслета. Фото

лах святилища римского времени Эклизи-Бурун сравнительно немногочисленны, и хотя репрезентативность выборки объективно оценить сложно, исходя из ее относительного разнообразия можно предполагать, что жертвовались они окказионально (ситуативно, «по случаю»). Подобная ситуация наблюдается и по результатам изучения святилища Гурзуфское Седло³⁵. 14 вещей (73,7%) деформировано (погнуто, смято, сломано), четыре (21,0%) – целые, одна (5,3%), возможно, создана непосредственно в процессе посвящения. Принимая во внимание категорию объекта, на котором сделаны находки, можно предполагать, что абсолютное большинство этих предметов перед археологизацией использовалось в «живой» культуре.

КУЛЬТУРНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ

Учитывая контекст, в котором обнаружены публикуемые артефакты (существенно разрушенный открытый комплекс), при выяснении их хронологической и культурной принадлежности, приходится ориентироваться на территориально и хронологически широкой круг аналогий из закрытых комплексов других памятников.

Элементы головных уборов

Диадемы, украшенные бронзовыми накладками с рельефным орнаментом в виде выпуклых точек (рис. 3, 1; рис. 7, 2), а также их элементы, использованные вторично (например, согнутые в пронызы и включенные в состав браслета), в римское время известны только в Крыму³⁶, исключительно по погребальным контекстам. При обнаружении пластин *in situ*, они располагались в ряд на лбах погребенных³⁷, на некотором расстоянии друг от друга, по 4–17 штук. Содержавшие их комплексы сравнительно немногочисленны, выявлены при исследовании могильников Позднескифской археологической культуры и «раннего горизонта» группы памятников «Озерное – Инкерман» (зафиксировано пока не более шести случаев на одном), а также некрополей с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2 и Чатыр-Даг (рис. 2). Захоронения в основном женские, некоторые детские³⁸. По археологическим материалам традиция ношения диадем, украшенных такими пластинами, датируется I в. до н.э.(?) – сер.(?) III в. н.э.³⁹ Возможно, существовала региональная специфика в их декоре. Так, большинство опубликованных накладок, обнаруженных в Предгорьях, насколько можно судить по не всегда качественным рисункам, украшено одной крупной «выпуклостью»⁴⁰, часто

³⁵ Здесь представлены те же категории металлических украшений: Новиченкова 2015, 54–67.

³⁶ Ряд исследователей видит прямые аналогии этим украшениям в древностях эпохи переселения народов / раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Это интерпретируется как свидетельство либо контактов между населением двух регионов (Крым, лесная зона Восточной Европы) во 2 пол. III в. н. э. (Храпунов 1998, 235; 2006, 169; 2011, 37), либо «притока нового населения с берегов «Венедского залива» на берега Черного моря» (Мыц и др. 2006, 157–158). Однако в комплексах лесной зоны Восточной Европы такие пластины используются в составе сложных головных уборов, конструктивно и стилистически существенно отличающихся от крымских. В связи с этим высказанные предположения без специального культурологического анализа представляются преждевременными.

³⁷ Храпунов 1998, рис. 1, II, 12; 2004, рис. 25, 2, 27; 2006, рис. 4, 10.

³⁸ Храпунов 2006, 168–169.

³⁹ Стоянова 2011, 124–125.

⁴⁰ Сымонович 1983, рис. XXIX, 37–39; Мульд 1999, рис. 8, 3; Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, рис. 4, 9; Пуздровский 2007, рис. 120, 4, 6, 14.

в одном⁴¹ и иногда в двух⁴² кругах из мелких точек. Реже встречаются экземпляры с двумя расположенными горизонтально точками⁴³. В одном детском комплексе на каждой пластине находилось по восемь(?) крупных точек⁴⁴. В то же время на «южнобережных» накладках видны по две расположенные горизонтально⁴⁵ или вертикально⁴⁶ (как и на предмете из Эклизи-Бурун) крупные точки, заключенные в несколько (два или три) кругов и/или овалов из мелких точек⁴⁷. В Предгорьях аналогичные отмечены лишь в ближайшем к горе Чатыр-Даг могильнике Перевальное⁴⁸, где зафиксирована наибольшая плотность таких находок (в 20% изученных погребальных сооружений).

Получить объективное представление о социальном статусе погребенных с рассматриваемыми элементами диадем во многих случаях сложно, поскольку археологические контексты их обнаружения либо представляют собой заполнение склепов с многоактными захоронениями, где инвентарь невозможно соотнести с каждым из них⁴⁹, либо ограблены⁵⁰, либо не опубликованы⁵¹. Среди доступных для анализа комплексов присутствуют как «стандартные»⁵² для содержавших их могильников⁵³, так и выделяющиеся по другим (помимо элементов диадем) признакам. В Восточном некрополе Неаполя скифского одна из бронзовых накладок⁵⁴ найдена в контексте с другими редкими погребальными приношениями, в том числе бронзовой деталью веера⁵⁵. В некрополе Нейзац в могиле № 59 среди разнообразных и многочисленных предметов кроме пластин от диадемы выявлены железные детали шкатулки, бронзовая «скульптурка» и обрывок кольчуги(?)⁵⁶ (подобные зафиксированы при исследовании семи предгорных могильников, по 1–3 случая в каждом)⁵⁷, а детское захоронение в могиле № 25 сопровождала единственная на памятнике меловая «скульптурка»⁵⁸. В могильнике Лучистое-2 набор накладок обнаружен в трупосождении, которое, по степени сложности по-

⁴¹ Храпунов 1998, рис. 2, 31; 2011, рис. 34, 5–14; Мульд, Масыкин 2003, рис. 3, 1; Пуздровский 2007, рис. 120, 12.

⁴² Пуздровский 2007, рис. 120, 10.

⁴³ Храпунов 2004, рис. 26, 10; Пуздровский 2007, рис. 120, 5.

⁴⁴ Храпунов 2006, рис. 36, 5, 7, 11.

⁴⁵ Мордвинцева, Лысенко 2016, рис. 2, 1–11. В контексте погребения 2 (женское) могилы 13 некрополя Лучистое-2 (раскопки 2015 г., материалы не опубликованы) выявлено десять мелких бронзовых накладок с одной точкой в одном(?) круге, украшавших кожаный браслет(?) (зачищены *in situ* вокруг костей левого предплечья ниже его середины).

⁴⁶ Мыц и др. 2006, табл. 17, 1.

⁴⁷ Создается впечатление, что накладки с вертикальным расположением крупных точек выявлены в наиболее «поздних» контекстах («ранняя» часть Чатыр-Дагского некрополя, один из склепов могильника Перевальное), верхняя дата которых, видимо, находится позже сер. III в. н.э.

⁴⁸ Пуздровский 2007, рис. 120, 2, 7–9, 11.

⁴⁹ Сымонович 1983, 91 склеп 67; Мульд, Масыкин 2003.

⁵⁰ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 108–109 могила 3.

⁵¹ Пуздровский 2007, рис. 120.

⁵² Мордвинцева 2015, 115; 2018.

⁵³ Храпунов 1998, 232–235.

⁵⁴ Сымонович 1983, 91, рис. XXIX, 39.

⁵⁵ Сымонович 1983, 67 могила 56, рис. XXXVIII, 34.

⁵⁶ Возможно, использовались в качестве апотропеев. Храпунов 2004, рис. 26, 6; 28, 2–11; 2011, 34.

⁵⁷ Лит см. Храпунов 2010.

⁵⁸ Храпунов 2006, 168, рис. 36, 4.

гребального сооружения⁵⁹, видимо, можно охарактеризовать как неординарное⁶⁰. В Чатыр-Дагском некрополе в комплексе с элементами диадемы найдено сравнительно большое количество других предметов, в частности бронзовые и серебряные монеты. Могила с этим погребением располагалась в пределах участка, использовавшегося для размещения останков людей, вероятно занимавших сравнительно высокое социальное положение⁶¹. Принимая во внимание специфичность перечисленных контекстов, а также редкость таких находок по отношению к общему числу женских погребений, изученных в пределах большинства упомянутых некрополей, можно отнести бронзовые детали диадем к маркерам социального престижа, а сами погребения предположительно считать принадлежащими элите локального(?) уровня⁶².

Узкие пластины с рельефным орнаментом и крючками на концах (рис. 3, 2–3), возможно, являются составными частями диадем или венков. Все опубликованные украшения этой категории и их детали изготовлены из золота. По мнению М. А. Абрамзона, «в римское время золотые венки становятся почти всегда обязательным элементом инвентаря мужских погребений»⁶³. Известны они и в женских комплексах античных некрополей этого периода⁶⁴. В «варварских» контекстах Крыма в первые века н.э.⁶⁵ золотые венки маркировали погребения элиты надлокального уровня вне зависимости от гендерной принадлежности⁶⁶. К этому же времени, видимо, относятся находки деталей золотых венков на святилище Гурзуфское Седло⁶⁷. Изделия, морфологически близкие рассматриваемым, по мнению исследователей характерны в основном для полиса Херсонес⁶⁸, хотя они представлены и в комплексах Азиатского Боспора. Датируют такие ленты I в. до н.э. – III в. н.э. (большинство – I в. до н.э. – I в. н.э.). Серебряные предметы такого рода фиксируются впервые. Технология изготовления, форма и конструкция пластин из святилища Эклизи-Бурун сходны с золотыми аналогами из Херсонеса⁶⁹ и Усть-Альминского могильника⁷⁰. В некрополе Херсонеса, при обнаружении на лобных повязок *in situ*, пластины располагались по одной или по две на лбах погребенных. Их длина – 10–15 см. Публикуемые изделия в два-три раза короче и

⁵⁹ На изученной части некрополя конструктивно наиболее сложная могила с одиночным захоронением (№ 9).

⁶⁰ Мордвинцева, Лысенко 2016, 10, рис. 1, 2, 1–12.

⁶¹ Мыц и др. 2006, 14–15, 106, табл. 17, 18.

⁶² О принципах и методах выделения погребальных памятников элиты см. Мордвинцева 2018 с литературой.

⁶³ Абрамзон 2015, 184.

⁶⁴ В качестве примера можно привести погребения некрополей Горгиппии: п. 18 и п. 52 по ул. Терской (в п. 18 листики венка найдены совместно с погребальным нагрудником, а в п. 52 – с золотыми бусами), п. 7 раскопа «Теплотрасса» (листья венка найдены совместно с золотыми бусами).

⁶⁵ В некрополях Боспора и Херсонеса римского времени находки золотых деталей погребальных венков довольно часты (Мордвинцева 2009, 434–435). Но, поскольку анализ социальной структуры античных некрополей этого периода не проводился, роль венков как маркера социального ранга пока не ясна.

⁶⁶ Мордвинцева 2017b, 26.

⁶⁷ Новиченкова 2015, 30, 62, 66 рис. 110, 13, 14; 111.

⁶⁸ Пятышева 1956, 66.

⁶⁹ Пятышева 1956, 65; Журавлев и др. 2017, табл. 2, 10–13; табл. 3, 17, 19–22, 24.

⁷⁰ Пуздровский, Труфанов 2017b, рис. 143, 7.

заметно жестче большинства золотых лент⁷¹. В связи с этим установить конкретный способ их использования сложно. Также, по причине единичности находок, отсутствуют четкие представления о периоде бытования таких предметов.

Прямоугольная серебряная позолоченная пластина с оттиском монеты Гордиана III (рис. 3, 4; рис. 7, 3) могла использоваться как центральный элемент венка или диадемы. Подобные артефакты находят практически исключительно в погребальном контексте, при раскопках памятников античной культуры Балкан, Малой Азии и, особенно, Северного Причерноморья⁷², в частности некрополей полисов Ольвия и Херсонес, а также Боспорского государства, где их найдено наибольшее количество⁷³. Абсолютное большинство венков и отдельных индикаций выполнено в листовом золоте. Из боспорских находок практически все изданные пластины с индикациями, являвшиеся частями составных венков, крепившимися различными способами к трубке, узкой ленте металла или основе из органического материала – круглые⁷⁴. Опубликованные погребальные венки из относительно широкой полосы листового металла (фрагментом одного из таких мог быть рассматриваемый предмет) помимо аппликаций или тисненого декора в виде листьев сплошную украшены тонкими тисненными изнутри линиями⁷⁵, однако на пластине из Эклизи-Бурун дополнительный орнамент отсутствует. В связи с этим, видимо, нельзя полностью исключить возможность того, что изделие представляет собой обрзок обивки саркофага, для которой использовалась и «гладкая» полоса металла с различными оттисками (в том числе с монет)⁷⁶. В то же время прямоугольные детали венков, в частности с индикациями без иного декора, в Крыму представлены в материалах Херсонеса⁷⁷.

В Северном Причерноморье наиболее многочисленны индикации, по монетам-матрицам и/или контексту находки, датирующиеся римским временем. Многие из них сняты с аверсов иностранных по отношению к месту обнаружения монет⁷⁸, с их лицевых сторон, на которых изображены римские императоры. На некоторых представлены редкие для места находки или малотиражные / экстраординарные выпуски⁷⁹, что указывает на специфическую мотивацию при их отборе. Пытаясь определить назначение оттисков исследователи отмечают их многофункциональность, а касаясь мотивов изготовления индикаций и выбора матриц указывают на их неразделенность и называют следующие: вызванные необходимостью соблюдения институализированных норм погребального обряда⁸⁰; связанные с демонстрацией или повышением статуса покойного⁸¹; обусловленные

⁷¹ На территории Азиатского Боспора найдены и более короткие экземпляры, по размерам сопоставимые с обнаруженными на Эклизи-Бурун (например, из п. 15 раскопа «Теплотрасса» некрополя Горгиппи, раскопки 1979 г. №№ AZ-67–77 в описи краеведческого музея Анапы, размер 5,5х1,1 см, 7,8х1,1 см, 8х1,7 см).

⁷² Коваленко 2015, 16.

⁷³ Калашник 2013, 85; Абрамзон 2015, 182.

⁷⁴ Калашник 2013, рис. 2, 6а, 6б; Абрамзон 2015, рис. 3, 3.

⁷⁵ Абрамзон 2015, рис. 1; 2; 3, 1, 2; Коваленко 2015, табл. II, 9, 10.

⁷⁶ См. ОАК за 1878–1879 гг., 38–39, доп. табл. 9; Коваленко 2015, табл. II, 3; Абрамзон 2015, 184.

⁷⁷ Журавлев и др. 2017, 173, 174, 179, 183, 188, кат. 361, 362, 388, 408, 438, табл. 96–100.

⁷⁸ Абрамзон 2015, 187.

⁷⁹ См. напр. Коваленко 2015, 19, 22–23.

⁸⁰ Калашник 2013, 89–92.

⁸¹ Калашник 2013, 85, 87; Коваленко 2015, 19–20.

желанием защитить умершего и, видимо, его живых родственников⁸²; указывающие на родину покойного (использование монеты из места его происхождения)⁸³; маркирующие его причастность к выдающимся событиям (использование монет или медальонов, выпущенных к событию или в память о нем, полученных в уплату за службу, с изображением правителя, которому служил умерший)⁸⁴.

Индикации римских монет на Боспоре представлены оттисками с выпусков от начала принципата (Август, 31 г. до н.э. – 14 г. н.э.) до правителей Западной Римской империи (Валентиниан III, 425–455 гг.), большинство – периода от Антонинов до Валентиниана II и Валента, что совпадает со временем основного притока римских монет на Боспор⁸⁵. В Херсонесе обнаружены индикации монет от Траяна (98–117 гг.) до императоров эпохи тетрархии (кон. III – нач. IV в.), большинство – времени Северов, что соответствует третьему этапу римского военного присутствия на территории полиса⁸⁶. Оттисков с монет Гордиана III известно два. Из Херсонеса – на круглой пластине, с аверса, аналогичного публикуемому⁸⁷. Из некрополя Пантикапея-Боспора – на ленте венка⁸⁸. Рассматриваемый экземпляр, судя по форме пластины, изготовлен, скорее всего, в Херсонесе. Возможно, он использовался в том же изделии, что и серебряные листовидные пластины. Если это предположение верно (что, принимая во внимание уникальность находок, весьма вероятно), то венок, в состав которого они входили, датируется второй третью III в. н.э.

Учитывая не-погребальный контекст элементов диадемы из Эклизи-Бурун, нельзя исключать ее прижизненное использование подобно наградным венкам, известным по римским *dona militaria*⁸⁹. Не исключено, что наличие таких предметов в Крыму свидетельствует о причастности его населения (жителей Херсонеса и/или Боспора) к деятельности (службе?) в интересах Римской империи в период правления Гордиана III⁹⁰. Реконструировать обстоятельства и время попадания этого артефакта к адептам варварского святилища сложно: добыча от ограбления погребального комплекса(?)⁹¹; трофеем(?). В последнем случае это могло произойти во 2 трети III – 1 четв.-сер. IV в. н.э., например, в ходе событий, подобных предполагаемым / полулегендарным Херсоно-боспорскому Боспоро-херсонесским конфликтам, упомянутым византийским императором Константином Багрянородным в главе 53 трактата «Об управлении империей»⁹².

⁸² Пятыхшева 1956, 69; Калашник 2013, 87; Коваленко 2015, 18.

⁸³ Анохин, Сон 2016, 94.

⁸⁴ Коваленко 2015, 23; Burgunder 2018, 28–30.

⁸⁵ Абрамзон 2015, 188–189.

⁸⁶ См. Костромичев 2011, 116–118; Анохин, Сон 2016, 93–94; Журавлев и др. 2017, 174–179.

⁸⁷ Журавлев и др. 2017, кат. 386.

⁸⁸ ОАК за 1904 г., 72, рис. 108; Шкорпил 1907, 34, рис. 11; Кропоткин 1961, 64, № 599. Видны изображение и круговая легенда: бюст молодого безбородого императора в венке или лучистой короне, драпировке и кирасе(?) вправо; Μ ΑΝΤ ΓΟΡΔΙΑΝΟΣ ΑΥΓ. Тип аверса характерен для медных монет императора Гордиана III (238–244 гг. н.э.), чеканившихся в западной части провинции Вифиния-Понт (в Пафлагонии и Вифинии), в городах Амастрия, Иконополис, Халкедон, Сиус, Никея, Тиум (см. напр. Sear 2010, 353, № 3662, 3663, 3667, 3671, 3674).

⁸⁹ Maxfield 1981.

⁹⁰ Ср. Burgunder 2018.

⁹¹ О возможных первых ограблениях комплексов некрополя Пантикапея-Боспора см., например, Лысенко, Юрочкин 2004, 129.

⁹² Const. Porph., De adm. imp., 53, 124–161. См. Сидоренко 1994, 66–67; Юрочкин 1999; 2002b, 282; Труфанов, Юрочкин 1999, 338–343; Анохин 1999, 176; Грацианская 2004 и др.

Серьги

Две серьги, обнаруженные на святилище (рис. 3, 7–8; рис. 7, 1, 6), относятся к типу проволочных с замком «петля-крючок» (loop-and-hook), распространенному в римское время на всей территории ойкумены⁹³, хотя в римских провинциях предпочтение отдавалось, видимо, серьгам с крючком, изогнутым в виде «S»⁹⁴. На такие кольца могли крепиться подвески или припаивался щиток.

Простые серьги типа «петля-крючок», изготовленные из золота, серебра и бронзы, в том числе из тордированной проволоки (рис. 3, 7; рис. 7, 1), довольно часто встречаются в женских погребениях античных («городских») и «варварских» некрополей в Крыму и за его пределами⁹⁵. Наиболее ранние находки таких изделий в некрополях Боспора зафиксированы в комплексах I в. до н. э., что соответствует хронологии серег этого типа в европейских погребальных контекстах⁹⁶. В могильниках Позднескифской археологической культуры Крыма они появляются в комплексах 2 пол. I в. до н. э.⁹⁷, а наиболее широко распространяются в первые века н.э., причем экземпляры из тордированной проволоки датируются сер. II – III в. н.э., преимущественно 1 пол. III в. н.э.

Золотые серьги с припаянным украшением известны в некрополях «городских» культур Северного Причерноморья. Все они происходят из женских погребений, интерпретируемых как принадлежащие элите⁹⁸. Полных аналогий изделию, обнаруженному на святилище Эклизи-Бурун (рис. 3, 8; рис. 7, 6), найти пока не удалось. Сходные экземпляры со щитком, выполненным в виде «Герakлового узла», но без центральной вставки, весьма редки. Две серьги хранятся в собрании ГИМ, одна из них происходит из некрополя Херсонеса и датируется II в. н. э.⁹⁹ Сочетание «Герakлового узла» и напаянного в его центре каста со стеклянной вставкой отмечено на серьгах, обнаруженных в женском погребении 2 раскопа по ул. Астраханская 9 на некрополе боспорского города Горгиппия¹⁰⁰. Однако их дужка оформлена иначе – из спаянных двух тордированных и одной гладкой проволоки. По оформлению дужки близкую аналогию серьге из Эклизи-Бурун составляет золотое украшение из детского погребения № 442/1894 I в. н.э. некрополя Херсонеса, у которого дужка спаяна из двух жгутов, каждый из которых сплетен из двух проволок¹⁰¹. Таким образом, судя по технологическим признакам, обнаруженный на святилище экземпляр изготовлен, скорее всего, в Херсонесе.

Находки крупных серебряных серег со стилизованной головкой хищника на одном из окончаний (рис. 3, 5) концентрируются в «варварских» комплексах вершины и южного макросклона центральной части Главной гряды Крымских гор: на святилище Гурзуфское Седло (парные, атрибутированы автором раскопок

⁹³ Allason-Jones 1989, 8 Type 9; Popović 1997, 26 Type I.2, II.1–3.

⁹⁴ Popović 1997, 26 Type III–IX.

⁹⁵ Корпусова 1983, табл. IV, 18–19; V, 10; VI, 10; X, 31–31; XI, 14, 21; XII, 14; XV, 13; XVII, 19; XXX, 5, 18; XXXVI, 5; XLI, 15; XLV, 3; Журавлев и др. 2017, табл. 10, 59; 11, 60; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 143, 3; 156, 8; 2017а, рис. 237, 3–4; Гущина, Журавлев 2016, табл. 149, 11, 12; Мульд, Масыкин 2003, рис. 5, 17–20; Храпунов, Масыкин, Мульд 1998, 152, рис. 26, 16, 17.

⁹⁶ Allason-Jones 1989, 8.

⁹⁷ Труфанов 2009, 228.

⁹⁸ Мордвинцева 2009, 434–435.

⁹⁹ Журавлев и др. 2017, табл. 11, 79, 80; 12, 80.

¹⁰⁰ Не опубликованы, № КМ 12132/114–115 в хранении КГИАМЗ.

¹⁰¹ Mordvinceva, Treister 2007, Kat. A331.1 Taf. 46.

как браслеты или височные кольца)¹⁰², на территории поселения Чатыр-Даг-2 – Чатыр-Дагского некрополя¹⁰³, в женском погребении 1 могильника Лучистое-2 (пара)¹⁰⁴, т.е. практически на всех более или менее изученных археологических памятниках региона римского времени. Пары сходных изделий обнаружены при исследовании могилы 67 Восточного некрополя Неаполя скифского¹⁰⁵, погребения 9 склепа 974 Усть-Альминского некрополя, принадлежавшего подростку 15–18 лет, судя по набору инвентаря – женского пола¹⁰⁶, в некрополе Левадки¹⁰⁷. Аналогичные украшения происходят также из погребений 27 и 49 некрополя Гор-гиппии по ул. Астраханская¹⁰⁸. По контексту такие предметы датируются кон. I–II – сер. III в. н.э.¹⁰⁹ Они встречены как в «элитных» (Лучистое-2), так и в предположительно «стандартных» (Усть-Альма) комплексах.

Подвижные подвески в конструкции кольцеобразных серег в целом характерны для римского времени¹¹⁰. Вторичное использование поврежденных элементов римского военного снаряжения, в основном декоративных деталей ременной гарнитуры, известно по комплексам 2 пол. II – 1 пол. III в. н.э. Позднескифской археологической культуры Юго-Западного и Центрального Крыма, а также «биритуальных» могильников окрестностей полиса Херсонес¹¹¹. Фрагменты предметов вооружения, в том числе окончания оковок ножен относительно «древних» мечей типа Майнц, обнаружены на одном некрополе (Усть-Альминском), в женских и детских погребениях, куда они, видимо, были помещены как амулеты¹¹². Исследователи обычно полагают, что римские вещи, послужившие «сырьем» для таких изделий, оказались у «производителей» случайно, в частности как военные трофеи¹¹³. Помимо Крыма подобное явление прослежено также на территории Венгрии¹¹⁴ и в ареале Черняховской археологической культуры¹¹⁵. На святилище Гурзуфское Седло найден крупный фрагмент железной оковки ножен меча типа Майнц, присоединенный к согнутому в кольцо бронзовому стилю. На этом же памятнике отмечены и другие случаи соединения друг с другом предметов, один из которых свертывался в кольцо¹¹⁶. Таким образом, использование фрагментов римского оружия для изготовления нефункциональных сложных вещей зафиксировано пока только на двух святилищах центральной части Горного Крыма.

Золотое проволочное кольцо (рис. 3, 6; рис. 7, 4) могло использоваться и как височная подвеска, и как серьга. Находки колец из золотой, серебряной и медной

¹⁰² Новиченкова 2002, 72, рис. 32, 15.

¹⁰³ Лысенко 2004а, рис. 2, 10.

¹⁰⁴ Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, рис. 9, 9–10.

¹⁰⁵ Сымонович 1983, 92, табл. XXXI, 5.

¹⁰⁶ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 18, 16, 17.

¹⁰⁷ Muld 2013, 329 Abb. 7p. Из публикации не ясно, из какого погребального сооружения происходит серьга и, соответственно, контекст находки.

¹⁰⁸ Алексеева 1982, 72, рис. 40, 4.

¹⁰⁹ Серьги рассматриваемого типа иногда сопоставляют с серьгами с цельнометаллическим пластинчатым щитком (Храпунов 2011, 44, рис. 47, 5–8).

¹¹⁰ См., например, Журавлев и др. 2017, табл. 14; Пуздровский, Труфанов 2016: рис. 49, 3.

¹¹¹ Масыкин 2007, 131–132; Костромичев 2018, 109–110.

¹¹² Масыкин 2012, 171, рис. 3, 1, 2, 19, 21.

¹¹³ См. Масыкин 2007, 132–133; Костромичев 2018, 112–113.

¹¹⁴ Лит. см. Масыкин 2007, 132.

¹¹⁵ Лит. см. Костромичев 2018, 112.

¹¹⁶ Новиченкова 2015, 26.

проволок с переплетенными концами известны в римских провинциях¹¹⁷. В памятниках Крыма точных аналогий экземпляру из Эклизи-Бурун нет. По конструкции с ним сходны бронзовые височные кольца из женских и детских погребений Позднескифской археологической культуры¹¹⁸. В «городских» культурах Крыма (Боспорское царство и полис Херсонес) такие украшения не обнаружены. Факт изготовления височного кольца из золота позволяет считать его маркером социального престижа.

Подвески

Подвески в виде лунниц были особенно популярны в римский период. Различные их виды находят в женских и детских комплексах этого времени по всей территории ойкумены. Тип, к которому принадлежит лунница из святилища Эклизи-Бурун (рис. 2, 1; рис. 7, 5), демонстрируют экземпляры из золотого, серебряного и бронзового дрота, отлитые в форме буквы «С», обычно ромбовидные в сечении, украшенные утолщениями на концах и, иногда, зернью в месте припоя петли для подвешивания¹¹⁹. Они обнаружены в погребениях Позднескифской археологической культуры¹²⁰, в культурных напластованиях городища Неаполь Скифский 2 пол. I – сер. / 3 четв. II в. н.э.¹²¹, на святилище Гурзуфское Седло¹²², в южнобережном могильнике с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2¹²³, в некрополях Херсонеса и Боспора¹²⁴. В I–II вв. н.э. часто использовались как центральные подвески ожерелий. За пределами Крыма подобные артефакты найдены в культурном слое боспорского города Горгиппия¹²⁵, в разрушенном погребении у поселка Лоо на восточном побережье Черного моря¹²⁶, в кургане 11 могильника Авиловский-II¹²⁷ и у с. Косика в Нижнем Поволжье¹²⁸, в Грузии¹²⁹. Подвески, сходные с рассматриваемыми, обнаружены также на территории Римской империи в контекстах I–II вв. н.э., в том числе в Помпеях¹³⁰. Они изображены на погребальных портретах II в. н.э. из Фаюма¹³¹. Размеры лунниц этого типа различны, экземпляр из Эклизи-Бурун – наиболее крупный из известных. Приближающиеся к нему по размеру серебряные и бронзовые подвески происходят из Усть-

¹¹⁷ Allason-Jones 1989, Type 3; Popović 1997, Type I.3, I.4.

¹¹⁸ Гущина, Журавлев 2016, табл. 48, 9, 10; табл. 220, 1; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 52, 1; Сымонович 1983, табл. XXXI, 36.

¹¹⁹ См. также Труфанов 2009, 234; Стоянова 2016, 135–138.

¹²⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 27, 24; 160, 11; 2017а: рис. 13, 42; 185, 1; 197, 23; 2017б, рис. 38, 7; 67, 10; Зайцев и др. 2007, рис. 17, 11–13; Труфанов 2018, рис. 5, 5; Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 27, 4; 29, 9; Зайцев и др. 2005, рис. 7, 5.

¹²¹ Зайцев 2003, 19, рис. 111, 4.

¹²² Новиченкова 2002, рис. 33, 19, 20.

¹²³ Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, 328 рис. 14, 4–6.

¹²⁴ Пяташева 1956, 55–56, № 5, рис. 16; Корпусова 1983, табл. X, 27; Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 27, 4; 29, 9; Зайцев и др. 2005, рис. 7, 5.

¹²⁵ Довольно крупный экземпляр, около 3 см шириной, обнаружен при раскопках Заповедника Горгиппии в 1990 г. (помещение 114), № AZ-178 в хранении краеведческого музея Анапы.

¹²⁶ Воронов 1979, 75, рис. 37, 3.

¹²⁷ Сергацков 2000, 86, рис. 102, 3–5.

¹²⁸ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, рис. 20, 11.

¹²⁹ Gogiberidze 2008, pl. 72, cat. 148, 151, 152.

¹³⁰ Pirzio, Stefanelli 1992, 106 № 70; 107 № 71; 162 № 173; 202 № 246.

¹³¹ Pirzio, Stefanelli 1992, 163, 174; Павлов 1965, табл. VIII.

Альминского могильника¹³² и некрополя Лучистое-2. При этом такая деталь, как листовидные «выемки», обрамляющие участок изделия, к которому крепилась петля, зафиксирована только на экземплярах из некрополя Лучистое-2 и святилища Эклизи-Бурун. В большинстве комплексов, содержащих такие украшения, помимо элементов «стандартного набора» погребального инвентаря, присутствуют другие виды приношений и предметов костюма («расширенный стандарт»¹³³).

Бронзовые подвески в виде антропоморфной фигурки обнаружены в могильниках Позднескифской культуры¹³⁴, в комплексах I–III вв. н.э. Херсонеса и Боспора¹³⁵, на святилище Гурзуфское Седло.¹³⁶ Часто их находят в наборах по два экземпляра среди амулетов¹³⁷. А.А. Труфанов выделяет несколько вариантов таких подвесок¹³⁸. Предмет из Эклизи-Бурун относится к варианту «б», объединяющему «четкие геометризованные фигурки с острым завершением головы, символизирующим шлем»¹³⁹. Предположительно, северо-причерноморские антропоморфные подвески имеют позднелатенские прототипы¹⁴⁰, В.М. Зубарь считал их местными изделиями¹⁴¹. За пределами Крыма такие вещи практически не встречаются¹⁴². Они датируются, в целом, в пределах посл. трети I – сер. III в. н.э.¹⁴³, и появляются одновременно на памятниках Юго-Западного и Восточного Крыма, немного позже – в Центральной части Предгорий.

Бронзовые подвески в виде личины с петлей для подвешивания (рис. 7, 8), подобные изделию из Эклизи-Бурун, обнаружены в детских погребениях некрополей Позднескифской археологической культуры Крыма, преимущественно в Усть-Альминском (четыре комплекса)¹⁴⁴. Время их бытования по актуальным на сегодняшний день сведениям ограничивается рамками 2 трети – кон. II в. н.э., за пределами Юго-Западного Крыма они не встречаются¹⁴⁵. Большинство учтенных экземпляров объединяет близкое сходство. Они различаются лишь врезным орнаментом головного убора и, немного, общими контурами. Более существенно, четкостью рельефа и тремя крупными выступами по бокам и снизу, отличается один из них¹⁴⁶. По форме он схож с крышками римских висячих замков,¹⁴⁷ оформленными в виде выпукло-вогнутых «масок», которым производители, воз-

¹³² Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 13, 42; 185, 1; 197, 23.

¹³³ Далее «стандарт+».

¹³⁴ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 39, 6; 150, 4; 2017а, 13, 40; 94, 11, 12; 100, 5; 116, 3, 4; 137, 3; 159, 5, 6; 168, 6, 7; 215, 7, 8; 234, 7, 8; Гущина, Журавлев 2016, табл. 79, 2, 3; 140, 6, 7; Сымонович 1983, табл. XIX, 1, 3, 4; Храпунов 2011, рис. 35, 19–23.

¹³⁵ Зубарь 1982, 100 рис. 66, 1–8, 10.

¹³⁶ Новиченкова 2015, 48, рис. 80, 2, 3.

¹³⁷ Труфанов 2009, 231.

¹³⁸ Труфанов 2011, 228–231.

¹³⁹ Труфанов 2011, 228.

¹⁴⁰ Трейстер 1992, 46.

¹⁴¹ Зубарь 1982, 101.

¹⁴² Труфанов 2011, 233.

¹⁴³ Лит. см. Стоянова 2016, 134.

¹⁴⁴ Труфанов 2009, 231.

¹⁴⁵ Труфанов 2011, 239.

¹⁴⁶ Труфанов 2011, рис. 4, 76.

¹⁴⁷ Schönberger 1956. Благодарим В. В. Масякина за то, что он обратил наше внимание на эту публикацию.

можно, приписывали апотропеические свойства¹⁴⁸. Конструкцией этих изделий изначально предусмотрена петля, располагавшаяся в области «темени» личины и являвшаяся частью шарнира замка, что в случае необходимости (например, при «перекодировке» предмета в иной культурной среде) облегчало возможность использования крышек в качестве подвесок. Такие замки были распространены в кон. I – II в. н.э. и, возможно, использовались до IV в. н.э.¹⁴⁹ Как отмечает автор посвященной этим предметам публикации, ни один из известных ему экземпляров в точности не повторяет другой. Учитывая все перечисленные обстоятельства, видимо, нельзя исключать того, что изначально прототипом (шаблоном) при изготовлении рассматриваемых вещей послужила одна крышка римского навесного замка. Вследствие изменения функционального назначения формальные особенности типа в процессе репродуцирования (видимо в каждом случае малотиражного), сопровождавшегося корректированием образцов, постепенно модифицировались в сторону упрощения контура и сглаживания рельефа. Косвенно эти предположения подтверждаются узостью ареала и хронологического диапазона таких артефактов.

Подвески в виде «личин» и антропоморфных фигурок содержатся, как правило, в погребениях детей с предполагаемым социальным статусом «стандарт+».

Браслеты

Обнаруженные среди вотивов святилища Эклизи-Бурун браслеты представлены тремя типами. Три экземпляра с окончаниями в виде змеиных головок (рис. 4, 7; рис. 5, 2; рис. 6; рис. 8, 4–5) относятся к типу IX по Т.Н. Высотской¹⁵⁰. Эта разновидность браслетов – наиболее многочисленная среди наручных украшений из варварских погребений Крыма I–III вв. н.э. По форме и особенностям орнаментации окончаний они относятся к типам V и VI-A классификации А.А. Труфанова, характерным соответственно для I – 1 пол. II и II вв. н.э. (тип VI-A иногда встречается в контекстах кон. II – 1 пол. III в. н.э.)¹⁵¹. Наиболее близкие украшения найдены в женских и, реже, детских погребениях¹⁵² некрополей Позднескифской археологической культуры¹⁵³, а также в южнобережном могильнике с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2¹⁵⁴. В небольшом количестве браслеты со змеевидными окончаниями обнаружены в некрополях Херсонеса¹⁵⁵ и Боспора¹⁵⁶.

В.М. Зубарь приводит аналогии крымским «змеевидным» браслетам из памятников Румынии, Венгрии, Югославии, Германии, Италии и Австрии¹⁵⁷, одна-

¹⁴⁸ Schönberger 1956, 89–91.

¹⁴⁹ Schönberger 1956, 93–94.

¹⁵⁰ Высотская 1994, 112.

¹⁵¹ Труфанов 2001, 75–76.

¹⁵² В одном случае пол погребенного определен антропологом как мужской (Пуздровский, Труфанов 2016, 71 могила 1045).

¹⁵³ Гушина, Журавлев 2016, табл. 31, 9; 55, 7; 56, 16; 63, 5; 73, 13; 74, 7, 13; 77, 7; 105, 8; 114, 2; 142, 10; 164, 7; 171, 6, 7; 185, 6; 209, 2; 216, 14; 222, 8, 10, 12; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11, 16, 18; 16, 1, 2; 17, 2; 18, 2, 4; 39, 13; 68, 5, 6; 85, 5, 6; 143, 11; 181, 5, 6; 2017а, рис. 12, 28; 38, 1; 78, 4; 95, 5; 100, 1; 194, 8; 197, 1–4; 202, 10, 11; 234, 2, 4; 2017b, рис. 11, 17; 27, 8; 215, 10; Зайцев и др. 2005, рис. 9, 18; 2007, рис. 3, 4, 5; 4, 1; 5, 3; 6, 1; 9, 4, 7; 10, 1; 17, 24, 25; 21, 16; 27, 1, 2.

¹⁵⁴ Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, рис. 17, 1, 2.

¹⁵⁵ Зубарь 1982, 96, 97 рис. 62.

¹⁵⁶ Корпусова 1983, табл. XIII, 8, 12; XXVII, 2, 3; Арсеньева 1977, табл. XXXIII, 1, 7, 8.

¹⁵⁷ Зубарь 1982, 96.

ко это сходство заключается только в самом факте оформления окончаний в виде змеиных голов, что свидетельствует, скорее, о моде на такие изделия в римских провинциях и за пределами лимеса. По форме и стилю орнаментации они отличаются от крымских. В могильниках варваров Крыма бронзовые и серебряные браслеты, подобные публикуемым, обнаружены в погребениях, где помимо элементов «стандартного набора», присутствуют другие виды приношений и предметов костюма (уровня «стандарт+»), что, возможно, является отражением социального статуса. Центр производства браслетов, аналогичных найденным на святилище, видимо, находился в Крыму, а основным их потребителем были носители Позднекифской археологической культуры.

Браслет с шишечками на концах (рис. 5, 1) относится к типу II по Т.Н. Высотской¹⁵⁸. Единичные, видимо наиболее ранние для Крыма изделия такого рода обнаружены в погребальных комплексах Кизил-Кобинской археологической культуры¹⁵⁹. Наибольшее их количество найдено в могильниках римского времени Боспора и его ближайшей периферии¹⁶⁰, в частности в некрополях Золотое на Керченском полуострове и Кобяковского городища в устье Дона, что, возможно, объясняется близким расположением этих объектов к основному центру производства таких браслетов. Украшения этого типа известны также в Херсонесе¹⁶¹. В «варварских» могильниках Крыма они встречаются довольно редко, в женских, детских и мужских комплексах¹⁶². Бронзовый браслет с шишечками обнаружен на святилище Гурзуфское Седло¹⁶³. За пределами Крыма, в относительном удалении от Боспора, подобные находки единичны¹⁶⁴. Наиболее часто такие украшения встречаются в комплексах I–нач. II в.¹⁶⁵. Предполагаемый социальный статус погребенных, с которыми обнаружены браслеты этого типа, варьирует на различных памятниках. На некрополях западной части Европейского Боспора (Золотое, Новоотрадное) большинство браслетов с шишечками обнаружено в захоронениях детей предположительно высокого социального ранга¹⁶⁶. В Северо-Западном Крыму (Беляус) они происходят из женского комплекса, наиболее статусного в соответствующей хронологической группе¹⁶⁷. В Центральном Крыму оценить социальную роль погребенных с такими украшениями сложно, поскольку они происходят из склепов с многоактными захоронениями, в которых не удалось распределить инвентарь по костякам, хотя в одном случае браслеты

¹⁵⁸ Высотская 1994, 110; Стржелецкий и др. 2005, 154.

¹⁵⁹ См. например Колотухин 1996, 48, рис. 50, 17, 18.

¹⁶⁰ Арсеньева 1970, табл. 6, 1, 12, 13; 12, 1; 13, 16; Корпусова 1983, табл. VI, 7; X, 33; XV, 14; XVII, 8; XXII, 20–22; XXXI, 5; Ларенок 2013а, табл. 13, 9, 10; 15, 6; 24, 17; 44, 5; 55, 4; 57, 11, 12; 60, 2; 66, 8, 9, 12–15; 74, 7, 9; 77, 7; 79, 15; 83, 6; 98, 5; 100, 16, 17; 103, 11, 12; 106, 19; 113, 6, 9; 115, 12; 130, 11; 137, 7; 140, 2–4, 6, 7; 142, 3, 6, 7; 149, 9, 10; 153, 8; 154, 3.

¹⁶¹ Зубарь 1982, 94 тип 2 рис. 61, 8, 10.

¹⁶² Сымонович 1983, табл. XXXIII, 1–11, 13–15; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11, 17; 27, 8; 2017а, рис. 215, 10; Гущина, Журавлев 2016, табл. 6, 10; 102, 9; 112, 5; 141, 17; Высотская 1994, табл. 4, 27; 6, 28; Дашевская 2014, 21–22, табл. 31; Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 331 рис. 18, 1, 2; Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 24, 1, 2, 4; Зайцев, Мордвинцева 2007, рис. 6, 4; 7, 6.

¹⁶³ Новиченкова 2015, 63 рис. 106, 7.

¹⁶⁴ Махно 1960, 24, рис. 12, 2.

¹⁶⁵ Труфанов 2009, 225, рис. 102а.

¹⁶⁶ Корпусова 1983, табл. X, 33; XVII, 8; XXII, 20–22.

¹⁶⁷ Дашевская 2014, 21–22, табл. 31.

с шишечками ассоциируются с мужским элитарным погребением¹⁶⁸, в другом – с женским комплексом уровня «стандарт+»¹⁶⁹. В Юго-Западном Крыму (Усть-Альма) статус погребенных с браслетами этого типа (женщины и дети) варьирует от «стандартного»¹⁷⁰ до «элитного»¹⁷¹, а на границе с полисом Херсонес (Бельбек IV) они обнаружены в двух достоверно мужских «элитных» комплексах¹⁷² и в женских погребениях уровня «стандарт+»¹⁷³. На Южнобережье (Лучистое-2) браслет с шишечками найден в захоронении предположительно наиболее статусной на могильнике женщины¹⁷⁴.

В римском мире браслеты считались женским украшением и ношение их мужчинами воспринималось как признак женственности. В то же время браслеты (*armilla*), в том числе со змеевидными окончаниями и с шишечками на концах, входили в набор римских *dona militaria*. Происхождение этой военной награды связывают с обычаем снятия римлянами гривен и браслетов с убитых или плененных ими врагов – персов, скифов, кельтов¹⁷⁵. Учитывая широкую популярность этой награды, нельзя исключать влияние этих предметов как на формы браслетов в варварской среде, так и на способы их ношения.

Фрагмент серебряного украшения из тордированной проволоки с петлей и проволочной розеткой (рис. 4, б; рис. 7, 9), судя по его размерным характеристикам, принадлежит браслету. Обломок аналогичного изделия известен лишь среди материалов святилища Гурзуфское Седло¹⁷⁶. Серебряные и бронзовые браслеты из гладкого прута с застежкой, украшенной розеткой, происходят из нескольких комплексов нач. – 1 пол. III в. н.э. могильников Позднескифской археологической культуры Усть-Альминский и Бельбек IV¹⁷⁷. Бронзовые браслеты с подобной розеткой обнаружены в пещерном некрополе III в. н.э. Глазастая¹⁷⁸. Сходная конструкция зафиксирована на тордированных гривнах¹⁷⁹ и серьгах¹⁸⁰ из памятников Позднескифской археологической культуры и группы «Озерное – Инкерман» III–IV вв. н. э. Насколько можно судить по опубликованным материалам, в некрополях Херсонеса и Боспора такие изделия не найдены. Розетты, выполненные из закрученной в спираль проволоки, служили также щитками перстней¹⁸¹, происхождение которых связывают с археологическими культурами латенского круга¹⁸². В римское время они были широко распространены в Западной и Вос-

¹⁶⁸ Зайцев, Мордвинцева 2007, рис. 6, 4; 7, 6.

¹⁶⁹ Сымонович 1983, 55, 56, табл. XXXIII, 5, 11.

¹⁷⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11, 17.

¹⁷¹ Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 215, 10.

¹⁷² Гущина, Журавлев 2016, табл. 6, 10; 102, 9.

¹⁷³ Гущина, Журавлев 2016, табл. 112, 5.

¹⁷⁴ Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, 331 рис. 18, 1, 2.

¹⁷⁵ Maxfield 1981, 86, 90.

¹⁷⁶ Novichenkova 2015, 66, fig. 113, 12.

¹⁷⁷ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 58, 6; Гущина, Журавлев 2016, табл. 59, 8.

¹⁷⁸ Лысенко 2003, рис. 5, 1, 9.

¹⁷⁹ Пуздровский, Труфанов 2017b, рис. 32, 4; 52, 5, 13; 178, 13; Храпунов 2011, рис. 46, 2 могила 3, 4.

¹⁸⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 52, 2–3; рис. 58, 1; 2017а, рис. 179, 3; 186, 1; 2017b, рис. 52, 5, 13; 173, 11, 12; Гущина, Журавлев 2016, табл. 177, 7, 8.

¹⁸¹ Храпунов 2002, 175, рис. 75, 14; 269, рис. 169, 7; Мульд, Масякин 2003, 27, рис. 7, 33.

¹⁸² Кухаренко 1959, 36.

точной Европе¹⁸³. В силу единичности публикуемой находки, о происхождении таких предметов и социальной принадлежности их владельцев судить сложно.

Перстни

Обнаруженные на святилище перстни (рис. 4, 2–4; рис. 8, 3) относятся к типу цельнометаллических с плавно расширяющейся к щитку шинкой¹⁸⁴. Это наиболее распространенная форма перстней, которые обнаружены как в античных, так и «варварских» погребальных контекстах Крыма кон. I–II вв. н.э., судя по публикациям, в основном женских¹⁸⁵. Такая технологическая деталь, как отверстие на тыльной стороне каста, зафиксирована также у экземпляров из могильников Бельбек IV и Лучистое-2 посл. четв. I в. н.э. – нач. II в. н.э.¹⁸⁶ Золотой перстень этого типа обнаружен на святилище Гурзуфское Седло¹⁸⁷. Оценить информативность бронзовых экземпляров как маркеров социального престижа без данных об их количестве в закрытом комплексе невозможно.

По результатам приведенного обзора можно констатировать следующее. Металлические украшения костюма, обнаруженные на культовом комплексе Эклизи-Бурун, если ориентироваться на «узкие» датировки типов и вариантов, по хронологической принадлежности подразделяются на две сопоставимые по объему группы. Первая (№ 5, 9–14, 16, 17–19) синхронна первой половине – середине предполагаемого первого этапа функционирования святилища, вторая соответствует концу первого – началу второго этапов (№ 1, 2–4, 6–8, 15). Предметы, составляющие каждую из них, могли поступать в комплекс постепенно, но, принимая во внимание особенности местоположения памятника¹⁸⁸, нельзя исключать того, что в каждом случае они были депонированы одновременно, в рамках одного жертвоприношения. При этом некоторые формы украшений (№ 2–4, 12–14, 16) появились в Крыму, видимо, задолго до рассматриваемого периода, отдельные (№ 2–4, 9(?)) использовались и позже, однако практически все они получили наибольшее распространение или возникли и исчезли на полуострове в римское время. По крайней мере несколько типов публикуемых изделий (№ 6, 10, 12–13) характерны для большей части предполагаемого периода функционирования святилища Эклизи-Бурун. Наиболее полно ему соответствует время бытования одного из них (№ 1). Большинство изучаемых вещей (14 шт.) являются элементами женской субкультуры (№ 1, 5–9, 12–19; 74% материала). С мужской субкультурой соотносится один (№ 4; 5%), а с детской ассоциированы два предмета (№ 10,

¹⁸³ Трейстер 1992, 46, с литературой.

¹⁸⁴ Высотская 1994, 113 тип 1.

¹⁸⁵ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 3, 9, 10; 11, 1а–г; 16, 9б, в; 27, 6, 15–18; 37, 5; 68, 1; 93, 1; 95, 9; 160, 1–8; 170, 5–6; 2017а, рис. 14, 2, 4–9; 21, 2; 36, 3; 71, 6–9; 116, 13, 17, 18; 123, 5, 6; 125, 2а; 137, 5, 6; 153, 9, 10; 157, 6–9; 162, 5, 6; 168, 11–14; 176, 7; 197, 12–16; 232, 1–7; 234, 9–11; 2017б, рис. 8, 18–23; 26, 15, 16; 34, 12–18; 48, 13–16; 67, 6–9; 169, 2–5; Гущина, Журавлев 2016, табл. 11, 8; 25, 42; 27, 1; 31, 5–7; 53, 11; 64, 10–12; 72, 7, 8; 92, 15; 96, 7, 8, 11; 108, 3, 4; 127, 10, 11; 129, 10, 13, 14; 130, 11, 12; 132, 7; 149, 6; 184, 5, 6; 205, 5; 207, 9, 10; Зайцев и др. 2007, рис. 3, 14; 4, 6; 6, 19, 20; 8, 3, 4; 10, 3, 4; 12, 15–17; 14, 1–3; 15, 7; 17, 16, 19; 27, 8; Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, рис. 14, 9–13; 15, 1–4; Корпусова 1983, табл. I, 13, 14; II, 10, 22; X, 20; XV, 15, 16, 19, 20; XVII, 10; XXII, 20; XL, 6; XLI, 6, 7; Мульд, Масыкин 2003, 27, рис. 7, 29, 30; Храпунов 2011, 109, рис. 45, 17.

¹⁸⁶ Гущина, Журавлев 2016, табл. 127, 10; Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, рис. 14, 13; 15, 2В.

¹⁸⁷ Новиченкова 2015, 65, рис. 110, 5.

¹⁸⁸ См. Лысенко, Тесленко, Мусин 2017, 305.

Рис. 8. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1–2 – пластины диадемы/венка. 3 – перстень. 4–5 – браслеты. Фото

11; 10,5%). Гендерная принадлежность владельца пластин венка/диадемы (№ 2, 3; 10,5%) не может быть определена, но если они с индикацией (№ 4) входили в состав одного сложного артефакта, то он характеризует, скорее, мужскую субкультуру. Часть металлических украшений костюма с высокой степенью вероятности соотносится с социальным статусом «стандарт+» («локальная элита») (№ 1, 6, 8–11, 14, 37%), а некоторые, видимо, принадлежали представителям «надлокальной элиты» (№ 2–5, 21%). Прочие предметы ситуативно также могли маркировать социальный статус «стандарт+». Предварительный анализ опубликованных металлических украшений костюма, обнаруженных на святилище Гурзуфское Седло, показывает сходную картину. Это позволяет предположить, что среди адептов святилищ Южной части Горного Крыма римского времени были женщины, обладавшие институализированной социальной субъектностью¹⁸⁹.

Путем дальнейшей систематизации и организации сведений о рассматриваемом материале можно составить общее представление о вероятных местах проживания и связях коллективов, создавших и посещавших святилище. Для этого необходимо оценить металлические украшения костюма, использованные в качестве вотивов, на предмет отражения в них различных аспектов культурной идентичности дедикантов с применением элементов мир-системного анализа, адаптированного для археологического исследования¹⁹⁰, через изучение специфики и картографирование предметов сетевого взаимодействия.

Украшения костюма, обнаруженные в археологических комплексах различных категорий, по частоте встречаемости можно разделить на единичные¹⁹¹, особенные¹⁹² и массовые¹⁹³, а по культурной принадлежности – на «инокультурные», «внутрикультурные» и «кросс-культурные». «Внутрикультурное» происхождение артефактов предполагает центр их производства и распространения в самой потребляющей их культуре, а «инокультурное» – за ее пределами. «Кросс-культурные» вещи в разной степени имитируют или модифицируют «инокультурные» оригиналы: реплика (копия оригинального продукта), дериват (предмет, возникающий на основе другого) и гибрид (сочетает в себе свойства нескольких (двух и более) объектов, по крайней мере один из которых «инокультурный»). Контекст использования вещей «инокультурного» происхождения в культуре-реципиенте может быть сохранен по отношению к оригинальному или полностью / частично изменен.

Для характеристики особенностей культурной идентичности адептов святилища смысловую нагрузку несут особенные «внутрикультурные», единичные и особенные «инокультурные», а также все виды «кросс-культурных» признаков. Единичные «внутрикультурные» артефакты можно исключить из подробного анализа, поскольку они рандомны и не характеризуют группу, ее внутренние и внешние связи. Массовые «внутрикультурные» предметы демонстрируют лишь общий

¹⁸⁹ Ср. Бертъе-Делагард 1907, 23.

¹⁹⁰ Мордвинцева 2017с.

¹⁹¹ Обнаруженные в контексте одного памятника.

¹⁹² Выявленные в небольшом количестве комплексов на нескольких памятниках и входящие в группы предметов погребального инвентаря «гендерный/возрастной стандарт+».

¹⁹³ Представленные в большинстве памятников, в том числе различающихся по набору обрядовых действий, и входящие в группы предметов погребального инвентаря «стандарт» и «гендерный/возрастной стандарт».

культурный фон. Массовые «инокультурные» вещи маркируют, скорее, сетевые связи торгового характера, поэтому также могут быть исключены.

Для распределения публикуемых артефактов в соответствии с предложенной методикой целесообразно исходить из того, что, судя по местоположению святилища и характеру практиковавшихся на нем ритуальных действий¹⁹⁴, его адепты обитали в пределах крымского «барбарикума». Результат выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Культурный контекст	Вид предмета/идеи	массовые	особенные	единичные
инокультурный	Листочки венка/диадемы		X	
	Индикация			X
	Серьга «Герakлов узел»			X
кросс-культурный	Подвеска на серьге (гибрид)		X	
	Подвеска-личина (гибрид)		X	
	Подвеска-лунница (дери-ват?)		X	
внутрикультурный	Браслеты с змеевидными окончаниями	X		
	Перстни	X		
	Подвеска антропоморфная	X		
	Обкладка бронзовой диадемы		X	
	Серьга с зооморфным окончанием		X	
	Височное кольцо			X
неопределенный	Серьга тордированая	X		
	Браслет с шишечками	X		
	Браслет тордированный с розеттой	X		

К «инокультурному» контексту относятся индикация, пластины венка/диадемы, серьга «узел Геракла». Индикация в «варварских» древностях Крыма является единственной находкой, а в античных памятниках – редким предметом. Эта вещь определенно ассоциировалась с социальным престижем (являлась инсигнией?) в античной культуре Крыма. Вероятно, в этом же качестве она воспринималась и в «варварской» среде. Диадемы/венки, листовидные детали которых обнаружены в культовом комплексе, маркировали социальный престиж в античных

¹⁹⁴ Святилище Эклизи-Бурун римского времени по большинству формальных признаков демонстрирует архаичную, «догосударственную» стадию развития ритуальной практики. Культурная атрибуция таких объектов затруднена в связи с тем, что в их структуре отсутствуют монументальные архитектурные сооружения и эпиграфические документы, а также по причине стадийной гетерогенности стратифицированных обществ (см. Лысенко 2009, 390, 392–393). Однако, поскольку явных и достаточных признаков «цивилизации» и «государства» (см. Крадин 2012) при изучении комплекса пока не зафиксировано, предварительно можно предполагать, что он создан и использовался одним или несколькими интегрированными «варварскими» «безгосударственными» социумами.

погребальных контекстах Крыма¹⁹⁵ и за его пределами, а также символизировали надлокальный статус представителей «варварской» элиты полуострова¹⁹⁶, т. е. могли восприниматься ими как собственные знаки отличия. Золотые серьги, как категория погребального инвентаря, относятся к «стандартным» маркерам престижа в женских захоронениях «варварской» элиты Крыма периода I – сер. II в. н.э.¹⁹⁷. Конкретный же тип серьги («узел Геракла») единичен для «варварских» контекстов Крыма. Таким образом, специфика культурной идентичности адептов святилища, проявляющаяся в используемых ими для жертвоприношения «инокультурных» металлических украшениях костюма состоит, вероятно, в высокой социальной оценке этих предметов, подчеркивающих элитарный статус дедиканта. Причем если в погребальном обряде диадемы/венки видимо демонстрировали стремление социума к интеграции с античной культурой, то их деструкция и депонирование в святилище, возможно, осуществлялись как акт благодарности божеству за победу над врагом. Происхождение артефактов указывает на одно из направлений внешних контактов элит этих варварских социумов – полис Херсонес.

«Кросс-культурные» вещи представлены подвесками: лунница, «личина-маска», модифицированное окончание ножен меча типа Майнц. Лунницу, учитывая ограниченный ареал типа, к которому она относится (рис. 9, *d, e*), при широком распространении таких украшений в ойкумене, можно охарактеризовать как локальный «дериват». Специфичность изделия заключается в мелких деталях формы, возможно, обусловленных особенностями технологии производства, а также в узости ареала этого варианта украшения (центр Южной части Горного Крыма) (рис. 9, *e*). Подвески-личины представляют собой дериват предмета, присущего римской культуре, переосмысленного в местной среде, где была изменена сфера его применения (с оберега замка на детский апотропей). Он отличается узостью основного ареала (Юго-Западный Крым) (рис. 9, *f*) и хронологического диапазона (2 треть – кон. II в. н.э.). Подвеска из фрагмента ножен меча типа Майнц может быть атрибутирована как «гибрид» (часть римских *militaria* на сереге местного типа). Вторичное использование фрагментов римского оружия в качестве амулетов известно по нескольким контекстам Усть-Альминского могильника (Юго-Западный Крым) (рис. 9, *g*), но рассматриваемый артефакт (рис. 9, *h*) еще более специфичен, так как, видимо, представляет собой часть продукта особого ритуала, осуществленного в пределах святилища. Такие изделия выявлены пока лишь на двух культовых комплексах, расположенных на вершинах Главной гряды Крымских гор (Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун) (рис. 9, *1, 2*). В целом можно предполагать, что особенность культурной идентичности адептов культового комплекса, наблюдаемая по «кросс-культурным» металлическим украшениям костюма, заключается в восприятии и использовании некоторых предметов, связанных с римской культурой, как носителей магической силы.

Среди «внутрикультурных» предметов единичным является золотое височное кольцо, которое уникально и не может интерпретироваться как индикатор направлений связей или особенностей культурной идентичности. «Массовые» «внутрикультурные» артефакты – браслеты со змеевидными окончаниями,

¹⁹⁵ Мордвинцева 2009.

¹⁹⁶ Мордвинцева 2017b, 208.

¹⁹⁷ Мордвинцева 2017b, 205.

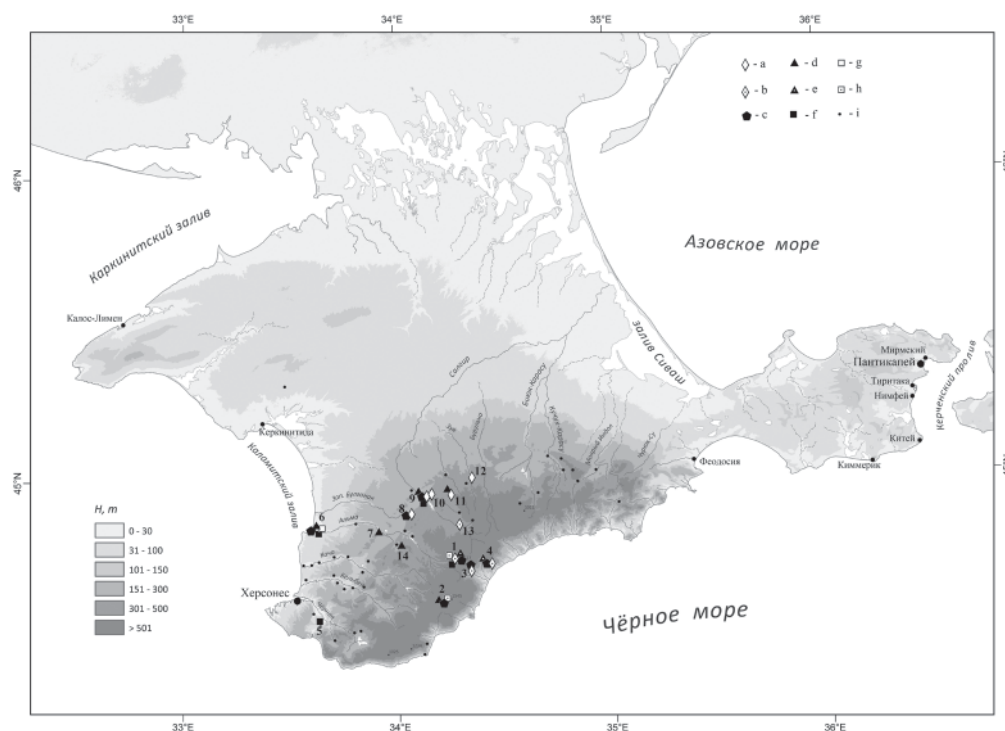

Рис. 9. Карта распространения металлических украшений костюма – вероятных маркеров культурной идентичности адептов святилища Эклизи-Бурун на «варварских» памятниках Крыма. а – диадемы с бронзовыми накладками; б – диадемы с бронзовыми накладками особого орнаментального варианта; с – серьги с зооморфным окончанием; d – подвески-лунницы; e – подвески-лунницы с «выемками»; f – подвески-«личины»; g – амулеты из деталей ножен мечей типа «Майнц»; h – нефункциональные изделия из фрагментов ножен мечей типа «Майнц»; i – «варварские» некрополи римского времени, в которых маркеры культурной идентичности адептов святилища Эклизи-Бурун пока не обнаружены. Цифры на карте: 1 – Эклизи-Бурун. 2 – Гурзуфское Седло. 3 – Чатыр-Даг. 4 – Лучистое-2. 5 – Чернореченский. 6 – Усть-Альма. 7 – Заветное. 8 – Левадки. 9 – Неаполь скифский. 10 – Битак. 11 – Опушки. 12 – Нейзац. 13 – Перевальное. 14 – Балта-Чокрак

перстни и бронзовая подвеска в виде антропоморфной фигурки – обнаружены практически во всех «варварских» и многих античных контекстах Крыма. В виду их широкого распространения, они также не могут использоваться при характеристике культурной идентичности адептов святилища, как и «неопределенные» по происхождению украшения (фрагменты тордированных серьги и браслета, браслет с «шишечками» на окончаниях).

К «особенным» «внутрикультурным» предметам относятся бронзовая пластина диадемы и серьга с зооморфным окончанием. Оригинально оформленные крупные серьги внешне заметно отличаются от большинства синхронных им украшений этой категории. Их использование в костюме помимо прочего могло восприниматься как элемент самоидентификации. Максимальная концентрация этих вещей отмечена в центре Южной части Горного Крыма (рис. 9, с), за пре-

делами которого такие изделия встречаются единично. Диадемы с бронзовыми накладками – специфическое украшение, которое, благодаря принадлежности к наиболее значимой части костюма и наличию орнамента, также могло служить элементом системы кодов распознавания типа «свой – чужой». Они обнаружены в памятниках центра Предгорного и Горного Крыма, демонстрирующих различные погребальные практики (рис. 9, *a, b*). Причем отмеченный на накладке из Эклизи-Бурун вариант декора, отличающийся небольшими деталями, зафиксирован лишь в южной части этого ареала, локализующейся вокруг горы Чатыр-Даг (рис. 9, *b*). Возможно, диадемы являлись маркером социального статуса, институализированным в нескольких культурных группах (женщины, принадлежащие к локальным элитам?). В таком случае их находки отмечают места обитания коллективов, связанных гетерархическими отношениями.

ВЫВОДЫ

Обобщение результатов проведенного анализа и сопоставление их с данными других источников позволяет сформулировать следующие выводы и предположения.

При определении возможного места обитания адептов святилища целесообразно ориентироваться в первую очередь на ареалы встречаемости «особенных» «внутрикультурных» артефактов. Ближайшее к Эклизи-Бурун место, где они явно пересекаются – центр ландшафтной зоны «Южнобережье» (рис. 2; 9). В связи с этим можно предполагать, что по крайней мере часть носителей культурной идентичности, признаки которой прослежены по металлическим украшениям костюма, обнаруженным в святилище Эклизи-Бурун римского времени, проживала в Алуштинской долине и использовала некрополи Лучистое-2 и Чатыр-Даг. Косвенно эта версия подтверждается пересечением здесь же ареалов специфических вариантов орнамента бронзовых накладок на диадемы и формы «кросс-культурного» «деривата» (лунниц) (рис. 9, *b, e*), частичной синхронностью перечисленных памятников, расположением их в визуальной связи и непосредственной близости друг от друга¹⁹⁸ (рис. 1), а также сопоставимостью выявленных при их изучении форм обрядовой практики (сожжение на святилище как способ передачи жертвы боже-ству, кремация умерших как способ демембрации трупа на стадии 1 некрологического цикла перед погребением на могильниках)¹⁹⁹.

Если эти выводы верны, то материалы исследования упомянутых некрополей могут использоваться в качестве дополнительного источника о социумах, создавших и использовавших святилище Эклизи-Бурун. Оба могильника небольших размеров. В их пределах выявлены расположенные в непосредственной близости друг от друга, возникшие в разное время, но частично синхронные отдельные участки²⁰⁰, содержащие комплексы социальной «элиты»²⁰¹. В целом это свидетельствует о небольших размерах рассматриваемых коллективов и функционировании в

¹⁹⁸ Могильники Лучистое-2 и Чатыр-Даг находятся соответственно в 9,5 и 6,0 км от святилища Эклизи-Бурун. Между ними – 3,4 км.

¹⁹⁹ Лысенко 2018, 220.

²⁰⁰ Мыц и др. 2006, 8, 172, 173, табл. 1.

²⁰¹ Мыц и др. 2006, 106.

их рамках относительно самостоятельных подразделений, что позволяет предполагать существенный элемент гетерархичности в системе управления обществом. В то же время структура самих этих подразделений иерархична, в ней выделяется «элита», возможно управленческая. В пределах обоих объектов в материальной культуре женской части «элиты» присутствуют статусные элементы надобщинного уровня²⁰². Комплексы ее мужской части, изученные на Чатыр-Дагском некрополе, отличаются выраженным военно-идеологическим характером (сочетание оружия и ритуально-производственного инвентаря в явно институализированном «мужском» стандарте погребального инвентаря)²⁰³. Вероятно, эти обстоятельства указывают на высокую концентрацию власти внутри формировавшихся социумы коллективов и на их потенциальную или реализованную политическую субъектность. Сопоставление приведенных сведений о социумах, использовавших некрополи Лучистое-2 и Чатыр-Даг, позволяет предположительно охарактеризовать их как расширенные семьи – возможно, малые сегментированные патрилиниджи(?) или системы из нескольких минимальных патрилиниджей²⁰⁴. Не исключено, что они входили в более крупное социальное образование (*segmentary society*)²⁰⁵, в рамках существования которого и функционировало святилище Эклизи-Бурун.

Наиболее тесные и близкие внешние связи адептов культового комплекса также маркированы «особенными» «внутрикультурными» артефактами. Наличие крупных серебряных серег с зооморфным окончанием и специфических нефункциональных «гибридных» «кросс-культурных» или «инокультурных» изделий из фрагментов римского оружия в материалах Гурзуфского Седла (рис. 9, *c, h*) подтверждает предполагаемую по другим признакам культурную гомогенность адептов двух горных святилищ. Кроме того, локализация ареала женских диадем, украшенных пластинами с пуансонным орнаментом (рис. 9, *a, b*), а также присутствие в его северной части отдельных находок упомянутых серебряных серег (рис. 9, *c*), позволяют предполагать некую (политическую?) интеграцию создателей Эклизи-Бурун с носителями Позднескифской и раннего этапа Инкерманской археологических культур, обитавших в центре Крымских Предгорий. Ее формы и глубину, принимая во внимание существенные отличия в погребальном обряде и, видимо, размерах коллективов, использовавших южнобережные и предгорные могильники, пока определить сложно. Однако, судя по распространению специфического варианта орнамента диадем (рис. 9, *b*), нельзя полностью исключить возможность того, что среди адептов рассматриваемого святилища были жители северных отрогов горы Чатыр-Даг и их окрестностей²⁰⁶. Возможно, предпосылки возникновения и исчезновения этого явления (интеграция «разнокультурных» социумов) обусловлены наличием и изменениями пределов зон военно-политического влияния полиса Херсонес и Боспорского государства, между которыми

²⁰² Мыц и др. 2006, 16–17, таб. 24, 25; Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 318–319.

²⁰³ Мыц и др. 2006, 99, 104–105, таб. 51–53.

²⁰⁴ См. напр. Артемова 2000, 888; Лысенко 2004b, 232–233.

²⁰⁵ См. напр. Куббель 1988, 119–120.

²⁰⁶ Мелкие региональные особенности костюма, видимо, могли быть обусловлены принадлежностью людей к группам адептов различных культовых комплексов. Так, например, в Моравской Словакии рубежа XIX – нач. XX вв. границы 28 выделенных там районов, различающихся спецификой костюма, совпадали с пределами церковных приходов XVII–XVIII вв. (см. Богатырев 1971, 316–317).

в I–III вв., вероятно, располагались центральные части Горного и Предгорного Крыма²⁰⁷ (рис. 2).

Сведения о относительно дальних связях и контактах адептов Эклизи-Бурун могут быть получены посредством анализа «инокультурных» и «кросс-культурных» артефактов. Ранее, в результате рассмотрения найденных на святилище римских вещей и нумизматического материала в сопоставлении с данными исторических источников, было сформулировано предположение о том, что его создатели по крайней мере дважды вступали в боевые столкновения с римскими войсками: в 1 пол. – сер. I в. в центре Южнобережья, в ходе Римско-боспорской войны и во 2 пол. II – нач. III в., возможно, вблизи границ Херсонеса²⁰⁸. Кроме того они, вероятно, как и обитатели центра «Крымской Скифии», периодически получали выплаты золотом от полиса Херсонес²⁰⁹. Происходящие из святилища Эклизи-Бурун «инокультурные» металлические элементы костюма также указывают на контакты его адептов с Херсонесом, в том числе, вероятно, военные, случившиеся в период после 240 г. н.э. и до сер. IV в. н.э. Возможно, в рамках событий подобного рода в комплексе оказались и «кросс-культурные» «гибридные» артефакты, основной ареал распространения которых находится в Юго-Западном Крыму, в окрестностях Усть-Альминского могильника. Наличие в материалах святилища значительного количества «милитарных» «инокультурных» вотивов, видимо, свидетельствует о политической субъектности его создателей.

Помимо прочего проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимодополняющих выводов общего характера. Во-первых, ассортимент металлических украшений костюма крымского «барбарикума» римского времени в значительной степени сформирован под «греко-римским» влиянием, вследствие чего в нем присутствует заметное количество «кросс-культурных» «дериватов» и «гибридов». Во-вторых, возможно, границы ареалов специфических наборов украшений, по крайней мере в некоторых случаях, не зависят напрямую от культурной принадлежности населения региона, но могут быть обусловлены пределами зон влияния политических субъектов²¹⁰.

Исторический контекст, в котором возник, функционировал и прекратил использоваться культовый комплекс Эклизи-Бурун в общих чертах реконструируется путем синтеза исторических, нумизматических и археологических источников. Исходя из местоположения объекта можно констатировать, что он располагался в исторической области «Таврика», пределы которой, видимо, изменялись в зависимости от взаиморасположения границ, а также размеров зон военно-политического влияния полиса Херсонес и Боспорского государства, находившихся со 2 пол. I в. до н.э. в сфере интересов и под прямым или опосредованным контролем Римской империи²¹¹. К началу римского времени восточные пределы Херсонеса в прибрежной части Горного Крыма не простирались далее современной Балаклавы (рис. 2, А). Граница Боспора установилась где-то в окрестностях Судакской

²⁰⁷ См. Лысенко 2014, 107–108; 2018, 221–223.

²⁰⁸ Lysenko, Masyakin 2012; Лысенко, Масыкин 2016, 168–169.

²⁰⁹ См. Lysenko 2014, 135, рис.; Сидоренко 2001, 446–447.

²¹⁰ Ср. Лобачева 1989, 35.

²¹¹ SEG 55, 862; КБН 1237; Лысенко 2014, 102–108.

долины после экспансии на запад в нач. I в. н. э.²¹² (рис. 2, Б). Возможно, с этими или подобными событиями связано появление Кутлакской крепости 2 пол. I в. до н. э. (Афинеон?)²¹³, резкое сокращение интенсивности использования святилища Туар-Алан²¹⁴ (рис. 2, 2), а также создание Таракташского культового комплекса (I в. до н. э. (?) – I в. н. э. – сер. – 2 пол. IV в. н. э.)²¹⁵ (рис. 2, 4). В центре Таврики со II–I вв. до н. э. функционировало святилище Гурзуфское Седло (рис. 2, 1), на рубеже эр – в I пол. I в. н. э. появился культовый комплекс Эклизи-Бурун (начало «раннеримского» этапа его функционирования) (рис. 2, 3), а не позже рубежа I–II вв. н. э. – могильник с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2 (рис. 2, 13). В этот период Таврика, видимо, была населена и/или находилась под контролем культурно своеобразных, гомогенных, более или менее независимых от соседних античных государств и достаточно воинственных политически субъектных социумов²¹⁶. В сер. 1(?) – кон. 2(?) третьей II в. в регионе возводится римское укрепление Харакс²¹⁷ (рис. 2, 15). Через некоторое время после этого, видимо, произошел «раздел» Таврики. Юго-западная часть ее, вероятно, оказалась в составе полиса Херсонес и под прямым протекторатом Римской империи, а северо-восточная перешла под контроль проримского Боспора²¹⁸. Судя по распространению артефактов-индикаторов политической принадлежности (эпиграфические памятники, медные монеты, предметы с тамгами боспорских царей), «граница» между «зонами влияния» прошла западнее Ялтинской долины²¹⁹ (рис. 2, В). В результате(?) в «боспорской» части региона на горных святилищах изменилась (начало «позднеримского» этапа Эклизи-Бурун), а на одном из них (Гурзуфское Седло) сократилась обрядовая практика²²⁰. В то же время здесь возникли новые объекты: святилища Ауткинское (2 пол. II – 1 пол. IV вв.)²²¹ и Алигор (рубеж II–III – 1 треть IV вв. н. э.)²²² (рис. 2, 5, 6); производственный центр Парагильмен (рис. 2, 18); поселение Чугунун-Кая (Лампад?)²²³ (рис. 2, 19), а также пещерные некрополи III в. Бай-Су и Ай-Никола²²⁴ (рис. 2, 16, 17). Возможно, эти изменения были обусловлены перемещением (с запада на восток?) части адептов святилища Гурзуфское Седло и проникновением в регион нового населения со стороны Боспора. После временного сворачивания римского присутствия на полуострове, эвакуации гарнизона и разрушения укреплений Харакса (2(?) треть III в.)²²⁵, у его руин (в «римско-херсонесской» части Таврики) фиксируется практиковавшийся креммирование умерших культурно гомогенный с использовавшим «биритуальные» могильники населением Инкерманской долины (рис. 2, 11, 12) социум,

²¹² КБН 39, 40. См. Лысенко 2012, 87–89.

²¹³ Ланцов 2015.

²¹⁴ Гаврилов, Труфанов 2014, 112.

²¹⁵ Лысенко 2009, 384–388, 391–393.

²¹⁶ Лысенко 2014, 107.

²¹⁷ Ptol. III. 6. С. 2; лит. см. Лысенко 2014, 114–115.

²¹⁸ КБН 1008, 1237; Зубарь 1998, 111–115.

²¹⁹ КБН 955; Бертъе-Делагард 1907, 24–26; Лысенко 2012, 86–91.

²²⁰ Лысенко 2009, 381, 390, 395; Новиченкова 2015, 121.

²²¹ Бертъе-Делагард 1907; Лысенко 2012.

²²² Лысенко 2009, 381–383.

²²³ Лысенко 2005; 2014, 109–110.

²²⁴ Лысенко 2003, 88–89, 90–92.

²²⁵ Зубарь 2002, 120.

видимо интегрированный в сферу влияния полиса Херсонес (Ай-Тодор, военные поселенцы?)²²⁶ (рис. 2, 15). В «боспорской» части региона, немного ранее или примерно синхронно, прекращает(?) функционировать могильник Лучистое-2 и появляется(?) некрополь с захоронениями остатков кремаций Чатыр-Даг (рис. 2, 13, 14). Ее жители, сохраняя прежнюю политическую ориентацию и часть субъектности, были вовлечены в военно-политические события на территории Империи («Скифские» войны и проч.). Судя по датам и эмитентам обнаруженных здесь монет, последняя операция с их участием состоялась в Юго-Западном Причерноморье в 313–314 гг.²²⁷ После предполагаемых Херсоно-боспорского и Боспоро-херсонесских конфликтов вся Таврика, видимо, оказалась под контролем поддерживаемого Империей полиса Херсонес (во 2 пол. IV в.?). Между ним и побежденным херсонесско-римскими войсками Боспором были установлены пограничные столбы в местности Кафа²²⁸ (видимо, окрестности Феодосии²²⁹). Затем граница Боспора отодвинулась к Кивернику²³⁰ (городище Киммерик на горе Опук?)²³¹ (рис. 2, 7). Социумы, использовавшие некрополи с погребениями остатков кремаций в «римско-херсонесской» части региона оставались «на месте» до нач. V в. (Ай-Тодор)²³², а из бывшей «боспорской», вероятно мигрировали (могильник Чатыр-Даг²³³, святилища Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун)²³⁴. В кон. IV – нач. V в. здесь появились святилище Пахкал-Кая²³⁵ (рис. 2, 7) и некрополи типа Суук-Су, оставленные социумами, видимо, происходящими из «Крымской Скифии»²³⁶. Возможно, впоследствии именно этих людей источники поименовали «готами»²³⁷.

Население Таврики в греко-римской нарративной традиции²³⁸ и местных эпиграфических документах I в. до н.э. – сер. III в. обозначено нарицательными экзоэтнонимами²³⁹ «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы»(?). В источниках

²²⁶ Орлов 1987; Лысенко 2012, 88–89.

²²⁷ Лысенко 2007.

²²⁸ Const. Porph., De adm. imp. 53, 124–161.

²²⁹ Катюшин 1994.

²³⁰ Const. Porph., De adm. imp. 53, 162–178.

²³¹ Юрочкин 1999, 279–381.

²³² Айбабин 1984, рис. 1.

²³³ Мыц и др. 2006, 186.

²³⁴ Таким образом, благодаря особенностям местоположения, Южная часть Горного Крыма в римское время оказалась ареной взаимодействия всех основных политических сил полуострова, чем, вероятно, отчасти объясняется ее сравнительно малая заселенность. При этом субъектность населения Таврики, существовавшая в начале этого периода, в результате деятельности соседних государств образований и Римской империи к его завершению была окончательно ликвидирована.

²³⁵ Лысенко 2011.

²³⁶ Юрочкин, Труфанов 2007, 370–371.

²³⁷ Proc., Aed. III. VII, 10–17.

²³⁸ Ps.-Scymn. 831–832; Strabo, VII. 4. 3; Plin., NH. IV, 85, 86; Tac. Ann. XII. 17; Arr. PPE. 30.

²³⁹ Использовались представителями территориальных цивилизованных/государственных структур по отношению к «варварам», видимо, уже как нарицательный термин, в силу некоторого сходства их локализации (в физико-географической провинции Горный Крым) и хозяйственно-культурного типа («пиратство») с широко растиражированными благодаря греческой нарративной традиции мифологическими по происхождению представлениями о «таврах» начала эпохи раннего железа (см. Лысенко 2014, 104–107).

они упоминаются как агрессоры против представителей Рима²⁴⁰ и Херсонеса²⁴¹, а также как объект завоевания²⁴² и дипломатического давления²⁴³ для Боспорского государства²⁴⁴. По контексту сообщений можно заключить, что в них речь идет о безгосударственных социумах (племенах²⁴⁵). В целом эти сведения соответствуют данным, полученным при исследовании святилищ Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун²⁴⁶.

В результате изучения металлических элементов костюма из Эклизи-Бурун появились дополнительные основания полагать, что «тавры» («скифо-тавры», «тавро-скифы»?) римского времени помимо горных святилищ²⁴⁷ использовали южнобережные могильники с захоронениями остатков кремаций²⁴⁸. Материалы исследования этих археологических объектов широко привлекаются для реконструкции этнополитической ситуации в Крыму позднеимперского времени. О происхождении некрополей Чатыр-Даг и Ай-Тодор (рис. 2, 14, 15), появившихся во 2 трети III в., а также подобных им объектов существует два основных мнения: 1) традиция кремирования умерших распространилась среди «варварского» населения Таврики либо в результате влияния на регион Херсонеса, либо в процессе романизации²⁴⁹; 2) обряд кремации привнесен в сер. III в. н.э. «варварами» – дальними мигрантами с северо-запада. Авторы второй версии определяли пришельцев как носителей Черняховской культуры – славян²⁵⁰. Позже возобладала точка зрения о том, что трупосожжения принадлежат германцам – участникам «готских» походов («Скифских» войн)²⁵¹. Однако после открытия могильников с кремациями Лучистое-2 (рис. 2, 13), а также в Байдарской и Варнутской долинах (нижняя дата – рубеж II–I вв. до н.э. или рубеж эр)²⁵² (рис. 2, 8–10), возникших за пределами хоры Херсонеса (рис. 2, А), до оккупации ее Римской империей, а также до «Скифских» войн, перечисленные версии и основанные на них схемы развития культурно-исторической ситуации в Таврике²⁵³ нуждаются в пересмотре. Судя по новым данным не исключено, что использовавшееся обнаруженные в Горном Крыму святилища с остатками сожжений животных и могильники с захоронениями остатков кремаций население переместилось в Таврику из области распространения латенизированных археологических культур еще по крайней мере во II в. до н.э.²⁵⁴, чему не противоречат находки на относительно ранних

²⁴⁰ Tac. Ann. XII, 17.

²⁴¹ IOSPE I² 562; Зубар 1990, 108–109; Сарновски 2000, 209.

²⁴² КБН 39, 40, 1237.

²⁴³ SEG 55, 862; Сапрыкин 2005, 46.

²⁴⁴ См. Лысенко 2014, 104–106.

²⁴⁵ Здесь имеется в виду уровень социокультурной интеграции (лит. см. Крадин 2015).

²⁴⁶ См. Лысенко 2018, 219–221.

²⁴⁷ Новиченкова 2002, 171–172.

²⁴⁸ Возможно, святилище с сожжениями или могильник с кремациями был выявлен в кон. XIX в. у Кизилташского монастыря (ИТУАК 1897, 168) (рис. 2, 20).

²⁴⁹ Блаватский 1951, 204; Орлов 1987, 131; Юрочкин 1999, 280.

²⁵⁰ Веймарн, Стрелецкий 1952.

²⁵¹ Пиоро 1990, 89–108; Сидоренко 1994, 13–14; Храпунов 2016, 125–127; Айбабин, Хайрединова 2017, 22–25, 33 и др.

²⁵² Нессель 2017, 2018а; 2018b; Савеля, Савеля 2018; Колодченко 2018.

²⁵³ Обзор см. Лысенко 2015, 74–76.

²⁵⁴ См. также Мордвинцева 2017b.

памятниках (Туар-Алан, Гурзуфское Седло²⁵⁵). Позже эти социумы, видимо, остались на полуострове, расселились по его горной части и оказались вовлечены в разнообразные культурно-исторические процессы позднеэллинистического²⁵⁶ и римского времени в Северном Причерноморье. Отдельные группы потомков этих людей сохраняли культурное своеобразие до нач. V в. н.э. (Ай-Тодор).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2015: Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.) *Золото Фанагории*. (Фанагория 2). М., 182–193.
- Абрамзон, М.Г., Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., Внуков, С.Ю. 2017: Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 249/1, 282–290.
- Айбабин, А.И. 1984: Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. *СА* 1, 104–122.
- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2017: *Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.)*. Симферополь.
- Алексеева, Е.М. 1982: Юго-восточная часть некрополя Горгиипии. В кн.: И.Т. Кругликова (ред.), *Горгиппия*. Краснодар, 5–116.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Київ.
- Анохин, В.А., Сон, Н.А. 2016: Золотые индикации монет из раскопок некрополя Херсонеса. *Археологія і давня історія України* 1(18). Київ, 92–95.
- Антонова, Е.В. 1990: *Обряды и верования первобытных земледельцев Востока*. М.
- Арсеньева, Т.М. 1970: Могильник у д. Ново-Отрадное. В кн.: А.И. Мелюкова (ред.), *Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э.* (МИА 155). М., 82–149.
- Арсеньева, Т.М. 1977: *Некрополь Танаиса*. М.
- Артемова, О.Ю. 2000: Линидж. В кн.: В.А. Тишков (ред.), *Народы и религии мира. Энциклопедия*. М., 888.
- Бертье-Делагард, А.Л. 1907: Случайная находка древностей близ Ялты. *ЗООИД* 27(5), 19–27.
- Блаватский, В.Д. 1951: Харакс. В кн.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Т. I. М., 250–291.
- Богатырев, П.Г. 1971: Функции национального костюма в Моравской Словакии. В кн.: П.Г. Богатырев (ред.), *Вопросы теории народного искусства*. М., 298–366.
- Буров, Г.М. 1991: Физико-географические области Крыма и хозяйственно-культурная дифференциация его населения в каменном, бронзовом и раннем железном веке. В сб.: *Проблемы истории Крыма*. Вып. 1. Симферополь, 17–19.
- Веймарн, Е.В., Стржелецкий, С.Ф. 1952: К вопросу о славянах в Крыму. *ВИ* 4, 94–99.
- Воронов, Ю.Н. 1979: *Древности Сочи и его окрестностей*. Краснодар.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Гаврилов, А.В., Труфанов, А.А. 2014: Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму. *История и археология Крыма* 1. Симферополь, 73–152.
- Грацианская, Л.И. 2004: Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio». Cap. 53. lin. 1–492). В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. 1. СПб., 87–94.

²⁵⁵ См. Гаврилов, Труфанов 2014, 110–114; Новиченкова 2015, 111–112; 2017, 13–14.

²⁵⁶ См. напр. App. Mith. 15.67, 69.13.

- Гушина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в юго-западном Крыму*. М.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1993: Сарматское погребение скептуха I в.н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Доде, З.В. 2008: *Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII вв. (реконструкция этносоциальной истории)*: автореф. дисс. на соискание степени доктора исторических наук. М.
- Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Коваленко, С.А., Шемаханская, М.С. 2017: *Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея)*. М.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в.н.э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П., Волошинов, А.А., Кюнелът, Э., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И., Фирсов, К.Б., Флесс, Ф. 2007: Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н.э. в Юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 249–290.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2007: Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя скифского. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 81–108.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И., Неневоля, И.И., Фирсов, К.Б., Радочин, В.Ю. 2005: Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК. *ХС* 14, 169–196.
- Зубарь, В.М. 1982: *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э.* Киев.
- Зубар, В.М. 1990: Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса. *Археологія* 2, 107–114.
- Зубарь, В.М. 1998: *Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.)*. Киев.
- Зубарь, В.М. 2002: Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus* 4, 8–179.
- Зубарь, В.М. 2005: Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III – первой половине II вв. до н.э. В кн.: В.М. Зубарь (ред.), *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев, 209–242.
- Калашник, Ю.П. 2013: Пантикапейские индикации. В сб.: Ю.А. Виноградов, М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский (ред.), *ФИДИТИЯ: Памяти Юрия Викторовича Андреева = ФЕΙΛΙΤΙΑ: In memory of Yury Viktorovich Andreev*. СПб., 85–99.
- Катюшин, Е.А. 1994: Об античной Кафе. В сб.: А.И. Айбабин (ред.), *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)*. Тезисы конференции. Симферополь, 28–30.
- Коваленко, С.А. 2015: Монетовидные индикации в Северном Причерноморье (Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский). В сб.: С.А. Коваленко (ред.), *Монеты и медали (Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина)*. Вып. III. М., 16–28.
- Колодченко, П.Н. 2018: Комплекс металлических изделий из варварского могильника у с. Гончарное. *ХС* 19, 153–162.
- Колотухин, В.А. 1996: *Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века*. Киев.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое*. Киев.
- Костромичев, Д.А. 2011: Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15–164.

- Костромичев, Д.А. 2018: Римское военное снаряжение из могильника Совхоз–10. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Т. III. Симферополь, 103–120.
- Крадин, Н.Н. 2012: Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ. В сб.: В.А. Попов (ред.), *Ранние формы политических систем*. СПб., 159–180.
- Крадин, Н.Н. 2015: Понятие «племя» в современной антропологии. *Петербургские славянские и балканские исследования* 2 (июль–декабрь), 4–12.
- Кропоткин, В.В. 1961: *Клады римских монет на территории СССР* (САИ Г4-4). М.
- Куббель, Л.Е. 1988: *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.
- Кухаренко, Ю.В. 1959: Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. *СА* 1, 31–51.
- Ланцов, С.Б. 2015: Основные этапы строительства Кутлакской крепости. В сб.: И.Б. Тесленко (ред.), *Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паришиной* (Археологический альманах 33), 39–54.
- Ларенок, В.А. 2013а: *Меотские древности*. Ч. 1. Ростов-на-Дону.
- Лобачева, Н.П. 1989: О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана. В сб.: Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова (ред.), *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана*. М., 5–38.
- Лысенко, А.В. 2003: Пещерные некрополи горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н. э. – IV в. н. э.). *Vita antiqua* 5–6, 85–107.
- Лысенко, А.В. 2004а: Исследования Чатыр-Дагского некрополя в 2002 г. *ABU 2002–2003 pp.* Вип. 6, 36–39.
- Лысенко, А.В. 2004b: Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя. В сб.: С.Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский (ред.), *У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца)*. Симферополь, 226–239.
- Лысенко, А.В. 2005: Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников*. СПб., 230–236.
- Лысенко, А.В. 2007: Римские монеты конца III – начала IV вв. в южной части Таврики. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 187–192.
- Лысенко, А.В. 2009: Святилища римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации). *Stratum plus* 4, 374–400.
- Лысенко, А.В. 2010: «Поселения» римского времени Алуштинской долины. В сб.: Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский (ред.), *Древняя и средневековая Таврика* (Археологический альманах 22), 259–277.
- Лысенко, А.В. 2011: Позднеантичный – средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая. *Археологічні дослідження в Україні 2010*. Київ, Полтава, 223–224.
- Лысенко, А.В. 2012: О формировании нумизматического комплекса святилища римского времени в Аутке (Южный Крым). *Stratum plus* 6, 81–104.
- Лысенко, А.В. 2014: Топонимика Южной части Горного Крыма римского времени. В сб.: В. Мордвинцева, Г. Хэрке, Т. Шевченко (ред.), *Археологические и лингвистические исследования*. Киев, 101–122.
- Лысенко, А.В. 2015: История исследования Южной части Горного Крыма римского времени. В сб.: И.Б. Тесленко (ред.), *Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паришиной*. Киев, 55–107.
- Лысенко, А.В. 2018: Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.). В сб.: В.Ю., Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Т. 2. СПб., 218–225.

- Лысенко, А.В., Масыкин, В.В. 2016: Римская фигурная гиря из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым). *История и археология Крыма* 3, 162–178.
- Лысенко, А.В., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И. 2015: Могила № 1 некрополя Лучистое-2 (Южный Крым). *История и археология Крыма* 2, 295–333, 620–628.
- Лысенко, А.В., Тесленко, И.Б., Мусин, А.Е. 2017: Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму. В сб.: А.Е. Мусин (ред.), *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. СПб., 291–310, 641.
- Лысенко, А.В., Юрочкин, В.Ю. 2004: Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.). В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *«О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена)*. Киев, 94–166.
- Масыкин, В.В. 2007: Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 125–138.
- Масыкин, В.В. 2012: Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной*. М., 167–171.
- Махно, Є.В. 1960: Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці. *Археологічні пам'ятки УРСР* 9. Київ, 14–38.
- Минасян, Р.С. 2014: *Металлообработка в древности и Средневековье*. СПб.
- Мордвинцева, В.И. 2009: Взаимоотношения Боспора, Херсонеса и их варварской округи в III в. до н.э. – II в. н.э. по материалам ювелирных украшений и предметов торевтики. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. СПб., 433–437.
- Мордвинцева, В.И. 2015: Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка. *Stratum plus* 4, 115–142.
- Мордвинцева, В.И. 2017а: «Крымская Скифия» и «Позднескифская культура Крыма». Формирование и развитие понятий. В кн.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в.н.э.)*. Симферополь–М., 15–33.
- Мордвинцева, В.И. 2017б: Культурно-исторические процессы в «варварских» социумах Крыма III в. до н. э. – III в. н. э. по материалам погребальных комплексов элиты. В кн.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в.н.э.)*. Симферополь, Москва, 183–224, 290–299.
- Мордвинцева, В.И. 2017с: Мир-системный анализ в археологии на примере звериного стиля Северного Причерноморья сарматского времени. В сб.: Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков (ред.), *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей*. Владивосток, 199–203.
- Мордвинцева, В.И. 2018: Принципы и методы сравнительного анализа погребальных памятников элиты. В сб.: А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы археологии и музееведения. Памяти Н.В. Хабаровой*. Волгоград, 192–197.
- Мордвинцева, В.И., Лысенко, А.В. 2016: Исследования могильника римского времени Лучистое-2 (Южный Крым). *Археологічні дослідження в Україні 2015*. Київ, 7–10.
- Мульд, С.А. 1999: Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму. *ХС* 10, 181–193.
- Мульд, С.А., Масыкин, В.В. 2003: Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки. *МАИЭТ* 10, 5–31.

- Мыщ, В.Л., Лысенко, А.В., Шукин, М.Б., Шаров, О.В. 2006: *Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму*. СПб.
- Нессель, В.А. 2017: Могильник рубежа эр в горном Крыму. В кн.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции*. Саки, 183–185.
- Нессель, В.А. 2018а: Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму. *ХС* 19, 217–228.
- Нессель, В.А. 2018b: Новые данные о варварском населении Юго-Западного Крыма рубежа эр (по материалам грунтовых могильников в окрестностях Севастополя). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Т. 2. СПб., 225–230.
- Новиченкова, М.В. 2017: *Римське військове спорядження в Тавриці I ст. до н.е. – I ст. н.е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло)*: автореф. дис. ... к. і. н. Київ.
- Новиченкова, Н.Г. 2002: *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Симферополь.
- Орлов, К.К. 1987: Ай-Тодорский некрополь. В кн.: Т.Н. Высотская (отв. ред.), *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев, 106–133.
- Павлов, В. 1965: *Фаюмский портрет*. М.
- Пиоро, И.С. 1990: *Крымская Готия*. Киев.
- Подгородецкий, П.Д. 1988: *Крым: Природа*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь, М.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь, М.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А. А. 2017b: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг.* Симферополь, М.
- Пятышева, Н.В. 1956: *Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV века до н. э. – IV век н. э.* М.
- Русанова, И.П. 2002: *Истоки славянского язычества*. Черновцы.
- Савеля, О.Я., Савеля, Д. Ю. 2018: Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнурской долинах). *ХС* 19, 269–288.
- Сапрыкин, С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45–81.
- Сарновски, Т. 2000: Надгробие вольноотпущенников IOSPE P 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонес. В кн.: Т. Сарновски, О.Я. Савеля (ред.), *Баллаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. Варшава, 206–211.
- Сергацков, И.В. 2000: *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград.
- Сидоренко, В.А. 1994: Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики. В сб.: А.И. Айбабин (ред.), *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)*. Тезисы международной конференции. Симферополь, 65–69.
- Сидоренко, В.А. 2001: Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. *МАИЭТ* 8, 436–453.
- Стоянова, А.А. 2011: Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 115–151.

- Стойнова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь.
- Стрелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2004: Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* 4 (2003–2004), 27–277.
- Симонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства*. Киев.
- Тишков, В.А. 2003: *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.
- Трейстер, М.Ю. 1992: Бронзолитейное ремесло Боспора. *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств* 10, 66–110.
- Труфанов, А.А. 2001: К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени). В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Поздние скифы Крыма*. М., 71–77.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum-plus* 4, 117–328.
- Труфанов, А.А. 2011: Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. *Stratum plus* 4, 225–270.
- Труфанов, А.А. 2017: Парное детское погребение из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* 6, 33–41, 145, 146.
- Труфанов, А.А. 2018: Подбойная могила с детским погребением из Усть-Альминского некрополя. *ИАК* 7, 132–148, 205, 206.
- Труфанов, А.А., Юрочкин, В. Ю. 1999: Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III–IV вв. н.э. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. СПб., 241–251.
- Храпунов, И.Н. 1998: Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму. *МАИЭТ* 6, 230–236.
- Храпунов, И.Н. 2002: *Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры)*. Люблин.
- Храпунов, И.Н. 2004: *Этническая история Крыма в раннем железном веке (БИ 6)*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2006: Погребения детей в могильнике Нейзац. *МАИЭТ* 12/1, 161–250.
- Храпунов, И.Н. 2010: Изделия, сплетенные из железных колец. *БИ* 23, 459–462.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–114.
- Храпунов, И.Н. 2013: Особенности могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н. э.)*. Т. I. Симферополь, Бахчисарай, 188–206.
- Храпунов, И.Н. 2016: Население горного Крыма позднеримского времени. *ВДИ* 1, 118–134.
- Храпунов, И.Н., Масякин, В.В., Мульд, С.А. 1998: Позднескифский могильник у с. Кольчугино. *Бахчисарайский сборник* 1, 76–155.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А., Стойнова, А.А. 2009: *Позднескифский склеп из могильника Опушки*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н., Стойнова, А.А., Мульд, С.А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки. *Бахчисарайский сборник* 2, 105–168.
- Шкорпил, В.В. 1907: Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. *ИАК* 25, 1–66.
- Юрочкин, В.Ю. 1997: Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму. В сб.: (ред.), *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы международной конференции*. Севастополь, 128–133.
- Юрочкин, В.Ю. 1999: Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии. В сб.: П.П. Толочко

- (ред.), *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова)*. III Граковские чтения. Запорожье, 279–281.
- Юрочкин, В.Ю. 2002а: Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? В сб. В.Ю. Зуев (ред.) *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Ч. 2. СПб., 125–137.
- Юрочкин, В.Ю. 2002b: Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики. В сб.: Н.М. Куковальская (ред.), *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Украины – Руси*. Материалы конференции. Киев–Судак, 280–283.
- Юрочкин, В.Ю., Труфанов, А.А. 2007: Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. В кн.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 359–382.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм древней Евразии: ираноязычные народы*. М.
- Allason-Jones, L. 1989: *Ear-Rings in Roman Britain* (BAR IS 201). Oxford.
- Burgunder, P. 2018: Une présence militaire bosporane à Rome? Les empreintes d'antoniniani de Pupienus dans les nécropoles de Panticapée. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), *«ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка»*. Материалы научной конференции. Севастополь, Симферополь, М., 27–32.
- Gogiberidze, N. 2008: Jewelry. In: J. Gagoshidze, A. Furtwängler, H. Löhr, N. Ludwig (eds.), *Iberia and Rome: The Excavations of the Palace at Dedoplistskaro and the Roman Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 165–189.
- Kazanski, M. 1991: *Les Goths (Ier–VIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris.
- Lysenko, A.V. 2013: Das Heiligtum Eklizi-Burun in römischer Zeit. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 276–283.
- Lysenko, O. 2014: Southern Part of the Crimean mountains in the Roman period. In: M. Iakob (ed.), *Roman Art and Civilization – a Common Language in Antiquity. Catalogue of the itinerant exhibition*. Tulcea, 132–135.
- Lysenko, A., Masyakin, V. 2012: Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burun sanctuary) in Age of Augustus. In: M. Jacob (ed.), *The Romans at the Black Sea during the time of Augustus. Abstracts of the Conference*. Tulcea, 22–23.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. (eds.) 1949: *The Roman imperial coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III – Uranus Antoninus*. London.
- Maxfield, V.A. 1981: *The Military Decorations of the Roman Army*. London.
- Mordvinceva, V., Treister, M. 2007: *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet*. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. (Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2). Vol. 1–3. Simferopol–Bonn.
- Muld, S. 2013: Die Nekropole von Levadki. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 324–331.
- Pirzio, L., Stefanelli, B. 1992: *L'oro dei Romani: Gioielli di età imperial*. Roma.
- Popović, I. 1997: *Masterpieces of Roman Goldsmiths. The National Museum Belgrade Collection*. Belgrade.
- Schönberger, H. 1956: Römische Vorhängeschlösser mit Maskendeckel. *Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburgmuseums* 15, 81–94.
- Sear, D. R. 2010: *Greek Imperial Coins and their values. The Local Coinages of the Roman Empire*. London.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2015: Zolotyie indikatsii s antichnykh monet iz raskopok Fanagorii [Gold danakes of the antique coins from excavations at Phanagoreia]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [*Gold of Phanagoria*] (Fanagoria [Phanagoria] 2). Moscow, 182–193.
- Abramson, M.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., Vnukov, S.Yu. 2017: Zolotaya indikatsiya s polufollisa Konstantina I iz Vostochnogo nekropolya Fanagorii [Gold danake of the half-follis of Konstantine I from the Eastern necropolis of Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS*] 249/I, 282–290.
- Alekseeva, E.M. 1982: Yugo-vostochnaya chast' nekropolya Gorgippii [South-Eastern part of the necropolis of Gorgippia]. In: I.T. Kruglikova (ed.), *Gorgippia* [*Gorgippia*]. Krasnodar, 5–116.
- Allason-Jones, L. 1989: *Ear-Rings in Roman Britain* (BAR IS 201). Oxford.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [*History of Cimmerian Bosphorus*]. Kiev.
- Anokhin, V.A., Son, N.A. 2016: Zolotyie indikatsii monet iz raskopok nekropolya Khersonesa [Gold prints from coins from excavations of the necropolis of Chersonesos]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* [*Archaeology and ancient history of Ukraine*] 1(18). Kiev, 92–95.
- Antonova, E.V. 1990: *Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledel'tsev Vostoka* [*Rituals and beliefs of ancient husbandmen of the East*]. Moscow.
- Arsen'eva, T.M. 1970: Mogilnik u d. Novo-Otradnoe [Cemetery near village of Novootradnoe]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Poseleniya i mogilniki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e.* [*Settlements and cemeteries of Kerch peninsula of the beginning of our era*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and studies on archaeology of USSR] 155). Moscow, 82–149.
- Arseneva, T.M. 1977: *Nekropol Tanaisa* [*Necropolis of Tanais*]. Moscow.
- Artyemova, O.Yu. 2000: Linidzh [Lineage]. In: V.A. Tishkov (ed.), *Narody i religii mira. Entsiklopediya* [*Peoples and religions of the world. Encyclopedia*]. Moscow, 888.
- Aybabin, A.I. 1984: Problemy khronologii mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo perioda [Problems of chronology of the Crimean necropoleis of the Late Roman period]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 104–122.
- Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017: *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)* [*Crimean Goths of the land of Dori (mid III – VII c.)*]. Simferopol.
- Bert'e-Delagard, A.L. 1907: Sluchaynaya nakhodka drevnostey bliz Yalty [A chance find of antiquities near Yalta]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [*Notes of Odessa Society for History and Antiquities*] 27(5), 19–27.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Kharaks [Charax]. In: V.D. Blavatskiy, B.N. Grakov (eds.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomorya v antichnuyu epokhu* [*Materials on the archaeology of North Pontic region in classical epoch*]. Vol. 1. Moscow, 250–291.
- Bogatyryev, P.G. 1971: Funktsii natsionalnogo kostyuma v Moravskoy Slovaki [Functions of a national costume in Moravian Slovakia]. In: P.G. Bogatyryev (ed.), *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [*Issues of the theory of a folk art*]. Moscow, 298–366.
- Burgunder, P. 2018: Une présence militaire bosporane à Rome? Les empreintes d'antoniniani de Pupienus dans les nécropoles de Panticapée. In: N.A. Alekseenko (ed.), «PriPONTiyskiy menyala: dengi mestnogo rynka». *Materialy nauchnoy konferentsii* [*"A Pontic moneychanger: money of local markets". Materials of the scientific conference*]. Sevastopol–Simferopol–Moscow, 27–32.
- Burov, G.M. 1991: Fiziko-geograficheskie oblasti Kryma i khozyaystvenno-kulturnaya differentsiatsiya ego naseleniya v kamennom, bronzovom i rannem zheleznom veke [Physical-geographical areas of the Crimea and the economic-cultural differentiation of its population]

- in Stone, Bronze and Early Iron Age]. *Problemy istorii Kryma* [Problems of the history of the Crimea] 1, 17–19.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol Belyausa* [The necropolis of Belyaus]. Simferopol.
- Dode, Z.V. 2008: *Kostyum naseleniya Severnogo Kavkaza VII–XVII vv. (rekonstruktsiya etnosotsialnoy istorii)* [The costume of inhabitants of North Caucasus in 7th–17th centuries (a reconstruction of ethnic-social history)]. Moscow.
- Dvornichenko, V.V., Fyedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n. e. u s. Kosika Astrakhanskoy oblasti [The Sarmatian burial of a skeptukh of the 1st c. BC near the village of Kosika, Astrakhan region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 141–179.
- Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2014: Svyatilishche Tuar-Alan II v. do n. e. – pervoy poloviny I v. n. e. v Yugo-Vostochnom Krymu [The sanctuary of Tuar-Alan of the 2nd c. BC to the first half of the 1st c. AD in the South-Eastern Crimea]. *Istoriya i arkhеologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 1. Simferopol, 73–152.
- Gogiberidze, N. 2008: Jewelry. In: J. Gagoshidze, A. Furtwängler, H. Löhr, N. Ludwig (eds.), *Iberia and Rome: The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 165–189.
- Gratsianskaya, L.I. 2004: Rannie khersonesskie syuzhety Konstantina Bagryanorodnogo kak istochnik po istorii Bospora [Early Chersonesean subjects of Constantine Porphyrogenitus as a source on the history of Bosphorus] («De administrando imperio». Cap. 53. lin. 1–492). In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Problemy khronologii i datirovki pamyatnikov* [Bosporan phenomenon. Problems of chronology and dating of monuments]. Pt. 1. Saint Petersburg, 87–94.
- Gushchina, I.I., Zhuravlyev, D.V. 2016: *Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v yugo-zapadnom Krymu* [A necropolis of the Roman period Belbek IV in South-Western Crimea]. Moscow.
- Kalashnik, Yu.P. 2013: Pantikapeyskie indikatsii [Panticapaeon imprints from coins]. In: Yu.A. Vinogradov, M.Yu. Vakhtina, V.A. Goroncharovskiy (eds.), *FIDITIYA: Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva = ΦΕΙΔΙΤΙΑ: In memory of Yuriy Viktorovich Andreev*. Saint Petersburg, 85–99.
- Katyushin, E.A. 1994: Ob antichnoy Kafe [On the ancient Kafa]. In: A.I. Aybabin (ed.), *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.)* [Byzantine Empire and peoples of Pontic and Mediterranean in Early Medieval period (4th – 9th cc.)]. Simferopol, 28–30.
- Kazanski, M. 1991: *Les Goths (Ier–VIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris.
- Khrapunov, I.N. 1998: Dve gruntovye mogily iz nekropolya Neyzats v Krymu [Two graves from the necropolis of Neyzats in the Crimea]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 6, 230–236.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogilnik Druzhnoe (III–IV vv. nashey ery)* [The cemetery of Druzhnoe (3rd – 4th cc. AD)]. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2004: *Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke* [The ethnic history of the Crimea in Early Iron Age]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N. 2006: Pogrebeniya detey v mogilnike Neyzats [Burials of children in the cemetery of Neyzats]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 12.1, 161–250.
- Khrapunov, I.N. 2010: Izdeliya spletennye iz zheleznykh kolets [Items woven from iron rings]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus Studies] 23, 459–462.
- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotorye itogi issledovaniy mogilnika Neyzats [Some results of studying the cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Issledovaniya mogilnika Neyzats* [Studies of the necropolis of Neyzats]. Simferopol, 13–114.

- Khrapunov, I.N. 2013: Osobennosti mogilnika Neyzats [Peculiarities of the cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in Sarmatian epoch (2nd c. BC – 4th c. AD)]. Vol. I. Simferopol–Bakhchisaray, 188–206.
- Khrapunov, I.N. 2016: Naselenie gornogo Kryma pozdnerimskogo vremeni [The population of the Mountain Crimea in the Late Roman period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 118–134.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V., Muld, S.A. 1998: Pozdneskifskiy mogilnik u s. Kolchugino [The Late Scythian cemetery near the village of Kolchugino]. *Bakhchisarayskiy sbornik* [Bakhchisaray collection] 1, 76–155.
- Khrapunov, I.N., Muld, S.A., Stoyanova, A.A. 2009: Pozdneskifskiy sklep iz mogilnika Opushki [A Late Scythian vault from the cemetery of Opushki]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A., Muld, S.A. 2001: Pozdneskifskiy mogilnik u s. Levadki [The Late Scythian cemetery near the village of Levadki]. *Bakhchisarayskiy sbornik* [Bakhchisaray collection] 2, 105–168.
- Kolodchenko, P. N. 2018: Kompleks metallicheskih izdeliy iz varvarskogo mogilnika u s. Goncharnoe [A complex of metal items from a barbarian necropolis near village of Goncharnoe]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesean collection] 19, 153–162.
- Kolotukhin, V.A. 1996: *Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznogo veka* [The Mountain Crimea in Late Bronze Age – Early Iron Age]. Kiev.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol Zolotoe* [The necropolis of Zolotoe]. Kiev.
- Kostromichyev, D.A. 2011: Rimskoe voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale I – pervoy polovine V vv. (po dannym archaeologii) [Roman military presence in Chersonesos in the early 1st – first half of the 5th c. AD (in accordance with archaeological data)]. *Stratum plus* 4, 15–164.
- Kostromichyev, D.A. 2018: Rimskoe voennoe snaryazhenie iz mogilnika Sovkhoz-10 [Roman military equipment from the cemetery of Sovkhoz-10]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in Sarmatian epoch (2nd c. BC – 4th c. AD)]. Vol. III. Simferopol, 103–120.
- Kovalenko, S.A. 2015: Monetovidnye indikatsii v Severnom Prichernomor'e (Khersones Tavricheskiy i Bospor Kimmeriyskiy) [The coin-looking danakes in the North Pontic region (Chersonesos Taurica and Cimmerian Bosporus)]. In: S.A. Kovalenko (ed.), *Monety i medalii* [Coins and medals]. Vol. III. Moscow, 16–28.
- Kradin, N.N. 2012: Arkheologicheskie kriterii tsivilizatsii: kross-kul'turnyy analiz [The archaeological criteria of civilization: a cross-cultural analysis]. In: V.A. Popov (ed.), *Rannie formy politicheskikh sistem* [The early forms of political systems]. Saint Petersburg, 159–180.
- Kradin, N.N. 2015: Ponyatie “plemya” v sovremennoy antropologii [The term “tribe” in the modern anthropology]. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* [The Petersburg Slavic and Balkan studies] 2 (iyul'–dekabr' [July–December]), 4–12.
- Kropotkin, V.V. 1961: *Klady rimskikh monet na territorii SSSR* [Deposits of Roman coins on the territory of USSR]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of archaeological sources] G4-4). Moscow.
- Kubbel, L.E. 1988: *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* [Essays of potestas-political ethnography]. Moscow.
- Kukhareno, YuV. 1959: Rasprostranenie latenskikh veshchey na territorii Vostochnoy Evropy [A distribution of La Tène objects on the territory of Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 31–51.
- Lantsov, S.B. 2015: Osnovnye etapy stroitel'stva Kutlaskoy kreposti [Main stages in building of the fortress in Kutlak]. In: I.B. Teslenko (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statey, posvyashchenny yubileyu Eleny Aleksandrovny Parshinoy* [Ancient

- and Medieval Taurica. A collection of articles devoted to jubilee of Elena Aleksandrovna Parshina*]. Kiev, 39–54.
- Larenok, V.A. 2013: *Meotskie drevnosti [Maiotian Antiquities]*. Pt. 1. Rostov-on Don.
- Lobachyeva, N.P. 1989: O nekotorykh chertakh regional'noy obshchnosti v traditionnom kostyume narodov Sredney Azii i Kazakhstana [About some features of regional community in the traditional costume of peoples of Middle Asia and Kazakhstan]. In: N.P. Lobachyeva, M.V. Sazonova (eds.), *Traditsionnaya odezhda narodov Sredney Azii i Kazakhstana [Traditional cloths of peoples of Middle Asia and Kazakhstan]*. Moscow, 5–38.
- Lysenko, A.V. 2003: Peshchernye nekropoli gornogo Kryma epokhi rannego zheleza – pozdneantichnogo vremeni (IX v. do n. e. – IV v. n. e.) [Cave necropoleis of the Mountain Crimea in Early Iron Age to Late Antiquity (9th c. BC – 4th c. AD)]. *Vita antiqua* 5–6, 85–107.
- Lysenko, A.V. 2004a: Issledovaniya Chatyr-Dagskogo nekropolya v 2002 g. [Studies of Chatyr-Dag necropolis in 2002]. *Arkheologichni vidkryttya v Ukraini v 2002–2003 rr. [Archaeological discoveries in Ukraine in 2002–2003]*, 36–39.
- Lysenko, A.V. 2004b: Pogrebal'nyy obryad Chatyr-Dagskogo nekropolya [The burial rite of Chatyr-Dag necropolis]. In: S.G. Koltukhov, S.B. Lantsov, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *U Ponta Evksinskogo (pamyati P. N. Shultsa) [At the Pontus Euxinos (in Memoriam of P. N. Shults)]*. Simferopol, 226–239.
- Lysenko, A.V. 2005: Novoe poselenie rimskogo vremeni na Yuzhnom beregu Kryma [A new settlement of Roman period on Southern coast of the Crimea]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: Problemy sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov [Bosporan phenomenon. Problems of co-relation of written and archaeological sources]*. Saint Petersburg, 230–236.
- Lysenko, A.V. 2007: Rimskie monety kontsa III – nachala IV vv. v yuzhnoy chasti Tavriki [Roman coins of the late 3rd – early 4th century in the Southern part of Taurica]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 187–192.
- Lysenko, A.V. 2009: Svyatilishcha rimskogo vremeni yuzhnoy chasti Gornogo Kryma (opyt sistematzatsii) [Sanctuaries of Roman period in Southern part of the Mountain Crimea (an experience of systematization)]. *Stratum plus* 4, 374–400.
- Lysenko, A.V. 2010: “Poseleniya” rimskogo vremeni Alushtinskoy doliny [“Settlements” of Roman times in Alushta valley]. In: Yu.P. Zaytsev, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika [Ancient and Medieval Taurica]*. Donetsk, 259–277.
- Lysenko, A.V. 2011: Pozdneantichnyy – srednevekovyy kultovyy kompleks na gore Pakhkal-Kaya [Late antique – medieval cult complex on the Mt Pakhkal-Kaya]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2010 [Archaeological studies in Ukraine 2010]*. Kiev–Poltava, 223–224.
- Lysenko, A.V. 2012: O formirovanii numizmaticheskogo kompleksa svyatilishcha rimskogo vremeni v Autke (Yuzhnyy Krym) [On the forming of a numismatic complex of the sanctuary of Roman period in Autka (South Crimea)]. *Stratum plus* 6, 81–104.
- Lysenko, A.V. 2013: Das Heiligtum Eklizi-Burun in römischer Zeit. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 276–283.
- Lysenko, A.V. 2014: Toponimika Yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni [The toponymy of Southern part of the Mountain Crimea in Roman period]. In: V. Mordvintseva, H. Härke, T. Shevchenko (eds.), *Arkheologicheskie i lingvisticheskie issledovaniya [Archaeological and linguistic studies]*. Kiev, 101–122.

- Lysenko, A.V. 2015: Istoriya issledovaniya Yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni [History of research of Southern part of the Mountain Crimea of Roman period]. In: I.B. Teslenko (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statey, posvyashchenny yubileyu Eleny Aleksandrovny Parshinoy* [Ancient and Medieval Taurica. A collection of articles devoted to jubilee of Elena Aleksandrovna Parshina]. Kiev, 55–107.
- Lysenko, A.V. 2018: Kulturno-istoricheskie protsessy v yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni (I v. do n.e. – IV v. n.e.) [Cultural-historical processes in Southern part of the Mountain Crimea of Roman period (1st c. BC – 4th c. AD)]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy Fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. Common and special in the historical and cultural space of the Classical world]. Vol. 2. Saint Petersburg, 218–225.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V. 2012: Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burun sanctuary) in Age of Augustus. In: M. Jacob (ed.), *The Romans at the Black Sea during the time of Augustus. Abstracts of the Conference*. Tulcea, 22–23.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V.V. 2016: Rimskaya figurnaya girya iz svyatilishcha Eklizi-Burun (Yuzhnyy Krym) [A Roman figured weight from the sanctuary of Eklizi-Burun (South Crimea)]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 3, 162–178.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I. 2015: Mogila № 1 nekropolya Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Grave no. 1. in the necropolis Luchistoe-2 (South Crimea)]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 2, 295–333, 620–628.
- Lysenko, A.V., Teslenko, I.B., Musin, A.E. 2017: Srednevekovyy khristianskiy khram na gore Pakhkal-Kaya v Yuzhnom Krymu [A medieval Christian temple on Mt. Pakhkal-Kaya in the Southern Crimea]. In: A.E. Musin (ed.), *V kamne i v bronze. Sbornik statey v chest Anny Peskovoy* [In stone and in bronze. A collection of articles devoted to Anna Pekova]. Saint. Petersburg, 291–310, 641.
- Lysenko, A.V., Yurochkin, V.Yu. 2004: Nekropol Pantikapeya-Bospora (po materialam issledovaniy 2000–2002 gg.) [Necropolis of Pantikapaion-Bosporus [after materials of study in 2000–2002]. In: V.L. Myts (ed.), *O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh* [On the antiquities of the Southern coast and mountains of Taurica]. Kiev, 94–166.
- Lysenko, O. 2014: Southern Part of the Crimean Mountains in the Roman period. In: M. Iakob (ed.), *Roman Art and Civilization – a Common Language in Antiquity. Catalogue of the itinerant exhibition*. Tulcea, 132–135.
- Makhno, E.V. 1960: Rozkopky pam'yatok epokhi bronzy ta sarmats'kogo chasu v s. Ust'-Kam'yantsi [Excavations of the sites of Bronze Age and Sarmatian time near village of Ust'-Kamenka]. *Arkheologichni pam'yatki URSS* [Archaeological monuments of Ukrainian Soviet Socialist Republic] 9, 14–38.
- Masyakin, V.V. 2007: Rimskie fibuly i detali remennoy garnitury iz nekropolya Zavetnoe [Roman brooches and belt fittings from the necropolis of Zavetnoe]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy* [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]. Simferopol, 125–138.
- Masyakin, V.V. 2012: Detal' rimskogo shlema iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [A detail of the Roman helmet from Ust'-Al'ma necropolis]. In: D.V. Zhuravlyev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in Scythian-Sarmatian times. In memory of Irina Ivanovna Gushchina]. Moscow, 167–171.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. (eds.) 1949: *The Roman imperial coinage*. Vol. IV/3. *Gordian III – Uranius Antoninus*. London.
- Maxfield, V.A. 1981: *The Military Decorations of the Roman Army*. London.

- Minasyan, R.S. 2014: *Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e* [*Metalwork in Antiquity and Middle Ages*]. Saint Petersburg.
- Mordvinceva, V., Treister, M. 2007: *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr.* (Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2). Vol.1–3. Simferopol–Bonn.
- Mordvintseva, V.I. 2009: Vzaimootnosheniya Bospora, Khersonesa i ikh varvarskoy okrug i v III v. do n. e. – II v. n. e. po materialam yuvelirnykh ukrasheniy i predmetov toreutiki [Interrelations of the Bosphorus, Chersonesos and their Barbarian surroundings from the 3rd c. BC to the 2nd c. AD based on the materials of jewellery and toreutics]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Iskustvo na periferii antichnogo mira* [*Bosporan phenomenon. Art on the periphery of Classical world*]. Saint Petersburg, 433–437.
- Mordvintseva, V.I. 2015: Sotsial'naya struktura naseleniya gorodishcha u s. Zolotaya Balka [A social structure of the population of the fortified settlement near Zolotaya Balka village]. *Stratum plus* 4, 115–142.
- Mordvintseva, V.I. 2017a: “Krymskaya Skifiya” i “Pozdneskifskaya kul'tura Kryma”. Formirovaniye i razvitiye ponyatiy [“Crimean Scythia” and “Late Scythian Culture of the Crimea”. Formation and development of the terms]. In: A.I. Ivanchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kulturnykh svyazey mezhd u Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.)* [*Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West (the 3rd c. BC to 7th c. AD)*]. Simferopol–Moscow, 15–33.
- Mordvintseva, V.I. 2017b: Kul'turno-istoricheskie protsessy v varvarskikh sotsiumakh Kryma v III v. do n.e. – III v.n.e. [Cultural-historical processes in the Barbarian societies of the Crimea from the 3rd c. BC. to the 3rd c. AD after materials of funeral complexes of the elite]. In: A.I. Ivanchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kulturnykh svyazey mezhd u Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.)* [*Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West (the 3rd c. BC to 7th c. AD)*]. Simferopol– Moscow, 183–224, 290–299.
- Mordvintseva, V.I. 2017c: Mir-sistemnyy analiz v arkheologii na primere zverinogo stilya Severnogo Prichernomor'ya [World-system approach in archaeology on example of Animal Style of the North Pontic region]. In: N.N. Kradin, A.G. Sitdikov (eds.), *Mezhd u Vostokom i Zapadom: dvizheniye kultur, tekhnologii i imperiy. III Internationalnyy congress srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey* [*Between East and West: Movement of cultures, technologies and empires. The 3rd International congress of medieval archaeology of Eurasian steppes*]. Vladivostok, 199–203.
- Mordvintseva, V.I. 2018: Printsipy i metody sravnitel'nogo analiza pogrebal'nykh pamyatnikov elity [Principles and methods of a comparative analysis of funeral monuments of elite]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Problemy arkheologii i muzevedeniya. Pamyati N.V. Khabarovoy* [*Problems of archaeology and museum study. In memory of N. V. Khabarova*]. Volgograd, 192–197.
- Mordvintseva, V.I., Lysenko, A.V. 2016: Issledovaniya mogil'nika rimskogo vremeni Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Studies of the necropolis of Luchistoe-2 (South Crimea) dated to the Roman period]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini* [*Archaeological studies in Ukraine*]. Kiev, 7–10.
- Muld, S.A. 1999: Neobychnye konstruksii i detali pogrebal'nykh sooruzheniy mogil'nikov pervykh vekov nashey ery v Tsentral'nom Krymu [Unusual constructions and details of burial constructions in cemeteries of the early centuries AD in the Central Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesean collection*] 10, 181–193.
- Muld, S.A. 2013: Die Nekropole von Levadki. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 324–331.

- Muld, S.A., Masyakin, V.V. 2003: Pozdneskifskiy sklep № 20 mogil'nika u s. Levadki [The Late Scythian catacomb no. 20 of the necropolis near the village of Levadki]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 10, 5–31.
- Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006: *Chatyr-Dag – nekropol rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag – a necropolis of Roman epoch in the Crimea]. Saint Petersburg.
- Nessel, V.A. 2017: Mogilnik rubezha er v gornom Krymu [A cemetery of the turn of the eras in the Mountain Crimea]. In: D.A. Kostromichyev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: Otкрыtiya, Nakhodki, Teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Antique relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories, Materials of the International Scientific conference]. Saki, 183–185.
- Nessel, V.A. 2018a: Keramicheskiy kompleks mogilnika u sela Goncharnoe v Yugo-Zapadnom Krymu [A ceramic complex of the cemetery near the village of Goncharnoe in the South-Western Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesean collection] 19, 217–228.
- Nessel, V.A. 2018b: Novye dannye o varvarskom naselenii Yugo-Zapadnogo Kryma rubezha er (po materialam gruntovykh mogil'nikov v okrestnostyakh Sevastopolya) [New data about the barbarian population of the South-Western Crimea on the turn of the eras (after materials of flat cemeteries in surroundings of Sevastopol)]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy Fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. Common and special in the historical and cultural space of the Classical world]. Pt. 2. Saint Petersburg, 225–230.
- Novichenkova, M.V. 2017: *Ryms'ke viyskove sporyadzhennya v Tavritsi I st. do n. e. – I st. n. e. (za materialamy rozkopok svyatilishcha Gurzuf's'ke Sidlo)* [Roman military equipment in Taurica from the 1st c. BC to the 1st c. AD (after materials of excavations in the sanctuary Gurzufskoe Sedlo)]. Kiev.
- Novichenkova, N.G. 2002: *Ustroystvo i obryadnost svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo* [The arrangement and ritualism of the sanctuary near the passage of Gursufskoe Sedlo]. Yalta.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym II v. do n. e. – II v. n. e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo* [The Mountain Crimea 2nd c. BC – 2 c. AD. After materials of excavations of the sanctuary near the passage of Gursufskoe Sedlo]. Simferopol.
- Orlov, K.K. 1987: Ay-Todorskiy nekropol [Ay-Todor necropolis]. In: T.N. Vysotskaya (ed.), *Materialy k etnicheskoy istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n. e.* [Materials to the ethnic history of the Crimea]. Kiev, 106–133.
- Pavlov, V. 1965: *Fayumskiy portret* [Fayum portrait]. Moscow.
- Pioro, I.S. 1990: *Krymskaya Gotiya* [Crimean Gothia]. Kiev.
- Pirzio, L., Stefanelli, B. 1992: *L'oro dei Romani: Gioielli di eta imperial*. Roma.
- Podgorodetskiy, P.D. 1988: *Krym: Priroda* [Crimea: Nature]. Simferopol.
- Popović, I. 1997: *Masterpieces of Roman Goldsmiths. The National Museum Belgrade Collection*. Belgrade.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebalnye pamyatniki* [Crimean Scythia 2nd c. BC – 3rd c. AD. Funeral objects]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* Simferopol–Moscow.

- Pyatysheva, N.V. 1956: *Yuvelirnye izdeliya Khersonesa. Konets IV veka do n. e. – IV vek n. e.* [Jewellery of Chersonesos. Late 4th c. BC – 4th c. AD]. Moscow.
- Rusanova, I.P. 2002: *Istoki slavyanskogo yazychestva* [Roots of the Slaveic paganism]. Chernovtsy.
- Saprykin, S.Yu. 2005: Enkomiy iz Pantikapeya i polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II v. n.e. [An encomium from Pantikapaion and the Bosporan kingdom in the late 1st – early 2nd c. AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 45–81.
- Sarnowski, T. 2000: Nadgrobie volnootpushchennikov IOSPE P² 562 i vopros o vremeni vvedeniya rimskogo garnizona v Khersones [A tomb-stone of freedmen IOSPE P² 562 and a question of the entry of Roman garrison in Chersonesos]. In: T. Sarnowski, O.Ya. Savelya (eds.), *Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena* [Balaklava. The Roman military base and the sanctuary of Jupiter Dolichenus]. Warsaw, 206–211.
- Savelya, O.Ya., Savelya, D.Yu. 2018: Polyа pogrebalnykh urn v gorakh Yugo-Zapadnogo Kryma (po materialam razvedok 2014–2015 gg. v Baydarskoy i Varnutskoy dolinakh) [Fields of funeral urns in mountains of the South-Western Crimea (after materials of surveys in 2014–2015 in Baydarskaya and Varnutskaya valleys)]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesean collection] 19, 269–288.
- Schönberger, H. 1956. Römische Vorhängeschlösser mit Maskendeckel. *Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburgmuseums* 15, 81–94.
- Sear, D.R. 2010: *Greek Imperial Coins and their values. The Local Coinages of the Roman Empire*. London.
- Sergatskov, I.V. 2000: *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [Sarmatian barrows in the Ilovlya]. Volgograd.
- Shkorpil, V.V. 1907: Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1904 g. [Report about excavations in Kerch in 1904]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 25, 1–66.
- Sidorenko, V.A. 1994: Nekotorye klyuchevye momenty rannesrednevekovoy istorii Tavriki [Some key moments of early medieval history of Taurica]. In: A.I. Aybabin (ed.), *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.)* [Byzantine Empire and peoples of Pontic and Mediterranean in Early Medieval period (4th – 9th c.)]. Simferopol, 65–69.
- Sidorenko, V.A. 2001: Zolotaya monetnaya chekanka Khersonesa I–II vv. n.e. [Gold coinage of Chersonesos 1st – 2nd c. AD.]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 8, 436–453.
- Stoyanova, A.A. 2011: Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n. e. iz mogilnika Neyzats [Accessories of female costume of the 2nd – first half of the 3rd c. AD from Neyzats necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Issledovaniya mogilnika Neyzats* [Studies of the necropolis of Neysats]. Simferopol, 115–151.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogilnika Neyzats [Pendants from the cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in Sarmatian epoch (2nd c. BC – 4th c. AD). 20 years of study of the cemetery of Neyzats]. Vol. II. Simferopol.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2004: Naselenie okrug Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz 10») [The population of environs of Chersonese in the first half of the 1st millennium AD (after materials of the necropolis “Sovkhoz 10”).] *Stratum plus* 4 (2003–2004), 27–277.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva* [The population of the capital city of the Late Scythian kingdom]. Kiev.

- Tishkov, V.A. 2003: *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* [Requiem to the ethnos: Studies in social-cultural anthropology]. Moscow.
- Treister, M.Yu. 1992: Bronzolitaynoe remeslo Bospora [Bronze casting craft of the Bosporus]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitelnykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Reports of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 10, 66–110.
- Trufanov, A. A. 2001: K voprosu o khronologii brasetov s zoomorfnyimi okonchaniyami (po materialam krymskikh mogilnikov pozdneskifskogo vremeni) [On the issue about chronology of bracelets with zoomorphic endings (after materials of Crimean cemeteries of the Late Scythian period)]. In: D.V. Zhuravlyev, K.B. Firsov (eds.), *Pozdnie skify Kryma* [The Late Scythians of the Crimea]. Moscow, 71–77.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [Chronology of cemeteries of the Foothill Crimea from the 1st c. BC to the 3rd c. AD]. *Stratum-plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Trufanov, A.A. 2011: Metallicheskie amulety-podveski Severnogo Prichernomor'ya pervykh vekov n. e. [Metal amulet-pendants of the North Pontic region in the early centuries AD]. *Stratum plus* 4, 225–270.
- Trufanov, A.A. 2017: Parnoe detskoe pogrebenie iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [A double child's burial from Ust'-Al'ma necropolis]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 6, 33–41, 145, 146.
- Trufanov, A.A. 2018: Podboynaya mogila s detskim pogrebeniem iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [A niche-grave with a child's burial from Ust'-Al'ma necropolis]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 7, 132–148, 205, 206.
- Trufanov, A.A., Yurochkin, V.Yu. 1999: Bosporo-khersonesskie otnosheniya i etno-politicheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii III–IV vv. n.e. [Bosporan-Chersonesean relations and the ethnic-political situation in Crimean Scythia in the 3rd – 4th c. AD]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Iskustvo na periferii antichnogo mira* [Bosporan phenomenon. Art on the periphery of Classical world]. St. Petersburg, 241–251.
- Veymarn, E.V., Strzheletskiy, S.F. 1952: K voprosu o slavyanakh v Krymu [On the question about Slavs in the Crimea]. *Voprosy Istorii* [Issues of History] 4, 94–99.
- Voronov, Yu.N. 1979: *Drevnosti Sochi i ego okrestnostey* [Antiquities of Sochi and its surroundings]. Krasnodar.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol* [Ust'-Al'ma settlement and necropolis]. Kiev.
- Yatsenko, S.A. 2006: *Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody* [The costume of ancient Eurasia: Iranian-speaking peoples]. Moscow.
- Yurochkin, V.Yu. 1997: Pamyatniki gruppy Ozyerno–Inkerman v pozdneantichnom Krymu [Sites of the Group Ozyerno–Inkerman in the Late Antique Crimea]. In: *Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskiy aspekt* [Chersonesos in the Classical world. Historical and archaeological aspect]. Sevastopol, 128–133.
- Yurochkin, V.Yu. 1999: Etno-politicheskaya situatsiya v pozdneantichnoy Tavrike v sochine-nii Konstantina Bagryanorodnogo i arkheologicheskie realii [Ethnic-political situation in the Late Antique Taurica in the writings of Constantine Porphyrogenitus and archaeological realities]. In: P.P. Tolochko (ed.), *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu B. N. Grakova). III Grakovskie chteniya* [Problems of the Scythian-Sarmatian archaeology of the North Pontic region (to the 100th anniversary of B. N. Grakov). The 3rd Grakov's readings]. Zaporozh'e, 279–281.
- Yurochkin, V.Yu. 2002a: Proiskhozhdenie sklepov Tsentral'nogo i Yugo-Zapadnogo Kryma: Bospor ili Kavkaz? [Genesis of the catacombs of Central and South-Western Crimea: Bosporus or Caucasus?]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki*

- i svyatilishcha [Bosporan phenomenon: Burial sites and sanctuaries]*. Pt. 2. Saint Petersburg, 125–137.
- Yurochkin, V.Yu. 2002b: Sudakskiy region v geopoliticheskoy istorii pozdneantichnoy Tavriki [Sudak region in the geo-political history of the Late Antique Taurica]. In: N.M. Kukovalskaya (ed.), *Sugdeya, Surozh, Soldaia v istorii i kulture Ukrainy – Rusi. Materialy konferentsii [Sugdea, Surozh, Soldaia in history and culture of the Ukraine – Rus. Materials of the conference]*. Kiev, Sudak, 280–283.
- Yurochkin, V.Yu., Trufanov, A.A. 2007: Khronologiya mogilnikov Tsentralnogo i Yugo-Zapadnogo Kryma 3–4 vv. n.e. [Chronology of cemeteries of the Central and South-Western Crimea in the 3rd – 4th c. AD]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 359–382.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol Skifskiy (II v. do n.e. – III v.n.e.) [Neapolis Scythica (2nd c. BC – 3rd c. AD)]*. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2007: Elitnyy nekropol 2 v. n. e. u tsentralnykh vorot Neapolya skifskogo [An elite necropolis dating to the 2nd c. AD near the central gates of Neapolis Scythica]. In: Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 81–108.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I., Nenevolya, I.I., Firsov, K.B., Radochin, V.Yu. 2005: Pozdneskifskiy mogilnik Balta-Chokrak u s. Skalistoe Bakhchisarayskogo rayona ARK. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesean collection]* 14, 169–196.
- Zaytsev, Yu.P., Voloshinov, A.A., Kühnelt, E., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I., Firsov, K.B., Fless, F. 2007: Pozdneskifskiy nekropol Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv. n. e. v Yugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. [The Late Scythian necropolis of Zavetnoe (Alma-Kermen) of the 1st – 3rd c. AD in the South-Western Crimea. Excavations of year 2004]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 249–290.
- Zhuravlyev, D.V., Novikova, E.Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaya, M.S. 2017: *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Gold of Chersonesos Taurica (Jewellery from the State History Museum)]*. Moscow.
- Zubar, V.M. 1982: *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I – IV vv. n. e. [The necropolis of Chersonesos Taurica of the 1st–4th c. AD]*. Kiev.
- Zubar, V.M. 1990: Notatki z latins'koy epigrafiki Khersonesa i Kharaksa [Notes from the Latin epigraphy of Chersonesos and Charax]. *Arkheologiya [Archaeology]* 2, 107–114.
- Zubar, V.M. 1998: *Severnnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n. e. – pervaya polovina VI v. n. e.) [The Northern Pont and Roman Empire (mid-1st c. BC – first half of the 6th c. AD)]*. Kiev.
- Zubar, V.M. 2002: Rimskoe voennoe prisutstvie v Tavrike [Roman military presence in Taurica]. *Stratum plus* 4, 8–179.
- Zubar, V.M. 2005: Khersones i Severo-Zapadnaya Tavrika vo vtoroy treti III – pervoy polovine II vv. do n. e. [Chersonesos and North-Western Taurica in the second third of the 3rd – first half of the 2nd c. BC]. In: V.M. Zubar (ed.), *Khersones Tavricheskoy v tret'ey chetverti VI – seredine I vv. do n. e. Ocherki istorii i kul'tury [Chersonesos Taurica from the third quarter of the 6th to the mid-1st c. BC. Essays on history and culture]*. Kiev, 209–242.

COSTUME METAL JEWELRY – VOTIVES FOR THE EKLIZI-BURUN
SANCTUARY DATING TO THE ROMAN PERIOD
(TO THE CULTURAL ATTRIBUTION OF SITE)

Alexander V. Lysenko¹, Valentina I. Mordvintseva^{2, 3}

¹*Institute of Archaeology of Crimea RAS, Simferopol, Russia*
a-lysenko@mail.ru

²*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

³*Institute of World History RAS, Moscow, Russia*
v_mordvintseva@mail.ru, vmordvintseva@hse.ru

Abstract. Metal jewellery votives discovered at the “barbarian” sanctuary on the Mt. Eklizi-Burun (Crimea) are dated from the 1st to the 3rd centuries AD. Most of these items belong to the female costume known from funerary contexts of Central Crimea, which differ by their localization (Foothills and the Southern seashore), as well as by the peculiarities of burial rite (“inhumation” vs. “cremation”). A small part of jewellery is characteristic only for the cemeteries on the Southern shore representing burials with the remains of cremations.

An analysis of cultural niches, in which these jewellery items were produced and used, suggests that the adherents of the sanctuary belonged to the societies that lived on the Southern macro-slope of the Main ridge of the Crimean Mountains and practiced cremation of the dead. Apparently, these people got in the Greco-Roman narrative tradition and local epigraphic documents of the Roman period as “Tauri”, “Scythian-Tauri”, and “Tauro-Scythians” inhabiting “Taurica”. Presumably, they appeared in the Mountainous Crimea in the 2nd and 1st centuries BC (migrating from the areas of LaTénoid archaeological cultures?) and maintained their cultural identity until the beginning of the 5th century AD.

Keywords: Eklizi-Burun sanctuary, jewellery, Roman period, Mountainous Crimea, Taurica, Tauro-Scythians, Scythian-Tauri, Bosporus, Chersonesos

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 297–321
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 297–321
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-297–321

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ

А.А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва, Россия
bospor@inbox.ru

Аннотация. В 2002–2005 гг. на акрополе Фанагории было раскопано большое общественное здание с полуподвалом (глубиной 1,20 м). Его внутреннее пространство было разделено на три помещения: северное и среднее одинаковой площади (26,5 м²), а южное – в полтора раза больше (42,6 м²). Определить функциональное назначение здания не представляется возможным. Скорее всего, оно служило гражданским целям, хотя нельзя полностью исключить вероятность религиозно-культового его назначения. Серьезную проблему составляет определение времени сооружения и даты прекращения использования этой постройки. Ответы на эти вопросы возможны только альтернативные. Анализ амфорных и черепичных клеев из слоя заполнения полуподвала, а также исследование планировки и стратиграфии раскопанного участка акрополя приводят к следующим выводам. Возведение общественной постройки следует относить либо к середине IV, либо к началу III в. до н.э., а ее разрушение – к концу III или к концу II в. до н.э. Автор склоняется к мысли, что предпочтительнее более ранняя дата постройки и более поздняя дата прекращения жизни здания. Финальная дата соответствует перепланировке на акрополе Фанагории и возведению здесь дворцового комплекса Митридата Евпатора.

Ключевые слова: Фанагория, акрополь, планировка, общественное здание, полуподвал, эллинизм, хронология, периодизация

В 2002–2005 гг. на «Верхнем городе» Фанагории были исследованы остатки одной из наиболее представительных построек, открытых в этом районе общественного центра города. Это здание (144) неоднократно упомянуто в нескольких статьях, обмерный план его тоже несколько раз был представлен в публикациях¹. Однако всестороннего исследования этого крупного архитектурного объекта до сих пор не было предпринято, хотя его значимость в стратиграфических и планиграфических построениях весьма значительна. В силу ряда причин² остатки

Данные об авторе: Завойкин Алексей Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Например, см.: Кузнецов 2010, 449, рис. 20, 22; 2011, 120–121, рис. 3, 4.

² Прежде всего, это дефицит в регионе строительного камня и, по этой причине, многократное его переиспользование в последующих постройках. Кроме этого, периодические перепланировки и нивелировки поверхности в районе, расположенном близ обрыва верхней террасы, имели следствием уничтожение не только отдельных сооружений, но больших объемов культурных напластований в целом.

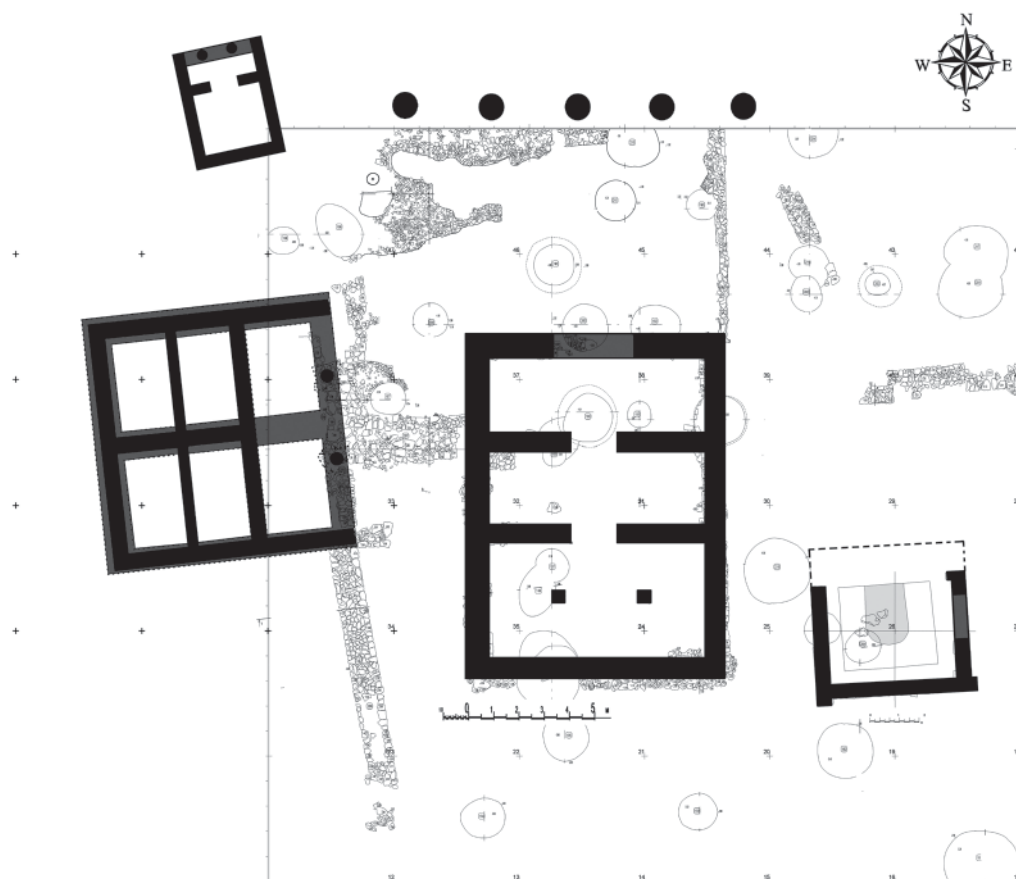

Рис. 1. Схематический план некоторых элементов застройки акрополя Фанагории

построек на верхней террасе Фанагории, относящихся к периоду после середины V в. до н.э., сохранились весьма неравномерно, в основном — очень плохо или даже вовсе не дошли до наших дней. Вследствие этого иной раз решение, казалось бы, простых вопросов требует пристального внимания.

Интересующее нас общественное здание располагалась в центре Центрального участка раскопа (рис. 1; 2, 1). Согласно предварительным соображениям, сохранившиеся его остатки представляют собой заглубленную относительно древней дневной поверхности середины IV в. до н.э. часть здания³. Для строительства этой части здания был вырыт обширный прямоугольный котлован (более 130 м²)⁴, вдоль бортов которого из камня были возведены стены: фундамент южной стены несколько углублен относительно поверхности материкового песка (поверхность которого понижается к СЗ), а основание северной стены стоит на слое первой половины V в. до н.э.

³ См. Завойкин 2017, 115 и прим. 30 (= Кузнецов 2011, 120–121).

⁴ Кузнецов 2010, 445; 2011, 121 (глубина котлована оценивается «не менее 2 м»).

Рис. 2. Здание 144. 1 – Общий вид остатков фундамента с юга; 2 – вид с запада

К сожалению, в процессе раскопок еще не было очевидным, что мы столкнулись с подвалом (полуподвалом). Поэтому его раскопки велись так же, как наземных построек. В данном случае – синхронно со слоем с внешней стороны восточной стены, сохранившейся значительно лучше других, вплоть до того момента (конец сезона 2004 г.), когда был выявлен план помещений в нижней его части. Следствием этого стало затруднение в определении даты гибели здания.

Предварительная датировка. Дата строительства общественного здания (144) базировалась на двух косвенных основаниях. Во-первых, в расчет принимается датировка находок из заполнения ямы (231), расположенной в 1,04 м от его восточной стены. Верхняя часть ямы была забутована известняковыми отесками, с определенной вероятностью происходящими от обработки камней для кладок этого сооружения. Таким образом, датировка позднейших находок из этой ямы (вторая четверть IV в. до н.э.) может служить *terminus post quem* для определения времени строительства здания. Засыпка другой ямы (226), располагавшейся в 5,40 м к С–СВ от первой, благодаря большому числу найденных в ней амфорных клейм датирована более точно – первой половиной 50-х гг. IV в. до н.э.⁵

⁵ Монахов, Кузнецова, Завойкин 2006, 294–302.

Во-вторых, необходимо учитывать планиграфические особенности. Стены здания ориентированы строго по сторонам света, в то время как практически все более ранние постройки демонстрируют отклонение от оси север – юг к западу (реже – к востоку)⁶. В том числе, сохраняет традиционную ориентировку другое общественное здание, которое располагалось в 4,5 м к западу от здания 144. Это здание (460), ориентированное входом к востоку, погибает в сильном пожаре в 50-х гг. IV в. до н.э.⁷

С учетом указанных обстоятельств перепланировку открытого района города и строительство значительного по размерам здания (144) следует датировать не ранее середины IV в. до н.э. Определить же время, когда эта постройка прекращает функционировать, а стены ее разбираются на камень, с желаемой точностью не представляется возможным (см. ниже). Очевиден лишь факт, что ко времени возведения в этом районе монументального комплекса (85) резиденции Митридата VI здания, построенного в перерод поздней классики (или позднее), уже не существовало, хотя нельзя полностью исключать и такой вариант, что разборка стен устаревшего здания как раз была обусловлена необходимостью перепланировки акрополя в новых исторических условиях.

Стены. Как можно было понять, от наземных частей стен почти ничего не сохранилось (см. ниже). Да и кладки заглубленной части уцелели тоже весьма неполно и неравномерно (рис. 2, 3)⁸. На всю длину сохранилась лишь восточная стена (144а) – 13,45 м; она же и в высоту имеет максимальный показатель – до 1,5 м⁹. Хорошо фиксируются габариты кладки южной стены, лишь в одном месте «пробитой» поздней ямой (длина кладки 144б составляет 10 м). Поскольку сохранились оба южных угла постройки и (значительно хуже) северо-восточный ее угол, не составляет труда определить протяженность противолежащих им стен: западной (13,6 м) и северной (10 м), хотя они сохранились частично, участками. Таким образом, общая площадь, занятая прямоугольником постройки достигала ок. 135 м².

Сохранившиеся кладки стен в структурном отношении подразделяются на два элемента: основание (фундамент) и собственно кладки самих стен. Первый элемент был прослежен на всем протяжении южной (144б) и в южной части западной (144в) стен¹⁰. Его ширина составляет ок. 1,2–1,30 м. Сложен фундамент в один ряд из необработанных камней различных пород (преобладает известняк, но встречаются и окатанные валунчики вулканического происхождения) среднего и небольшого размера, положенных без видимой системы в один ряд (рис. 3, 1). Кладка фундамента выступает за пределы внешних фасов стен на 0,40–0,50 м к югу и западу соответственно (внутренние их фасы лежат в одной плоскости с фасадами кладок стен).

⁶ См.: Kuznetsov, Zavoikin 2014, 36–37, fig. 6; Кузнецов 2018, 123, рис. 4.

⁷ Завойкин 2018, 120, прим. 46, 138.

⁸ В описании постройки в целом следую тексту отчетов В.Д. Кузнецова (2005, 13–15; 2006, 72–73), которому искренне выражаю свою признательность за предоставление права публикации данных материалов.

⁹ «С учетом того, что при консервации раскопа в 2002 г. было снято два ряда камней и что нынешняя максимальная высота составляет 1,1 м» (Кузнецов 2005, 14).

¹⁰ Судя по отсутствию фундамента под наиболее сохранный стеной 144а, так же как под другими сохранившимися участками северной и западной стен, этот элемент изначально был заложен только в южной и юго-западной части постройки.

Рис. 3. 1. Юго-восточный угол здания и фундамент стены 144б (с В–ЮВ); 2 – то же и стена 144а (с Ю–ЮЗ)

Рис. 4. Архитектурные детали в кладке стены 144а (западный фас)

Сами стены имели ширину 0,80 м, только в средней, наиболее высокой, части кладки восточной стены (144а) наблюдается увеличение этого параметра до 0,90–0,95 м. Размеры, материал и характер обработки камней кладок стен заметно отличаются от камней фундамента (рис. 2, 2, 3, 2). В целом они заметно крупнее (хотя в швах между крупными использовались, конечно же, и мелкие камни). Преобладает известняк-ракушечник, наряду с которым имеется песчаник, а по внешнему фасу (и только в нем) – фиксируется также присутствие некоторого количества розового мергеля, окатанных камней вулканических пород (валунчиков).

Кладка¹¹ иррегулярная, «двухлицевая» (В.Д. Кузнецов справедливо отмечает, что внутренний фас кладки сделан более тщательно, чем внешний, восточный¹²), двухслойная¹³ на глиняном растворе. По внутреннему фасу рядность выдержана более строго, чем по внешнему, где камень в целом меньше размером и уложен менее систематично; преобладает постелистая система кладки, но встречаются камни, поставленные орфостатно. Очевидно, можно говорить о подтеске лицевой поверхности камней внутреннего фаса по месту¹⁴.

¹¹ Здесь и далее описываются характеристики лучше других сохранившейся кладки 144а.

¹² Кузнецов 2005, 14.

¹³ Наряду с мелким бутом, заполняющим пустоты между крупными камнями, не образуя сплошного слоя, встречаются отдельные камни (в том числе – часть гладкоствольной известняковой колонки), положенные поперек кладки на всю ее ширину.

¹⁴ Оценивая различное качество обработки лицевых поверхностей, В.Д. Кузнецов отмечает: «Тем не менее очевидно, что стены должны были быть оштукатурены с обеих сторон. В против-

Отличительной особенностью кладок является присутствие в них известняковых блоков и архитектурных деталей¹⁵ явно использованных вторично. В пользу их «вторичности» говорит не только то, что они чередуются в кладке с необработанными камнями, но то, что отдельные камни несут на себе следы воздействия огня, не образуя единой площади¹⁶.

Планировка. Общая площадь внутреннего пространства здания определяется в районе $12,2 \times 8,6$ м, т.е. составляет около 105 м^2 . Очевидно, что это значительное пространство предполагает его членение на несколько помещений. Однако для суждения о том, каким образом площадь здания подразделялась судить чрезвычайно затруднительно, хотя бы уже потому, что не ясно, в какой степени планировка нижней части (этажа) соответствует планировке его наземной части. Этот вопрос можно лишь сформулировать, но нельзя на него ответить. Тем не менее, рассмотрим скудную информацию по планировке раскопанной постройки.

После вскрытия внутреннего пространства здания на всю глубину (= высоту стен) удалось выявить некоторые элементы его членения, которые позволили В.Д. Кузнецову установить следующее: «Внутри здание было разделено на три помещения двумя внутренними стенами, ориентированными по линии восток – запад».¹⁷ Стоит взглянуть на эти элементы внимательнее.

От *северной стены-перегородки* (располагалась в 3,05 м к югу от стены 144г) сохранился лишь небольшой участок кладки (один ряд из 4 блоков ракушечника: длина 0,65–0,67 м, ширина 0,62–0,64 м), примыкающей встык к кладке западной стены (144в). Эти четыре блока кладки были как бы впущены в СЗ угол подпрямоугольной ($1,1 \times 1,25$ м), со скругленными углами, площадки, выложенной из небольших необработанных камней различных пород, расположенной у стены 144в.¹⁸ Никаких намеков на то, что описанная кладка имела продолжение к востоку нет. Однако у восточной стены (144а), впритык к ней, был выявлен фрагмент кладки в один ряд: «... из трех камней – относительно большого блока ракушечника подквадратной формы и двух более мелких камней ракушечника. Пространство между ними заполнено мелкими камнями» (длина 0,75 м, ширина 0,65–0,7 м)¹⁹.

От *южной стены-перегородки*, удаленной от стены 144б на 4,8–4,9 м, уцелело три фрагмента. «Западный фрагмент» кладки (длина 0,8 м, ширина 0,65 м) сложен

ном случае они выглядели бы весьма неэстетично» (Кузнецов 2005, 14). Ср. Кузнецов 2011, 121: «Рассматриваемое общественное сооружение имело подвальное помещение. Именно поэтому его фундамент лежит на материковом песке. В пользу этого свидетельствует и отсутствие какой-либо штукатурки на стенах подвального помещения: трудно себе представить, чтобы стены здания общественного назначения представляли собой открытую кладку из необработанных камней».

¹⁵ В их числе: упомянутая колонка (в пятом снизу ряду, в южной части кладки 144а; рис. 4, 2); половина барабана колонны (?), видимая по внутреннему фасу во втором ряду центральной части той же кладки (рис. 4, 1).

¹⁶ Поэтому не может быть речи о том, что они были обожжены в кладке *in situ*. Сугубо предположительно (доказать это строго не представляется возможным) позволительно думать, что камень для постройки здания 144, в том числе, поступил из разобранных кладок здания 460, сгоревшего в сильном пожаре 50-х гг IV в. до н.э. (см. Завойкин 2018, 115).

¹⁷ Кузнецов 2006, 72.

¹⁸ В отчете не совсем верно указано, что кладка лежала на камнях площадки, которыми, якобы, заложили более раннюю яму (Кузнецов 2006, 72–73).

¹⁹ Кузнецов 2006, 73.

из сравнительно крупных грубо обработанных блоков ракушечника; сохранилось два ряда кладки. «Восточный фрагмент» представляют два камня ракушечника, выступающие на 0,3 м из стены 144а (общая их ширина 0,6 м). «Средний фрагмент» – это два расположенных «в ряд» камня (ракушечник и железняк)²⁰, подошва которых лежит на том же примерно уровне (–3,25 м от репера), что и камней двух других «фрагментов» (–3,2–3,21 м).

Кроме того, в южном помещении здания на равном удалении (2,3 м) от восточной и южной стен, на глубине –2,41 м²¹ лежала *in situ* квадратная плита (0,5 × 0,5 × 0,13 м) из мягкого ракушечника. «Напрашивается предположение о том, что симметрично на расстоянии также в 2,3 м от стен 144б и 144в мог находиться еще один такой же блок. Не исключено, что они могли служить опорой под базу колонны (?)».

Таким образом, *северное помещение* здания 144 имеет такие внутренние размеры: 8,7 × 3,05 м (26,5 м²), *среднее* помещение — 8,7 × 3,05 м (26,5 м²) и *южное* — 8,7 × 4,8–4,9 м (41,8–42,6 м²)²². Таковы в общих чертах характеристики остатков здания 144.

Теперь коснемся вопроса о глубине строительного котлована и, соответственно, вероятной высоте стен «подвала». Как было отмечено, максимально кладка стены 144а сохранилась на высоту ок. 1,5 м. «Поверхность стен здания 144 лежит на глубине между отметками –2,1–3,15 м от репера, подошва –3,23–3,32 м»²³. Принимая во внимание утраченные в 2002 г. камни верхних рядов, наивысший уровень их положения в кладке должен оцениваться в пределах –1,60–1,70 м от нулевого репера. Если этот уровень взять в качестве условного для синхронной зданию дневной поверхности (в реальности он мог располагаться только выше, но не ниже!), целесообразно сопоставить этот высотный показатель с другими, предположительно синхронными данному, а также более ранними и более поздними объектами.

Поверхности объектов (474, 207, 209, 210), характеризующих в целом горизонт городской жизни первой половины IV в. до н.э. на рассматриваемом участке «Верхнего города» (т.е. в северу и западу от 144-го), лежат в интервале ок. –2,60–2,90 м²⁴. Подошва кладок здания 144 лежит на 0,33/0,42–0,63/0,72 м ниже установленного горизонта. Из этого следует, что здание было заглублено относительно *этого* горизонта: не менее, чем на 0,33 м, но не более, чем на 0,72 м. Таким образом, стены здания (судя по 144а) возвышались над уровнем дневной поверхности первой половины IV в. до н.э. по меньшей мере на 0,78–1,17 м.

Эти приблизительные расчеты вносят, казалось бы, резонные сомнения в правомерности вывода относительно подвального характера открытой части здания 144. Однако, принимая во внимание весьма убедительную оценку В.Д. Куз-

²⁰ Длина (З–В) – 0,85 м и ширина (С–Ю) – 0,45 м

²¹ Т.е. ниже подошвы стен и, соответственно, пола. Пол, по всей видимости, был земляным, вопреки тому, что предполагалось в Отчете: «... белый цемянковый пол, полностью разрушенный. Цемянка в изобилии попадалась в сезоне 2004 г. при вскопке грунта в северной половине объекта» (Кузнецов 2006, 73).

²² Кузнецов 2006, 73.

²³ Кузнецов 2005, 14.

²⁴ Этот разброс объясним, прежде всего, локальной топографией – общим уклоном местности к С-СЗ, в сторону склона холма.

нецовым качества сохранившихся кладок стен постройки²⁵, сложно допустить и вероятность того, что они (сохранные части кладок) возвышались над землей. Это принципиальное противоречие, кажется, может быть устранено лишь одним единственным способом: если предположить, что уровень дневной поверхности, соответствующий времени строительства и жизни здания 144, располагался выше, чем представлялось первоначально. Иными словами – если признать, что здание относится к более позднему периоду застройки акрополя.

К сожалению, мы не располагаем прямыми датировочными материалами. Но для того, чтобы взвешено судить, насколько новый взгляд на хронологию объекта допустим в принципе, стоит еще раз вернуться к тем косвенным признакам, на которые мы ссылались раньше. Единственное обстоятельство, которое связывало ключевой элемент прежней датировки, яму 231, со зданием 144 – это известняковые отёски, которые запечатывали ее устье (оно, напомним, располагалось примерно на уровне подошвы кладок здания²⁶). Это допущение, конечно, нельзя признать очевидным. Такого же рода отёски характерны и для вымосток (207, 209, 210), которые изначально (и ошибочно, как выясняется) синхронизовались со зданием 144²⁷ и которые, по всей видимости, синхронны предшествующей общественной постройке (460)²⁸. Вполне возможно, что отёски известняка связаны с обработкой камня, использованного именно для строительства этого здания первой половины IV в. до н.э.

Второе косвенное датировочное основание – ориентация здания 144 строго по сторонам света. Вне связи с гипотетической (по яме 231) абсолютной датировкой этой постройки оно не имеет какой-либо доказательной силы. Такая же ориентация у двух более ранних объектов: вымостки 210 (восточный край которой строго ориентирован с севера на юг) и «пропилеев» 670 (вытянуты с запада на восток²⁹). То что здание (460) первой половины IV в. до н.э., – унаследовав ориентировку предшествующей ему общественной постройки (296), лежащей непосредственно под ним, – ориентировано с некоторым отклонением от стран света, не может, конечно же, служить безусловным доказательством того, что вымостка и «пропилеи», относящиеся к тому же что и здание 460 горизонту, датируются более поздним временем. Таким образом, новые элементы в планировке территории акрополя, по всей видимости, могли в принципе появиться раньше, чем представлялось прежде (т.е. еще в первой половине IV в. до н.э.).

²⁵ Кузнецов 2011, 121. См. примеч. 14. К этой аргументации стоит добавить тот факт, что основание стен здания 144 лежат ниже или вровень с заведомо более ранними (в том числе – значительно более ранними) архитектурными объектами.

²⁶ На это обстоятельство не было обращено внимание раньше, поскольку на момент публикации находок из ямы еще не была сформулирована точка зрения на остатки здания 144, как часть подвального помещения.

²⁷ Можно «...предположить, что объекты 207, 209 и 210 могут являться единым строительным объектом – замощением большой городской площади. Не исключено, что эта площадь синхронна объекту 144, который был зданием общественного назначения. Об этом можно судить визуально: вымостки 207 и 210 походят к стенам здания 144 почти вплотную. Другими словами говоря, эти три объекта синхронны по стратиграфическим признакам» (Кузнецов 2005, 17).

²⁸ См. Завойкин 2018, 126–127, 129, рис. 34, 38.

²⁹ Синхронизация этого объекта со зданием 144 опиралась исключительно на одинаковую их ориентацию. Единственная датировочная находка из объекта 670, определяющая для его сооружения *terminus post quem*, – ножка фасосской амфоры. Не очень точный чертёж этой находки позволяет, однако, предложить относительно широкую датировку – вторая-третья четверти IV в. до н.э.

К какому же периоду следует теперь относить исследуемое нами здание? Безусловный *terminus ante quem* – строительство в конце II – начале I в. до н.э. резиденции Митридата Евпатора (85). Но имеются ли возможности для уточнения весьма широкой датировки? Неожиданно стратиграфическая «зацепка» отыскалась в фотоматериалах экспедиции за 2003 г.

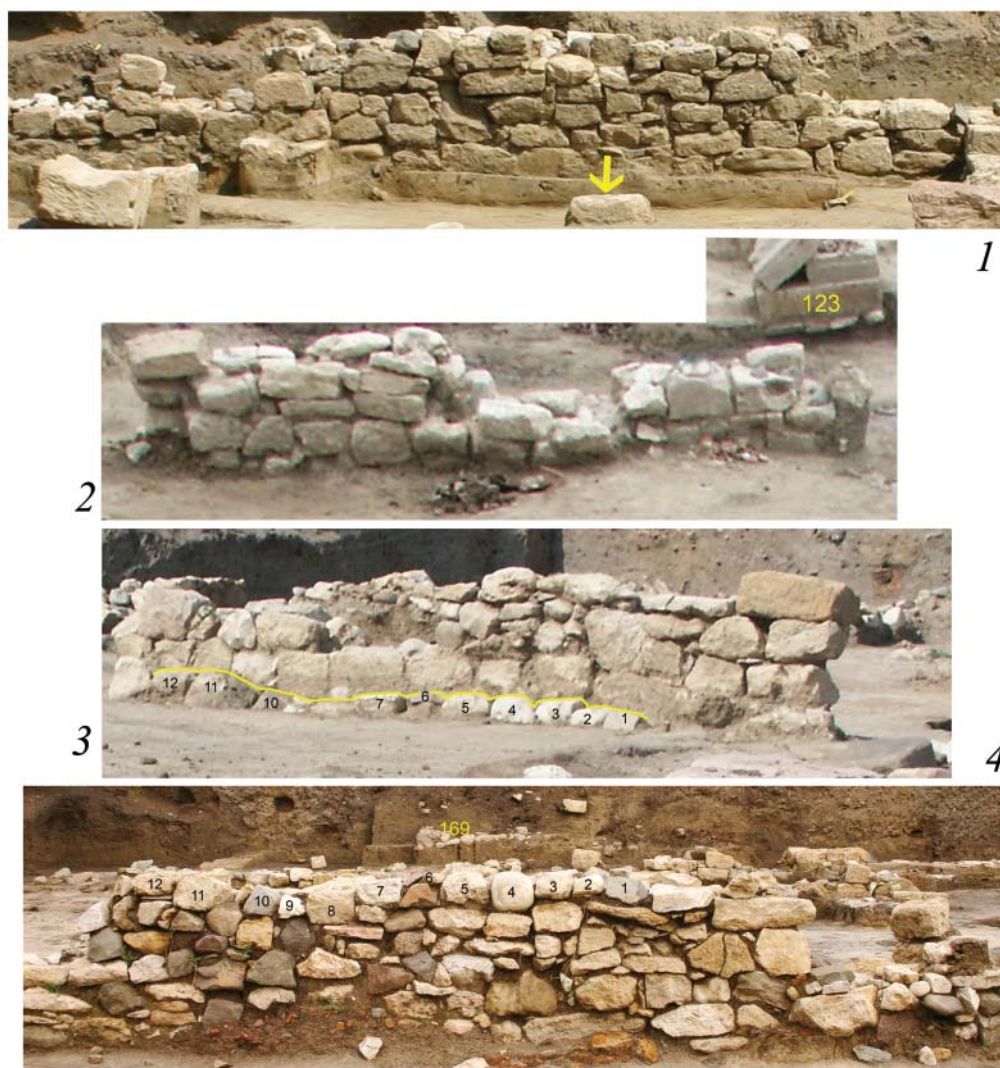

Рис. 5. Кладка стены 144а. 1 – Западный фас фундамента (2005 г., стрелкой отмечена опорная плита в южном помещении); 2 – восточный фас цоколя стены (2003 г., на заднем плане – фундамент постройки 123); 3 – восточный фас цоколя и верхнего ряда камней фундамента (2003, линией отмечена граница двух элементов кладки, верхние камни фундамента пронумерованы с севера на юг); 4 – восточный фас заглубленной части кладки (фундамента) стены (видимые на рис. 5.4 камни верхнего ряда пронумерованы с севера на юг)

На общей фотографии раскопа, сделанной с восточной стороны (ее фрагмент дан на рис. 5, 3), обнаружилось, что на ней представлена верхняя часть кладки 144а, которая якобы была разобрана еще в 2002 г.³⁰ На фотографии ясно различим нижний ряд камней кладки, который соответствует верхнему ряду кладки, зафиксированному в 2004 и 2005 гг. (ср. рис. 5, 3, 4). Можно также заметить, что камни нижнего ряда немного выступают к востоку от восточного фаса вышележащих рядов кладки. Кроме того, — что весьма существенно, — характер и порода самих камней (в целом они крупнее и представлены только ракушечником) отличаются от нижележащих. Наблюдается и большая тщательность их пригонки по фаса друг к другу. Те же особенности кладки видим и на западном фаса верхних рядов кладки (рис. 5, 2). Однако здесь, в отличие от восточного фаса, этот ее характер сохраняется в нижележащих рядах (ср. рис. 5, 1, 4), а фас обоих уровней кладки лежит в единой вертикальной плоскости.

В совокупности эти наблюдения приводят к уверенному выводу о том, что открытые в 2002–2003 гг. ряды кладки 144а соответствуют цокольной части стены, а нижележащие ряды — это ее фундамент. При этом речь должна идти не просто о заглубленном в траншее на 1,10 м «ленточном фундаменте», а об устройстве полуподвального («цокольного») этажа. В пользу этого говорят отличия в оформлении внешнего и внутреннего фасов кладки и прослеженные на уровне нижних рядов кладок (и ниже) элементы внутренней планировки здания. Таким образом, можно считать установленным: горизонт строительства (и жизни) общественного здания 144 приходится на уровень ок. –2,10 м (а глубина полуподвала³¹ относительно него — ок. 1,10–1,20 м).

Стоит, пожалуй, отметить, что в этом горизонте, недалеко от СВ угла здания, с внешней его стороны, было расчищено небольшое скопление («развал») горизонтально залегающей черепицы.

Этому горизонту соответствует уровень залегания кладок нескольких построек (142, 143–145, 150–151, 160; например, см. фото на рис. 6, 1, 2). В другом месте имеет смысл поговорить об этих объектах подробнее, здесь же достаточно отметить тот факт, что в ряде случаев в этих кладках уверенно выделяются фундамент и цокольная часть, граница между которыми приходится на уровень близкий уровню –2,10 м³². По-своему примечательной чертой кладок фундаментов является использование в них разнотипных камней (в том числе, значительное количество окатанных — валунчиков, мергеля, обколотых камней вулканических пород).

Итак, мы установили стратиграфическую позицию рассматриваемого здесь здания, но по-прежнему не продвинулись в решении вопроса о его абсолютной датировке³³.

Логично предположить, что после того, как здание по той или иной причине прекратило функционирование и было разрушено (разобрано), заглубленная его часть оказалась заполнена слоем, позднейшие находки из которого позволяют

³⁰ Кузнецов 2005, 14 (см. примеч. 9). На фотографиях 2003 г., иллюстрирующих стадию консервации раскопа, действительно виден ряд камней кладки 144а после разборки ее верхних рядов.

³¹ Теперь заглубленный ярус постройки будем называть только так.

³² См. Кузнецов 2004, 13–15.

³³ По слою В.Д. Кузнецов все постройки интересующего нас строительного горизонта (кроме 144-го) датировал III в. до н.э. (Кузнецов 2004, 13–15).

Рис. 6. Фундаменты и цоколи постройки, синхронной зданию 144 (отмечено стрелкой), 2003 г. 1 – вид с СВ; 2 – вид с востока

определить *terminus post quem* этого события. Поскольку, как было отмечено выше, контуры помещения были определены только в ходе раскопок 2004 г., фиксация находок велась по квадратам и штыкам. Вследствие этого стратиграфическая колонка только двух квадратов (24 и 31), целиком находящихся внутри контура стен здания 144, дает «чистую» выборку материалов из заполнения полуподвала³⁴. Причем, фотоматериалы и чертежи позволяют достаточно надежно определить границу, разделяющую слой заполнения «подвала» и слой, его перекрывающий: к концу сезона 2003 г. был достигнут горизонт примерно на 0,20–0,25 м ниже уровня, на который приходится граница между фундаментом и цоколем стены 144а, что соответствует границе 19 и 20 штыков. Таким образом, мы можем находки из квадратов 24 и 31 из штыка 20 и ниже уверенно отнести к заполнению «подвала», а вышележащие – к слою перекрывающему.

Для наших целей удобно воспользоваться выборкой керамических клейм, найденных в этой площади в 2002–2005 гг., обработанных и определенных В.И. Кацем и Т.М. Кутиновой³⁵. Всего здесь было зафиксировано 15 клейм: в шт. 16–19 – 10 экз. (в том числе 5 на черепице³⁶); в шт. 20–22 – 5 экз. (в том числе 2 на черепице³⁷). Опираясь на определения специалистов в области керамической эпиграфики, прежде всего отмечу относительную хронологическую однородность выборки поздних клейм как в верхних, так и в нижних штыках:

– шт. 16. Боспор (черепица): ΣΠΑΡ|ΤΟΚΟΥ – ок. 235–225 гг.³⁸;

– шт. 17. Синопа: «группа VA» – 50–40-е гг. III в.³⁹;

– шт. 18. Синопа: ἀστυνό[μου] | Λέοντο[ς] | [το]ῦ Λεον[τίσκου]

| [Κλε]αίν[ετος] – конец 80-х – начало 50-х гг. III в. до н.э.⁴⁰; Родос: фабриканта Ἰεροτέλεως, гр. I b, c – II a, b – 270–210 гг.⁴¹; фабриканта Κρέοντος, гр. II – 234–199 гг.⁴²;

– шт. 19. Боспор (черепица): Πανθῆρος | Νεοκλέους – 293–283 гг.⁴³

– шт. 20. Херсонес: Πολύστρατ[ος] | ἀστυνόμου, гр. I – 325–287 гг.⁴⁴;

³⁴ Важно указать на отсутствие в площади этих квадратов перекопов, отмеченных после 2003 г. (ямы 148, 149, 152, 153, 178).

³⁵ См. Кузнецов 2004, [1–33] (Приложение, за 2002–2003 гг.); 2005, 89–105 (Приложение, за 2004 г.); 2006, 93–104 (Приложение, за 2005 г.). Особо хотел бы высказать искреннюю признательность за дружескую помощь Н.А. Павличенко, которая консультировала меня по вопросам датировки родосских клейм и клейма на гераклеийской черепице (см. ниже).

³⁶ Четыре боспорских, одно гераклеийское (Приложение 2002–2003, №180). На гераклеийской керамике Μίδας в чтение В.И. Каца (отчетливо видны только первые три буквы), уникальный штамп с редким на гераклеийских клеймах именем (см. Федосеев 2016, № 1429, гр. IVБ, 340-х гг. до н.э.).

³⁷ Боспор (Прил. 2004, №85: ΔΕΩ) – 360–350 гг.; Анохин 1999, № 74) и Синопа (Прил. 2004, № 75; Кац 2007, 435, № 16: ΜΓ VIB – 50-е – середина 10-х гг. III в. до н.э.).

³⁸ С разбивкой на две строки (Прил. 2002–2003, № 204; Анохин 1999, № 138; Шелов 1956, 152).

³⁹ Прил. 2002–2003, № 116. Чтение клейма не приводится; определение хронологической группы – без ссылки на конкретную типологию (судя по всему – Соповісі 1998; здесь и далее даю в кавычках).

⁴⁰ Прил. 2002–2003, № 127; Кац 2007, 435, V, №23.

⁴¹ Прил. 2002–2003, № 160; Finkielsztein 2001, 74–76; Кац 2007, 422, № 137 (I/II группа – 294–235 или 234–199 гг.).

⁴² Прил. 2002–2003, № 162; Finkielsztein 2001, 191; ср. Кац 2007, 423, № 128, 159. На мой взгляд, указание на то, что ручка амфоры «с плавным изгибом» позволяет отдать предпочтение Креону I и, соответственно, ранней датировке (234–199 гг.).

⁴³ Прил. 2002–2003, № 199; Анохин 1999, № 131.

⁴⁴ Прил. 2002–2003, № 171; Кац 2007, 442, II, № 39.

– *шт.* 21. Синопа (черепица): [ἀστυνομοῦντος] | Ποσίδειου | τοῦ Θεαρίωνος | Ἡρακλείδης, эмблема – фигура у алтаря – 50-е – середина 10-х гг. III в. до н.э.⁴⁵;

– *шт.* 22. Родос: эпонима Αἰνησιδάμου (I), подгруппа Ic – ок. 245 г.⁴⁶

По всей видимости, это позволяет говорить о единовременности засыпи подвала. В качестве условной (отправной) даты этого события примем последнюю треть III в. до н.э.

Хронологическое распределение черепичных клейм может представлять для нас определенный интерес, поскольку не исключено, что в выборку могли попасть обломки кровли самого здания. Помимо упомянутого клейма с именем Спартока здесь были найдены: гераклейское ΜΙΔΑΣ (?), боспорские Πανθήρος | Νεοκλέους (293–283 гг.); [. . . . .] | ΔΙΟ[. . . . .]; ΛΕΩ (360–350 гг.)⁴⁷. Таким образом, имеем следующие временные интервалы: 235–225 . . . 293–283 . . . 360–350. Но если мы можем позднейший хронологический репер принять гипотетически в качестве *terminus post quem* для разрушения постройки, то проблематично один из двух ранних уверенно рассматривать в качестве вероятной даты строительства. По меньшей мере, стоило бы сначала посмотреть на эту проблему в более широком контексте.

Видимо, это имеет смысл даже с учетом того, что другие квадраты лишь частично входят в площадь полуподвала здания 144, а кроме того, очень сложно (практически нереально) учесть вероятность попадания в слой предметов из более поздних перекопов. Но прежде чем анализировать клейма из кв. 25, 30 (почти половина которых в контуре стен), 32, 35, 37, 38, 39 (лишь малой частью своей площади лежащих внутри здания), уместно выдвинуть логическое предположение: синхронный заполнению полуподвала слой за его пределами должен залегать выше, чем в нем самом, т.е. на уровне, соответствующем горизонту жизни здания 144. Однако за счет той части площади этих квадратов, которая лежит в пределах полуподвала, стратиграфические (по штыкам) характеристики здесь могут быть «смазаны» (т.е. приближаться к характеристикам клейм в кв. 24 и 31).

Теперь посмотрим, каково же в реальности распределение находок. Всего в этой выборке зафиксировано 45 клейм⁴⁸, из них 10 на черепице (половина из которых – Πανθήρος | Νεοκλέους⁴⁹). Первое, что бросается в глаза – это отсутствие клейм в штыках 16–17 на всех квадратах⁵⁰, кроме кв. 25. В последнем уже в 17 шт. найдено 5 клейм: наряду с фасосским, мендейским и гераклейским⁵¹, два синопских ΜΓ VIA, VIC: 50-х – середины 10-х гг. III в. до н.э.⁵²

⁴⁵ Прил. 2004, № 75; Кац 2007, 435, VIB, № 16.

⁴⁶ Прил. 2004, № 50; Finkelsztein 2001, 188; Кац 2007, 419, гр. 1с, № 52.

⁴⁷ По порядку упоминания: шт. 18 (Прил. 2002–2003, № 180); шт. 19 (там же, № 199; Анохин 1999, № 131); шт. 19 (Прил. 2002–2003, № 206); шт. 21 (Прил. 2004, № 85; Анохин 1999, № 74). Последнее клеймо интересно еще и тем, что аналогичное было найдено в важной для нашей темы яме 232 (Монахов, Кузнецова, Завойкин 2006, 299).

⁴⁸ Из которых хронологически неопределимы – 11 (в том числе 5 предположительно мендейских клейм).

⁴⁹ О вероятном их производстве в Фанагории см.: Шелов 1954, 127–128.

⁵⁰ На линии северных квадратов (37, 38, 39) клейма «появляются» только с 19-го штыка и далее идут до 24-го (два клейма на черепице 293–283 гг. в кв. 38). Иными словами, располагаются ниже пола полуподвала.

⁵¹ Прил. 2002–2003, № 43, 83, 112.

⁵² Прил. 2002–2003, № 117 и 132; Кац 2007, 435, VIA, №9; VIC, №29.

Далее в этих квадратах позднейшие клейма распределяются так:

- *шт.* 18. Синопа: МГ VIA – 50-е – середина 10-х гг. III в. до н.э.; МГ IVA – 90–80-е гг. III в. до н.э.⁵³;
- *шт.* 19. Родос: эпонима Ἀρχιβίου, подгр. Vc – 115 г.; фабриканта Εὐφράνορος, гр. V – 145–108 гг.⁵⁴;
- *шт.* 20. Родос: фабриканта Ἀριστοκλέυς (II), гр. IIIe–IV – ок. 161–146 г. до н.э. или гр. V – 145–108 гг.⁵⁵; Синопа: МГ V – конец 80-х – начало 50-х гг. III в.⁵⁶;
- *шт.* 21. Боспор (черепица) – 293–283 гг.⁵⁷;
- *шт.* 22. Родос: фабрикант Σωτῆς (I), подгр. Ib, c – 270–235 гг.⁵⁸;
- *шт.* 23. Фасос: группа G2 – 345–335 гг.⁵⁹;
- *шт.* 24. Боспор (черепица) – 293–283 гг.⁶⁰

Оценить и интерпретировать эту хронологическую картину весьма сложно с учетом того, что нам не известно, какие клейма были найдены внутри здания 144, а какие за его пределами. Попробуем, однако, хоть как-то использовать эти данные. Начнем с констатации того, что «верхняя» дата клейм, найденных ниже горизонта жизни здания (с формальной точки зрения, мы должны были бы эти находки приписать заполнению полуподвала), не выходит за пределы 235 г., что принципиально не противоречит «верхним» датировкам клейм из полуподвала. В вышележащих же штыхах однозначно за эту временную грань выходят родосские клейма: эпонимное № 151/2003 (ок. 115 г.) и два фабрикантских, одно из которых (№ 159/2003) датируется интервалом ок. 145–108 гг., а другое (№ 157/2003) – ок. 161–146 гг. или 145–108 гг.

Попробуем подвести итог рассмотрению клейм. Как можем видеть, датировки позднейших родосских клейм вступают в противоречие с датировками клейм синопских. Если, игнорируя это противоречие, мы примем позднейшие датировки родосских штампов, то неизбежно должны будем прийти к заключению, что здание 144 прекратило свое существование в результате перепланировки этого района акрополя под строительство дворцового комплекса Митридата Евпатора (что, кстати сказать, заполнит лакуну в застройке этого участка, возникающую в случае принятия более ранней даты разрушения). Однако, прежде чем сделать этот ответственный вывод, следует обратить внимание еще и на такой факт: ни одного позднего родосского клейма не было найдено в кв. 24 и 31 (т.е. точно в заполнении полуподвала) – все они зафиксированы на площадях, которые значительной своей частью прилегали к наружным фасадам стен здания 144, в двух штыхах – над горизонтом его жизни. И это заставляет допустить вероятность того, что между гибелью исследуемого нами здания и новой застройкой этого района города при Митридате VI все же имеется значительный временной зазор.

⁵³ Прил. 2002–2003, № 143, 134; Кац 2007, 435, VIA, №5; IVA, №7.

⁵⁴ Прил. 2002–2003, № 151, 159; Кац 2007, 421, Vc, №30; 422, V, № 115; Finkielsztejn 2001, 195.

⁵⁵ Прил. 2002–2003, № 157; Finkielsztejn 2001, 192, 193; Кац 2007, 422, № 45, 46, группы III или IV/V.

⁵⁶ Прил. 2004, № 120; Кац 2007, 435, МГ V, № 19.

⁵⁷ Прил. 2004, № 83; Анохин 1999, № 131.

⁵⁸ Прил. 2005, № 55; Finkielsztejn 2001, 188; Кац 2007, 423, № 237.

⁵⁹ Прил. 2004, №33; Garlan 1999, № 854.

⁶⁰ Прил. 2005, № 46, 50, 51; Анохин 1999, № 131.

Не безынтересно отдельно взглянуть на хронологическое соотношение черепичных клейм:

- *шт.* 19. Боспор: ΚΟΙ – 370–360 гг.; ΜΕΝΟΙ(– 360–350 гг.⁶¹;
- *шт.* 20. Боспор: Πανθήρος | Νεοκλέους – 293–283 гг.⁶²;
- *шт.* 21. Боспор: ΜΕΝΟΙ(– 360–350 гг.; Πανθήρος | Νεοκλέους, 293–283 гг.⁶³;
- *шт.* 22. Боспор: ΜΕΝΟΙ(– 360–350 гг.⁶⁴;
- *шт.* 23. Нет.
- *шт.* 24. Боспор: βασιλική | [трезубец] + дельфин – 225–215 гг.; Πανθήρος | Νεοκλέους – 293–283 гг.⁶⁵

Находки относительно поздних черепичных клейм в нижнем штыке, значительно ниже горизонта жизни здания 144, можно объяснить только одной причиной. Все они найдены в квадратах (30, 38), в площади которых (частично или полностью) располагались ямы (219; 192 и 200), «пересекающие» трассы стен (144а и 144г), в результате чего даже некоторые части кладок сползли (опустились) в эти ямы, так же, как, очевидно, и часть прилегающего к ним слоя времени их функционирования.

Наблюдаемые здесь хронологические интервалы (225–215... 293–283 ... 370/60–350 гг.) аналогичны тем, что были установлены для черепицы из кв. 24, 31, с той только разницей, что верхняя граница здесь приходится на десяток лет позже.

С учетом этих обстоятельств можно сказать, что черепица с клеймами Πανθήρος | Νεοκλέους в основном залегала на уровне древнего дневного горизонта жизни постройки 144, который она и датирует (первые два десятилетия III в. до н.э.), будучи, по-видимому, остатками кровли здания⁶⁶.

Другой хронологический комплекс керамид, датируемый 370/60–350 гг., с формальной точки зрения, едва ли может претендовать на роль покрытия крыши здания 144⁶⁷. Здесь можно разве что строить догадки, например, что эти черепицы имели отношение к постройке, которая предшествовала зданию 144 и была полностью уничтожена его строительным котлованом. Но такое допущение не выглядит убедительным.

К тому же примерно горизонту (немного выше)⁶⁸, что и упомянутые выше здания, относится еще один интересный объект (123), который здесь охарактеризуем лишь самым кратким образом, не затрагивая проблемы его функциональной

⁶¹ Прил. 2002–2003, № 189, 195; Анохин 1999, № 62; 83.

⁶² Прил. 2002–2003, № 200; Анохин 1999, № 131.

⁶³ Прил. 2004, № 84, 83, 86; Анохин 1999, № 83; 131.

⁶⁴ Прил. 2004, № 87; Анохин 1999, № 83.

⁶⁵ Прил. 2005, № 46; 50, 51; Анохин 1999, № 140, 131.

⁶⁶ Если предположить, что крыша в течение времени подновлялась, то, исходя из датировки клейма βασιλική [трезубец] + дельфин, это должно было произойти не позднее 225–215 гг. (Анохин 1999, 200, № 140; Федосеев 2012, 95, 143, № 3318–3321). Если только эта единичная находка имеет отношение к кровле, а не попала сюда случайно уже после разрушения здания.

⁶⁷ Стоит, напомнить, что здание 460, построенное на рубеже V и IV вв. до н.э., тоже было покрыто черепицей, но ни одного клейма на ней не было обнаружено (Завойкин 2018).

⁶⁸ Подошва стен этого сооружения лежит на 0,12–0,21 м выше уровня –2,10 м (см. рис. 5, 2). Однако необходимо принимать во внимание заметное общее понижение поверхности холма (материка) на этом участке с Ю–ЮВ на С–СЗ.

идентификации (В.Д. Кузнецов предположительно отнес его к числу *templum in antis*). Это сравнительно небольшая ($6,05 \times 4,45/4,65$ м) постройка, расположенная в 2,45 м востоку от здания 144. Цоколь этого сооружения был возведен из хороших блоков пиленного известняка (в значительной части, использованных вторично). Ориентировано оно было по сторонам света, с небольшим (ок. 3°) отклонением к западу. Вход, по предположению исследователя, располагался с восточной стороны. Северная стена не сохранилась⁶⁹.

В слое, связанном с разрушением (?) этого комплекса (кв. 26–27, шт. 16–17), в числе прочего найдены 12 клейм: 11 амфорных (Фасос – 2, неустановленного центра (Менда?) – 1, Гераклея – 3, Родос – 1, Херсонес – 1, Синопа – 3) и одно черепичное (Боспор). Для нас сейчас важны датировки клейм Родоса, Синопы и Боспора⁷⁰.

Единственное родосское клеймо – уже знакомого нам фабриканта Σωτῆ (вокруг «шапки Диоскуров»), подгрупп Ib–Ic, датируемое ок. 270–235 гг. до н.э.⁷¹ Клейма на амфорах южнопонтского полиса датируются в пределах конца IV – первых десятилетий III в. до н.э.⁷² Боспорское клеймо Πανθῆρος | Νεοκλέους на черепице (найденное, в отличие от предыдущих, в шт. 17) отнесено В.А. Анохиным к 293–283 гг.⁷³ Осталось лишь добавить, что в нижележащем штыке (18) было найдено еще одно синопское клеймо, датируемое В.И. Кацем 50-ми – серединой 10-х гг. III в. до н.э.⁷⁴

Как можно видеть, хронологические характеристики находок из слоя разрушения постройки 123 совершенно аналогичны характеристикам клейм из засыпки полуподвала здания 144. Иначе говоря, обе постройки прекратили существование *не ранее* последней трети III в. до н.э.

Функциональная принадлежность. О назначении общественного здания 144 при отсутствии каких-либо атрибутивных находок судить сложно, тем более что затруднительно решить, в какой степени планировка заглубленной части постройки может быть соотнесена с планом наземной ее части.

С одной стороны, само наличие полуподвала, казалось бы, исключает вероятность культовой атрибуции здания. Однако недавние открытия в Фанагории двух построек с подвалами (783, второй половины VI в. до н.э.; 835, первой половины V в. до н.э.), несомненно связанных с религиозно-культовой деятельностью⁷⁵, заставляют быть более осторожными. Ничто не мешает думать, что и в период поздней классики – эллинизма на акрополе города могли использоваться формы культовых зданий аналогичные тем, что известны в предшествующие века. С учетом того, что полуподвальные помещения ничуть не более характерны для граж-

⁶⁹ Если принять предложенную им реконструкцию (поместить северную стену симметрично южной относительно оси 3–В, через предполагаемый вход), постройка получится квадратной в плане (Кузнецов 2003, 4–5).

⁷⁰ Монограммное клеймо Херсонеса (АЕ в лигатуре – Кац 1994, табл. СII, 2А, 13) не представляет особой ценности для датировки.

⁷¹ Прил. 2002–2003, № 164; Finkielsztein 2001, 188.

⁷² Прил. 2002–2003, № 123, 129 (Кац 2007, 434, МГ III, № 12, 23: конец 20-х гг. IV – начало III в. до н.э.); № 130 (Кац 2007, 435, МГ IV, № 12: 90–80-е гг. III в. до н.э.).

⁷³ Прил. 2002–2003, № 200; Анохин 1999, № 131.

⁷⁴ Прил. 2002–2003, № 124; Кац 2007, 436, МГ VIId, № 36.

⁷⁵ Кузнецов 2019, 405–413.

данских общественных построек (в частных домах они хорошо известны), предположение, что мы имеем дело с остатками храма, не выглядит совершенно уж бесосновательным, хотя, конечно, не может считаться доказанным.

Согласно реконструкции, предложенной В.Д. Кузнецовым, внутреннее пространство здания (полуподвала) делилось на три помещения: северное и среднее одинаковой площади (26,5 м²), а южное – примерно в полтора раза больше (41,8–42,6 м²). Поскольку нет сомнений в том, что вход в здание располагался с северной стороны (открыт в сторону моря), очевидно, что южное помещение было «главным». Заглубленные в нем относительно пола в полуподвале прямоугольные плиты (*in situ* сохранилась только одна из двух), расположенные по центральной продольной его оси (З–В), возможно, не только служили основаниями опор, поддерживающих межэтажное перекрытие, но и отражают членение наземного яруса южного помещения на зоны (при помощи колонн или столбов). Проходы между помещениями, по всей видимости, располагались вдоль единой оси – с севера на юг.

Соотношение поперечной (З–В) и продольной (С–Ю) осей постройки составляет ок. 10: 14 (0,71), что целом не характерно для большинства ордерных храмовых зданий, имеющих более вытянутые пропорции. Кроме того, при трехчастном делении храма (*пронаос*, *наос*, *адитон*) задняя комната всегда была размерами меньше центральной, в которой обычно располагалась культовая статуя божества. Хороший пример дает храм Артемиды в Бравроне начала V в. до н.э., соотносимый по длине фасада с фасадом постройки 144 (подсказывающий, кстати, возможный вариант его решения; рис. 7, 1а)⁷⁶. Постройка на акрополе Фанагории своей планировкой скорее напоминает здания типа мегарона⁷⁷. Всякого рода суждения о вероятных причинах воспроизведения здесь такой архаичной формы будут бесплодны хотя бы уже потому, что мы не можем считать установленным культовый характер здания.

Предложенный вариант планировочного решения (четырехколонный храм в антах) встречает, кроме прочего, существенное затруднение технического характера: если северное его открытое помещение (портик) имело под собой полуподвал, в чем был его смысл и как он мог быть перекрыт? Вопросы эти ставит в тупик. С одной стороны, предполагать, что фундаменты здания все-таки были «ленточными» без заглубленного этажа сложно, принимая в расчет различия в характере внутреннего и внешнего фасов кладки 144а, а особенно в виду того, что ниже уровня современной зданию дневной поверхности внутри были найдены клейма середины – второй половины III в. до н.э. (что объяснимо только в том случае, если признать, что мы имеем дело с заглублением). Правда, кв. 24 полностью, а кв. 31 половиной площади располагаются в южном и центральном помещениях. Не дает ли нам это обстоятельство «подсказку»: быть может, полуподвальный ярус здания имелся только в этих двух помещениях? Впрочем, такое предположение, признаю, выглядит малоубедительным⁷⁸ и не находит дополнительной аргументации.

⁷⁶ См. Hellmann 2006, 72, fig. 86. Соотношение осей ок. 9 : 17 (0,53).

⁷⁷ Cf. Hellmann 2006, 36, fig. 31 (Микены).

⁷⁸ Смушают здесь и характеристики обрывков кладки северной стены-перегородки: ее ширина, напомним, ок. 0,62–0,64 м, что примерно на 0,20–25 м меньше, чем у внешней стены фундамента

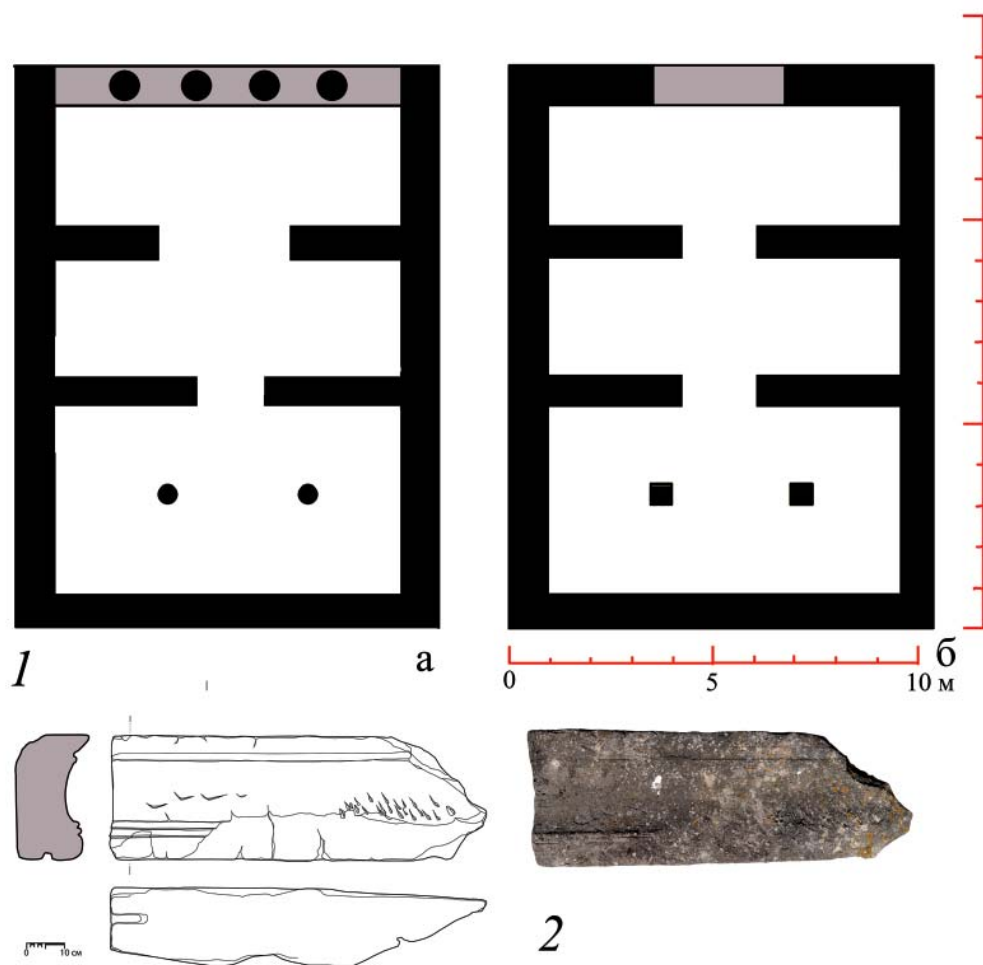

Рис. 7. 1 – варианты (а, б) реконструкции плана здания 144; 2 – архитектурная деталь (плинф?)

Однако если отказаться от такого допущения, встанет другой вопрос – о характере оформления фасада здания. Допустить, что он был «глухим» для такой довольно крупной постройки тоже проблематично, но возможно. Близкие по длине фасада размеры находим в святилище Аполлона в Кирене – это казнохранилище стратегов IV в. до н.э., оформленное по бокам фасада пилястрами, на которые опирается дорический антаблемент и фронтон⁷⁹. Поскольку для предположения о вероятности простильного оформления фасада в нашем распоряжении не имеется абсолютно никаких данных, предложенный вариант представляется более предпочтительным (рис. 7, 1б).

144а. Это странно с учетом того, что торцевые фундаменты стен здания несут на себе максимальную нагрузку.

⁷⁹ Hellmann 2006, 114, fig. 145 (реконструкция). Аналогичные по оформлению фасадов сокровищницы меньших размеров известны весьма широко.

К сожалению, в нашем распоряжении нет и достоверных элементов ордера, которые могли бы подсказать ответ на поставленные вопросы. Уже приходилось отмечать находки двух половинок дорических капителей первой половины IV в. до н.э., одна из которых была найдена в близлежащей от СЗ угла здания яме (230), а другая – рядом с нижними камнями у стены 144г.⁸⁰ Разумеется, как не было, так и нет возможности уверенно судить, имели ли они отношение к фасаду здания 460 или же 144 (протяженность по фасаду обеих построек примерно одинакова). Помимо этого, в заполнении полуподвала было найдено только два обломка профилированных блоков – это фрагменты «орфостатов», один⁸¹ из которых был найден рядом с ЮЗ углом центрального помещения, на уровне нижнего ряда камней кладок (рис. 7. 2; место находки меньшего по размерам блока осталось мне неизвестным). Установить местоположение этих блоков в конструкции здания я не могу. Уверенно можно сказать только то, что, судя по грубой обработке участка лицевой поверхности (хорошо видны следы троянки), она должна была штукатуриться, а значит – эти детали принадлежат наземной части здания.

Подведем некоторые итоги. Плохая сохранность здания 144 не дает возможности с желаемой точностью определить планировку и реконструировать его объемное решение, что, безусловно, не способствует и определению его функционального назначения. Не вполне точно могут быть определены даты постройки здания и его гибели. Вместе с тем, удалось достоверно определить, что постройка служила общественным нуждам (скорее все-таки гражданским, чем религиозно-культовым). Особенностью здания было наличие в нем полуподвального яруса из трех помещений; аналогичным, вероятно, было и членение внутреннего пространства наземной части здания. Наибольшее по площади южное помещение, по всей видимости, имело внутри две дополнительные опоры (колонны или столбы), разделявшие его площадь на участки. Вход в здание располагался с северной стороны. Не может быть сомнений в том, что здание, ориентированное с севера на юг, имело двухскатную черепичную крышу. Сугубо предположительно допустимо считать, что партия боспорских черепиц, употребленных для кровли, имела клейма Πανθῆρος | Νεοκλέους, которые В.А. Анохин датирует ок. 293–283 гг., но датировка эта, конечно, во многом условная. Имеются некоторые основания думать, что эта общественная постройка продолжает функционировать *по крайней мере* до последней трети III в. до н.э. Однако нельзя полностью исключать и вероятность того, что оно было разобрано уже в конце следующего столетия.

Поскольку при сооружении здания 144 был вырыт довольно глубокий котлован, уничтоживший на площади ок. 135 м² почти на ней почти весь нижележащий слой, мы лишены возможности судить о том, что располагалось на этом месте акрополя раньше. Лишь северо-западный угол здания покоится на сохранившемся слое от середины V до середины VI в. до н.э. (что обусловлено значительным понижением материка в этой части раскопа). Если фундамент западной стены

⁸⁰ Завойкин 2018, 112, 115, рис. 21. К сожалению, тогда я не обратил должного внимания на то, что яма 320, суммарно датируемая III–II вв. до н.э. (Кузнецов 2007, 92) располагается строго в СЗ углу здания 144, т.е. лежавшая выше капитель тоже находилась в этой яме (контуры которой определены позже, на зачистке примерно на уровне подошв кладок 144в-г после их разборки).

⁸¹ Его габариты: 0,99 × 0,325 × 0,24 м.

перекрыл грунтовые котлованы 70-х гг. V в. до н.э., то северо-западный угол здания 144 лежал над юго-восточной частью общественного здания (300) второй половины VI – начала V в. до н.э.⁸²

К сожалению, длительный временной интервал (ок. 470–400 гг. до н.э.) в этой части общественного центра Фанагории остается для нас «темным пятном». Известно, что к северу и западу от него до середины V в. до н.э. продолжают функционировать общественные здания (296, 464), небольшой сырцовый храм с подвалом (835), здание частного (?) характера (677) и др. Во второй же половине V в. до н.э. до сих пор известна единственная наземная постройка – это сырцовый храмик (743)⁸³, который пришел на смену сгоревшему в пожаре небольшому храму с подвалом (835), погибшему вместе со всеми другими постройками этого района.

Отсутствие остатков других построек второй половины столетия говорит о том, что где-то в самом начале IV в. до н.э. здесь происходит радикальная перестройка, в результате которой, в частности, появляется комплекс сооружений, центральным элементом которого было здание, построенное на мощном фундаменте (460), погибшее в сильном локальном пожаре 50-х гг. того же столетия⁸⁴. Для нас сейчас важно понять, каким образом это здание соотносится со зданием 144.

Между этими двумя постройками всего 4,38 м⁸⁵. Фасад здания 460 был обращен на восток. Если бы какое-то время оба здания функционировали синхронно, взгляд выходившего из портика здания 460 упирался бы в глухую стену, а фасад самого этого здания был бы практически полностью закрыт от стороннего наблюдателя. Иначе говоря, взаиморасположение этих двух построек противоречит здравому смыслу. В пользу того, что общественное здание 144 было построено уже после того, как здание 460 погибло и кладки его стен разобраны говорит и то, что, вероятно, некоторые обгоревшие в пожаре камни из кладок были использованы в кладках стен 144-го (см. выше). Не следует также упускать из виду различия в ориентировке двух построек: одна (460), наследуя ориентировку зданий предшествующих периодов, отклоняется от истинных сторон света (к С-СЗ), а другая (144) сориентирована по ним строго⁸⁶.

Из этого следует, что здание 144 не могло быть построено раньше середины IV в. до н.э. Главным остается вопрос – насколько позже? Отсутствие датирующих находок, связанных непосредственно с актом постройки здания, заставляет опи-

⁸² О нем см. Завойкин, Кузнецов 2011.

⁸³ Этой постройке крайне не повезло. В результате того, что над его руинами, прямо поверх сырцовых стен, позднее легли каменные фундаменты стен храма в антах следующего периода (675), а в IV в. н.э. над ним была построена винодельня, цистерны которой практически полностью разрушили восточную стену храма, наконец, в середине XIX столетия над ним прошла траншея И.Е. Забелина, со дна которой был еще выкопан шурф (сажень на сажень), прорезавший остатки и этого храма и, частично, нижележащего – сохранность объекта 743 оставляет желать лучшего.

⁸⁴ О нем подробно см.: Завойкин 2018.

⁸⁵ Загадочный фундаментальный объект 169, определенно связанный со зданием 460, «обрывается» в 2,08 м от западного фаса стены 144в. С учетом поперечных размеров этого объекта (2,25–2,30 м), если бы он даже прямо с этого места поворачивал к югу, его трасса прошла бы через юго-западный угол здания 144.

⁸⁶ Строгую широтную ориентировку выдерживают пропилеи, располагавшиеся примерно в 8,5 м к северу от фасада здания 144. Стоит отметить тот факт, что частично они стоят поверх северного края традиционной (со времени основания Фанагории) улицы, протяженной с запада на восток с отклонением к северу.

раться на косвенные критерии. Если исходить из вполне правдоподобного предположения, что какая-то часть обломков черепичной крыши здания оказалась после его разрушения в засыпи полуподвала, то датировки черепичных клейм указывают на два возможных временных интервала: ок. 360–350 гг. или ок. 293–283 гг. Первый из них синхронизует (в пределах десятилетия) постройку здания 144 с гибелью 460-го (довольно многочисленные клейма более позднего периода в этом случае должны соотноситься с масштабным ремонтом крыши). Принятие же второго варианта будет иметь следствием более чем полувековую лакуну в застройке общественного центра Фанагории, объяснить которую не пока представляется возможным. В итоге следует склониться к изначальной датировке постройке?

Столь же альтернативно решение вопроса о финальной дате жизни здания. Если исходить только из выборки клейм достоверно происходящих из засыпи полуподвала, как *terminus post quem* следует принять раннюю дату этого события – ок. 10-х гг. III в. до н.э. В этом случае нам нечем будет заполнять лакуну протяженностью в целое столетие (до конца II в. до н.э.). Если же эту выборку дополнить находками из квадратов, лишь частично входивших в площадь полуподвала, прекращение функционирования здания следует соотносить с перепланировкой данного района акрополя под строительство дворцового комплекса Митридата Евпатора.

Однозначное решение этих альтернатив при имеющемся состоянии источника нереально. С уверенностью можно говорить лишь о том, что длительное время (минимально – несколько меньше века, максимально – два с половиной столетия) здесь, на акрополе Фанагории, функционировало большое общественное здание, скорее всего гражданского назначения, с полуподвалом. Для каких целей использовалась заглубленная часть постройки остается неизвестным. Было ли здание разобрано на камень ближе к концу III в. до н.э. или же на столетие позже (к чему субъективно склоняюсь), факт в том, что с утверждением на Боспоре власти Митридата VI в истории Фанагорийского акрополя (как всего полиса и государства в целом) наступает новый период. Очень похоже, что камни из стен общественного полисного здания были употреблены для фундаментов резиденции нового владыки Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Гайдукевич, В.Ф. 1934: Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). *ИГАИМК* 104, 211–315.
- Завойкин, А.А. 2018: Общественное здание 4 в. до н.э. на акрополе Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 (Фанагория. Т. 6). М., 101–141.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2011: Древнейшее общественное здание в Фанагории. *ПИФК*. 4, 188–198.
- Кац, В.И. 1994: *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов.
- Кац, В.И. 2007: *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Опыт комплексного изучения* (БИ. Вып. 18). Симферополь– Керчь.
- Кузнецов, В.Д. 2003. *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2002 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №27068, альбом № 27069–27071. М.

- Кузнецов, В.Д. 2004: *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 2003 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 28416, альбом № 28417–28418. М.
- Кузнецов, В.Д. 2005: *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2004 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 26296, альбом № 26297–26299. М.
- Кузнецов, В.Д. 2006: *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2005 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 26303, альбом № 26304. М.
- Кузнецов, В.Д. 2007: *Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2006 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 27163, альбом 27164. М.
- Кузнецов, В.Д. 2010: Фанагория – столица Азиатского Боспора. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 431–469.
- Кузнецов, В.Д. 2011: Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город»). В сб.: *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований* (Методика полевых археологических исследований. Вып. 4). М., 117–130.
- Кузнецов, В.Д. 2018: Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики). В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии Фанагории*. Вып. 4 (Фанагория. Т. 7). М., 117–135.
- Кузнецов, В.Д. 2019: Древнейшая Фанагории: некоторые проблемы. *ДБ* 24, 398–416.
- Федосеев, Н.Ф. 2016: *Керамические клейма*. Т. 2. *Гераклея Понтийская*. Керчь.
- Шелов, Д.Б. 1954: К истории керамического производства на Боспоре. *СА* 21, 119–130.
- Шелов, Д.Б. 1956: Керамические клейма из раскопок Фанагории. *МИА* 57, 128–153.
- Conovici, N. 1998: *Les timbres amphoriques. 2. Sinope* (Histria. Vol. VIII). București –Paris.
- Finkelsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des eponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan* (BAR IS 990). Oxford.
- Hellmann, M.-C. 2006: *L'Architecture Grecque*. Vol. 2. *Architecture religieuse et funéraire*. Paris.
- Garlan, Y. 1999: *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasien et Thasien anciens* (Études Thasiennes. Vol. XVIII). Paris.
- Кас, V.I. 2003: A New Chronology for the Ceramic Stamps of Heraklea Pontike. In: P. Guldager Bilde, J. Munk Højte, V.F. Stolba (eds.), *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday* (BSS. Vol. 1), 261–278.
- Kuznetsov, V., Zavoikin, A. 2014: On the Archaeological Topography of Phanagoria. In: N. Pov-
alahev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Altertümer Phanagoreias*. Bd. 3. Göttingen, 29–52.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [History of Cimmerian Bosphorus]. Kiev.
- Conovici, N. 1998: *Les timbres amphoriques. 2. Sinope* (Histria. Vol. VIII). București –Paris.
- Fedoseev, N.F. 2016: *Keramicheskie kleyma. Gerakleya Pontiyskaya* [Ceramic Stamps. Heraklea Pontica]. Т. 2. Керчь.
- Finkelsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des eponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan* (BAR IS 990). Oxford.
- Garlan, Y. 1999: *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasien et Thasien anciens* (Études Thasiennes. Vol. XVIII). Paris.
- Gaydukevich, V.F. 1934: Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora (bosporskie cherepitsy) [Construction ceramic materials of the Bosphorus (Bosporan tiles)]. *Izvestiya gosudarstvennoy akademii material'noy kul'tury* [Transactions of the State Academy of material culture] 104, 211–315.
- Hellmann, M.-C. 2006: *L'Architecture Grecque*. Vol. 2. *Architecture religieuse et funéraire*. Paris.

- Kac, V.I. 2003: A New Chronology for the Ceramic Stamps of Heraklea Pontike. In: P. Guldager Bilde, J. Munk Højte, V.F. Stolba (eds.), *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday* (BSS. Vol. 1), 261–278.
- Kats, V.I. 1994: *Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel'* [The ceramic stamps of Taurian Chersonesos. The Catalog-determinant]. Saratov.
- Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma. Opyt kompleksnogo izucheniya* [Greek ceramic stamps of the Classic and Hellenistic eras. Experience of complex studying] (Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies. Vol. 18]). Simpheropol–Kerch.
- Kuznetsov, V., Zavoikin, A. 2014: On the Archaeological Topography of Phanagoria. In: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Altertümer Phanagoreias* 3. Göttingen, 29–52.
- Kuznetsov, V.D. 2003. *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2002 g.* [The report on work of the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2002]. Archive of IA RAS. P-1. No. 27068, Album No. 27069–27071. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2004: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2002 g.* [The report on work of the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2003]. Archive of IA RAS. P-1, No. 28416, Album No. 28417–28418. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2005: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2002 g.* [The report on work of the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2004]. Archive of IA RAS. P-1, No. 26296, Album No. 26297–26299. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2006: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2002 g.* [The report on work of the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2005]. Archive of IA RAS. P-1, No. 26303, Album No. 26304. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2007: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2006 g.* [The report on work of the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2006]. Archive of IA RAS. P-1, No. 27163, Album No. 27164. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2010: Fanagoroya – stolitsa Aziatskogo Bospora [Phanagoria – the capital of Asian Bosphorus]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient heritage of Kuban]. I. Moscow, 431–469.
- Kuznetsov, V.D. 2011: Zametki o kul'turnom sloe Fanagorii (po materialam raskopa "Verhniy Gorod") [Notes about layers of Phanagoria (on excavations of trench "The Upper City")]. In: A.A. Maslennikov, A.A. Zavoykin (eds.), *Grecheskie i varvarskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya. Opyt rossiyskikh i ukrainskikh polevykh issledovaniy* [Greek and barbarian sites of Northern Black Sea Coast. Experience of methods of the Russian and Ukrainian field researches] (Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy [Methods in field archaeological researches]. Vol. 4). Moscow, 117–130.
- Kuznetsov, V.D. 2018: Domostroitel'stvo Severnogo Ponta (epokha arkhaiskaya) [A house-constructing in Northern Pontus (an archaic era)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii Fanagorii* [Materials on archaeology of Phanagoria]. 4 (Phanagoria. Vol. 7). Moscow, 117–135.
- Kuznetsov, V.D. 2019: Drevneyshaya Fanagoria: nekotorye problemy [Earliest Phanagoria: some aspects]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 24, 398–416.
- Shelov, D.B. 1954: K istorii keramicheskogo proizvodstva na Bospore [To history of ceramic production on Bosphorus]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archaeology] 21, 119–130.
- Shelov, D.B. 1956: Keramicheskie kleyma iz raskopok Fanagorii [The ceramic stamps from excavations at Phanagoria]. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 57), 128–153.
- Zavoykin, A.A. 2018: Obshchestvennoe zdanie 4 v. do. n.e. na akropole Fanagorii [The public building of the 4th century BC on the Phanagorian acropolis]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Za-

voykin (eds.), *Materialy po arheologii Fanagorii* [*Materials on Archaeology of Phanagoria*] 3 (Phanagoria. Vol. 6). Moscow, 101–141.

Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2011: Drevneyshee obshchestvennoe zdanie v Fanagorii [The most ancient public building in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 188–198.

THE HELLENISTIC PUBLIC BUILDING ON THE ACROPOLIS OF PHANAGORIA

Alexey A. Zavoykin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
bospor@inbox.ru

Abstract. A big public building with a semi-cellar (depth 1,20 m) was excavated on the acropolis of Phanagoria in 2002–2005. Its internal space is divided into three rooms: the northern and central rooms are of the same square (26,5), and the southern room is one and a half times more (42,6 m²). It is impossible to define a functional purpose of the building. Most likely, it served for civil purposes though it is impossible to exclude probability of its religious and cult appointment completely. The serious problem is to determine the dates of its construction and the end. Answers to these questions are possible only the alternative. The analysis of the amphorae and tile stamps from a layer of filling of a semi-cellar, and also research of planning and a stratigraphy of the dug-out site of an acropolis lead us to the following conclusions. Construction of the public building should be referred or to the middle of the 4th c., or the beginning of the 3rd centuries BC, and its destruction – to the end of the 3rd c. or the end of the 2nd centuries BC. The author suggests the earlier date of construction and later date of the cessation of life of the building is more preferable. The final date corresponds to re-planning of the Phanagorians acropolis and to construction here a palace of Mithradates VI Eupator.

Keywords: Phanagoria, acropolis, city planning, public building, semi-cellar, Hellenism, chronology, periodization

---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2019), 322–346
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2019), 322–346
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-322–346

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В УРОЧИЩЕ «АДЖИЭЛЬ» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия*
parosta@mail.ru, s-yartsev@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые в полном объёме публикуются материалы раскопок 2016–2018 гг. городища «Белинское» в Восточном Крыму, относящиеся к каменному веку. В научный оборот вводится большая коллекция изделий из кремня и других материалов (134 предмета), датируемых периодом от эпохи мустье до бронзового века. Анализ этого материала и условия его обнаружения позволяют определить местоположение нового поселения каменного века на восточном мысу холма городища «Белинское». В отличие от других боспорских городищ, где памятники каменного века оказались разрушенными в античное и более позднее время, на восточном мысу холма городища «Белинское», участки культурного слоя поселения каменного века хорошо сохранились. Однако, если южная, ограниченная склоном холма, восточная и, частично, северная границы этого поселения к настоящему времени определены, то в западном направлении участки ещё не изучены и это открывает хорошие перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище «Белинское», каменный век, изделия из кремня, неолитическая керамика, поселение

Данные об авторах: Зубарев Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; Ярцев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

Урочище Аджиэль является одним из районов Восточного Крыма, игравшим важную роль в древности. Балка Аджиэль, идущая по направлению северо-запад–юго-восток труднопроходима, отгораживает значительную часть Керченского полуострова и служит одним из естественных защитных рубежей Восточного Крыма. Наличие источников пресной воды способствовало заселению этой территории, по-видимому, уже в эпоху камня. Присутствие здесь памятников этого времени отмечает Л.Г. Мацкевой (два культурных слоя каменного века на поселении Алексеевка 1), отдельные изделия из кремня неоднократно встречались в ходе разведок среди подъёмного материала особенно в северной части балки в окрестностях городища «Белинское». Археологические предметы, относящиеся к каменному и бронзовому векам, найдены и непосредственно на городище в слоях античного времени.

Городище «Белинское» расположено на возвышенности, начинающейся от западного склона Аджиэльской балки и вытянутой в западном направлении в сторону Узунларского вала. Формирование природного ландшафта в этой части урочища проходило в типичном для Крымского Приазовья режиме¹. Наиболее возвышенные участки, расположенные к северу и северо-западу от городища, образовались на основе мшанковых рифов. Они состоят из крепких мшанковых известняков. В районе же самого городища балка прорезает более мягкие породы известняка-ракушечника и глины, образовавшихся в результате накопления межрифовых отложений. К югу и юго-востоку от городища простирается относительно ровная долина вплоть до следующей известняковой гряды.

Холм, на котором расположено городище «Белинское», в настоящее время представляет собой полностью задернованную возвышенность общей площадью 12,4 га. Наибольший перепад высот наблюдается в северо-восточной его части, где северный угол плато опускается к Аджиэльской балке значительно ниже, чем восточный. На всём протяжении центральная часть плато более возвышена, чем северо-западный и юго-восточный края, а юго-западный край ограничивается рвом, имеющим искусственное происхождение. Как показали раскопки в различных частях городища, такой ландшафт отчасти отражает природную конфигурацию местности до начала здесь антропогенных изменений.

Культурный слой, сформировавшийся на холме в результате жизнедеятельности человека, достигает 2,1 м. В нём отчётливо прослеживаются три основных горизонта, разделённые значительными временными отрезками: поздняя бронза (остатки поселения в южной части холма), римское и позднеантичное время (II – середина V в. н. э.), представлен по всей площади холма) и салтовский период (остатки поселения в восточной части холма). До недавнего времени остатки поселения периода поздней бронзы рассматривались нами как начальный этап освоения плато, на котором расположено городище «Белинское»². Однако, как показали раскопки 2016–2018 гг., в восточной части холма (раскоп «Восточный») имеется и более ранний горизонт, соотносимый с эпохой камня.

Этот участок представляет собой выступающий в сторону Аджиэльской балки мыс, резко обрывающийся по склону с восточной, юго-восточной и южной сторон. Он выше по уровню, чем северная и северо-западная части плато, но ниже,

¹ Клюкин, Корженевский 2004, 14–15.

² Зубарев, Смекалов 2014, 216.

Рис. 1. Городище «Белинское». Раскоп «Восточный». Снимок с дрона. Выделен участок распространения жёлтого суглинка с материалом каменного века

чем южная и юго-западная. Здесь наблюдается самый высокий уровень ракушечника, выходящего в древности на поверхность. Он представляет собой относительно ровный монолит, круто обрывающийся в сторону Аджиэльской балки. Участок серьёзно пострадал в годы Второй мировой войны. Дневная поверхность нарушена воронками от разрывов снарядов и следами оборонительных земляных сооружений. Возможно, часть плато по южной границе полностью разрушена.

Жёлтый ракушечник составляет основу большей части холма. Лишь в северный его угол сложен из более мягких пород жёлтой и серо-зелёной глины. На большей части исследованных участков городища ракушечник и глина перекрыты предматериковым суглинком жёлтого или желто-коричневого цвета. Этот же седимент заполняет естественные расщелины и углубления в материковой скале. В подавляющем большинстве слой стерилен. Однако в юго-западной части раскопа «Восточный» в 2016–2018 гг. был выявлен и исследован участок жёлтого суглинка площадью 150 кв. м, содержащий большое количество изделий из кремня. Максимальной мощности (0,4 м) этот слой достигает в южной части по краю холма и далее идёт с понижением в северном направлении, постепенно сходя к 0. Аналогичный слой в восточной части раскопа стерилен. В западном направлении расположен ещё не исследованный участок городища (рис. 1).

Слой жёлтого суглинка, содержащий изделия из кремня, существенно нарушен в ходе строительных работ в античный период. По-видимому, он частично перемещён и использовался при выравнивании поверхности на начальном этапе существования античного городища. В отдельных местах его прорезают хозяйственные ямы римского и позднеантичного времени. Однако несколько небольших участков не нарушены и сохранились *in situ*.

Методика полевых исследований, применяемая при выборке слоя жёлтого суглинка, заключалась в последовательном погоризонтальном вскрытии слоя на глубину 0,05 м с выявлением участков поздних перекопов и при тщательном просеивании выбранного грунта. Такая методика позволила выделить ненарушенные поздними перекопами участки и определить картину распределения кремнёвых изделий внутри слоя.

Общее количество артефактов, соотносимых с эпохой камня, составило 134 наименования (рис. 2–17). Подавляющее большинство из них из кремня. Лишь одно изделие (двухконцевой отбойник) сделано из камня другой породы (гранит). Наибольшая концентрация археологических предметов наблюдается в нижней части слоя, непосредственно лежащей на материковом ракушечнике (нивелировочные отметки от репера от 358 до 377 см в северной части участка и от 398 до 438 см в южной части). Несколько изделий было найдено в грунте заполнения естественной расщелины в материковой скале. Состав находок, полученных в результате исследований 2016–2018 гг. представлен в табл. 1.

Таблица 1.

Находки каменного и бронзового века из слоя жёлтого суглинка из раскопок городища «Белинское» (2016–2018 гг.)

Наименование и хронология	Количество	Материал
Отщепы	64	Кремень
Мустье	3	
Каменный век	61	
из них:		
Отщеп – подправка площадки нуклеуса	1	
поперечный скол нуклеуса	1	
с первичной коркой	1	
Отщепы с ретушью	10	Кремень
Каменный век	10	
из них:		
нуклевидный отщеп с ретушью	1	
заготовка наконечника или ножа?	1	
Пластины	11	Кремень
Каменный век	10	
Пластины с ретушью	12	Кремень
Мезолит/неолит	1	
Каменный век	11	
из них:		
обломок крупной пластины (нож?)	1	
обломок пластины со скошенным концом (трапеция?)	1	

Орудия на отщепах	8	Кремень
Каменный век		
Скребки	3	
Резцы	4	
Остриё	1	
Орудия на пластинах	11	Кремень
Палеолит		
Скребки	2	
Каменный век		
Скребки	3	
Резцы	2	
Острия/ножи	4	
Орудия	9	Кремень
Мустье		
Бифасы	1	
Скребки	1	
Неолит		
Резцы (краевые отщепы)	2	
Каменный век		
Проколки	1	
Остриё (боковой вкладыш наконечника)	1	
Отбойник двухконцевой		
Бронзовый век	1	Гранит
Наконечники	2	Кремень
Нуклеусы	5	Кремень
Мезолит	2	
Каменный век	3	
Обломки со следами термической обработки	4	Кремень

Хронология коллекции 2016–2018 гг. охватывает временной отрезок от периода мустье до бронзового века³. Из общего количества находок к периоду мустье могут быть соотнесены пять предметов: из них – 3 *отщепы* (рис. 9, 8; 17, 1, 5), 1 *бифас* (рис. 3, 4) и 1 *скребок* (рис. 15). Ещё два предмета – *скребки на пластине с ретушью по краям* – датируются эпохой палеолита (рис. 7, 2; 17, 3). С периодом мезолита можно соотнести два предмета – *одноплощадочный нуклеус* (рис. 17, 5) и *двухплощадочный карандашевидный нуклеус* (рис. 14, 2). К периоду неолита могут быть отнесены 2 *краевых отщепов резцов* (рис. 13, 5; 17, 4). Временем мезолита/неолита датируется *обломок пластины с микроретушью* (рис. 17, 6). К бронзовому веку относятся *треугольный наконечник с двухсторонней обивкой* (рис. 4, 1) и *обломок бифасиального наконечника* (рис. 13, 3). Однако в большинстве своём найденные артефакты датируются в широком диапазоне каменного века без возможности соотнесения их с более узкими временными рамками.

Среди находок наблюдается явное преобладание отщепов и пластин (72%), причём вторичную обработку (ретушь) имеют лишь 22% из них. Размеры большинства отщепов лежат в метрическом интервале 1,5–4 см и лишь шесть отщепов имеют более крупные пропорции от 4,3 до 6,6 см. Пластины представлены как обломками, так и целыми формами. Их размеры лежат в интервале от 2 до 4 см.

³ Определение изделий из кремня и их датировка в 2016–2017 гг. проведена К.Н. Гавриловым и М.Г. Жилиным (ИА РАН). Коллекция 2018 г. (25 предметов) рассматривалась по аналогии авторами статьи.

Небольшие отщепы, имеющие формы близкие к геометрическим, и хорошо отретушированные пластинки могли служить вставками вкладышевых орудий.

Орудия представлены 28 изделиями. 19 из них – орудия на отщепах и пластинках. Это скребки (рис. 4, 2, 5, 7; 7, 1, 2; 12, 4; 17, 3), резцы (рис. 4, 3, 10; 6, 1; 8, 1; 10, 2; 16, 1) и острия, часть из которых, вероятно использовалась в качестве ножей (рис. 4, 6; 6, 6, 8; 9, 6; 16, 7). Прочие орудия немногочисленны и включают 9 изделий: бифас (рис. 3, 4), скребок (рис. 15), два краевых отщепа резцов (рис. 13, 5; 17, 4), проколку (рис. 4, 11) и остриё (боковой вкладыш наконечника) (рис. 3, 1) из кремня, а также двухконцевой отбойник из гранита (рис. 10, 4).

Предметы каменного века в коллекции 2016–2018 гг. помимо изделий из камня представлены несколькими фрагментами орнаментированных стенок керамической посуды (рис. 18), относящихся к периоду позднего неолита. Тип орнамента наиболее близок к горнокрымской культуре⁴. Стоянки этого времени (Фронтонное I, Ленинское I, Тасуново I и некоторые другие) известны на Керченском полуострове. Это стоянки кукрекской традиции с элементами горнокрымской культуры⁵. Последние в нашем случае нашли отражение в орнаментации керамики.

Открытие нового памятника каменного века, с частично сохранившимся культурным слоем, на памятнике античного времени в Восточном Крыму событие неординарное. Изделия этого времени довольно часто встречаются на поселениях более позднего времени, однако чаще всего памятники каменного века оказались разрушенными в античное и более позднее время. Примером здесь могут служить городище «Артезиан», где находки каменного и бронзового века обнаружены среди подъёмного материала и в процессе раскопок, однако синхронный им слой отсутствует⁶, а также мезолитический памятник в урочище Биэли, где мезолитическая стоянка была разрушена функционированием в течение нескольких столетий татарской деревни⁷.

Сохранившиеся *in situ* участки культурного слоя периода каменного века на восточном мысу холма, на котором расположено городище «Белинское», позволяют достаточно уверенно локализовать именно здесь поселение этого времени, а материал, полученный в ходе раскопок 2016–2018 гг., указывает на длительный период его существования. И если южная, ограниченная склоном холма, восточная и, частично, северная границы этого поселения к настоящему времени определены, то в западном направлении участки ещё не изучены и это открывает хорошие перспективы для дальнейших исследований.

⁴ Буров 2006, 339.

⁵ Буров 2006, 176.

⁶ Куштан, Винокуров 2013, 202–205.

⁷ Шестаков 2017, 178–179.

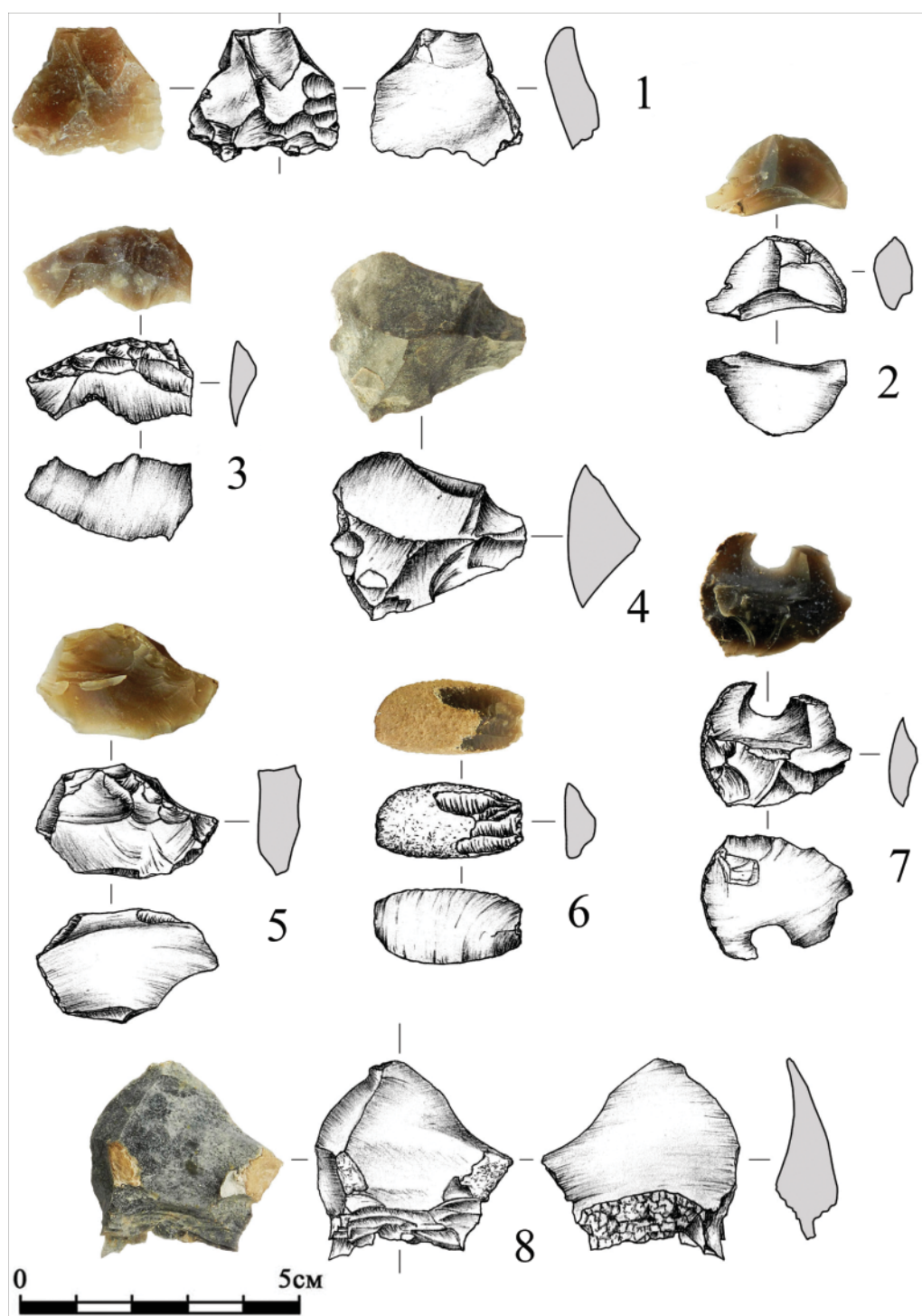

Рис. 2. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

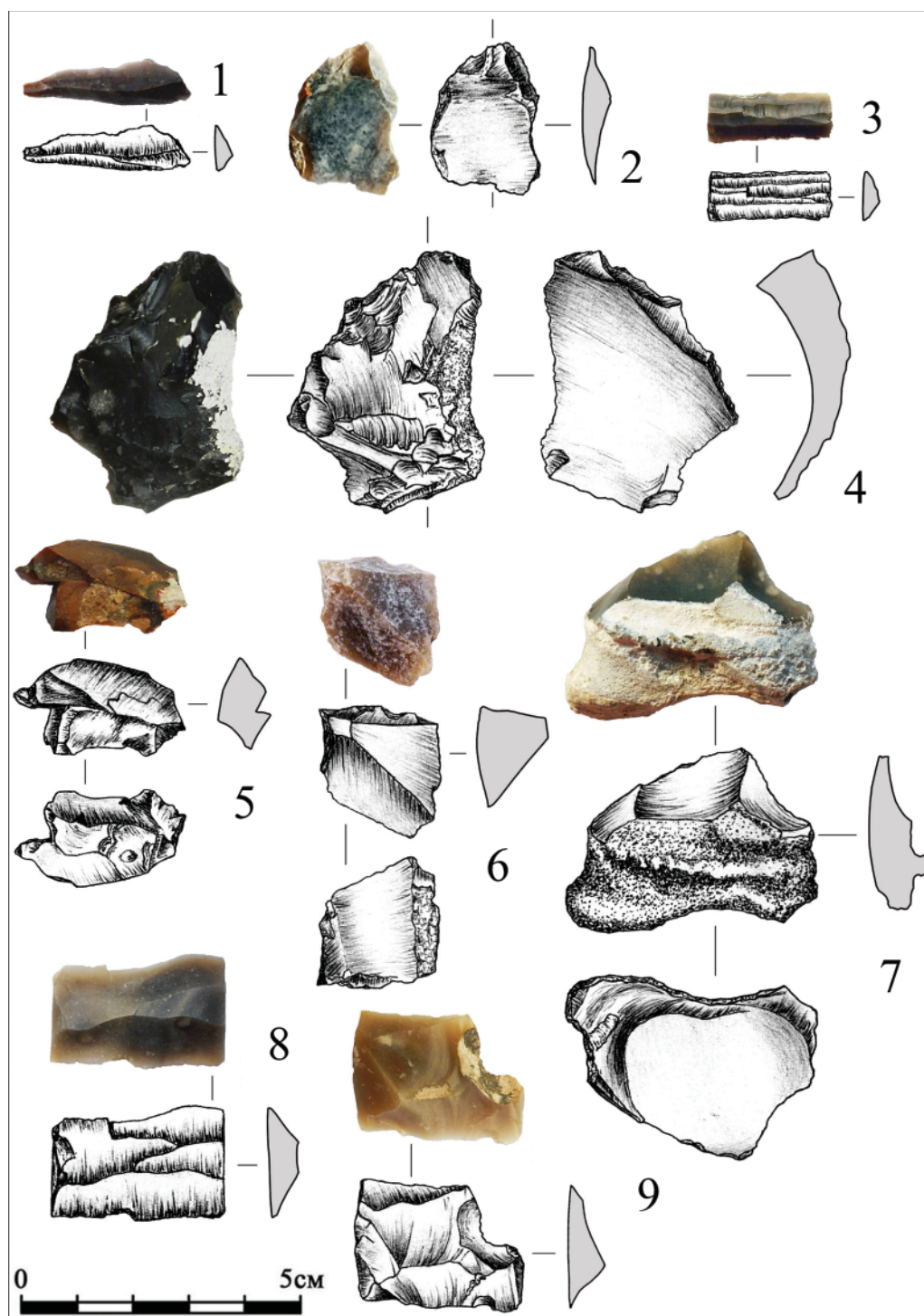

Рис. 3. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

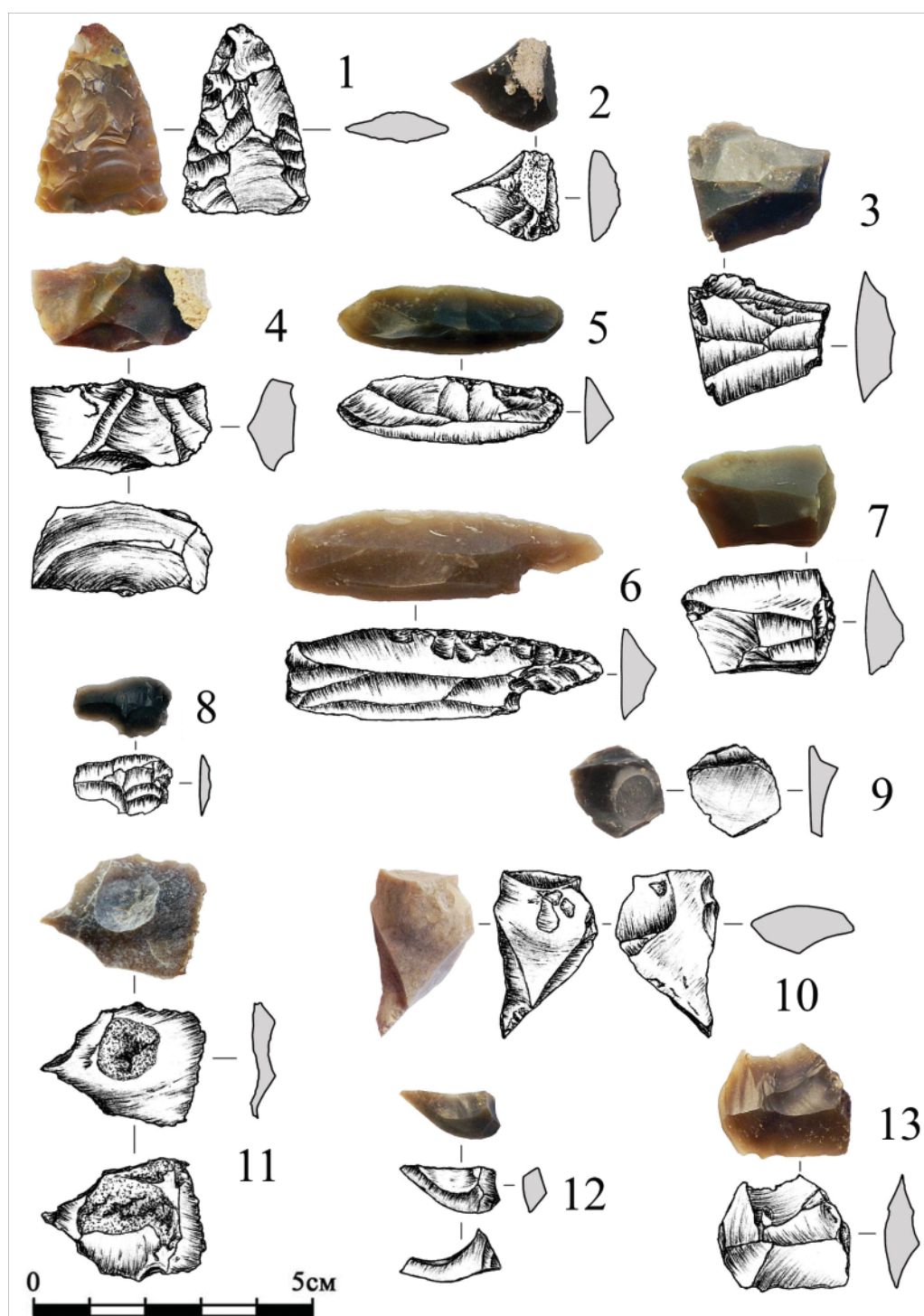

Рис. 4. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

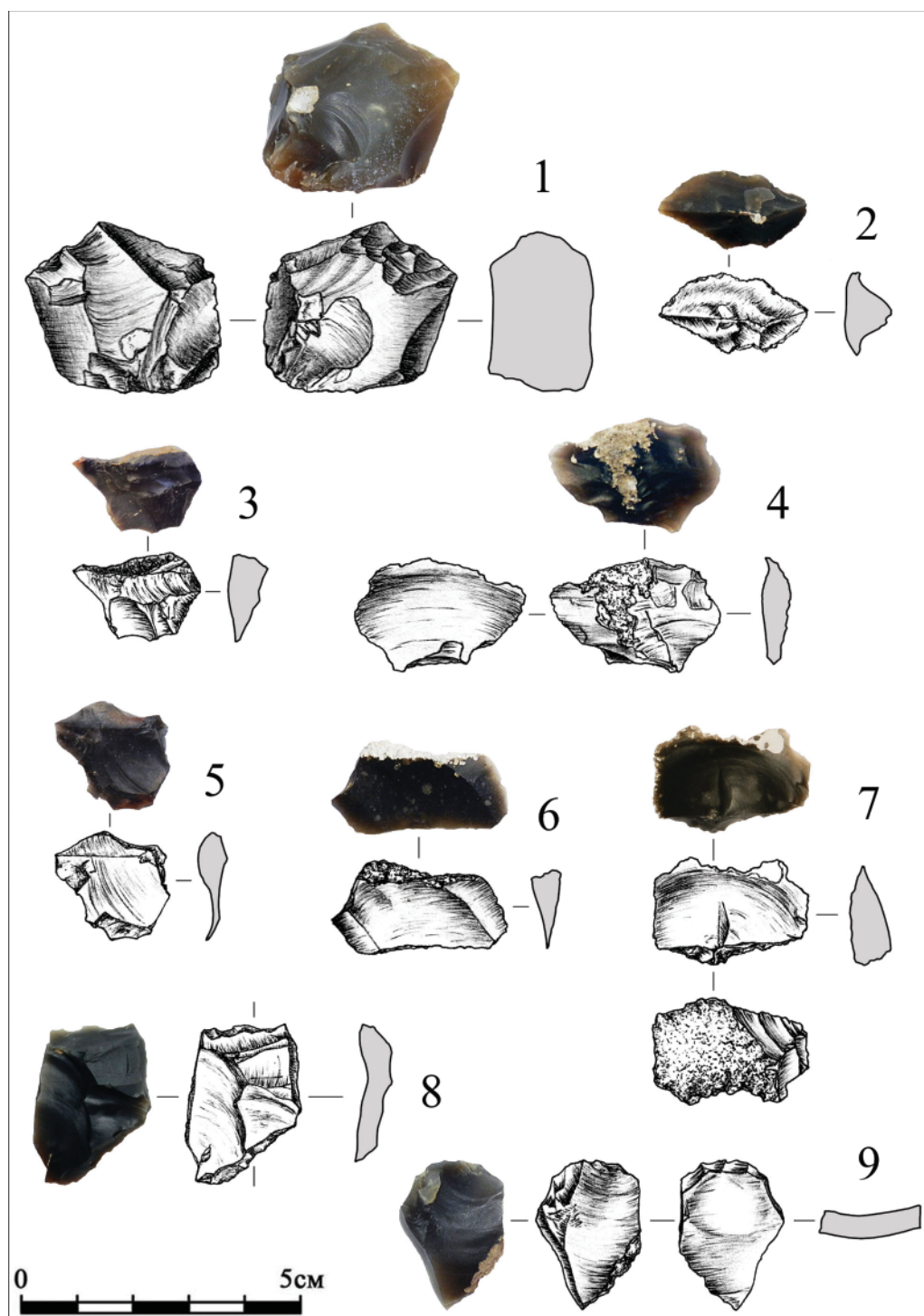

Рис. 5. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

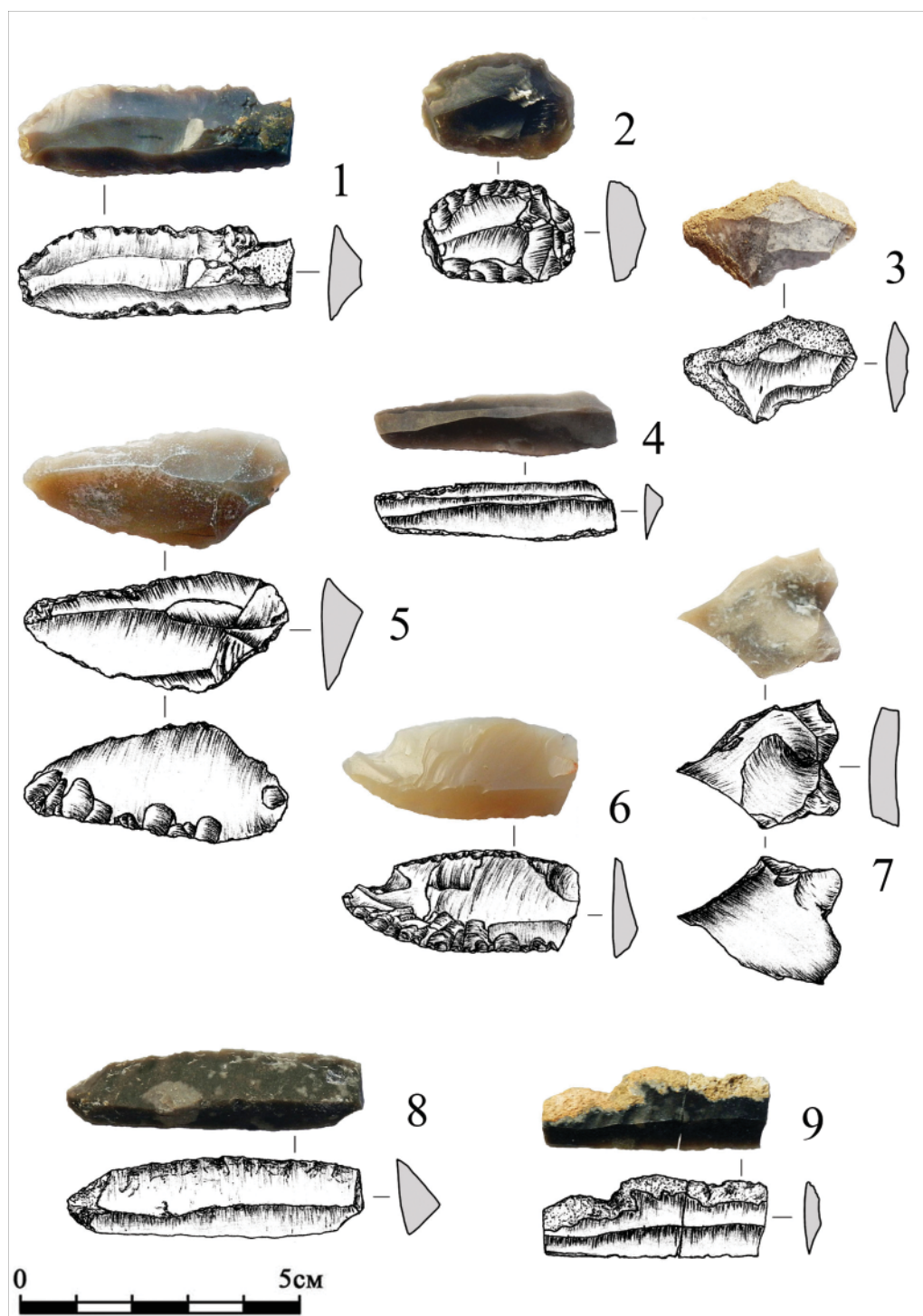

Рис. 6. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

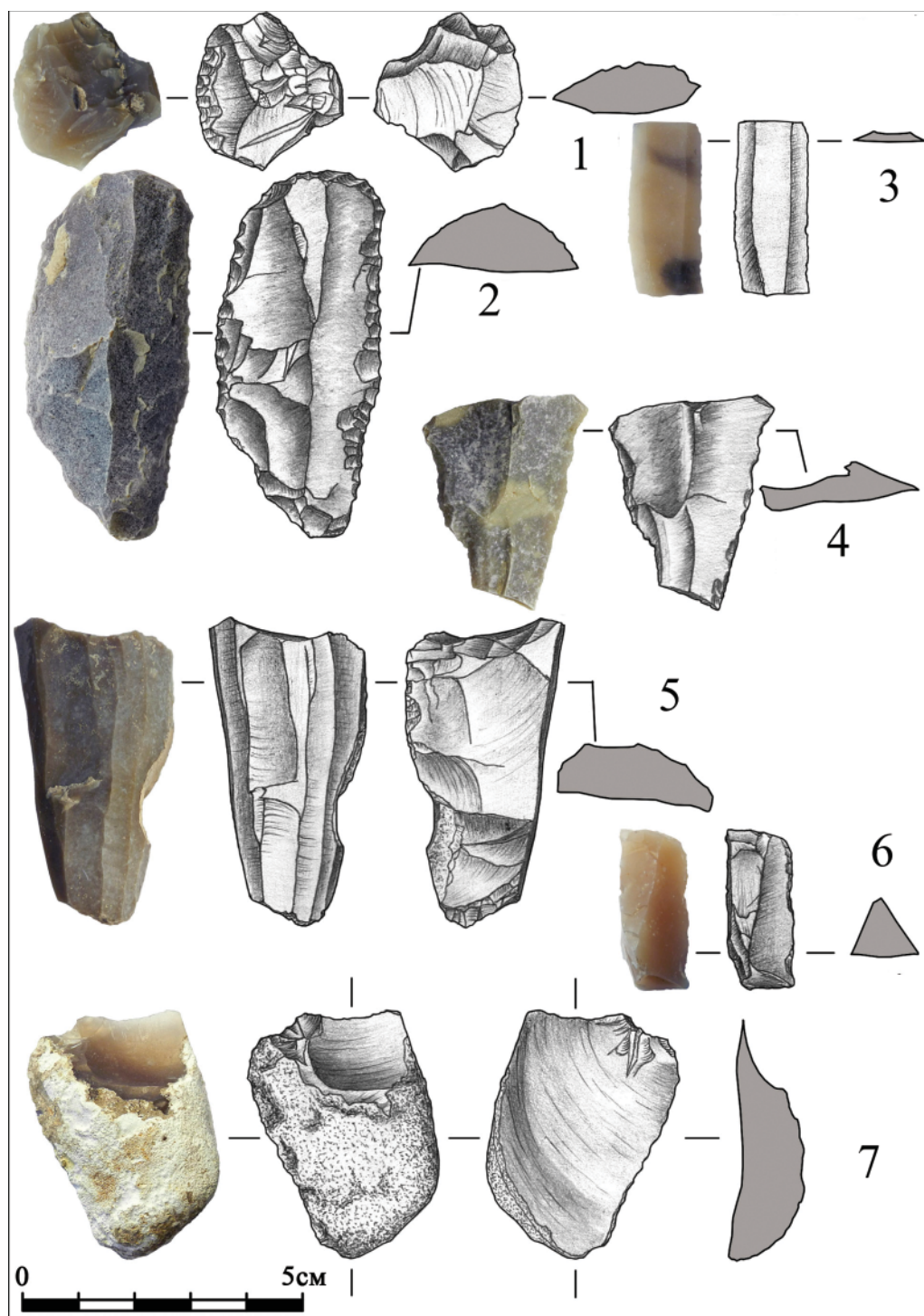

Рис. 7. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

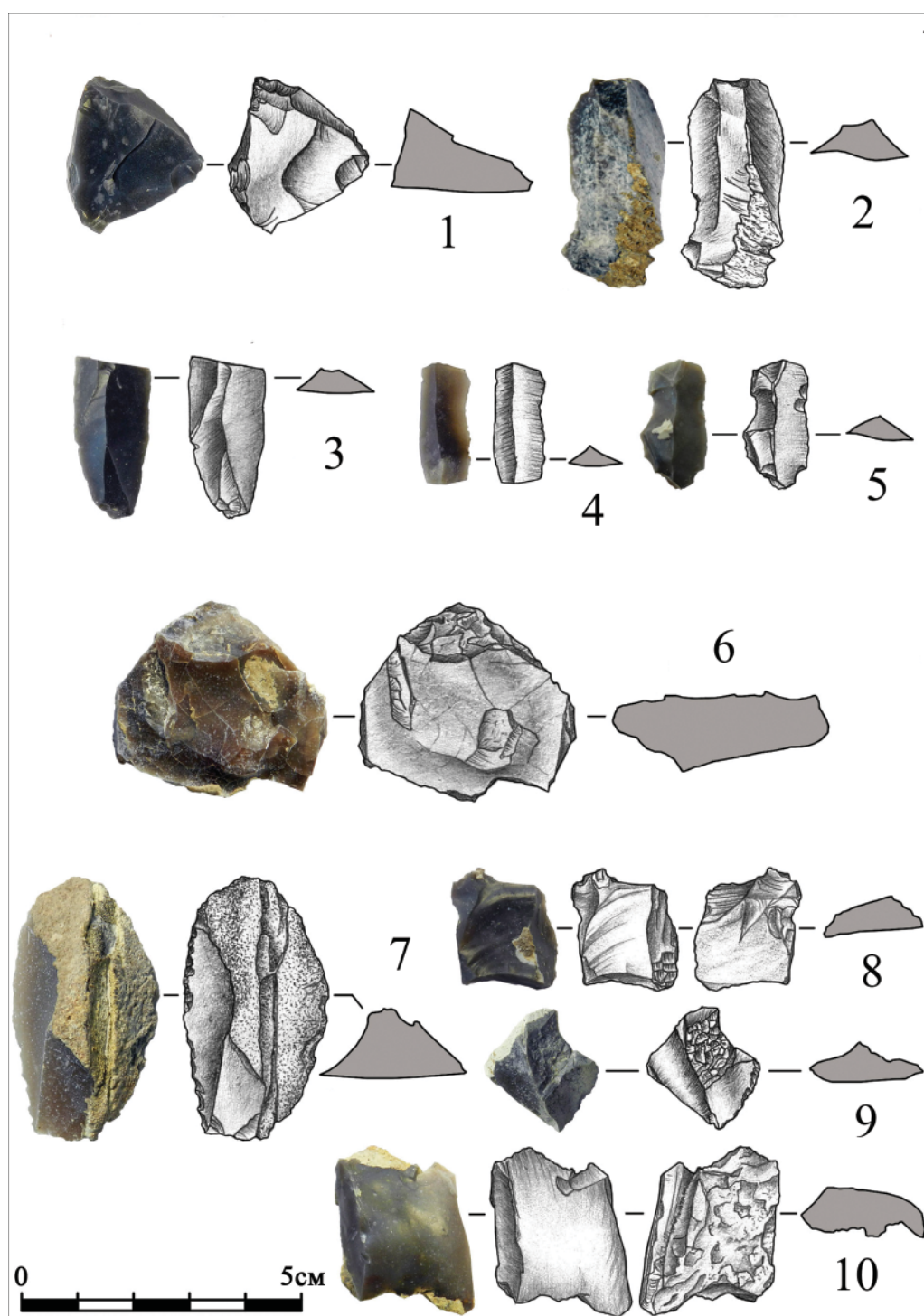

Рис. 8. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

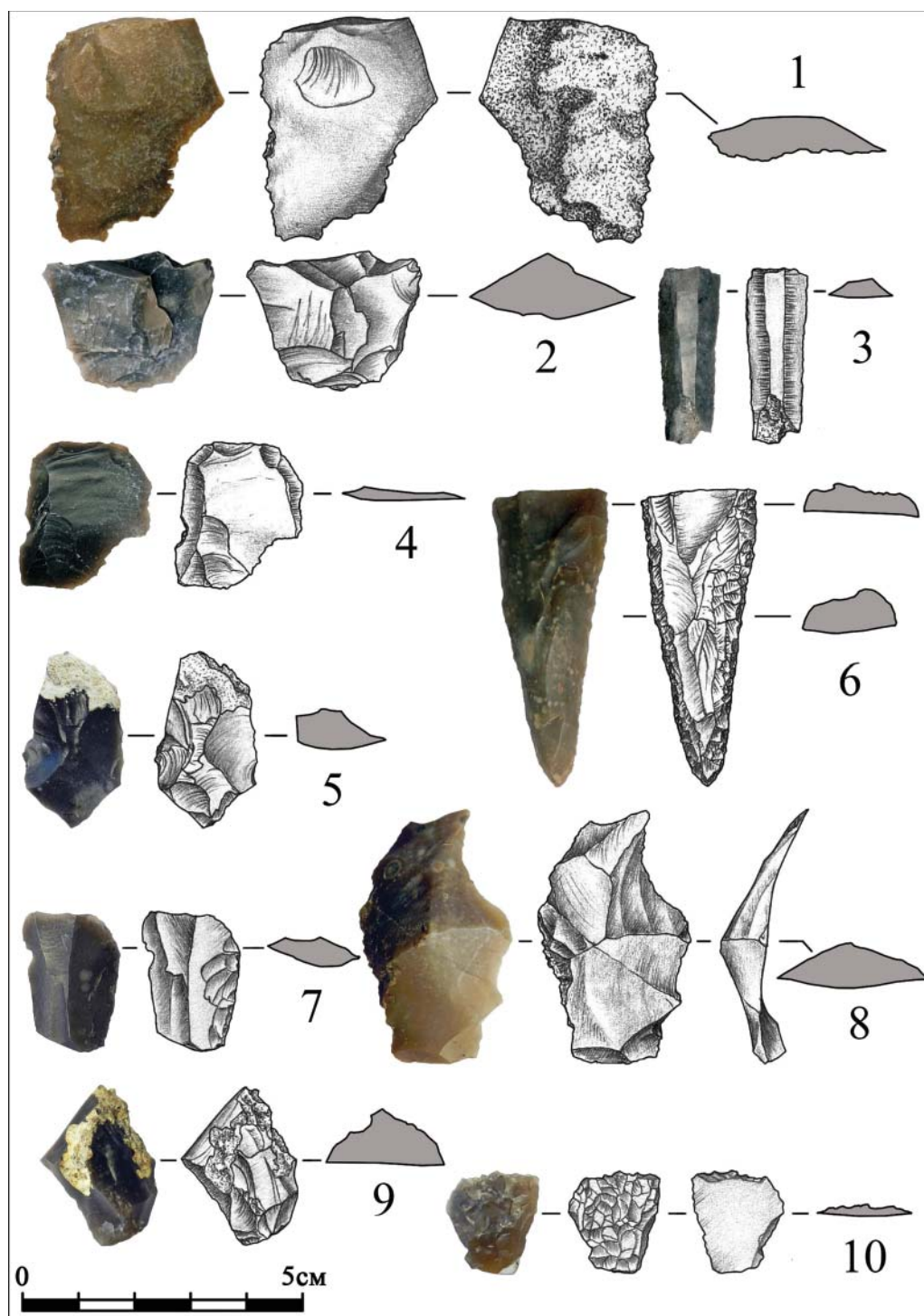

Рис. 9. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

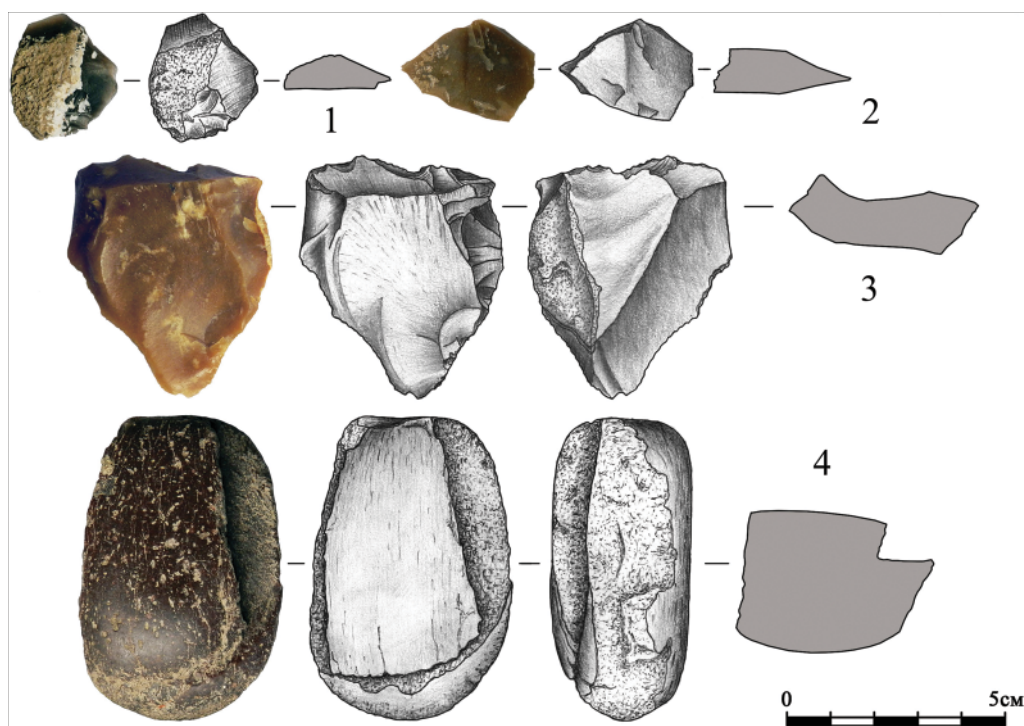

Рис. 10. Городище «Белинское». Двухконцевой отбойник из гранита и кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

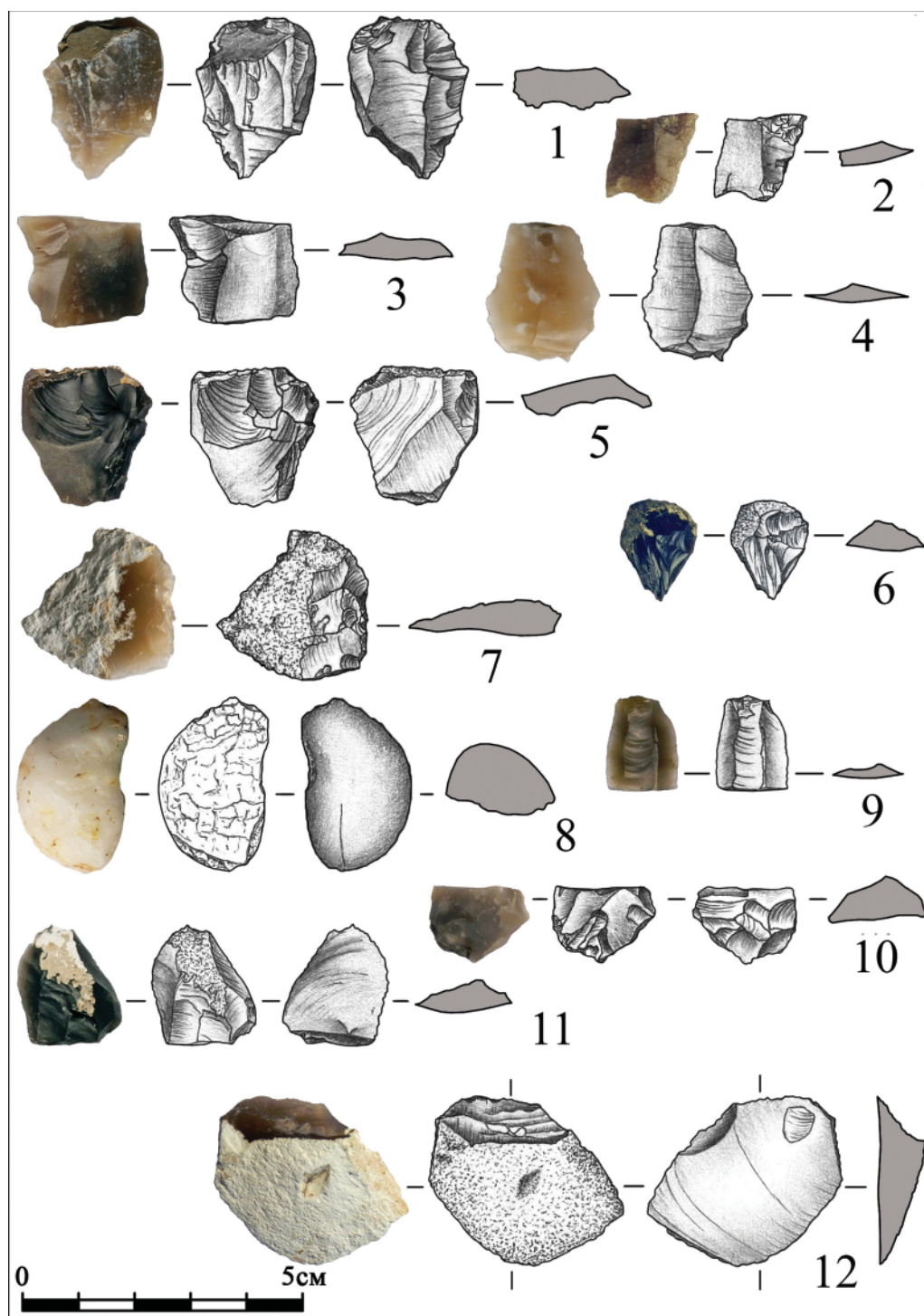

Рис. 11. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

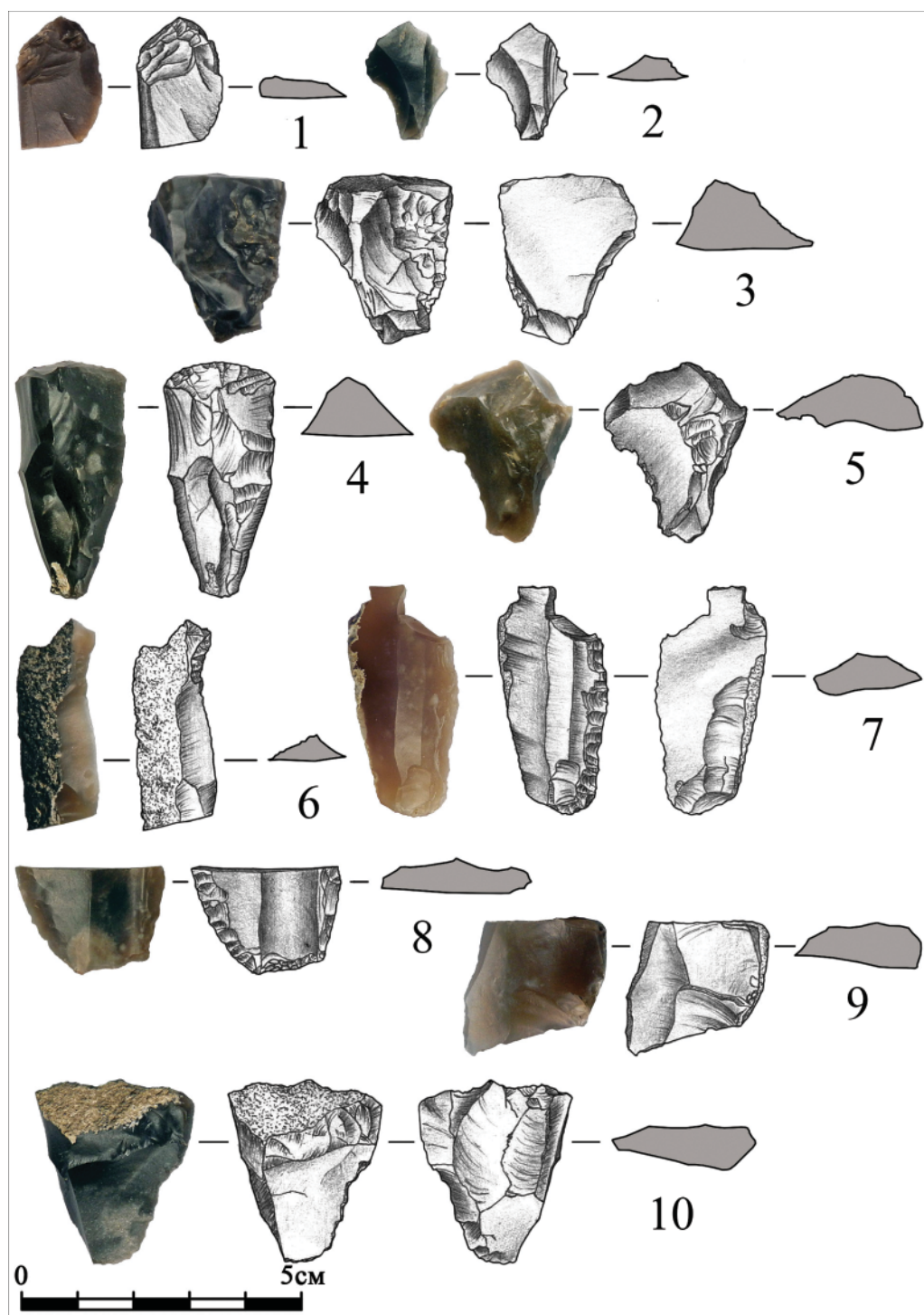

Рис. 12. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

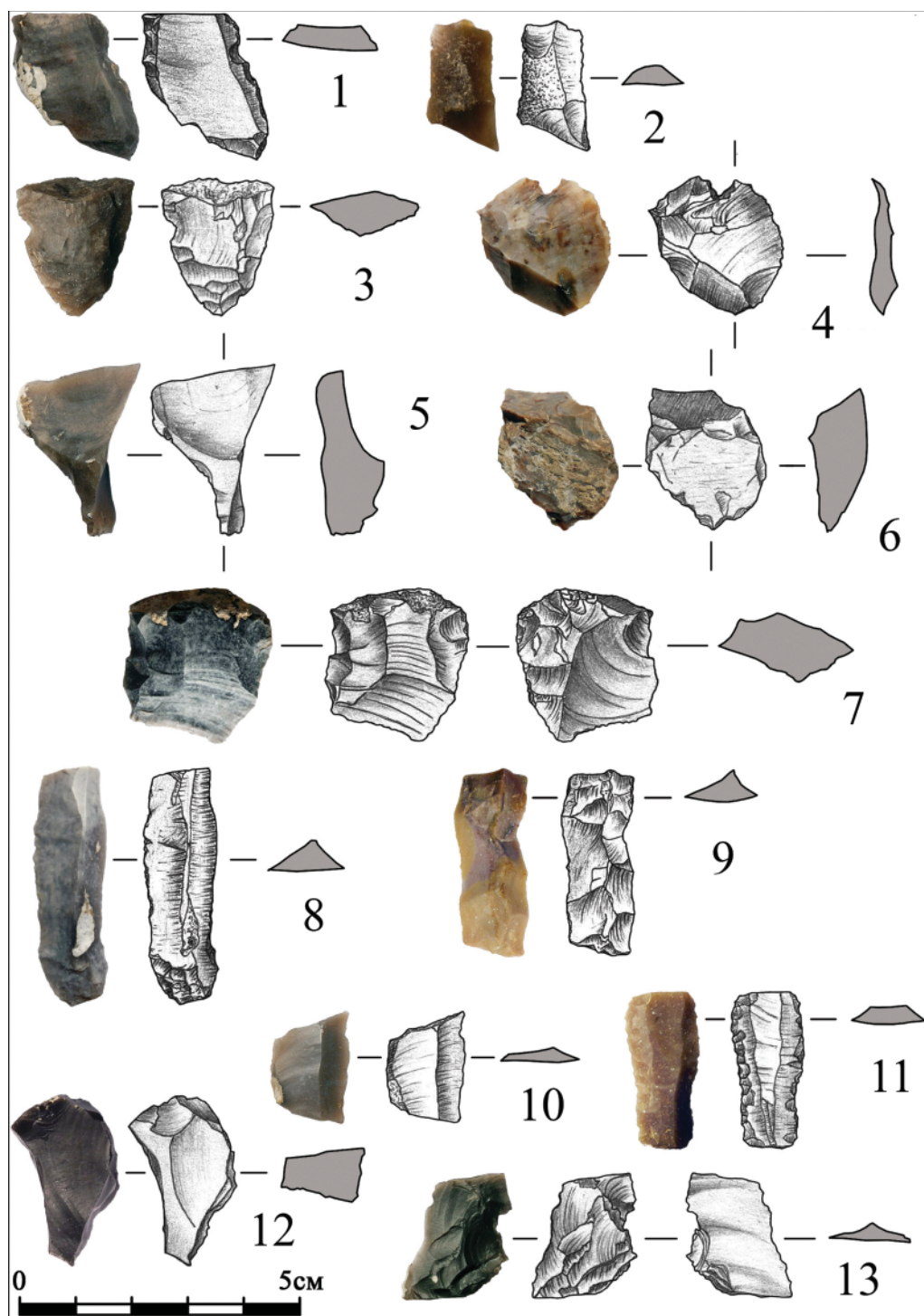

Рис. 13. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

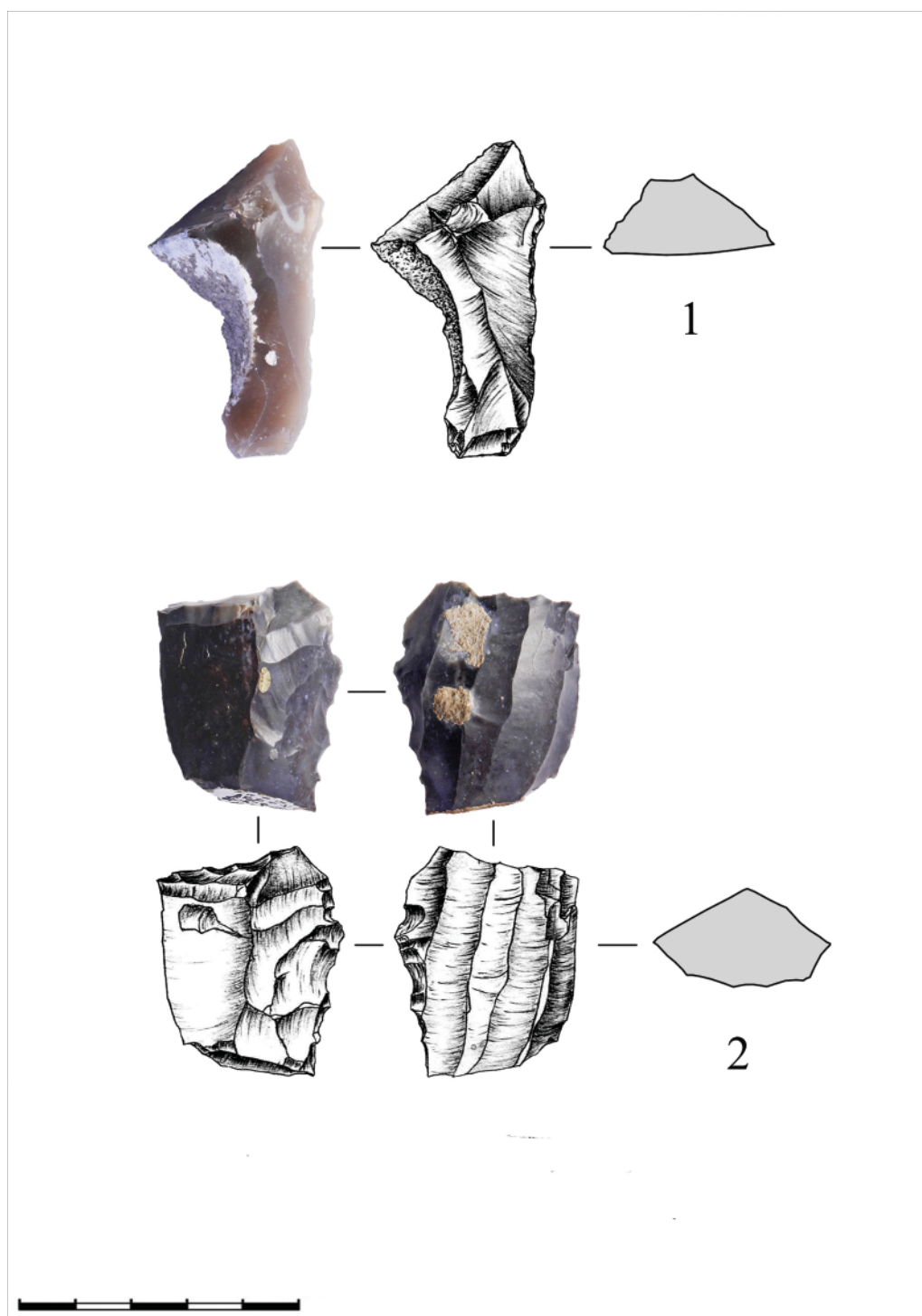

Рис. 14. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

Рис. 15. Городище «Белинское». Скребок из слоя жёлтого суглинка

Рис. 16. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

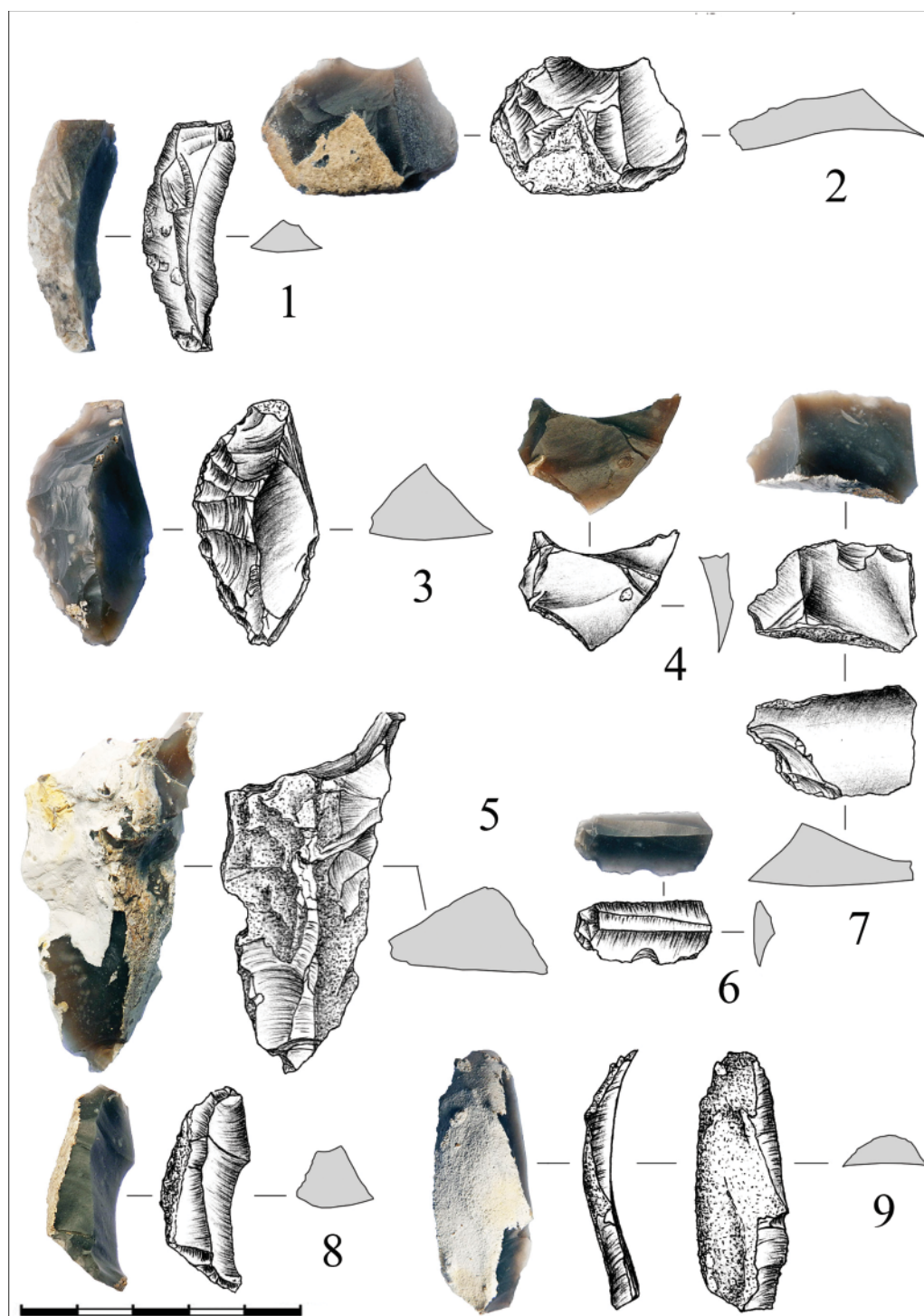

Рис. 17. Городище «Белинское». Кремнёвые изделия из слоя жёлтого суглинка

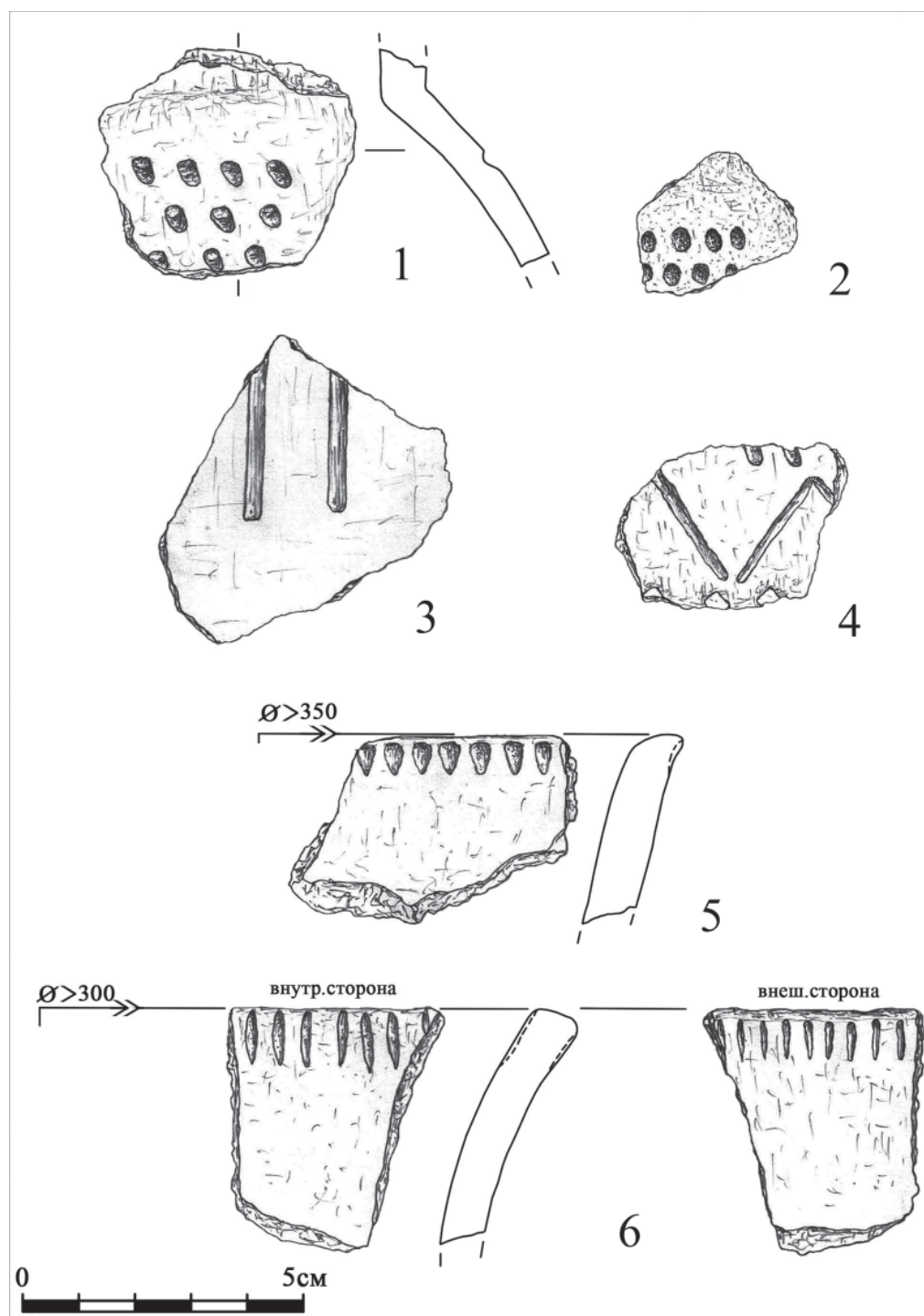

Рис. 18. Городище «Белинское». Фрагменты поздненеолитической керамики из слоя жёлтого суглинка

ЛИТЕРАТУРА

- Буров, Г.М. 2006: *Энциклопедия Крымских древностей*. Киев.
Зубарев, В.Г., Смекалов, С.Л. 2014: Культурно-исторический ландшафт городища «Белинское». *ДБ* 18, 209–225.
Клюкин, А.А., Корженевский, В.В. 2004: *Крымское Приазовье. Краеведческий очерк-путеводитель*. Симферополь.
Куштан, Д.П., Винокуров, Н.И. 2013: Первобытные памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье (по материалам Восточно-Крымской и Артезианской археологических экспедиций). *ДБ* 17, 202–215.
Мацкевой, Л.Г. 1975: *Мезолит и неолит Восточного Крыма*. Киев.
Шестаков, С.А. 2017: Находки из урочища Биэли. *Таврические студии* 12, 176–179.

REFERENCES

- Burov, G.M. 2006: *Entsiklopediya Krymskikh drevnostey* [Encyclopedia of the Crimean antiquities]. Kiev.
Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. 2014: Kul'turno-istoricheskiy landschaft gorodishcha «Belinskoye» [Cultural and historical landscape of the “Belinskoye” settlement]. *Drevnosty Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 209–225.
Klyukin, A.A., Korzhenevskiy, V.V. 2004: *Krymskoe Priazov'ye. Kraevedcheskiy ocherk-putevoditel'* [The Crimean Azov Sea Region. Local history and lore essay-guide]. Simferopol.
Kushtan, D.P., Vinokurov, N.I. 2013: Pervobytnye pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'ye (po materialam Vostochno-Krymskoy i Artezianskoy arkheologicheskikh ekspeditsiy) [Prehistoric sites in Artezian natural boundary on the Crimean Azov coast (on materials of the East-Crimean Artesian Archaeological Mission)]. *Drevnosty Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 202–215.
Matskevov, L.G. 1975: *Mezolit i neolit Vostochnogo Kryma* [Mesolithic and Neolithic of the Eastern Crimea]. Kiev.
Shestakov, S.A. 2017: Nakhodka iz urochishcha Bieli [Find from the Bieli natural boundary]. *Tavrisheskie studii* [Tauride studies] 12, 176–179.

A NEW STONE AGE SITE IN THE ADZHIEL NATURAL BOUNDARY
(THE EASTERN CRIMEA)

Viktor G. Zubarev, Sergey V. Yartsev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
parosta@mail.ru, s-yartsev@yandex.ru

Abstract. The paper is a detail publication of the Stone Age materials from 2016–2018 excavations at the Belinskoye settlement located in the Eastern Crimea. A large collection of flint artifacts (134 pieces) is first published, dating from the Mousterian to the Bronze Age. The analysis of materials and the archaeological context allow us to determine the location of a new Stone Age site on the eastern cape of the hill of the Belinskoye settlement. Unlike other settlements of the Bosporus, where the Stone Age sites were destroyed during later periods, the parts of cultural layer of the Stone Age settlement are well preserved on the eastern cape of the Belinskoye hill fortification site. However, if the southern boundary, which is bounded by the hill

---

slope, eastern and partly northern boundaries of the settlement are currently defined, the areas in the western direction have not been studied yet. Thus, it opens up good perspectives for the further research.

Keywords: Eastern Crimea, Belinskoye settlement, Stone Age, flint artifacts, Neolithic ceramics, settlement

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 347–358
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 347–358
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-347–358

ОРЛЫ НА ПАРФЯНСКИХ БУЛЛАХ ИЗ РАСКОПОК ГЁБЕКЛЫ-ДЕПЕ

В.А. Гаибов¹, А.Б. Никитин²

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия*

gaibov@mail.ru

²*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

nikitin225@yandex.ru

Аннотация. Парфянская крепость Гёбеклы-депе на северо-западной границе Мервского оазиса исследовалась в 1981–2001 гг. (с небольшими перерывами). Среднеазиатской экспедицией Института археологии РАН. В числе разнообразных находок, сделанных в ходе раскопок (монеты, терракоты, остраки, изделия из металла и кости) особый интерес представляют многочисленные глиняные буллы с оттисками парфянских печатей (свыше 3000 экземпляров), служившие для опечатывания тюков с товарами. В крепости во II в. н.э. функционировал таможенный пункт для товаров, курсировавших между оазисом и кочевыми племенами песков. Среди изображений на оттисках печатей одну из наиболее многочисленных групп представляют оттиски с изображениями орлов. Орел и другие хищные птицы в Древнем Иране ассоциировались с царской харизмой и с авестийским божеством Веретрагной. В парфянское время изображения орлов, очевидно, трактовались как символ царской власти и могли быть связаны с идеей обожествления царской власти. В сасанидский период эта птица выступала не только как воплощение божества Веретрагны, она служила проводником человеческой души в загробный мир. В иранском искусстве орлы и другие хищные птицы представлены многочисленными изображениями.

Ключевые слова: Ахемениды, Парфянское царство, Сасаниды, Маргиана, Гёбеклы-депе, буллы, орел

Крепость Гёбеклы-депе находится на северной границе Мервского оазиса, в 32 км к северо-западу от городищ Старого Мерва. (совр. Каракумский этрап Марыйского велаята Туркменистана). На протяжении двадцати лет (с 1981 по 2001 гг.) крепость обследовалась Среднеазиатской экспедицией ИА АН СССР/РАН под руководством Г.А. Кошеленко¹. Крепость представляет собой небольшой форт (110 на 120 м), построенный в парфянскую эпоху, предположительно в I в. н.э. Крепость несколько раз перестраивалась уже при ранних Сасанидах, в III и

Данные об авторе: Гаибов Васьф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН; Никитин Александр Борисович – старший научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Статья подготовлена в рамках проекта, финансируемого РФФИ (грант № 18-09-00381 А).

¹ Гаибов, Кошеленко 2007, 360–374; Кошеленко, Никитин 1992, 108–121; Гаибов, Никитин 2019, 319–329.

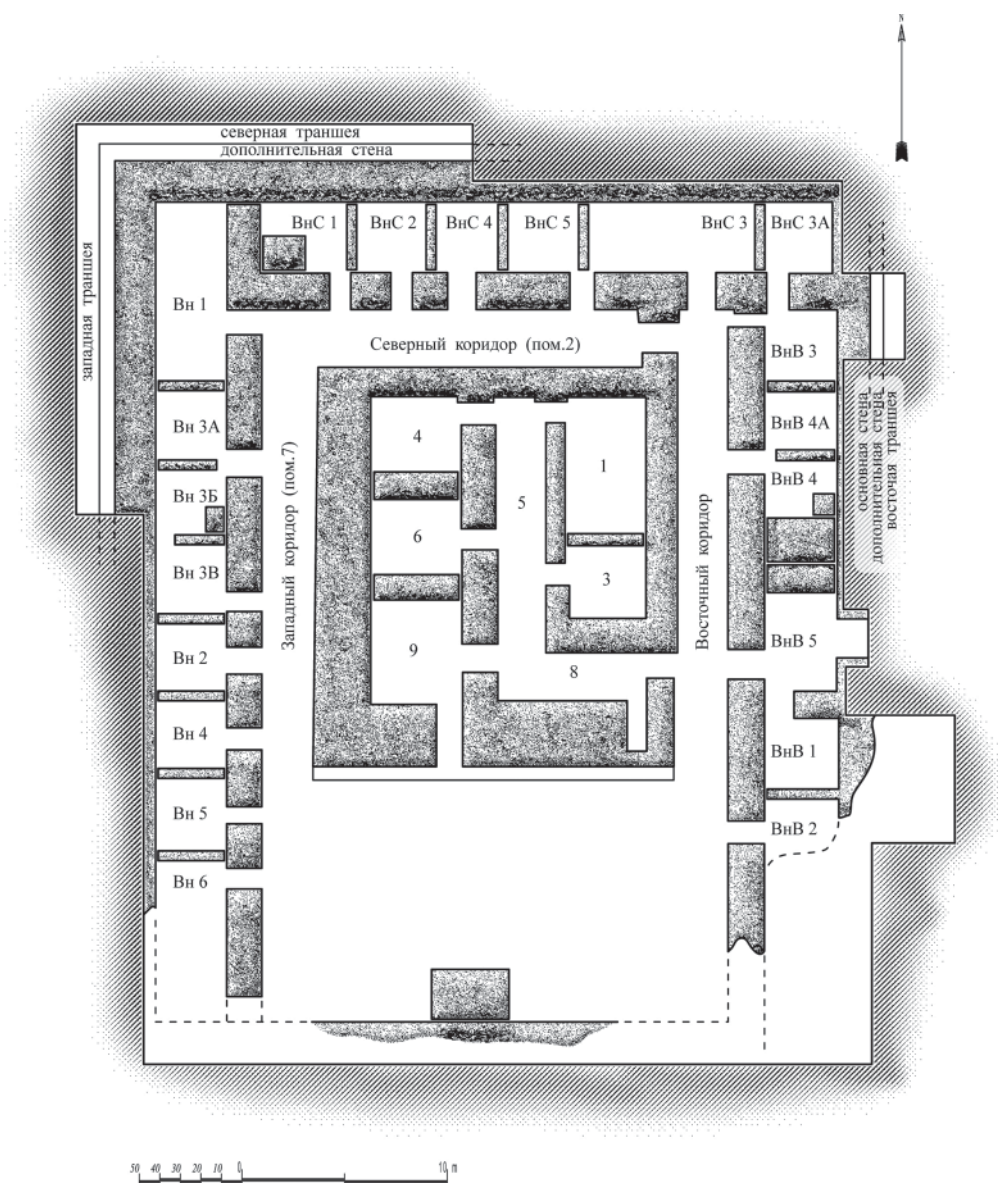

Рис. 1. Гёбеклы-депе. План центрального здания

IV вв. В центре окруженного стенами пространства над руинами усадьбы ахеменидского времени (период Яз III) была возведена высокая платформа (высотой до 15 м), служившая основанием для прямоугольного здания $45 \times 37,5$ м – резиденции коменданта крепости. В парфянское время здесь, очевидно, функционировала таможня. Проверялось содержимое тюков с товарами, отправлявшимися из Мервского оазиса на северо-восток, предположительно к переправе через Амударью у Амоля (Чарджоу), при этом срезанные с тюков (в ходе досмотра) глиняные буллы

складывались в коридорах и помещениях центрального здания. Всего в ходе раскопок было обнаружено более 3000 глиняных булл с оттисками печатей. Подавляющее большинство булл было выявлено в северо-западной части комплекса: в Северном коридоре (помещение № 2), в Западном коридоре (помещение № 7), в северо-западном помещении. Лишь незначительное число булл было зафиксировано в той части Южного двора, которая примыкала к Западному коридору (рис. 1). Это естественно, поскольку Южный двор являлся главным входом в комплекс, а обводные коридоры – это хозяйственные помещения, где, очевидно, распаковывались товары (кувшины, тюки, короба и т.п.), а буллы, их опечатывавшие, разламывались, зачастую непосредственно по изображению, на них нанесенному. Буллы имеют различные размеры и различные формы, но предназначение у них одно – воспрепятствовать несанкционированному доступу к запечатанной таре. Естественно, никакая печать не может воспрепятствовать физическому проникновению в контейнер с товаром. Предназначение ее носит исключительно магический характер, она (печать) выполняет роль своеобразного апотропея, основной целью которого является предоставление доказательства нарушения целостности после того, как оно произошло².

Участники раскопок Гёбеклы-депе (А.Н. Бадер, В.А. Гаиров, Г.А. Кошеленко, А.Б. Никитин) уже публиковали отдельные буллы или группы булл с особо примечательными сюжетами или надписями³.

В этой работе мы рассматриваем еще один сюжет, наиболее часто встречающийся на парфянских буллах – изображения орлов и других хищных птиц.

Изображения хищных птиц (орлов, соколов) встречаются в искусстве самых разных народов. Несколько видов этих хищных птиц обитает в Иране⁴. В иранской мифологии эти птицы ассоциировались с определенными божествами, такими как Хварена (Фарн – царская харизма) или бог войны Веретрагна (Бахрам)⁵. Первого царя, Йиму, Фарн покидает в облике птицы. На востоке Ирана, в Бактрии, Веретрагна (ORAGNO) изображался на кушанских монетах в головном уборе, увенчанном хищной птицей. Головой хищной птицы украшена и рукоятка кинжала на его поясе⁶. Таким образом Веретрагна мог быть представлен как в облике хищной птицы, так и в образе антропоморфного существа. Иранцы, в эллинистическое и в парфянское время, отождествляли с этим божеством греческого героя Геракла. Культ Веретрагны очень древний. Он, вероятно, восходит к эпохе до разделения арийских народов на индийскую и иранскую ветви.

² Duistermatt 2012, 12–13; Lippolis, Manassero 2015, 136–138.

³ Кошеленко, Бадер, Гаиров 1991, 5–18; Bader, Gaibov, Koshelenko 1991, 61–78; Кошеленко, Гаиров, Бадер 1995, 194–203; Koshelenko 1997, 377–383; Gaibov 1997, 385–394; Bader, Gaibov, Koshelenko 1998, 24–37; Гаиров, Кошеленко 2001, 71–78; Гаиров 2004, 69–74; Кошеленко 2004, 144–146; Гаиров 2005, 37–45; Кошеленко 2005, 45–56; Gaibov 2007, 285–294; Gaibov, Koshelenko 2008, 99–107; Gaibov 2011, 303–308; Гаиров, Никитин 2018, 50–55.

⁴ Anderson, Hanaway 1995, 623–626.

⁵ Gnoli, Jamzadeh 2012, 510–514.

⁶ Примечательно, что похожая рукоятка с головой хищной птицы украшает меч Канишки на его знаменитой статуе из Матхуры – Rosenfield 1967, fig. 2. Кинжалы с такими же рукоятками в виде птичьих голов украшают пояса чагганиянских послов на фресках Афрасиаба – Альбаум, 1975. Небольшие ритуальные палицы в руках послов являются уменьшенной копией массивной палицы царя Канишки. Раннесредневековый Чагганиян по-видимому продолжал использовать царские регалии Великих Кушан, представляясь их законным наследником.

Рис. 2. Ахеменидская золотая подвеска со стилизованным изображением орла, терзающего козла. VI–IV вв. до н.э. Государственный Эрмитаж

Изображения хищных птиц могли быть связаны с идеей обожествления царской власти. Наиболее частым вариантом, связанным с этой темой, является изображение всадника сзади или спереди которого летит богиня Победы (Ника) с венком в руке⁷. Иногда субститутот Ники выступала птица (орел), несущая в клюве развевающуюся ленту или диадему.

Орел интерпретировался как царь среди птиц и властелин небес. Царская птица чаще всего ассоциировалась с воплощением или посланцем верховных богов. Можно отметить, что этот сюжет, представлен многочисленными примерами в парфянской нумизматике⁸, а также в парфянском искусстве⁹ и в искусстве народов, родственных парфянам¹⁰. На многих парфянских монетах,

начиная со второй половины I в. до н.э., имеется изображение орла, несущего диадему, за головой царя. Весьма вероятно, что в образе орла очень часто выступает сама богиня Ника. Можно предположить, что образ орла сам по себе был связан с положениями официальной царской идеологии.

Дошедшие до нас из Древнего Ирана изображения хищных птиц едва ли можно считать геральдическими в классическом понимании этого термина (подобно тому, как в европейской средневековой геральдике изображения того или иного существа или предмета служили в качестве родового знака). Иранские народы в качестве родовых знаков предпочитали тамги, восходящие к тем условным знакам, клеймам, которыми древние скотоводы клеймили скот¹¹. Однако изображения орлов и других хищных птиц вполне могли служить личными знаками, «гербами» владельцев печатей.

Изображения хищных птиц в ахеменидское время (VI–IV вв. до н.э.) встречаются довольно редко – на фоне обилия разного рода крылатых существ – коней, быков, львов и грифонов. В качестве примера можно привести хорошо известную золотую подвеску в форме орла из эрмитажной коллекции (рис. 2), или

⁷ Подробнее о проблеме соотношения Ники и хварно см. Duchesne-Guillemin 1979, 375–386.

⁸ Хищная птица (орел или сокол) появляется на парфянских монетах довольно рано. Уже на монетах Аршака II мы находим ее изображение на серебряных драмах этого царя (как атрибут) и на бронзовых дихалках (как центральный элемент) – см. <http://www.parthia.com/arsaces2.htm>; Lippolis 2016, 122. На о.с. драхм Митридата I орел изображен как атрибут Зевса – см. Sellwood 1980, 43 (13. 6–10). На о.с. тетрадрахм Орода II птица представлена как самостоятельный элемент (см. Sellwood 1980, 133 (42.3), а на тетрадрахмах этого царя она украшает одежду (кандис) царя – см. Sellwood 1980, 152 (48. 1–5). Наиболее часто орел (как символ царской власти) представлен в чекане Фраата IV – см. ниже.

⁹ Colledge 1977, 81, 93, 94, 101, 107; Lippolis 2016, 115–123.

¹⁰ Пальмира: см. Colledge 1977, 85, 93, pl. 21; Сурх-Котал: см. Fussman 1983, Abb. 20

¹¹ Яценко 2001, 27–30; 101–194.

небольшую золотую фигурку, предположительно ахеменидского или раннеэллинистического времени (рис. 3).

В парфянское время хищные птицы представлены в основном на рассматриваемых здесь оттисках печатей из раскопок Гёбеклы-депе. Их несколько типов: «геральдический» орел в фас, с распростертыми крыльями, стоящий орел, влево или вправо, с распростертыми крыльями, стоящий или идущий орел со сложенными крыльями (рис. 4),

орел летящий, атакующий, очень напоминающий орлов на штандартах римских легионов (рис. 5). Не исключено, что именно эти штандарты вдохновили парфянских мастеров на создание образа летящего орла. Они могли видеть такие штандарты, захваченные войском Сурены у легионеров Красса в 53 г. до н.э., или их изображения на римских монетах, например, на монетах легионов Марка Антония (рис. 6), где представлены точно такие же атакующие орлы, венчающие римские штандарты.

Орел как символ царской власти и ее божественного происхождения был представлен на парфянских (гёбеклинских) буллах не только самостоятельно, но и в многокомпонентных сценах. Наиболее показательным примером такой композиции является уникальная (как по сценографии, так и по размерам) булла с изображением царя-всадника перед алтарем огня, с поднятой правой рукой, в которой зажата плеть. Однако в данном случае для нас наибольший интерес представляет присутствие в сцене птицы (орла), парящей над головой всадника, и держащей в клюве ленту (диадему)¹² (рис. 7). Помимо многочисленных примеров, представленных в парфянской сфрагистике, подобный сюжет встречается и в нумизматике. Так, он зафиксирован в чекане Фраата IV¹³ (рис. 8). В чекане этого царя имеются также полностью аналогичные серии, но с изображением Ники вместо птицы¹⁴.

Несколько упрощенным и видоизменным вариантом этой сцены является сюжет с орлом, парящим за спиной (рис. 9) или над головой всадника (рис. 10).

Обычно считается, что изображенная на монетах птица, заменяющая Нику, является орлом. Однако это не может считаться твердо установленным. Во всяком случае, в Яште 19 («Замйад-яшт»), основное содержание которого – восхваление хварно (харизма, божественная сущность, обеспечивающая обладание царской властью), хварно предстает в облике птицы Варагн¹⁵. Высказывались различные предположения относительно отождествления этой птицы: орел, коршун, ястреб, наконец, ворон¹⁶.

Рис. 3. Золотая статуэтка орла. V–III вв. до н.э. Государственный Эрмитаж (инв. № Z-558)

¹² Подробнее анализ данной буллы см.: Гаилов 2004, 69–74.

¹³ Sellwood 1980, 168sqq.

¹⁴ Sellwood 1980, 162.

¹⁵ Авеста. Избранные гимны 1993, 158, 159.

¹⁶ Авеста в русских переводах (1861–1996) 1997, 345.

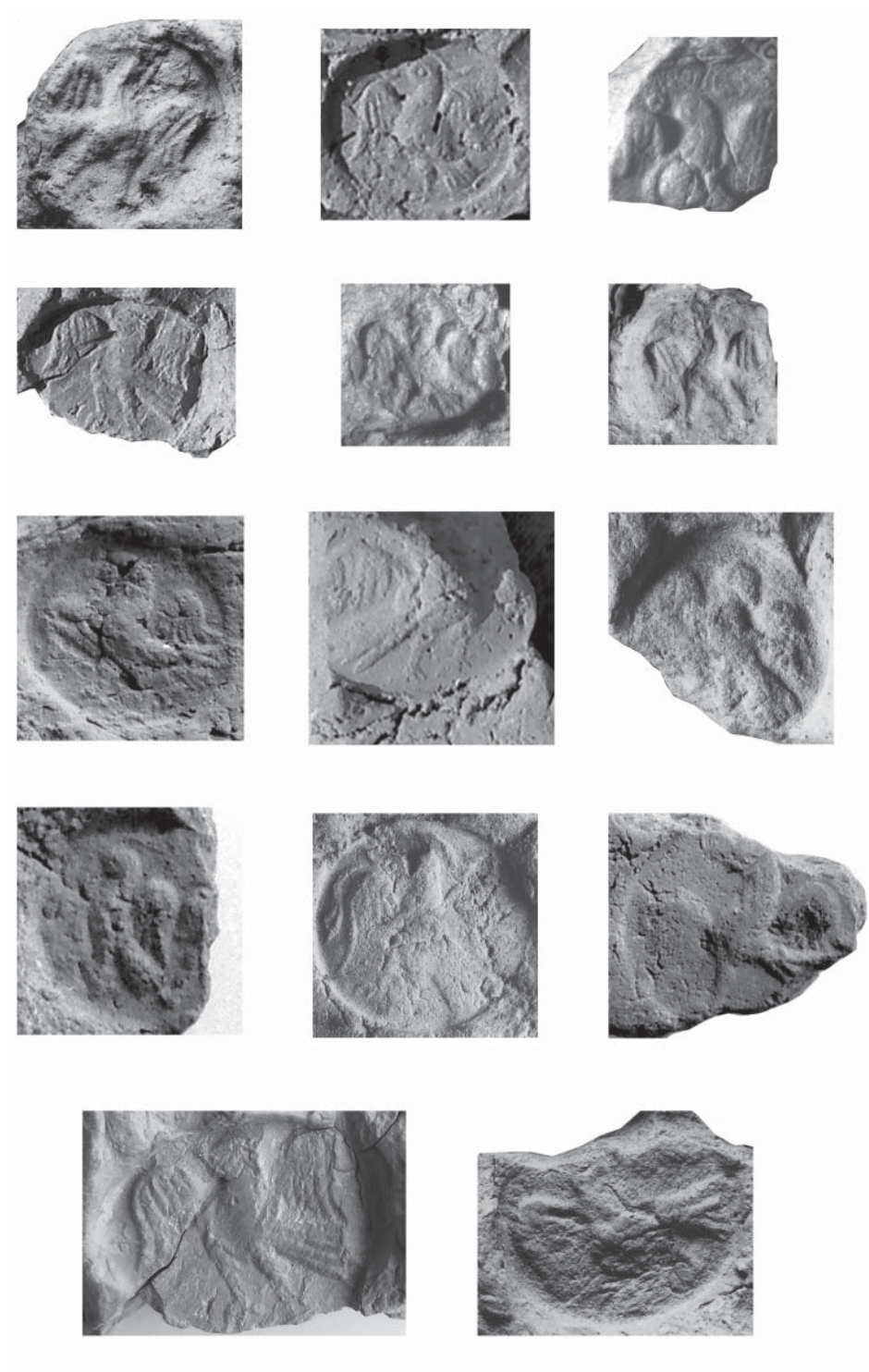

Рис. 4. Буллы из раскопок Гёбеклы-депе с изображениями орлов

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 5. Булла из раскопок Гёбеклы-депе, летящий орел вправо, в три четверти. Рис. 6. Монеты VIII и X легионов Марка Антония. Аверс – плывущая галера с легендой ANT. AVG. III. VIR. R. P. S. («Антоний авгур триумvir по устройству государства»), реверс — легионный орел в центре и два значка когорт по краям с легендой, указывающей на номер легиона. Рис. 7. Гёбеклы-депе. Булла с изображением царя-всадника перед алтарем огня и орла за его головой. Рис. 8. Монета Фраата IV с изображением орла с венком за головой царя. Рис. 9. Гёбеклы-депе. Булла с изображением всадника с парящим за спиной орлом. Рис. 10. Гёбеклы-депе. Булла с изображением всадника и парящим над ним орлом

Рис. 11. Серебряное блюдо с изображением птицы, несущей обнаженную девушку. Государственный Эрмитаж (инв. № S-217)

Рис. 12. Золотой сосуд из клада в Надь-Сент-Миклош с изображением птицы, несущей обнаженную девушку. Венский художественно-исторический музей

При династии Сасанидов (III–VII вв.) многочисленные орлы появляются на сасанидских печатях, на предметах торевтики. Встречаются и скульптурные изображения¹⁷. В это время хищная птица – не только воплощение божества Веретрагны. Изображение на одном из эрмитажных блюд (инв. № S-217) представляет эту птицу как проводника души в загробный мир, в небесный Парадиз (рис. 11). Птица несет в когтях обнаженную девушку – человеческую душу (*руван*). Девушка подкармливает птицу ягодами – благими делами, совершенными при жизни. Это аллегорическое изображение путешествия души праведника в рай, призыв совершать благие дела, облегчающие этот путь. Аналогичный сюжет представлен и на нескольких золотых сосудах из клада, обнаруженного в 1799 году близ венгерского селения Надь-Сент-Миклош (недалеко от города Сегедин), который сейчас находится в Венском художественно-историческом музее (рис. 12). При том, что сама сцена перемещения души в рай вполне укладывается в зороастрийскую концепцию справедливого посмертного воздаяния за все совершенное в этой жизни, какие-либо тексты с описанием перемещения души посредством гигантской птицы нам до сих пор не известны.

ЛИТЕРАТУРА

- Авеста в русских переводах (1861–1996)*. 1997. СПб.
Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. 1993. М.
 Альбаум, Л.А. 1975: *Живопись Афрасиаба*. М.
 Гаилов, В.А. 2004: Маргианская булла с изображением царя-всадника. *ВДИ* 2, 69–74.

¹⁷ Assadullah Souren, Melikian-Chirvani 1969, 2–9.

- Гаилов, В.А. 2005: Буллы сасанидского и парфянского времени на востоке Ирана: Ак-депе и Гёбеклы-депе (попытка сравнения). *ПИФК XV*, 37–45.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А. 2001: Буллы из раскопок Гёбеклы-депе (Туркменистан). *ВДИ* 2, 71–78.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А. 2007: Крепость на границе Мервского оазиса: Гёбеклы-депе. *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 2, 360–374.
- Гаилов, В.А., Никитин, А.Б. 2018: Парфянские имена на буллах из раскопок Гёбеклы-депе. *НЭ XX*, 50–55.
- Гаилов, В.А., Никитин, А.Б. 2019: Крепость Гёбеклы-депе в Маргиане в контексте развития иранской фортификации. *КСИА* 254, 319–329.
- Кошеленко, Г., Бадер, А., Гаилов, В. 1991: Парфянские буллы из раскопок Гёбеклы-депе. *Информационный бюллетень МАИКЦА* 18, 5–18.
- Кошеленко, Г.А. 2004: Булла с изображением двугорбого верблюда с городища Гёбеклы. *РА* 3, 144–146.
- Кошеленко, Г.А. 2005: Буллы Старой Нисы и Гёбеклы-депе: сопоставление *ПИФК XV*, 45–56.
- Кошеленко, Г.А., Гаилов, В.А., Бадер, А.Н. 1995: Две богини? *ВДИ* 2, 194–203.
- Кошеленко, Г.А., Никитин, А.Б. 1992: Монетные находки и проблемы стратиграфии Гёбеклы-депе. *Информационный бюллетень МАИКЦА* 18, 108–121.
- Яценко, С.А. 2001: *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. М.
- Anderson, S.C., Hanaway, Jr., William, L. 1995: Eagles. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VIII, Fasc. 6, 623–626.
- Assadullah Souren, Melikian-Chirvani 1969: Studies in Iranian Metalwork. V: A Sassanian Eagle in the Round. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1, 2–9.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1991: New Evidence on Parthian Sphragistics. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana. *Mesopotamia XXV*, 61–78.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1998: Monarchic Ideas in Parthian Margiana as shown on Seals. In: V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers (ed.), *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. L.–New-York, 24–37.
- Colledge, M.A.R. 1977: *Parthian art*. New York.
- Duchesne-Guillemin, J. 1979: La royaume iranienne et le xvarenah. In: Gh. Gnoli, A.V. Rossi (ed.), *Iranica*. Napoli, 375–386.
- Duisterrmatt, K. 2012: Which Came First, the Bureaucrat or the Seal? Some Thoughts on the Non Administrative Origins of Seals in Neolithic Syria. In: I. Regulsky, K. Duisterrmatt, P. Verkinderen (eds.), *Seals and Sealing Practices in the Near East. Developments in Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period*, (Orientalia Lovaniensia Analecta 219), Leuven–Walpole–Paris, 1–16.
- Fussman, G. 1983: *Surkh-Kotal. Tempel der Kushan-Zeit in Baktrien*. München.
- Gaibov, V. 1997: Bullae from Gebekly-depe (Margiana). Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics. In: M.-F. Boussac et A. Invernizzi (ed.), *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29). Paris, 385–394.
- Gaibov, V. 2007: The Bullae of Göbekly-depe. *After Alexander: Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy* 133, 285–294.
- Gaibov, V. 2011: Царская охота – новый сюжет в парфянской сфрагистике Маргианы. *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*, 303–308.
- Gaibov, V.A., Koşelenko, G.A. 2008: A horseman chairing a foot-soldier: a new subject in Parthian glyptic art. *PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico* 10, 99–107.

- Gnoli, G., Jamzadeh, P. 2012: Bahram (Vərəθraeyna). *Encyclopaedia Iranica*. Vol. III/5, 510–514.
- Koshelenko, G. 1997: Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects. In: M.-F. Boussac et A. Invernizzi (ed.), *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29). Paris, 377–383.
- Lippolis, C. 2016: Eagles over Parthian Nisa. *Искусство и архитектура Туркменистана. Научные сообщения* 4, 115–123.
- Lippolis, C., Manassero, N. 2015: Storehouses and Storage Practices in Old Nisa (Turkmenistan). *Electrum* 22, 115–142.
- Rosenfield, J.M. 1967: *The Dynastic Arts of the Kushans*. Los-Angeles.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. London.

REFERENCES

- Albaum, L.A. 1975: *Zhivopis Afrasiaba [Painting of Afrasiab]*. Moscow.
- Anderson, S.C., Hanaway, Jr., William, L. 1995: Eagles. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VIII, Fasc. 6, 623–626.
- Assadullah Souren, Melikian-Chirvani 1969: Studies in Iranian Metalwork. V: A Sassanian Eagle in the Round. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1, 2–9.
- Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996) [Avesta in Russian translation (1861–1996)]*. 1997. Saint Petersburg.
- Avesta. Izbrannyye gimny. Iz Videvdata [Avesta. Selected hymns. From Videvdat]*. 1993. Moscow.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1991: New Evidence on Parthian Sphragistics. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana. *Mesopotamia* XXV, 61–78.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1998: Monarchic Ideas in Parthian Margiana as shown on Seals. In: V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers (ed.), *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. L.–New-York, 24–37.
- Colledge, M.A.R. 1977: *Parthian art*. New York.
- Duchesne-Guillemin, J. 1979: La royauté iranienne et le xvarenah. In: Gh. Gnoli, A.V. Rossi (ed.), *Iranica*. Napoli, 375–386.
- Duisttermatt, K. 2012: Which Came First, the Bureaucrat or the Seal? Some Thoughts on the Non Administrative Origins of Seals in Neolithic Syria. In: I. Regulsky, K. Duisttermatt, P. Verkinderen (eds.), *Seals and Sealing Practices in the Near East. Developments in Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period*, (Orientalia Lovaniensia Analecta 219), Leuven–Walpole–Paris, 1–16.
- Fussman, G. 1983: *Surkh-Kotal. Tempel der Kushan-Zeit in Baktrien*. München.
- Gaibov, V. 1997: Bullae from Gebekly-depe (Margiana). Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics. In: M.-F. Boussac et A. Invernizzi (ed.), *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29). Paris, 385–394.
- Gaibov, V. 2007: The Bullae of Göbekly-depe. *After Alexander. Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy* 133, 285–294.
- Gaibov, V. 2011: Tsarskaya okhota – novyy syuzhet v parfyanskoy sfragistike Margiany [The royal hunt – a new plot in the Parthian sphragistics of Margiana]. *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*, 303–308.
- Gaibov, V.A. 2004: Margianskaya bulla s izobrazheniyem tsarya-vsadnika [Margian bulla with the image of the king-rider]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 69–74.
- Gaibov, V.A. 2005: Bully sasanidskogo i parfyanskogo vremeni na vostokey Irana: Ak-depe i Gebekly-depe (popytka sravneniya) [Bullae of Sasanian and Parthian time in the east of Iran: Ak-depe and Göbekly-depe (attempt to compare)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* XV, 37–45.

- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2007: Krepost na granitse Mervskogo oazisa: Gebekly-depe [Fortress on the border of the Merv oasis: Göbekly-depe]. *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal* [Antiquitas Aeterna. Volga Antiquity Journal] 2, 360–374.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2001: Bully iz raskopok Gebekly-depe (Turkmenistan) [Bullae from the excavations of Göbekly-depe (Turkmenistan)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 71–78.
- Gaibov, V.A., Nikitin, A.B. 2018: Parfyanskiye imena na bullakh iz raskopok Gebekly-depe [Parthian names on the bullae from the excavations of the Göbekly-depe]. *Numizmatika i Epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] XX, 50–55.
- Gaibov, V.A., Nikitin, A.B. 2019: Krepost Gebekly-depe v Margiane v kontekste razvitiya iranskoy fortifikatsii [Göbekly-depe fortress in Margiana in the context of the development of Iranian fortification]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology] 254, 319–329.
- Gaibov, V.A., Košelenko, G.A. 2008: A horseman chairing a foot-soldier: a new subject in Parthian glyptic art. *PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico* 10, 99–107.
- Gnoli, G., Jamzadeh, P. 2012: Bahram (Vərəθraṣna). *Encyclopaedia Iranica*. Vol. III/5, 510-514.
- Koshelenko, G. 1997: Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects. In: M.-F. Boussac et A. Invernizzi (ed.), *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29). Paris, 377–383.
- Koshelenko, G., Bader, A., Gaibov, V. 1991: Parfyanskiye bully iz raskopok Gebekly-depe [Parthian Bullae from the Göbekly-depe Excavation]. *Informatsionnyy byulleten MAIKTsA* [International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin] 18, 5–18.
- Koshelenko, G.A. 2004: Bulla s izobrazheniyem dvugorbogo verblyuda s gorodishcha Gebekly [Bulla with the image of a two-humped camel from the settlement of Göbekly]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology] 3, 144–146.
- Koshelenko, G.A. 2005: Bully Staroy Nisy i Gebekly-depe: sopostavleniye [Bullae of Old Nisa and Göbekly-depe: comparison] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XV, 45–56.
- Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A., Bader, A.N. 1995: Dve bogini? [Two goddesses?] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 194–203.
- Koshelenko, G.A., Nikitin, A.B. 1992: Monetnyye nakhodki i problemy stratigrafii Gebekly-depe [Coin finds and problems of Göbekly-depe stratigraphy]. *Informatsionnyy byulleten MAIKTsA* [International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin] 18, 108–121.
- Lippolis, C. 2016: Eagles over Parthian Nisa. *Iskusstvo i arkhitektura Turkmenistana. Nauchnye soobshcheniya* [Art and architecture of Turkmenistan. Scientific reports] 4, 115–123.
- Lippolis, C., Manassero, N. 2015: Storehouses and Storage Practices in Old Nisa (Turkmenistan). *Electrum* 22, 115–142.
- Rosenfield, J.M. 1967: *The Dynastic Arts of the Kushans*. Los-Angeles.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. London.
- Yatsenko, S.A. 2001: *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya* [Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages]. Moscow.

THE EAGLES ON THE PARTHIAN BULLAE FROM THE EXCAVATIONS
OF GÖBEKLY-DEPEVasif A. Gaibov¹, Alexander B. Nikitin²¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

gaibov@mail.ru

²*The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia*

nikitin225@yandex.ru

Abstract. The Parthian fortress of Göbekly-depe on the North-Western border of the Merv oasis was investigated by the Central Asian Mission of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 1981–2001 (with short breaks). Among the various finds (coins, terracotta, ostraca, metal and bone objects) of special interest there are numerous clay bullae with impressions of Parthian seals (over 3,000) used as seal bags of goods. In the 2nd century AD the fortress functioned as a customs office for goods plying between the oasis and the nomadic tribes of the Sands. Among the images on the sealings, one of the most numerous groups is represented by prints with images of eagles. Eagles and other birds of prey in Ancient Iran were associated with the royal charisma and with the Avestan deity Verethragna. In Parthian time the image of eagles, obviously, interpreted as a symbol of royal power and could be associated with the idea of deification of royal power. In the Sasanian period this bird acted not only as the incarnation of god Verethragna, but served as a conductor of human souls to Paradise. There are numerous images of eagles and other birds of prey in Iranian art.

Keywords: Achaemenids, Parthian Empire, Sassanids, Margiana, Göbekly-depe, bullae, eagle

---

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Андрея Владимировича Сазанова

В августе 2019 г исполнилось 60 лет известному археологу, доктору исторических наук, профессору, ученому секретарю Государственной исторической публичной библиотеки Андрею Владимировичу Сазанову.

Выбор профессии Андреем Владимировичем был сделан еще в школьные годы. Решающим образом на это повлияли археологические кружки ГМИИ им. А.С. Пушкина, в которых А.В. Сазанов занимался начиная с 6 класса вплоть до поступления в МГУ. Именно там сформировался его интерес к материальной

культуре античного мира. Археологические экспедиции, организованные ГМИИ им. А.С. Пушкина ввели А.В. Сазанова в мир полевой археологии. Не случайно, первая научная работа А.В. Сазанова была посвящена топографии Пантикапея I–IV вв., памятника, исследуемого, главным образом, экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Второй определяющей вехой в научной биографии А.В. Сазанова стала его учеба на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, где научным руководителем его дипломной работы, посвященной земледельческим культам Боспора римского времени, был профессор Г.А. Кошеленко. Дипломная работа переросла в кандидатскую диссертацию по мелкой пластике Боспора I–IV вв., защищенной в Институте археологии РАН.

Работа, сначала в секторе охранных раскопок, а потом – секторе античной археологии (ныне – отделе классической археологии) Института археологии РАН, привела А.В. Сазанова в Херсонес, с которым связана вся дальнейшая деятельность исследователя. Приоритетной сферой его исследований становится хронология и типология ранневизантийской керамики и связанные с ней исторические сюжеты. Интерес к крымскому раннему средневековью возник еще в период написания кандидатской диссертации. Попыткой по-новому взглянуть на раннесредневековую хронологию Боспора стала его статья «О хронологии Боспора ранневизантийского времени» (*Советская археология* 4 (1989), 41–60), вызвавшая резонанс не только российских, но и ряда зарубежных специалистов. Тогда же проявился целенаправленный интерес исследователя к применению статистико-комбинаторных методов. Надолго настольной книгой стал полуподпольно выпущенный «Анализ археологических источников» И.С. Каменецкого, Б.Я. Маршака и Я.А. Шера.

Работая над херсонесской проблематикой, Андрей Владимирович исходил из схемы, включавшей подробные публикации комплексов, разработку типологии и хронологии отдельных групп материалов с последующей синхронизацией контекстов и выходом на допустимые источниками исторические построения.

Попыткой обобщения имеющихся комплексов Северного Причерноморья ранневизантийского времени стала докторская диссертация А.В. Сазанова «Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени», защищенная в МГУ в 1999 г.

К тому времени были им наработаны широкие контакты с зарубежными коллегами, занимающимися ранневизантийской керамикой. Это способствовало оперативному знакомству исследователя с новейшими западными разработками, на которых основывается современная хронология византийских амфор и красного лака. Используя эти материалы как основные А.В. Сазанов последовательно занимается созданием баз данных по типам амфор и краснолаковой керамики ранневизантийского времени в Северном Причерноморье. Важнейшей целью своей научной деятельности исследователь считает создание и издание корпусов ранневизантийских амфор и красного лака IV–VII вв. с территории Северного Причерноморья.

Хотя А.В. Сазанов считает археологию своей главной сферой деятельности, есть и другие, которым он уделяет значительное количество времени. Это и лекционные курсы, и многочисленные популярные статьи в журналах, и публицисти-

---

ка, и участие в проектах федеральных телеканалов («Первый канал», «Звезда», «Культура» и др.), не говоря уже о работе на должности Ученого секретаря Государственной публичной исторической библиотеки России. А.В. Сазанов-постоянный участник международных конференций по ранневизантийской керамике, эксперт российских и европейских научных фондов. Ему принадлежит около сотни научных работ.

От всей души поздравляем Андрея Владимировича с его замечательным юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, долголетия, бодрости духа и, конечно, новых творческих успехов в научной деятельности!

Юрий Миронович Могаричев
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург
АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
АИАПМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БИ – Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
Вестник ВолГУ – Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЗКОИКМ – Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
ИАИАИАНД – В.Я. Кияшко (ред.), Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАК – Известия археологической комиссии. Оренбург, 2016
ИАК – Известия императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИГАИМК – Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Ленинград
Константин Федорович Смирнов 2016 – Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.), Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург, 2016.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нижневаторск
МАМА – Monumenta Asia Minoris antiqua. Manchester–London
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. Москва
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НМРБ – Национальный музей Республики Башкортостан
НМРК – Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОГИКМ – Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
РА – Российская археология. Москва
РОМК – Ростовский областной музей краеведения
САИ – Свод археологических источников. Москва
СА – Советская археология. Москва
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
Скифо-сибирский звериный стиль – А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова (ред.), Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976
Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
Afghanistan: Forging Civilizations – J. Aruz, E. Valtz Fino (eds.), Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 2012

AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
BAR	–	British Archaeological Reports. Oxford
BSS	–	Black Sea Studies. The Danish national research foundation's centre for Black Sea studies. Aarhus
CIG	–	Corpus Inscriptionum Graecum. Berlin
CIRB	–	Corpus inscriptionum regni Bosporani. Москва–Ленинград, 1965
CRAI	–	Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
EurA	–	Eurasia antiqua. Berlin
IrAnt	–	Iranica antiqua
JGS	–	Journal of Glass Studies. Corning– New York
LGPN	–	Lexicon of Greek Personal Names. Vols. 1–5b. Oxford, 1997–2013
Pape-Benseler	–	Pape W., Benseler G.E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3d ed. Braunschweig, 1911
SEG	–	Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden
SIG	–	Supplementum Inscriptionum Graecum. Berlin
SRAA	–	Silk Road Art and Archaeology
Syll ³	–	W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum. 3 rd ed. Vol. 1–4. Lipsae, 1915–1924

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кулаков В.И.</i> (Москва) – Лунницы и подвески особых форм в древностях Юго-Восточной Балтии	5
<i>Преснова Н.Н.</i> (Москва) – Застройка основного четырехугольника городища Танаис в I – первой половине II в. н.э.	18
<i>Завойкина Н.В.</i> (Москва) – Материалы к истории фанагорийского общества доэллинистического времени	29
<i>Пуклина О.А.</i> (Киев) – Стеклянная расписная пиксида из Ольвии	46
<i>Винокуров Н.И., Крыкин С.М.</i> (Москва) – Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное	56
<i>Клемешова М.Е.</i> (Москва) – Лепная керамика поселения Полянка в Крымском Приазовье по данным технико-технологического анализа	93
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь), <i>Лобода А.Ю.</i> (Москва), <i>Быковская Н.В.</i> (Керчь) – Рентгено-флуоресцентные исследования монетных сплавов Боспора времени Митридата IV	112
<i>Абрамова А.Н.</i> (Волгоград) – Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров) Часть 2	125
<i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Двухкамерный склеп 170 из Фанагории	145
<i>Требелева Г.В.</i> (Москва) – К вопросу реконструкции границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии	163
<i>Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В.</i> (Тула) – Урочище «Аджиэль» в Восточном Крыму на картах XVIII–XX вв. и результаты археологических разведок 2014–2018 гг.	173

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э.	180
<i>Лысенко А.В., Мордвинцева В.И.</i> (Симферополь) – Металлические украшения костюма – воитвы святилища римского времени Эклизи Бурун (к культурной атрибуции памятника).....	240
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории	297

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Зубарев В.Г., Ярцев С.В.</i> (Тула) – Новый памятник каменного века в урочище «Аджиэль» в Восточном Крыму	322
<i>Гаилов В.А.</i> (Москва), <i>Никитин А.Б.</i> (Санкт-Петербург) – Орлы на парфянских булахах из раскопок Гёбеклы-депе	347

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь) – К юбилею Андрея Владимировича Сазанова	359
--	-----

CONTENTS

<i>V.I. Kulakov</i> (Moscow) – Moons and Pendants of Special Forms Among the Southeastern Baltic Region Antiquities	5
<i>N.N. Presnova</i> (Moscow) – Construction of the Main Quadrangle of Tanais in 1 st – first half of the 2 nd Century AD	18
<i>N.V. Zavoykina</i> (Moscow) – New Data on the History of Phanagorian Society in Pre-Hellenistic Time	29
<i>O.A. Puklina</i> (Kiev) – Glass Painted Pyxis from Olbia	46
<i>N.I. Vinokurov, S.M. Krykin</i> (Moscow) – Altars for Libations to the Chthonic Deities from Thracia and the Bosphorus: the Common and the Unique.....	56
<i>M.E. Klemeshova</i> (Moscow) – Hand-Made Pottery of Polyanka Settlement in the Crimean Azov Region (the Technological Analysis).....	93
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol), <i>A.Ju. Loboda</i> (Moscow), <i>N.V. Bykovskaya</i> (Kerch), <i>E.D. Trubnikova</i> (Simferopol) – XRF-Spectroscopy of Bosporan Coin Alloys During Mithradates VI's Time.....	112
<i>A.N. Abramova</i> (Volgograd) – Morphometric Analysis of Poor Preserved Skeletal Remains (Based on Materials from the Ancient Necropolis of Volna 1, the Taman Peninsula). Part 2	125
<i>O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – Two-chamber Crypt 170 in Phanagoria.....	145
<i>G.V. Trebeleva</i> (Moscow) – On the Reconstruction of Early Medieval States Borders on the Territory of Abkhazia	163
<i>V.G. Zubarev, S.L. Smekalov, S.V. Yartsev</i> (Tula) – Adzhial Natural Boundary in the East Crimea on the Maps of 18 th – 20 th Centuries and Results of 2014–2018 Archaeological Researches	173

PUBLICATION

<i>M.Yu. Treister</i> (Berlin) – “Imports” from Central Asia and Siberia in the Burials of Asian Sarmatia of the 2 nd – 1 st centuries BC	180
<i>A.V. Lysenko</i> (Simferopol), <i>V.I. Mordvintseva</i> (Moscow) – Costume Metal Jewelry – Votives for the Eklizi-Burun Sanctuary Dating to the Roman Period (to the Cultural Attribution of Site).....	240
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – The Hellenistic Public Building on the Acropolis of Phanagoria.....	297

NEW DISCOVERIES

<i>V.G. Zubarev, S.V. Yartsev</i> (Tula) – A New Stone Age Site in the Adzhial Natural Boundary (the Eastern Crimea)	322
<i>V.A. Gaibov</i> (Moscow), <i>A.B. Nikitin</i> (St.Petersburg) – The Eagles on the Parthian Bullae from the Excavations of Göbekly-Depe.....	347

PERSONAS

<i>Yu.M. Mogarichev</i> (Simferopol) – To the anniversary of Andrey Vladimirovich Sazanov ...	359
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2019

Сдано в набор 29.11.2019. Подписано в печать 15.12.2019.

Дата выхода 30.12.2019.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.